МАРКУС ВОЛЬФ

Леонид Млечин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Маркус Вольф (1923–2006) мог стать успешным авиаконструктором, как хотел в юности. Или популярным писателем, что ему почти удалось, когда он вышел на пенсию. Этот разносторонне одаренный, яркий, волевой человек с мощным интеллектом добился бы успеха в любом деле. Но судьба привела его в мир специальных служб. Руководитель Главного управления разведки Министерства государственной безопасности Германской Демократической Республики генерал Маркус Вольф стал легендой при жизни. Однако и после его смерти осталось немало загадок. Писатель Леонид Млечин создал портрет суперразведчика на фоне драматической эпохи и недолгой истории ГДР, государства, исчезнувшего с политической карты мира.

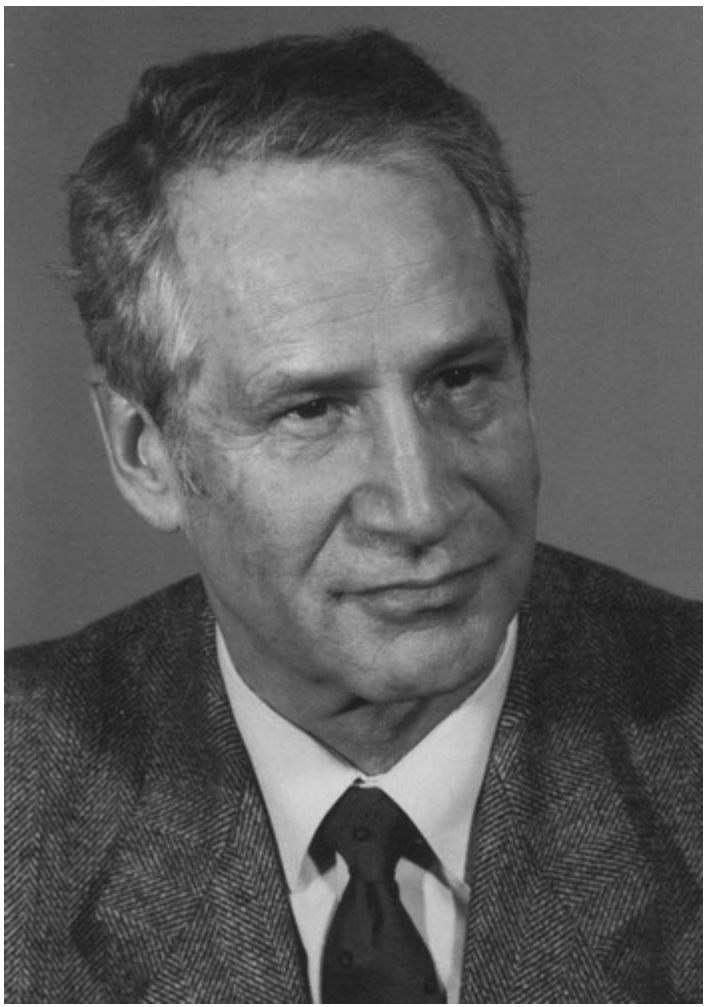
знак информационной продукции 16 +

- Леонид Млечин
  - ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЛИЦА
  - НОЧНОЙ ПОЛЕТ
  - СЫН ЗНАМЕНИТОГО ОТЦА
  - ЭМИГРАЦИЯ И ЭМИГРАНТЫ
  - РИББЕНТРОП В МОСКВЕ
  - СПЕЦШКОЛА И ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ
  - В СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ ФОРМЕ
  - ЧТО ДЕЛАТЬ С ПОВЕРЖЕННОЙ СТРАНОЙ?
  - СОВЕТСКАЯ ЗОНА
  - ПЛАН МАРШАЛЛА И БЛОКАДА БЕРЛИНА
  - ПОЯВЛЯЮТСЯ ДВЕ ГЕРМАНИИ
  - РОЖДЕНИЕ ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
  - НЕОЖИДАННОЕ НАЗНАЧЕНИЕ
  - САМЫЙ МОЛОДОЙ НАЧАЛЬНИК РАЗВЕДКИ
  - ТЯЖЕЛЫЙ РАЗГОВОР В МОСКВЕ
  - МЯТЕЖ В СТОЛИЦЕ
  - ГЛАВНЫЙ ПРОТИВНИК ГЕНЕРАЛ ГЕЛЕН
  - ТАИНСТВЕННЫЙ ТОННЕЛЬ
  - МЕТАНИЯ ОТТО ЙОНА
  - КАНЦЛЕР АДЕНАУЭР В МОСКВЕ
  - МИЛЬКЕ СТАНОВИТСЯ МИНИСТРОМ
  - БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА
  - ВОСТОЧНАЯ ГЕРМАНИЯ ОБРЕТАЕТ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ

- ВИЛЛИ БРАНДТ В ВАРШАВСКОМ ГЕТТО
- ПРОВАЛ КАПИТАНА ГИЙОМА
- МОСТ ШПИОНОВ
- ХОНЕККЕР СМЕНЯЕТ УЛЬБРИХТА
- МИНИСТЕРСТВО ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
- НЕМНОГО СЕКСА В ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ
- ДВЕ ГЕРМАНИИ НАХОДЯТ ДРУГ ДРУГА
- ИМПЕРИЯ ШАЛЬКА
- ОТСТАВКА ПО СОБСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ
- КАК РУХНУЛА СТЕНА
- АРЕСТ. СУД. ТЮРЬМА
- НЕПРИЯТНЫЕ ОТКРЫТИЯ
- ВЫСТРЕЛ В ЗАПАДНОМ БЕРЛИНЕ
- СОВРЕМЕННАЯ АТЛАНТИДА
- ИЛЛЮСТРАЦИИ
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАРКУСА ВОЛЬФА
- РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Леонид Млечин
Маркус Вольф

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЛИЦА



Черно-белая фотография запечатлела обычную на первый взгляд уличную сцену в Стокгольме. Спортивного вида мужчина в очках с затемненными стеклами, рядом с ним спутница. Для западных разведок эта фотография стала нечаянной радостью, долгожданным открытием, дорогим подарком, сенсацией. На снимке, сделанном с помощью телеобъектива, — самая мистическая и таинственная фигура европейского театра шпионских действий, можно сказать, живая легенда: руководитель Главного управления разведки Министерства государственной безопасности Германской Демократической Республики генерал Маркус Вольф.

Он больше тридцати лет руководил разведкой. 20 лет его именовали на Западе человеком без лица, потому что мировые специальные службы вообще не располагали его снимками. Все знали, что существует такой руководитель восточно-германской разведки. Но его никто не видел.

Он сознавал свое значение. Говорил о себе без ложной скромности:

— Я возглавлял успешно работавшую разведку и был превращен в некий символ. Я сделал мой образ мышления и способ работы достоянием других.

В бесконечной войне тайных служб он одерживал одну победу за другой, а по ту сторону железного занавеса и не знали, как он выглядит. Почти так же долго продержался его легендарный противник из другой Германии — генерал Рейнхард Гелен. До его выхода в отставку публиковалась только одна и та же старая фотография — первый руководитель западногерманской Федеральной разведывательной службы (БНД) в черной шляпе и темных очках.

И наконец шеф восточногерманской разведки обрел лицо! Именно в тот момент, когда его удалось опознать на случайно сделанной в Стокгольме фотографии, Западу многое стало известно о той службе, которой он руководил и чей оперативный почерк вызывал восхищение у профессионалов. Этим западные разведки были обязаны, пожалуй, самому ценному перебежчику из Восточного Берлина — бывшему обер-лейтенанту Министерства госбезопасности ГДР Вернеру Штиллеру. Он бежал на Запад 18 января 1979 года.

На следующий день у генерала Маркуса Вольфа был день рождения. Он отмечал его в Карл-Маркс-Штадте (ныне этот город носит прежнее название Хемниц). Ему доложили по телефону: в 13-м отделе (научно-техническая разведка) взломан сейф. Исчезли важные документы — донесения агентов с указанием их псевдонимов, приказы, а также спецпропуск для беспрепятственного прохода через пункт пограничного контроля на вокзале Фридрихштрассе. На вокзале, откуда ближе всего до Западного Берлина, был устроен неприметный вход, охранявшийся сотрудниками госбезопасности. Пользовались им только официальные делегации, разведчики и сотрудники МГБ. Накануне, 18 января в 21.30 пропуск был использован.

Вскоре выяснилось: на Запад ушел обер-лейтенант Вернер Штиллер, выпускник физического факультета Лейпцигского университета и сотрудник 1-го отделения (разведка в сфере атомной физики, химии и биологии военного назначения) 13-го отдела. Оказалось, он давно работал на западногерманскую

разведку (БНД), получал зашифрованные указания по радио и отправлял донесения, написанные тайнописью.

Основательно его допросив, американцы передали обер-лейтенанта западным немцам. С собой он притащил пачки документов — всё, что удалось похитить из служебного сейфа.

Обер-лейтенант Штиллер не только опознал на стокгольмской фотографии своего начальника Маркуса Вольфа, но и многое рассказал о деятельности специальной службы, которую восточные немцы в своем кругу иронически именовали: «Народное предприятие „Подслушай и хватай“».

А как же был сделан снимок, который потом обошел всю западную прессу? Это была сенсация для всех, кто интересуется специальными службами. Я тоже храню в своем архиве номер «Шпигеля», который вынес на обложку фото начальника восточногерманской разведки.

В июне 1978 года Маркус Вольф пожелал сам отправиться в логово врага. Тайно, разумеется. С дипломатическим паспортом, выданным на имя Курта Вернера, он приехал в Швецию через Финляндию. Помимо чужого имени начальник разведки присвоил себе и научную степень доктора — для солидности.

Генерал Вольф любил ездить за границу. Он предпочитал лично встречаться с агентами и, кроме того, не испытывал отвращения к буржуазной роскоши. В тот раз Маркус Вольф использовал служебную командировку, чтобы вывезти на Запад свою вторую жену, с которой заключил брак в 1976 году, а также чтобы вместе с ней закупить предметы обстановки для квартиры, осмотреть достопримечательности и позволить себе что-нибудь экзотическое для гражданина социалистической страны — скажем, посетить стриптиз-клуб.

Супружеская пара разместилась в квартире, которую снял для своего начальника резидент восточногерманской разведки, официально он состоял в штате стокгольмского посольства ГДР.

В окрестностях замка Грипсхольм около Стокгольма Маркус Вольф провел беседу с очень важным агентом. И несколько раз встречался с депутатом бундестага от социал-демократов Фридрихом Кремером, не подозревавшим о том, что разговаривает с самым главным восточногерманским разведчиком. Вольф умел устанавливать контакт с людьми, которых хотел использовать; при этом им и в голову не приходило, что их превращают в агентов.

Во время одной из встреч с депутатом Кремером в Стокгольме его и сфотографировала шведская контрразведка. Шведы не знали, кто этот мужчина в черных очках. Это была рутинная съемка сомнительных иностранцев. Фотографии шведы

передавали коллегам из других спецслужб. Похоже, контрразведчики обратили внимание на Вольфа в шведском порту, куда тот прибыл из Финляндии. Установили слежку за гостем. Они бы и не узнали, кто он, если бы один из подчиненных генерала Вольфа не решил коренным образом изменить свою жизнь.

Обер-лейтенант Вернер Штиллер перебрался в Западный Берлин тем способом, которым пользовались его коллеги по МГБ. С тяжелыми чемоданами и портфелем он 18 января 1979 года около полуночи появился на вокзале наземной городской железной дороги Фридрихштрассе. Предъявил специальный пропуск и воспользовался служебным входом, так что благополучно избежал досмотра и пограничного контроля. На станции Цоо он сделал пересадку на подземную дорогу (метро), доехал до станции Райникендорф и оказался в Западном Берлине.

В чемоданах лежали служебные документы Министерства госбезопасности ГДР. Когда Штиллер обратился в американскую комендатуру и попросил встречи с сотрудником разведки, ему не пришлось долго объяснять, кто он. Ценность перебежчика была очевидна любому профессионалу.

Вернера Штиллера вывезли из Западного Берлина на американском курьерском самолете. Он покинул Берлин, прежде чем его недавние сослуживцы спохватились и объявили тревогу. Допрашивая Штиллера, американские разведчики среди прочего показали ему и пылившийся в архиве снимок, сделанный когда-то в Швеции. И Штиллер опознал своего недавнего начальника.

В Берлине Штиллер оставил не только службу, но и жену и двоих детей. Ее не посадили, потому что она была гражданкой Венгрии. Но из Берлина вместе с детьми выслали в провинцию. Когда-то Штиллерам предоставили квартиру в ведомственном доме МГБ на Штерндаммштрассе. Министр государственной безопасности ГДР Эрих Мильке считал, что его подчиненные должны жить вместе — и подальше от чужих глаз. После бегства обер-лейтенанта всех жителей этого дома расселили.

Для генерала Маркуса Вольфа побег подчиненного обернулся, конечно же, большими служебными неприятностями. В подобных случаях в министерстве проводили служебное расследование, искали виновных, строго наказывали. Министр госбезопасности устраивал разносы, это он умел… Когда-то генерал армии Эрих Мильке и генерал-полковник Маркус Вольф были соперниками. И теперь министр не упускал случая напомнить Вольфу, что он его начальник.

Но Вольф давно научился философски относиться к провалам. Между Западом и Востоком шла настоящая война, а на

войне самые успешные полководцы несут потери. В холодную войну разведчики бежали в обе стороны, и Вольф считал, что в общем и целом счет в его пользу.

Ему было только крайне неприятно, что теперь, когда его знают в лицо, он лишился приятной возможности время от времени под чужим именем пересекать линию фронта и наведываться в столь комфортно устроенное логово классового врага.

Настоящий разведчик предпочитает, чтобы о нем ничего не знали. Но теперь генерал Вольф стал предметом пристального изучения специальных служб всего мира. И аналитиков ждало множество сюрпризов. Маркус Вольф — самый необычный из руководителей разведки, которых знала история XX столетия.

НОЧНОЙ ПОЛЕТ

Я по-своему познакомился с Маркусом Вольфом.

Прекрасно помню тот день — последний день моей первой заграничной командировки. На крутящихся стеллажах небольшого книжного киоска в токийском аэропорту Нарита синяя книжица — самый знаменитый роман британца Джона Ле Карре «Шпион, пришедший с холода». Незадолго до этого журнал «Знамя» опубликовал мою первую детективную повесть, и я жадно читал всех, кого в ослеплении юной наглости именовал «коллегами по детективному цеху».

Роман Ле Карре презрительно критиковали как «злобное антисоветское чтиво», потому запретный плод был особенно сладок. Почти четверть века Ле Карре вел частную войну против той Восточной Европы, какой она была до крушения Берлинской стены, на страницах своих книг — начав ее «Шпионом, пришедшим с холода». В СССР романы Ле Карре не переводили. Исключение сделали только для романа «В одном немецком городке», который сочли разоблачающим цинизм западной политики. Чтобы познакомиться с его книгами, надо было не только владеть английским языком, но и иметь возможность привозить их из-за границы.

Я принялся за роман, едва самолет «Аэрофлота» поднялся в воздух и взял курс на Москву. Поспешность диктовалась не профессиональным нетерпением, а более прозаической причиной. Зная особую тягу просвещенных советских таможенников к литературе, изданной за границей, я предполагал, что в Шереметьеве какой-нибудь человек в сером мундире пожелает разделить со мной радость знакомства с нашумевшим романом… Перевернув последнюю страницу еще в воздухе — благо полет из Токио был долгим, — я был удовлетворен: теперь на земле меня могли заставить расстаться с синей книжицей.

Джон Ле Карре, вообще говоря, чужой в компании авторов шпионских романов, потому что он настоящий писатель, а остальные — более или менее умелые мастеровые. Британец не удовлетворяется лихо закрученным сюжетом, он рисует характеры, потому среди детективщиков он бесспорный лидер. Детектив — всегда искусственная конструкция из ограниченного числа элементов, и авторы лишь по-разному раскладывают элементы этой мозаики. Под пером Ле Карре статичные у других конструкции оживают и кажутся жизнеспособными. Но сама конструкция остается искусственной, и рано или поздно ты натыкаешься на все жесткие углы, нащупываешь венцы, балки и

стропила, ограничивающие площадку более чем скромных размеров, на которой — всякий раз с новыми декорациями — Ле Карре пытается дать свободу своим героям.

Я считаю его выдающимся писателем. Если бы он взялся за психологическую прозу, то, возможно, добился бы больших литературных успехов, которые, впрочем, сумели бы оценить пять или шесть тысяч читателей. А его детективами наслаждаются миллионы, и я числю себя среди них.

Ле Карре создал собственный мир секретных служб, где в центре — британское ведомство, именуемое Цирком. Он вывернул наизнанку привычного героя шпионских романов и придумал Смайли — пожилого, несчастного человека, физически немощного и брошенного женой. Джон Ле Карре никогда не забывает о простых человеческих чувствах. Любовь, ревность, дружба, предательство, верность — без этого читатель забудет детектив, едва дочитав его.

Вот главный вопрос: описывая разведку и контрразведку, Ле Карре близок к истине?

Все волнующие читателя сюжеты он просто придумал! А мы охотно поверили, потому что, во-первых, ничего об этом не знаем, а во-вторых, выдуманное значительно интереснее реального.

Конечно, людям со стороны кажется, что сотрудники спецслужб то и дело оказываются в экстремальных ситуациях. Романтические персонажи из разведки или контрразведки заполняют литературное пространство, показывая всем своим видом: «вот где настоящая жизнь» — и рождая в нас комплекс неполноценности. У Василия Шукшина есть на сей счет фраза: «В детстве хотел быть шпионом». Похоже, каждый второй желает быть шпионом, и многие сохраняют это желание, даже выйдя из детского возраста…

Те, кто знает этот мир, обыкновенно молчат. Говорят и пишут те, кто обладает не столько информацией, сколько фантазией. Ле Карре, обещавший приземлить секретные службы, лишить их романтического флера, на самом деле еще больше их романтизировал. Он пишет о трагедии человека, оказавшегося в жерновах системы, — вот трагедия XX века. Но мы часто улавливаем только интригу, только приключения… Восхищаемся умением разведчика жить двойной жизнью. Но не думаем о том, что привычка к раздвоению, к постоянной лжи оказывает разрушающее воздействие на человеческую душу, убивая в ней некоторые качества, которые считаются необходимыми для нравственного здоровья человека.

Движущим мотивом агента считается любовь к родине или стремление к справедливости. А ведь агентами иностранной

разведки становятся в основном из-за денег, или боясь шантажа, или надеясь таким образом удовлетворить собственное тщеславие. Как оценить нравственность таких людей? А тех, кто покупает людей или их шантажирует?

Разведка нужна, она неотъемлемый элемент стратегической стабильности. Грубо говоря, если я твердо знаю, что сосед не собирается на меня нападать, могу не тратить деньги на оружие. Так что без разведки не обойтись… И профессиональные соблазнители по-прежнему будут выискивать тех, кто нуждается в деньгах, или замешан в каких-то грязных делах, или мечтает тайно управлять миром. А потом, хорошо им заплатив, напугав или что-то посулив, будут получать от них секретные чертежи, копии тайных стенограмм, записи закулисных переговоров. Полезная профессия. Но что в ней благородного?

Во имя чего человек может совершать поступки, расходящиеся с общепринятыми моральными нормами? Во имя родины?

Надо быть твердо уверенным в том, что, скажем, воровство или шантаж действительно оправданы служением родине или делу мира. Так было во время Второй мировой войны, когда шла борьба с фашизмом. А современная разведка больше похожа на индустриальное производство, на конвейер, где каждый выполняет одну и ту же операцию, часто не имея представления о конечной цели. Типичные технократы, их профессионализм можно ценить, но восхищаться…

Я прочитал всего Ле Карре. Каждая командировка означала новую книгу. Я нелегально импортировал Ле Карре, пока он, ненадолго опередив Александра Исаевича Солженицына, не перестал числиться злобным антисоветчиком. Когда началась перестройка, Ле Карре приехал в Москву, чтобы своими глазами посмотреть, что у нас происходит, и написал толстенный роман «Русский дом», который является официальным сообщением о прекращении огня. Джон Ле Карре решил, что его герои больше не будут выявлять козни коварных, жестоких и умных русских агентов. Ввиду исчезновения противника Ле Карре прекратил свою личную холодную войну.

Но в литературе и в памяти читателей остался созданный его воображением образ главного противника — изощренного и умелого мастера шпионажа XX столетия, описанного не без жутковатого восхищения. В романе «Шпион, пришедший с холода» Ле Карре описал леденящую кровь реальность Восточной Германии, где глава спецслужбы способен реализовать любую комбинацию. Таинственный мастер шпионажа возникает и в других романах. Автор, не зная русского языка, назвал его

Карлой.

Исследователи и поклонники творчества Джона Ле Карре не сомневаются: образ Карлы навеян историей легендарного разведчика Маркуса Вольфа.

Джон Ле Карре — литературный псевдоним. Его настоящее имя — Дэвид Джон Мур Корнуэлл. В начале шестидесятых годов прошлого века он служил в британской разведке МИ-6. Под дипломатическим прикрытием работал в Западной Германии. Главным противником британцев по ту сторону железного занавеса был Маркус Вольф.

Низенький и плотный Карла в романах Ле Карре внешне совсем не похож на высокого и спортивного Маркуса Вольфа. Но в те годы, когда будущий писатель Дэвид Джон Мур Корнуэлл еще служил в британской секретной службе, ни он, ни кто-либо другой на Западе даже понятия не имел, как выглядит глава разведки ГДР Маркус Вольф.

СЫН ЗНАМЕНИТОГО ОТЦА

Начальник Главного управления разведки генерал-полковник Маркус Вольф происходил из одной из самых известных и уважаемых в ГДР семей. Его отец, Фридрих Вольф, был писателем-антифашистом, классиком восточногерманской литературы и видным деятелем коммунистической партии. Младший брат Маркуса — Конрад Вольф, самый известный в стране кинорежиссер, завоевывал призы на престижных международных кинофестивалях и возглавлял Академию искусств.

Особенность этой семьи состояла в том, что очевидные таланты ее членов удачно дополнялись благоволением власти. Вольфов ценили как читатели и зрители, так и высшее руководство ГДР. Можно даже сказать, что семья Вольф принадлежала к истеблишменту, хотя само это слово в ту пору еще не вошло в обиход.

Генерал Вольф оставался неизвестным широкой публике, но люди знающие, конечно же, воспринимали его как сына драматурга, чьи пьесы в Восточной Германии видел, наверное, каждый, и как брата кинорежиссера, чьи фильмы всякий раз становились заметным событием в духовной жизни страны.

Сам Маркус Вольф еще и принадлежал к узкому кругу тех, кто в годы третьего рейха находился в эмиграции в Москве. За годы, проведенные в Советском Союзе, он сблизился с теми людьми, которые после разгрома гитлеровской Германии и крушения третьего рейха создавали в восточной части страны социалистическое государство. Вожди ГДР ценили разносторонне одаренного молодого человека, который вырос на их глазах. Это был очень тесный круг. Старые борцы называли друг друга на «ты» и не очень охотно продвигали новых людей. Сын Фридриха Вольфа был своим…

Фридрих Вольф родился 23 декабря 1888 года в Нойвиде-на-Рейне. Учился медицине в Гейдельберге, Тюбингене и Бонне, защитил диссертацию, работал судовым врачом. Вольф был евреем, но в ту пору в Германии этническое происхождение уже не мешало получить высшее образование.

XIX век принес немецким евреям хотя и неполное, но равноправие. Объединитель страны и первый канцлер Германии Отто фон Бисмарк это приветствовал. Евреи интегрировались в немецкое общество, верно служили стране, ведь их предки жили в Германии на протяжении столетий. Они искренне считали себя немецкими патриотами и охотно шли на военную службу.

В Первую мировую сто тысяч евреев надели серый мундир кайзеровской армии и отправились на фронт. Треть из них получила государственные награды, свыше двух тысяч стали офицерами. На фронте, защищая Германию, пали 12 тысяч солдат-евреев. Больше, чем погибло евреев во всех войнах, которые вел Израиль.

Фридрих Вольф служил военным врачом в кайзеровской армии, он приобрел бесценный опыт не только в профессиональной сфере. Четыре года изматывающей войны истощили Германию. Осенью 1918 года первыми восстали военные моряки, они требовали мира и брали власть в портовых городах. Повсюду взвивались красные флаги. Молодой военный врач обнаружил в себе общественный и политический темперамент. Фридрих Вольф вошел в созданный по российскому образцу Центральный совет рабочих и солдатских депутатов Саксонии.

В Германии вспыхнула революция. Казалось, крайне левые, как и в России, побеждают. В Москве торжествовали: наконец Европа заполыхала! Советские вожди мечтали о соединении русской и немецкой революций. Две крупнейшие континентальные державы сообща смогли бы решать судьбы всех остальных европейских стран, в первую очередь Франции, где революционные силы тоже были на подъеме.

В Берлине пламенный оратор, лидер левых социал-демократов Карл Либкнехт призывал сограждан:

— День революции наступил! Мы уже добились мира. Теперь мы должны напрячь все силы, чтобы образовать правительство рабочих и солдат и создать новый государственный строй пролетариата, строй мира, счастья и свободы.

Итогом поражения в войне и массовых протестов стало крушение монархии и создание республики. Социал-демократы отменили цензуру, разрешили свободу собраний и союзов, объявили амнистию политическим заключенным, пообещали восьмичасовой рабочий день, избирательное право для женщин, отделение церкви от государства.

Но ноябрьская революция в Германии не стала социалистической, это была буржуазная революция, и радикализм Карла Либкнехта, возглавившего компартию, не соответствовал желаниям большинства немцев.

Советы рабочих и солдатских депутатов просуществовали недолго. К огорчению Фридриха Вольфа и других левых, немецкая революция была легко подавлена. Она началась спонтанно, и не нашлось хорошо организованной и популярной партии, способной ее возглавить.

Впрочем, историки отмечают, что в Германии многое было достигнуто и до революции. Это в России не было ни свободных городов, ни сильных традиций писаного права, ни парламентаризма. И массовое сознание не было готово к более или менее органичному восприятию капиталистических ценностей. Поэтому болезненный процесс модернизации протекал в России особенно сложно и вылился в тоталитарный режим.

Германия с меньшими потерями перешла к республике. Веймарской послевоенная Германия называется потому, что 31 июля 1919 года в городе Веймаре, где когда-то творили Иоганн Вольфганг фон Гете и Фридрих Шиллер, национальное собрание приняло новую конституцию, вполне демократическую и либеральную. Такого основного закона у Германии еще не было.

Веймарская республика сохранила сложную федеральную структуру бисмарковского рейха. Страна состояла из союзных государств, земель и вольных городов. Центральное правительство занималось внешней политикой, военными делами, таможенным и налоговым законодательством. 17 земельных правительств самостоятельно ведали юстицией, правоохранительными органами, образованием, здравоохранением и вообще повседневной жизнью граждан. Самой крупной была Пруссия с населением в 38 миллионов человек — две трети населения всей Германии.

Фридрих Вольф вернулся к медицинской практике, работал в Ремшайде. Но политический темперамент не позволял ему оставаться в стороне от важных событий. Весной 1920 года он участвовал в движении протеста против так называемого капповского путча. Малоизвестный в нашей стране, этот мятеж имел большое значение для Германии и для семьи Вольф.

Видные фигуры в политическом мире Германии и в военных кругах не смирились ни с поражением в Первой мировой войне, ни с условиями подписанного в Версале мирного договора, ни с принципами Веймарской республики.

Депутат рейхстага и видный землевладелец Вольфганг Капп винил во всём социал-демократов, подписавших позорный Версальский мир. Он решил, что Германия нуждается в другой власти. Его поддержал генерал барон Вальтер фон Лютвиц. Подчиненная генералу 2-я морская бригада капитана Германа Эрхардта вступила 13 марта 1920 года в Берлин и маршем прошла через Бранденбургские ворота. Его солдаты заняли правительственный квартал. Правительство страны бежало.

Хозяином Берлина стал Вольфганг Капп. Он назначил себя рейхсканцлером и премьер-министром Пруссии, а генерала

Лютвица — военным министром и Верховным главнокомандующим. Но армия не присоединилась к Каппу. Возможно, он не был харизматичным лидером. А может быть, дело в том, что немецкие военные больше всего боятся неповиновения. Они органически не могут нарушить приказ! Имперский банк и большинство государственных служащих тоже не пожелали служить Каппу. Словом, страна не подчинилась самозваному диктатору.

Всеобщая забастовка, объявленная профсоюзами, заставила его отступить. Утром 17 марта Вольфганг Капп заявил, что уходит в отставку. Через Бранденбург он бежал в Швецию. Крайне левые пытались использовать неудачу Каппа, чтобы взять власть.

В Москве взволнованно следили за событиями в Берлине. 17 марта 1920 года Ленин писал Сталину: «Только что пришло известие из Германии, что в Берлине идет бой и спартаковцы завладели частью города. Кто победит, неизвестно, но для нас необходимо максимально ускорить овладение Крымом, чтоб иметь вполне свободные руки, ибо гражданская война в Германии может заставить нас двинуться на Запад на помощь коммунистам».

Но немецким коммунистам не суждено было взять власть в стране. Тогда Германия не приняла военного переворота ни правых, ни левых. Но страсти не угасли. Все годы до прихода к власти нацистов шла ожесточенная идейная борьба, которая быстро превратилась в войну на уничтожение.

Фридрих Вольф не остался в стороне от этих баталий. Он вступил в социал-демократическую партию Германии. Его дети выросли политическими бойцами, и это определило их будущее. В апреле 1922 года Фридрих Вольф женился на Эльзе Драйбхольц, которая стала матерью его сыновей.

Первенец, Маркус Иоганн Вольф, будущий глава разведки ГДР, родился 19 января 1923 года в небольшом вюртембергском городке Хехинген. За ним появился на свет Конрад, который станет знаменитым кинорежиссером.

Маркус и Конрад были совершенно разные. Между ними словно и не было ничего общего, даже внешне. Удивительно, что родные братья были столь несхожи между собой по характеру, темпераменту, ментальности.

«Кони был в душе мечтателем, — считал Маркус Вольф. — Выделялся своей молчаливостью. По карим глубоко посаженным под выпуклым лбом глазам трудно было понять его настроение. Он мог часами находиться в одиночестве. Часто его чувства и впечатления выливались в рисунки».

Но сами братья ощущали свое родство. Маркус и Кони всегда

были очень близки.

Германия тяжело выходила из Первой мировой войны. Из-за галопирующей инфляции деньги ничего не стоили. Людям не на что было жить. Врачу Фридриху Вольфу пациенты платили яйцами и маслом. Когда Маркусу исполнилось пять лет, семья перебралась в Штутгарт (столицу Вюртемберга), где Фридрих Вольф открыл врачебный кабинет. Он не только практиковал. Он ощутил в себе литературный дар и стал писать пьесы.

Четырнадцать лет Веймарской республики не похожи ни на какую другую эпоху в немецкой истории. Для культуры и науки это было время фантастического подъема. Но в тот момент немцы не могли этого оценить. В Берлине возникла критическая масса таланта, необычайная концентрация одаренных индивидуальностей, создававшая редкостную творческую атмосферу. Художники побуждали друг друга к работе, соревновались между собой и влияли один на другого.

Писатель Фридрих Вольф быстро завоевал популярность, и не только на родине. О нем узнали и в Советском Союзе, где в послереволюционные годы внимательно следили за происходящим в Германии.

Известный в ту пору советский поэт и драматург Сергей Михайлович Третьяков побывал у него в Штутгарте. Фридрих Вольф поразил гостя процедурами закаливания и спортивными упражнениями.

«Мне нравится этот из красной меди отлитый легкоатлет, — восторгался Третьяков. — Вот ноги, которые не утомятся отсчитать десятки тысяч шагов марафонского бега. Вот грудная клетка, которая сорвет цилиндры с любых спирометров. Такими руками можно избоксировать не одного неприятеля. Мускулы ведут свою отчетливую напряженную жизнь, между ними и кожей не легло никакого успокоительного жира».

Привычку заниматься спортом Маркус Вольф унаследовал от отца. И это ему очень пригодится в жизни. В Штутгарте Маркус пошел в школу. Оба сына писателя, Маркус и Конрад, в школьные годы стали пионерами, носили красный галстук, распространяли коммунистические листовки.

Во время совместной трапезы Фридрих Вольф преподнес советскому гостю и урок диеты. Это был не завтрак, а учеба, записал удивленный Сергей Третьяков. Когда сели за стол, он попросил соли.

— Зачем соль? — остановил его Вольф. И добавил наставительно: — Чем меньше соли, тем лучше.

В Москве в ту пору диетами не увлекались. Проблемы с продовольствием в стране победившего социализма носили иной

характер. К удивлению гостя, мяса ему тоже не предложили. Не из экономии, а по принципиальным соображениям. Как выразился Фридрих Вольф, мясо старит кишечник и отравляет организм:

— Овсянку надо есть вместо мяса, ту самую овсянку, которой начинает свой день англичанин.

На столе Третьяков обнаружил вареный рис, сырую морковь и редьку, салат и орехи, мед и йогурт, которого в Москве еще не было. Ни чая, ни кофе не полагалось. Оба напитка Фридрих Вольф занес в черный список.

— Надо есть грубомолотый хлеб, — втолковывал советскому гостю Вольф, — кислую капусту, сырую репу, виноград с косточками. Наши деды ели грубый хлеб, и их желудки работали мышцами. А мы едим хлеб мелкой муки, разваренные овощи, и наши желудки дряблы и безмускульны.

К рекомендациям доктора Вольфа Сергей Третьяков отнесся несколько иронически. Не для того он приехал в Европу, чтобы лишать себя всего приятного. Он покупал вкуснейшую колбасу в городе и тайком ее поедал…

Сергей Третьяков начинал вместе с футуристами. Выдающийся театральный режиссер Всеволод Эмильевич Мейерхольд поставил его пьесу «Рычи, Китай!» и сделал знаменитым. Третьяков поражался не только энтузиазму Фридриха Вольфа. В Германии его также удивили поклонники «свободной культуры тела». От обычных нудистов они отличались характерным для немцев интересом к спорту и добивались физического совершенства.

«Они норовят возможно большее количество времени проводить нагишом, — описывал их жизнь Третьяков, — они собираются для совместной физкультуры, совместных купаний, живут летом лагерями, имеют свои журналы. Для них прочий мир — это погрязшие „во грехе“, „одежники“ или „стыдники“, готовые потопить горстку праведников в мещанском хихике и ригористической возмущенности».

Сергей Третьяков не мог предположить, что в ГДР коммунистическая власть не станет мешать поклонникам «свободной культуры тела». Советские товарищи этого не понимали…

Фридрих Вольф демонстрировал Третьякову свои популярные книжки о здоровом образе жизни — «Долой кровяное давление», «Кто худ, тот здоров». Особенно он гордился толстенным фолиантом «Природа как врач и помощник» — о пользе здорового образа жизни. Вот как назывались главы этого труда: «Я ем то, что мне нравится», «Как мы голодаем при полном желудке», «Овсянка сильнее мяса», «Фальшивая еда — белый хлеб и белый

сахар».

Эта книга оказалась очень популярной среди немцев. В Веймарской республике в моде были спорт, туризм, диета и забота о фигуре. Идеалом красоты считалось спортивное телосложение. А книга была написана увлекательно. Советский писатель оценил фантазию Вольфа: «Действующие лица: недотепа желудок, не по своей вине набиваемый пересоленными супами, безвитаминными овощами из консервных банок, переперченным и перегорчиченным мясом, заливаемым пивом».

В 1928 году Фридрих Вольф вступил в коммунистическую партию Германии и присоединился к союзу пролетарских революционных писателей.

Компартию возглавлял грузчик из Гамбурга Эрнст Тельман — человек с открытым и простым лицом и огромными кулаками. На него сделала ставку Москва. Председатель исполкома Коминтерна Григорий Евсеевич Зиновьев говорил на встрече руководителей компартий:

— Посмотрите на Эрнста Тельмана! Все наши товарищи, которые его слышали, говорят, что они, слушая Тельмана, чувствуют при этом поступь революции.

Тельман обеспечивал единство и сплоченность партии. Тогда это казалось главным достоинством, а обернулось катастрофой. Отсутствие в партии дискуссий и привычки к анализу привело к тому, что коммунисты заняли ошибочную позицию в политической борьбе начала 1930-х годов и погибли.

Фридрих Вольф наблюдал за съездом компартии в берлинском рабочем районе Веддинг. Он начался 9 июня 1929 года с бурных оваций в честь великого вождя партии Эрнста Тельмана. Главным врагом была объявлена социал-демократическая партия. Съезд потребовал установления диктатуры пролетариата в Германии. Это был не просто лозунг. Компартия готовилась к вооруженному восстанию, шла большая конспиративная работа. Германская компартия открыто именовала себя главным союзником Советской России, не думая о том, какое это производит впечатление на соотечественников. 1 августа 1930 года коммунисты маршировали по немецкой столице под лозунгом «Красный Берлин защищает Красную Москву!».

Фридрих Вольф находился под влиянием идеологов советской пролетарской литературы. Новые драматурги, писал театральный критик того времени, привнесли в театр высокую патетику революционных битв, огневые лозунги борьбы, пламя революционной мысли, непосредственность, силу и свежесть.

Выступая на съезде Всегерманского союза рабочих театров,

Фридрих Вольф провозгласил свое творческое кредо:

— Настоящий драматург не может сегодня работать в безвоздушном пространстве или в историческом музее. Происходящее означает: «Сцена становится трибуналом!» Театр превращается в суд и совесть времени.

В 1930 году Вольф написал пьесу «Матросы из Каттаро», принесшую ему широкую славу. Не менее популярный в Советском Союзе драматург Всеволод Витальевич Вишневский, автор пьесы «Мы из Кронштадта», перевел «Матросов» для Московского театра профсоюзов. Познакомились они заочно. В феврале 1932 года советский драматург отправил немецкому коллеге письмо:

«Дорогой товарищ! Будем знакомы. Я русский пролетарский драматург. Сейчас я работаю над переводом Вашей пьесы. Так как я бывший матрос (сейчас морской командир), то в перевод вношу эквивалентный дух, запах, словечки и т. д. В ряде мест я даю театру указания о корабельном быте и помогаю им развернуть пьесу в большую социальную трагедию. Работаю я с режиссером А. Диким, который поставил „Первую Конную“, идущую третий год по всему СССР».

После войны Фридрих Вольф окажет русскому другу ответную любезность — переведет на немецкий язык сценарий Вишневского «Мы из Кронштадта», по которому в Германской Демократической Республике поставят фильм…

В пьесе Вольфа недавнего революционного матроса Вишневского увлекла не только морская тематика. Неистовый Всеволод Витальевич почувствовал родственную душу — драматург Вольф тоже жаждал прямого эмоционального воздействия на зрителя.

Критики ставили Вишневскому в упрек слабость литературного текста. Но у него было театральное чутье. Он предпочитал сотрудничать с такими непревзойденными мастерами сцены, как Александр Яковлевич Таиров и Всеволод Эмильевич Мейерхольд. В знак почтения к Вишневскому на просмотр его пьесы «Последний решительный» в театре Мейерхольда приехал нарком по военным и морским делам Климент Ефремович Ворошилов.

«Вольф пишет с необычайной легкостью и импульсивностью, — отмечал Сергей Третьяков. — У него чутье настоящего газетчика. Он издали угадывает очередную тему в воздухе современья. Перо в работу! И вещь уже готова… Вольф — драматург-газетчик, драматург-репортер, вернее, даже не репортер, а фельетонист. Я считаю это высочайшим качеством у писателя. Пьесы Вольфа прорываются на сцены буржуазных

театров в ореоле политического скандала. Они жгутся, царапаются, увечат».

И Всеволод Вишневский, и Сергей Третьяков были сторонниками такого агитационного театра. Так что когда Вольф приехал в Советскую Россию, он обнаружил немало единомышленников и почитателей. В нашей стране он впервые побывал в 1931 году, помимо Москвы съездил в Крым. Переделал одну из пьес в киносценарий для студии «Межрабпом». Выступил перед коллегами-врачами.

В июньском номере «Смены» появился посвященный ему очерк Сергея Третьякова:

«В Москве гостит Фридрих Вольф, врач и драматург. Фридрих Вольф — одна из тех фигур сегодняшней Германии, которых должна знать Советская страна.

Я жил в квартире д-ра Вольфа в Штутгарте и поражался совершенно бешеной энергии этого человека. Живой и веселый, похожий на мальчишку, несмотря на свои сорок лет, Вольф свой врачебный день расписывает на несколько недель вперед. Мне вспоминается Чехов — тоже врач и писатель в одно время. Но какая разница: как силен в этом беспокойном человеке — партиец, боец политических трибун, массовик!

Фридрих Вольф — революционный боец, которому хорошо знакомы все прелести капиталистического строя — до тюрьмы включительно. Через несколько месяцев он должен предстать перед берлинским судом по обвинению в нарушении ханжеского параграфа 218, запрещающего производство абортов. По подлой популярности с этим параграфом сегодня на земном шаре могут соперничать разве что веревки, которыми в Америке вяжут линчуемых негров, да секиры китайских генеральских палачей, рубящих головы коммунистам на улице».

Тогдашнее немецкое законодательство запрещало аборты и пропаганду противозачаточных средств. Написанная в 1929 году драма «Цианистый калий» дорого обошлась автору. Фридрих Вольф резко выступил против запрета абортов: героиня пьесы, молодая работница, гибнет из-за этого закона.

«Это заказ на ликвидацию коммуниста Вольфа, разъяснительная деятельность которого становилась опасной поповским глупостям, — писал Третьяков. — Арест Вольфа совпал с тем временем, когда римский папа издал свою энциклику — злобное и подлое циркулярное письмо, начинающееся словами: „Во имя чистоты брака“. Папа обрушивается на право женщины самой распоряжаться своим деторождением, на право работницы делать аборт и предохранять себя от беременности».

На родине доктора Вольфа арестовали. Следователь предъявил ему обвинение в том, что он прописал своей пациентке противозачаточные средства:

— Это преступление.

— Это гуманность, — возразил Вольф. — У этой женщины уже восемь детей.

— Это преступление, — настаивал следователь. — Может быть, в лице того девятого, который из-за ваших противозачаточных средств не родился, мы потеряли спасителя Германии.

Когда Фридриха Вольфа выпустили под залог, он стал отстаивать свои убеждения перед широкой аудиторией, выступал в том числе и в берлинском Дворце спорта.

— Несмотря на запрет, в Германии делают миллион абортов в год, — взволнованно говорил Вольф. — От неудачных абортов ежегодно погибает 25 тысяч женщин. 80 тысяч женщин аборты калечат! Говорят, что запрет нужен, чтобы не пал прирост населения. Так вот, в Советском Союзе, где аборты разрешены, прирост 23 на тысячу. А в Германии вдвое меньше — 12 на тысячу.

Фридрих Вольф не предполагал, что всего через несколько лет аборт станет в России уголовно наказуемым преступлением. 27 июля 1936 года появится постановление ЦИК и Совнаркома СССР «О запрещении абортов».

ЭМИГРАЦИЯ И ЭМИГРАНТЫ

В 1932 году Вольф вновь побывал в Москве. А вскоре ему пришлось и вовсе бежать в Советский Союз. Когда в январе 1933 года нацисты пришли к власти, известный драматург Фридрих Вольф, еврей по происхождению и коммунист по политическим убеждениям, быстро ощутил, что в третьем рейхе он нежелательное лицо. А вскоре стало ясно, что ему грозит настоящая опасность.

Более 37 процентов голосов (июль 1932 года) нацисты на свободных выборах не собирали. Следующие выборы в ноябре были неудачными для партии. Нацисты потеряли два миллиона избирателей и 34 мандата, но именно в этот момент они получили власть. И сразу же начали уничтожать врагов — коммунистов и либералов. Но, несмотря на запрет компартии — влиятельного соперника в борьбе за голоса избирателей, выборы 5 марта 1933 года разочаровали Гитлера. Нацисты вновь не смогли завоевать большинство и нуждались в коалиции с другими партиями.

Адольф Гитлер пошел иным путем.

Двадцать первого марта 1933 года появился президентский декрет «Об отражении коварных нападок на правительство национального подъема», позволявший наказывать за любую критику режима и самого Гитлера. 22 июня крупнейшая в стране социал-демократическая партия была объявлена враждебной государству и народу, мандаты социал-демократических депутатов аннулировались. 12 ноября состоялись новые выборы. Зачистка политического пространства и прямые репрессии дали нужный результат. Нацисты собрали 92 процента голосов.

Они образовали Министерство народного просвещения и пропаганды, которое возглавил первый секретарь столичного горкома партии Йозеф Геббельс. Он почувствовал, что немцы, которые со стороны кажутся стопроцентными материалистами, в реальности падки на пафос и высокие слова: великая держава важнее материального благополучия.

Теперь власть полностью контролировала прессу и радиовещание, о независимой журналистике не могло быть и речи. Критика или анализ действий власти исключались. Сомнение, дискуссии — всё это было забыто. Одно мнение, одна позиция, один взгляд. Несогласных отправляли в концлагерь. Люди либо утратили способность здраво оценивать происходящее, либо предпочитали помалкивать.

Новые порядки отразились и на культурной жизни страны.

Йозеф Геббельс поделил литературу на подлинно народную и на чуждую немецкому духу. Нацисты запретили творчество 149 писателей — 12 400 произведений. Министр сам составил этот список.

Душным вечером 10 мая 1933 года он устроил в Берлине сожжение книг. Вспыхнуло пламя, и в костер полетела первая пачка. Горели враги «национальной Германии», освобождая народ от порчи, открывая дорогу растущим национальным силам. Толпа одобрительными возгласами провожала в огонь книги классиков немецкой литературы:

— Против декаданса и морального разложения! За строгость и нравственность в семье и государстве! Я предаю огню сочинения Генриха Манна, Эрнста Глезера и Эриха Кестнера!

— Против искажения нашей истории и принижения ее великих героев! За благоговейное отношение к прошлому! Я предаю огню сочинения Эмиля Людвига и Вернера Хагемана!

Все ли, кто участвовал в этом, были сторонниками новой власти и разделяли программу нацистов? Нет. Но им внушили — или они поверили в то, что только таким образом можно сохранить национальную культуру, помочь народу обрести веру в свои силы и занять подобающее место в мире.

Ветер разносил по площади несгоревшие листы, бросал пригоршни пепла под ноги завороженных зрелищем берлинцев. В воздухе пахло гарью, но самое тонкое обоняние не уловило тогда запаха горящего человеческого мяса. Никто из стоявших на Оперной площади не понял, что вместе с пачками книг в костер полетела и их собственная жизнь. То, что началось с сожжения книг, для противников режима закончилось печами лагерных крематориев; для тех, кто восторженно аплодировал штурмовикам, обернулось могилами в Сталинграде; их семьи сгорели в огромных кострах Гамбурга и Дрездена, зажженных авиацией союзников…

Ни писать, ни заниматься медицинской практикой Фридриху Вольфу не было позволено. Он бежал в соседнюю Австрию. Оттуда перебрался в Швейцарию. И вовремя. Кто не уехал, оказался в концлагере. Оставшиеся в Германии еврейские родственники Вольфов погибли. Дядю Фридриха, доктора Морица Мейера вместе со всеми евреями города депортировали в Рижское гетто, которое позже было полностью уничтожено…

Полицейские и штурмовики пришли с обыском и в дом бежавшего из Германии Фридриха Вольфа. Эльзе с детьми было опасно оставаться в третьем рейхе. Друзья через Швейцарию переправили их во Францию. Воссоединившись, семейство Вольф обосновалось на острове Иль-де-Бреа у побережья Бретани в

проливе Ла-Манш. Здесь Фридрих написал свою самую знаменитую пьесу «Профессор Мамлок».

Он первым в столь яркой и впечатляющей форме показал, что творится в нацистской Германии. Мир недоумевал: что приключилось с немцами? Как может целый народ восторгаться фюрером и одобрять его политику? Кто не жил при тоталитарном режиме, не понимает, что можно сделать с человеком… И Вольф наглядно показал этот процесс трансформации обычного человека в подданного тоталитарного государства.

Разумеется, помимо фанатиков в стране были скептики. И, хотя они не могли высказать это открыто, — инакомыслящие, люди, презиравшие Гитлера и ненавидевшие нацизм. Однако страх перед концлагерем заставлял молчать. Очень трудно, почти невозможно было противостоять триумфатору Гитлеру. А пропаганда создавала атмосферу тотального восхищения фюрером, что тоже нельзя сбрасывать со счетов. Геббельсовское ведомство сообщало исключительно о победах и достижениях, о безграничной любви немецкого народа к Адольфу Гитлеру. Немецкие журналисты бессовестно лгали, а другой журналистики в стране не осталось.

Противники режима чувствовали себя изолированными одиночками. Те, кто был против нацистов или как минимум не испытывал к ним симпатии, принуждены были публично демонстрировать полную поддержку политике партии и правительства.

В первые годы нацистского правления многим казалось, что после стольких лет отчаяния и безнадежности в немецкое общество вернулись энергия и динамизм. Наконец-то у власти правительство, которое поставило Германию на ноги. Немногие были достаточно прозорливы, чтобы оценить опасность нацистской политической системы.

Для абсолютного большинства немцев восстановление национальной гордости и военной силы, отказ от Версальского мира, возвращение в состав Германии австрийских и судетских немцев было главной целью. Большинство не понимало или не хотело понять, что для Гитлера и нацистов это было только прелюдией к большой войне.

Немцы испытывали благодарность фюреру за то, что он занимается наведением порядка. После войны, когда признают его «ошибки» — мировую войну, смерть миллионов, разрушение собственной страны, — ему всё еще будут ставить в заслугу «очищение Германии», строительство автобанов и борьбу с преступностью, когда стало безопасно ходить по улицам вечером…

И еще фюрер невероятно польстил немцам. Он объявил, что только одна группа людей на земле является созидателями — это арийская раса, высокие, сильные белокурые люди с голубыми глазами. Только немцы наделены от природы гениальными способностями. Только они вправе брать на себя ответственность за развитие человечества. Гитлер аккумулировал и изложил в доступной форме идеи, которые греют душу множеству людей: уверенность в том, что они от природы лучше других. Не потому, что они совершили нечто выдающееся или наделены невероятными талантами. А потому, что в их жилах течет особая кровь.

Расовой судьбой одним предопределено управлять миром, другим исчезнуть с лица земли, провозгласил Гитлер. Все, в ком течет чуждая кровь, даже младенцы, должны быть уничтожены, чтобы освободить жизненное пространство для носителей арийской крови.

На протяжении столетий евреям запрещалось владеть землей, поэтому среди них не было крестьян. И ремесленниками они не могли стать, потому что их не принимали в гильдии. Дозволялось только торговать. И они стали очень заметны, когда развитие экономики выдвинуло на передний план торгово-финансовый сектор. Преуспевшие евреи казались завистливым людям олицетворением жестокого мира, где деньги правят бал. И не имело значения, что евреи тоже служили в армии и приумножали богатство страны. Они все равно оставались чужаками.

Антисемитскую паранойю Гитлера разделяли не все немцы. Но массированная пропаганда широко распространила нелюбовь к еврейскому населению. Немцы согласились с тем, что евреям нет места в Германии. Был и другой мотив. Немало немцев нажились на изгнании евреев, захватив их имущество. Программа ариезации в 1938 году означала, что евреев просто грабили. В масштабах страны это было незаметно, на состояние экономики не повлияло.

Нацистские власти лишили семью Вольф гражданства, имущество конфисковали, потом включили Фридриха в список разыскиваемых преступников. Он знал, где может найти убежище. В ноябре 1933 года он эмигрировал в СССР. Через полгода, в апреле 1934-го, Эльза Вольф с детьми кружным путем — через Базель, Вену и Варшаву — тоже добралась до Москвы.

В Москве поставили «Профессора Мамлока». Главную роль сыграл Евсей Осипович Любимов-Ланской, народный артист России и художественный руководитель Театра имени МГСПС. Он больше увлекался режиссурой, предпочитал современных драматургов и поставил почти все главные пьесы тех лет, но не

мог не увлечься трагической ролью унижаемого нацистами профессора Мамлока.

По пьесе Фридриха Вольфа сняли и художественный фильм, но автору он не очень понравился. Впоследствии Конрад Вольф на киностудии ДЕФА («Немецкий фильм»), созданной советскими офицерами (приказ Советской военной администрации в Германии (СВАГ) от 20 мая 1946 года) и переданной правительству ГДР в 1953-м, снимет свой вариант «Профессора Мамлока».

В Москве Фридриха Вольфа приняли восторженно. Сергей Третьяков писал: «Эмиграция по-разному отзывается на писателях. Одни ее переживают болезненно и замолкают. Другие как бы теряют прицел и ищут темы на боковых линиях. Если сравнить уход в эмиграцию с отступлением, то Вольф — это боевая часть, отступившая в самом блестящем порядке».

Сначала Фридрих Вольф остановился у охотно приютившего его Всеволода Вишневского, чье имя тогда гремело. Благодарный Вольф вспоминал советского драматурга: «Как товарищ он делал для меня всё, что мог, — шла ли речь о срочном переводе — в течение буквально нескольких ночей — моей пьесы „Флорисдорф“ для Вахтанговского театра или о том, чтобы выбить мне квартиру».

Автор «Оптимистической трагедии» был влиятельным человеком, вхожим в самые высокие кабинеты. Он взялся помочь Вольфу обустроиться в Москве. И помог! Квартирный вопрос был самым острым — нового жилья в столице почти не строили. Но немецкий драматург-антифашист получил двухкомнатную квартиру с ванной и кухней. Роскошь по тем временам! Да еще в самом центре города, в писательском доме в Нижнем Кисловском переулке, на пятом этаже.

Здесь и росли сыновья Вольфа — Конрад и Маркус, которого в России называли просто Мишей, а позже уважительно Михаилом Фридриховичем.

Ныне в Москве на доме 8 по Нижнему Кисловскому переулку установлена мемориальная доска Фридриху Вольфу и его младшему сыну Конраду Вольфу: «В этом доме жили с 1934 по 1945 год…» Третий Вольф — Маркус — не упомянут. Пожалуй, несправедливо. Маркус Вольф был по-своему не менее одарен, чем отец и младший брат. А в современной истории Германии явно сыграл большую роль.

Советская Россия стала для обоих братьев второй родиной. Впрочем, о скором возвращении в Германию никто из эмигрантов и не мечтал. Маркус получил паспорт и считал себя советским человеком. По-немецки дети говорили только дома.

«Москва всё еще оставалась „большой деревней“, в которой жизнь сохраняла черты крестьянского уклада, — вспоминал Маркус Вольф. — Шелуху от семечек сплевывали на пол, а по улицам грохотали телеги».

Мальчики привыкли к европейским нравам и не умели штурмовать переполненные трамваи, ездить на буфере и висеть на подножке. Дети Фридриха Вольфа ходили в привезенных из Германии коротких штанах, советские сверстники над ними смеялись: «Немец, перец, колбаса, кислая капуста». Зато юные Вольфы оценили московское гостеприимство, умение дружить, помогать, веселиться.

Лето Маркус проводил в пионерском лагере имени Эрнста Тельмана под Калугой. Густой лес. Рядом Ока. Волейбол, купание. Еда — гречневая каша, кисель. Меню не разнообразное, но Маркус по этому поводу не переживал.

Фридриху Вольфу выделили земельный участок в подмосковном дачном писательском поселке Переделкино и позволили построить там домик. Сын эмигрировавшего в СССР немецкого скульптора Вилли Ламмерта, Уле, жил у Вольфов в Переделкине. «Дача Вольфов была как бы островом в те времена — трагические, суровые и вместе с тем вдохновляющие, — о которых не говорили в течение двадцати лет, да и позднее боялись упоминать… — вспоминал впоследствии Уле Ламмерт. — Переделкино, особенно в летние каникулы и в солнечные воскресные дни зимой, было идиллическим местом. Мы ходили купаться на озеро или возились с вечно сломанным единственным велосипедом. Было и увлечение спортом, не заразиться им было трудно. Играли в футбол, затем увлеклись волейболом… Миша иногда часть лета проводил в пионерском лагере для детей писателей в Коктебеле».

В Москве на одной лестничной площадке с Вольфами жил авторитетный театральный критик и преподаватель Государственного института театрального искусства Борис Владимирович Алперс. Они дружили с семьей прозаика и драматурга Бориса Андреевича Лавренева; его повесть «Сорок первый» имела оглушительный успех, а пьесы «Мятеж» и «Враги» шли на театральных сценах всей страны. В Переделкине подружились и с семьей Ильи Львовича Сельвинского, очень заметного в ту пору поэта.

Сегодня, наверное, мало кто помнит эти имена. А в 1930-е годы благодаря дружбе с этими людьми семья Вольф оказалась в центре литературной жизни. Среди школьных друзей Маркуса и Конрада были дети Елены Сергеевны Булгаковой, жены Михаила Афанасьевича Булгакова. «Белую гвардию» они смотрели на сцене

— и не раз! Почти все театры и консерватория совсем рядом с домом Вольфов. Чаще всего Маркус Вольф посещал Московский художественный театр и Государственный еврейский театр, где играли Соломон Михайлович Михоэлс и Вениамин Львович Зускин.

Юный Вольф пользовался успехом у девушек. «Самый высокий и гибкий, с открытым, ясным взглядом и дивно очерченным ртом, Миша Вольф» — таким его запомнил прозаик Юрий Маркович Нагибин.

«Переделкино казалось нам идиллией, — вспоминал Маркус Вольф. — Беззаботные игры, купание в пруду, походы за грибами, танцы по вечерам, юношеская влюбленность с поцелуями при луне, катание на лыжах в новогоднюю ночь».

Дар нравиться женщинам Маркусу тоже достался от отца. Старший Вольф не чувствовал себя связанным супружескими узами и не мог удовлетвориться вниманием только одной женщины. Но брак Фридриха и Эльзы нельзя назвать неудачным. Они прожили вместе до гробовой доски.

Эльза родилась в Ремшайде. Работала воспитательницей в детском саду. Она тоже вступила в компартию Германии, так что брак был еще и союзом единомышленников. Однако же страстная натура влекла Фридриха Вольфа навстречу новым впечатлениям, и не всегда ему удавалось скрыть свои увлечения на стороне.

«Общительная и добрая, с широким кругозором, высокообразованная, — писал Маркус Вольф. — Она бегло говорила на пяти языках, хорошо играла на фортепьяно. Терпимость, спокойствие и уравновешенность — вот качества, которые, видимо, больше всего ценились окружающими в нашей матери. Конечно, ей было нелегко с отцом. Тем не менее она оставалась для отца незаменимым другом, разделявшим его политические убеждения, помощником в работе и в жизни. Даже тогда, когда его чувствами временно завладевали другие женщины».

А происходило это часто. Дамский угодник Фридрих Вольф не видел в своих увлечениях ничего особенного и недоумевал, отчего жена огорчается. Зачем делать из мухи слона? Не без укоризны писал Эльзе: «Прежде всего сразу же целую тебя! Какая ты заботливая! Если бы я всегда понимал это дома… когда ты сердишь меня! Почему всё-таки ты меня сердишь? Или отчего сержусь я??? В самом деле, не надо же зря осложнять себе жизнь, три четверти которой я просиживаю за книгами, она и так коротка!»

Возможно, Фридрих был не прав в своих упреках. Что бы Эльза ни думала об увлечениях мужа, в самые суровые времена

она оставалась рядом с ним. И многое ему прощала, приветила его дочь от другой женщины.

«Наша мать, — вспоминал Маркус, — без колебаний приняла в семью нашу сводную сестру Лену, когда в тридцатые годы ее мать, жившая в Республике Немцев Поволжья, стала жертвой сталинских репрессий».

Фридрих Вольф постоянно путешествовал. Эльза не пыталась удержать его дома, понимала, что это только разрушит их отношения. Она писала мужу: «Сейчас, наверное, твой корабль как раз выходит в рейс. У меня камень упал с сердца, когда пришла телеграмма с сообщением, что ты получил визу… Не забывай нас совсем в большом новом мире. Я много думаю о тебе. Я всегда люблю тебя; да, наверное, и не нужно больше повторять это; ты сам можешь судить об этом по тому, как я всегда была с тобой во все, порой тяжелые, времена. И я надеюсь всегда оставаться таким же верным товарищем. А пока крепко-крепко целую».

В 1936 году вспыхнула война в Испании. Фридрих Вольф попросил отправить его врачом в интернациональные бригады, объединявшие добровольцев из разных стран, которые сражались на стороне республиканцев.

Гражданская война в Испании оказала огромное влияние на Маркуса и Конрада Вольф, как и на всё их поколение. Братья с волнением следили за ходом боевых действий. Война на Пиренейском полуострове не ощущалась как чужая. Ведь это было первое сражение с фашизмом. Маркус и Конрад Вольф лучше своих советских сверстников понимали, что это такое.

В Испании социалисты и коммунисты вместе с партией республиканского союза образовали Народный фронт и собрали на выборах 55 процентов голосов. У власти в стране впервые оказались радикально настроенные социалисты.

Победа левых на выборах породила большие ожидания у рабочих. А консервативно настроенные военные воспринимали Народный фронт как троянского коня, попыткой протащить коммунизм в Испанию. Военных пугали антицерковные настроения левых. Крестьяне захватывали земли, и напуганные землевладельцы финансировали любые антиправительственные акции. Набожные офицеры решили, что придется силой подавить безбожников и анархистов.

В ночь на 18 июля 1936 года первыми подняли мятеж гарнизоны в Марокко, североафриканском государстве, которое испанцы пытались завоевать. Путчем руководил генерал Франсиско Франко. Он призвал солдат защитить родину от анархии.

Франко в 33 года стал самым молодым генералом в Европе — после Наполеона Бонапарта. В его личном деле было записано: «Является национальным достоянием, армия и страна выиграет от использования его выдающихся способностей на более высоких постах».

Франсиско Франко был маленького роста (1 метр 64 сантиметра) и болезненно худощавым, так что на военной службе ему пришлось непросто. Но он был очень хладнокровным и не позволял своим чувствам брать над собой верх. С юных лет он мечтал стать военным героем и спасителем Испании. Франко воевал в Северной Африке. Его солдаты отрезали головы захваченным в плен и убитым марокканцам и, вернувшись в казарму, с гордостью демонстрировали трофеи.

Первого октября 1936 года руководители мятежа поставили Франко во главе правительства и стали почтительно именовать каудильо (вождем). К мятежу присоединились католические районы, примерно треть страны. На стороне республики остались крупные города.

Франко понимал, что в случае провала мятежа его ждет казнь, поэтому он должен во что бы то ни стало победить. Франко взял на вооружение стратегию устрашения: не просто физически уничтожать врагов, а подавить волю к сопротивлению. А испанская история и без того полна жестокости и крови. Не было привычки к инакомыслию. Испанцы считали, что существует только одна правда, иной точки зрения быть не может.

Франко сказал одному американскому журналисту:

— Не будет никаких компромиссов. Очень скоро мои войска успокоят страну.

Журналист воскликнул:

— Тогда вам придется перестрелять пол-Испании!

Генерала Франко это не смутило:

— Повторяю: я наведу порядок любой ценой.

Фашистские вожди Адольф Гитлер и Бенито Муссолини увидели в формировании правительства Народного единства в Испании наступление международного коммунизма. Германия и Италия оказали Франко военную помощь.

Соответственно Москва заняла сторону испанских республиканцев. Поставляла Испании оружие и боевую технику. Советские военные занимали высшие командные должности в испанской армии. Добровольцев отправляли в интернациональные бригады.

Дети Фридриха Вольфа гордились отцом, жаждавшим сразиться с немецкими фашистами. Но сам Фридрих с глазу на глаз признался близкому человеку, почему он попросился в

интернациональные бригады:

— Я не хочу ждать, пока меня здесь арестуют.

РИББЕНТРОП В МОСКВЕ

Аресты немецких коммунистов, которые, спасаясь от гестапо, нашли убежище в Советском Союзе, начались в 1934 году. Их объявили немецкими шпионами. 25 июня 1937 года нарком внутренних дел генеральный комиссар государственной безопасности Николай Иванович Ежов подписал приказ № 00 439: «Для полного пресечения деятельности германской разведки в трехдневный срок точно установить и донести мне списки всех германских подданных. Начиная с 29 июня приступить к арестам всех установленных германских подданных. Аресты завершить в пятидневный срок».

Приказ означал тотальную чистку приехавших в Советский Союз немцев. А среди мнимых «шпионов» были и члены ЦК германской компартии, и простые рабочие, и сотрудники Коминтерна.

«Мы были нормальными детьми в ненормальное время, — вспоминал московские годы Маркус Вольф. — Конечно, для нас не проходило бесследно внезапное исчезновение отцов наших школьных товарищей, учителей, а позднее и наших товарищей из старших классов. Аресты, принимавшие всё больший размах, и процессы стали частью нашей жизни. Для нас всё это было необъяснимо, покрыто мраком, запутано. Чудовищные масштабы всего этого мы не могли полностью понять и спустя многие годы».

Видных политэмигрантов размещали в гостинице «Люкс» в центре Москвы. Когда начались массовые репрессии, жен и детей арестованных переселяли в кирпичный барак на заднем дворе. «Встречаясь с семьями арестованных, об их беде не говорили, — вспоминал Маркус. — Большинство полагало, что произошла ошибка, что это недоразумение, которое когда-нибудь прояснится».

В 1938 году в Москве закрыли немецкую школу имени Карла Либкнехта и международный детский дом. Гитлеровские дипломаты воспринимали их близость к зданию посольства как провокацию. Политические настроения менялись. Сталин хотел сближения с Берлином, и советская власть пошла навстречу пожеланиям германского посольства.

«Большинство детей перевели в русский детский дом, — рассказывал Маркус Вольф. — Он был значительно хуже в том, что касалось питания и размещения, а главное, дети попали там в крайне недружелюбную обстановку».

Так что через четыре года после переезда в Москву Маркус и Конрад перешли из немецкой школы в обычную, что, впрочем,

пошло им только на пользу. Это была 110-я школа имени Фритьофа Нансена. Она располагалась в старинном здании бывшей гимназии. Братья Вольф очень выделялись на общем фоне.

«Русских детей в школе училось мало, — вспоминала артистка Ольга Аросева, — в основном сыновья и дочери иностранных коммунистов-интернационалистов. Со мной учился курносый, коренастый, словно бы обрусевший немец Кони Вольф. Со временем Кони станет знаменитым кинорежиссером, создателем известного фильма „Гойя“. Одноклассником моей сестры был брат Кони — Маркус, а в школьном просторечье просто Мишка. Светловолосый, похожий на легендарного Зигфрида, с резко очерченным профилем и фигурой спортсмена».

Директор школы Иван Кузьмич Новиков сохранил старых педагогов, и учеба там многое дала будущему начальнику разведки ГДР. Но в первом диктанте на русском языке Маркус Вольф сделал 30 ошибок, так что ему пришлось всерьез заняться изучением языка, который становился для него родным. Через полгода Маркусу исполнилось 15 лет. Его приняли в комсомол. Драматург Всеволод Вишневский дал Маркусу Вольфу рекомендацию. Тем не менее на комсомольском собрании один голос был подан против, потому что отец Маркуса находился за границей.

Фридрих Вольф ждал в Москве разрешения уехать целый год. А когда наконец оказался в Европе, французы, не желавшие помогать ни республиканцам, ни франкистам, уже закрыли границу. И Фридрих не смог перебраться через Пиренеи в республиканскую Испанию. Он застрял во Франции. Писал старшему сыну из Парижа 21 января 1939-го:

«Миша, плохой у тебя папка, забыл даже о твоем 16-летии! Хотя, правда, нелегко представить себе, что тебе уже 16 лет. Как сейчас помню тебя на своих руках, милый розовый комочек с шелковой светлой головкой. А ведь именно поэтому нужно было бы твоему плохому папе помнить об этом дне. Ну не сердись, старина, а прими сердечный поцелуй ко дню рождения.

Говорят, теперь ты получишь собственный советский паспорт и станешь настоящим гражданином великого советского народа. С этим тебя тоже нужно поздравить. А чтобы ты еще лучше понимал, что это значит, хочу тебе немного рассказать, как выглядит положение здесь, на Западе, и как обстоят дела с теми странными существами, которых, хотя они существуют, вроде бы и нет. Это сотни тысяч эмигрантов без документов…

Вам там хорошо. Вы на подъеме, мальчики, и не знаете, к вашему счастью, ничего другого — ни экономических кризисов,

ни безработицы, ни локаутов. Как раз поэтому вы, молодежь, должны постоянно знать, как живется другим молодым людям здесь, на Западе. Конечно, в магазинах много хороших вещей, и они даже не очень дороги. Но по существу, рабочий здесь не имеет права голоса…

Что касается Ленушки, нашей маленькой плутовки, то здесь у тебя права и обязанности старшего брата. Ты можешь и отшлепать ее, когда она не захочет тебя слушать…

Я еще помню тот зимний день в Хехингене, когда ты, маленький карапуз, появился на свет… Мама кусала мою руку, так больно ты ей делал. Теперь мне нравится об этом вспоминать, и хотелось бы пережить это еще раз. Оставайся молодцом, мой взрослый мальчик».

Писатель-антифашист Фридрих Вольф отсутствовал в Москве в августе 1939 года, когда в СССР прилетел нацистский министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп и в Кремле подписал договор с главой советского правительства и наркомом иностранных дел Вячеславом Михайловичем Молотовым.

Двадцать четвертого августа «Правда» писала: «Дружба народов СССР и Германии, загнанная в тупик стараниями врагов Германии и СССР, отныне должна получить необходимые условия для своего развития и расцвета». Немецкие эмигранты читали главную партийную газету и не верили своим глазам.

«Многим невыносимо видеть на первой странице „Правды“ фотографию Сталина вместе с нацистским министром иностранных дел Риббентропом, — вспоминал Маркус Вольф. — Во время ответного визита Молотов стоит рядом с Гитлером».

Разговаривая с Иоахимом фон Риббентропом, Сталин был любезен и добродушно-шутлив. Когда они закончили дела, прямо в кабинете Молотова сервировали ужин. Сталин произнес неожиданный для немцев тост, в котором сказал, что всегда почитал Адольфа Гитлера:

— Я знаю, как сильно немецкий народ любит своего фюрера, и потому хотел бы выпить за его здоровье.

Потом Сталин произнес тост в честь рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера как гаранта порядка в Германии. Читая потом отчет Риббентропа о визите в Москву, нацистские лидеры были потрясены: Гиммлер уничтожил немецких коммунистов, то есть тех, кто верил в Сталина, а тот пьет за здоровье их убийцы… Альфред Розенберг, один из идеологов нацизма, который в 1941 году возглавит Министерство по делам восточных оккупированных территорий, записал в дневнике: «Большевикам уже впору намечать свою делегацию на наш партийный съезд».

Немецкие эмигранты в Москве не знали о существовании еще

и секретных протоколов к пакту Молотова — Риббентропа. Но они были потрясены самим фактом почти дружеского общения советских и германских вождей. 30 ноября 1939 года Сталин в интервью французскому информационному агентству «Гавас» назвал Францию страной, «выступающей за войну», а нацистскую Германию — страной, «отстаивающей дело мира».

В 1939 году у Гитлера и нацистской Германии не было лучшего друга и защитника, чем Молотов. Его раздраженные слова о «близоруких антифашистах» потрясли советских людей, которые привыкли считать фашистов врагами советской власти. Молотов с трибуны Верховного Совета СССР распекал соотечественников, не успевших вовремя переориентироваться:

— В нашей стране были некоторые близорукие люди, которые, увлекшись упрощенной антифашистской агитацией, забывали о провокаторской роли наших врагов.

Он имел в виду Англию и Францию. Именно эти страны — а вовсе не гитлеровская Германия! — считались агрессорами.

— Эти люди, — продолжал Молотов, — требуют, чтобы СССР обязательно втянулся в войну на стороне Англии против Германии. Уж не с ума ли сошли эти зарвавшиеся поджигатели войны? (*Смех в зале.)* Если у этих господ имеется уж такое неудержимое желание воевать, пусть воюют сами, без Советского Союза. *(Смех. Аплодисменты.)* Мы бы посмотрели, что это за вояки. *(Смех. Аплодисменты.)*

Из газет исчезли нападки на Германию, стали писать о благотворном воздействии германского духа на русскую культуру. Посол граф Фридрих Вернер фон Шуленбург докладывал в Берлин: «Советское правительство делает всё возможное, чтобы изменить отношение населения к Германии. Прессу как подменили. Не только прекратились все выпады против Германии, но и преподносимые теперь события внешней политики основаны в подавляющем большинстве на германских сообщениях, а антигерманская литература изымается из книжной продажи».

Всё происходящее живо обсуждали писатели, соседи Вольфов по квартире и даче. Прозаик Евгений Петрович Петров (он погибнет в войну) жаловался:

— Я начал роман против немцев — и уже много написал, а теперь мой роман погорел: требуют, чтобы я восхвалял гитлеризм — нет, не гитлеризм, а германскую доблесть и величие германской культуры…

Запретили оперу композитора Сергея Сергеевича Прокофьева «Семен Котко» из-за упоминания германской оккупации Украины во время Первой мировой войны. Либретто велели переделать.

Автором либретто был Валентин Петрович Катаев, известный своим романом «Белеет парус одинокий». 23 июня 1940 года состоялась премьера оперы в новой редакции, более приятной для германских друзей.

На русский язык перевели книгу германского канцлера XIX века Отто фон Бисмарка, считавшего войну с Россией крайне опасной. В Большом театре поставили оперу Рихарда Вагнера, любимого композитора Гитлера. И мальчишки распевали частушку на злобу дня:

Спасибо Яше Риббентропу,
что он открыл окно в Европу.

Во второй раз Риббентроп прилетел в Москву в конце сентября 1939 года. «Я нашел у Сталина и Молотова дружеский, почти что сердечный прием», — вспоминал имперский министр иностранных дел. 28 сентября Молотов и Риббентроп подписали второй договор — «О дружбе и границе». Слово «дружба» применительно к нацистской Германии для немецких коммунистов звучало как святотатство.

Для ратификации советско-германского договора вновь собрали сессию Верховного Совета. 31 октября Молотов произнес речь в защиту гитлеровской идеологии:

— Английские, а вместе с ними и французские сторонники войны объявили против Германии что-то вроде идеологической войны, напоминающей старые религиозные войны… Такого рода война не имеет для себя никакого оправдания. Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с ней войной. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за «уничтожение гитлеризма», прикрываемая фальшивым флагом борьбы за «демократию».

В декабре 1939 года страна отмечала юбилей Сталина. Канцлер германского рейха Адольф Гитлер прислал ему поздравление: «К дню Вашего шестидесятилетия прошу Вас принять мои самые сердечные поздравления. С этим я связываю свои наилучшие пожелания. Желаю доброго здоровья Вам лично, а также счастливого будущего народам дружественного Советского Союза».

Иоахим фон Риббентроп поздравил Сталина отдельно: «Памятуя об исторических часах в Кремле, положивших начало повороту в отношениях между обоими великими народами и тем

самым создавших основу для длительной дружбы между ними, прошу Вас принять ко дню Вашего шестидесятилетия мои самые теплые поздравления».

Вождь ответил министру: «Благодарю Вас, господин министр, за поздравление. Дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной».

Вся эта переписка была опубликована в «Правде». Немецкие коммунисты были потрясены. Но то, что последовало потом, превзошло худшие ожидания. В 1940 году на германо-советской границе в районе Бреста сотрудники НКВД передали гестапо несколько сотен арестованных чекистами немецких коммунистов. Все эти люди искали в Советском Союзе спасения от третьего рейха.

Впоследствии секретарь ЦК СЕПГ Курт Хагер за закрытыми дверями рассказывал советским коллегам, что, по их подсчетам, Сталин выдал Гитлеру 400 немецких коммунистов. Среди них была Маргарет Бубер-Нойман, вдова Хайнца Ноймана, второго человека в ЦК компартии Германии. Его самого расстреляли в Москве в 1937 году. Маргарет просидела в Советском Союзе за решеткой несколько лет, прежде чем ее отдали гестаповцам.

А что чувствовали тогда братья Вольф? О чем говорили, оставшись одни?

«Мы с Кони, — вспоминал Маркус, — обсуждали всё то, чего не могли постигнуть, что улавливали из разговоров взрослых. Аресты, договор с гитлеровской Германией, снятие с репертуара фильма о Мамлоке».

Антифашистская пьеса Фридриха Вольфа тоже оказалась не ко двору в новой идеологической обстановке. А сам Фридрих застрял во Франции. Он писал из Парижа известному американскому журналисту Луису Фишеру в Нью-Йорк: «Здесь положение для нас становится всё более трудным, фактически невыносимым, для меня (поскольку немецкая квота эмиграции уже превышена) остается единственная возможность — выхлопотать льготную визу в США. Такую визу уже получили несколько известных писателей. Для этого необходимо официальное приглашение американского учебного заведения для чтения лекций или что-нибудь аналогичное. Дорогой Луи Фишер, помогите мне оттуда, если это возможно, и помогите как можно быстрее!!! НЕ суньте это письмо не в тот карман, ответьте мне побыстрее, по возможности со следующим пакетботом! Очень жду вашего ответа!»

Поехать в Америку не получилось. А когда началась Вторая мировая война, Фридриха Вольфа как немца интернировали.

Третьего сентября 1939 года, через день после нападения немецких войск на Польшу, Франция объявила Гитлеру войну, но не спешила переходить к боевым действиям. Так что первыми начало войны ощутили не нацисты, а немецкие эмигранты, те, кто бежал во Францию от Гитлера. Всех, кто прибыл из Германии, французы сочли нежелательными элементами, подозревая в них нацистских шпионов.

Седьмого сентября по всей стране были расклеены объявления: «Иностранцы в возрасте от 17 до 50 лет, прибывшие из враждебной страны, должны явиться на сборные пункты. С собой иметь одеяло, предметы личной гигиены и продукты на двое суток».

Немецких эмигрантов отправляли в лагеря. За колючей проволокой оказалось примерно 25 тысяч немецких и австрийских эмигрантов! Среди них были известные писатели, художники, артисты, архитекторы, ученые, в том числе лауреат Нобелевской премии по медицине Отто Мейергоф.

Фридриха Вольфа поместили в лагерь, где находился и крупнейший немецкий писатель Лион Фейхтвангер. Тот был в шоке: когда он приехал во Францию, его торжественно встречали, газеты писали о нем уважительные статьи, его принял президент республики, сказав, что это честь для Франции — оказать ему гостеприимство. А теперь Фейхтвангера просто загнали за колючую проволоку. Условия в лагере нельзя было назвать очень суровыми. Вольф продолжил писать. Но самое страшное состояло в том, что его могли выдать немцам. Французы проиграли войну и спешили угодить оккупационным властям.

Жена с помощью всё того же влиятельного Всеволода Вишневского выхлопотала ему советский паспорт. И тем самым спасла от смерти. Заполняя анкету желающего принять гражданство СССР, Фридрих Вольф заполнил ее по-русски: Вольф Фридрих Максимович. Национальность: немец-еврей. Прописан в Нижнем Кисловском переулке, дом 8/2, кв. 20, телефон К-2–68–52.

Пятнадцатого марта 1941 года Фридрих Вольф прибыл из Франции в Советский Союз вместе с группой политэмигрантов. Добирались они долго — через Италию, Югославию, Венгрию. Въездную визу ему выдало советское постпредство в Виши. Этот город временно стал столицей той части Франции, которая еще не была оккупирована немецкими войсками. Если бы дело с возвращением затянулось до начала Великой Отечественной войны, приехать в СССР Вольф бы уже не смог и почти наверняка бы погиб. Сидевший с ним в одном французском лагере немецкий коммунист Герман Аксен в 1942 году был передан гестапо и

отправлен в концлагерь Аушвиц (Освенцим), затем в Бухенвальд и чудом остался жив.

В марте 1941 года жена и дети встречали Фридриха Вольфа на Киевском вокзале. Они не виделись три года. После возвращения он на радостях повел детей в славившийся грузинской кухней ресторан «Арагви».

СПЕЦШКОЛА И ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

Маркус Вольф окончил школу с отличием, и его без экзаменов приняли в Московский авиационный институт. А куда же еще стремиться спортивному юноше, как не в небо? Если не летать самому, то по крайней мере строить самолеты. После первой сессии многие студенты отсеялись. Маркус, получивший прекрасную подготовку в школе, учился успешно. Но тут началась война.

Для страны это была трагедия. Но для немецких антифашистов в Москве по крайней мере всё стало на свои места: гитлеровцы опять враги, с которыми идет борьба не на жизнь, а на смерть. Вермахт наступал стремительно. Осенью 1941-го Маркус и его друзья обсуждали, что делать, если немецкие войска возьмут Москву. Собирались уходить в партизаны. Но Маркуса эвакуировали вместе с институтом в Алма-Ату. Он остался единственным юношей на курсе, остальных призвали в армию. Немцев не призывали, им не доверяли.

Восьмого сентября 1941 года появилась директива № 35 105 Ставки Верховного главнокомандования, в соответствии с которой из Красной армии изъяли «военнослужащих рядового и начальствующего состава немецкой национальности». Некоторые немцы всеми правдами и неправдами старались остаться в действующей армии, они выдавали себя за евреев и мужественно сражались на фронте.

В столицу Казахстана отправили и родителей Маркуса. «Трехнедельная поездка по железной дороге была кошмаром, — рассказывал он. — Отец заботился об Анне Ахматовой, которая ехала, обессиленная и больная, в нашем же поезде».

Но могло быть много хуже. Он же был немцем.

«Когда в ноябре 1941 года мы эвакуировались из Москвы в Казахстан, — вспоминал Маркус, — то на перроне, посреди Голодной степи, встретились с составами, везшими немцев Поволжья. Меня тоже чуть было не отправили из Алма-Аты, куда был эвакуирован авиационный институт, где я учился, в кзыл-ординскую Голодную степь. Лишь свидетельство о деятельности моего отца по заданию Главного политического управления Красной армии спасло меня от этого: был аннулирован штемпель в моем паспорте, который предписывал мне проживание лишь в пределах Кзыл-Ординской области».

Во враги зачислили всех советских немцев. Через два месяца после начала войны Сталин решил выселить немцев из европейской части России. 28 августа 1941 года вышел указ

Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»: «По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов никто из немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям не сообщал, — следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов советского народа и советской власти… Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить всё немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы».

Советских немцев (а их насчитывалось почти полтора миллиона) наказали безвинно. Автономную Советскую Социалистическую Республику Немцев Поволжья ликвидировали. У немцев отобрали дома, мебель, скот; их погрузили в эшелоны и отправили в Казахстан, Красноярский и Алтайский края, Омскую, Новосибирскую области. 6 сентября приняли отдельное постановление «О переселении немцев из г. Москвы и Московской области». Всем давали сутки на сборы.

В Алма-Ате, куда эвакуировали столичные киностудии, Маркус Вольф подрабатывал на киносъемках в качестве каскадера — как опытный парашютист. Но авиастроению он учился недолго. Его судьбу изменила срочная телеграмма, состоявшая из одной фразы: «Обратитесь в ЦК КП(б) Казахстана для получения содействия в поездке в Уфу в распоряжение ИККИ. Вилков».

Константин Федорович Вилков был начальником управления кадров Исполкома Коммунистического интернационала (ИККИ), объединявшего коммунистов всего мира. С этой телеграммы началась новая жизнь Маркуса Вольфа. Меньше чем через десять лет этот человек, мечтавший строить самолеты, станет начальником разведки крупного европейского государства.

Азы будущей профессии Маркус Вольф постигал в годы Второй мировой войны в спецшколе Коминтерна, которую открыли в поселке Кушнаренково, в Башкирии. Школу разместили там потому, что аппарат Исполкома Коминтерна, когда немцы подступили к Москве, эвакуировали в Уфу. Как и руководство немецкой компартии во главе с Вильгельмом Пиком и Вальтером Ульбрихтом.

В столице Башкирии, о которой прежде Маркус и не слышал, он не задержался. На пароходе по реке Белой его отправили в Кушнаренково. Под школу Коминтерна отдали бывшую усадьбу. В

суровую зиму вырубили прекрасную аллею старых дубов, которая вела через овраг к усадьбе.

В спецшколу зачислили всего сто курсантов. Маркус Вольф был горд, что и на него пал выбор. Лекции, семинары, военная подготовка, приемы конспирации. Поначалу курсантам школы Коминтерна разрешили сообщить родственникам свой адрес с припиской «Сельскохозяйственный техникум № 101», но потом по соображениям секретности переписку запретили.

Как и в обычной разведшколе, всем дали псевдонимы. Маркус Вольф стал Куртом Ферстером. Обращаться друг к другу можно было только по новому имени. Рассказывать о себе, о своем прошлом, называть настоящую фамилию категорически запрещалось.

В комнате, где поселили Вольфа, размещались 15 курсантов. Около каждой кровати тумбочка. В центре комнаты — круглый стол. Его соседями оказались в основном испанцы. Рядом с кроватью Вольфа стояла кровать немца Вольфганга Леонгарда. Его мать была осуждена за «контрреволюционную троцкистскую деятельность» (сидела в лагере, потом отбывала ссылку), но на отношении к Вольфгангу это не сказалось. Тогда справедливость репрессий против врагов социализма и у него самого сомнений не вызывала. Впоследствии Вольфганг Леонгард, поработав в аппарате ЦК СЕПГ и Высшей партийной школе, сбежит из ГДР на Запад и напишет книгу «Революция отвергает своих детей», где подробно расскажет о школе Коминтерна в Башкирии и о Маркусе Вольфе, который к тому времени станет знаменитостью.

Утром курсантов будил звонок. Строились по национальным группам — испанцы отдельно, немцы отдельно. Старший группы по-военному докладывал начальнику школы о личном составе, и все отправлялись на спортплощадку — зарядка, гимнастика, упражнения на турнике, бег. Спорту в школе Коминтерна придавалось большое значение.

Кормили хорошо, обильно. На еду и вообще на условия курсанты не жаловались. А было бы плохо, тоже никто бы и слова не сказал, проявления недовольства исключались. Советский Союз приютил их, советские люди в трудные военные годы делились с ними всем, что имели, и нечестно было бы претендовать на привилегии.

В школе учились немцы, австрийцы, судетские немцы, испанцы, чехи, словаки, поляки, венгры, румыны, болгары, французы и итальянцы. Каждая группа готовилась вести партизанскую войну в своей стране. Кроме них обучалась еще одна группа, находившаяся в полной изоляции в отдельном домике за оградой, — корейские коммунисты. Никто их не видел,

но о них все знали.

За месяцы, проведенные в школе, курсанты проработали историю компартии Германии и историю ВКП(б), разобрались в причинах крушения Веймарской республики и обстоятельствах прихода к власти Адольфа Гитлера, оценили положение в нацистской Германии и ход войны, вникли в политэкономию, исторический материализм и диалектический материализм.

Нацизм как теория и практика изучался на занятиях тщательно и серьезно с использованием первоисточников. В негативном плане на занятиях говорилось и о коммунистических отступниках — от Льва Троцкого, «предателя и агента гестапо», до исключенных из компартии Германии ее недавних руководителей-леваков Рут Фишер и Аркадия Маслова (родившегося в России).

У каждой группы был свой преподаватель. Руководителем немецкой группы назначили холодного и беспощадного Пауля Ванделя, чью фамилию в спецшколе переиначили в Класснер. Он работал в Коминтерне помощником самого Вильгельма Пика, который после ареста Тельмана стал председателем компартии Германии. В ГДР Пауль Вандель сделает карьеру — станет первым министром народного образования, потом послом в народном Китае и, наконец, заместителем министра иностранных дел.

Помогал Ванделю, который жил в Советском Союзе с начала 1930-х годов, Бернхард Кёнен, пожилой рабочий, менее искусный в политических и идеологических хитросплетениях. НКВД его арестовал перед войной, в заключении он потерял глаз, потом был выпущен. В ГДР он станет первым секретарем отделения партии в Саксонии-Ангальт. В 1953 году поедет послом в Прагу.

Особое место в учебном процессе занимал практический курс, который именовался «Политические вопросы современности». Курсантов учили методике ведения подпольной работы в третьем рейхе. Им предстояло создавать так называемые «народные комитеты» — тайные антинацистские организации.

Курсанты сами составляли учебные листовки (в том числе учились их печатать подручными средствами) и критически разбирали реальные листовки, выпускавшиеся Главным политуправлением Красной армии для солдат вермахта.

Много времени курсанты проводили в библиотеке. Туда среди прочего присылались пронумерованные секретные бюллетени, которые предназначались для советского идеологического аппарата: обзоры зарубежной прессы и иностранного радиовещания. Взяв такой бюллетень, полагалось расписаться в особом журнале. Зато курсанты в отличие от обычных советских граждан имели возможность узнавать, что

происходит в мире.

Отдельно в школу пересылались из ГлавПУРа подборки подобранных на поле боя писем немецких солдат и офицеров на родину и писем из Германии на фронт. Был еще один секретный бюллетень, представлявший особый интерес для курсантов-немцев, — переводы официальных материалов нацистской Германии: декретов, законов, речей нацистских лидеров.

Учились курсанты и тактике партизанской войны. Стреляли из винтовки и пистолета, маршировали по плацу. Иногда их будили по ночам сиреной и проводили учения. Курсанты, знакомые с военным делом, особенно те, кто успел поучаствовать в гражданской войне в Испании, говорили, что учеба далека от жизни.

С раннего утра и до обеда курсанты слушали лекции. После обеда у них был час свободного времени. Потом начинались семинары и самостоятельная работа — до полуночи. Воскресенье считалось свободным днем, но выходить за территорию лагеря было нельзя, равно как выпивать или заводить романы.

Развлечения ограничивались товарищескими вечерами, на которых старшие коммунисты делились своими воспоминаниями. Маркус Вольф сразу обратил внимание на одну из курсанток — голубоглазую блондинку Эмми Штенцер, дочь депутата рейхстага от коммунистической партии Франца Штенцера, убитого в 1933 году в первом нацистском концлагере Дахау.

Ее мать держали в мюнхенской тюрьме Штадельхайм, потом отпустили. В августе 1934 года она с тремя дочками прибыла в СССР. Работала на Первом подшипниковом заводе в Москве. Потом ее арестовал НКВД, а девочек поместили в Первый интернациональный детский дом в Иванове. Таков был удел многих немецких коммунистов-политэмигрантов. Они бежали в Советский Союз от гестапо, а оказывались на Лубянке как «немецкие шпионы».

Эмми Штенцер было тогда 19 лет. В отличие от Маркуса Вольфа она путалась в теории. Зато ловко создавала на бумаге подпольные организации и — любопытная черта — хранила в памяти все прегрешения товарищей по группе. Такой она и запомнилась учившимся с ней немцам.

Новый 1943 год курсанты встретили в скудно обставленной и холодной столовой. Столы по случаю праздника накрыли скатертью. Угощались компотом из тыквы и крепко заваренным чаем. Читали революционные стихи. Это был их последний год в школе и последний год существования Коминтерна.

Шестнадцатого мая 1943 года курсантам сообщили, что Коминтерн распущен. Школу закрыли. Курсанты сдали экзамены

и получили различные назначения. Предполагалось, что курсантов-немцев отправят в германский тыл. Все, кого туда отправили, погибли.

В СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ ФОРМЕ

Маркус Вольф, вернувшись в Москву, тяжело заболел малярией. Выздоровев, узнал о новом и неожиданном назначении. Его не отправили в тыл врага и не откомандировали в распоряжение 7-го отдела ГлавПУРа для пропаганды в войсках противника или для работы среди военнопленных. Он был принят в секретный «Институт 205».

Научно-исследовательский институт № 205 при ЦК ВКП(б) создали на базе отдела печати и радиовещания распущенного Исполкома Коминтерна.

Штаб мировой революции, Исполком Коминтерна превратился в Министерство по делам компартий с мощным аппаратом и колоссальным документооборотом. Когда Коминтерн распустили, без работы из сотрудников Исполкома никто не остался. Институт № 205 подчинялся Отделу международной информации ЦК ВКП(б), созданному по решению политбюро 27 декабря 1943 года.

Заведовал отделом болгарский коммунист Георгий Димитров, недавний глава Коминтерна, заместителем ему назначили опытного партийного аппаратчика Дмитрия Захаровича Мануильского. Отдел должен был заменить распущенный Коминтерн, то есть наладить связи, в том числе конспиративные, с иностранными компартиями.

Директором Института № 205 стал эмигрировавший в СССР из занятой немецкими войсками Праги Бедржих Геминдер. В Исполкоме Коминтерна он руководил отделом печати, а после войны станет секретарем ЦК и руководителем международного отдела компартии Чехословакии. В институте работали более двухсот человек.

Институт вел радиовещание на пятнадцати иностранных языках, а также издавал закрытые бюллетени о ситуации в оккупированных странах и о движении сопротивления. Для этого выписывали сотни газет и журналов из четырех десятков стран, ни у кого в Москве не было такого широкого доступа к иностранной прессе. Кроме того, институт занимался радиоперехватом. Каждый день для высшего начальства готовился закрытый обзор иностранного радиовещания.

Существовавшие в составе института радиостанции выдавали себя за нелегальные передатчики подполья.

«Своей первоочередной задачей в области пропаганды в нынешней ситуации считаем организацию действенной радиопропаганды на заграницу, — писал Георгий Димитров

секретарям ЦК ВКП(б), — и наши главные силы посвящены выполнению этой задачи».

Маркуса Вольфа определили диктором на радиостанцию «Дойчер фольксзендер» — «Немецкая народная радиостанция, голос национального движения за мир».

Работая в Москве, Маркус мог видеться с родителями. Фридрих Вольф сам часто выступал по радио, как и другие немецкие писатели, эмигрировавшие в Россию, — Вилли Бредель, Иоханнес Бехер, Эрих Вайнерт.

Всеволод Вишневский писал в начале войны: «Встречаюсь с боевыми немецкими писателями-антифашистами. Глаза горят: „Рот фронт, геноссе!“ Вот Фридрих Вольф — автор популярнейшего у нас, и в Англии, и в США „Профессора Мамлока“. Пишет, не разгибаясь, нужные материалы. А человек едва оправился после мучений и избиений во французском концлагере Вернет, где прожил более семнадцати месяцев. „Меня, — говорит Вольф, — спасли советские товарищи… Все мои силы, вся жизнь — для СССР“».

Помимо Института № 205, где работал Маркус, в военной Москве существовало еще два столь же секретных ведомства.

Научно-исследовательскому институту № 100 поручили готовить к заброске во вражеский тыл партийных работников — политэмигрантов, а также помогать партизанам-антифашистам в соседних странах и заодно готовить нелегальный аппарат для работы после войны. Институт отвечал также за курьерскую и радиосвязь с компартиями. Радиопередатчики находились в Щелкове. Радистов для компартий готовили в Пушкино. Производственно-экспериментальная лаборатория в Москве снабжала нелегалов надежными документами.

В подмосковном Красногорске создали лагерь для «перспективных» военнопленных, большей частью офицеров вермахта, решивших сотрудничать с советской властью. Они писали листовки и статьи для издававшейся на немецком языке газеты «Фрайес Дойчланд» («Свободная Германия»), Призывали недавних боевых товарищей, солдат и офицеров вермахта, бросать оружие и сдаваться в плен.

Работой среди военнопленных занимался еще один обломок Коминтерна, Научно-исследовательский институт № 99. В него тоже взяли полсотни бывших сотрудников Исполкома, директором стал Михаил Васильевич Козлов, прежде работавший в хозяйственно-оперативном управлении ИККИ. Институт ведал Национальным комитетом «Свободная Германия», готовил военнопленных для использования по каналам 7-го отдела ГлавПУРа, занимавшегося разложением войск противника,

выпускал газеты на венгерском, итальянском и румынском языках. Воинские части из этих стран вместе с вермахтом сражались против СССР.

Национальный комитет «Свободная Германия» появился после разгрома немецких войск под Сталинградом. Решение о создании антифашистского немецкого комитета было принято Сталиным 12 июня 1943 года. Президентом комитета сделали поэта Эриха Вайнерта, автора гимна интернациональных бригад, воевавших в Испании. Осенью при комитете образовали Союз немецких офицеров, в него вошли четыре с половиной тысячи пленных, среди них 60 генералов и один генерал-фельдмаршал — Фридрих Паулюс.

Адольф Гитлер присвоил Паулюсу высшее воинское звание генерал-фельдмаршала за день до того, как командующего взяли в плен советские солдаты. Адъютант Паулюса сделал запись в его военном билете. Но положенный ему жезл и новенькие погоны сдавшийся в плен генерал-фельдмаршал получить не успел.

На рассвете 31 января 1943 года советские солдаты ворвались в сталинградский Центральный универмаг. Верхние этажи были разрушены, дом выгорел, но в просторном подвале скрывались немецкие генералы во главе с командующим 6-й полевой армией Фридрихом Паулюсом.

«Паулюс лежал на кровати, когда я вошел, — рассказывал один из советских офицеров. — Он был в шинели и в фуражке. На щеках двухнедельная щетина. Похоже, он начисто утратил мужество».

Последнее убежище генерал-фельдмаршала больше походило на отхожее место, чем на штаб командующего армией. Повсюду грязь, человеческие экскременты, зловоние… Немцы боялись выходить на улицу и справляли нужду прямо в подвале. Спальню Паулюса отгородили ширмой.

У схоронившихся в подвале офицеров вермахта еще оставалось личное оружие. Могли застрелиться. Но предпочли этого не делать. Взявшие их в плен советские офицеры презрительно говорили, что генерал-фельдмаршал Паулюс и его офицеры явно не хотели отдавать свою жизнь за Германию.

А выпущенные из подвала немецкие генералы с изумлением разглядывали взявших их в плен советских солдат. «Немцы, — вспоминал один из помощников Паулюса, — ободранные, в тонких шинелях поверх обветшалой форменной одежды, с запавшими, небритыми лицами. Солдаты Красной армии — полные сил, в прекрасном зимнем обмундировании. Это был облик победителей. Я был поражен и другим. Наших солдат не били и не расстреливали. Советские солдаты — среди развалин

разрушенного немцами города — вытаскивали из карманов и предлагали немецким солдатам свой кусок хлеба, папиросы и махорку».

В роли начальника оперативного управления Генерального штаба сухопутных войск Фридрих Паулюс с мая 1940 года участвовал в разработке всех планов вермахта, в том числе нападения на Советский Союз. В январе 1942-го он принял 6-ю армию. В мае получил рыцарский крест.

После взятия Сталинграда фюрер планировал вернуть Паулюса в Ставку. Его ждал пост начальника штаба оперативного руководства вермахтом. Генерал стал бы ближайшим советником фюрера по военным делам. Капитуляция Паулюса привела Гитлера в бешенство:

— Какую легкую жизнь он себе устроил! Настоящий мужчина обязан застрелиться подобно тому, как раньше полководцы бросались на меч, если видели, что дело проиграно. Он мог войти в вечность, в бессмертие нации, а предпочел отправиться в Москву… Паулюс в ближайшее время выступит по русскому радио, вот увидите. Запрут в подвал с крысами, и тут же заговорит…

После нападения Германии на СССР Международный комитет Красного Креста предложил организовать обмен списками военнопленных, чтобы они могли известить родных о своей судьбе, писать им письма. А Красный Крест снабжал бы пленных продовольственными посылками. Но Москва предложение отвергла.

Редкое исключение было сделано для бывшего командующего 6-й немецкой армией. С санкции комиссара госбезопасности 3-го ранга Амаяка Захаровича Кобулова, заместителя начальника управления НКВД по делам военнопленных и интернированных, на запрос Международного комитета Красного Креста 20 февраля 1943 года был дан телеграфный ответ: «Паулюс жив, здоров, чувствует себя прекрасно. Почтовый адрес — Союз Советских Социалистических Республик, лагерь военнопленных № 27».

Гитлер избегал родственников, чтобы его не донимали просьбами и жалобами. Он привечал только родную сестру Паулу, сводную сестру Ангелу и ее детей — Лео Раубаля и Гели Раубаль. Причем с племянницей Гели у него был настоящий роман, в результате которого она покончила с собой… Племянник фюрера, лейтенант Лео Раубаль, служил в вермахте и под Сталинградом попал в плен.

Считается, что Гитлер хотел выручить из плена Паулюса и был готов обменять его на сына Сталина — старшего лейтенанта Якова Джугашвили, находившегося в немецком плену с июля

1941 года. Но советский вождь, переступив через отцовские чувства, ему отказал. На самом деле фюрер Паулюса возненавидел, а обменяться предложил родственниками: лейтенанта Раубаля на лейтенанта Джугашвили. Так что приписываемая Сталину фраза: «Я солдат на маршалов не меняю» — миф.

Третьего февраля 1943 года, на следующий день после окончания Сталинградской битвы, самый яркий публицист Великой Отечественной Илья Григорьевич Эренбург, статьи которого на фронте читали и перечитывали, писал в «Красной звезде»: «Немцы называют окружение „котлом“. Что же, большой сталинградский котел откипел. Но немцам теперь приходится привыкать к окружениям: котлов и котелков довольно много, и в каждом из них варятся немцы. Мы теперь тоже кое к чему привыкли: мы привыкли бить немцев оптом, и это дело мы доведем до конца».

В Берлине служба госбезопасности СД готовила для высшего начальства информационные сводки о положении в Германии. В те дни СД фиксировала упаднические настроения среди немцев, сообщала, что члены партии перестают носить партийные значки и встречать друг друга партийным приветствием. В сводке от 4 февраля 1943 года говорилось: «В обществе господствует убеждение, что Сталинград стал переломным моментом в войне… Широкие круги населения пребывают в глубоком пессимизме».

Сомнения в правоте фюрера и в окончательной победе рейха жестоко карались. В 1943 году немецкие суды каждую неделю выносили сотню смертных приговоров за «пораженческие настроения». После Сталинграда рейх был обречен. И количество желающих сотрудничать с советской властью возросло.

Генерала артиллерии Вальтера фон Зейдлиц-Курцбаха, который в 6-й армии Паулюса командовал 51-м корпусом и тоже попал в плен, Наркомат внутренних дел и Главное политуправление Красной армии поставили в сентябре 1943 года во главе Союза немецких офицеров, призывавших своих бывших сослуживцев по вермахту «прекратить бессмысленную войну».

Генерал фон Зейдлиц выступил 17 октября 1943 года по московскому радио и призвал немецких офицеров принудить Гитлера подать в отставку и отвести армию в Германию.

Двадцать шестого апреля 1944 года в Германии генерала фон Зейдлица заочно приговорили к смертной казни. В Советском Союзе его судьба сложилась тоже не очень удачно. 19 мая 1944 года кандидат в члены политбюро, секретарь ЦК и начальник ГлавПУРа Красной армии Александр Сергеевич Щербаков распорядился присматривать за руководителями Национального

комитета «Свободная Германия», потому что они строят нежелательные для Москвы планы:

— Генерал Зейдлиц представил несколько документов. В них предлагалось объявить Национальный комитет немецким правительством и дать тем самым ему возможность вести работу как временному правительству или полуправительству. Нужно, чтобы они работали на победу Красной армии и не допускать, чтобы они нас использовали.

Сталин еще не решил, кто и как будет управлять Германией после войны, и не хотел, чтобы кто-то решал это за него.

В Красногорске создали антифашистскую школу для военнопленных. Учили их три месяца. Помимо советских офицеров лекции читали немецкие коммунисты. Прошедших курс отправляли на фронт — выступать перед частями вермахта с помощью громкоговорящих установок. Этим занимался и отец Маркуса Вольфа. Летом 1943 года Фридрих Вольф, как уполномоченный Национального комитета «Свободная Германия», призывал по громкоговорителю солдат вермахта прекратить сопротивление — вместе со сбитым под Сталинградом лейтенантом Генрихом фон Айнзиделем, правнуком канцлера Бисмарка.

Фридрих Вольф писал жене Эльзе 2 октября 1944 года: «Как у вас дела? Ты всё еще усердно работаешь в своем музее? А Миша — диктор высшего класса и дипломат? С тобой ли Лена? Как она выглядит? Что поделывает Коничка? Передай, что папа крепко его целует. Он должен быть где-то под Киевом! Когда я здесь вижу молодых лейтенантов, то сразу вспоминаю о нем! Сообщи Кони: моя полевая почта 19 640».

Конрад Вольф служил в Красной армии. 27 декабря 1942 года военный комиссар Москвы подписал приказ о призыве на действительную военную службу юношей 1925 года рождения. Конрада Вольфа назначили переводчиком седьмого отделения политотдела армии, занимавшегося пропагандой среди войск противника. Он переводил на немецкий язык листовки, их сбрасывали с самолета над расположением частей вермахта. Кроме того, на машине, на которой устанавливалась громкоговорящая установка, Конрад подъезжал как можно ближе к позициям вермахта и обращался к немецким солдатам. В ответ, как правило, те открывали огонь.

Седьмые отделы на всех фронтах укомплектовывали лучшими германистами. Называли их так — «седьмые люди». Как писал один фронтовик, «седьмые люди» слыли самыми интересными собеседниками, самыми просвещенными и осведомленными.

Конечно, для сына Фридриха Вольфа во всём сделали исключение, начиная с того, что зачислили в действующую армию. Но и ему постоянно напоминали, что он немец. 10 февраля 1944 года Конрад Вольф записал в дневнике: «Утром состоялось совещание. Когда вошел Калашник, он, оглядев присутствующих, вскользь заметил, что Вольф может не присутствовать. Я, конечно, немедленно удалился, и, скажу прямо, у меня всё нутро кипело от злости. Получается так, что когда решаются более-менее секретные вопросы, то мое присутствие нежелательно. Чем я заслужил такое недоверие, я не знаю, но, во всяком случае, это глубоко оскорбило меня!»

Михаил Харитонович Калашник был начальником политотдела 47-й армии. Что же полковник Калашник хотел скрыть от лейтенанта Конрада Вольфа? Судя по воспоминаниям самого Калашника, речь шла о подготовке 47-й армии к наступлению в составе 2-го Белорусского фронта. Полковник проводил партийные активы, собирал своих подчиненных, чтобы «обеспечить авангардную роль коммунистов и комсомольцев в боевых действиях». Надо полагать, начальник политотдела не мог преодолеть внутреннее недоверие к немцу, хотя тот и носил советскую военную форму… Калашника ждала большая карьера. После войны он станет генерал-полковником и заместителем начальника ГлавПУРа.

В октябре 1944 года Фридрих Вольф прислал из Москвы младшему сыну письмо, которое Конрад показал старшему брату. Слова отца произвели сильное впечатление на Маркуса, и он часто будет на них ссылаться: «Если в жизни возникают трудные ситуации, когда никто не может ни посоветовать, ни помочь, то нужно мужественно самому принять решение в соответствии со своей совестью и твердо пойти до конца. Величайшее мужество — это гражданское мужество, то есть способность защищать свои убеждения по всем принципиальным вопросам и отстаивать свое мнение! Конечно, иногда это может вызвать нелюбовь мелких душонок, но в конечном счете это — самое правильное, и непоколебимые никогда в этом не раскаивались».

Осенью 1944 года Маркус Вольф женился на Эмми Штенцер. Она тоже выезжала на линию фронта и на немецком языке с помощью громкоговорящей установки обращалась к солдатам вермахта. Во время обстрела ее ранило.

Маркус Вольф пришелся по душе руководителям компартии Германии. Его каждую неделю приглашали на совещания, проходившие в кабинете Вильгельма Пика в гостинице «Люкс». Там он познакомился и с другими вождями партии, которые сыграют важную роль в его судьбе, — с Вальтером Ульбрихтом и

Антоном Аккерманом. Подававшего надежды молодого человека приметил самый деятельный и влиятельный лидер немецких коммунистов Вальтер Ульбрихт, он неизменно отличал Маркуса Вольфа и после войны.

Второго мая 1945 года всё семейство Вольф отправилось на Каменный мост и вместе со счастливыми москвичами радовалось двадцати четырем залпам салюта над Кремлем. С третьим рейхом было покончено. Начиналась новая жизнь, и можно было вернуться на родину.

Первыми, еще до капитуляции вермахта, в Германию отправились три бригады. Группа Ульбрихта — десять человек — на советском самолете, это был американский транспортный «Дуглас», прилетела в разбомбленный Берлин еще 1 мая. Группа Антона Аккермана на следующий день прилетела в Дрезден. Группа Густава Соботки (бывший председатель профсоюза угольщиков, соучредитель Национального комитета «Свободная Германия») — в Мекленбург. Вильгельм Пик полетел позже. 4 мая его принял Сталин и долго с ним беседовал.

Вслед за передовой группой в Берлин отправился и Маркус Вольф. 27 мая они с женой прибыли в столицу поверженной и оккупированной страны. Маркусу было 11 лет, когда он приехал в СССР, и 22 года, когда он вернулся в Германию. Долгое время он воспринимал Москву как родной город. «Вначале я чувствовал себя ужасно странно, — описывал он свои берлинские впечатления. — Люди на улице говорят по-немецки».

Встреча с Германией оказалась совсем не такой, как он ожидал. Маркус Вольф наивно полагал, что немцы будут рады освобождению от Адольфа Гитлера и нацистского режима и восторженно встретят своих избавителей. Всё оказалось иначе.

По пути в Берлин самолет, в котором летели Вольфы, сделал промежуточную посадку в Минске. Столица советской Белоруссии была практически полностью разрушена. Но и немецкие города лежали в руинах. Везде царили голод и опустошение.

«Круг над Берлином, — вспоминал Маркус Вольф. — Улица за улицей, район за районом — всё полностью разрушено, ничего, кроме пустых коробок, и только по движению транспорта по расчищенным улицам можно понять, что внизу Берлин, а не макет, скомпонованный рукой переборщившего декоратора. Центра города больше не существует… За нами пришел автобус. Началась поездка через мертвый Берлин. Напрасно мы высматривали хотя бы одно относительно уцелевшее здание. Всё, буквально всё разрушено, безнадежно разрушено. Наверняка было бы рентабельнее построить новый город, чем убрать отсюда груды развалин».

Вальтер Ульбрихт распорядился, чтобы Маркус работал на радио. Тот не хотел — журналистика не его сфера, но Ульбрихт велел делать, что приказано. В реальности судьбу Маркуса Вольфа определила Москва. Еще в марте 1945 года заведующий отделом международной политики ЦК Георгий Димитров и его первый заместитель Александр Семенович Панюшкин представили руководству партии записку о политической работе в Германии. Назвав среди важнейших направлений радиопропаганду, отметили: «Для работы в радиоредакции рекомендуется М. Вольф».

Дом радио в Шарлоттенбурге находился в британском секторе оккупации на Мазурен-аллее, в одном из немногих зданий, сохранившихся в Берлине. 5 июля начальник Седьмого управления Главного политуправления Красной армии генерал-майор Михаил Иванович Бурцев отчитался перед ЦК партии: «Создана и работает 20 часов в сутки Берлинская радиостанция».

В свою очередь, политотдел советских оккупационных войск доложил в Москву: «Единственный в Берлине „Радиодом“, из которого проводятся радиопередачи на всю Германию, находится под постоянным контролем сектора пропаганды и цензуры. Сектор пропаганды и цензуры разрабатывал план политической пропаганды радиостанции, на основании которого работники „Радиодома“ строили рабочий план. Цензор просматривает перед каждой радиопередачей очередные материалы и их визирует».

Маркус Вольф писал родителям: «Сегодня я точно в срок прибыл в Дом радио. Здесь на ближайшее время будет мое рабочее место. Я совершенно не представляю, с чего начать. В Доме радио нас шестеро немцев и один советский майор на 600 человек „из старых“. Вычистить можно, к сожалению, лишь малую часть, так как многие, даже большинство, здесь нужны…

На днях пошли первые автобусы и трамваи. Уже вошли в строй большие участки метро, городская электричка. В многочисленных ресторанчиках есть пиво, с сегодняшнего дня даже девятиградусное, цена 50 пфеннигов. Вчера, в воскресенье, можно было подумать, что войны и не было. Спортивные праздники, на каждом шагу рестораны, кабаре, варьете с пестрыми программами и танцами.

Жители Берлина вообще не поняли, что Германия — побежденная страна и что все они несут свою долю вины за разбойничью войну и преступления… Они не понимают, что здесь и только здесь немецкому народу дается возможность возрождения».

Сразу после войны знаменитый немецкий писатель Эрих Мария Ремарк написал «Тени в раю», пожалуй, самый печальный

свой роман. Пока шла война, эмигранты жили надеждой. Вот победят Гитлера, морок нацизма растает без следа, они вернутся в свою любимую Германию, и всё будет по-прежнему. Когда война кончилась, стало ясно: той страны, о которой они мечтали, не существует. Прошлого не вернуть. И возвращаться некуда.

Нацистский режим не был случайностью. Гитлера поддержали не единицы, а чуть ли не весь народ. Вермахт капитулировал. Но нацисты и те, кто их поддерживал, кто сражался за третий рейх, остались. Как жить рядом с людьми, которые преданно служили Гитлеру, воевали за него и отправляли на смерть евреев?..

ЧТО ДЕЛАТЬ С ПОВЕРЖЕННОЙ СТРАНОЙ?

Немцы охотно приняли нацистскую идеологию. 18 февраля 1943 года министр народного образования и пропаганды Йозеф Геббельс выступил в Берлинском дворце спорта с большой речью. Он призвал немецкий народ к тотальной войне.

— Я спрашиваю вас, — кричал в микрофон министр, — готовы ли вы стать опорой фюреру до тех пор, пока победа не будет в наших руках? Готовы ли вы и весь немецкий народ работать, если потребуется, по 10, 12, а то и по 14 часов в сутки? Готовы ли вы напрячь все свои силы и дать Восточному фронту людей и оружие, которые нужны, чтобы нанести большевизму смертельный удар? Хотите ли вы тотальной войны?

И после каждого вопроса, риторически задаваемого министром пропаганды, возгласы одобрения сотрясали стены Дворца спорта. Тысячи людей, сидевших в зале, послушно повторяли: «Да!» После окончания речи раздались долго не смолкавшие аплодисменты. Самодовольный Геббельс записал в дневнике: «Идиоты! Если бы я сказал им, что надо прыгнуть с третьего этажа, они бы послушались».

Имперский министр народного образования и пропаганды упивался своей властью над толпой. Он считал себя выдающимся манипулятором людскими душами. Но нацистская пропаганда производила впечатление, пока вермахт одерживал победы. Когда Красная армия начала ломать хребет вермахту, риторика Геббельса свелась к примитивным лозунгам: «Нацию, желающую быть свободной, поработить нельзя!», «Любые жертвы ради свободы!», «Не думай о тяготах, думай о великой цели!», «Тяжелые времена, упорный труд, крепкие сердца».

Всё, что могли сделать в Берлине, — утаивать от немцев поражения. Слушать передачи иностранного радио, «западную пропаганду», запретили. Нацистские министры просили сделать для них исключение.

— Просто отвратительно, — возмущался Геббельс, — как много высших чиновников пытаются доказать мне, что их работа просто остановится, если они не получат разрешение. У меня они получают отказ.

Министр пропаганды делал всё, чтобы Германия знала как можно меньше о реальном положении на фронте. С неподражаемым цинизмом говорил:

— Очень хорошо, что люди, которым приходится регулярно

выступать перед массами, свободны от знания неприятных новостей. Это придает им больше уверенности в себе.

Самого Геббельса неприятные новости пугали. Он внушал своим подчиненным:

— Я ничего не хочу слышать. Я ничего не хочу видеть. Я ничего не хочу знать. Я знаю, что происходит, и вам незачем мне об этом говорить. Не разрушайте мои нервы. Мне нужна уверенность, чтобы продолжать работать.

Конечно, репрессивный режим, подавлявший любое инакомыслие, критику и сомнения, позволил Геббельсу манипулировать общественным мнением. Но решающую роль в политике Германии играли не военно-экономические расчеты, а привитое немцам националистическое, расистское мировоззрение. Нацисты уверяли, что враги по своему развитию намного ниже немцев. Гитлер пренебрежительно говорил, что русский народ, по-видимому, уже на 70–80 процентов состоит из монголов. Обещал:

— Я растопчу это восточноазиатское отродье.

Немцам так долго внушали: вы лучшие, что они в это поверили. Ощутив свое превосходство и исключительность, они превратили идеологические утопии в практическую политику. Ради расширения жизненного пространства устроили мировую войну. Во имя торжества расовой идеологии уничтожали другие народы.

Есть еще одна страница истории, приоткрытая исследователями только сейчас. Речь идет об убийстве 250 тысяч заключенных концлагерей в самом конце войны. Причем убивали их простые немцы. Не по приказу, а по собственному желанию.

Отступая под напором Красной армии, немецкие власти эвакуировали концлагеря. Не хотели, чтобы узники обрели свободу. Рассчитывали, что заключенные еще пригодятся. Гнали их на Запад. Началось это в январе 1945-го. Первыми эвакуировали заключенных из Майданека и Освенцима, построенных на территории Польши. Это были марши смерти. И не только потому, что заключенным не позволили собрать даже их скудные пожитки и они шли в холод по снегу без одежды и обуви. Гнали их теми же дорогами, по которым бежали от Красной армии части вермахта и немецкое гражданское население. И страх, который испытывали сами немцы, они вымещали на заключенных.

Конечно, тон задавали эсэсовцы. В Восточной Пруссии, в 50 километрах от Кёнигсберга (ныне Калининград), разъяренные и испуганные одновременно, они вывели три тысячи узников концлагеря Штутгоф на берег Балтийского моря и всех

расстреляли.

Через неделю узников гнали уже по территории рейха. И в каждой деревне на дороге оставались трупы. Убивали узников местные жители. Тысячи, десятки тысяч немцев приняли участие в расправе над беззащитными людьми, которые не то что сопротивляться — бежать не могли! Если они пытались скрыться во время налетов авиации союзников, их вылавливали местные жители, передавали военным и полиции и тут же расстреливали.

Крестьяне с охотничьими ружьями соглашались подменить уставших охранников, а потом словно сходили с ума и устраивали охоту на узников, как на диких животных. Известны случаи, когда узников загоняли в барак и забрасывали гранатами.

Немцы участвовали в преступлениях не оттого, что им трудно жилось, и не в силу врожденной жестокости, а просто потому, что их приучили ненавидеть «чужих». Конечно, есть разница. Одно дело стоять в толпе и аплодировать Гитлеру, другое — самому стать частью машины уничтожения. Но если внушить себе, что перед тобой враг, а враг должен быть уничтожен, то в конце концов не имеет значения, с какой степенью жестокости исполняется указание. Ты делаешь неприятное, но нужное стране дело. Так, наверное, они себе говорили.

Через несколько дней пришли союзники. Похоронили убитых узников с военными почестями. Заставили местное население присутствовать на траурной церемонии. У всех было объяснение: «Нас заставили — партийные секретари или гестапо». В реальности они действовали по собственной инициативе.

В последние недели существования третьего рейха государственная машина рассыпалась. Власть перешла на самый низший уровень. Руководители местной администрации сами решали, что делать с узниками концлагерей, внезапно оказавшимися в их полной власти. И вот вопрос: почему гражданские люди, бургомистры городов и деревень, проявили такую жестокость, а множество самых обычных граждан приняло участие в убийствах?

Они ощущали себя не палачами, измывавшимися над беззащитными людьми, а солдатами на передовой, которые защищают арийскую расу. Даже когда им перестали приказывать убивать и мучить! Когда уже некому стало приказывать! Они продолжали исполнять свою миссию. Отнюдь не все были монстрами от рождения. Многие хотели сделать карьеру, отличиться. Что же определяло их поведение: сознание принадлежности к избранным, ощущение власти над людьми или страх показаться слабаком?.. Всё вместе взятое и толкало к совершению преступлений. Местные начальники — бургомистры,

партийные секретари — считали, что, убивая чужаков в полосатых робах, они исполняют задачу государственной важности.

— Тот, кто считает национальный социализм только политическим движением, — внушал согражданам Адольф Гитлер, — тот ничего не понял. Национальный социализм — это больше чем религия. Это стремление к формированию нового человека.

Исторического времени третьему рейху было отпущено немного. Но в какой-то степени задача создания нового человека была решена. Система растлевала не только сотрудников госбезопасности и членов партии, но и целый народ.

Война пришла на немецкую землю, и теперь рассчитаться за преступления режима пришлось всем немцам. Им предстояло испытать то, что по их вине пережила вся Европа и больше других Советский Союз. Партийные секретари призывали держаться до последнего. Но гражданское население бросало дома и, сложив имущество на повозки, двигалось на Запад. Маленькие дети и старики погибали от холода. Колонны вермахта небрежно сбрасывали повозки с вещами в придорожные канавы. Приказ командования — очистить дороги, чтобы обеспечить армейским частям свободу передвижения.

Оставаться немцы боялись. Боялись красноармейцев, которые будут мстить за весь тот кошмар, который немецкая армия принесла на их землю, за невиданную войну на уничтожение Советского Союза.

Тридцатого апреля Адольф Гитлер покончил жизнь самоубийством. В политическом завещании он назначил гросс-адмирала Карла Дёница своим преемником на посту главы государства и Верховного главнокомандующего. 1 мая Дёниц выступил по радио с обращением к немецкому народу. Он провозгласил лозунг «Спасти немцев от уничтожения большевизмом!» и потребовал от вермахта продолжить вооруженную борьбу на Востоке, чтобы население Германии избежало «порабощения и гибели».

Последние битвы Второй мировой войны стали для немцев самыми кровавыми. Поражения 1944 года обошлись Германии почти в два миллиона человек убитыми. За первые пять месяцев 1945-го погибли еще почти полтора миллиона немцев. Это не считая жертв среди мирного населения.

Разгром третьего рейха был крахом идеологии, основанной на расовой теории. Вместе с убежденными нацистами в пламени войны горели и те, кто сам не участвовал в преступлениях режима, однако позволил ему существовать.

Немцы в большинстве своем не могли и не хотели разорвать узы, связавшие их с правящим режимом. Государственная политика — захватнические войны и концлагеря — возмущала немногих. Лишь единицы по моральным и религиозным соображениям считали гитлеровский режим преступным.

Вместе со смертью Гитлера в мае 1945 года на территории Германии исчез и сам режим. Еще вчера говорили о том, что немецкий народ будет сражаться за идеалы национального социализма, что нацисты уйдут в подполье, но не покорятся… И всё это оказалось блефом. Немецкие войска капитулировали, немцы прекратили сопротивление и с присущей им аккуратностью и педантизмом стали сотрудничать с оккупантами, со вчерашними врагами.

На следующий день после капитуляции Германии даже ближайшие соратники Гитлера стали клясться, что отнюдь не разделяли его бредовых идей. Казалось, национальный социализм — всего лишь глупое недоразумение. Исчез фюрер, исчезло всё: нацистское государство, войска СС, концлагеря, гестапо, факельные шествия, вскинутые в приветствии руки.

Но представления немцев о жизни нисколько не изменились. Теперь они считали себя жертвами: «Нас всегда все ненавидели!» Они не ощущали вины и нисколько не сочувствовали жертвам нацизма. Прибывших из России немецких коммунистов воспринимали враждебно — как пособников оккупантов.

Конрад Вольф вернулся в Германию в форме советского офицера. В Халле Конрада попросили выступить в местном университете. Когда он вошел в аудиторию, на доске было написано: «Предатель Родины».

Братья Маркус и Конрад Вольф наконец-то встретились в столице поверженной страны. Младший из братьев 29 мая 1945 года сообщал родителям: «В двух словах: я в Берлине и работаю корреспондентом в местной газете „Берлинер цайтунг“. Всё случилось очень быстро и неожиданно для меня. Меня вдруг вызвали к Мельникову, а оттуда направили сюда… Видите, мои дорогие, как резко судьба бросает человека из одной стороны в другую. Я ведь до сих не имел (да и сейчас не имею) ни малейшего представления о работе корреспондента, а мне приходится носиться по городу на мотоцикле и собирать материал. Во всяком случае, я постараюсь не осрамиться, хотя мне нелегко».

Вскоре на родину вернулись и родители — Фридрих и Эльза Вольф. Маркус обосновался в Шарлоттенбурге в западной части Берлина, а его родители — в Панкове, в восточной. Ездили братья на мотоциклах — самый удобный транспорт в разрушенном

городе. Они оба с волнением следили за новостями. Решалась судьба поверженной Германии, а следовательно, и их собственная.

Пятого июня 1945 года представители правительств стран-победительниц подписали «Декларацию о поражении Германии и взятии на себя верховной власти правительствами четырех союзных держав». Страну поделили на четыре оккупационные зоны — советскую, американскую, британскую и французскую.

Шестого июня Совнарком утвердил положение о Советской военной администрации по управлению советской зоной оккупации в Германии (СВАГ) — «для осуществления контроля за выполнением условий капитуляции». Главнокомандующим группой советских оккупационных войск в Германии, созданной 9 июня из трех фронтов — 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского, и одновременно главноначальствующим СВАГ стал маршал Георгий Константинович Жуков. Он тяготился этой службой и ждал приказа вернуться в Москву. 26 марта 1946 года его сменит генерал армии Василий Данилович Соколовский (его первый заместитель по общим вопросам), а в марте 1949-го — генерал армии Василий Иванович Чуйков, который до этого был замом у Соколовского. Численность аппарата СВАГ составила 15 тысяч человек.

Летом 1945 года в Потсдаме собрались руководители стран-победительниц. Сталин, американский президент Гарри Трумэн и премьер-министр Уинстон Черчилль втроем решали, что делать с разгромленной Германией.

Шестнадцатого августа Трумэн захотел осмотреть разрушенный Берлин. То же сделал и Черчилль. Британский премьер провел полчаса на развалинах имперской канцелярии. Глядя на развалины, произнес:

— Вот что было бы с нами, если бы они победили.

Советский вождь приехал в Берлин позже остальных, вечером 16 августа, на поезде. Говорили, что его задержали дела. Возможно, он просто хотел подчеркнуть свою значимость. Англичане и американцы изумились количеству сталинской охраны. Он появился в Потсдаме в сопровождении тысяч солдат войск НКВД. Западные дипломаты решили, что у советского вождя паранойя.

Американский посол в Советском Союзе Аверелл Гарриман любезно поздравил Сталина с победой:

— Вы дошли до Берлина. Рады?

— Чего радоваться? — с деланым безразличием ответил Сталин. — Император Александр дошел до Парижа.

К новому американскому президенту Гарри Трумэну, который

сменил в Белом доме умершего в апреле Франклина Рузвельта, Сталин сам приехал знакомиться. Американские дипломаты заметили, что советский вождь постарел. Он медленно двигался, говорил мало и тихо. Трумэн попытался обратиться к Сталину фамильярно — «дядя Джо», но понял, что этого не следует делать.

Гарри Трумэн считал, что большинство проблем — результат непонимания. Нужно встретиться — «лицом к лицу» — и обо всём спокойно договориться. С детства Трумэн гордился своей способностью договариваться с людьми.

Американский президент появился в Потсдаме в превосходном настроении. Морское путешествие доставило ему удовольствие. Показывали кино, нашлись партнеры для игры в покер. Он много гулял по палубе и думал, что со Сталиным поладит. Из Потсдама американский президент писал жене: «Сталин мне нравится. Он прямой человек».

Сталин уверенно заявил, что Гитлер на самом деле жив и скрывается где-то в Испании или Аргентине. Повторил свое обещание принять участие в войне против Японии.

Гарри Трумэн пригласил Сталина пообедать. Вождь с удовольствием остался. Подавали суп со шпинатом, жареную печень и бекон, запеченную свинину, картофель, фасоль, хлеб, джем, фрукты и пирожные. От сигары Сталин отказался, а калифорнийское вино оценил.

Когда Гарри Трумэн и Иосиф Сталин прощались, было много рукопожатий и пожеланий крепкого здоровья и благополучного возвращения домой. Но больше они не виделись. Это была их единственная встреча.

Большая тройка договорилась полностью уничтожить германскую военную промышленность, распустить все нацистские учреждения, объяснить немецкому народу, что он сам виноват в своем бедственном положении, и реконструировать германскую политическую жизнь на демократической основе.

«Несмотря на теплые чувства, которые мы испытывали к маршалу Жукову и генералу Соколовскому, нас держали на расстоянии вытянутой руки, — вспоминал американский генерал Уолтер Беделл Смит. — У нас не было возможности для неформального общения, что помогло бы нам понять друг друга.

После войны, когда наши отношения были дружескими и весьма откровенными, маршал Соколовский провел уик-энд в моем доме во Франкфурте. Я критически отозвался о тех репрессиях, которые коммунисты проводят на оккупированных территориях Центральной Европы. Соколовский, умный человек со своими принципами, посмотрел на меня с удивлением:

— Не понимаю, почему вы критикуете. Мы не делаем здесь

ничего такого, чего не делали бы дома…

Я прожил в Москве довольно долго, пока не понял, что советский гражданин внутренне готов к аресту, как мы готовы попасть под машину, когда переходим улицу…»

Генерал-лейтенант Смит был начальником штаба у командующего объединенными войсками союзников генерала Дуайта Эйзенхауэра. В начале 1946 года Уолтера Беделла Смита отправили в Москву еще и потому, что он был выходцем из бедной семьи. Высшего образования не имел. Единственный генерал в американской армии, не окончивший военную академию Вест-Пойнт. В Вашингтоне рассчитывали, что простой человек скорее найдет общий язык с большевиками.

«В Берлине я встретился с главными русскими — маршалом Соколовским и его политическим советником Семеновым, — вспоминал Смит. — Я привез подарки от генерала Эйзенхауэра для жены маршала Соколовского и спросил, по какому адресу в Москве их отправить. Он попросил переслать подарки ему в штаб в Берлине. Я объяснил, что подарки в моем багаже в самолете и найти их можно будет только в Москве. Он повторил, что просит переслать их в Берлин. Меня это поразило, но потом я понял, что советские чиновники никогда не сообщают адреса своих родственников иностранцам, опасаясь, что это вызовет подозрения госбезопасности или даже Кремля».

Еще в июле 1945 года начал работать верховный межсоюзнический орган — Союзный контрольный совет, который должен был проводить единую оккупационную политику. Союзники не собирались делить Германию. Имелось в виду создать центральное правительство и сделать Берлин столицей.

Раздел страны на зоны оккупации рассматривался как временная мера. Каждый из союзников отвечал за денацификацию, восстановление экономики и системы гражданского управления в своей зоне. Главные вопросы предполагалось решать на заседаниях Контрольного совета в Берлине.

— Я очень затрудняюсь сказать, что такое теперь Германия, — рассуждал Сталин на Потсдамской конференции. — Это страна, у которой нет правительства, у которой нет определенных границ, потому что границы не оформляются нашими войсками. У Германии нет никаких войск, она разбита на оккупационные зоны. Вот и определите, что такое Германия. Это разбитая страна…

Германия не просто проиграла войну, а потерпела страшную катастрофу. Вторая мировая война закончилась для немцев полным поражением, нищетой и разрухой. В майские дни 1945

года Германия представляла собой груду развалин, и державы-победительницы вывозили из поверженной страны всё сколько-нибудь ценное.

Бедственное положение Германии в 1945-м невозможно описать. Треть мальчиков, которые родились в немецких семьях в 1915–1924 годах, погибли или пропали без вести. Среди тех, кто родился в 1920–1925 годах, потери достигли 40 процентов. 11 миллионов солдат вермахта, которые выжили, оказались в лагерях военнопленных. Девять миллионов немцев остались без крова. В крупных городах бомбардировки и артиллерийские обстрелы разрушили половину жилого фонда. Немцы умирали от холода и голода. 14 миллионов немцев победители изгнали с Востока — поляки и чехи поспешили избавиться от неприятных соседей. При этом больше полутора миллионов погибли.

Генерал Люциус Клей, заместитель главнокомандующего войсками союзников Дуайта Эйзенхауэра, сказал в июне 1945 года:

— Этой зимой условия жизни в Германии будут очень трудными. Немцы будут мерзнуть и голодать. Холод и голод необходимы, чтобы немецкий народ прочувствовал последствия войны, которую он развязал.

Директива объединенного комитета начальников штабов № 1067, определявшая поведение американских оккупационных войск в 1945 году, гласила: в Германию нужно поставлять столько продовольствия, сколько нужно, чтобы предупредить возникновение эпидемий и мятежей.

Немцы голодали. Выживали те, кто спекулировал на черном рынке, кто шел в услужение к оккупационным властям, и те, кто продавал своих жен и дочерей; в поверженной Германии расцвела проституция. Летом 1946 года рацион немцев был ниже тысячи калорий в день. Немцы умирали от болезней, связанных с нехваткой продовольствия. Младенцы рождались со слишком маленьким весом. При полном отсутствии медицины у них не было шансов выжить.

Немецкий народ пришел к закономерному итогу Второй мировой войны. Казалось, Германия как государство прекратила свое существование. «Позади нас осталось безумие, — говорил писатель Генрих Йенеке, — впереди маячила пустота…»

В рамках программы репараций из оккупированной страны державы-победительницы вывозили заводы, и рабочие оставались без работы. Денежная система не работала. За четыре упаковки сигарет можно было нанять на весь вечер оркестр. За 24 упаковки — купить «мерседес-бенц».

«Иногда вдруг видишь, как люди, бродящие по бескрайним

развалинам, внезапно исчезают, в какой-то дыре, ведущей в подвалы, — записал в дневнике знаменитый немецкий писатель Эрнст Юнгер, который когда-то воспевал Первую мировую войну. — В садах тоже торчат дымящиеся трубы. Кажется, что ты бродишь в каком-то безумном сне и мечтаешь, как бы поскорее проснуться. В облике людей есть что-то искалеченное даже тогда, когда у них целы руки и ноги… Скудные карточные нормы с каждым месяцем урезаются еще наполовину. Это смертный приговор для многих, кто раньше кое-как перебивался, особенно для детей, стариков и беженцев. Судя по газетам, многие в мире встретили этот голодный мор одобрительно».

Нельзя недооценивать степень ненависти к немцам и Германии. Вдоль датско-немецкой границы американские солдаты развесили объявления: «Здесь заканчивается цивилизованный мир».

Во время войны союзники хотели увидеть Германию именно такой. Президент Франклин Рузвельт писал 26 августа 1944 года военному министру Генри Стимсону: «Чрезвычайно важно, чтобы все люди в Германии поняли: на этот раз Германия — побежденная нация. Я не хочу, чтобы они умерли от голода. К примеру, если они нуждаются в пище для поддержания души в теле, пусть получают три раза в день суп из армейских кухонь. Это поддержит их здоровье, но они запомнят такой опыт на всю их жизнь. Факт, что германский народ — побежденная нация, должен быть внушен им коллективно и индивидуально так, чтобы побоялись когда-либо еще начать новую войну».

Все победители попользовались трофейным имуществом. Запад не меньше Советского Союза желал заполучить немецкие научные и технологические достижения. Патенты микрофильмировались и пересылались в академические институты Соединенных Штатов, Англии и Франции. Союзники прошерстили научные учреждения Германии и забрали всё мало-мальски интересное для изучения.

Особенно интересовали победителей радиолокаторы, управляемые ракеты, самонаводящиеся торпеды, биологическое и химическое оружие, а также экзотические проекты — вроде временного ослепления войск врага с помощью ультрафиолетовых волн. В таких направлениях, как ракетостроение и подводные лодки, Германия была мировым лидером. Полезных немцев искали повсюду. Специалисты, которым было что предложить, могли рассчитывать на хорошие условия жизни в послевоенной разрушенной Германии.

Но прошло время, и отношение к Германии и немцам стало меняться.

По просьбе Белого дома бывший президент Соединенных Штатов Герберт Гувер представил в 1946 году доклад о положении в Германии. Он пришел к выводу, что надо восстанавливать промышленность, иначе налогоплательщикам союзных держав придется кормить немцев еще очень долго. В центре Европы появится очаг хаоса и разрухи, который рано или поздно заразит и соседние страны, в результате вся Европа останется в лохмотьях. Из доклада следовало, что экономическое восстановление Германии — ключ к спасению континента.

«Вся экономика Европы, — объяснял Герберт Гувер, — взаимно переплетена с немецкой экономикой благодаря традиционному обмену сырьем и готовой продукцией. Нельзя восстановить экономическую силу Европы без восстановления Германии».

Но именно возрождения Германии в Европе-то и побаивались. Три поколения французов трижды воевали с Германией. Тем не менее генерал Люциус Клей, глава американской военной администрации в Германии, предложил освободить немецкую экономику от тягот оккупации: пусть она заработает, немцы начнут кормить себя сами. Отец Клея был сенатором от штата Джорджия. Будущий генерал вырос среди проигравших — южан, потерпевших поражение в войне с северянами, и понимал, что чувствуют разгромленные в войне немцы.

Но советские руководители не собирались отказываться от репараций. Поставки промышленного оборудования имели немалое значение для послевоенной экономики. 26 мая 1947 года решением правительства в штатное расписание ввели дополнительную должность заместителя главноначальствующего СВАГ по вопросам деятельности советских предприятий в Германии. В июне 1947 года ее занял недавний заместитель Берии в органах госбезопасности генерал-полковник Богдан Захарович Кобулов, назначенный одновременно заместителем начальника Главного управления советским имуществом за границей.

Ведал вывозом трофейного имущества Особый комитет правительства по восстановлению народного хозяйства в освобожденных от немецких оккупантов областях. Руководил Особым комитетом секретарь ЦК Георгий Максимилианович Маленков.

Союзники так и не договорились о единой политике относительно репараций, и Москва проводила их самостоятельно. Всем министерствам было приказано составить списки немецких предприятий, которые могут представлять интерес, и в Германию командировали отраслевые группы специалистов, занимавшихся

отбором оборудования для демонтажа и отправки в Советский Союз. Прежде всего демонтировали предприятия, необходимые авиационной промышленности и ракетостроению. С мая по июль 1945 года для вывоза трофейного имущества понадобилось 300 тысяч железнодорожных вагонов. Отвечал за эту работу председатель Госплана и будущий первый заместитель главы правительства Максим Захарович Сабуров. Он несколько месяцев был помощником Главноначальствующего СВАГ по экономическим вопросам.

Между тем вывоз немецких предприятий означал, что рабочие оставались без дела и зарплаты.

Бюро информации СВАГ докладывало в Москву. «Коммунисты открыто и без всяких оговорок говорят, что немецкий народ несет ответственность за гитлеровскую войну и должен искупить свою вину. Коммунисты твердят немцам, что гитлеровская армия совершила в оккупированных странах чудовищные зверства, тягчайшие преступления и произвела огромные опустошения. Коммунисты говорят, что немецкий народ должен возместить ущерб. Миллионам немцев это, разумеется, не нравится».

Руководители компартии обращались к Жукову или Соколовскому с просьбой сохранить то или иное предприятие на немецкой земле. И те обещали исполнить просьбу! Но Межведомственная комиссия по репарациям действовала самостоятельно и подчинялась своему начальству в Москве. Задачи двух ведомств были противоположными. Одни должны были вывезти как можно больше техники, оборудования и ценного сырья в Советский Союз и отвечали за это головой. А от других ждали, что они как можно быстрее восстановят экономику в советской зоне оккупации.

Академия наук СССР призывала «прийти к планомерному и более полному использованию научного потенциала Германии в интересах нашей страны». Внутри СВАГ образовали управление по изучению достижений науки и техники Германии. Возникла идея — восстанавливать предприятия на немецкой земле, с тем чтобы получать уже готовую продукцию. Так выгоднее для страны. Министр вооружений Дмитрий Федорович Устинов летом 1946 года сформулировал эту позицию:

— Наша промышленность не должна начинать с нуля и с пустыми руками. Следует возродить всё, что было создано в Германии. Восстановим немецкую технику, прежде чем начнем создавать свою новую.

Но вывозить-то было проще. В аппарате СВАГ были созданы отдел поставок оборудования тяжелой промышленности, отдел поставок металлов, отдел поставок станков и инструментов,

отдел поставок автомобилей и сельхозмашин, отдел поставок кабельных изделий и арматуры, отдел поставок тканей…

Советский оккупационный аппарат был слишком большим, чиновники охотно ехали в Германию. Одна структура влезала в дела другой. Приказы противоречили друг другу. Разные чиновники отдавали взаимоисключающие распоряжения. Немцев это приводило в изумление. Даже вождь коммунистов Вальтер Ульбрихт позволял себе посмеиваться над советскими методами управления.

Подбором персонала для советских учреждений ведало управление ЦК партии, потом образовали самостоятельный отдел кадров дипломатических и внешнеторговых органов. Оформлением выезжающих занималось Бюро по въездам и выездам при правительстве. Ключевые кадровые назначения утверждались секретариатом ЦК. Ведал этим заведующий отделом внешней политики ЦК Михаил Андреевич Суслов, он с сентября 1946 года курировал в партаппарате германские дела. Держался он в ту пору крайне осторожно, видя, какие сильные фигуры занимаются репарациями. Он считал, что внешняя политика не должна быть монополией Министерства иностранных дел. В мае 1947 года Суслова сделали секретарем ЦК, и его аппаратные позиции окрепли.

В аппарате СВАГ высшим чиновникам доставляли секретные информационные сводки — закрытые «Бюллетени международной и внутригерманской информации» и «Бюллетени иностранных радиопередач на Германию». Для людей, которые никаких иностранных языков не знали и с немцами беседовали через переводчика, такие сводки были единственным источником информации.

Для обслуживания советских чиновников в Германии образовали Особторг, которому подчинялись четыре ресторана — «Москва», «Нева», «Волга» и «Днепр», магазины «Гастроном», торгово-заготовительные базы, ателье и сапожные мастерские, конторы спецторговли.

«Репарации, — писал известный военный историк Михаил Иванович Семиряга, — не только содействовали восстановлению разрушенного хозяйства СССР, но и послужили толчком к техническому прогрессу в советской промышленности. Репарационное оборудование было на уровне того времени. Восстановление экономического потенциала страны принято объяснять только „высоким трудовым подъемом“ советского народа. Куда же делись целые заводы, ценнейшее промышленное оборудование и материалы из Германии, Румынии, Венгрии и из других бывших вражеских стран, которые в сотнях тысяч вагонов

могучей волной растекались по всему Советскому Союзу?»

В советской зоне оккупации Германии обнаружились урановые руды. 14 сентября 1945 года Наркомату внутренних дел поручили вести в Саксонии разведку месторождений урана. Этими работами ведало Первое главное управление при Совнаркоме.

Точнее, месторождение урана, на которое мог рассчитывать Советский Союз, находилось в Железных горах, на границе Германии и Чехословакии. На Яхимовских шахтах сразу началась добыча урановой руды. Чехословакия уступила Советскому Союзу право добычи на своей территории в обмен на промышленное сырье и зерно.

А в Рудных горах в Саксонии образовали советское акционерное общество «Висмут», которое тоже добывало урановую руду для СССР. Генеральным директором «Висмута» назначили генерал-майора Михаила Митрофановича Мальцева. Он прибыл в Германию из Воркуты. Приказом Советской военной администрации 30 мая 1947 года все горно-перерабатывающие предприятия Рудных гор были объявлены советской собственностью. Считается, что на урановых рудниках было занято полмиллиона немцев.

Стратегически важными предприятиями ведал генерал-полковник Богдан Кобулов. В 1950 году он стал заместителем председателя Союзной контрольной комиссии по делам советских государственных акционерных обществ в Германии. Охраной предприятий «Висмута» занималась советская госбезопасность (см. книгу профессора Семиряги «Как мы управляли Германией»).

Шахтеры, добывавшие уран, жили за колючей проволокой, за побег карали. О сохранении здоровья никто не думал — практически никакие меры предосторожности, чтобы спасти людей от радиоактивного излучения, не принимались.

Тяжелая работа, низкая зарплата, грубость советских надзирателей порождали постоянное недовольство шахтеров, забастовки, волнения. Среди рабочих «Висмута» начались волнения, шахтеров поддержало местное население. Политбюро ЦК ВКП(б) обязало расследовать причины «провокационных выступлений». Проведение судебного процесса, связанного с беспорядками, в Москве сочли нецелесообразным. Министерству госбезопасности СССР поручили «усилить работу по борьбе с шпионско-диверсионной агентурой иностранных разведорганов и другими вражескими элементами в районах работ акционерного общества „Висмут“ и увеличить штаты отдела МГБ при акционерном обществе „Висмут“».

Заместитель главы правительства ГДР Генрих Рау несколько

раз просил Богдана Кобулова оставить часть урана для нужд восточногерманской экономики и науки.

— Уран — особое сырье, — наставительно ответил Кобулов. — Вы сами знаете, для чего оно требуется Советскому Союзу. Следовательно, мы не можем поставлять вам уран.

Двадцать второго августа 1953 года советское правительство приняло решение прекратить репарационные поставки из ГДР. К урановой руде это не относилось. В 1954 году «Висмут» был преобразован в Советско-германское акционерное общество и продолжал работать до мая 1991 года.

Как и многие восточные немцы, Маркус Вольф следил за дискуссией между союзниками.

Министр иностранных дел Молотов напоминал западным державам, что Советскому Союзу обещали репарации на сумму в десять миллиардов долларов, поэтому репарации должны поступать не только из советской зоны оккупации, а из всей Германии. Советский Союз больше всех пострадал во время Второй мировой войны. И даже десять миллиардов не компенсируют потерь.

Американцы возражали: они помогают немецкому населению, поставляют продовольствие в свою зону оккупации, и в случае продолжения репараций всё это будет уходить Советскому Союзу. Соединенные Штаты отказывались закачивать деньги в немецкую экономику, если Москва станет их выкачивать.

Западные державы договорились отделить свои зоны оккупации от советской, провести там давно назревшую денежную реформу и приступить к восстановлению экономики. Так началось разделение страны. Впрочем, появление двух Германий, конечно же, следствие не экономических, а политических разногласий между недавними союзниками.

СОВЕТСКАЯ ЗОНА

В советской зоне оккупации оказалось больше 17 миллионов человек. В Берлине Красная армия заняла восемь районов, население которых превышало миллион сто тысяч человек.

Сталин дважды беседовал с руководителями немецких коммунистов — Вильгельмом Пиком, Вальтером Ульбрихтом, Антоном Аккерманом и Густавом Соботкой, напутствуя их перед возвращением на родину. Они отправились создавать новую Германию.

Десятого июня 1945 года советская военная администрация выпустила приказ № 2, разрешающий деятельность антифашистских партий и организаций. Принято считать это признаком демократичности и доверия к немцам. В реальности хотели дать возможность коммунистам утвердиться в пустом пока политическом пространстве восточной части Германии. Но симпатии немцев оказались на стороне социал-демократов, самой многочисленной тогда партии. Коммунисты отставали.

«Не изжитые до сего времени бесчинства военнослужащих Красной армии, — докладывал СВАГ в Москву, — тормозят рост компартии. Социал-демократы и особенно буржуазные демократы умело используют подобные факты для своих внутрипартийных целей. Они говорят рабочим: „Вы намереваетесь стать коммунистами? Вот посмотрите, что творят красноармейцы. Неужели вы хотите стать такими?“»

Поэтому в апреле 1946 года социал-демократов стали объединять с коммунистами. Добрая знакомая писала Фридриху и Эльзе Вольф: «Что оскорбляет пролетариев? Спешка, с которой это делается. Они знают: то, что подают на стол, приготовлено на русской кухне, а не является свободным волеизъявлением. Всем понятно, что на выборах компартия потерпит неудачу».

Но Маркус Вольф твердо придерживался партийной линии. Он внушал старому приятелю:

— Прежняя веймарская линия руководства СДПГ не способна решить проблемы страны. Только твердый марксистский социализм может это сделать.

Многие социал-демократы, которые помнили, как еще недавно их называли «социал-предателями», возражали против объединения с коммунистами. На берлинском собрании социал-демократического актива Вильгельм Пик попросил слова и сказал, что коммунисты имеют честные намерения и желают во всех областях сотрудничать с социал-демократами. В ответ он услышал укоризненное:

— Вы должны были прийти к нам на двадцать лет раньше…

Долго сопротивлялся объединению лидер социал-демократов Отто Гротеволь. До войны он был депутатом рейхстага, при нацистах участвовал в движении сопротивления, его несколько раз арестовывали. Он хотел сохранить старейшую в Германии партию.

Но советские офицеры переубедили Гротеволя. Как и других сомневающихся. В советской зоне оккупации в результате слияния двух партий 22 апреля 1946 года возникла Социалистическая единая партия Германии (СЕПГ). Она будет находиться у власти почти до самого крушения ГДР.

СЕПГ станет приводным ремнем советского управления восточной частью Германии, потому что, как говорилось в бюллетене управления информации СВАГ от сентября 1948 года, «прямое вмешательство подрывает авторитет немецких руководителей».

Сопредседателями новой партии стали старый коммунист Вильгельм Пик (с 1949 года президент ГДР) и уважаемый социал-демократ Отто Гротеволь (с 1949 года премьер-министр ГДР). «В настоящее время Гротеволь признанный вождь СЕПГ, — сообщала в Москву Советская военная администрация в Германии. — На митинге трудящихся Берлина он был назван „Бебелем наших дней“».

Вальтера Ульбрихта избрали заместителем председателя партии, ему еще предстояло сосредоточить в своих руках реальную власть.

Руководители партии просили Советский Союз способствовать росту авторитета СЕПГ. Что для этого требовалось? Повысить продовольственные нормы, наладить снабжение углем и поскорее отпустить военнопленных. А пока что хотя бы разрешить им переписываться с семьями. Суслов обратился к члену политбюро и секретарю ЦК Андрею Александровичу Жданову:

«Каждому военнопленному разрешается послать одну открытку в месяц. Но Главное управление по делам военнопленных МВД не организовало снабжение лагерей специальными бланками открыток для военнопленных… В связи с предстоящими общинными выборами в советской оккупационной зоне Германии вопрос о переписке военнопленных с их семьями приобретает первостепенное политическое значение. Отсутствие сведений о военнопленных осложняет работу Социалистической единой партии Германии, способствует распространению нездоровых настроений и дает обильную пищу для различных антисоветских выступлений и

провокаций».

Обращение Суслова возымело действие. Секретариат ЦК постановил: в трехмесячный срок отпечатать десять миллионов почтовых открыток и принять меры к тому, чтобы письма военнопленных своевременно попадали в Германию.

Тем временем функционеры СЕПГ объясняли партийной массе демагогичность формулы: «Дайте лучшее питание — будем лучше работать». Внушали другое: «Будем лучше работать — будем лучше жить».

В советской зоне оккупации видные немецкие коммунисты, вернувшиеся из эмиграции или освобожденные из концлагерей, спешили вознаградить себя за прежние тяготы и трудности. Разумно и с комфортом устраивали себе новую жизнь. Вильгельм Пик, Отто Гротеволь, Вальтер Ульбрихт и другие партийцы при должностях заняли лучшие виллы в районе Нидершёнхаузен.

Квартал, где расположились руководители коммунистов, охранялся советскими солдатами. Открыли два загородных дома отдыха. Роскошный для высшего руководства в Зеехофе и поскромнее для партийных работников среднего звена в Бернике. Работа в ЦК партии щедро вознаграждалась: в дополнение к обычным продовольственным карточкам новую номенклатуру хорошо кормили в служебной столовой, да еще выдавали пайки высшей категории с сигаретами, спиртным и шоколадом.

Маркус Вольф был в чести у самого Вальтера Ульбрихта, который ценил молодого человека. На Берлинском радио его назначили ответственным редактором главных политических передач. Одновременно он писал внешнеполитические комментарии под псевдонимом Михаэль Шторм.

Маркусу было 25 лет. Однажды он попросил Вальтера Ульбрихта разрешить ему доучиться в Московском авиационном институте. И услышал в ответ:

— Делай, что поручили. У нас хватает других забот помимо самолетостроения.

Осенью 1945 года Фридрих Вольф писал свояченице из Берлина: «Эльза еще в Москве, она продает дачу, улаживает дела. Миша, Кони и я работаем здесь. Миша — зав. отделом на радио, женился, в скором времени станет отцом. Кони — старший лейтенант Красной Армии, грудь его украшают четыре ордена; семнадцатилетним прошел он с армией от Терека на Кавказе до Эльбы. Ребята вымахали. Миша — 1,86, Кони — 1,85…

Порой ужасно тоскую по Москве, по этой огромной великодушной стране, по людям широкого размаха; только там я встречал таких людей, многие стали моими настоящими друзьями. И у Миши с Кони все друзья остались там; они сами

совершенно другие люди, нежели здешние мелкие, злые нытики. Кони похож на русского медведя, словно широкоплечий великан с Урала, великолепный парень!»

Почти год Вольф работал корреспондентом Берлинского радио и газеты «Берлинер цайтунг» на Нюрнбергском процессе, писал репортажи о суде над главными нацистскими военными преступниками. Вместе с женой Эмми Штенцер они обзавелись удобной пятикомнатной квартирой и красивой виллой у озера. У него были прочные связи среди крупных советских военных, которым Маркус очень нравился. И с улыбкой превосходства он говорил старым друзьям-партийцам:

— Есть инстанции поважнее вашего Центрального комитета.

Вольф бывал у советского генерала Тюльпанова, который в Берлине занимался идеологическими вопросами. Внимательно слушал, что говорилось в узком кругу советского начальства.

Сергея Ивановича Тюльпанова в августе 1945 года назначили начальником управления пропаганды (с мая 1947 года — управление информации) Советской военной администрации в Германии. Он стал высшим начальником в сфере идеологии, но своей властью пользовался разумно. Ему поручалось вести пропагандистскую работу среди местного населения силами самих немцев и цензурировать немецкую печать и радио. Управление пропаганды насчитывало полторы тысячи сотрудников и было самой значительной структурой в СВАГ.

Хорошо образованный, выпускник Ленинградского университета, до войны заведующий кафедрой на Ленинских курсах при ЦК партии, Тюльпанов идеально подходил для этой работы. Он долго продержался на этом посту, проявив недюжинные способности выживать в межведомственных интригах.

В июне 1946 года на совещании в ЦК обсуждалась кадровая работа в Германии.

— Кто у нас там творит политику изо дня в день? — поинтересовался секретарь ЦК Алексей Александрович Кузнецов, недавно переведенный из Ленинграда.

— Военное командование, — ответил Борис Николаевич Пономарев. — Конев и Желтов.

Кузнецова ответ не устроил:

— А в ЦК эти люди просматривались? Кто-нибудь их практическую работу проверял или нет?

— Они по военной линии назначались, — пояснил Пономарев. — В Германии есть Соколовский, у него генерал-полковник Боков, а у Бокова сидит Тюльпанов.

Услышав знакомую фамилию, Кузнецов разразился

недовольной тирадой:

— Тюльпанов работал начальником седьмого отдела Ленинградского фронта. Мы его выгнали за большие политические ошибки. А теперь Шикин мне расхваливает Тюльпанова. Оказывается, всю работу Тюльпанов проводит. Что Тюльпанов подсказывает, то Боков и делает. — Он обратился к Пономареву: — Вы Бокова знаете?

— Нет.

— А ваш международный отдел имеет отношение к этим делам?

— Никакого, — открестился Пономарев.

Кузнецову всё это категорически не понравилось:

— Почему бы не вызвать и не послушать военных людей? Почему бы кому-нибудь из ЦК не поехать и не посмотреть? По всем линиям ездим, а по основной линии, по вопросам идеологической работы не ездим… Это основное — политика. А потом провал — и будем руками махать: почему это произошло, кто политсоветником в Германии у Соколовского?

Кузнецов вспомнил, как к нему заходил старый знакомец и сослуживец Терентий Фомич Штыков, недавний второй секретарь Ленинградского обкома. После войны член военного совета 1-го Дальневосточного фронта генерал-полковник Штыков стал советским наместником в Пхеньяне.

— Штыков очень подробно мне докладывал, как обстоит дело в Корее, что у него за политработники, что за политсоветники, — продолжал Кузнецов. — Одного он предлагает немедленно посадить. Я ему давал установки. На днях, когда он докладывал в политбюро, мы узнали, что там положение коренным образом изменилось. Хорошо, что Штыков приехал, он посоветовался здесь, он имел возможность товарищу Сталину лично доложить, и не раз, теперь у него ясная картина, как вести себя. А в Германии? Хорошо бы вам выяснить, что это за личности, что они собой представляют — партийные работники или люди, просто знающие немецкий язык?

Алексей Александрович чувствовал себя уверенно. Сталин не только поставил его во главе управления кадров ЦК, но и поручил курировать Министерство госбезопасности.

— Я боюсь, что у нас недостаточно зрелые в политическом отношении люди сидят и разную ерунду пишут. Бывают они в ЦК? Кто им дает установки? Политуправление Красной армии? Вы военных кадров не знаете. А я знаю, что представляют собой члены военного совета, поработал с ними и знаю — на них нельзя надеяться.

Кузнецов говорил товарищам по высшему партийному

руководству:

— Наша военная администрация всю работу ведет через СЕПГ, это скомпрометировало партию в глазах немецкого населения. Население видит, как много людей ходит на улицу, на которой помещается Советская военная администрация. Партия в результате потеряла свою самостоятельность. Население немецкое считает, что это не самостоятельная немецкая партия, а русская партия!

Маркус Вольф понимал, что ГДР многим обязана генералу Тюльпанову и его подчиненным. Они вернули в Восточную Германию выдающихся деятелей немецкой культуры, бежавших от нацистов. Среди офицеров Советской военной администрации нашлось немало профессиональных германистов. Они знали и любили немецкий язык и немецкую литературу. Они занимали руководящие посты в управлении информации, в отделах, занимавшихся культурой и народным образованием. Им нравилась эта служба — в отличие от многих других, командированных в поверженную Германию.

Весной 1948 года комиссия ЦК, проверявшая кадры оккупационной администрации, с удивлением отметила в отчете: «Ряд работников рассматривают пребывание в Германии как несчастье, которое может испортить весь их жизненный путь, поэтому они мало интересуются политической жизнью зоны». Нелепость ситуации состояла в том, что начальство, как сказано в документе, «взяло линию на изоляцию всех работников военной администрации от немецкого населения. Личные общения с немецкими политическими кругами, необходимые в интересах работы, прекратились, так как они рассматриваются как факты неблагонадежного поведения. Сотрудники СВА боятся и не хотят работать с немцами…»

Отдел культуры в военной администрации возглавлял подполковник Александр Львович Дымшиц, будущий доктор филологических наук, профессор, заместитель директора Института мировой литературы Академии наук. В историю отечественного литературоведения он вошел как критик, догматически отстаивавший партийные позиции. Но как высокообразованный германист, он понимал, кто есть кто в литературе, и заботился о том, чтобы как можно больше выдающихся мастеров оказалось в советской зоне оккупации и осталось в Германской Демократической Республике.

Дымшиц и другие германисты, надевшие в годы войны военную форму, уговорили переехать в Берлин классиков немецкой литературы Ханса Фалладу и Бернгарда Келлермана, который даже сотрудничал в газете «Теглихе рундшау»,

официальном органе Советской военной администрации. В Восточном Берлине обосновался реформатор театра и один из самых ярких драматургов XX века Бертольт Брехт.

Когда подполковник Дымшиц в марте 1949 года возвращался в Москву, Фридрих Вольф писал ему: «Позвольте мне поблагодарить вас за всё то, что за эти последние три года вы сделали для меня лично, и прежде всего для берлинцев и для прогрессивной немецкой культурной жизни. Ваше имя всегда будет связано с первыми годами труда на благо нашей немецкой культуры».

Сейчас это может показаться кому-то наивным, но выбор между Западной и Восточной Германией сразу после войны вовсе не был очевидным. Многие деятели культуры, бежавшие в свое время от нацизма, предпочли вернуться в Восточную Германию.

Как рассчитаться с прошлым? Как выдавить из немцев яд нацизма? Вот что волновало тогда интеллектуальную Германию. В восточной части денацификация шла быстрее. Должности занимали только участники Сопротивления, узники концлагерей, вернувшиеся из изгнания коммунисты. Они решительно преодолевали прошлое, и это вызывало симпатии. Прозаик Арнольд Цвейг, автор одного из самых ярких романов о Первой мировой войне «Спор об унтере Грише», после войны вернулся в Германию, жил в Восточном Берлине, возглавил Академию искусств ГДР. Он искренне говорил:

— Когда речь идет о ГДР, надо понимать, что здесь бьется сердце Германии!

Слова Цвейга повторялись и цитировались и для Маркуса Вольфа, как и для многих восточных немцев, были подтверждением важности их усилий по созданию ГДР.

Экономическое положение в восточной части Германии было крайне тяжелым. 16 августа 1945 года генерал-полковник Иван Александрович Серов, заместитель Жукова в военной администрации и одновременно заместитель наркома внутренних дел, объяснил своим подчиненным продовольственную политику в советской зоне оккупации:

— Наше правительство не допустит, чтобы мы пирожными немцев кормили, но оно и не позволит, чтобы дело дошло до опухания от голода.

На востоке Германии ситуация была хуже, чем на западе. 16 мая 1946 года министр внутренних дел Сергей Никифорович Круглов докладывал Сталину и Молотову:

«По сообщению уполномоченного МВД — МГБ СССР по Восточной Пруссии тов. Трофимова, в городе Кёнигсберге за продажу мяса человеческих трупов арестованы:

Невия Герман, 1885 года рождения, немец, образование 8 классов, работал сторожем на кладбище;

Лакаф Карл, 1875 года рождения, немец, кустарь-корзинщик, с февраля 1946 года нигде не работал.

Расследованием установлено, что Невия Герман систематически отрубал нижние конечности трупов и мясо через своего соучастника Лакафа Карла продавал немецкому населению. Обыском на квартире Лакафа обнаружено несколько бочек, в которых Лакаф хранил приготовленное для продажи мясо человеческих трупов. Произведенным вскрытием могил обнаружено пятнадцать трупов с отрубленными нижними конечностями.

Снабжение немецкого населения на территории Восточной Пруссии организовано неудовлетворительно. На почве недоедания среди немецкого населения резко снижается трудоспособность, увеличивается смертность и растет уголовная преступность».

Советский Союз не мог кормить Германию. Осенью 1946 года в нашей стране начался жестокий голод. Это был тяжелейший год — из-за небывалой засухи собрали втрое меньший урожай, чем рассчитывали. 16 сентября 1946 года подняли цены на товары, которые продавались по карточкам. 27 сентября появилось постановление «Об экономии в расходовании хлеба» — оно сокращало число людей, которые получали карточки на продовольствие. Лишиться карточек было тяжким ударом: чем кормить семью? Купить в магазинах было нечего!

В октябре 1946 года генерал-полковник Серов предложил Сталину вывозить из Германии «излишки продовольствия». Сообщил, что в Советский Союз можно отправить 150 тысяч тонн зерна, 250 тысяч тонн сахара и около 400 тысяч тонн картофеля. Сталину предложение понравилось. Он распорядился: «тов. Серову передать от меня благодарность за его записку».

В советской зоне работали 2230 работников Министерства внутренних дел и 399 офицеров Министерства госбезопасности. Сначала все они подчинялись Серову как заместителю министра внутренних дел, затем перешли в ведение министра госбезопасности генерал-полковника Виктора Семеновича Абакумова. В решение политбюро 20 августа 1946 года записали: «Оперативно-чекистскую и следственную работу в советской зоне оккупации Германии сосредоточить в Министерстве государственной безопасности СССР. Оставить за МВД СССР тюрьмы для осужденных и пересыльных, спецлагеря и конвоирование арестованных».

Два ведомства не ладили. А Серов и Абакумов вели между

собой настоящую войну. Серов написал обширную жалобу на военных контрразведчиков в Германии — подчиненных Абакумова: «Пьяные работники Смерша поехали в поле близ г. Галле приводить в исполнение приговоры военного трибунала. Спьяну трупы были зарыты настолько небрежно, что наутро проходящие по дороге около этого места немцы увидели торчащими из земли две руки и голову. Затем они разрыли трупы, увидели в затылках у трупов пробоины, собрали свидетелей и пошли заявить в местную полицию. Нами были приняты срочные меры».

Сам генерал Серов вел себя столь же беззаконно, но считал, что имеет на это право. 8 февраля 1948 года он доложил Сталину: «Ко мне обратился из ЦК Компартии Ульбрихт и рассказал, что в трех районах Берлина англичане и американцы назначили районных судей из немцев, которые выявляют и арестовывают функционеров ЦК Компартии Германии, поэтому там невозможно организовать партийную работу. Он попросил помочь ЦК в этом деле. Я дал указание негласно посадить трех судей в лагерь».

Исчезновение берлинских судей вызвало скандал. Союзники попросили провести расследование. Маршал Жуков, нисколько не сомневаясь в том, кто это сделал, потребовал от Серова освободить судей.

«Я не считал нужным их освобождать, — информировал вождя Серов, — и ответил ему, что мы их не арестовывали… Не всё нужно Жукову говорить».

Вечером 26 марта 1948 года Сталин принял руководителей восточной части оккупированной страны — сопредседателей Социалистической единой партии Германии Вильгельма Пика и Отто Гротеволя. Вождь пребывал в хорошем настроении:

— Советская военная администрация в Германии действительно оказывает вам помощь или это комплимент?

Пик и Гротеволь дружно подтвердили, что советские друзья им помогают. Сталин, продолжая шутить, переспросил:

— Значит, не только угнетают, но и помогают?..

Воспользовавшись добродушным настроением вождя, Вильгельм Пик рискнул задать вопрос, который его сильно беспокоил:

— Одним из моментов, способствующих антисоветским настроениям среди немцев, являются аресты немцев. Причем после ареста эти люди как бы исчезают из жизни, им не предоставляют свиданий с родственниками. Но нет и публичных процессов…

Сталин уточнил:

— Кто арестовывает?

— Советские оккупационные власти, — ответил Пик.

— Так, может быть, советскими властями арестовываются иностранные агенты, шпионы?

Вильгельм Пик поспешил согласиться, но осторожно заметил, что бывают и другие аресты:

— По неправильным показаниям были аресты социалистически настроенной молодежи, а также политически надежных людей из СЕПГ. Хотелось бы знать причины подобных арестов, а также освободить неправильно арестованных людей из лагерей интернированных…

Через две недели, в марте 1948 года, в Берлине прошел очередной пленум центрального правления Социалистической единой партии Германии. Отто Гротеволь информировал о результатах переговоров в Москве. Успокоил товарищей:

— Арестовывали только политически неблагонадежных и сомнительных лиц, которые всячески старались сорвать демократизацию зоны. Сейчас те, кто принадлежал к социалистическому движению, будут отпущены — после соответствующей проверки.

Только 6 января 1950 года появился приказ министра внутренних дел СССР о ликвидации спецлагерей в Германии (всего было 10 лагерей, управлявшихся советской администрацией), последних 15 тысяч сидевших в них немцев освободили. По недавним подсчетам, через эти лагеря прошли 189 тысяч немцев, из них 756 человек расстреляли, а 42 тысячи умерли (см. «Советская военная администрация в Германии. 1945–1949»).

ПЛАН МАРШАЛЛА И БЛОКАДА БЕРЛИНА

Двадцать третьего февраля 1948 года представители США, Англии и Франции собрались в Лондоне для обсуждения будущего Германии. Договорились объединить три зоны оккупации, провести денежную реформу и включить западную часть Германии в план Маршалла. Маркус Вольф внимательно следил за поступавшими из Лондона сообщениями — решалась судьба Германии, и не так, как надеялись в Восточном Берлине.

Джордж Кэтлетт Маршалл, государственный секретарь Соединенных Штатов, вошел в историю как автор плана экономического восстановления разрушенной войной Европы на американские деньги.

Всю войну генерал Джордж Маршалл отказывался получать награды, премии, почетные звания, считая это неприличным, когда американцы сражаются и умирают на фронте. 5 июня 1947 года он согласился принять звание почетного доктора в Гарвардском университете. В тот день он произнес речь, которая вошла в историю. Он пообещал оказать европейским странам помощь, чтобы они восстановили свою экономику.

Американская экономика расцвела в годы войны. Объем производства удвоился. В 1945 году на долю Соединенных Штатов приходилась половина мирового промышленного производства, две трети мировых золотых запасов и три четверти инвестиций. Но американцы не горели желанием отдавать свои деньги европейцам. Опасались, что, как и после Первой мировой войны, начнется спад, а вернувшиеся с фронта солдаты останутся без работы. Но Маршалл доказывал, что не будет ни стабильности, ни мира, если не восстановится экономика Европы.

Пятнадцатого декабря 1947 года американский конгресс ассигновал первые полмиллиарда долларов на немедленную помощь Франции, Италии и Австрии. Американские суда с сырьем отправились в Европу. Заводы заработали.

Третьего апреля 1948 года конгресс принял закон о помощи иностранным государствам. За четыре года Соединенные Штаты выделили Европе 17 миллиардов долларов — в виде поставок предметов потребления и безвозмездных субсидий. Кроме того, американцы закупали европейские товары, что было важно для промышленности Старого Света — собственный рынок оставался неплатежеспособным.

Отто Гротеволь жаловался Сталину:

— Пропагандируя план Маршалла, англичане и американцы говорят о помощи, которую будто бы собираются предоставить Германии. Контрагитация нашей партии в этом вопросе не стала действенной вследствие распространенных среди населения иллюзий, связанных с планом Маршалла. В борьбе с планом Маршалла партии пока не удается увлечь за собой широкие массы.

Такого же масштаба экономическая помощь восточной части Германии была для Советского Союза неподъемной. Кроме того, на Западе сохранялась рыночная экономика. А на Востоке шла национализация предприятий.

План Маршалла воспринимался как инструмент холодной войны. В Москве понимали, что щедрая экономическая помощь западной части разрушенной Германии подрывает советские позиции. За тесной экономической интеграцией обычно следует более тесное политическое объединение. Так и произошло. Немцы в западной части Германии связали свою судьбу с западным миром. В конце концов план Маршалла привел к созданию Общего рынка, а затем и Европейского союза.

Двадцатого марта 1948 года Маркус Вольф узнал, что главнокомандующий Группой советских оккупационных войск в Германии и Главноначальствующий Советской военной администрации в Германии маршал Василий Данилович Соколовский и его политический советник Владимир Семенович Семенов заявили, что не видят смысла продолжать заседание Контрольного совета. Советская делегация демонстративно покинула зал заседаний. На этом попытки совместно управлять оккупированной страной прекратились. 23 марта США, Англия и Франция отказались работать в Контрольном совете для Германии.

Маркус Вольф внимательно следил за новостями, поступавшими из западной части страны. 18 июня 1948 года было объявлено о проведении денежной реформы в западных зонах оккупации. 20 июня появилась новая западная марка. 23 июня США, Англия и Франция объявили, что денежная реформа пройдет и в западных секторах Берлина.

Вольф ждал, каков будет ответ Сталина. Главные события развернулись в Берлине.

В 1945 году Берлин поделили на четыре сектора оккупации. Страны-победительницы договорились, что Большим Берлином будут управлять совместно и все решения принимать единогласно. 11 июля создали Межсоюзную комендатуру Берлина.

Двадцатого октября 1946 года в Берлине прошли

муниципальные выборы. Результаты расстроили советских офицеров и восточногерманских коммунистов. СЕПГ получила всего 19,8 процента голосов. Почти половина берлинцев отдала предпочтение социал-демократам — 48,7 процента. Христианско-демократической союз, партия, которая придет к власти в Западной Германии, собрал 22,2 процента.

Председатель Культурбунда, союза художественной и научной интеллигенции, поэт Иоганнес Бехер пришел к Семенову совершенно расстроенный:

— Мы с вами товарищи и можем говорить откровенно. Скажите, каковы перспективы Германии как государства? Немецкая интеллигенция не видит сейчас перспектив…

Владимир Семенов как мог утешал Бехера, говорил, что неудача на выборах — всего лишь результат слабой организационной работы партийных комитетов.

В 1947 году обер-бургомистром Берлина выбрали Эрнста Рейтера. Советские власти его не утвердили. Рейтер был солдатом Первой мировой, в 1916-м попал в плен. Он был тяжело ранен — две пули раздробили ему ногу — и до конца жизни ходил с палочкой. После Октябрьской революции присоединился к большевикам, весной 1918 года его командировали в Поволжье работать среди немцев-колонистов. Потом Рейтер вернулся в Германию и присоединился к коммунистам. Он стал одной из ключевых фигур тогдашнего коммунистического движения. В августе 1921 года его даже избрали генеральным секретарем ЦК КПГ. Но он разочаровался в товарищах по партии и через полгода, в январе 1922 года, был исключен из ее рядов.

Эрнст Рейтер вступил в социал-демократическую партию. 1933 год он встретил на посту бургомистра Магдебурга. Нацисты лишили его должности и посадили. Летом 1935 года отпустили. Он покинул Германию и нашел убежище в Турции… Разумеется, бывший коммунист был неприемлем для Москвы. Так что Рейтер остался бургомистром лишь Западного Берлина.

Советская военная администрация постепенно отделяла восточную часть Берлина от западной. В феврале 1946 года создали первые восемь контрольно-пропускных пунктов. От желающих перейти из одной зоны в другую офицеры войск НКВД требовали предъявить пропуск, выданный советской секцией Бюро межзональных пропусков при Союзном контрольном совете. В 1947 году контрольно-пропускные пункты появились по всей границе советского сектора в Берлине, в 1948-м к советским караулам прибавились немецкие полицейские.

Советский сектор станет столицей Германской Демократической Республики. Западный Берлин хотел быть

частью Западной Германии. Но со всех сторон окруженный советскими войсками, Западный Берлин оказался очень уязвимым.

Давление на Западный Берлин началось с того, что прекратились поставки угля. Зима стояла суровая, и тысячи берлинцев попали в больницы. 24 января 1948 года от союзнических военных поездов отцепили вагоны, предназначенные для гражданских пассажиров. Теперь берлинцы уже не могли свободно ездить в западную часть страны.

В марте 1948 года Вильгельм Пик и Отто Гротеволь попросили Сталина удалить союзников из Берлина.

— Давайте общими усилиями попробуем, — откликнулся вождь, — может быть, выгоним.

Семнадцатого апреля Советская военная администрация в Германии доложила Сталину: «Разработанный в соответствии с Вашими указаниями план контрольно-ограничительных мероприятий на коммуникациях Берлина и советской зоны с западными зонами оккупации Германии проводится неуклонно — начиная с 1 апреля, кроме ограничений по воздушному сообщению, которые мы намерены провести позднее».

Двадцать третьего июня союзники ввели западногерманскую марку в качестве законного платежного средства и в Западном Берлине. Маршал Соколовский заявил, что совместное управление Берлином окончено. Прекратилось и сотрудничество в межсоюзной комендатуре Берлина. Военный комендант советского оккупационного сектора больше ничего не обсуждал с западными коллегами.

Двадцать четвертого июня Советская военная администрация в Германии объявила, что прекращается сообщение между Западным Берлином и западными зонами оккупации Германии. Дороги и мост через Эльбу «временно закрыты в связи с ремонтом». На железнодорожной станции Хельмштадт на границе двух зон остановили американские составы. Американские офицеры требовали пропустить их, советские офицеры отвечали: состав не будет пропущен.

Заодно, узнал Вольф, в Западном Берлине отключили электричество. Город остался без света, тепла и продовольствия. Началась блокада Берлина. Это была первая битва холодной войны, первое прямое столкновение Востока и Запада.

Тридцатого ноября 1948 года в восточной части Берлина образовали Временный демократический магистрат. Вольфа не удивило, что обер-бургомистром стал Фридрих Эберт, сын предвоенного президента страны, секретарь ЦК СЕПГ. Так появились Западный Берлин (площадь 481 квадратный километр,

население 2 миллиона 146 тысяч человек) и Восточный Берлин (площадь 402 квадратных километра, население 1 миллион 189 тысяч человек).

Сталин был уверен, что Западный Берлин не выдержит блокады и его можно будет присоединить к Восточной Германии. Соединенные Штаты и Англия ограничатся дипломатическими нотами. По словам многолетнего министра иностранных дел Андрея Андреевича Громыко, Сталин решил для себя, что отступит только в том случае, если американцы решатся на настоящую войну.

А воевать было некому. В Западном Берлине, в самой горячей точке мира, под командованием генерала Клея осталась лишь бледная тень той армии, которая участвовала в разгроме нацистской Германии. Америка в рекордные сроки провела демобилизацию и ликвидировала сформированные для Второй мировой войны воинские части. Этого потребовала страна: «Верните ребят домой».

Англия и Соединенные Штаты были в растерянности. Они не хотели воевать из-за Западного Берлина. Но понимали, каковы ставки. «Если Берлин будет оставлен, — писал тогда один американский журналист, — завтра половина населения Европы вступит в коммунистическую партию».

Власти города повторяли:

— Западный Берлин никогда не станет коммунистическим!

Обер-бургомистр Западного Берлина социал-демократ Эрнст Ройтер говорил на митинге:

— Всеми средствами мы будем сопротивляться притязанию на власть тех, кто хочет сделать нас рабами одной партии. В таком рабстве мы жили в рейхе Адольфа Гитлера. С нас хватит. Мы не желаем его возрождения… Сегодня весь мир знает, что именно здесь бьется сердце новой германской демократии… Свобода — смысл всей нашей жизни.

Ройтер обратился к миру:

— Народы мира! Народы Америки, Англии, Франции, Италии! Посмотрите на наш город, и вы поймете, что не можете бросить на произвол судьбы наш город и его жителей. Не имеете права бросить нас на произвол судьбы!

В Вашингтоне в те дни было жарко и влажно. Президент Гарри Трумэн нервничал, чувствовал себя усталым. Ему не нравилось выражение «холодная война». Он предпочитал иное выражение — «война нервов». Газеты были полны слухами о грядущей войне. Генерал Люциус Клей намеревался танками проложить дорогу в Западный Берлин. Клей был человеком с бешеным темпераментом. Как выразился его приятель:

— Он отличный парень, когда расслабится. Проблема в том, что он никогда не расслабляется.

Трумэн сказал «нет» — это уже почти настоящая война. Но подчеркнул:

— Мы остаемся в Берлине.

Генералы-летчики Хэп Арнольд и Кертис Лемей вспомнили, как во время Второй мировой войны они по воздуху через Гималаи доставляли грузы в сражавшийся с японцами Китай. Воздушный мост показался Трумэну идеальным решением. Полеты Сталин запретить не сможет. Сбивать американские самолеты рискнет только в том случае, если хочет настоящей войны.

— Русские хотят войны? — задал вопрос Трумэн.

— Не думаю, — ответил генерал Клей.

Через два дня после начала блокады в Западном Берлине приземлились первые самолеты с продовольствием.

Люциус Клей — вспыльчивый и несдержанный, но деятельный и волевой — организовал воздушный мост и переправлял всё необходимое Западному Берлину военной авиацией. Трумэн первоначально разрешил доставлять в Берлин ежедневно около четырех тысяч тонн продуктов, горючего и промышленного сырья. К зиме это количество возросло до 12 тысяч тонн в день. Кормили два миллиона человек и снабжали их углем, чтобы можно было отапливать жилые дома, больницы и школы. Западные берлинцы получали маленькие пайки. Но никто в городе от голода не умер. Электричество давали несколько часов в день, и хозяйки вставали среди ночи, чтобы на электроплитке сварить что-нибудь на завтра. Трамваи, троллейбусы и поезда метро ходили с большими интервалами и только с шести утра до шести вечера.

Зима была очень холодной. Городские власти взяли на себя — вместе с союзниками — организацию лагеря для молодежи, где прилично кормили. Это был праздник для берлинских подростков.

Американские транспортные самолеты взлетали с аэродрома в Висбадене и садились на аэродроме Темпельхоф в Западном Берлине. Инициативу американцев поддержали англичане и французы. Открыли аэродром Тегель во французской зоне Берлина и аэродром Гатов в английской. Самолеты садились каждые четыре минуты.

Думали, что воздушный мост понадобится на неделю-другую. А он действовал 322 дня — 11 месяцев. Воздушный мост обошелся очень дорого, но явился одной из наиболее смелых и оригинальных акций в холодной войне. На него потребовалось не

меньше средств, чем на какую-нибудь локальную войну с применением обычного оружия, однако обошлось без кровопролития. Погибли только несколько летчиков в результате авиакатастроф. Берлинцы были поражены тем, что союзники, для которых немцы еще недавно были врагами, рисковали ради них жизнью.

Американцы сомневались в том, что с помощью воздушного моста они добьются успеха, и эта неуверенность вдохновляла Сталина. Он решил продлить блокаду Берлина в надежде, что Запад не выдержит. Но он недооценил берлинцев и американцев. Напрасно он считал их слюнтяями, которым не хватит мужества, решительности и готовности терпеть лишения. У самого Сталина не выдержали нервы, и он отказался от идеи блокады. 12 мая 1949 года первый грузовик из западной части Германии смог въехать в Западный Берлин. Блокада закончилась.

В Вашингтоне заместитель госсекретаря Дин Ачесон и будущий посол в СССР Чарлз Болен откупорили по этому поводу бутылку шампанского. Многое за эти месяцы переменилось в Западной Европе и Северной Америке. Раньше понятие «мы» для Запада включало и русских. Теперь вместо русских в понятие «мы» вошли немцы.

Даже в момент блокады тысячи восточных берлинцев бежали в западную часть города. Руководство СЕПГ запретило распространять на своей территории западноберлинские и западногерманские газеты и журналы. Но симпатий не приобрело. Весной 1948 года советские товарищи докладывали члену политбюро Андрею Жданову о настроениях восточных немцев: «Морально-политическое состояние населения зоны внушает серьезную тревогу. СЕПГ не является решающей политической силой зоны. Значительная часть населения зоны идет за буржуазными партиями. Влияние СЕПГ не возрастает, а падает».

Немалую часть вины московские проверяющие возложили на Советскую военную администрацию, которая «проводит политику хозяйственного удушения мелкой и средней буржуазии; это создает у мелкой и средней буржуазии настроение неуверенности и растерянности, толкает ее в объятия реакции». Офицеры СВАГ «грубо вмешиваются в дела буржуазных партий, проводят один „дворцовый переворот“ за другим».

ПОЯВЛЯЮТСЯ ДВЕ ГЕРМАНИИ

А в другой части страны шло формирование нового государства. Маркус Вольф следил за происходящим по сообщениям информационных агентств и радиопередачам.

В мае 1949 года американская, британская и французская зоны оккупации объединились в Федеративную Республику Германию. 8 мая Парламентский совет принял проект основного закона нового государства. 11 мая Парламентский совет решил, что временной столицей нового государства станет Бонн. 12 мая конституцию утвердили военные губернаторы трех зон оккупации. 23 мая Основной закон подписали премьер-министры одиннадцати земель, которые вошли в состав ФРГ, и президенты ландтагов.

А 14 августа 1949 года прошли первые выборы в бундестаг. Вольф отметил, что западногерманские коммунисты во главе с Максом Рейманом не добились поддержки избирателей, собрали всего 5,7 процента голосов, хотя партия получила щедрую денежную помощь от Восточной Германии: 1 миллион 300 тысяч марок в 1946 году, четыре с лишним миллиона в 1947-м…

На встрече в Кремле 18 декабря 1948 года руководители Восточной Германии вновь попросили Сталина помочь западногерманским коммунистам. Вильгельм Пик перечислял, что потребуется:

— Нужна бумага.

Сталин согласился:

— Помогать надо. Если потребуется, дадим доллары и бумагу.

Отто Гротеволь добавил:

— Нужно организовать типографию.

Сталин опять же не возражал:

— Это можно сделать. Но нелегально, скрыто, чтобы дать коммунистам возможность показать свою самостоятельность.

Вильгельм Пик равнодушно заметил:

— Обвинения коммунистов в том, что они являются «партией русских», все равно будут продолжаться.

Сталин с ним не согласился и объяснил почему:

— Старая тактика поддержания открытых связей с коммунистами на Западе обернулась против вас, и с этой тактикой надо покончить. Нельзя ли сделать так, чтобы несколько хороших коммунистов вошли в социал-демократическую партию на Западе и отреклись от коммунизма, а затем стали изнутри разлагать социал-демократов? Германские коммунисты слишком

открыто ведут борьбу. Старые тевтоны выходили голыми на борьбу с римлянами, но терпели ущерб. Германские коммунисты в этом отношении несколько напоминают тевтонов. Надо маскироваться. Мы имеем дело с такими врагами, когда подобные хитрости допустимы.

Двадцать восьмого декабря политбюро ЦК ВКП(б) выделило коммунистам Западной Германии 200 тысяч американских долларов. Об этом Маркус Вольф знать не мог, сумма держалась в секрете. Но все усилия советского и восточногерманского политбюро не помогли коммунистам в ФРГ. На выборах реально конкурировали две основные партии: социал-демократы и христианские демократы.

Социал-демократов возглавлял пламенный трибун Курт Шумахер. Он был депутатом рейхстага и врагом нацистов. Его посадили в концлагерь Дахау в июле 1933 года. Через десять лет выпустили. На свободе он оставался недолго. После покушения на Гитлера 20 июля 1944 года он вновь был взят под арест. Иногда приходится слышать, что в концлагерях жестоко обращались только с евреями. Дескать, к немцам относились сравнительно прилично. Вот как, по словам свидетеля, выглядел Курт Шумахер, вышедший на свободу после крушения третьего рейха: «Кожа да кости, изможденное лицо выражает муку десяти лет концентрационного лагеря. Зубы выбиты гестаповцами. Плечи опущены, тело тощее, вид чахоточный. Если бы какой-нибудь кинорежиссер захотел явить зрителю воплощенное страдание, более подходящего прототипа ему вряд ли удалось бы найти…»

Но социал-демократы уступили христианским демократам.

Седьмого сентября 1949 года обе палаты Федерального собрания — бундестаг и бундесрат — приступили к работе. 12 сентября избрали первого президента ФРГ — либерала Теодора Хойса, который, как и отец Маркуса Вольфа, родился в Вюртемберге. В Веймарской республике автор диссертации о виноделии и журналист Хойс стал депутатом рейхстага от Немецкой демократической партии, в которую вступили многие либерально настроенные политики. При Гитлере лишился мандата, поскольку все партии, кроме нацистской, были распущены. После войны Теодор Хойс возглавил свободную демократическую партию.

— Меня упрекают в недостатке напористости, — говорил президент Хойс. — На мой взгляд, в последние годы напористости в Германии было хоть отбавляй.

Он считал своим долгом руководствоваться либеральными и культурными традициями Германии, возражал против создания армии и вооружения Западной Германии, хотя и не смог этому

помешать. Он пробыл два срока на посту президента. Отказался баллотироваться на третий, чтобы не создавать прецедента.

Пятнадцатого сентября канцлером стал председатель победившего на выборах Христианско-демократического союза Конрад Аденауэр. 20 сентября он сформировал первое правительство Федеративной Республики Германия из тринадцати министров. Маркус Вольф в те дни не предполагал, что очень скоро ему придется приложить невероятные усилия для того, чтобы подобраться поближе к канцлеру ФРГ и найти своих людей в окружении Аденауэра…

«Он высок и величествен, — описывал Аденауэра один из журналистов. — У него большие сильные руки крестьянина и крупное плоское лицо. Изумление вызывает его крепкое здоровье. Через неделю после нашей встречи ему должно было исполниться 77 лет. Он принял меня в своем кабинете без четверти шесть вечера, то есть в конце достаточно утомительного для него дня. Мы уселись — он в кресло с прямой спинкой, а я на мягкую софу».

Аденауэр твердо знал, чего хочет — создать государство, в котором немцам будет комфортно. Хотя бы только западным немцам. ГДР он не признавал, называл «восточной зоной» или просто «зоной».

Как уроженец католической Рейнской области, Аденауэр был противником доминирования протестантской Пруссии. Он хотел создать федеративное государство, в котором Пруссия, Бавария, Рейнская и Рурская области были бы на равных. Рассчитывал укрепить влияние католиков и ослабить власть прусской бюрократии…

Конрад Герман Йозеф Аденауэр родился 5 января 1876 года в семье чиновника, изучал юриспруденцию. В детстве болел туберкулезом, поэтому не служил в армии. В 1906 году он вступил в католическую партию Центра, стал помощником городского главы Кёльна и связал свою судьбу с этим городом. Поднимаясь по служебной лестнице, стал в сентябре 1917 года обер-бургомистром Кёльна.

Он был решительным человеком. Когда в ноябре 1918 года рухнула кайзеровская империя, обер-бургомистр Аденауэр, опасаясь революционной стихии, распорядился вылить в Рейн все городские запасы алкоголя — сто тысяч литров.

После прихода нацистов к власти в марте 1933 года ему пришлось покинуть свой пост. Он поселился с семьей в рейнском городке Рёндорф под Кёльном. У него было трое детей от первого брака и четверо от второго. От участия в движении Сопротивления Аденауэр отказался. Но в 1944 году, после

покушения на Гитлера, его арестовало гестапо — хватали скопом всех видных политиков донацистской эпохи. В конце сентября его доставили в гестаповскую тюрьму в Браувейлере около Кёльна. Начальник тюрьмы попросил Аденауэра не кончать жизнь самоубийством, а то у него будут неприятности. Аденауэр удивился: почему начальник тюрьмы считает, что он хочет покончить с собой?

— Вам уже почти семьдесят, — снисходительно объяснил тюремщик, — вам нечего ждать от жизни.

Конрад Аденауэр заверил начальника тюрьмы, что не собирается причинять ему неприятности, хотя и сам не мог предположить, какие сюрпризы преподнесет ему жизнь. Аденауэру повезло: по просьбе сына, служившего в вермахте, в конце ноября его отпустили. А после разгрома третьего рейха оккупационные власти сделали Аденауэра главой городской администрации Кёльна — как человека, не запятнавшего себя сотрудничеством с нацистами.

На встрече христианско-демократических групп в декабре 1945 года в Бад-Годесберге был образован Христианско-демократический союз, ставший одной из крупнейших партий в Западной Германии. Ее постоянный партнер в Баварии называется несколько иначе — Христианско-социальный союз. На выборах обе партии, опиравшиеся на церковь, неизменно выступали вместе. Председателем ХДС избрали Аденауэра.

Недавний пенсионер с неожиданной энергией и страстью вернулся в политику. Конрад Аденауэр, как и многие немцы, пытался понять, почему немецкий народ рухнул в пропасть.

«Уже многие десятилетия, — отвечал он сам себе, — немецкий народ неправильно понимает, что такое власть и какими должны быть отношения личности и государства. Немцы уверились во всесилии государства, в приоритете государства перед всем другим, в том числе перед вечными человеческими ценностями. Наш народ превратил государство в идола и принес в жертву этому идолу личность и ее достоинство».

Уроки из трагического опыта третьего рейха в западной части Германии извлекались правильные: в первую очередь нужны демократия и свобода. Выдающийся немецкий писатель лауреат Нобелевской премии Томас Манн сформулировал задачу так: «Нам нужна европейская Германия, а не германская Европа». Чем более европейской становится Германия, тем лучше живут немцы. А хорошая жизнь — это лучшая прививка от болтовни относительно великой державы.

Обер-бургомистр Западного Берлина Эрнст Рейтер предложил сделать столицей нового государства город Кассель.

Социал-демократы предпочитали Франкфурт-на-Майне. Аденауэр выбрал Бонн, сославшись на то, что большие города надо восстанавливать после бомбардировок, а маленький рейнский городок не пострадал.

Маркус Вольф удивился выбору западных немцев. Бонн совершенно не подходил для столицы, и это обстоятельство должно было указывать на ее временный характер. Бонн — маленький городок, провинциальный в хорошем смысле этого слова. Здесь все знали друг друга. Может быть, канцлер просто перенес столицу поближе к собственному дому, чтобы недалеко было ездить на работу? Пройдет совсем немного времени, и Вольф почти полностью сосредоточится на том, чтобы узнать, как ведутся дела в этом небольшом рейнском городке.

У Аденауэра было 24 внука. В свободное время он ухаживал за розами, читал детективы, что-нибудь изобретал. Придумал гриб для штопки носков с подсветкой, тостер с зеркалом, чтобы можно было видеть, поджарился ли уже хлеб…

Федеративная Республика, где люди получали продукты по карточкам, где самой ходовой валютой были американские сигареты, где полиция постоянно устраивала облавы на черном рынке, восстанавливалась с поразительной быстротой.

Западногерманское экономическое чудо представляется чем-то уникальным, неповторимым. Со стороны кажется, что немцы — прирожденные рыночники, торговцы, предприниматели и успех дался им легко и просто. Но это не так. Дискуссии о том, надо ли переходить к рынку, шли в Германии долго и были ожесточенными. Многие при нацистах привыкли к огосударствленной экономике и сопротивлялись рыночной.

Может быть, причина немецкого успеха в щедрой американской помощи?

Конечно, деньги, полученные в рамках плана Маршалла, сыграли важную роль в закупке необходимых товаров для бедствовавшей Германии. Часть американских денег пошла на инвестиции в индустрию. Однако значение американской помощи не надо переоценивать. Эти деньги сыграли роль топлива для локомотива немецкой экономики. Локомотив немцы построили сами.

Летом 1948 года Аверелл Гарриман, бывший посол в Москве, занятый осуществлением плана Маршалла, побывал в Германии. Наведавшись в гости к одной семье в Эссене, он уверенно сказал своему помощнику Вернону Уолтерсу, что Германия обязательно возродится:

— Люди, которые, живя среди развалин, не забывают поставить на стол цветы, всё восстановят.

Немцы, конечно, трудолюбивый народ, но они не хотели работать просто так. Они начали вкалывать, когда появился смысл работать и зарабатывать. Когда в Западной Германии отпустили цены, это было для немцев не меньшим шоком, чем для нас при Егоре Тимуровиче Гайдаре. Но правительство ФРГ отказывалось печатать лишние купюры. Человек, который зарабатывает, должен быть уверен, что государство не отберет у него деньги. А печатание денег без обеспечения, то есть инфляция, — чистой воды ограбление. Социалисты, считал Аденауэр, научились разбираться в финансах ровно настолько, чтобы уметь растрачивать чужие деньги. Немцы увидели, что им платят надежными деньгами, на которые можно купить хороший товар. Это стало сильнейшим стимулом для желания работать много и усердно.

Отцом немецкой экономической реформы называют Людвига Эрхарда, первого министра экономики Западной Германии. Вот еще одна фигура, которая станет предметом пристального изучения Маркуса Вольфа. Впрочем, экономисты и хозяйственники будут интересовать его меньше политиков.

Людвиг Эрхард принадлежал к тем немногим государственным деятелям XX столетия, которые ясно представляли себе, как нужно вывести страну из беды. Ему удалось добиться успеха и насладиться ее плодами при жизни. Он сформулировал знаменитую концепцию социального рыночного хозяйства.

Многие думают, что идеи Людвига Эрхарда — это некий третий путь, сочетание социалистических и капиталистических идей. Ничего подобного! Эрхард считал эффективной лишь рыночную экономику и был уверен, что только рынок позволяет обществу процветать и быть социально справедливым. Единственная задача государства, доказывал Эрхард, — это создавать условия для нормального и успешного предпринимательства. Главное — дать людям возможность работать и зарабатывать.

В 1950 году реальная зарплата в ФРГ достигла предвоенного уровня. Процветание пришло в 1955 году. Холодильники, телевизоры, стиральные машины перестали быть предметом роскоши. Семьи обзаводились автомобилями и ездили отдыхать за границу — в Испанию и Италию.

За экономическими успехами последовали и политические. Положение Западной Германии в Европе укрепилось, после того как наладились отношения между Бонном и Парижем и старая вражда утихла.

Француз Жан Монне начинал в семейном бизнесе — торговал

коньяком. В юности он хотел быть боксером, потом дипломатом. После Первой мировой войны работал заместителем генерального секретаря Лиги Наций. Во время Второй мировой, обращаясь к Вашингтону с призывом вступить в войну, он назвал Соединенные Штаты «арсеналом демократии». Жана Монне попросили не повторять это удачное выражение, чтобы его мог использовать президент Франклин Рузвельт.

Целое столетие причиной войн между Францией и Германией был Рурско-рейнский регион с его залежами угля и железной руды, необходимых для военной промышленности. Жану Монне пришла в голову идея: не конфликтовать из-за угля и стали, а создать совместный картель. Это покончит с враждой между Францией и Германией.

Девятого мая 1950 года канцлер Аденауэр получил письмо от французского министра иностранных дел Робера Шумана. Это было описание проекта, получившего название «план Шумана». Министр предлагал объединить каменноугольную, железорудную и металлургическую промышленность обеих стран. В тот же день Шуман изложил свою идею создания Европейского объединения угля и стали публично. Это стало первым шагом к созданию Федерации европейских государств. 9 мая ныне отмечается как День Европы.

Робер Шуман был идеальной фигурой, для того чтобы реализовать эту идею. Он родился на границе Франции и Германии. Шуман был подданным кайзера и говорил по-немецки. А после Первой мировой войны его родную Лотарингию передали Франции, он стал французским гражданином и представлял в Национальном собрании родной регион. Если кто-то и мог персонифицировать возможность франко-германского объединения, то это Шуман.

Французский министр объяснил ставшему государственным секретарем США Дину Ачесону, что Франция и Германия так крепко обнимут друг друга, что внезапный удар станет невозможным. Всякая война начинается с увеличения добычи угля и железной руды. Общий орган управления помешает тайному перевооружению одной из стран.

Приехав в Лондон, Конрад Аденауэр говорил Уинстону Черчиллю:

— Я прошу доверять Германии. Нашу страну иной раз трудно правильно понять. Немец склонен к крайностям. Часто он мыслит слишком отвлеченно. Но мы дорого заплатили за полученный урок. Немцы не находятся больше в плену прежних представлений. Германия и Франция должны сплотиться.

Черчилль ответил:

— Национальные чувства невозможно искоренить. Но Франция и Германия должны идти вместе. Их армии должны маршировать плечом к плечу под звуки «Марсельезы» и «Вахты на Рейне».

РОЖДЕНИЕ ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Судьбы двух Германий разошлись. Маркус Вольф с присущей ему проницательностью отметил: если обычные немцы плохо понимали, почему живут в разделенной стране и не могли смириться с мыслью о том, что отныне невозможно повидать родных и друзей, то истеблишмент по обе стороны межзональной границы, как правило, был противником объединения.

Для Конрада Аденауэра объединение Германии, возможно, и не было таким уж важным. По понятным причинам. Он не понимал, как можно объединить социализм с капитализмом. Идея единого государства вдохновляла далеко не всех. В одном западноберлинском кабаре даже исполняли ерническую песенку «Воссоединение», каждый куплет которой заканчивался словами:

В Бонне всяк о нем лопочет,
Но всерьез никто не хочет.

Вождям восточной части объединение тем более не было нужно. В единой Германии они бы затерялись, им хотелось иметь свое государство.

С 1947 года советская оккупационная администрация занялась подбором немецких кадров, которым передавались управленческие функции. Отвечал за это политический советник при главнокомандующем в Германии.

Первым эту должность еще 30 мая 1945 года — решением политбюро — занял заместитель наркома иностранных дел Андрей Януарьевич Вышинский, печально известная личность, недавний прокурор и организатор публичных процессов над мнимыми врагами народа.

В постановлении Совнаркома от 6 июня 1945 года «Об организации СВАГ» говорилось: «На политического советника при Главноначальствующем Советской военной администрации возлагается обязанность представления Главноначальствующему предложений и заключений по всем вопросам политического характера, в том числе и по всем внешнеполитическим вопросам, а также представление по согласованию с Главнокомандующим Советскому правительству информации о положении в Германии и своих предложений по всем вопросам, относящимся к компетенции Советской военной администрации в Германии».

Андрей Вышинский воспринимал себя как наместника Москвы в поверженной Германии. И даже такой властный и самоуверенный человек, как маршал Жуков, вынужден был уступать ему, когда речь шла о большой политике. Позднее Георгий Константинович с обидой скажет:

— Я никогда не разговаривал с Эйзенхауэром наедине. Рядом всегда был Вышинский.

Шестого августа 1945 года Вышинского, которого вызвали в Москву, сменил его первый заместитель Аркадий Александрович Соболев. Значение должности сразу упало. Соболев был дипломатом, в войну работал советником полпредства в Англии. 13 февраля 1946 года Соболева перевели в аппарат незадолго до того созданной Организации Объединенных Наций.

Этот пост перешел к Владимиру Семеновичу Семенову. Ему было всего 34 года. Маркус Вольф знал, что Семенову благоволил Сталин, и это наделяло его огромной властью. Одаренный и образованный человек, Семенов разбирался в литературе, музыке, живописи. Подражая Сталину, он приучил себя работать допоздна и устраивал совещания, когда остальным дипломатам смертельно хотелось спать.

Вообще говоря, у Главноначальствующего СВАГ был заместитель по политической части. Первым эту роль исполнял Федор Ефимович Боков. Окончив в 1937 году Военно-политическую академию имени В. И. Ленина, он стал ее начальником. В 1941–1943 годах он был сначала военным комиссаром Генерального штаба, а затем заместителем начальника Генштаба по оргвопросам. Генерал-лейтенант Боков иногда оставался в Генштабе старшим начальником и докладывал Верховному главнокомандующему оперативные разработки. Именно Сталин назначил осенью 1945-го этого человека без глубоких военных знаний и талантов на ключевую должность в Берлине. На совещании в ЦК Тюльпанов жаловался на Бокова:

— Существует нелепая конкуренция. Поэтому возникло представление о двух линиях. Ульбрихт часто спрашивает: от кого вы пришли — от Бокова или от Тюльпанова? Это совершенно порочная система. Даются параллельные указания, которые, скажу прямо, не выполняются. Он знает, что ряд его указаний я запретил исполнять… Товарищ Боков допускает очень грубые политические ошибки. Так как он знает, что мы такой приказ не выполним, дает его через нашу голову. Потом, когда это обнаруживается, он отменяется. Я говорю ответственно: Федору Ефимовичу ничего не стоит отречься от того, что он говорил. Он избегает брать на себя ответственность и при этом всегда ищет, кого можно было бы обвинить… Федор Ефимович говорит, что

его дискредитируют, не слушаются, не выполняют его заданий. Создалась абсолютно нездоровая обстановка. Я доложил маршалу, что так работать я не могу.

В декабре 1946 года Алексей Александрович Кузнецов говорил на секретариате ЦК:

— Нелегко нам хотя бы эту часть Германии, которая находится в зоне нашего влияния, целиком и полностью повернуть в нашу сторону. То, что мы из Германии очень много вывозим в порядке репараций, — это факт, и это сказывается на жизненном уровне немецкого населения. Мы демонтировали и вывезли предприятия, на которых было занято два с лишним миллиона рабочих. Теперь они не работают. Политика же англичан и американцев в вывозе оборудования иная. Это всё создает трудности для ведения пропаганды.

Но главное, что не нравилось секретарю ЦК Кузнецову, — самостоятельность Тюльпанова и других военных, которые работали в Германии:

— Целый ряд вопросов не решен. Но кто в этом виноват? Товарищи, которые работают в Германии, обязаны поставить эти вопросы перед ЦК, и я убежден, что эти вопросы ЦК решит. Мне страшно стало, когда выяснилось, что Тюльпанов решает политические вопросы в Германии, что он является лидером. Чересчур смело это! Если бы вы, товарищ Тюльпанов, имели партийную скромность, вы бы сказали: я должен в ЦК посоветоваться. Мы, секретари ЦК, очень многих вопросов не решаем самостоятельно, между собой советуемся, а очень часто ставим выше, перед товарищем Сталиным. И по каждому вопросу получаем совет, указания. А вы чересчур самостоятельно решаете.

Алексея Александровича эти слова не спасли. Когда вождь санкционирует «ленинградское дело», расстреляют и самого Кузнецова…

Весной 1947 года Бокова в Берлине сменил генерал-лейтенант Василий Емельянович Макаров. Работник московского партийного аппарата, он в войну стал профессиональным политработником. Но и его вскоре отозвали в Москву. Поставили руководить административным отделом ЦК, потом утвердили заместителем министра госбезопасности по кадрам.

А в Берлин прибыл генерал-лейтенант Александр Георгиевич Русских, которому не нравилось особое положение Владимира Семенова в СВАГ. Когда Семенов сделал замечание редактору ежедневной газеты «Советское слово» (первоначальное название «Новости дня»), выпускавшейся Советской военной администрацией, генерал Русских его отчитал:

— Я являюсь начальником над политуправлением, и ты,

Семенов, не имеешь никакого права делать замечания политуправлению!

— Я являюсь представителем правительства, а газета «Советское слово» — орган не только политуправления, но и всего СВАГ, — ответил Семенов. — За внешнеполитические дела я несу ответственность. Прошу хотя бы сообщать мне предварительно, если мои указания отменяются.

— Никакой ты не представитель правительства! — резко оборвал его генерал. — Я здесь представитель ЦК, и делать замечания исполняющему обязанности начальника политуправления мы тебе не позволим.

Дипломат Семенов пошел на попятный:

— Вопрос о замечании я считаю непринципиальным и беру свои слова обратно. Но мы должны обсудить более важный вопрос — о взаимоотношениях заместителя Главноначальствующего и политсоветника. Этот вопрос возникает всякий раз, когда сменяется заместитель Главноначальствующего.

Генерал Русских решил осадить Семенова:

— Я свое место в СВАГ знаю. А Тюльпанову дал приказ, чтобы он обо всех твоих распоряжениях мне докладывал…

Тюльпанов был очень влиятельным. Руководители Восточной Германии воспринимали его как человека, который определяет политические дела. Владимира Семенова это не устраивало. А у него было большое преимущество: в отличие от своих соперников-генералов он напрямую общался с вождем. Комиссия ЦК, изучавшая работу советских кадров в Германии, констатировала: «Тюльпанов не понимает исторических перспектив развития Германии, не разобрался в расстановке классовых сил зоны, увлекся мелким комбинаторством».

Летом 1949 года уполномоченный МГБ в Германии генерал-лейтенант Николай Кузьмич Ковальчук передал своему министру компрометирующие материалы на Тюльпанова (см. «Советская военная администрация в Германии. Управление пропаганды и С. И. Тюльпанов. Сборник документов». Москва — Санкт-Петербург. 2006). В аппарате уполномоченного МГБ СССР был 5-й отдел, который «вел работу среди советской колонии в Германии», то есть следил за своими. Численность аппарата уполномоченного МГБ в Германии достигала четырех тысяч человек (см. «Советская военная администрация в Германии. 1945–1959»).

Министр госбезопасности Абакумов 9 августа 1949 года обратился к главному кадровику партии Георгию Максимилиановичу Маленкову: «Полагал бы необходимым отозвать Тюльпанова в Советский Союз».

Его из Германии отозвали, а управление переподчинили Семенову. Но чекистам Тюльпанова не отдали, отправили в Ленинград, где он возглавил кафедру в Военно-морской академии. Ездить в Германию ему запретили. Впервые позволили побывать в ГДР, к созданию которой он приложил столько усилий, лишь в 1965 году…

Руководителей Восточной Германии регулярно приглашали в Советский Союз отдохнуть и подлечиться. Так, в СССР приезжали сопредседатель Центрального правления СЕПГ Вильгельм Пик с дочерью, руководитель партийного отдела кадров Франц Далем с женой, член Центрального правления и руководитель столичной организации Ханс Ендрецки, председатель созданного весной 1946 года Союза свободной немецкой молодежи Эрих Хонеккер. Конечно, отдыхом их пребывание в Советской стране не ограничивалось. С немецкими товарищами велись продолжительные беседы в ЦК.

Заместитель заведующего отделом внешней политики ЦК Леонид Семенович Баранов, недавний секретарь Челябинского обкома партии и парторг на тракторном заводе, жаловался на грубость и недисциплинированность Вильгельма Пика: «На пленуме Центрального правления СЕПГ т. Пик сообщил сведения, являющиеся достоянием небольшой группы руководителей партии. Тем самым т. Пик дал вражеской агентуре внутри партии материал, который может быть использован в пропаганде против СЕПГ».

Первых лиц принимал Сталин, объяснял им, что и как делать.

Шестого июля 1948 года постановлением Совета министров СССР в Восточной Германии была создана Немецкая резервно-казарменная полиция численностью в десять тысяч человек, которая должна была стать ядром будущей армии. Но многие полицейские бежали на Запад. Каждый месяц количество дезертиров измерялось сотнями.

— Надо сделать так, чтобы все полицейские восточной зоны были младшими и средними офицерами, тогда полицию можно будет развернуть в армию, — сказал Сталин.

— Командный состав не готов, — ответил Вальтер Ульбрихт. — Присланные в Германию генералы старой армии плохо подходят, так как слишком пропитаны прусским духом. Надо готовить свои кадры.

— Паулюс просится в Германию. Отпускать его? — спросил Иосиф Виссарионович.

Пик и Гротеволь в один голос ответили, что бывший генерал-фельдмаршал Паулюс в Германии не нужен.

Семенов предложил:

— На территории Советского Союза можно было бы создать военное училище для немецких коммунистов, а к преподаванию привлечь Паулюса, Зейдлица и других немецких генералов.

Вождь согласился. Но генерал Вальтер фон Зейдлиц не захотел служить в ГДР, и его вернули в лагерь для военнопленных. А в 1950 году «реваншистски настроенного генерала» посадили в Бутырскую тюрьму, судили и приговорили к двадцати пяти годам тюремного заключения. Срок он отбывал в Новочеркасске. Но в октябре 1956 года бывшего генерала выпустили.

Сталин поставил новую задачу: ГДР должна немедленно создать собственную армию. Надо сформировать 30 дивизий, поставить под ружье 300 тысяч человек. Разрешил вернуть на военную службу бывших офицеров вермахта, кроме военных преступников. Обещал военную технику.

— Американцам нужна армия в Западной Германии, — внушал гостям Сталин. — Они говорят, что держат там армию против нас. На самом деле назначение их армии состоит в том, чтобы держать под контролем Европу. Американцы вовлекут Западную Германию в Атлантический пакт и создадут западногерманские войска…

Советская пропаганда твердила о военной угрозе, исходящей от ФРГ, хотя бундесвер начали создавать только в 1955 году.

Сталин некоторое время не позволял восточногерманским коммунистам строить социализм, потому что не терял надежды получить всю Германию. Он выдвинул лозунг единства Германии, рассчитывая сохранить решающий голос в определении судьбы всей страны и доступ к промышленным районам в западной зоне оккупации. Но союзники не собирались ее уступать. Таким образом, Германия оказалась полем сражения, на котором два лагеря выясняли отношения. Судьба разделенной страны решалась с помощью дипломатии, танков и денег.

После неудачной блокады Западного Берлина стало ясно, что контроль над всей Германией невозможен. Требования Москвы о единстве Германии были скорее пропагандистской позицией, позволявшей давить на западные державы. Тем не менее Сталин продолжал наставлять руководителей Восточной Германии:

— Путь к народной демократии еще преждевременен. Надо подождать. В Германии обстановка сложная, надо идти к социализму не прямо, а зигзагами. В этом своеобразие задачи. Никакой экспроприации пока не нужно, не созрело это дело. Не нужно и никаких постановлений, прямо бьющих по голове капиталистические элементы. Вы ослабите себя этим. В деревне тех кулаков, которые платят натуральный налог, пока не трогать.

Надо сосредоточить сейчас внимание на вопросах единства Германии, мирного договора, снижении цен, повышении заработной планы. Это объединяет всю Германию. Почему я предлагаю такую оппортунистическую политику? Потому что вы еще не стоите у власти и в Германии нет единого государства.

Сталин согласился создать ГДР только 7 октября 1949 года — через четыре с половиной месяца после появления ФРГ. Возможно, на это повлияло принятие на вооружение ядерных боезарядов. Если поначалу единая Германия была нужна как часть пояса нейтральных государств, отделяющих Советский Союз от Запада, то теперь Сталин был заинтересован в том, чтобы максимально выдвинуть вперед советские войска. Как выразился бывший посол в ФРГ Валентин Михайлович Фалин, «расщепленный атом расколол Германию».

Конечно, вождь не очень верил, что сумеет сохранить Германию в своих руках. Владимир Семенович Семенов в мае 1964 года на приеме в Кремле услышал разговор маршалов Малиновского и Бирюзова и первого заместителя главы правительства Анастаса Ивановича Микояна. Тот упрекал военных в том, что они разрушили в Калининградской области ирригационные каналы. Маршалы своей вины не признали:

— Нет, это Сталин сознательно разрушал. Он не верил, что мы останемся в Германии, и боялся, что всё это снова будет против нас…

Не одному только Маркусу Вольфу, а и многим восточным немцам иногда казалось, что Сталин готов отказаться от ГДР в обмен на единую, но нейтральную Германию. Лишь бы она не вступила в НАТО. По этой же причине Молотов не хотел включать ГДР в Варшавский договор:

— Почему мы должны сражаться с Западом из-за ГДР?

Десятого марта 1952 года советское правительство предложило правительствам США, Англии и Франции подготовить и подписать мирный договор, согласованный с общегерманским правительством, которое должно быть образовано совместными усилиями. Советскую ноту от 10 марта, которую принято называть «нотой Сталина», заместитель министра иностранных дел Громыко вручил послам США, Англии и Франции в Москве. Для Вольфа это была ошеломляющая новость.

Что же предлагал Сталин?

Германия восстанавливается как единое, независимое, демократическое, нейтральное и миролюбивое государство. Все оккупационные войска выводятся. Германия даже получает право создать собственную армию. Но с одним условием: «Германия

обязуется не вступать в какие-либо коалиции или военные союзы, направленные против любой державы, принимавшей участие своими вооруженными силами в войне против Германии».

Сталин отказался от идеи как можно больше выкачать из оккупированной Германии. Стало ясно, что практичнее пользоваться немецкой промышленной продукцией. Предложение провести общегерманские выборы и создать единую, нейтральную, демилитаризованную Германию было единственно возможным ответом на образование ФРГ. Сталин хотел если не сохранить всю страну под своим контролем, то по крайней мере не дать американцам овладеть какой-то частью Германии.

Но по реакции западных стран Вольф понял: слишком поздно. Несколькими годами ранее такое предложение, возможно, перечеркнуло бы перспективу вступления Германии в НАТО. До 1948 года Сталин мог договориться с Западом на своих условиях. Но в 1952-м Западная Германия уже вооружалась. Предложение Сталина означало бы разрушение НАТО. Американским войскам, которые находились в Западной Германии, некуда было отступить. Их бы пришлось отправить за океан, а советские войска отступили бы всего на сотню километров — на территорию Польши.

Создание НАТО включало Германию в прочный союз, чтобы она больше не представляла опасности для соседей. И эта мысль не покидала политиков Старого Света: хорошо, что существуют НАТО и Европейский союз, эти структуры держат Германию в надежном корсете.

После образования ФРГ возник вопрос о создании немецкой армии. Вообще-то европейцам не хотелось вновь видеть оружие в руках немцев. Летом 1950 года американский верховный комиссар в Германии Джон Макклой не разрешил Аденауэру сформировать полицейский корпус в 20 тысяч человек.

Западные страны колебались. С одной стороны, они боялись милитаризации Западной Германии. С другой стороны, понимали — беззащитную Германию придется защищать им самим.

Аденауэр хотел, чтобы Федеративную Республику приняли в НАТО, и приложил все усилия, чтобы это произошло. Помешать этому Советский Союз не смог.

В октябре 1954 года в Париже министры иностранных дел западных держав подписали соглашение, которое открывало Западной Германии дорогу в НАТО. Министр иностранных дел Великобритании Гарольд Макмиллан заявил:

— Вступление Федеративной Республики Германия в НАТО — это историческое событие.

Ему вторил государственный секретарь Соединенных Штатов

Джон Фостер Даллес:

— Мы приветствуем здесь ФРГ, которую представляет выдающийся государственный деятель канцлер Конрад Аденауэр.

Канцлер требовал освобождения «советской зоны», то есть ГДР. Он всегда считал, что СССР не справится со своими проблемами в сельском хозяйстве и не уживется с красным Китаем.

А Сталин, принимая руководителей ГДР, повторял: хотя созданы два немецких государства, не спешите кричать о социализме. Руководители Восточной Германии чувствовали настроения «старшего брата», боялись, что для советских вождей ГДР — временный проект, что их лишат своего государства.

Вот почему генеральный секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии Вальтер Ульбрихт добивался принятия программы строительства социализма в ГДР по советскому образцу: ускоренная индустриализация и коллективизация. Хотел сделать процесс необратимым.

Быстрое развитие тяжелой промышленности сопровождалось коллективизацией на селе. Всякие насильственные преобразования в экономике влекли за собой репрессии. Власти ГДР приняли дискриминационные меры против частных предпринимателей, интеллигенции.

Восьмого июля 1952 года Москва утвердила план строительства основ социализма в братской ГДР. На следующий день, 9 июля, новая политика в форме директив была изложена на II конференции СЕПГ в Берлине.

— Партия, — говорил с трибуны Вальтер Ульбрихт, — постановляет, что в ГДР будет планомерно строиться социализм.

Через год Берлин взорвется…

Тридцатого июня 1946 года возникла граница между западными и советской зонами оккупации. В мае 1952 года граница была закрыта. Это было сделано после бесед Сталина в апреле 1952 года с руководством ГДР. Президент Вильгельм Пик записал указания вождя в дневник.

— В Западной Германии образуется самостоятельное государство, — рассуждал Сталин. — Демаркационную линию между Западной и Восточной Германией надо рассматривать как границу, и не как простую границу, а как опасную границу. Нужно усилить охрану этой границы.

Впрочем, мы забежали вперед.

В сентябре 1949 года делегация из Восточной Германии находилась в Москве. Решался вопрос о создании социалистического государства. Вильгельм Пик попал в больницу, поэтому процесс сильно затянулся. Окончательное

мнение Сталина политсоветник Семенов передал восточногерманским руководителям 28 сентября: 7 октября провозглашается ГДР, 10 октября СВАГ передает правительству все рычаги управления, 15 октября СССР и ГДР устанавливают дипломатические отношения.

Центральное правление СЕПГ сформулировало позицию: «Марионеточное правительство Аденауэра, как бы оно ни маскировалось под немецкое, является игрушкой в руках американских господ. Поэтому мы должны создать общегерманский орган, способный защитить немецкий народ от посягательств империалистических держав. Таким органом должно явиться Временное правительство немецкой демократической республики с центром в Берлине».

Седьмого октября 1949 года появилась Германская Демократическая Республика. Этот день стал праздником для Маркуса Вольфа и его семьи. Сбылось то, о чем они мечтали.

— Дружба с Советским Союзом, — говорил на митинге президент Восточной Германии Вильгельм Пик, — вот главное в политике ГДР. Ура!

Советскую военную администрацию в Германии упразднили. 10 октября создали Советскую контрольную комиссию, ее председатель Василий Иванович Чуйков оставался одновременно командующим Группой советских войск в Германии.

Одиннадцатого октября было опубликовано заявление генерала Чуйкова о введении в действие конституции ГДР и об образовании Временного правительства ГДР. Первое правительство (формально многопартийное!) сформировал бывший социал-демократ Отто Гротеволь. В тот же день президентом избрали Вильгельма Пика.

Одиннадцатого ноября председатель Советской контрольной комиссии генерал армии Василий Иванович Чуйков передал премьер-министру Отто Гротеволю документы на право управления Восточной Германией. Позднее ГДР и СССР обменялись посольствами. Первым послом в Берлин приехал Георгий Максимович Пушкин.

Но для Вольфа не было секретом: реальная власть оставалась в руках председателя Советской контрольной комиссии. Он руководил всей оккупационной машиной. При нем состоял политический советник в ранге посла. Он и ведал политическим развитием ГДР. Управление политсоветника издавало газеты «Тэглихе рундшау» (на немецком языке) и «Советское слово» (на русском). Политическим советником оставался Владимир Семенович Семенов.

А вот сменивший Чуйкова генерал-полковник Андрей

Антонович Гречко займется уже только военными делами. Решением Генерального штаба 24 марта 1954 года соединения и части, дислоцированные в восточной части страны, станут именоваться Группой советских войск в Германии, то есть формально перестанут быть оккупационной армией. В сентябре 1955 года Москва и Восточный Берлин подпишут «Протокол об условиях дислокации советских войск на территории ГДР».

Руководили Восточной Германией трое — президент Германской Демократической Республики Вильгельм Пик, глава правительства Отто Гротеволь и генеральный секретарь ЦК партии Вальтер Ульбрихт.

Пик болел и в основном представительствовал на торжественных мероприятиях. Гротеволь, как бывший социал-демократ, оставался чужаком для аппаратчиков из компартии. Уважение к премьер-министру сохранялось лишь на словах.

— Ты удостоен высокой награды за следование линии, — наставительно говорил Ульбрихт, поздравляя Гротеволя с орденом, — поэтому эта награда имеет для тебя особое значение.

Реальная власть концентрировалась в руках Ульбрихта. Советские товарищи докладывали в Москву: «Выступая с отчетом о работе центрального секретариата СЕПГ, Ульбрихт подверг персональной критике ряд лиц, чего раньше никогда не было».

Генерал Тюльпанов предупреждал секретарей ЦК:

— Ульбрихт понимает организационную работу. Конспиративно может вести любую комбинацию и сохранить ее в секрете. Но Ульбрихту не верят. Ульбрихта не любят, не любят из-за резкости. Недавно Гротеволь ему сказал: «Пик стоит во главе партии, а не вы!»

Вальтер Ульбрихт ничего не забыл и не простил. Он обвинил Отто Гротеволя в нарушении норм партийной морали. В партийных кругах (и Маркус Вольф об этом прекрасно знал) заговорили, что глава правительства ГДР затеял роман с секретаршей Иоханной Шуман. Как честный человек, Гротеволь решил развестись с женой Мартой и жениться на Иоханне. Но развод партийные моралисты не одобряли.

Вильгельм Пик обратился к Семенову:

— Иоханна в свое время была замужем за секретарем нацистской парторганизации. Политбюро намерено запретить Гротеволю развод. Для партии это плохой пример. Надо потребовать, чтобы он прекратил отношения с Иоханной, учитывая нацистское прошлое ее мужа.

Семенов посоветовал не мешать Гротеволю:

— Если мы хотим, чтобы он работал много и основательно, не надо вмешиваться в его личные дела. А Марту надо хорошо

обеспечить — выделить дом в Панкове, предоставить соответствующие льготы.

Пик все же попросил выяснить мнение Сталина. Семенов отправил шифровку в Москву. Наутро получил ответ: «Согласен с вами». Показал Пику. Отто Гротеволю разрешили вступить в новый брак. Но Вальтер Ульбрихт добился своего — оттеснил премьер-министра от принятия ключевых решений.

«Мало найдется в истории Германии политических деятелей, — вспоминал Ульбрихта известный дипломат Юлий Александрович Квицинский, — вокруг которых бушевало бы в годы их жизни столько страстей: преданности и уважения, страха и подобострастия, лютой ненависти и в то же время признания его политических талантов и ума… Он был, безусловно, самым сильным политиком из всех, которые правили ГДР».

Для Маркуса Вольфа Ульбрихт был не просто руководителем партии. Ульбрихт ему покровительствовал, он ценил Вольфа и позаботился о карьере этого молодого человека. Соответственно Вольф был ему благодарен. Он хорошо знал биографию партийного вождя.

Вальтер Ульбрихт родился 1 июля 1893 года в Лейпциге. Отец был портным, мать воспитывала троих детей. Родители были социал-демократами, и Вальтер вступил в социал-демократическую партию в 19 лет. В 1915 году его призвали в кайзеровскую армию. Он пытался дезертировать, его поймали и посадили. После немецкой революции и свержения кайзера присоединился к компартии, созданной в 1919 году. В 1921 году получил первую должность с зарплатой — политического секретаря окружной организации КПГ в Большой Тюрингии (город Йена). В 1923 году его избрали в ЦК. В 1928 году избрали депутатом рейхстага и ввели в политбюро. В ноябре 1929 года он стал партийным секретарем столичного района Берлин-Бранденбург.

В 1922 году Вальтер Ульбрихт приехал в Москву на IV конгресс Коминтерна. Он видел Ленина, что составляло предмет особой гордости в послесталинские времена, когда никто из руководителей соцстран не мог этим похвастаться, даже Хрущев. В октябре 1933 года Ульбрихт бежал от нацистов за границу. Несколько лет работал среди коммунистов-эмигрантов в Париже, Праге и других европейских городах. В 1938 году обосновался в Москве, работал в Коминтерне.

Коллеги отмечали его феноменальную память на имена, чутье, интуицию и работоспособность. Даже после тяжелого трудового дня он не ощущал усталости. Больше всего Ульбрихт был озабочен сохранением единоличной власти и не стеснялся

создания собственного культа. Одаренный организатор, он придавал большое значение мелочам. Те, кто его знал близко, считали генерального секретаря бессердечным, холодным и грубым. Как оратору ему мешали фальцет и саксонское произношение.

На встрече со Сталиным 18 декабря 1948 года Пик и Гротеволь говорили о политике и экономике. Ульбрихт попросил у вождя разрешения почистить партию:

— Проверка в одном округе показала, что 55 процентов членов партии — это кулаки. В партии состоят даже миллионеры, которые ведут американскую пропаганду. Можно провести осторожную чистку партии?

— Исключать хотите? — понимающе уточнил Сталин. — Придется исключать, но не советую Центральному правлению брать на себя всю ответственность за это дело.

«Постепенно Вальтер Ульбрихт выходил в „вожди“ и пытался поучать всех всему, — вспоминал Владимир Семенов. — Я обратил внимание товарища Сталина на минусы в поведении Ульбрихта. Сталин согласился в частностях, но отметил преданность Ульбрихта».

В Восточной Германии существовала конкуренция между коммунистами, которые в нацистские времена сидели в концлагерях, и коммунистами, которые прибыли вместе с Вальтером Ульбрихтом из Советского Союза. Став руководителем партии, Ульбрихт расставлял на ключевые посты тех, кого знал по эмиграции, «местных» вытеснял из аппарата. Маркус Вольф был своим для генерального секретаря.

Маркус приехал в Германию с советским паспортом. После образования ГДР он отказался от советского гражданства и получил немецкие документы. Он рассчитывал поехать в Москву корреспондентом радио — Фридрих Вольф в феврале 1947 года писал об этом Всеволоду Вишневскому. А в начале ноября 1949 года Маркус неожиданно вернулся в Москву — в качестве советника только что открывшегося посольства ГДР.

Он вырос в советской столице, свободно говорил по-русски, был сыном знаменитого отца, и его ценило партийное руководство. Этого было достаточно. Отсутствие дипломатического опыта значения не имело. Посольскую резиденцию устроили в гостинице «Метрополь». Вольф получил служебный кабинет и жилую комнату с огромной кроватью под балдахином.

Седьмого ноября 1949 года во время парада на Красной площади Маркус Вольф удостоился высокой чести стоять на трибуне Мавзолея вместе с высшими советскими руководителями

и немногочисленными посланцами братских социалистических стран.

В феврале 1950 года, заменяя посла, он пришел на прием, устроенный в парадном зале гостиницы «Метрополь» в честь приехавшего в Советский Союз вождя китайских коммунистов Мао Цзэдуна.

«Гул голосов в зале внезапно стих, — вспоминал Маркус Вольф. — Я обернулся и увидел Сталина. Меня поразил его маленький рост. Такой же неожиданностью оказалась для меня его лысина, похожая на тонзуру. И то и другое разительно противоречило образу „вождя“, который создавался в фильмах и на картинах».

Вольф во все глаза разглядывал Сталина и Мао Цзэдуна: «На последовавшем затем ужине я пытался запомнить каждое слово этих полубогов».

Дипломатия становилась семейной профессией. Драматург Фридрих Вольф неожиданно отправился послом в Польшу. Его жена Эльза 20 ноября 1950 года писала из Варшавы старой подруге: «Уже девять месяцев мы живем в Варшаве. Вольф очень много работает, сотрудников не хватает… Мои мальчики в Москве. Миша перевез туда и семью (его сыну четыре года, дочке — год)… Эмма теперь учится в университете, заочно изучает русский язык и литературу. У них большая квартира, очень ненадежная домработница. С Кони я созваниваюсь каждую неделю. Он с большим желанием учится на втором курсе Института кинематографии».

В отличие от Маркуса Конрад Вольф не пожелал работать в аппарате. Он даже не хотел оставаться на немецкой земле. Плохо себя чувствовал среди немцев, которые не понимали своей вины. В декабре 1946 года Кони демобилизовался в звании старшего лейтенанта. Работал в Доме культуры СССР в Берлине. Окончил вечернюю школу для советских военных в Карлсхорсте, где разместился штаб оккупационной администрации, и получил аттестат зрелости, необходимый для поступления в высшее учебное заведение. Отослал документы во ВГИК на режиссерское отделение. Он мечтал учиться и добился своего. В 1949 году он был принят на курс Сергея Аполлинариевича Герасимова.

«Как у тебя дела, Кони? — писал ему отец из Берлина. — Как сдал экзамены? Через три-четыре года я на тебя рассчитываю всерьез. А до тех пор надеюсь передать дипломатический скипетр в руки что помоложе и вернуться к своим привычным занятиям. Дела в нашем кинематографе и театре требуют полного пересмотра».

Сердечная улыбка и лоб мыслителя — таким Конрада

запомнили московские друзья.

«Среди новичков был и немец Кони, — вспоминал годы во ВГИКе один болгарский кинематографист. — Я сказал — немец, да тогда он был более русским, чем немецким парнем, этот гвардии старший лейтенант Конрад Фридрихович Вольф… Сам Кони еще не знал, кто он — русский или немец, обрусевший немец или онемеченный русский… Мы имели счастье прикоснуться к великому Эйзенштейну и, увы, вскоре склониться у его гроба. Мы с опьянением слушали блистательного Михаила Ильича Ромма… Я не стану перечислять великую плеяду вгиковских мастеров и незабываемых учителей, тогдашних повелителей нашей будущей судьбы».

Первый фильм Конрад Вольф снял по роману Эммануила Генриховича Казакевича «Весна на Одере», удостоенному Сталинской премии. С автором повести они были знакомы по службе в 47-й армии. Казакевич из-за сильной близорукости был признан негодным к военной службе. Но он ушел в народное ополчение и всю войну служил в разведке. Получил четыре ордена, написал пронзительную повесть «Звезда», дважды экранизированную.

«Весна на Одере» — не лучшее произведение Казакевича. Вообще-то книга писалась о Георгии Константиновиче Жукове. Когда рукопись была готова, маршал оказался в опале, и автору пришлось переписать многие страницы. Главный герой из командующего фронтом превратился в политработника, члена военного совета. Но именно этот роман удостоился Сталинской премии.

В 1958 году Конрад Вольф уже на берлинской студии ДЕФА снял очень достойный фильм «Звезды», в котором впервые в кинематографе социалистических стран рассказал о холокосте. Он получил за эту ленту Гран-при Каннского кинофестиваля. Фильм поведал о трагической истории македонских евреев. В 1943 году их депортировали из Пиринской Македонии и передали немцам, они были уничтожены в Треблинке.

«В первый раз я увидел Конрада Вольфа во ВГИКе, в актовом зале, в 1959-м, когда привезли фильм „Звезды“, — вспоминал директор Государственного центрального музея кино Наум Клейман. — Был полный зал. Сегодня этот фильм кажется чуть более наивным, чем тогда. Я слышал однажды, что Вольф привнес русскую душевность в немецкий кинематограф… Смешно говорить о нации Гельдерлина и Гофмана, что у нее не было понятия души. Но от нас у Конрада Вольфа особая лирическая интонация, которая, может быть, была присуща советскому кино тридцатых годов».

Сводная сестра Маркуса и Конрада несколько лет провела в ссылке. Эльза Вольф писала подруге и о печальной судьбе дочери ее мужа от другой женщины: «Ленушка живет теперь совершенно самостоятельно в Караганде. В прошлом году ее послали к матери. Она работает на заводе чертежницей и заканчивает одновременно 10-й класс. Судьба обошлась с ней довольно жестоко: она неожиданно была вырвана из спокойной жизни у Лавреневых, частично по собственной вине. Но я думаю, это пойдет ей на пользу и она еще станет полезным человеком. Кони с ней переписывается, она к нему очень привязана. Мы помогаем ей, сколько можем».

Судьба юной девушки действительно сложилась удачно. После смерти Сталина все нелепые обвинения с ее матери были сняты. Она смогла вернуться в Москву. Лена вышла замуж за преуспевающего журналиста-международника Владимира Александровича Симонова, который стал собственным корреспондентом агентства печати «Новости» и «Литературной газеты» в Англии и Соединенных Штатах. Пройдут годы, и ситуация радикально изменится. Не Маркус Вольф станет помогать сводной сестре, а она ему. В ее доме в Москве бывший начальник разведки ГДР найдет убежище. Но об этом расскажем позднее.

Пост в столице Советского Союза был знаком высокого доверия и залогом успешной карьеры. Но вся дипломатическая служба Маркуса Вольфа уместилась всего в полтора года. И он никогда не жалел, что так быстро расстался с дипломатией. Новое дело придется ему по душе.

НЕОЖИДАННОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

В августе 1951 года советника посольства Маркуса Вольфа вызвал в Берлин его начальник — кандидат в члены политбюро и статс-секретарь Министерства иностранных дел ГДР Антон Аккерман. Между ними состоялся доверительный разговор — естественно, вне стен министерского кабинета. Антон Аккерман сообщил молодому человеку, что он создает внешнеполитическую разведку и Вольфу оказано высокое доверие. Ему предстоит перейти из дипломатов в разведчики. Почему Вольф? Аккерман хорошо его знал еще с московских времен, потому что по распределению обязанностей между членами политбюро курировал радиовещание.

Шестнадцатого августа 1951 года секретным решением — и с одобрения Москвы — в ГДР образовали Научно-исследовательский институт экономических исследований — так поначалу для конспирации называлась внешняя разведка. Но официальной датой появления разведки ГДР считается 1 сентября. Создавали секретную службу восемь немцев и четыре советских советника.

Антон Аккерман не ошибся в выборе. Умный и спокойный, Маркус Вольф как бы со стороны смотрел на всё то, что многие принимали всерьез. Серьезность, с какой другие провозглашали лозунги, у него вызывала улыбку. Маркус предпочитал реальную, пусть и невидимую власть. Политику он воспринимал как сложную шахматную игру. Не бросался всё исполнять сам. Ему нравилось давать указания другим и наблюдать за тем, как их выполняют.

Оперативно-техническую службу внешней разведки ГДР создавал Рихард Штальман, заместитель Аккермана. В веймарской Германии Штальман работал в военных структурах компартии. Воевал в Испании. Считалось, что он был близок к недавнему председателю Исполкома Коминтерна Георгию Димитрову, вообще был человеком с широкими связями.

Рихард Штальман запросто заезжал к премьер-министру Отто Гротеволю домой, чтобы подписать нужный документ. Приносил валюту на оперативные нужды от министра финансов в собственном портфеле. Он выбил для своего ведомства половину из двадцати четырех лимузинов «татра», которые Прага поставила правительству в Восточном Берлине. Он же раздобыл бумагу высокого качества для изготовления фальшивых документов и нашел специалиста — умельца по изготовлению печатей и подписей.

Все директивы поступали из Москвы и переводились с русского на немецкий. Именно в эти годы Сталин сосредоточился на разведывательных делах. Он наслаждался своим положением одного из самых могущественных людей мира. В марте 1951 года он впервые обозначил Соединенные Штаты как «главного противника».

В составе аппарата Уполномоченного МГБ СССР в Германии образовали отдел внешнеполитической разведки. Ему предстояло сосредоточиться на ситуации в западной части Германии — теперь уже при помощи восточных немцев. В рамках разделения труда перед аппаратом Аккермана поставили задачу: вести политическую разведку в Западном Берлине и Западной Германии, а также заняться научно-технической разведкой — добывать сведения о создании странами НАТО современного оружия и техники.

До молодого разведчика Вольфа доходили отголоски важных разговоров в высоких московских кабинетах. Сталин выразил недовольство пассивностью разведки, требовал активных действий:

— Коммунистов, косо смотрящих на разведку, боящихся запачкаться, надо бросать головой в колодец.

Девятого ноября 1952 года в Москве бюро президиума ЦК сформировало комиссию по реорганизации разведывательной и контрразведывательной службы Министерства госбезопасности.

В секретной резолюции, принятой президиумом ЦК КПСС, говорилось: «Многие чекисты прикрываются гнилыми и вредными рассуждениями о якобы несовместимости с марксизмом-ленинизмом диверсий и террора против классовых врагов. Эти горе-чекисты скатились с позиций революционного марксизма-ленинизма на позиции буржуазного либерализма и пацифизма… не понимают той простой истины, что нельзя МГБ представлять без диверсий, проводимых им в лагере врага».

Пятнадцатого декабря 1952 года в Москве Сталин в присутствии членов Президиума ЦК принял руководителей Министерства госбезопасности.

— Главный наш враг — Америка, — повторил вождь. — Но основной упор нужно делать не собственно на Америку. Нелегальные резидентуры надо создавать прежде всего в приграничных государствах. Первая база, где нужно иметь своих людей, — Западная Германия.

Пожелание вождя довели до восточногерманских разведчиков. Задача номер один — вербовка западных немцев. Маркус Вольф начинал карьеру в разведке в отделе информации под началом Роберта Корба, с которым познакомился на радио в

Москве. Судетский немец Корб был видным партийным работником, в конце 1930-х входил в политбюро, воевал в Испании. В ГДР до перехода в разведку занимал крупный пост в отделе пропаганды ЦК СЕПГ. Он выйдет на пенсию генералом.

Отдел, состоявший из двух сотрудников и секретарши, сперва находился в здании школы в Панкове, неподалеку от квартала, где тогда жили представители высшей власти. Потом переехал в новое здание на Роландсуфер.

Вскоре Вольф стал заместителем начальника отдела внешней контрразведки. Начальником был Густав Сцинда, в прошлом опытный подпольщик. Он несколько лет воевал в Испании, где руководил борьбой со шпионажем и даже был избран членом ЦК компартии Испании. Во время Второй мировой войны был заброшен в немецкий тыл и сражался против вермахта вместе с советскими партизанами. В ГДР в аппарате ЦК руководил отделом, который курировал органы безопасности. Внешней контрразведке поручили заниматься внедрением в спецслужбы ФРГ, выяснять, что они замышляют, какими возможностями располагают и не имеют ли агентов на территории Восточной Германии.

Но как это делать? Антон Аккерман предлагал воспользоваться помощью коммунистов в ФРГ. Существовала целая сеть западных немцев, не высказывавших публично свои взгляды, но готовых всячески помогать ГДР. Своего рода тайные агенты партии. Вольф потратил несколько месяцев на изучение этих людей, чтобы понять, кому можно доверять, а кому нет. Результат его разочаровал.

Вопрос был более чем деликатным. Антон Аккерман и Маркус Вольф отправились к Ульбрихту домой. Вождь коммунистической партии обосновался с максимально возможным комфортом в правительственном квартале Панков. «Обстановка его жилища, — не без иронии вспоминал Маркус Вольф, — выдавала пристрастие квалифицированного столяра к добропорядочной буржуазной мебели с выточенными украшениями».

Они описали Ульбрихту ситуацию и сформулировали единую позицию: разведка прекращает все отношения с партийными кадрами на Западе Германии, иначе провал последует за провалом. Генеральный секретарь признал их доводы разумными. Больше разведка ГДР не имела отношений с коммунистами ФРГ.

Западные спецслужбы в поисках агентуры, по мнению Вольфа, опирались на привлекательность твердой западной валюты и на неприятие советской системы многими жителями ГДР. Вольф задумался над тем, кого и как ему вербовать на Западе. Ответ напрашивался. Во-первых, тех, кто желает единства

Германии. Во-вторых, тех, кого можно шантажировать их нацистским прошлым. Многие архивы третьего рейха остались в Восточной Германии.

Маркус Вольф заинтересовался историей специальных служб. Он искал героические фигуры, которые вдохновят молодых разведчиков. Он не хотел создавать разведку на пустом месте, ему нужны были традиции.

Вольф нашел радиста легендарного Рихарда Зорге — немецкого коммуниста Макса Клаузена. У него была сложная судьба. Он служил в советской военной разведке, в Шанхае женился на русской женщине. Поэтому после возвращения из Китая его вместо поощрения сослали в маленький городок в Саратовской области. Радист высшего класса зарабатывал на жизнь ремонтом радиоприемников. Его убрали из разведки за то, что он женился на белоэмигрантке… Но Рихард Зорге вытребовал его к себе в Японию.

Запеленговать радиостанцию Клаузена японской контрразведке так и не удалось. Он постоянно менял место выхода в эфир. Но допустил один промах — сохранил черновики уже отправленных шифротелеграмм. Они стали главной уликой против него и Зорге. Рихарда Зорге казнили в Токио. Макса Клаузена приговорили к пожизненному заключению.

После капитуляции императорской Японии американцы вернули в Советский Союз освобожденного из тюрьмы радиста Макса Клаузена и его жену. Их доставили в Москву, передали в распоряжение военной разведки и поселили на конспиративной квартире.

Жена дипломата Владимира Ивановича Ерофеева, который был помощником Молотова, — Галина Ерофеева в годы войны служила в Токио переводчицей резидентуры военной разведки, а потом в Главном разведуправлении Красной армии. Она рассказывала мне о Клаузенах:

— Они недавно вышли из тюрьмы, и у них были сероватые, несколько одутловатые лица, темные круги под глазами. Они были напуганы, не знали, что их ждет. Мне Макс показался более приятным человеком. Он был по-детски добродушен, располагал к себе. Анна была озлоблена, смотрела хмуро. Попав в сталинскую Россию, она ничего хорошего для себя не ждала.

Чету Клаузен попросили вспомнить всё — совместную работу с Зорге, поведение каждого из членов группы, вероятные причины провала, ход следствия. Клаузен с утра до вечера добросовестно печатал свой рассказ на принесенной ему пишущей машинке.

— Я вместе с одним сотрудником разбирала это, — вспоминала Галина Ерофеева, — переводила на русский язык и

отдавала начальству. Постепенно Клаузены «оттаивали», их переодели, подарили им по паре часов. Они уже перестали быть такими напуганными.

Клаузенов отправили в советскую зону оккупации Германии, ставшую потом ГДР. Макс никому ни о чем не рассказывал. Только с санкции высшего партийного руководства согласился поделиться воспоминаниями.

Маркус Вольф отыскал и Рут Вернер, которая много лет служила в советской военной разведке. Вольф с трудом уговорил ее написать мемуары — «Соня рапортует».

Соня — это ее позывной. Она была радисткой, работала и с Рихардом Зорге, и с немецкими разведчиками из знаменитой антифашистской «Красной капеллы», и с теми, кто украл у американцев атомные секреты. Но в Москве, в Главном разведуправлении Советской армии ее не очень любили и были недовольны, когда в 1980-е годы ее воспоминания «Соня рапортует» вышли на русском языке. Аппаратчикам из ГРУ не нравилось, что в истории советской разведки слишком много иностранных фамилий. Немецкая еврейка Рут Вернер, ее настоящее имя Урсула Кучински, их особенно раздражала.

Маркуса Вольфа очень интересовали причины неудач, казалось, самых профессиональных и успешных разведчиков. Он занялся историей провала знаменитой «Красной капеллы» — целой сети антифашистов, которые с конца 1930-х годов сообщали в Москву ценнейшую информацию. Нацистам удалось расшифровать радиотелеграфную переписку между центром и агентами в Германии и Западной Европе, поэтому всех агентов арестовали.

Затем Маркус изучил материалы по тайной американской операции «Венона», в ходе которой американские дешифровщики за несколько лет сумели прочитать несколько тысяч радиограмм, которыми Москва обменивалась с резидентурами разведки на территории США. При этом он выяснил, что советский агент Уильям Вайсбанд из отдела дешифрования армейской службы связи в 1948 году сообщил в Москву об успехе операции «Венона». Но ему не поверили и вовремя мер не приняли.

Маркус Вольф старался извлечь уроки из чужих неудач. И сделал главный вывод — никакого сотрудничества с коммунистами в тех странах, куда он будет посылать своих людей. Этот путь, казавшийся очевидным, вел к поражениям.

Возник вопрос: а где же взять людей для работы в центральном аппарате разведки? За подбором кадров внимательно следил советник из МГБ СССР. Категорически запрещали принимать тех, у кого остались родственники в ФРГ, и

тех, кто раньше жил в западной части страны. Они могли быть завербованы западниками… Заместитель Аккермана Герхард Хайденрейх прежде был секретарем по кадрам в Союзе свободной немецкой молодежи ГДР, он привел в разведку активистов из комсомола.

Поначалу все добытые сведения и даже имена информаторов передавали советским друзьям. Потом стали отбирать, что сообщать, а что держать в секрете.

С 1951 по 1953 год представителем советской внешней разведки был «товарищ Акимов» — полковник Андрей Григорьевич Грауэр. Он возглавлял организационно-инструкторский отдел, созданный в сентябре 1951 года при Советской контрольной комиссии и объяснял восточным немцам, как им создавать свою разведку.

Аппараты советников были созданы во исполнение постановления Политбюро от 27 февраля 1949 года для «более тесной координации усилий МГБ СССР с органами безопасности стран народной демократии в обстановке холодной войны». В октябре 1951 года Политбюро ЦК КПСС утвердило «Наставление для советников МГБ СССР при органах государственной безопасности в странах народной демократии». Советникам разрешалось давать «практические советы только в устной форме». Запрещалось вмешиваться в решение кадровых вопросов, самим работать с агентурой, допрашивать арестованных и участвовать в оперативной разработке высших руководителей страны, в которой они работали.

Полковник Грауэр служил в НКВД с 1938 года. В «Очерках истории российской внешней разведки» говорится, что Андрей Грауэр «завоевал симпатии своих немецких коллег-учеников». На самом деле его подопечные довольно быстро обратили внимание на странности в поведении советского полковника.

«Он стал болезненно недоверчивым, — вспоминал Маркус Вольф. Видимо, сказались и профессиональная деформация личности, и тревожная атмосфера сталинского времени. Мания преследования всё отчетливее проявлялась в поведении Грауэра. И сверх того, его отношения с Аккерманом, которому подчинялась наша служба, стали невыносимо напряженными из-за овладевших Грауэром навязчивых идей. В конце концов Грауэра отозвали в Москву, где к тому времени, конечно, заметили, что он перешел границу, отделяющую нормальное поведение от паранойи».

Болезненная подозрительность московского полковника привела к тому, что своей должности лишился Антон Аккерман, уважаемый в партии человек. Он руководил разведкой всего год.

САМЫЙ МОЛОДОЙ НАЧАЛЬНИК РАЗВЕДКИ

Его настоящее имя Ойген Ханиш. Он родился 25 декабря 1905 года в Саксонии в рабочей семье. В 15 лет вступил в Союз коммунистической молодежи. Когда ему исполнилось 20, его приняли в компартию. В 1929 году послали в Москву учиться в Международной ленинской школе.

После прихода нацистов к власти Антон Аккерман руководил берлинскими подпольщиками, был избран в политбюро. В 1935-м эмигрировал в Прагу. Через два года отправился в Испанию, где шла гражданская война. В 1940-м через Париж прибыл в Москву. Его отличал Георгий Димитров. Аккерман трудился в аппарате Коминтерна и руководил в Москве немецкой редакцией вещания на иностранных языках. После начала войны работал с немецкими пленными. Вошел в комитет «Свободная Германия». В 1945 году был награжден орденом Красного Знамени.

Он вернулся в Германию сразу после крушения третьего рейха. Работал в родной Саксонии. В 1940-е годы Пик, Ульбрихт и Аккерман составляли ведущую тройку в руководстве партии. Он занимался объединением коммунистов и социал-демократов в единую партию — СЕПГ. В 1949 году его сделали кандидатом в члены политбюро, в 1950-м он стал депутатом Народной палаты, заместителем министра иностранных дел.

Спецслужбы копировали советские образцы. В СССР разведку отделили от остального аппарата госбезопасности, назвали Комитетом информации и подчинили министру иностранных дел Молотову. Так же намеревались поступить и в ГДР. Но первым восточногерманским министром иностранных дел — ради внешнеполитического антуража — сделали христианского демократа Георга Дертингера. Такому человеку политбюро не могло поручить руководство разведкой. Поэтому службу возглавил его заместитель — коммунист Антон Аккерман.

Никто точно не знает, почему Сталин вдруг передал внешнюю разведку под крыло МИДа. В основе, наверное, лежало его инстинктивное желание постоянно перетряхивать аппарат госбезопасности.

Возможно, он вспомнил, что в Англии, которая занимала его мысли, разведчики по традиции подчинены дипломатам. Разведка существует ради того, чтобы помогать находить верные внешнеполитические решения. И дипломаты присматривают за тем, чтобы разведчики не натворили глупостей. Иная успешная

спецоперация может сильно повредить интересам собственной страны…

Но в Англии эта система работает, потому что внешняя разведка МИ-6 — сравнительно небольшая служба и она не играет в жизни страны сколько-нибудь значимой роли. Другое дело Советский Союз и скроенные по его образцу социалистические страны! В такой системе влияние спецслужб трудно переоценить, поэтому разведчикам было тесно и неуютно под руководством дипломатов, тем более что чекисты не привыкли делиться с ними информацией и исполнять их указания.

Соединение внешней разведки и дипломатии породило массу трудностей. Разведчикам всё равно не хотелось допускать дипломатов до своих тайн, хотя во время существования Комитета информации формально послы были «главными резидентами» в стране пребывания. В реальности разведчики по-прежнему старались не делиться своей информацией с послами. Да и руководители аппарата госбезопасности, которых лишили важного звена, жаловались, что разведка слишком оторвана от контрразведки.

Неудовлетворенность Сталина воплощением собственных идей привела к тому, что решением Политбюро 1 ноября 1951 года и политическая разведка была передана в Министерство государственной безопасности.

В составе Комитета информации при МИДе остались аналитики — примерно полторы сотни человек. Написанные ими доклады и аналитические записки направлялись на имя вождя в его секретариат. Копии раздавались членам Политбюро. В комитете работали люди, которые со временем заняли видное место в политическом истеблишменте, в частности будущий посол в ФРГ Валентин Фалин, который с сожалением писал в мемуарах, что после смерти Сталина Комитет информации стал чисто мидовским подразделением.

Этот так называемый «маленький» Комитет информации находился в особняке на Гоголевском бульваре. Но в Министерстве обороны и КГБ на него все равно смотрели ревностно-раздраженно. В 1958 году по предложению председателя Комитета госбезопасности генерала армии Ивана Серова комитет упразднили. Окончательно утратив функции спецслужбы, он превратился в управление внешнеполитической информации. Уже не «при», а в структуре министра иностранных дел.

Существование Комитета информации подорвало позиции аналитиков в ведомстве госбезопасности. В 1953 году

информационно-аналитическое управление сильно сократили — из ста семидесяти работников оставили тридцать. Да еще и назвали подразделение отделом переводов и обработки информации. Только в сентябре 1962 года отдел увеличили и преобразовали в информационную службу (Службу № 1) Первого главного управления КГБ…

Так что внешняя разведка как отдельная служба под контролем дипломатов просуществовала недолго. А в Восточном Берлине превращение разведки в самостоятельную службу ускорила личная позиция Антона Аккермана. Он позволял себе не соглашаться с генеральным секретарем Вальтером Ульбрихтом, а это было опасно для карьеры. Ульбрихт нашел способ отодвинуть непослушного коллегу от власти.

Аккерман в 1946 году опубликовал тезисы об особом «немецком пути к социализму», считая, что можно обойтись без диктатуры пролетариата, то есть без излишней жестокости. Но тут у Сталина возник конфликт с югославским лидером Иосипом Броз Тито, который считал себя самостоятельным политиком. Всем социалистическим странам было велено строго следовать по советскому пути. Воспользовавшись борьбой Москвы против концепции «национального социализма» в Югославии, Вальтер Ульбрихт обрушился на Антона Аккермана.

«Ульбрихт организовал разоблачение концепции Антона Аккермана об „особом немецком пути к социализму“, — рассказывал Владимир Семенов. — Видимо, тут был и элемент борьбы за лидерство… Ульбрихт старался занять первое место в партии, сначала затушевывая личность Тельмана, с которым, по слухам, имел стычки, когда был секретарем берлинской организации. Потом Ульбрихт пытался зажать и Пика, а особенно Гротеволя, но СВАГ (и ЦК нашей партии) не дал этого сделать, на что Вальтер реагировал нервно».

На пленуме Центрального правления СЕПГ Аккерману пришлось оправдываться, каяться, говорить, что не может быть никакого особого, немецкого пути к социализму:

— Путь к социализму один, это путь, указанный марксистско-ленинским учением. Нет и не может быть социализма без дружбы с Советским Союзом… Теория об особом немецком пути — ложная, гнилая и опасная.

В декабре 1952 года Маркуса Вольфа неожиданно вызвали к генеральному секретарю ЦК Вальтеру Ульбрихту. Аппарат ЦК располагался неподалеку от Александерплац. В секретариате Вольфу сказали, что генсек на совещании, попросили подождать. Потом появился озабоченный Ульбрихт и повел Вольфа в комнату своей жены и сотрудницы Лотты. Нетерпеливо попросил ее

оставить их одних. Без предисловий и не глядя на собеседника, сказал, что Аккерман попросил освободить его от обязанностей руководителя внешнеполитической разведки. Коротко пояснил:

— По состоянию здоровья.

Маркус Вольф этого ожидал. В Берлине ходили слухи, что Антон Аккерман позволял себе лишнее в личной жизни, а это вызывало раздражение партийных блюстителей морали и нравственности. И конечно же, Вольф знал, что недовольство работой Аккермана выражал советский представитель полковник Грауэр.

А вот следующая фраза генерального секретаря повергла Вольфа в изумление.

— Мы считаем, что ты должен возглавить службу, — заявил Ульбрихт.

Маркус Вольф не стал спорить с главой партии. После разговора с Ульбрихтом он вернулся к себе. Ему было всего 29 лет, и он стал самым молодым руководителем разведки. Особенности работы в разведке исключали возможность поделиться своей радостью даже с самыми близкими друзьями. Церемония вступления в должность прошла буднично. Временно исполнявший обязанности начальника разведки Рихард Штальман с чувством величайшего облегчения передал Вольфу ключи от сейфа. И представил его человеку, с которым Вольфу предстояло работать много десятилетий, — начальнику контрразведки.

Эрих Мильке встретил Маркуса Вольфа очень холодно и выразил сомнения относительно нужности разведки как отдельной службы. Но Вольф чувствовал себя уверенно, он был своим в узком кругу высшей номенклатуры. К тому же Вальтер Ульбрихт объяснил новому начальнику разведки, что подчиняться тот будет только ему — генеральному секретарю ЦК. Тем самым Вольф был поставлен на более высокий уровень, чем Эрих Мильке, который подчинялся министру госбезопасности ГДР.

«Взаимоотношения между Мильке и мною всегда были противоречивыми и сложными, — рассказывал Маркус Вольф. — Он создал контрразведку. Это происходило без серьезного участия партийного руководства и стоявших над ним министров, которых он не допускал к решению каких-либо организационных и оперативно-практических вопросов. Мильке последовательно свергнул двух министров.

Когда мы познакомились, он отнесся ко мне с резкой антипатией. Разведку, то есть службу информации, он долгие годы считал ненужной и обременительной. Мало того, он

рассматривал ее как плод ошибки. Разведка возникла независимо от госбезопасности, и для многих подчиненных ему ответственных работников эта служба казалась чем-то подозрительным, инородным телом в министерстве».

Маркус Вольф возглавил внешнюю разведку в один из самых острых периодов холодной войны. В последний сталинский год возможность новой войны в Европе казалась вполне реальной. В Москве министр госбезопасности Семен Денисович Игнатьев и министр Вооруженных сил маршал Александр Михайлович Василевский разработали план действий против натовских и американских военных баз. Первый удар предполагалось нанести по штаб-квартире НАТО. Немецких товарищей просили помочь. Вольф старался. Поток добытой разведывательной информации был огромным. Недостатком было нежелание сообщать то, что могло вызвать недовольство центра. Когда речь шла о политических делах, картина происходящего в мире сознательно искажалась. Агенты писали то, что хотели видеть курирующие офицеры, которые платили им деньги. Офицеры, добывающие информацию, в свою очередь, учитывали пожелания резидента. А тот, отправляя шифровку в центр, ориентировался на настроения начальства. Такая система сложилась во всех соцстранах. Пример показывала Москва.

Полковник Юрий Иванович Модин, который после войны проработал в общей сложности около десяти лет в лондонской резидентуре и курировал ценнейших советских агентов, вспоминал: «Во всех странах секретные службы стараются добыть как можно больше информации по самым разным вопросам, затем она оценивается и распределяется между различными правительственными организациями. Наши методы работы были совершенно иными. Мы всегда получали приказ свыше добывать только определенную информацию».

Не разведывательная информация была исходным материалом для анализа политических процессов, а собственные представления Сталина о мироустройстве. От разведки же требовалось подтвердить правоту выводов вождя.

Первые полгода Маркус Вольф действительно подчинялся самому Вальтеру Ульбрихту. Весной 1953 года разведку все же передали под контроль министра госбезопасности и члена политбюро Вильгельма Цайссера, но не включили в состав Министерства госбезопасности. Сам Цайссер нисколько не возражал против самостоятельного положения Маркуса Вольфа. Более того, он всячески его поддерживал.

Вильгельм Цайссер был человеком с богатой биографией. В свое время вступил в Союз Спартака и участвовал в неудачном

вооруженном восстании немецких коммунистов в 1923 году. После подавления восстания бежал в Советский Союз. Работал на советскую военную разведку в Китае. В Испании командовал интернациональной бригадой под псевдонимом «генерал Гомес». Во время войны работал в советских лагерях для немецких военнопленных.

Он был спокойным и уверенным в себе человеком, что приятно отличало стиль его работы от «суетливости и важничанья» Мильке и «жесткого и обезличенного» стиля Ульбрихта. Он принимал Вольфа раз в неделю. Но ему интереснее было обсуждать тонкости перевода собрания сочинений Ленина на немецкий язык. Он презирал раболепство Мильке.

«Мильке был служакой, который всегда ориентировался на хозяина, — рассказывал Вольф. — Цайссер едко сказал мне, что Мильке так растворяется в тени своего дражайшего шефа Вальтера Ульбрихта, что невозможно различить даже кончиков его собственных сапог. Густав Сцинда, тоже воевавший в Испании, — он недолго пробыл моим начальником в разведке — рассказывал, что Мильке всегда представал перед начальством тщательно начищенным и подтянутым. Отличался аккуратным исполнением приказов и прислужничеством в сочетании с наушничеством».

Цайссер не скрывал неприязни и к Ульбрихту. Собственно говоря, генсека не любили, пожалуй, все эмигранты, считали «бессердечным и бесчувственным». Его авторитарность раздражала даже Пика и Аккермана. Но Вольф не позволял себе критиковать генерального секретаря.

Накануне Пасхи 1953 года в хозяйстве Маркуса Вольфа случилась большая неприятность. Бежал на Запад сотрудник разведки Готхольд Краус. Он выдал всех, кого знал. В Восточном Берлине создали комиссию под руководством статс-секретаря Мильке для проверки личного состава. В ведомстве Вольфа устроили чистку. Для конспирации различные подразделения разместили в разных зданиях, чтобы разведчики не знали друг друга, — предосторожность на случай нового провала.

Эрих Мильке был тогда статс-секретарем, то есть заместителем министра госбезопасности. Он строил планы создания собственной разведслужбы. Управление разведки Вольфа считал конкурирующей фирмой. Но в тот момент он поделать ничего не мог. По должности они были равны.

В Испании Эрих Мильке служил адъютантом Вильгельма Цайссера. Занимался проверкой благонадежности бойцов интербригад, а также борьбой с анархистами и сторонниками

Троцкого, которые тоже воевали против Франко.

Когда войска Франко взяли верх над республиканцами, интернациональные бригады покинули Испанию. Мильке интернировали в Бельгию. Когда в мае 1940 года Германия нанесла удар на Западе, интернированных перевели во Францию. Там он оставался и во время немецкой оккупации. Это самая темная страница в биографии министра госбезопасности. Он рассказывал, что валил лес и некоторое время под чужим именем работал в «организации Тодта», это военно-строительная корпорация, созданная в нацистской Германии для работ оборонного значения.

После разгрома Германии Мильке попал в американский лагерь для военнопленных. Но его быстро отпустили. В июне 1945 года он уже был в Берлине и написал письмо Антону Аккерману — напомнил о себе. Несмотря на молодость, Эрих Мильке уже был человеком с именем. Вальтер Ульбрихт распорядился использовать его на полицейской работе. В 1946-м Мильке стал заместителем начальника управления внутренних дел в советском секторе Берлина.

Шестнадцатого августа 1947 года приказом главы Советской военной администрации в Германии внутри народной полиции образовали так называемый «пятый комиссариат» (К-5). Это было первое ведомство госбезопасности, хотя Союзная контрольная комиссия запретила возрождать политическую полицию. Начальником сделали Вильгельма Цайссера, его заместителем — Мильке. Пятый комиссариат преобразовали в Главное управление защиты народного хозяйства при Министерстве внутренних дел.

А на встрече со Сталиным в декабре 1948 года в Москве Вильгельм Пик и Вальтер Ульбрихт попросили разрешения создать самостоятельные органы государственной безопасности.

Сталин одобрил инициативу. Присутствовавший на беседе Владимир Семенов осторожно заметил:

— Имеются возражения со стороны товарища Абакумова.

Генерал-полковник Виктор Абакумов после войны возглавил Министерство государственной безопасности. Сталин пренебрежительно отмахнулся:

— Не дело Абакумова решать такой вопрос. Можно создать органы госбезопасности в рамках немецкой уголовной полиции.

Поинтересовался у гостей:

— Надежные ли люди подобраны?

Вальтер Ульбрихт заверил вождя:

— Надежные.

Двадцать восьмого декабря 1948 года в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) записали: «Поручить МГБ СССР (т.

Абакумову) и Советской военной администрации в Германии (т. Соколовскому) представить в ЦК к 10 января 1949 г. предложения о создании в рамках немецкой уголовной полиции органов государственной безопасности».

Второго апреля 1949 года Абакумов доложил вождю, как в ГДР исполняют его указание: «Во всех уездах, где организуются немецкие органы госбезопасности, также создаются и уездные отделы МГБ. На аппарат Уполномоченного МГБ и оперативные сектора теперь ложится работа по руководству и контролю над немецкими органами безопасности».

Восьмого февраля 1950 года, через четыре месяца после создания ГДР, на заседании Народной палаты министр внутренних дел Карл Штайнхоф предложил создать отдельное ведомство госбезопасности:

— Это необходимо, потому что в последнее время участились случаи нападений на советских солдат, проходящих службу в ГДР. Шпионы, диверсанты и саботажники всё заметнее. Для защиты социалистической родины необходима сильная структура, способная бороться не только с внутренним врагом, но и с происками империалистических спецслужб.

Народная палата приняла закон о преобразовании Главного управления по защите народного хозяйства в Министерство государственной безопасности. 24 февраля свою подпись поставил президент Вильгельм Пик. Вильгельм Цайссер стал министром. Эрих Мильке — его заместителем, в том же 1950 году его ввели в состав ЦК партии.

Поначалу Мильке сам вел допросы. Следственный изолятор МГБ разместили в берлинском районе Хоэншёнхаузен. Узников доставляли в фургонах с надписью «Хлеб», «Молоко» или «Живая рыба».

Межзональную границу давно закрыли, и людей, как правило, сажали за попытку бежать в Западную Германию. Методы были те же, что и в НКВД: заключенных избивали, лишали сна, держали в крохотных камерах без окон. В следственной тюрьме половина камер была без света. Узники сидели там месяцами, годами, теряли чувство времени. Им сознательно давали мало воды и кормили пересоленной пищей, чтобы они страдали от жажды. В маленьких камерах держали по шесть-семь человек. Бывшие заключенные рассказывали, что ночью, когда одному нужно было повернуться на другой бок, поворачиваться приходилось всем вместе.

Допросы проводились ночью, узникам не давали спать. Арестованного приводили в состояние полной беспомощности, пока, как говорил один из бывших заключенных, «тебе не станет

совершенно безразличной твоя жизнь и тебе не будет на всё наплевать». Требовали признания. Если арестован, значит, виновен. Люди ломались и сознавались во всём, что от них требовали следователи МГБ.

Поначалу советские и немецкие офицеры госбезопасности работали рука об руку. Потом остались только немцы. Служили здесь бывшие солдаты вермахта, которые прошли через советские лагеря и антифашистские курсы. Они отправились на Восточный фронт фанатичными национал-социалистами, а вернулись после войны фанатичными коммунистами.

В одном из зданий рядом с тюрьмой разместили оперативно-техническое управление Министерства госбезопасности.

В соседних жилых домах в квартирах на верхних этажах, откуда видна тюрьма, селили только чекистов. Сотрудникам Министерства госбезопасности больше платили, быстрее давали квартиры. Но главное — они были наделены тайной властью над остальными людьми. Население их недолюбливало.

После смерти Сталина телесные наказания запретили.

В спецшколе МГБ учили, как вести допросы без физического насилия. Главный метод — полная изоляция. После трех-четырех недель возникало непреодолимое желание хоть с кем-нибудь поговорить. Заключенные стучали в дверь:

— Почему меня не вызывают на допрос?

Следственная часть размещалась в отдельном крыле. На трех этажах оборудовали кабинеты для следователей. Широко использовался несложный прием: хороший следователь — плохой следователь. Один кричал и угрожал, другой приходил в хорошем настроении:

— Зачем вам запираться? Пожалейте себя: для вас это жизнь, а для нас всего лишь служба.

Сотрудникам МГБ присвоили воинские звания, как и в Советском Союзе. Численность нового министерства составляла почти 12 тысяч человек, около половины — оперативный состав.

Аппарат восточногерманской госбезопасности формировался под присмотром генерал-майора Михаила Кирилловича Каверзнева, представлявшего МГБ СССР. Количеством арестов восточные немцы уже могли похвастаться перед «старшим братом», но генерал Каверзнев сигнализировал в Москву о слабой подготовке сотрудников министерства. Просил прислать опытных работников на роль советников. Но немецким чекистам постепенно предоставляли больше самостоятельности и позволяли проявлять инициативу.

Последние месяцы 1952-го и первые месяцы 1953 года не только в Москве, но и в Восточном Берлине были временем

больших акций. За семь недель до смерти Сталина Маркус Вольф узнал, что в ночь с 15 на 16 января арестован его недавний начальник — Георг Дертингер, первый министр иностранных дел ГДР.

Сегодня мало кто помнит эту политическую фигуру. Но его драматическая судьба характерна для того времени. Юность Георга Дертингера пришлась на Первую мировую войну. Он мечтал стать офицером, поступил в кадетское училище. Но война окончилась раньше, чем он успел попасть на фронт. В Веймарской республике Дертингер стал журналистом, работал в «Стальном шлеме», журнале националистической организации бывших фронтовиков, почетным президентом которой стал Пауль фон Гинденбург. Почувствовал интерес к политике и вступил в Немецкую национальную народную партию. Вошел в кружок католика-аристократа Франца фон Папена, которому суждено было возглавить правительство страны.

При нацистах Георг Дертингер, католик по убеждениям и консерватор по взглядам, нашел себе место в информационном агентстве, занимавшемся распространением новостей из рейха за границей, иначе говоря, оно ведало внешнеполитической пропагандой. Дертингер не принял нацистского режима, общался с людьми, которые входили в католическое Сопротивление.

После войны он принял участие в создании Христианско-демократического союза в советской оккупационной зоне. В западной части Германии ХДС выиграл выборы и стал правящей партией. В восточной части христианским демократам ходу не давали, но ради международного реноме позволили партии сохраниться. Дертингер безоговорочно поддерживал коммунистов, и в первом правительстве ГДР ему предложили пост министра иностранных дел.

Назначение было лестным, но не означало никакого участия в определении политики страны. Германскую Демократическую Республику признавали только Советский Союз и другие социалистические страны, с ними все контакты поддерживались по партийной линии. Но пока Маркус Вольф работал в посольстве в Москве, формальные отчеты адресовались министру Дертингеру.

Однажды Дертингера — по ошибке — привезли к генерал-полковнику госбезопасности Богдану Кобулову, облюбовавшему для себя уютный особняк в Карлсхорсте. Увидев, в чьем кабинете он оказался, министр иностранных дел побледнел. Ему стало плохо. Но выяснилось, что это ошибка. Кобулов ждал другого чиновника, и министра отпустили.

Георг Дертингер три года руководил министерством. 25

декабря 1952 года в Берлине отметили его пятидесятилетие. Поздравить юбиляра приехали президент страны Вильгельм Пик и премьер-министр Отто Гротеволь. А через несколько дней Маркус Вольф узнал о конце блестящей карьеры своего недавнего начальника. Министра иностранных дел сняли с должности и арестовали за «враждебную деятельность по заданию империалистических шпионских служб».

Руководство восточногерманского ХДС поспешило осудить своего однопартийца и приветствовать «бдительность наших органов безопасности». На расширенном секретариате партии в Веймаре, не дожидаясь судебного вердикта, его исключили из ХДС, сформулировав это решение следующим образом: «Своим двурушничеством Дертингер сумел втереться в доверие к партии и демократических сил всей Германии. Он позорно предал партию и высокие цели нашей национальной борьбы за единство и мир».

Исполнять обязанности министра иностранных дел Ульбрихт поручил Антону Аккерману. Всего на несколько месяцев…

Смерть Сталина поставила точку во многих показательных процессах, затеянных госбезопасностью во всех странах социалистического лагеря. Несправедливо обвиненных отпускали. Но в ГДР не произошло смены руководства, и попавшие под каток репрессий не подлежали освобождению. В июне 1954 года Коллегия по уголовным делам Верховного суда ГДР признала Георга Дертингера виновным в работе на американскую, английскую и западногерманскую разведки и приговорила к пятнадцати годам тюремного заключения. Его жене дали восемь лет — «как соучастнице».

Трое детей Дертингеров остались без родителей. Старшего сына, шестнадцатилетнего, решением суда отправили в исправительную колонию для подростков. Тринадцатилетнюю дочь поместили в следственный изолятор, где она провела несколько месяцев. Самому младшему, Кристиану, было всего восемь лет. Его решили перевоспитать и превратить сына врагов народа в пламенного строителя коммунистического общества.

Мальчика передали на воспитание в семью сотрудников Министерства государственной безопасности. Ему внушили, что он сирота, родители его погибли в войну. И дали другое имя — Кристиан Мюллер, выписав новое свидетельство о рождении. Повзрослев, Кристиан вступил в Союз свободной немецкой молодежи. И вдруг выяснилось, что его мать жива и она хотела увидеть своего сына. Куратор из МГБ сказал Кристиану:

— Твоя мать вышла из тюрьмы и требует, чтобы тебя вернули ей. Придется тебе к ней поехать.

Ему вновь сменили фамилию — вернули прежнюю. Только теперь он узнал, что приключилось с его родителями. В тюрьме в Баутцене увидел отца. Свидание разрешалось четыре раза в год. Его старшему брату и сестре в 1957 году удалось уехать в Западную Германию. Марту Дертингер освободили в ноябре 1960 года. Георга помиловали только в мае 1964 года, он отсидел 11 с половиной лет. После выхода из тюрьмы Георг работал в книжном издательстве и занимался церковной благотворительностью.

Драматичная история первого министра иностранных дел ГДР — следствие кампании чисток, которые прошли в социалистическом лагере в последние годы жизни Сталина. Маркус Вольф воспринимал это болезненно, хотя виду не подавал.

Вольф узнал, что в Праге арестован секретарь ЦК компартии Чехословакии Бедржих Геминдер, его бывший начальник в московском Институте № 205. В ноябре 1952 года его посадили на скамью подсудимых по делу генерального секретаря ЦК компартии Чехословакии Рудольфа Сланского.

Сланский в 20 лет вступил в компартию, в годы войны руководил чехословацким штабом партизанского движения, в 1944-м был одним из участников антифашистского восстания в Словакии, которая после расчленения Чехословакии стала марионеточным государством под германским контролем.

Маркус Вольф по понятным соображениям не мог не отметить, что из четырнадцати подсудимых 11 были евреями. Процесс в Праге носил откровенно антисемитский характер. Один из обвиняемых заместитель министра иностранных дел Чехословакии Артур Лондон позднее рассказал, что на допросе следователь требовал при упоминании каждого нового имени указывать, еврей это или нет. А составляя протокол, следователь вместо слова «еврей» писал «сионист»:

— Мы служим в аппарате госбезопасности демократической республики. Слово «жид» (так чехи называли евреев) оскорбительно. Поэтому пишем «сионист».

Артур Лондон пытался объяснить малограмотному следователю, что «сионист» — термин политический, а не этнический. Следователь ответил, что это неправда:

— Мне так сказали писать. В Советском Союзе слово «жид» тоже запрещено. Там пишут «сионист».

Президент Чехословакии Клемент Готвальд публично заявил:

— В ходе следствия и во время процесса антигосударственного заговорщического центра был вскрыт новый канал, по которому предательство и шпионаж проникают в

коммунистическую партию. Это — сионизм.

Отныне под словом «сионизм» имелось в виду не стремление евреев уехать в Палестину, а то, что нацисты называли «мировым еврейством». Слова руководителя социалистической Чехословакии означали, что любой еврей может быть назван сионистом, а следовательно, предателем и шпионом.

В Восточной Германии антисемитизм не был в ходу — слишком памятны были нацистские времена. Но если ФРГ признала Израиль, ГДР этого не сделала. Член политбюро ЦК СЕПГ Пауль Меркер, ветеран партии и соратник Эрнста Тельмана, считал, что немецким евреям следует компенсировать их страдания, признать евреев национальным меньшинством и тем самым хотя бы в малой степени снять с себя ответственность за дикий антисемитизм времен третьего рейха. Товарищи с ним не согласились: «Меркер хочет раздать имущество немецкого народа и укрепить сионистско-капиталистический Израиль».

Пауля Меркера исключили из политбюро, 1 декабря 1952 года арестовали и судили как «французского шпиона» (после прихода нацистов к власти он эмигрировал во Францию). В партийном и государственном аппарате началась проверка «товарищей еврейского происхождения». Среди немногих оставшихся в ГДР евреев подбирали подходящие жертвы для большого судебного процесса, как в Праге. Даже такой хладнокровный человек, как Маркус Вольф, ощущал в душе холодок, читая материалы процесса над Сланским.

В Праге 11 подсудимых приговорили к смертной казни, троих — к пожизненному тюремному заключению. 3 декабря 1952 года приговор привели в исполнение. Рудольфа Сланского, Бедржиха Геминдера и других, кого Вольф хорошо знал, повесили. Трупы казненных сожгли. Советники — офицеры из советского Министерства госбезопасности — собрали пепел в мешок из-под картофеля, выехали из Праги и высыпали его на дорогу. В ГДР повторить акцию чехословацких товарищей не успели — Сталин умер.

ТЯЖЕЛЫЙ РАЗГОВОР В МОСКВЕ

Маркус Вольф использовал уникальную возможность заслать как можно больше агентов в Западную Германию вместе с потоком людей, покидавших ГДР. Вольф отправлял на Запад под видом беженцев молодых парней и девушек, которые не вызывали ни малейшего подозрения в ФРГ. Начальник разведки не торопил своих людей. У них были годы, чтобы прижиться и найти подходящее место. Только после этого они начинали работать на Вольфа.

Переброской ведал 6-й отдел Главного управления разведки. Там готовились практически идеальные документы. Как правило, засылаемым на Запад выдавали документы жертв воздушных налетов союзников на Дрезден, потому что многие погибшие — беженцы — не попали в список. Но существовала опасность, что реальный владелец документов выжил и преспокойно живет в ФРГ. Вольфу пришла в голову идея воспользоваться нацистской программой «Лебенсборн».

Еще до войны, в декабре 1935 года, рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер основал организацию под названием «Лебенсборн» (в переводе с немецкого — «Источник жизни»). Это не были дома свиданий, как принято считать, а приюты для внебрачных «нордических» детей, рожденных преимущественно от эсэсовцев. В Германии рождаемость падала, как и в других европейских странах. Это компенсировалось сокращением детской смертности, но нацисты говорили о «вымирании нации». Они призывали женщин отдать себя семье, рождению детей и рейху.

— Самое важное, что женщина может сделать для общества, — говорил заместитель фюрера по партии Рудольф Гесс, — это подарить расово полноценного ребенка, необходимого для выживания нации.

Нацисты запретили продажу контрацептивных средств и закрыли центры планирования семьи. Аборт считался преступлением. В приюты «Лебенсборн» могли обращаться одинокие беременные женщины или молодые матери, которым некуда было деваться и которые не могли или не хотели в одиночку растить ребенка. Ведало программой Главное управление СС по делам расы и поселений. Специалисты главка проверяли родословную отца и матери. Если они соответствовали расовым стандартам, детей принимали в приют. Потом младенцев передавали в эсэсовские семьи на воспитание…

Теперь по указанию Вольфа голубоглазые блондины поехали на Запад и по найденным в нацистских архивах спискам стали

искать реальных матерей, которые во время войны действительно отдали новорожденных детей в приюты СС. И со слезами счастья на глазах говорили этим женщинам:

— Я твой сын (или дочь).

Это открывало разведчикам надежный путь для легализации на Западе.

«Федеративная Республика представляла для восточных спецслужб идеальную оперативную базу, ибо каждого немца, который прибывал к нам из ГДР, мы рассматривали как соотечественника, — рассказывал западногерманский дипломат Андреас Майер-Ландрут. — Поэтому разведка ГДР, руководимая Маркусом Вольфом, внедряла агентов обоих полов и пристраивала их на разные должности».

Целый отдел занимался созданием легенды для агента. Одну женщину, переправленную в ФРГ, выдавали за бывшую парикмахершу. Это был реальный человек, она лежала в психиатрической больнице в ГДР. Офицеры госбезопасности отвечали за то, чтобы она не выздоровела и не покинула клинику.

Нелегалов учили передаче и приему радиограмм, шифровке и дешифровке. Появились сравнительно небольшие передатчики и приемники размером с пачку сигарет. Такие передачи длились несколько секунд, и никто не был пойман во время сеанса связи. Но ударом для Вольфа станет расшифровка западными немцами радиограмм Главного управления, отправленных до 1961 года. В результате будет разоблачен один из самых его успешных агентов….

Учили скрытой фотосъемке, использованию тайнописи, закладке тайников. Объясняли, как готовить и проводить встречи. Старались психологически подготовить к самым невероятным случайностям. Объясняли, как устанавливать доверительные отношения, как завоевывать расположение людей. Предупреждали: даже в дружеских отношениях далеко заходить нельзя. Подготовка к вживанию в другой стране занимала примерно два года.

Маркус Вольф знал: только один из сотен нелегалов добьется успеха. Он не позволял создать централизованную картотеку агентуры, чтобы никто, кроме тех, кому это положено, не мог установить их личности. Но предатели всё равно находились. На Запад бежал начальник отдела, отвечавший за внедрение в христианские партии ФРГ, — Макс Хайм. Он выдал всех, кого знал.

У Вольфа был любимый прием — с помощью по-своему талантливых молодых людей вербовать одиноких секретарш. Эти молодые люди точно знали, что именно нужно дамам,

обойденным женским счастьем. Выбирали одиноких женщин в возрасте между тридцатью и сорока годами, когда цветение молодости уже позади, а впереди сплошные разочарования. Все эти истории с секретаршами занесены в учебники разведывательного искусства.

Например, некая уже не юная дама по имени Соня Люнебург, работавшая в аппарате Свободной демократической партии, которая со временем вошла в правительственную коалицию ФРГ и участвовала в формировании правительства. Когда шеф Сони стал министром экономики, она получила доступ ко всем секретным документам. В министерстве очень любили «тетю Соню». И только после ее бегства в ГДР выяснилось, что были две Сони Люнебург. Настоящая работала парикмахером в Западном Берлине. Вела веселый образ жизни. Она часто ездила к своей сестре в Восточный Берлин. После одной из поездок в 1966 году она вдруг заявила, что переезжает во Францию. А через год Соня так же внезапно вернулась в ФРГ. Но на самом деле это уже была другая женщина. С документами Сони в Западную Германию прибыла агент разведки ГДР.

Еще одна солидная дама по имени Эльза работала секретарем в Министерстве обороны ФРГ. В 1951 году она из ГДР переехала к своему брату в Западную Германию. Но хорошо устроиться ей не удалось, и через два года она сказала, что уезжает в Швейцарию, где нашла приличное место. На самом деле она вернулась в ГДР. Через 11 лет с ее документами в ФРГ — через Канаду — приехала совсем другая женщина. Успешно проработав 20 с лишним лет, она бежала в ГДР. Вместе с ней исчез ее любимый мужчина, который работал курьером в том же Министерстве обороны.

Агент по имени Маргарете работала в ведомстве федерального президента и имела доступ к документам с грифом «секретно». Ее завербовал некий Франц, профессиональный вербовщик, который переехал в ФРГ из ГДР в 1966 году.

«Красавчик Франц» работал в классическом амплуа, придуманном Вольфом: выискивал одиноких и застенчивых секретарш. 35-летняя Маргарете попалась в его сети. Франц скоро стал демонстрировать свое охлаждение. Влюбленной в него женщине пришлось возбуждать в нем страсть секретными документами. Деньги ее не интересовали, она только хотела сохранить Франца.

Он вручил ей изготовленную умельцами из МГБ ГДР сумку с потайными отделениями, но она не понадобилась. Маргарете спокойно выносила документы из ведомства федерального канцлера в своей дамской сумочке, которую никто и никогда не

попросил женщину открыть. Ее связь с Францем продолжалась 15 лет.

— Я думала, что это отношения на всю жизнь, — плача, рассказывала Маргарете на суде. — Он был первым человеком, который выслушал меня, которому не были безразличны мои проблемы.

На скамье подсудимых оказалась и Эльке Фальк. Она работала секретарем в ведомстве федерального канцлера, в министерствах транспорта и экономического сотрудничества. Эльке было 28 лет, когда по совету матери она дала объявление в газету: «Темпераментная Ева ищет соответствующего мужа». Из трех десятков писем выбрала три. Одним из написавших был человек, назвавшийся Герхардом Тиме. Он красиво философствовал о внутренних ценностях человека.

— Я сразу поняла, что нашла нужного человека, — призналась Эльке на суде.

Герхард умел пробуждать в женщине чувства и бессовестно их эксплуатировал. По его настоянию в первый же отпуск, который они намеревались провести вместе, Эльке привезла обручальные кольца. Он признался, что женат на другой, но тут же сказал, что отныне перед Богом они муж и жена.

Он даже рассказал Эльке, что работает на разведку ГДР. Но она думала только о том, как бы его не потерять. Герхард убедил ее завести ребенка, сказав, что для него это единственная возможность убедить начальство разрешить ему жениться на ней. С фальшивыми документами она приехала в Восточный Берлин, где два офицера разведки фактически заставили ее сделать аборт.

Тогда Эльке решила, что ее любовник тоже жертва произвола начальства, и это еще сильнее привязало ее к нему. После этой, как ей казалось, совместной драмы, Эльке согласилась работать на разведку. Отношения с Герхардом продолжались десять лет. Министерство госбезопасности ГДР 21 раз оплачивало их совместный отпуск, причем они могли выбрать любой мировой курорт. Совместные поездки с Герхардом и были платой за добываемые Эльке документы.

Много раз женщина говорила, что желает перестать шпионить. Всякий раз Герхарду в постели удавалось ее переубедить. Однажды Эльке получила от него сапфировый перстень к дню рождения — в контейнере, в котором она обычно оставляла свои донесения. Знаки внимания действовали на нее так сильно, что она продолжала копировать секретные документы. Пленку Эльке прятала в баллончиках из-под лака для волос. Несмотря на обман, на душевные травмы, она ни в чем никогда не обвиняла Герхарда. Даже на суде. В 1989 году ее

приговорили к шести с половиной годам тюремного заключения за шпионаж.

Много позже Маркус Вольф сам рассказал несколько подобных историй.

Для вербовки секретарши в аппарате статс-секретаря ведомства федерального канцлера Ганса Глобке (о нем еще пойдет речь в этой книге) использовали бывшего майора люфтваффе, побывавшего в советском плену. Он соблазнил эту даму, и она во имя любви рассказывала все, что знала. Еще один соблазнитель, выдавая себя за датчанина, завоевал переводчицу в штабе НАТО. Третий соблазнил даму из ведомства федерального канцлера.

Но вербовка не всегда удавалась. Сотрудник разведки женился на женщине, которая работала у руководителя ХДС Райнера Барцеля, но она ничего мужу не рассказывала. Пришлось офицера отозвать в ГДР. Она осталась брошенной женой. Как выразился Вольф, наступил «час горького пробуждения».

Один из офицеров Вольфа познакомился в Болгарии с отдыхавшей там западной немкой, которая работала в ведомстве федерального канцлера. Она приносила любимому документы и страстно хотела выйти за него замуж. Обоих тайно доставили в ГДР и устроили им регистрацию брака. Когда они покинули загс, все следы этой церемонии были уничтожены. Потом западногерманская контрразведка вычислила эту женщину. Когда ее арестовали, она узнала, что ее брак был фиктивным.

Маркус Вольф был неутомим на выдумки. Но для многих его агентов игры в разведчиков заканчивались трагически. Леоноре Зюттерлин, которая работала секретарем в Министерстве иностранных дел ФРГ, повесилась в тюрьме после того, как ей продемонстрировали показания ее горячо любимого мужа Хайнца, который ее и завербовал. Он признался на следствии, что на самом деле женился на Леоноре по приказу Министерства госбезопасности ГДР. До ареста она успела передать восточногерманской разведке три с половиной тысячи секретных документов…

Восточные немцы недолюбливали госбезопасность в целом, но гордились своей разведкой: «У нас не только лучшие спортсмены, но и лучшие разведчики».

После войны Германия была поделена. Началась эпоха соревнования двух лагерей: чья Германия лучше? Кто победит в этой гонке? На передовой этого соревнования оказался разделенный Берлин.

После создания двух германских государств западная часть Берлина оставалась под оккупацией четырех держав-

победительниц и юридически не принадлежала ни ГДР, ни ФРГ. Потсдамские соглашения продолжали действовать. Не немцы, а только четыре державы имели право управлять западной частью города.

Западный Берлин представлял собой особую административную единицу. Власть формально принадлежала четырехсторонней комендатуре в Далеме. Правда, советский военный комендант был отозван и располагался в берлинском пригороде Карлсхорсте. Но западные коменданты могли передавать ему свои жалобы.

Совместно четыре страны управляли только тюрьмой для военных преступников Шпандау — до 17 августа 1987 года, когда покончил с собой ее последний обитатель 93-летний Рудольф Гесс, бывший заместитель Гитлера по партии, — и Центром воздушной безопасности — до 23 августа 1990 года.

В Центре воздушной безопасности в Западном Берлине находился советский представитель, которого союзники информировали о своих полетах через советскую зону. Союзнические машины и поезда проверялись советскими офицерами, а не пограничниками ГДР. Военный персонал четырех держав сохранял полную свободу передвижения во всех секторах Большого Берлина.

Экономически Западный Берлин был привязан к быстро развивавшейся и богатевшей Федеративной Республике. И с каждым годом процветающий Западный Берлин становился всё притягательнее для восточных немцев.

Граница между ФРГ и ГДР давно была закрыта. А граница между двумя частями Берлина оставалась открытой. Восточные немцы могли сравнивать свою жизнь с тем, как живут на Западе. Власти ГДР не в состоянии были помешать им наведываться в Западный Берлин. Граждане социалистической ГДР меняли деньги и отправлялись за покупками. Метро и городская железная дорога функционировали исправно. За 15 минут по городской железной дороге можно было с Александерплац доехать до Западного Берлина. Высококвалифицированная рабочая сила утекала из ГДР, даже если не бежала, — примерно 50 тысяч жителей Восточного Берлина работали в Западном.

«Западный Берлин действовал деморализующе на восточногерманский режим, — писал один из британских журналистов. — Более высокий жизненный уровень, беспрепятственный доступ к западной прессе, театрам, фильмам, сам факт, что рядом существует иной образ жизни, делали отсутствие свободы в Восточной Германии еще более тягостным. И всё же возможность ездить в Западный Берлин и наслаждаться

этими запретными благами сама по себе действовала успокаивающе. Коль скоро такие блага находятся в пределах досягаемости, не обязательно покидать Восточную Германию. Открытая граница одновременно представляла собой и приманку, побуждающую уехать из Восточной Германии, и как бы взятку за то, что люди не уезжали».

Разница между двумя Германиями бросалась в глаза. В западной части города жизнь становилась лучше, в восточной — оставалась тоскливо-незавидной.

Весь Берлин в последние месяцы войны подвергался массированным бомбардировкам и артиллерийским обстрелам. Но в западном секторе, который находился под контролем США, Англии и Франции, в начале 1950-х годов руины были расчищены, старые здания реконструированы, появились новые дома. Первые этажи приспосабливались под магазины и рестораны. Открылись кафе на свежем воздухе, столь любимые не только французами, но и немцами.

А в восточном секторе Берлина, столице ГДР, не было ничего нового, что радовало бы глаз. За исключением строившихся на аллее Сталина домов для номенклатуры. Восточный Берлин казался серым и захламленным. В лучших зданиях разместились партийные комитеты и министерства. Машин было мало. Хорошо одетых людей почти не было видно. Толпа сливалась в скучную серовато-бурую массу. Продуктов в магазинах было немного, за ними выстраивались длинные очереди.

«Восточный сектор города напомнил мне второстепенные советские города в двадцатых годах, — писал американский журналист Луис Фишер. — Восточный Берлин был низведен до советского экономического уровня. Вид прохожих отражал губительное влияние этого процесса. В их походке не ощущалось упругости, на лицах не было румянца здоровых, исполненных надежды людей».

Люди постепенно перебирались из восточного сектора Берлина в западный. Через Западный Берлин ежемесячно почти пять тысяч человек убегали из ГДР. Но эти данные держались в секрете.

В ГДР звучали бодрые марши, официальная пропаганда была пронизана оптимизмом. Активисты восточногерманского комсомола — Союза свободной немецкой молодежи — в голубых рубашках устраивали шествия под красными знаменами. Руководил восточногерманским комсомолом Эрих Хонеккер, который со временем возглавит ГДР. Его жена Маргот возглавляла пионерскую организацию имени Эрнста Тельмана. На митингах ей поручали зачитывать обращение к советскому

вождю:

— Дорогой Иосиф Виссарионович Сталин! Мы заверяем вас, что, не жалея сил, станем защищать Советский Союз, нашу родину и мир от преступных действий американских и немецких империалистов. Слава великому Советскому Союзу! Слава лучшему другу немецкого народа, другу всей молодежи великому Сталину!

Власти ГДР копировали советскую политику. Торопились с коллективизацией, прижимали мелких ремесленников, повышали нормы выработки на заводах и цены. Ситуацию усугубило распоряжение Москвы в апреле 1952 года создавать собственную армию и оборонную промышленность. Денег на это в бюджете не было.

Осенью 1952 года стал ясен масштаб экономических проблем ГДР. А Москва требовала продолжения репарационных поставок. 19 сентября член политбюро заместитель председателя Совета министров Генрих Рау укорил коллег по правительству:

— Мы отстаем в выполнении важнейших обязательств по репарациям. Чтобы исправить положение, нужны решительные меры.

Но принимать меры было некому. Все руководители ГДР отсутствовали на рабочих местах. Ульбрихт поехал в СССР отдыхать в конце июля 1952 года, через месяц к нему присоединился Гротеволь. Пик постоянно лечился у советских врачей. Все трое ждали, когда в Москве соберется XIX съезд партии. Им важно было услышать, что скажут советские товарищи.

Вернувшись после съезда, в октябре, руководители ГДР начали наступление на частный сектор экономики. В 1948 году советские товарищи удержали их от этого. Теперь они поняли, что самое время покончить с «капиталистическими элементами» и назвали «устранение эксплуататорского класса» в городе и деревне первейшей задачей партии (см. «Новая и новейшая история», № 2/2006). Ульбрихт считал, что курс партии на ускоренное строительство социализма вытекает из решений XIX съезда КПСС.

В декабре 1952 года премьер-министр Отто Гротеволь предупредил о грядущем кризисе в продовольственной сфере. Но Вальтер Ульбрихт стоял на своем. Резко повысили налоги на крупные крестьянские хозяйства, средних и мелких предпринимателей, на церковь, сократили социальные выплаты. Совет министров ограничил продажу масла, жиров и сахара. Рабочие негодовали: «Нельзя быть революционерами на пустой желудок». Вильгельм Пик отметил в своих записях: «Как

справиться? Своими силами невозможно — видимо, надо решать в Москве».

За первые четыре месяца 1953 года из ГДР уехали 120 тысяч человек. Вальтера Ульбрихта больше всего возмущало, что его сограждане имели возможность голосовать ногами. На его программу ускоренного строительства социализма они ответили массовым бегством из страны.

Судьба ГДР зависела от Москвы.

После смерти Сталина 5 марта 1953 года в Советском Союзе начались неясные перемены. В Восточном Берлине не могли понять, что происходит. В Кремле клялись продолжать дело Сталина, но на самом деле там шла борьба за власть. Три человека, казалось, встали у руля: Георгий Максимилианович Маленков, Вячеслав Михайлович Молотов и Лаврентий Павлович Берия. Они хотели как-то показать себя — стране и миру. Завели разговор о необходимости новой линии в отношении стран народной демократии, которым вовсе не обязательно во всём повторять Советский Союз.

Маркус Вольф, как и все высшие чиновники в Восточном Берлине, хотел знать, что думают в Москве. Осторожно беседовал с советскими друзьями. Но узнать мог немногое. Офицеры госбезопасности, во-первых, не всем делились даже с доверенным человеком. Во-вторых, мало что сами знали.

Генеральный секретарь Ульбрихт требовал закрыть последнюю лазейку для перебежчиков — межсекторальную границу между Восточным и Западным Берлином. В январе 1953 года Сталин согласился поставить пограничников вдоль границы двух секторов. Но через две недели после смерти Сталина в Москве отказались от этой идеи — к огорчению Ульбрихта.

Министр иностранных дел Молотов попросил маршала Чуйкова, председателя Советской контрольной комиссии, и его политического советника Семенова тактично объяснить Гротеволю и Ульбрихту, что это дезорганизует жизнь большого города, повредит экономике Восточного Берлина, вызовет недовольство граждан ГДР, которые обратят его против Советского Союза. Словом, повредит политике СССР и ГДР, которые держат курс на объединение Германии.

В Москве пришли к выводу, что власти ГДР созрели для того, чтобы самостоятельно руководить собственной страной. Роль Советского Союза в управлении Восточной Германией должна стать менее заметной. Владимира Семенова 22 апреля 1953 года отозвали из Берлина и назначили заведующим 3-м Европейским отделом МИДа. 2 мая он представил Молотову меморандум по германскому вопросу.

Семенов не видел стремительно нараставшего кризиса в Восточной Германии. В отличие от находившихся там разведчиков. Лаврентий Павлович Берия, вновь став министром внутренних дел в марте 1953 года, обновил состав советнических групп в странах народной демократии, поставил во главе их молодых и деятельных сотрудников. Потребовал, чтобы они свободно владели языком страны пребывания и могли беседовать с руководителями секретных служб и лидерами государств без переводчиков. По приказу Берии всем руководителям представительств госбезопасности в странах народной демократии устроили экзамен на знание языка. Те, кто сдал экзамен, оставались на своих постах. Несдавших зачисляли в резерв. А язык знали немногие.

Берия настаивал на том, чтобы советники не вмешивались во внутренние дела и не давали рекомендаций по «скользким» делам, которые возникали в результате внутренней борьбы в правящей верхушке, дабы ни у кого не было ни малейшего повода ссылаться на то, что они заведены и реализованы по указанию советских товарищей.

Штат уполномоченного МВД СССР в ГДР сократили с 2200 человек до 320, то есть на 1900 человек. Маркус Вольф не успевал прощаться с советскими офицерами, возвращавшимися домой. Лаврентий Павлович Берия считал, что разведкой и контрразведкой восточные немцы должны заниматься сами, а его чекисты оставляют за собой только советнические функции.

Для Маркуса Вольфа это был важный сигнал. Он хотел и мог действовать самостоятельно.

В первых числах мая 1953 года Берия переправил членам президиума ЦК спецсообщение представительства МВД в ГДР, которым теперь руководил полковник Иван Анисимович Фадейкин.

Он закончил войну командиром дивизии. В 1949 году Фадейкин завершил учебу в Военной академии имени М. В. Фрунзе и был взят в разведку. Окончил еще и Высшую разведывательную школу Комитета информации. «Молодой, красивый, высокий и умный» — таким его запомнил один из подчиненных.

С 1950 по 1954 год Фадейкин служил в Германии. В начале 1960-х он возглавит в центральном аппарате КГБ управление военной контрразведки. В 1966 году вновь приедет в ГДР и до 1974 года будет руководить представительством КГБ.

Фадейкин докладывал о серьезных проблемах в социалистической части Германии. Главная — восточные немцы бегут на Запад. Полковник считал, что массовое бегство

объясняется не только воздействием «вражеской пропаганды». Проблема в неправильной экономической политике, насильственном призыве молодежи в армию, нехватке продовольствия и потребительских товаров. Фадейкин отмечал, что руководители ГДР не знают, как преодолеть кризис.

Восемнадцатого мая Берия представил проект постановления президиума Совета министров СССР, в котором предлагалось «отказаться в настоящее время от курса на строительство социализма» в ГДР. Собственно, это было возвращение к прежней сталинской линии. Молотов сказал, что восточным немцам придется изменить курс и позаботиться о повышении жизненного уровня жителей ГДР. Но такая формулировка многих смутила. Никакого решения принимать не стали.

Двадцать седьмого мая было решено Владимира Семеновича Семенова, как непревзойденного знатока берлинских дел, вновь командировать в ГДР. Только называлась его должность теперь иначе. Президиум ЦК преобразовал Советскую контрольную комиссию в Управление советского верховного комиссара в Германии. Семенова назначили на пост верховного комиссара.

Он вернулся в Берлин 10 июня. Порадовался тому, что отозвали Чуйкова. Его сменил генерал Андрей Антонович Гречко. Семенов и Чуйков не ладили.

Маркс Вольф видел, что Ульбрихт занят укреплением своих аппаратных позиций. На пленуме ЦК в мае 1953 года он выставил из аппарата своего главного соперника — члена политбюро Франца Далема, который воевал в Испании, а потом был выдан французами нацистской Германии и оказался в концлагере Маутхаузен. Генсек умело обвинил его в непозволительных ошибках и вывел из политбюро. И для Вольфа, и для других функционеров это была большая неожиданность.

В Москве встревожились. 2 июня пригласили для серьезного разговора генерального секретаря ЦК Социалистической единой партии Германии Вальтера Ульбрихта, главу правительства Отто Гротеволя и члена политбюро Фреда Эльснера, недавнего руководителя отдела партийной учебы, культуры и воспитания ЦК СЕПГ (он же и переводил беседу).

Делегация из ГДР увидела, что в Советском Союзе происходят большие перемены. Больше нет вождя, который единолично принимает решения. Члены президиума ЦК КПСС подчеркнуто держатся на равных, всё обсуждают, спорят между собой.

Разговор для восточных немцев был неприятным. Позднее глава советского правительства Георгий Максимилианович Маленков рассказывал:

— Мы все пришли к заключению, что в результате

неправильной политики в ГДР сделано много ошибок, среди немецкого населения имеет место огромное недовольство. Население из Восточной Германии бежит в Западную Германию. Мы обязаны признать, что без советских войск существующий режим в ГДР непрочен. А вот Берия предлагал не поправить курс на форсированное строительство социализма, а отказаться от всякого курса на социализм в ГДР и держать курс на буржуазную Германию.

Маленкову вторил первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев:

— Берия говорил: «Надо создать нейтральную демократическую Германию». Но разве может быть нейтральной и демократической буржуазная Германия? Берия говорил: «Мы договор заключим». А чего стоит этот договор? Если договор не подкреплен силой, то он ничего не стоит, над нами будут смеяться, будут считать наивными. А Берия не наивный, не глупый, не дурак. Он вел себя не как коммунист, а как провокатор, может быть, он получал задания резидентов иностранных разведок…

Принято считать, что Берия хотел ликвидировать Германскую Демократическую Республику. Цитируют его слова:

— Незачем заниматься строительством социализма в ГДР, необходимо, чтобы Западная и Восточная Германия объединились в буржуазное миролюбивое государство.

А в заметках председателя Совета министров ГДР Отто Гротеволя его слова звучат иначе: «Берия говорит: мы все виноваты, никто никого не обвиняет, но восточные немцы должны всё быстро исправить».

Лаврентий Павлович всего лишь пытался продолжить двойственную сталинскую линию в германском вопросе. Москва хотела влиять на всю Германию, но при этом не утратить контроля над ГДР. Первая задача Сталину казалась стратегически важнее.

Новое советское руководство потребовало от руководителей Восточной Германии сменить курс. Приостановить ускоренное строительство социализма в ГДР. Развивать не тяжелую промышленность, а легкую. Прекратить яростную борьбу с церковью. Не давить на крестьян, ремесленников и среднее сословие.

— Если мы сейчас не поправим положения, — беспокоился Маленков, — то наступит катастрофа. Нужно действовать быстро.

Со своей стороны Москва обещала ослабить давление бремени репараций, увеличить поставки продовольствия и сырья.

Берия вручил немцам документ «О мерах по оздоровлению

положения в Германской Демократической Республике». Рекомендовалось, в частности, наладить отношения с ФРГ, что привело бы к созданию объединенной, демократической и нейтральной Германии. Тогда Германия не стала бы членом НАТО. Но лозунг объединения Германии не устраивал руководителей СЕПГ.

Вернувшись в Берлин, делегация под впечатлением от услышанного доложила своему политбюро, что в Москве грядут большие перемены.

— Курс изменится не только в отношении ГДР, — предупредил Фред Эльснер. — Товарищу Ульбрихту трудно примириться с новой линией, но он подтянется.

Москву смущал диктаторский стиль Ульбрихта. Верховный комиссар Семенов по-дружески рекомендовал ему отменить пышные мероприятия, намеченные по случаю его шестидесятилетия.

Секретарь ЦК Суслов специально навестил президента ГДР Вильгельма Пика, лечившегося в Москве. Хотя Пик угасал и исполнял чисто представительские функции, Суслов попросил его переговорить с Ульбрихтом относительно его поведения. Спокойствие и доброжелательность Пика уравновешивали грубость Ульбрихта. Во всех дискуссиях президент ГДР неизменно повторял:

— Нам следует поступать так, как предлагают советские товарищи.

По указанию Москвы вожди ГДР признали некоторые ошибки. Маркус Вольф внимательно прочитал перечень наскоро принятых решений. Крестьянам, которые, спасаясь от коллективизации, ушли на Запад, предлагали вернуться и получить назад свою собственность. Те, кого по политическим мотивам лишили продовольственных карточек, могли вновь их получать. Обещали снизить стоимость проезда на трамвае, отменили повышение цен на джем, искусственный мед, кондитерские изделия. Школьники, исключенные из школы по причине чуждого социального происхождения, получали право вернуться за парты.

Но эти меры население не успокоили. Восточные немцы чувствовали, что власть в смятении, и шептались: «Раз наши руководители признали свои ошибки, почему же они просто не уйдут в отставку?» Но эти люди в отставку подавать не собирались.

В мае 1953 года на пленуме ЦК партии, созванном по случаю 135-летия со дня рождения Карла Маркса, Вальтер Ульбрихт патетически призвал к борьбе против классового врага и предложил на 10 процентов поднять нормы выработки. В

результате зарплата рабочих упала. Это стало последней каплей.

МЯТЕЖ В СТОЛИЦЕ

Начальник внешней разведки ГДР Маркус Вольф в конце мая 1953 года ушел в очередной отпуск. Устроился с семьей на балтийском побережье, купался и радовался жизни. А в Берлине начались события, которые потрясли основы ГДР.

Тридцать первого мая 1953 года рабочие завода «Заксенверке» в Нидерзедлице устроили двухчасовую забастовку в знак протеста против увеличения норм выработки на десять процентов. Дирекция пошла на попятный. 3 июня забастовщики на заводе в Эйслебене, близ Халле, тоже принудили дирекцию завода отказаться от намерения увеличить нормы выработки на 12 процентов. 10 июня две тысячи рабочих-металлистов на окраине Восточного Берлина организовали забастовку и добились отмены увеличенных норм выработки.

Вдохновленный беседами в Москве, Фред Эльснер 9 июня выступил на заседании политбюро с большой речью:

— Два года я молчал, сегодня я намерен высказать всё, что думал.

Он прямо назвал причины кризиса в ГДР: диктатура генерального секретаря Ульбрихта, насаждение угодливости и страха в партии. И Ульбрихт и присутствовавший на заседании политбюро Владимир Семенович Семенов были ошеломлены.

Москва и Берлин обменялись послами сразу же после провозглашения ГДР, но подлинной властью обладал советский верховный комиссар. Чтобы избежать двоевластия, Семенову дали еще и должность посла. Он с изумлением следил за дискуссией и лихорадочно записывал, кто что говорил, хотя ему сразу после расшифровки присылались протоколы всех заседаний. Завершая заседание политбюро, Семенов сказал, обращаясь к генеральному секретарю:

— Да, товарищ Ульбрихт, мне кажется, вам следует сделать серьезные выводы из этой очень основательной критики в ваш адрес со стороны политбюро.

Казалось, дни генерального секретаря сочтены. Руководители партии ожидали, что Москва разрешит его сместить. На заседании политбюро ЦК СЕПГ 9 июня приняли решение о «новом курсе». Но хотели отложить опубликование новой политической линии. Об этом главный редактор центральной партийной газеты «Нойес Дойчланд» Рудольф Херрнштадт сказал Семенову. Тот угрюмо ответил:

— Через две недели у вас, может, уже и государства не будет.

Одиннадцатого июня решение ЦК опубликовали. 14 июня

появилась и статья самого Херрнштадта, в которой критиковалось повышение норм выработки. Но было поздно. Забастовали две тысячи рабочих-металлистов в Хеннигсдорфе, на окраине Восточного Берлина. 13 июня забастовку провели рабочие машиностроительного завода «Абус» в Готе.

Руководство ГДР не знало, что делать. Против новой власти восстали рабочие, опора власти! Требования были чисто экономические. Но немедленного ответа восставшие не получили, и лозунги стали приобретать политический характер.

Берлинские рабочие обратились с возмущенным письмом к премьер-министру Отто Гротеволю. В ответ к ним утром 16 июня прислали воспитателей. Это оскорбило рабочих. В Восточном Берлине началось восстание, которое быстро перекинулось и на другие города.

Первыми восстали строители на аллее Сталина, которая должна была стать витриной социалистического Берлина и затмить Курфюрстендамм, главную торговую улицу в западной части города. 80 строителей бросили работу в знак протеста против потогонных методов и сокращения заработной платы. Они направились к зданию правительства. По пути скандировали:

> Друзья, в одну шеренгу с нами!
> Мы не желаем быть рабами.

К строителям примкнули сотни рабочих и домохозяек. Трамваи останавливались. Водители, кондукторы и пассажиры вливались в ряды демонстрантов. С каждым кварталом колонна увеличивалась. Впереди шагали шестеро великанов — подносчики кирпича в кожаных фартуках. Колонна повернула к ремонтировавшемуся зданию оперного театра. Бросили свою работу еще 500 строителей. Студенты из Университета Гумбольдта покинули аудитории, чтобы тоже принять участие в демонстрации.

Колонна победно миновала здание советского посольства на Унтер-ден-Линден и по Вильгельмштрассе направилась к зданию Совета министров на Ляйпцигерштрассе, где когда-то размещалось здание Имперского министерства авиации. Численность колонны достигла четырех-пяти тысяч. Охранявшие Совет министров часовые отступили во двор и закрыли железные ворота. Толпа кричала:

— Мы хотим видеть Гротеволя! Мы хотим видеть козлиную бородку!

«Козлиной бородкой» называли Вальтера Ульбрихта.

Ни премьер-министр народного правительства Отто

Гротеволь, ни генеральный секретарь партии Ульбрихт к рабочим не вышли. Вместо них появился министр сталелитейной промышленности Фриц Зельбман, бывший шахтер. Он залез на стол, вынесенный из здания. Слушать его не стали. Министра стащил со стола подносчик кирпича с голым торсом. Вот он и произнес речь. За ним выступила молодая девушка, потом домашняя хозяйка, жаловавшаяся на высокие цены.

Толпа двинулась дальше. Полиция пыталась остановить ее, но безуспешно. Люди, взявшись за руки, упорно шли вперед. Машина с репродуктором уговаривала их разойтись, поскольку введенные 28 мая увеличенные расценки уже отменены. Рабочие захватили машину и стали скандировать антиправительственные лозунги.

Вечером пошел сильный дождь. Но группы людей стояли на перекрестках или обсуждали происходящее в пивных. Забастовка охватила весь Восточный Берлин. На следующий день превратилась в общенациональное восстание.

Первым о волнениях предупредили первого секретаря Берлинского горкома Ханса Ендрецки. Политбюро непрерывно заседало, но не знало, что предпринять. Начальник восточно-берлинской полиции Вальдемар Шмидт обратился к коменданту советского сектора генерал-майору Петру Акимовичу Диброва́ с просьбой разрешить разогнать манифестацию и арестовать зачинщиков. Комендант, не имея команды из Москвы, ответил, что не желает кровопролития.

С раннего утра жители Восточного Берлина шли к зданию принадлежавшей американцам радиостанции РИАС в Западном Берлине. Множество людей из восточной зоны проникали в это здание и рассказывали то, что им известно. Некоторые даже приносили с собой секретные документы. РИАС сообщала о решениях, принимавшихся в Восточном Берлине, и обо всех случаях сопротивления властям.

Она стала главным источником информации для восточных берлинцев и главным объектом ненависти советских пропагандистов и руководителей ГДР, ведь ее можно было слушать по всей стране. С 16 июня информационные передачи РИАС велись беспрерывно. Все музыкальные и развлекательные программы отменили.

РИАС первой сообщила о демонстрациях в советском секторе. А демонстрации уже шли на улицах двухсот городов и поселков Восточной Германии. Лозунги быстро приобрели политический характер. Люди жгли красные знамена, портреты Сталина и партийные газеты, открывали тюрьмы, освобождая заключенных. Полиция бессильно взирала на колонны демонстрантов, идущих

под лозунгами «Мы хотим свободных выборов».

Утром 17 июня забастовщики стали останавливать автомобили, в которых ехали на работу чиновники, вытаскивать их оттуда, срывать с них партийные значки, а машины поджигать. Вальтер Ульбрихт пожаловался советским товарищам, что народная полиция политически неблагонадежна. Берлинцам казалось, что началась настоящая революция. Рабочие толпились возле ворот предприятий, митинговали, потом шли к центру города. Аббревиатура ГДР по-немецки звучит как «ДДР». Восточные немцы, освоившие некоторые русские слова, переводили название своей республики так: «ДДР — это давай, давай, работай!» В те времена советский командированный запросто мог услышать злобное шипение за спиной:

— Русская свинья!

Многие восточные немцы были уверены, что русские всё вывозят из страны, поэтому ГДР так плохо живет.

Бургомистр Западного Берлина Вилли Брандт писал о больших репарациях из восточной зоны: «Создавалось впечатление, будто тамошние жители проиграли войну в большей степени, чем немцы на Западе страны. Федеративной Республике было легче».

В Магдебурге колонна подошла к площади Хассельбахплац в центре города. Восставшие вошли в семиэтажное здание Союза свободной немецкой молодежи, выбросили из окна портреты Сталина, Гротеволя и Ульбрихта. На вокзале сорвали вывеску «Межзональная проверка документов» и заявили, что тем, кто приезжает из западной части Германии, не нужно предъявлять документы, Германия едина. Несколько полицейских пытались вмешаться, но их разоружили, винтовки разбили, а самих полицейских заперли в участке.

Пассажиры, прибывшие из Кёльна, увидев, что происходит, стали раздавать магдебуржцам шоколад, сигареты, печенье и фрукты. А когда подошел местный поезд, демонстранты обошли все вагоны и предложили пассажирам снять значки членов Социалистической единой партии Германии и значки Общества советско-германской дружбы.

Когда прибыл поезд с прицепленным к нему вагоном для заключенных, тюремщиков разоружили. Просмотрев документы арестованных, демонстранты пришли к выводу, что все они политические узники. Их выпустили, вручив каждому его тюремное досье.

Толпа двинулась к полицейскому управлению на Гальберштедтерштрассе в центре Магдебурга. Около часу дня там собралось много людей, которые пытались взломать ворота. С

крыши здания толпу обстреляли. Когда вокруг здания собралось почти 20 тысяч человек, появилось десять советских танков и столько же бронетранспортеров. Они врезались в толпу, но разогнать ее не смогли. Затем появилась рота советской пехоты, пытавшаяся согнать толпу с площади.

Принято считать, что Запад приложил руку к организации восстания в Восточной Германии. Но события в Берлине были большой неожиданностью и для американцев. Когда на радиостанцию РИАС пришли строители с просьбой передать в эфир их требования и призыв начать всеобщую забастовку, руководство радиостанции на это не согласилось. Один из чиновников аппарата американского верховного комиссара в Германии испугался:

— Вы так, чего доброго, еще войну начнете.

Руководство радиостанции РИАС приняло такое решение:

— Давать объективную информацию о случившемся, но прямого эфира рабочей делегации не предоставлять и к всеобщей стачке не призывать.

Советские представители докладывали вечером 17 июня в Москву: «Американская радиостанция РИАС призвала мятежников подчиняться приказам советских властей и не втягиваться в конфликты с Советской армией».

Страны НАТО подчеркнуто держались в стороне. Западные берлинцы, возможно, видели в восстании шанс на объединение, но союзники запретили им вмешиваться в происходящее в Восточном Берлине и проводить манифестации солидарности рядом с межсекторальной границей.

Директор ЦРУ Аллен Даллес доложил президенту США Дуайту Эйзенхауэру:

— Мы не имеем к этому никакого отношения.

Восемнадцатого июня в Вашингтоне собрался Совет национальной безопасности. Теперь уже американцы осознали масштабы происходящего. Возник вопрос:

— Как далеко мы готовы зайти, если всё там по-настоящему начнет трещать? Может быть, надо под держать восставших оружием?

Но разговоры американских политиков о том, что нужно «освободить порабощенные народы из-под советского владычества», были всего лишь риторикой. Соединенные Штаты понимали: дать оружие берлинцам — спровоцировать бойню. Эйзенхауэр ответил:

— Если результатом таких поставок будет только большее кровопролитие, то нет.

Запаниковавшие руководители ГДР попросили советских

товарищей вывести их семьи в Москву. 17 июня должно было состояться заседание политбюро ЦК СЕПГ. Вместо этого верховный комиссар Семенов вызвал всех к себе в берлинский пригород Карлсхорст, в штаб Советской военной администрации. Но членам политбюро предстояло проехать по улицам, заполненным возбужденными людьми. Автомобили членов политбюро мчались с большой скоростью. Из толпы партийным руководителям грозили кулаками.

В здании ЦК СЕПГ остался Карл Ширдеван. Ульбрихт, вспоминал известный советский дипломат Александр Яковлевич Богомолов, позвонил Ширдевану из Карлсхорста:

— Как дела?

— Несколько сотен пьяных разбили окна и собираются прорваться в здание ЦК, — сообщил Ширдеван.

Ульбрихт побледнел:

— Конец!

Но верховный комиссар Владимир Семенов успокоил немецких товарищей:

— Москва распорядилась ввести чрезвычайное положение. Так что этот гвалт быстро кончится.

Внушительным был марш четырех тысяч рабочих Хеннигсдорфского металлургического завода. Они шли сплоченными шеренгами по восемь человек в ряд, в промасленных комбинезонах и кепках. Моросил дождь, вода стекала с их лиц. Некоторые были босиком, другие в башмаках на деревянной подошве. Они прошли почти 20 километров. Их приветствовали тысячи людей, угощали бутербродами, покупали им сигареты и шоколад.

Шесть тысяч железнодорожников тоже пришли в центр. Трамваи, автобусы и метро не работали. Около полудня почти 50 тысяч немцев собрались на площади Люстгартен, переименованной в площадь Маркса и Энгельса. Восточные немцы требовали свободных выборов, единства Германии и вывода советских войск. И тогда на демонстрантов устремились советские танки.

Советское военное командование остановило движение городского транспорта и подземки, ввело чрезвычайное положение в столице ГДР.

«В ночь на 17 июня, — записал в дневнике Владимир Семенов, — я был разбужен грохотом втягивавшихся в город танковых частей. К утру наши войска заняли территорию города вплоть до Бранденбургских ворот. Пехота была подкреплена самоходными установками. Стволов орудий было больше, чем верхушек деревьев в лесу».

Солдаты действовали дисциплинированно, стреляли только в случаях необходимости. Восточные немцы кричали солдатам: «Русские свиньи», — бросали камни в танки, заталкивали бревна в гусеницы, засовывали кирпичи в дула орудий, срывали радиоантенны. Но когда заговорили танковые пулеметы, разбежались. На опустевших улицах остались только солдаты.

Владимир Семенов распорядился учредить военно-полевые суды, несколько человек расстрелять и сообщениями об этом оклеить столбы и афишные тумбы в городе.

В два часа дня по радио выступил Отто Гротеволь. Он сказал, что мятеж подняли «фашисты и другие реакционные элементы из Западного Берлина», и призвал рабочих вернуться на работу.

Семенов и другие советские представители по ВЧ-связи держали Москву в курсе дела: докладывали, сколько арестовано, убито, ранено. Семенов сообщил, что к одиннадцати вечера улицы Берлина очищены от демонстрантов.

А отпускник Маркус Вольф читал партийные газеты, в которых ничего не сообщалось о случившемся, и не подозревал о том, что в Берлине вспыхнуло восстание. Только когда 17 июня советская комендатура ввела военное положение, Вольф спешно вернулся в Берлин.

На полпути его с семьей остановили советские солдаты и бесцеремонно заперли в подвале, хотя он предъявил удостоверение сотрудника народной полиции ГДР. Его выручило знание русского языка. Вольфов отпустили. Добравшись до дома, Маркус узнал от отца подробности происходящего. Потрясенный Фридрих Вольф рассказал, как его едва не избили на вокзале Фридрихштрассе. 5 октября 1953 года он скоропостижно скончался от инфаркта. Ему было всего 64 года.

Советские войска быстро подавили восстание. Тем не менее военное положение, введенное по всей Восточной Германии 17 июня, сохранялось 24 дня и было отменено лишь в воскресенье 12 июля в 24 часа.

Ночь на 18 июня была трудной для членов политбюро ЦК СЕПГ. Советский верховный комиссар метался в своем кабинете, как лев в клетке: в его хозяйстве случился непорядок, и ему предстояло нести за это ответственность. Семенов упрекал членов политбюро:

— Радиостанция РИАС передает, что в ГДР правительства больше нет. Похоже, это действительно так.

Члены политбюро составляли отчет для Москвы. На следующее утро за завтраком Ульбрихт объявил, что ему надоело сидеть в Карлсхорсте и выслушивать нотации советских представителей:

— Я еду в город, в ЦК, даже если они хотят держать меня здесь. Наше место там. Неправильно, что мы здесь торчим.

В Москве хотели, чтобы в Берлин отправился сам Берия, но тот отказался. Прилетел из Москвы начальник Генерального штаба маршал Василий Данилович Соколовский. Он был вне себя и выговаривал министру госбезопасности ГДР Вильгельму Цайссеру:

— Как это вообще могло произойти? Такие вещи не происходят в один день, значит, у них была какая-то организация, а вы о ней ничего не знали.

Члены политбюро ЦК СЕПГ сами хотели знать, как это всё случилось. Но они хотя бы частично винили и себя. Один только Вальтер Ульбрихт с самого начала заявил, что восстание — дело рук «фашистских провокаторов».

«В моем огромном кабинете, где можно было в футбол играть, — записал в дневнике Семенов, — разместились главком Гречко и представитель Президиума ЦК маршал Соколовский. Телефон звонил не переставая. Несколько раз — Хрущев, чаще Молотов и другие. Хрущев считал, что приближается „день Икс“, когда Запад попытается прощупать штыком прочность советской власти после смерти Сталина…. Поэтому Хрущев и Президиум ЦК приняли решение силой подавить волнения. А в случае осложнений на границе с ФРГ перейти в контрнаступление до Па-де-Кале».

Вот как в Москве воспринимали берлинские события! Советские руководители опасались, что Запад воспользуется мятежом и начнет войну. Семенов и маршал Соколовский успокоили Москву: улицы Берлина очищены от демонстрантов. Семенов каждый день докладывал в Москву, что положение улучшается: идут аресты, работа предприятий возобновилась, поставки продовольствия ритмичны.

Через три недели после Берлинского восстания члены политбюро на ночном заседании пожелали услышать отчет от своего генерального секретаря.

Присутствовали 13 человек. Из них только двое не потребовали от Ульбрихта уйти в отставку — секретарь ЦК по кадровым вопросам Герман Матерн и кандидат в члены политбюро Эрих Хонеккер, вождь комсомола. Остальные считали, что Ульбрихт должен принять на себя ответственность и покинуть высший в партии пост. Заседание было столь драматичным, что у обер-бургомистра Восточного Берлина Фридриха Эберта выступили слезы на глазах.

Элли Шмидт, возглавлявшая женское движение ГДР, говорила об «угрызениях совести». Она ругала себя за то, что

«приукрашивала события, приукрашивать которые было преступлением».

— Вся атмосфера нашей партии проникнута ложью, — негодовала она. — Самонадеянность, нечестность, отрыв от народных масс и их забот, угрозы в отношении недовольных и хвастовство — всё это завело нас слишком далеко. За это на тебе, дорогой Вальтер, лежит самая большая вина, а ты не хочешь признать, что без нашего вранья не было бы и событий 17 июня!

Элли Шмидт вела подпольную работу в нацистской Германии; эмигрировав в Советский Союз, вышла замуж за Антона Аккермана, в ГДР возглавила Демократический союз немецких женщин. Аккерман, честный и откровенный человек, кричал Ульбрихту:

— Многие годы я поддерживал тебя, Вальтер, несмотря на то, что видел. Я долго молчал, потому что помнил о дисциплине, потому что на что-то надеялся, потому что боялся! Сегодня я преодолел всё это.

После того как участники заседания политбюро выпустили пар, премьер-министр Отто Гротеволь, бывший глава социал-демократической партии, объединившейся с коммунистами, прямо обратился к Ульбрихту:

— Ты слышал мнение товарищей. Может быть, хочешь высказаться?

Кандидат в члены политбюро Рудольф Херрнштадт, главный редактор центральной партийной газеты «Нойес Дойчланд», призвал товарищей объясниться с партией и народом. Он сам составил проект решения пленума ЦК: «Если рабочие массы не понимают партию, то виновата партия, а не рабочие массы. Исполненный решимости железной рукой защитить интересы рабочего класса против фашистской провокации, Центральный комитет вместе с тем отдает себе отчет в том, что партии надлежит незамедлительно пересмотреть свой подход к рабочим массам».

Рудольф Херрнштадт обратился к Ульбрихту:

— Не лучше ли тебе, Вальтер, передать кому-нибудь другому непосредственное руководство партийным аппаратом? Мне кажется, это помогло бы преодолеть определенные слабости нашего аппарата, избавить его от ориентации на одну личность, от вассальной преданности, угодничества, подавления критики и склонности приукрашивать положение дел в партии и в стране.

Херрнштадт предложил расширить секретариат ЦК, чтобы секретари обрели самостоятельность и генсек перестал ими командовать, а в секретариат выбирать тех, кто, как он выразился, «мог бы, если понадобится, унять тебя, Вальтер».

Маркус Вольф, как человек весьма осведомленный, видел, что кандидат в члены политбюро Херрнштадт и член политбюро министр государственной безопасности Вильгельм Цайссер уже два года демонстрировали свою оппозицию диктаторскому поведению Ульбрихта и ратовали за его отстранение от власти. Вольф хорошо знал обоих.

Херрнштадт, либеральный журналист, в 1929 году вступил в компартию и практически одновременно начал работать на советскую военную разведку. В Варшаве он завербовал советника германского посольства Рудольфа фон Шелиа, который за деньги согласился передавать ему секретные сведения. В 1939 году фон Шелиа, имевшего псевдоним Ариец, перевели из Варшавы в информационный отдел германского Министерства иностранных дел, что повысило его ценность как агента. Он был одним из самых ценных источников советской военной разведки. Информацию передавал через журналистку Ильзу Штёбе, любовницу Херрнштадта.

Ильза Штёбе тоже сумела поступить на службу в германский МИД. Она работала на советскую разведку под псевдонимом Альта. Ильза Штёбе и Рудольф фон Шелиа были арестованы гестапо и казнены в декабре 1942 года.

Херрнштадта вовремя вернули в Советский Союз. Вместе с руководителями компартии Вильгельмом Пиком и Вальтером Ульбрихтом и попавшими в плен офицерами вермахта, такими как бывший командующий 6-й армией генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс, он участвовал в создании Национального комитета «Свободная Германия».

Херрнштадта назначили в Москве главным редактором газеты Национального комитета «Свободная Германия». Он был вежлив и холоден, обращался со своими сотрудниками на «вы», что было редкостью в партийной среде. Правил все материалы, но ничего не объяснял. Указания передавал через секретаря. Его статьи абсолютно не походили на творения остальных партийных авторов. Херрнштадт был профессионалом — до войны работал корреспондентом газеты «Берлинер тагеблат» в Варшаве.

В отличие от других партийных лидеров он не жил в гостинице «Люкс». Коллег по партийному аппарату поражало странное сочетание западноевропейской наружности, буржуазной манеры одеваться, западного стиля в журналистике, необычайного ума и холодной жестокости. Херрнштадт был убежденным коммунистом, склонным к идеализму. Он женился на красивой русской женщине, выпускнице Института иностранных языков, с которой после войны вернулся в Германию.

Страсти в политбюро кипели. Цайссер предложил избрать новым генеральным секретарем Херрнштадта. Ульбрихт признал, что должен изменить свой стиль руководства. И затаился. Ждал, что решит Москва: заставит его уйти или разрешит остаться. Казалось, его звезда закатилась.

И тут все переменилось! 26 июня 1953 года в Москве был арестован член Президиума ЦК КПСС, первый заместитель председателя Совета министров СССР, министр внутренних дел маршал Советского Союза Лаврентий Павлович Берия. На счастье Ульбрихта, Берию, среди прочего, обвинили в том, что он, как агент международного империализма, пытался помешать строительству социализма в ГДР.

Но это произойдет только через неделю. А 17 июня, в самый драматический день восстания в столице ГДР, Берия позвонил в Берлин Семенову. Трубку аппарата ВЧ взял помощник верховного комиссара.

— Это я, — сказал Берия.

Помощник Семенова его не узнал:

— Простите, не понял.

— Это я, я, Берия! — рявкнул министр внутренних дел. — Где Семенов?

— Он уехал в город.

— В такое время надо на месте сидеть, а не разъезжать по городу! И почему Семенов патроны бережет?

Через два дня в Восточный Берлин прилетела оперативная группа офицеров госбезопасности во главе с начальником военной контрразведки генерал-полковником Сергеем Арсентьевичем Гоглидзе. В группу входил и генерал-лейтенант Амаяк Захарович Кобулов, бывший резидент внешней разведки в нацистском Берлине.

Владимир Семенов вспоминал: «Гоглидзе и Кобулов приезжали во время восстания в Берлин с установкой разоблачить Чуйкова и меня в подготовке восстания».

Семенов записал в дневнике: «Вчера впервые узнал, что Молотов был против распространения обязательств по Варшавскому договору на ГДР. И в этом он повторял Сталина, который хотел использовать ГДР как предмет борьбы, но не был уверен, что сможет удержать эту позицию. Значит, Берия вел ту же линию, но хотел только форсировать ее летом 1953 года. И провалился как раз на этом. А для меня это был вопрос жизни.

Яснее теперь и линии, ведшие от Берия (и Кобулова) через гэдээровских кагэбистов на ликвидацию ГДР („во имя высших интересов социализма“…) Это была бы катастрофа! Конечно, я ринулся бы в драку за ГДР, даже рискуя своей жизнью, так как к

семи миллионам солдат одну жизнь приложить было бы вовсе не жалко».

А 25 июня из Москвы поступило поразившее Семенова указание арестовать обоих генералов-чекистов и отправить в столицу. Семенов позвонил Сергею Гоглидзе и попросил срочно приехать.

Когда генерал появился в кабинете Семенова, за ним вошли двое офицеров с пистолетами в руках. Находившийся там же маршал Соколовский произнес:

— Согласно решению инстанции объявляю вас арестованным.

Гоглидзе увели. Кобулов приезжать не хотел. Берия уже был арестован в Москве, взяли и его приближенного — Кобулова-старшего, поэтому Амаяка Захаровича по ВЧ ни с кем не соединяли. Он не понимал, что происходит. На приглашение прибыть к Семенову озабоченно ответил:

— Я пытаюсь соединиться с Москвой, но нет связи. Дозвонюсь и подскочу.

— У меня связь работает, — сказал Семенов. — Приезжай и звони, Амаяк.

Кобулов приехал…

На следующий день Семенов и Соколовский на спецсамолете вылетели в Москву. Сергея Гоглидзе и Амаяка Кобулова везли в том же самолете под охраной.

Генерал-лейтенант Кобулов на следствии рассказал о последней поездке в Берлин: «Перед поездкой мне позвонил генерал Федотов (Павел Васильевич Федотов был начальником внешней разведки. — *Л. М.)* и передал, что через два часа надо быть на центральном аэродроме. Это было ночью 18 июня 1953 года. 19-го утром мы прилетели в Берлин, и через два дня я выехал в Халле, Лейпциг и Дрезден, где изъял две нелегальные радиостанции, работающие по заданию американцев».

Московские чекисты сформировали оперативно-следственные группы с заданием выяснить, кто виновен в берлинском восстании. Задания ликвидировать ГДР генерал Кобулов не получал. Да и мелковат он был для таких поручений. Амаяк Кобулов был высоким, стройным, красивым, обходительным и обаятельным, душой общества и прекрасным тамадой. Но этим достоинства Амаяка Захаровича и исчерпывались. Ни немецкого языка, ни ситуации в Германии Кобулов, который начинал свою трудовую деятельность кассиром-счетоводом в Боржоми, не знал. Он рос в чекистском ведомстве благодаря старшему брату Богдану — давнему соратнику Берии.

Утром 8 июля Маркус Вольф узнал, что Ульбрихт и Гротеволь вылетели в Москву. Теперь многие судьбы руководителей ГДР

зависели от того, с чем они вернутся.

Напуганные восстанием в Берлине, советские вожди предпочли оставить Восточную Германию в крепких руках Ульбрихта. Его жесткий и неуступчивый стиль произвел впечатление на советских руководителей.

Ульбрихт и Гротеволь вернулись в Берлин к вечернему заседанию политбюро 9 июля. Получив благословение советских товарищей, Ульбрихт обрел вожделенную возможность поквитаться со своими критиками и перешел в наступление. 24 июля собрали пленум ЦК СЕПГ. Ульбрихт произнес пламенную речь о враждебной деятельности Берии и связал с ним своих главных оппонентов — Рудольфа Херрнштадта и министра госбезопасности Вильгельма Цайссера.

Маркус Вольф понял, что остался без непосредственного начальника. Вильгельм Цайссер ушел с пленума ЦК, потеряв пост министра.

— Теперь всё стало ясно, — торжествовал Ульбрихт. — Раскольническая деятельность Цайссера и Херрнштадта делает невозможной их работу в политбюро и ЦК. Партия и страна находились в смертельной опасности, потому что враждебная партии фракция предприняла попытку внутрипартийного путча. Только благодаря вмешательству проверенных и закаленных в классовых боях товарищей заговор путчистов был разоблачен, партия и страна спасены.

Ирония судьбы состоит в том, что Херрнштадт и Цайссер в годы войны работали на советскую военную разведку. Они внесли большой вклад в победу над фашизмом. Но московские руководители без колебаний ими пожертвовали.

Кандидат в члены политбюро Рудольф Херрнштадт, главный редактор центрального партийного органа, и министр государственной безопасности Вильгельм Цайссер давно числились в черном списке Ульбрихта. К тому же оба были слишком близки к Москве. В Восточном Берлине таких не считали своими. Сначала немец, потом уже друг Советского Союза.

Цайссера и Херрнштадта вывели из политбюро и ЦК, а вскоре исключили из партии. Херрнштадта отправили работать в архив. Его самоотверженная работа на советскую разведку теперь ничего не значила. И это больно ранило Херрнштадта. Он умер в 1966 году. Историки вспомнят о нем лет через сорок…

Антона Аккермана тоже вывели из состава ЦК. Работал он в Министерстве культуры, руководил управлением по производству кинофильмов. В 1958 году его повысили — назначили заместителем председателя Государственной плановой комиссии

по культуре и образованию. Через три года Аккерман вышел на пенсию по инвалидности. Смертельно больной, 4 мая 1973 года он покончил с собой в больнице на Шарнхорстштрассе.

Если бы не арест Берии, скорее всего, всё пошло бы иначе. Херрнштадт и Цайссер добились бы снятия Ульбрихта и возглавили партию.

Вальтер Ульбрихт считал, что его карьере пришел конец, поэтому для него было подарком новое приглашение в Москву 20 августа 1953 года. Маркус Вольф и другие функционеры ждали, как примут посланцев страны, только что пережившей народное восстание.

Это был первый официальный визит руководителей ГДР в Москву со времени образования социалистической Германии. Они вернулись домой с «мешком подарков». Прекращались репарации. Восточной Германии прощались все долги. Сокращались ее расходы на содержание советских оккупационных войск. 33 совместных предприятия передавались ГДР. Страна получила большой кредит и дополнительные поставки продовольствия.

Впоследствии новый руководитель Министерства государственной безопасности Эрнст Волльвебер говорил, что Ульбрихт очень боялся повторения беспорядков 17 июня 1954 года, в первую годовщину восстания. И вздохнул с облегчением, когда опасная дата миновала.

В июле 1953 года Соединенные Штаты предложили советскому правительству принять 15 миллионов долларов для снабжения продовольствием жителей ГДР. Москва ответила отказом. Тогда американцы сами организовали раздачу продуктов жителям Восточного Берлина (подробнее см. журнал «Вопросы истории», № 11–12/1999). Раздали в общей сложности восемь миллионов наборов. Хватило почти всем берлинцам. Министерство госбезопасности ГДР организовало антиакцию — раздачу продовольственных пакетов безработным и пенсионерам из Западного Берлина. Но акция успеха не имела.

Жители других городов ГДР ринулись в Берлин «за наборами от Эйзенхауэра». Железнодорожных билетов не хватало. Отдел руководящих органов ЦК СЕПГ докладывал: «Люди штурмуют вагоны, разбивают в них окна, чтоб проникнуть в купе. У касс в очередях стоят целыми семьями и подъездами».

В ночь с 1 на 2 августа прекратили продавать железнодорожные билеты. Запретили движение грузового транспорта и автобусов в направлении Берлина без специальных разрешений. Если при досмотре обнаруживали американский продовольственный набор, отбирали. На заводе «Штейнгутверк» в

Йессене началась забастовка — рабочие требовали снять ограничения на поездки в Берлин. В местечке Гросс-Шёнебек женщины блокировали пути и заставили посадить их на берлинский поезд. Тысячи людей собирались на вокзалах, и народная полиция разгоняла их с помощью брандспойтов. 4 августа отдел руководящих органов ЦК СЕПГ сообщил руководству: «В последнее время отношение населения к партии и правительству ухудшилось».

МГБ арестовало всех зачинщиков забастовок и манифестаций. Во время берлинского восстания 1953 года погибли 125 человек; 48 расстреляли по приговору советских судов. Тысячи приговорили к различным срокам заключения.

Начальнику внешней разведки Маркусу Вольфу поручили представить доказательства участия Запада в этих волнениях. Задание было не из простых. Как он сам писал, «мне стало ясно, что разговоры нашего руководства о „фашистской авантюре“ и о „контрреволюционном путче“ были чистой воды отговорками». Тем не менее осенью 1953 года провели ряд процессов против мнимых «западных агентов», устроивших мятеж. Это напугало людей.

До июньского восстания немцам не так легко было выбрать между ГДР и ФРГ. Советские танки, разогнавшие рабочих летом 1953-го, помогли немцам сделать выбор. Характер режима, подавившего силой выступления народа, стал ясен. Но признать это было трудно. А для кого-то и невозможно!

Замечательная писательница Анна Зегерс после прихода нацистов к власти уехала во Францию. Там она написала невероятный по силе антифашистский роман «Седьмой крест», который пользовался огромным успехом. Его перевели в десятках стран. В Голливуде книгу экранизировали.

В 1947 году Анна Зегерс вернулась в Восточную Германию. Казалось, сбылась ее мечта — коммунисты строят на немецкой земле справедливую жизнь. Наверное, она видела, что реальность ГДР не совпадает с ее мечтаниями. Но не позволяла себе никакой критики. Скорее всего, мешали воспоминания о том, как рухнула Веймарская республика — в том числе из-за того, что левые силы бесконечно конфликтовали между собой. Или боялась признаться себе в том, что коммунистическая идея неосуществима?

Анна Зегерс посвятила событиям 17 июня роман «Доверие». Ее симпатии на стороне тех, кто помогает подавить восстание… Возможно, это была попытка доказать самой себе правоту выбора в пользу ГДР. Через много лет ее коллега по Союзу писателей ГДР поэт и эссеист Стефан Хермлин скажет о ней:

— Я всегда знал, что Анна Зегерс в глубине души прячет

боль, а под завалами молчания — крик, который никогда и никем не был услышан.

Еще один видный немецкий прозаик, Стефан Гейм, родившийся в Хемнице, когда-то бежал из третьего рейха в Соединенные Штаты. В рядах американской армии он участвовал в высадке союзных войск в Нормандии. Гейм писал по-английски. Его первые романы стали бестселлерами в США. Как коммунист, он резко критиковал политику Вашингтона и в 1952 году перебрался в Восточный Берлин.

Приезд Гейма был невероятным подарком для власти. Ему присудили Национальную премию ГДР. Его книги переводились в Советском Союзе. Но роман «Пять дней в июне» о событиях лета 1953 года запретили. Со временем он стал диссидентом и его исключили из Союза писателей. Но вот что интересно. В отличие от многих партийных чиновников Хайм после крушения ГДР остался верен своим социалистическим идеалам. В 1994 году его избрали депутатом бундестага от Партии демократического социализма, наследницы СЕПГ. Когда депутатам повысили денежное содержание, Стефан Хайм отказался получать деньги за работу в парламенте.

Восстание 1953 года совпало с началом карьеры Н. С. Хрущева как руководителя Советского Союза. Никита Сергеевич пришел к выводу, что если не помогать Восточной Германии, социалистическая система там рухнет, а ему придется отвечать за потерю ГДР. Этот опыт во многом определил будущую германскую политику Хрущева.

Жесткая линия ГДР усугубляла раскол Германии и ухудшала климат во время холодной войны. У Москвы и Восточного Берлина были, разумеется, общие цели, но во многих вопросах они расходились. У Советского Союза, как великой державы, были более масштабные интересы. Но политика ГДР вырабатывалась в Восточном Берлине, а не в Москве и часто шла наперекор ее воле.

И США, и СССР видели в своей Германии важнейшего союзника, чьи интересы надо блюсти. Обе сверхдержавы старались доказать, что их Германия сильнее и популярнее.

Отношения Москвы и Восточного Берлина были сложнее, чем принято считать. Это были отношения асимметричной взаимозависимости. В разгар холодной войны Москва и Вашингтон обнаружили, что нуждаются в многочисленных союзниках не только по прагматическим военным и экономическим соображениям. Речь шла о репутации лидера блока. Обе стороны верили в принцип домино: потеря даже одного союзника чревата тяжелыми последствиями для всего блока.

Москва не всегда могла навязать свою волю Восточному Берлину. Полумиллионная группировка советских войск в Германии гарантировала, что восстание вроде того, что произошло в 1953 году, не повторится. Стратегически важное положение ГДР требовало от Советского Союза защищать своего союзника. В ГДР прекрасно сознавали, как они важны для Москвы, поэтому требовали много больше, чем другие социалистические страны, и вели себя куда самостоятельнее. Восточный Берлин по-своему шантажировал Москву, угрожал крахом социализма в стране и требовал помощи. Конечно, ГДР чуть ли не во всем зависела от СССР, но и Советский Союз в определенном смысле зависел от ГДР.

Маркус Вольф, хорошо представлявший себе умонастроения московских товарищей, лучше других знал, в чем корень противоречий. Догматики в Восточном Берлине опасались, что в какой-то момент советские руководители пожертвуют ими ради улучшения отношений с Западом и согласятся на объединение Германии. Побаивались, что Москва потребует менее жесткой, более разумной внутренней политики. А в Москве боялись, что ГДР не выдержит и рухнет, обнажив слабость социализма.

ГЛАВНЫЙ ПРОТИВНИК ГЕНЕРАЛ ГЕЛЕН

Маркус Вольф и его коллеги внимательно следили за переменами, происходившими у советских товарищей. После ареста Берии в июне 1953 года в органы госбезопасности стали набирать людей из партийного аппарата и кадровых военных. 13 марта 1954 года вышел указ Президиума Верховного Совета об образовании Комитета государственной безопасности СССР. Внешняя разведка получила статус Первого главного управления.

Вольфа интересовала личность нового начальника разведки — Александра Семеновича Панюшкина, который служил в пограничных войсках и окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе, работал послом в Китае и потом в аппарате ЦК партии. Панюшкину присвоили генеральское звание. Он занимал кабинет № 763 — на седьмом этаже главного здания на Лубянке, где Маркус Вольф побывает не раз, навещая московских коллег.

Тридцатого июня 1954 года ЦК принял постановление «О мерах по усилению разведывательной работы органов государственной безопасности за границей». В нем говорилось о необходимости сконцентрироваться на работе против главного противника — Соединенных Штатов и Англии. Ведомства, имевшие загранпредставительства, получили указание выделить для разведчиков должности прикрытия.

Маркуса Вольфа попросили сосредоточиться на ФРГ.

О своем главном противнике — Рейнхарде Гелене — Вольф прочитал в британской газете «Дейли экспресс». Генерал Гелен был одной из самых загадочных фигур послевоенной Европы. Он играл роль Джеймса Бонда задолго до появления этого киногероя на экране. Носил темные очки, не снимал шляпы, не позволял себя фотографировать. Его настоящая фамилия вслух не произносилась. Даже ближайшим сотрудникам он велел называть себя «господин доктор». Гелен был охвачен манией секретности и устраивал настоящие спектакли. Журналистов привозили к нему на конспиративную квартиру, три раза пересаживая из машины в машину.

В результате нескольких крупных провалов советская разведка утратила свою агентуру на Британских островах и в Северной Америке — в самый разгар холодной войны, когда, пожалуй, более всего нуждалась в реальной информации о внешнем мире. Но открытость политической жизни в демократических странах оставляла достаточно возможностей

для анализа, было бы желание разобраться.

Иная ситуация сложилась для Запада, не способного постичь происходящее в Советском Союзе, почти полностью закрытом от внешнего мира. В попытке понять Кремль западные лидеры сделали ставку на спецслужбы.

Сразу после победы над Германией специальные службы стали возвращаться к предвоенному состоянию, что означало сокращение штата и финансирования. Но к 1947 году стало ясно, что заполыхала новая война — холодная. Спрос на разведывательную информацию вырос. Германия оказалась для западных спецслужб единственным окном, через которое можно было засылать агентуру на Восток.

Немецкие железнодорожники получали деньги от британской разведки за сообщения о передвижении поездов в восточной части Германии, о званиях и нашивках офицеров Советской армии, которых они видели. Впрочем, многие агенты-немцы оказались не столь ценными, как надеялись их наниматели. Выяснилось, что один из них, снабжавший британскую разведку данными о советских перевозках по Восточной Германии, просто не существовал. Агента придумал человек, который преспокойно жил в Западной Германии и внимательно читал все газеты и железнодорожные издания. Пришлось резидентуре доложить в Лондон, что пересланная в штаб-квартиру секретная информация не так уж и секретна.

В Германии американские военная и политическая разведки жестко конкурировали. Ревность больше всего мешала сотрудничеству спецслужб. У военных разведчиков было множество преимуществ, в частности потому, что они могли посылать на территорию Восточной Германии легальные миссии. Они искали районы, где советские войска только что проводили маневры. Советские солдаты за неимением туалетной бумаги использовали письма из дома, получаемые с родины газеты, даже какие-то армейские документы.

Сбор этих бумаг позволял не только выуживать серьезную военную информацию, но и сведения о моральном состоянии советских войск. Накладные, записки, дневники позволяли установить серийные номера новой техники, поступавшей на вооружение советских частей. Охота за мусором продолжалась десятилетиями. Иногда шпионаж оказывался грязным делом даже в прямом смысле этого слова.

Британских генералов больше всего интересовало, как заранее узнать о вылете советских бомбардировщиков курсом на Англию. Собирали информацию о расположении и тактике советской системы противовоздушной обороны. Появление

самолетов-шпионов приводило ее в действие — радиолокаторы переходили на активный режим, зенитные системы готовились открыть огонь. Все это фиксировалось и изучалось. На британских разведывательных самолетах служили большие экипажи — из десяти операторов, включая трех человек, знающих русский язык.

После войны оккупированная Германия оказалась единственным окном в советскую жизнь. Оно стало шире благодаря перебежчикам из советской зоны и военнопленным, которые возвращались домой и рассказывали, что видели. Они стали едва ли не главным источником информации о происходящем за железным занавесом. Рассказывают, будто по химическому составу привезенного военнопленными самосада установили, что Советский Союз располагает собственными запасами урана и от его импорта больше не зависит. Возможно, поэтому американцы так ценили начальника Федеральной разведывательной службы Рейнхарда Гелена, бывшего генерала вермахта.

Маркус Вольф никогда не разделял этого восхищения. И не потому, что ревновал или завидовал. Он вполне здраво оценивал своего главного противника.

Гелен был человеком крайне честолюбивым и тщеславным. Он считал себя выдающимся разведчиком, хотя никогда не работал, как говорят профессионалы, «в поле», — не был оперативным сотрудником. Но что-то такое в нем сидело, ему хотелось видеть себя настоящим шпионом. Именно поэтому из всех фотографий для книги воспоминаний он выбрал ту, на которой изображен в черных очках.

Гелен, старательный и работоспособный, молодым офицером попал на службу в Генеральный штаб сухопутных сил вермахта и в апреле 1942 года возглавил 12-й отдел — «Иностранные армии Востока», это была фронтовая разведка, занимавшаяся изучением в основном Красной армии. Гелен сам не занимался вербовкой агентуры и сбором разведывательной информации. Но он был умелым организатором.

Задача Гелена состояла в анализе разведданных и прогнозировании действий Красной армии. В штабах армейских частей существовали отделы 1-Ц (получение и анализ информации о противнике). На Восточном фронте они сотрудничали со структурами абвера: штаб «Валли-1» ведал разведкой, «Валли-2» — диверсиями, «Валли-3» — контрразведкой. Каждый вечер разведывательная сводка о действиях советских войск подавалась командованию вермахта. Рано утром ситуация на фронте докладывалась начальнику Генштаба. И примерно раз в месяц отдел «Иностранные армии

Востока» готовил подробный доклад с оценкой оперативных замыслов советского командования…

Строго говоря, Гелену и его помощникам похвастаться было нечем, как и другим спецслужбам третьего рейха, работавшим против Советского Союза. Немецким разведчикам не хватало стратегического воображения. В основе анализа лежала убежденность в превосходстве вермахта. Разведчики Гелена не увидели опасности для 6-й армии Фридриха Паулюса попасть в окружение под Сталинградом.

Отчего же после войны Соединенные Штаты поддержали весьма среднего по своим способностям немецкого генерала и позволили ему создать собственную разведывательную службу?

Участники войны поспешили снять мундиры и вернуться к гражданской жизни. В оккупированную Германию приехали молодые американские офицеры, которые в войну не имели доступа к расшифрованным немецким документам и не представляли себе степень некомпетентности разведслужб третьего рейха. А бывшие руководители немецких спецслужб неустанно создавали миф о своих грандиозных успехах, которых в реальности не было. Рейнхард Гелен нисколько не сомневался в своем мастерстве. Его самоуверенность действовала и на других.

Адольф Гитлер недолюбливал разведку и не желал читать разведывательные сводки. Фюрер считал, что в разведке просто нет необходимости: он добивался всего, чего хотел, с помощью вермахта, который одерживал одну победу за другой.

Третий рейх еще существовал, а Гелен уже задумался о своем послевоенном будущем. Он приказал своим подчиненным изъять из архивов важнейшие документы и припрятать их. После разгрома вермахта его задержали американцы и отправили в 12-й армейский следственный отдел в Висбадене.

Это было время отчаяния для западных спецслужб, которые ничего не знали о происходящем по ту сторону железного занавеса. Подполковник военной разведки Джон Рассел Дин-младший доложил в Вашингтон о немецком генерале-разведчике, готовом передать материалы о России и Восточной Европе, собранные нацистской разведкой. Речь шла о генерале Гелене. Чтобы ни русские, ни англичане не потребовали выдать им Гелена, его имя изъяли из списка военнопленных, находившихся в руках американских властей.

После главного Нюрнбергского процесса американцы провели в том же городе еще 12 процессов, посадив на скамью подсудимых 144 крупных нацистских преступника — военных, промышленников, концлагерных врачей, судей и командиров эсэсовских айнзацгрупп. К 1949 году органы военной юстиции

США осудили 1800 бывших нацистов, и процессы продолжались. Группу осужденных эсэсовцев повесили в 1951 году, несмотря на протесты некоторых высокопоставленных чиновников ФРГ, которые просили союзников прекратить копаться в прошлом.

Разведывательные операции представляли иное лицо американской политики — во времена холодной войны циничный прагматизм брал верх над соображениями морали и нравственности. Главной задачей было получение информации о Советском Союзе, о ситуации в Восточной Европе и советской зоне оккупации.

Бывших нацистов охотно нанимали не только американские спецслужбы. В 1952 году заместитель министра госбезопасности ГДР Эрих Мильке подписал ориентировку № 21, в которой предписывалось: «Бывших офицеров и унтер-офицеров вермахта, бывших сотрудников гестапо и офицеров абвера рассматривать как подходящих для вербовки лиц».

В 1953 году министр госбезопасности Эрнст Вольвебер отдал приказ о «систематическом учете враждебных элементов из числа бывших офицеров, радистов, активных членов НСДАП с целью выявления из их числа людей, подходящих для подбора в тайные сотрудники и тайные информаторы».

Нужным людям быстро прощали все грехи. Еще в апреле 1948 года на пленуме центрального правления СЕПГ Гротеволь обозначил задачу «создания новой партии, в которую могли бы войти и номинальные нацисты». С разрешения СВАГ появилась национально-демократическая партия Германии, в нее принимали бывших солдат и офицеров вермахта и рядовых членов нацистской партии.

В 1956 году МГБ ГДР получило от советского Комитета госбезопасности досье на немецких пленных, которым разрешили наконец вернуться на родину — в ГДР или в ФРГ. С такими материалами восточногерманские чекисты могли вербовать людей во всей Германии.

Маркус Вольф ставил себе в заслугу, что он чуть ли не единственный раз воспользовался сетью бывших эсэсовцев и сотрудников СД: «Советская разведка действовала в этом отношении гораздо прагматичнее и добивалась более значительных успехов».

В организации Гелена работал Хайнц Фельфе, бывший оберштурмфюрер СС, он же крупный агент советской политической разведки.

Хайнц Фельфе родился 18 марта 1918 года в Дрездене. Когда в сентябре 1939-го началась война, служил в вермахте. В 1941 году образцового нациста взяли в Главное управление имперской

безопасности. С августа 1943-го он служил в Шестом управлении РСХА (внешняя разведка) — под началом бригаденфюрера СС Вальтера Шелленберга.

Фельфе ведал агентурной работой в Швейцарии. Проявил служебное рвение: обратился непосредственно к рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру с предложением поддержать перспективного исследователя, работавшего над гормональным препаратом, который повышал мужскую потенцию. Внутри рейха, предлагал Фельфе, препарат можно использовать для принудительного лечения гомосексуалистов от преступного порока, а заодно экспортировать препарат в Швейцарию, чтобы заработать валюту.

Оберштурмфюрер СС Фельфе попал в плен к англичанам. Как эсэсовец, служивший в Главном управлении имперской безопасности, он должен был ответить за соучастие в преступлениях, но британцы освободили его уже в октябре 1946 года. В разрушенной Германии Фельфе искал, к кому прислониться. Удивился, когда ему предложили сотрудничать советские офицеры, ведь он бывший эсэсовец. Но вербовщиков его прошлое нисколько не смутило. В 1951 году он стал агентом советской разведки. Ему удалось поступить на службу к Гелену…

Хайнц Фельфе ежемесячно передавал связнику микропленку с документами и получал сначала полторы, а затем две тысячи западногерманских марок. В ноябре 1961 года западные немцы выследили Хайнца Фельфе и арестовали. Им помог бежавший из Польши 4 января 1961 года заместитель начальника военной контрразведки подполковник Михаил Голеневский. Он на такси приехал в американское консульство в Западном Берлине вместе со своей любовницей и попросил для обоих политического убежища. Голеневский передал ЦРУ информацию, которая позволила вычислить Фельфе.

Суд приговорил Хайнца Фельфе к четырнадцати годам тюремного заключения. Он отсидел шесть. Советский КГБ и Министерство госбезопасности ГДР приложили большие усилия для того, чтобы его вызволить. В феврале 1969 года на контрольно-пропускном пункте Херлесхаузен Фельфе обменяли на пойманных за железным занавесом западных разведчиков — 18 западногерманских и трех американских.

К тому времени Рейнхард Гелен ушел в отставку (это произошло весной 1968 года). В БНД его кресло занял другой бывший генерал — Герхард Вессель. В 1945 году, еще будучи подполковником, он сменил Гелена на посту начальника отдела «Иностранные армии Востока»…

В Москве бывшему эсэсовцу Фельфе вручили ордена Красного Знамени и Красной Звезды, присвоили звание почетного

сотрудника госбезопасности. В марте 2008 года Хайнцу Фельфе исполнилось 90 лет, с этой датой его поздравила Служба внешней разведки России. Организация ветеранов СВР заявила: «Фельфе по праву относится к той славной плеяде помощников советской внешней разведки, которые на протяжении военных лет и послевоенного противостояния не за страх, а за совесть добывали ценнейшую политическую, военную, научно-техническую и оперативную информацию, считая своим долгом помогать нашей стране, укреплять ее позиции».

Бывший эсэсовец и бывший агент советской разведки встретил свое 90-летие в единой Германии, куда он вернулся после распада Советского Союза.

ТАИНСТВЕННЫЙ ТОННЕЛЬ

После событий 1953 года ведомство госбезопасности ГДР низвели до статуса статс-секретариата и подчинили Министерству внутренних дел. Немецкие чекисты впали в немилость — они не сумели ни предотвратить мятеж, ни хотя бы предупредить руководство. А министр внутренних дел Вилли Штоф, напротив, продемонстрировал волю и решимость. В войну он служил в вермахте, воевал на Восточном фронте — против Красной армии, удостоился железного креста. В конце войны унтер-офицер Штоф попал в советский плен. После крушения третьего рейха был взят на работу в партийный аппарат, в 1950 году его включили в состав ЦК СЕПГ. За год до берлинского мятежа советские товарищи поставили Штофа во главе МВД. А в 1953 году ввели в политбюро.

По совету Москвы новым руководителем госбезопасности назначили старого коммуниста — Эрнста Волльвебера. Маркус Вольф в 1954 году получил погоны генерал-майора и стал его первым заместителем. А Эриху Мильке, как бывшему заму снятого с должности Цайссера, пришлось ждать, пока его проверит комиссия партийного контроля. Ему дали выговор, но оставили начальником контрразведки.

Маркус Вольф отлично ладил с Эрнстом Волльвебером, имевшим кличку Красный матрос. В Первую мировую Волльвебер служил на флоте, участвовал в восстании моряков в портовом городе Киле в 1918 году, с чего началась ноябрьская революция, свергнувшая кайзера. В 1921 году вступил в компартию Германии. В 1923-м руководил подпольной военной структурой компартии, которая готовила вооруженное восстание, был арестован и провел в тюрьме два года. В 1928 году Волльвебера избрали депутатом прусского ландтага. Он руководил подпольной разведывательной и контрразведывательной структурой компартии. В ноябре 1932 год его избрали в рейхстаг. После прихода нацистов к власти он эмигрировал в Москву.

По заданию советской военной разведки Эрнст Волльвебер занимался в Европе диверсиями против немецкого флота. В 1936 году приехал в Данию, где создал подпольную организацию. После оккупации Дании перебрался в Норвегию. Когда и там высадились немецкие войска, бежал в Швецию, где в 1943 году его арестовали. Советские дипломаты выручили его из беды и вывезли в Москву.

После войны Волльвебер работал в Министерстве морского флота. После восстания в Берлине вспомнили о его боевом

прошлом. В июле 1953 года его перевели в МВД. В ноябре 1955 года он возглавил восстановленное Министерство госбезопасности.

Маленький плотный человек с пивным брюшком и сигарой в зубах, он был неизменно мрачен, отчего его сторонились. Маркус Вольф наблюдал, как на приемах в советском посольстве Волльвебер выпивал три фужера «столичной», закуривал сигару и только после этого вступал в беседу. Вечерами играл в бильярд с Рихардом Штальманом, заместителем Вольфа, что позволяло решать важные вопросы без бюрократических проволочек. Оперативные дела разведки министра мало интересовали.

Советские чекисты не доверяли его любовнице Кларе Фатер, коммунистке, которая сидела при Сталине. Клара и ее дочь, которую Волльвебер удочерил, находились под наблюдением. Эрнст Волльвебер жаловался, что Москва держит его в неведении относительно своих операций в Западной Германии. Как, впрочем, и Маркуса Вольфа, но тот, как профессионал, не обижался.

Британская разведка устроила подкоп под кабельными линиями связи Советской группы войск в Германии и подслушивала все телефонные разговоры, которые вели наши офицеры. Это была совместная с ЦРУ операция. Американцы финансировали проект и строили тоннель. Англичане взяли на себя установку подслушивающей аппаратуры и расшифровку.

В КГБ знали об этой операции с самого начала, но не сообщили о ней ни Волльвеберу, ни Вольфу. А советскую разведку поставил в известность сотрудник британской разведки Джордж Блейк. В годы Корейской войны он попал в плен к северным корейцам. Блейк хотел выжить и предложил свои услуги советским разведчикам.

С ним работал Сергей Александрович Кондрашев, который в разведке дослужился до генерал-лейтенанта. В военные годы Кондрашев работал референтом-переводчиком во Всесоюзном обществе культурных связей с заграницей. В 1947 году его взяли в контрразведку, а через четыре года перевели в разведку. В октябре 1953-го отправили в Лондон — и сразу исполняющим обязанности резидента. Его главным источником был Джордж Блейк.

Во время встречи со своим связным на втором этаже лондонского автобуса в январе 1954 года Блейк передал запись совещания британских и американских разведчиков, на котором решили прорыть тоннель из Западного Берлина в Восточный.

Копать пятисотметровый тоннель начали в американском секторе Берлина — в районе Альтглинике. Рядом — уже в

советском секторе — проходили линии связи, которые вели к аэропорту Шёнефельд. Рыть начали в августе 1954-го и закончили в феврале следующего года. Незаметно для окружающих вытащили три с лишним тысячи тонн земли. Большое количество установленной в тоннеле аппаратуры перегревалось, и пришлось установить систему кондиционирования воздуха.

В мае 1955 года британские и американские специалисты начали прослушивание. Дэвид Мэрфи был в те годы начальником резидентуры ЦРУ в Западном Берлине. Много лет спустя он рассказывал корреспонденту «Красной звезды»:

— Впервые после Второй мировой войны наша разведка получала настоящую информацию о Советской армии. Я отбирал весь материал, имеющий отношение к нашей работе. Если мы слышали, как кто-то произносил: «Я бы хотел говорить с товарищем Питоврановым», — запись разговора попадала ко мне.

Генерал-майор Евгений Петрович Питовранов был тогда представителем КГБ при Министерстве госбезопасности ГДР.

Наконец в Москве решили прекратить эту операцию. 22 апреля 1956 года тоннель был демонстративно обнаружен группой восточногерманских телефонистов. Операция продолжалась 11 месяцев и 11 дней.

Считается, что поскольку Джордж Блейк заранее предупредил Москву, все линии связи использовались для передачи американцам и англичанам дезинформации. Но американцы и англичане и по сей день уверены, что получали точные сведения о том, что происходит в Советской армии.

— У нас были источники в Карлсхорсте, в штабе советских войск, — уверял Мэрфи. — Я всегда сравнивал ту информацию, что пришла к нам через тоннель, и то, что поступало в наш архив из других источников.

Информация, извлеченная из телефонных разговоров, перепроверялась. Да и невозможно себе представить, чтобы все телефонные переговоры были сплошной дезинформацией. В такую операцию пришлось бы вовлечь множество людей, это могло привести к провалу ценного агента.

Судя по всему, американцы и англичане слышали подлинные разговоры. Секретные беседы по этим линиям не велись. Наиболее важные переговоры велись по другим линиям связи, наземным, и контролировались управлением правительственной связи. Во всяком случае, ими пользовалось представительство КГБ в Восточной Германии. Так что за свои тайны чекисты не боялись.

Вашингтон и Лондон явно получили много полезных данных, в первую очередь о внутренней жизни Группы войск в Германии. Это была мозаика, позволявшая понять внутренние механизмы

советских вооруженных сил, взаимоотношения между различными организациями. Много было информации личного характера — о советских чиновниках и их женах, которые были заняты покупкой и переправкой в Советский Союз того, что им удалось приобрести в Германии.

Устройства, установленные в тоннеле в Берлине, позволили записать 40 тысяч часов телефонных разговоров и шесть миллионов часов переговоров по телетайпу (еще 350 человек). Техническое управление британской разведки МИ-6 наняло больше ста эмигрантов первой волны из России и Польши, переводивших перехваченные переговоры.

Анализ полученной информации продолжался еще добрых два года. До начала полетов самолетов-разведчиков U-2 над Советским Союзом это был главный источник информации о том, что происходит в советских вооруженных силах.

МЕТАНИЯ ОТТО ЙОНА

После 17 июня 1953 года восточные немцы продолжали покидать ГДР. За четыре года полмиллиона человек перебрались в ФРГ. Начальник разведки Германской Демократической Республики использовал эту возможность на полную катушку. Среди тех, кто ушел на Запад, было немало агентов Маркуса Вольфа. На сей раз наличие родственников на Западе было желательно, как, впрочем, и прежняя служба в СС, и членство в нацистской партии.

Маркус Вольф ставил перед своими людьми амбициозные цели. Одному из первых агентов поручили проникнуть в ведомство федерального канцлера. Он нашел способ. Познакомился с женщиной, которая там работала. Она не была красива, но они стали любовниками, жили вместе. Брак исключался, потому что его документы не выдержали бы проверки. Когда этим человеком всё-таки заинтересовалась западногерманская контрразведка — Федеральное ведомство по охране конституции, его отозвали. Он не просил разрешения взять с собой эту женщину: она бы не смогла жить в ГДР.

А одна дама, которую в ГДР арестовали и дали восемь лет, согласилась работать агентом в обмен на освобождение. Уехала в ФРГ и устроила в Бонне салон, куда приходили видные политики. В приятной атмосфере они расслаблялись и у них развязывались языки.

Люди Маркуса Вольфа успешно вербовали агентуру на территории Федеративной Республики. В левом крыле социал-демократической партии, среди консервативных кругов, в армии и полиции, в государственном аппарате, среди профсоюзных работников. Вольф получал информацию из первых рук о положении в профсоюзах, церкви, христианских группах, издательствах и университетах. Вербовали перспективных студентов, которые со временем смогут продвинуться и занять важные позиции.

Агенты Вольфа имели указания демонстрировать ради карьеры крайне правые взгляды. Власти ГДР исходили из того, что путь к власти ведет не по левой колее. От разведки требовали с помощью агентов влияния раскалывать социал-демократическую партию. Но Маркус Вольф доказывал, что, если такая пропагандистская акция удастся, это только повредит долговременным интересам ГДР.

В первую очередь вербовали людей из индустриального сектора, потому что ГДР отчаянно нуждалась в западных

технологиях. Когда речь шла о перспективном источнике, Маркус Вольф, как выражаются профессионалы, сам делал вербовочный подход. Чаще всего он выдавал себя за генерала из Министерства национальной обороны. Всякий раз тщательно продумывал свою легенду. В конспиративной квартире, куда он приводил своего разрабатываемого — западногерманского промышленника, на стенах висели изготовленные в спецлаборатории фотографии, на которых он был запечатлен в кругу мнимой семьи.

Накануне Берлинской конференции министров иностранных дел стран-победительниц в январе 1954 года прибывший из Москвы офицер разведки сказал восточногерманским коллегам, что им понадобится «малина». Неопытный переводчик растерялся. Более искушенный в русском языке и советских реалиях Маркус Вольф пояснил, что имеется в виду не ягода, а публичный дом — для вербовки агентуры.

Нашли девушек легкого поведения, сняли отдельный домик в берлинском пригороде Раухфангсвердер с видом на озеро. Комнаты оснастили подслушивающими устройствами и фотоаппаратами, вмонтированными в люстры. Правда, примитивной техникой приходилось управлять вручную, и сотрудник разведки размешался в тесном стенном шкафу. Он мог выйти из него, лишь когда парочка, закончив дело, покидала спальню. Для развлечения гостей раздобыли кинопроектор и порнофильмы. Стали заманивать в «малину» западных немцев. Но никто в эту ловушку не угодил.

Руководство партии больше, чем важную разведывательную информацию, ценило политический эффект от перехода видных западных деятелей в ГДР. Разведка Вольфа работала с крупным западногерманским политиком — одним из основателей правящей партии ХДС Гюнтером Герике. Он был заместителем премьер-министра земли Нижняя Саксония. Люди Вольфа вывели Герике в ГДР. Ему устроили пресс-конференцию, на которой он объяснил, почему выбрал Восточную Германию. В ЦК остались довольны.

Летом 1954 года Маркус Вольф отдыхал на Черном море. В этот момент министр госбезопасности Эрнст Волльвебер распорядился найти способ помешать ФРГ вступить в Европейский оборонительный союз. Например, устроить какой-нибудь скандал с разоблачением. Это мог сделать депутат бундестага от ХДС Карл Франц Шмидт-Виттмак, который состоял в комиссии по вопросам Европейского оборонительного союза. Он был ценнейшим источником восточногерманской разведки, но политбюро велело его доставить в ГДР. Маркусу Вольфу пришлось подчиниться.

Депутат не хотел перебираться на Восток, но ему сказали, что он разоблачен и его вот-вот арестуют. 26 августа 1954 года Шмидт-Виттмак предстал перед журналистами в Восточном Берлине. Он озвучил информацию, которую подготовила разведка, и попросил в ГДР политического убежища. Это был еще один подарок руководству Восточной Германии.

Шмидт-Виттмака сделали вице-президентом внешнеторговой палаты. А вот Гюнтеру Герике досталась незавидная должность члена президиума ничего не значащей Национально-демократической партии (в нее принимали бывших солдат вермахта, ремесленников и предпринимателей). Формально в ГДР существовала многопартийность, но небольшие партии — Христианско-демократический союз и Национально-демократическая партия — играли декоративную роль.

А вот переход в ГДР начальника западногерманской контрразведки Отто Йона организовали не люди Маркуса Вольфа, а советские товарищи.

Много лет назад, в один из первых дней моей работы в журнале «Новое время», я приоткрыл дверь в кабинет заместителя главного редактора Виталия Геннадьевича Чернявского. Он вел номер, и я принес ему заметку. Виталий Геннадьевич разговаривал по телефону и не заметил моего появления. Откинувшись в кресле и несколько мечтательно глядя в окно, он предавался приятным воспоминаниям:

— Вот когда в октябре сорок второго я допрашивал своего первого пленного немца…

Я осторожно прикрыл дверь.

Виталий Чернявский родился в ноябре 1919 года, но шла Гражданская война, и родители смогли оформить его метрику о рождении только в феврале следующего года. В 1941 году Чернявского взяли на работу в НКВД, всю войну он прослужил в особых отделах. В 1944 году прошел курсы усовершенствования офицерского состава Главного управления военной контрразведки Смерша.

После окончания учебы он предстал перед заместителем начальника советской разведки тогда еще полковником Александром Михайловичем Коротковым. Чернявского зачислили оперуполномоченным в Первое главное управление Наркомата госбезопасности. Осенью 1944-го его отправили в резидентуру в Бухарест. Несколько послевоенных лет он занимался Румынией.

Чернявского ценил генерал Евгений Петрович Питовранов, еще одна видная фигура советских спецслужб. После войны Питовранова назначили начальником Второго (контрразведывательного) управления Министерства

госбезопасности. Он принимал участие во многих позорных послевоенных сталинских акциях, например выезжал в Питер, чтобы лично арестовать людей, проходивших по так называемому ленинградскому делу. Его рвение было оценено. В 1950 году Питовранов стал заместителем министра. Ему было всего 35 лет. Карьеры при Сталине делались быстро, потому что постоянно освобождались высокие кресла. Но так же скоро из начальственного кабинета можно было угодить на нары. После ареста министра госбезопасности Абакумова Сталину доложили, что Питовранов «тесно работал с Абакумовым и находился под его враждебным влиянием». Отдыхавший на юге вождь распорядился арестовать Питовранова. Философски заметил:

— Посадите и пусть сидит. У чекиста есть только два пути — на выдвижение или в тюрьму.

Генерала держали в Лефортове. Но ему повезло. Сидя в тюремной камере, он написал Сталину письмо не с просьбой его помиловать, а с перечнем предложений о реорганизации разведки и контрразведки, понимая, что о таком письме вождю обязательно доложат. Так и получилось. Вождь сказал министру госбезопасности Семену Игнатьеву:

— Я думаю, что Питовранов человек толковый. Не зря ли он сидит? Давайте через какое-нибудь время его выпустим, сменим ему фамилию и вновь возьмем на работу в органы госбезопасности.

Питовранов продолжал писать вождю. Отношение к нему в тюрьме изменилось. Ему стали давать книги и подселили приличного сокамерника — Льва Романовича Шейнина, писателя и бывшего начальника следственного отдела союзной прокуратуры. Питовранов по профессиональной привычке представился ему инженером, который работал в Восточной Германии и потерял важные документы.

Второго ноября 1952 года прямо из тюрьмы Питовранова привезли к министру Игнатьеву, который поздравил его с освобождением и передал слова Сталина:

— Поправим свою ошибку. Нас поймут. Пусть пока немного отдохнет. Скоро он понадобится.

Пятого января 1953 года генерал Питовранов возглавил управление по разведке за границей — с задачей вести активные действия против главного врага, то есть широко применять террор и диверсии. Чекисты были уверены, что Питовранов станет следующим министром. Но после смерти Сталина он потерял свой высокий пост. Генерал-лейтенанта Питовранова отправили в Восточный Берлин руководителем Инспекции по вопросам безопасности при советском верховном комиссаре.

Ему объяснили задачу:

— Там надо навести порядок.

Название его должности постоянно менялось: уполномоченный КГБ СССР при МГБ ГДР, глава представительства КГБ по координации и связи с МГБ ГДР.

Аппарат Питовранова представлял ведомство госбезопасности в миниатюре, потому что работа шла по многим направлениям. Его люди присматривали за высшей номенклатурой в ГДР, учили восточногерманских чекистов, вели разведывательную работу в ФРГ, пытались вербовать американцев, англичан и французов, которые служили в Западном Берлине и Западной Германии.

Питовранов взял с собой Виталия Чернявского начальником первого (разведывательного) отдела, тесно сотрудничавшего с Маркусом Вольфом. Разведывательный аппарат состоял из шести отделений: американского, английского, западногерманского, французского, научно-технической разведки и нелегальной. Всего 50–60 человек.

— Каждую неделю из Москвы поступали новые задания, — рассказывал мне Чернявский. — Что-то узнать, что-то сделать. Помню, пришел приказ украсть краску для легковых автомобилей, никак она у нашей промышленности не получалась. Мы украли в ФРГ образцы краски, рецептуру. Передали в Москву, но наша краска всё равно оставалась плохой.

В ту пору готовилась ликвидация руководителя исполнительного бюро Народно-трудового союза (НТС) в Западной Германии Георгия Сергеевича Околовича. Эта эмигрантская организация считалась опасной, ее активисты были злейшими врагами советской власти. Околович руководил оперативным сектором по подготовке и заброске агентуры в Советский Союз.

Но руководитель боевой группы капитан Хохлов из 13-го отдела Первого главного управления КГБ СССР передумал убивать Околовича. 18 февраля 1954 года во Франкфурте-на-Майне капитан пришел к Околовичу домой и представился:

— Георгий Сергеевич, я — Хохлов Николай Евгеньевич, сотрудник органов госбезопасности. ЦК КПСС приказал вас ликвидировать. Убийство поручено моей группе.

Он показал пистолет с электрическим спуском и глушителем, замаскированный в пачке сигарет. Поскольку никакого преступления Хохлов не совершил, то получил политическое убежище. 24 апреля западные немцы устроили его пресс-конференцию, и разгорелся грандиозный скандал. Хохлов продемонстрировал корреспондентам специальную технику,

которой его снабдили в КГБ для проведения террористического акта.

Николая Хохлова в Москве военная коллегия Верховного суда СССР заочно приговорила к смертной казни. Он считал, что приговор хотели исполнить и его пытались убить, но не получилось.

— Хохлов кричал, что КГБ его пытался отравить, — рассказывал журналистам директор Службы внешней разведки генерал Сергей Николаевич Лебедев в 2006 году. — И что вы думаете? Ему сейчас уже девятый десяток, доживает свой век где-то в Америке.

Незадолго до августовского путча 1991 года бывший капитан Хохлов как ни в чем не бывало приехал в Москву. Он зашел и в редакцию журнала «Новое время». Бывший специалист по «мокрым делам» стал профессором психологии в Калифорнийском университете. Кажется, его больше интересовала парапсихология. Впрочем, само его появление в Москве было чем-то сверхъестественным. Он даже посетил Лубянку, где в центре общественных связей КГБ с ним поговорили вполне вежливо. В те времена чекисты вообще были на редкость предупредительны и любезны. Возможно, потому, что самому комитету существовать оставалось всего несколько месяцев… Бывшего капитана Хохлова указом Президента России помиловали в марте 1992 года.

Другого видного деятеля НТС, Александра Рудольфовича Трушновича, офицеры КГБ, работавшие в Берлине, похитили в апреле 1954 года.

— Мой сосед по дому в Берлине был начальником отделения аппарата уполномоченного КГБ по работе с эмиграцией, — вспоминал подполковник Чернявский. — Он и занимался Трушновичем. Правда, получилось неудачно. Того завернули в ковер, чтобы никто не обратил внимания, и вынесли на улицу. Привезли, развернули, а он уже труп — задохнулся. Убивать не хотели. Хотели похитить.

Сам Виталий Чернявский, не ставя в известность основного партнера — службу Маркуса Вольфа, — провел фантастическую операцию, остававшуюся загадкой многие десятилетия.

Летом 1954 года Вольф узнал, что в Западном Берлине исчез доктор Отто Йон, начальник западногерманской контрразведки — она называется Ведомством по охране конституции. Через несколько дней Йон объявился в Восточном Берлине. Это был огромный подарок для ГДР и неприятный сюрприз для Федеративной Республики Германии. На сторону социалистического государства перешел политик почти что в

ранге министра, с именем, с авторитетом.

Отто Йон был человек известный. Бывший участник немецкого сопротивления, причастный к заговору 1944 года против Гитлера, Йон сделал успешную карьеру в ФРГ. И он не просто перебрался в Восточную Германию, а стал обличать Германию Западную. В те годы обе части страны соревновались во всём, предметом особой гордости были перебежчики. На Востоке торжественно принимали беглецов с Запада. На Западе раскрывали объятия беженцам с Востока.

Одиннадцатого августа 1954 года Отто Йон выступил на большой пресс-конференции в Восточном Берлине. Она наделала тогда много шума. Йон заявил, что прибыл в ГДР для того, чтобы бороться за воссоединение Германии. Рассказал иностранным журналистам, что в западной части Германии идет процесс милитаризации, что бывшие нацисты заняли важные посты в ФРГ, что Западная Германия вместе с Соединенными Штатами готовится к третьей мировой войне. Он также поведал о поездке в Америку и о беседе с известным разведчиком Алленом Даллесом, только что назначенным директором ЦРУ.

— Федеративная Республика превратилась в орудие американской политики в Европе, — говорил бывший начальник западногерманской контрразведки. — Американцам нужны в войне с Востоком немецкие солдаты. Они ориентируются на тех, кто не извлек уроков из катастрофы 1945 года и только ждет часа, чтобы вновь ринуться в восточный поход. А это может принести нам новые невообразимые страдания. Более того, создаст угрозу уничтожения самой немецкой нации…

Громкие разоблачения Отто Йона стали важнейшим аргументом в пропагандистской войне между Западом и Востоком. Йона принимали в ГДР как высокого гостя, ему показывали, как развивается первое на немецкой земле государство рабочих и крестьян. Его путешествие по Берлину снимали операторы кинохроники. Отто Йона обхаживали представители восточногерманской интеллигенции. В Восточном Берлине он работал в Комитете единства Германии, но это было скучное занятие.

А в 1955 году Отто Йон столь же неожиданно совершил побег в обратном направлении — вернулся на Запад. Как же всё это произошло?

История доктора Отто Йона — одна из самых успешных послевоенных операций советской внешней разведки. Не так уж часто в истории борьбы секретных служб удавалось переманить на свою сторону начальника контрразведки другой страны. Даже у знаменитого Кима Филби ранг был пониже, он служил всего-

навсего начальником отдела в британской разведке. А Отто Йон возглавлял всю контрразведку Западной Германии.

Отто Август Вальтер Йон родился в 1909 году в Марбурге в преуспевавшей протестантской семье. Изучал юриспруденцию, собирался стать дипломатом. Но не вступил в нацистскую партию, и в Министерство иностранных дел его не взяли. Он работал юридическим консультантом в авиакомпании «Люфтганза».

Отто Йон был антифашистом, социал-демократом по убеждениям, его брат — коммунистом. Преступления гитлеровского режима, концлагеря, массовые убийства вызывали у него отвращение. Он присоединился к участникам антигитлеровской оппозиции, дружил с Клаусом Бонхёффером, брат которого Дитер, известный теолог, был активным участником Сопротивления.

Отто Йон вошел в круг консервативно настроенных противников гитлеровского режима. Среди них самыми видными фигурами были бывший обер-бургомистр Лейпцига Карл Гёрделер и бывший начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Людвиг Бек.

Йон по делам авиакомпании «Люфтганза» часто ездил в Лиссабон и Мадрид, где наладил отношения с английскими разведчиками. Передавал им записки от Карла Гёрделера. Немецкое Сопротивление пыталось установить контакты с союзниками.

Но союзники не хотели делить немцев на плохих и хороших. Премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль приказал своему Министерству иностранных дел не откликаться ни на какие попытки договариваться о мире, исходящие от немецких политиков. Президент Соединенных Штатов Франклин Рузвельт подтвердил: единственное условие прекращения войны — «безоговорочная капитуляция Германии».

Участники Сопротивления много раз пытались убить Гитлера. Ближе всех к цели подошел полковник Клаус Шенк, граф фон Штауффенберг. 20 июля 1944 года он поставил портфель с взрывчаткой под стол в помещении, где находился Гитлер. Погибли четыре человека. Гитлер был контужен, оглох и поранил руку.

Несмотря на то что Гитлер остался жив, заговорщики всё равно имели шанс взять верх в стране. Война закончилась бы годом раньше. Но участники заговора действовали медленно и неуверенно. Они погубили себя и своих близких. Несколько мятежных генералов успели покончить с собой, остальных повесили или расстреляли.

Отто Йон чудом ускользнул от нацистов, бежав в Португалию. Оттуда британская разведка переправила его в Лондон. Он сотрудничал с британским радио, которое вещало на немецком языке. После войны помогал англичанам искать подлежащих наказанию военных преступников. На Нюрнбергском процессе был переводчиком на допросах. Он помог британским юристам подготовить обвинение против одного из самых известных гитлеровских военачальников — генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштейна. В 1949 году Манштейн был приговорен британским военным трибуналом к восемнадцати годам тюремного заключения. Многие западные немцы сочли приговор слишком суровым и назвали Йона предателем.

Когда была образована Федеративная Республика Германия, возник вопрос о создании собственной службы безопасности. Союзники решили, что ФРГ вправе иметь контрразведку, но без полицейских полномочий. Ведомство по охране конституции должно собирать информацию и анализировать ее, но не имеет права само проводить аресты, обыски и вести допросы. Это — занятие полиции и прокуратуры.

Люди Маркуса Вольфа приложили большие усилия, чтобы выяснить, кто будет им противостоять.

Ведомству по охране конституции поручили бороться с левым и правым экстремизмом, шпионажем и деятельностью иностранцев, представляющей опасность для государства. Кроме того, ведомство дает допуск к секретной информации государственным служащим, которые получат на это право. Федеральные земли добились того, что полномочия были поделены и появились земельные ведомства по защите конституции. Вся собранная ими информация заносится в банк данных федерального ведомства, но оно не имеет права контролировать работу земельных отделов.

Тогдашний канцлер ФРГ Конрад Аденауэр хотел иметь на посту начальника ведомства по охране конституции своего человека. Но это были времена, когда Бонну приходилось прислушиваться к мнению оккупационных властей. Сам Аденауэр зависел от западных держав и не смог возразить, когда они поставили в конце 1950 года на этот пост Отто Йона.

Министру внутренних дел ФРГ Герхарду Шрёдеру (полному тезке будущего канцлера) тоже не нравилось, что Йон — ставленник англичан. В июне 1954 года министр пообещал назначить нового начальника ведомства, как только Федеративная Республика станет полностью независимой. Его слова не остались неуслышанными. Через три недели после этого

заявления главы МИД Отто Йон в Восточном Берлине наговорил массу вещей, очень неприятных для канцлера Аденауэра, министра Шрёдера и начальника западногерманской разведки Гелена…

Каким образом доктор Йон из Западного Берлина перебрался в Восточный?

Двадцатого июля 1954 года, в годовщину покушения на Гитлера, Отто Йон, как участник Сопротивления, приехал в Западный Берлин на митинг, посвященный тем, кто пытался убить фюрера. В гостиницу Йон не вернулся.

Руководил операцией подполковник Чернявский. И он ответил мне на главный вопрос: по своей воле доктор Йон перешел из одного Берлина в другой, или же его похитили?

Врач-психиатр Вольфганг Вольгемут давно знал Отто Йона, лечил его брата. Вольгемут считал себя коммунистом. Он встречался с советскими разведчиками, но не был агентом. На профессиональном языке его роль именуется так — «доверительный контакт». Вольгемут и обратил внимание советских разведчиков на разочаровавшегося в политике ФРГ Йона. Возник вопрос: а не согласится ли он поставлять советской разведке секретные документы? Вольгемут выразил сомнение: Йон не тот человек.

Тогда его попросили устроить встречу. Вольгемут, опытный психиатр, это устроил. Йон оказался в политическом тупике, не знал, как поступить, искал выхода и согласился поговорить. Тогда, в 1954 году, такой наивный человек, как Отто Йон, наверное, плохо представлял себе, что происходит за железным занавесом, в социалистическом лагере. Участнику Сопротивления Отто Йону, возможно, по душе были антифашистские лозунги Восточной Германии. И напротив, неприятно было видеть лица бывших нацистов, занявших важное положение в Западной Германии.

Встречаться в Западном Берлине советские разведчики не захотели. Боялись ловушки на чужой территории. Предложили Йону приехать в Восточный Берлин. Вольгемут перевез Йона через зональную границу. Здесь его пересадили в машину разведотдела представительства КГБ и доставили на конспиративную виллу в Вайсензее.

Беседовал с ним за хорошо накрытым столом генерал Питовранов. На следующий день он доложил председателю КГБ Ивану Серову и начальнику Первого главного управления (внешняя разведка) Александру Панюшкину: «Вербовка Йона нецелесообразна и нереальна. Мы приняли решение склонить его не возвращаться в Западную Германию и открыто порвать с

Аденауэром, а для этого сделать соответствующие политические заявления».

Питовранов позднее уверял, что Йон всё сделал совершенно добровольно. Один из его бывших подчиненных уверял, что Йон был мертвецки пьян. Его рвало. Пришлось вызвать врача, который дал немцу лекарство и помог прийти в себя.

Виталий Геннадьевич Чернявский рассказывал иначе: немца, конечно же, хотели завербовать. Когда стало ясно, что это невозможно, его всё равно не отпустили. Дали снотворное, чтобы выиграть время для размышлений. А он уже был сильно пьян. В результате Йон проспал больше суток. Когда он проснулся, разведка уже приняла решение: если нельзя сделать Йона агентом, пусть он станет пропагандистом.

С ним по очереди беседовали Питовранов, Чернявский и еще один разведчик, выпускник Московского института философии, литературы и истории, безукоризненно владевший немецким языком, — Вадим Витольдович Кучин.

Отто Йон понял, что в данной ситуации ему лучше сделать вид, будто он остался в ГДР по собственной воле. Он исполнил всё, что от него хотели. Попросил политического убежища, провел громкую пресс-конференцию, выступил против милитаризации ФРГ и старых нацистов, оказавшихся на высоких постах в боннском правительстве.

— Я отвез Отто Йона, смертельно уставшего от многочасового непрерывного нервного напряжения, в Карлсхорст, — вспоминал Чернявский. — Когда мы остались одни, он достал из бара бутылку любимого армянского коньяка, торопливо откупорил ее и осушил одним махом целый бокал. Я составил ему компанию, поскольку, как и он, был совершенно измотан.

Йона возили и в Советский Союз. С ним беседовал заместитель начальника разведки по европейским делам генерал Александр Коротков, специализировавшийся на немецких делах. Йон рассказал всё, что знал, о западногерманских спецслужбах. Первое главное управление КГБ интересовали и его контакты с британскими МИ-6 и МИ-5. Но он был политиком, а не профессионалом и едва ли знал детали, интересовавшие советскую разведку.

Отто Йон быстро разобрался, где он оказался. Это издалека можно было заблуждаться. Жизнь в Восточном Берлине ему совсем не понравилась. От тоски он пристрастился к армянскому коньяку, который поставляла ему советская разведка. Просился домой. Когда выяснилось, что Йон не представляет особого интереса, его решили не удерживать. Возвращение на Запад

только укрепит уверенность западных немцев, что Йон раскрыл Москве все секреты, которые знал, поэтому его и отпустили…

Через полтора года — 12 декабря 1955 года — он вернулся в ФРГ.

Считается, что Йону помог датский журналист Хенрик Бонде-Хендриксен, который подозревался в связи с британской разведкой. Йон работал в здании Университета имени Гумбольдта. В здании шел ремонт. Йон спустился вниз вместе с охранниками, сказал им, что забыл важный документ, и попросил постеречь его портфель. Он вернулся в здание, вышел через другую дверь, сел в «форд» датского журналиста, и через несколько минут они пересекли межзональную границу.

Из Западного Берлина Йон под чужим именем улетел в Кёльн. Он надеялся, что ему, как жертве Москвы, будут сочувствовать, но получилось по-другому. Ему не простили побега и заявлений о политике Запада. Несколько часов его допрашивали, потом арестовали и отдали под суд.

Йон доказывал, что его заманил в ловушку берлинский врач-психиатр Вольгемут, который уговорил всего лишь встретиться с русскими. А они опоили его каким-то препаратом и в бессознательном состоянии вывезли в ГДР. Йон уверял, что в ГДР он был вынужден говорить то, что ему велели: у него были основания бояться за свою жизнь.

Западногерманский суд ему не поверил. Йона компрометировало то обстоятельство, что ему удалось так легко покинуть ГДР. То, что его не держали под стражей и он имел возможность свободно передвигаться, означало только одно: его вовсе не арестовывали, он по своей воле сотрудничал с агентами КГБ.

Суд пришел к выводу, что Отто Йон перешел в Восточную Германию добровольно, без принуждения. И приговорил к четырем годам тюремного заключения — за измену. 22 августа 1956 года Йон начал отбывать свой срок. Отсидел он два года. В 1958 году его помиловал президент ФРГ.

Все последующие годы Отто Йон продолжал уверять журналистов, что он отказался от сотрудничества с Москвой, родине не изменял и государственных секретов не выдавал. В 1965 году Йон опубликовал автобиографическую книгу «Дважды через границу». Никто, кроме ближайших друзей, не принимал его слова всерьез.

А вот после распада Советского Союза у него появился важный свидетель. В его пользу высказался Валентин Михайлович Фалин, недавний секретарь ЦК по международным вопросам и бывший советский посол в ФРГ.

Фалин подтвердил: ему достоверно известно, что Йон стал жертвой операции советской разведки. Йона одурманили агенты Москвы и тайно вывезли в восточный сектор Берлина, где он участвовал в пропагандистских спектаклях ради спасения собственной жизни, но тайн не выдавал.

Откуда об этом стало известно Фалину? Фалин в начале 1950-х работал в Комитете информации при Министерстве иностранных дел. Его начальник, заместитель председателя комитета Иван Иванович Тугаринов, по поручению Молотова ездил в Берлин и, вернувшись, сказал Фалину, что Йона усыпили в Западном Берлине, а проснулся он в Восточном.

Свой рассказ Фалин оформил в виде нотариально заверенных свидетельских показаний и передал в суд, который должен был рассматривать просьбу Отто Йона о реабилитации. Но его показания не помогли. В 1995 году последняя апелляция Йона была отклонена берлинским судом. Он умер 26 марта 1997 года в Инсбруке в возрасте восьмидесяти восьми лет.

Доктор Отто Йон, который так и не дождался реабилитации, был, как я понимаю, человеком порядочным и наивным, хотя и служил некоторое время по ведомству контрразведки. Он стал жертвой политических и шпионских игр, от которых людям наивным следует держаться подальше…

В 1955 году тяжелый сердечный недуг свалил Виталия Геннадьевича Чернявского. Он долго болел, оставил оперативные дела. Работал по линии службы «А» — активные мероприятия, то есть дезинформация. В агентстве печати «Новости» создали для этого целую структуру — главную редакцию политических публикаций.

Мне кажется, разведка совершила большую ошибку, слишком рано отправив Виталия Чернявского в отставку. Волевой, хорошо образованный, преданный делу, он многого бы достиг. Это было делом его жизни, он тосковал по разведке. Виталий Геннадьевич Чернявский восхищал меня мужеством и стойкостью. Он никогда ни на что не жаловался. О недугах рассказывал иронически.

Он умер, отметив 85-летний юбилей. На похоронах отдельной группой стояли молодые люди в темных костюмах, чья одинаковость выдавала их принадлежность к спецслужбам. Для них он был, наверное, очередным ветераном, которого положено проводить в последний путь, — рутинная обязанность. Хотя мне говорили, что в ведомственном музее в Ясеневе, в Службе внешней разведки, есть фотография подполковника Чернявского, еще молодого, полного идей и надежд.

Операция с Отто Йоном была бесспорным профессиональным успехом. Но главного политического результата добиться не

удалось. Ни Маркусу Вольфу, ни генералу Питовранову с подполковником Чернявским не удалось помешать вступлению ФРГ в Североатлантический блок и созданию ее вооруженных сил.

КАНЦЛЕР АДЕНАУЭР В МОСКВЕ

Канцлер Конрад Аденауэр без колебаний избрал союз с Западом. В одной из информационных сводок Маркус Вольф прочитал, что в бундестаге лидер социал-демократов Курт Шумахер крикнул Аденауэру:

— Вы — канцлер союзников!

Это прозвучало оскорбительно, но несправедливо. Аденауэр не без оснований считал, что могучая, но одинокая Германия не только представляла угрозу для всех соседей, но и была опасной для самой себя.

Австрия тоже была разделена на оккупационные зоны. Но почему же советские руководители довольно легко согласились вывести войска из Австрии и позволили ей стать единым государством?

Одиннадцатого апреля 1955 года в Москву прилетела австрийская делегация во главе с канцлером Юлиусом Раабом. Она обещала не присоединяться к военным союзам, не иметь иностранных военных баз на своей территории и сохранять нейтралитет. Это вполне устраивало Советский Союз.

Для подписания государственного договора в Вену приехали министры иностранных дел стран-победительниц. Советский Союз представлял Вячеслав Михайлович Молотов, Соединенные Штаты — государственный секретарь Джон Фостер Даллес. Когда государственный договор был подписан и страна обрела полный суверенитет, австрийский канцлер торжественно произнес:

— Австрия свободна!

Австрийский вариант для Германии, считают историки, был бы возможен, если бы немцы были нечестолюбивым, неэнергичным и беззаботным народом. Но немцы выносливы, энергичны, работают с большим мастерством и до фанатичности трудолюбивы… Если бы Германия была отсталой страной, ни у кого не появилось бы желания создавать базы на ее территории и добиваться расположения немцев.

Во время Второй мировой войны американцы, дабы навсегда обезопасить мир от германского милитаризма, предлагали разрушить промышленность и превратить Германию в аграрную страну. Но каким образом продолжали бы работать станки и машины в Бельгии, Голландии, Франции и Швейцарии, если бы Рур превратился в долину мирных пастбищ? Разрушение немецкой промышленности вырвало бы у Европы ее экономическое сердце.

К началу 1950-х годов ФРГ стала необходимой Западу. В

октябре 1954 года агенты Маркуса Вольфа доложили руководству ГДР, что в Париже министры иностранных дел западных держав подписали соглашение, которое разрешало ФРГ создавать свои вооруженные силы и состоять в Североатлантическом блоке. Западная Германия получила из рук союзников право самостоятельно определять свою внешнюю политику. Канцлер Аденауэр занял место в едином строю западных лидеров.

— Федеральное правительство, — провозгласил Конрад Аденауэр в бундестаге, — с уверенностью заявляет: мы — свободное и независимое государство.

Пятого мая 1955 года ФРГ обрела полный суверенитет. Союзники только оставили за собой право управлять Западным Берлином, держать войска на территории ФРГ и добиваться восстановления единой Германии.

Восточногерманские разведчики доложили о том, что 12 ноября 1955 года первое подразделение бундесвера в составе ста одного добровольца получило воинские документы из рук министра обороны Теодора Бланка. Этот день стал днем создания вооруженных сил ФРГ. Бланк напутствовал своих офицеров:

— Повышение боеготовности, чтобы обеспечить безопасность страны, — вот в чем заключается смысл военной службы.

Создание бундесвера воспринималось в ГДР как первый шаг к агрессии, хотя в Бонне доказывали, что бундесвер строится на иных принципах, что это вооруженные силы демократического государства. Более того, руководители ФРГ хотели сразу же поставить немецкую национальную армию под натовское командование, что они считали гарантией невозможности возрождения германского милитаризма. Западные немцы помнили печальный опыт третьего рейха. Первый министр обороны Теодор Бланк самым необычным образом сформулировал принципы военного строительства в ФРГ:

— Уважать основы правового государства, серьезно относиться к основополагающим правам и обязанностям граждан, уважать человеческое достоинство.

По закону солдаты и офицеры бундесвера обязаны отказаться исполнять преступный приказ…

— Среди немецкой молодежи, — говорил министр Бланк, — ощущается отвращение к жестким прусским формам военной службы. Дух казарменной муштры развеян в ужасах тотальной войны.

В ГДР Национальная народная армия появилась 1 марта 1956 года. Первым министром национальной обороны стал Вилли Штоф. Ему присвоили звание генерал-полковника.

Четырнадцатого мая 1955 года Албания, Болгария, Венгрия,

ГДР, Польша, Румыния, СССР и Чехословакия подписали в Варшаве договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. В соответствии с договором образовали объединенное командование, в распоряжение которого страны-участницы выделяли свои вооруженные силы.

В том же 1955-м Москва установила отношения с Бонном — невозможно было игнорировать существование столь важного европейского государства, как ФРГ.

В Восточном Берлине настороженно следили за сближением СССР с ФРГ. Подозрительность Ульбрихта и его соратников заставляла предполагать худшее. Им недостаточно было информации, поступавшей из Москвы. От Маркуса Вольфа требовали выяснить, что скрывают советские друзья. Он пустил в ход всю свою агентуру в ФРГ, чтобы узнать, о чем же договорился Аденауэр с Хрущевым. Впредь его разведчики будут пристально наблюдать за любыми контактами советских представителей с западногерманскими политиками.

Двадцать пятого января 1955 года Советский Союз объявил об окончании состояния войны с Германией. Прекратил действие советский оккупационный режим, упразднили и институт верховного комиссара.

А 7 июня советское посольство в Париже передало западногерманскому посольству приглашение канцлеру Конраду Аденауэру приехать в Москву «для обсуждения вопроса об установлении дипломатических и торговых отношений между Советским Союзом и Германской Федеративной Республикой».

Восьмого сентября в Москву прибыла делегация Западной Германии — через десять лет после окончания войны. Полторы сотни немецких чиновников прилетели на двух самолетах. Технический персонал со средствами связи и запасом еды доставили на поезде. Дипломаты и разведчики из ГДР внимательно наблюдали за ходом переговоров, стараясь не упустить ни одной детали. В Восточном Берлине всегда опасались, что советские товарищи могут сговориться с западниками за спиной ГДР.

Конрада Аденауэра в Москве часто обвиняли в реваншизме. Аденауэр знал, как ответить. Пристально глядя на министра иностранных дел Молотова, сказал, что он по крайней мере — в отличие от некоторых — не пожимал руку Гитлеру.

Переговоры с западными немцами вели глава советского правительства Николай Александрович Булганин и первый секретарь ЦК Никита Сергеевич Хрущев.

«В противоположность Булганину с его клиновидной бородкой, седыми, причесанными на пробор волосами и

добродушным выражением лица, — вспоминал Аденауэр, — Хрущев вовсе не изображал доброго дядюшку…

Булганин и Хрущев пытались продемонстрировать мне, что их мнения и цели абсолютно совпадают. Булганин сказал мне, что Хрущев и он едины, что они уже 30 лет работают в тесном контакте и доверяют друг другу беспредельно. Он призвал Хрущева в свидетели, и Хрущев подтвердил. У меня сложилось впечатление, что они оба тщательно следят за тем, чтобы всегда высказывать одно мнение. Была ли это действительно дружба до гроба, никто из нас сказать не мог».

Советские руководители не сочли за труд выяснить привычки немецкого канцлера, и в первый же день Булганин предложил ему закурить. Некурящий канцлер отказался и едко заметил:

— У вас есть преимущество, господин Булганин. В отличие от меня вы можете пускать дым в глаза.

Переговоры шли трудно. Аденауэр требовал сначала отпустить военнопленных, а потом уже договариваться об остальном. Он утверждал, что в советских лагерях всё еще держат сто с лишним тысяч немцев. Булганин уверял, что военнопленных давно отпустили, а остались около десяти тысяч военных преступников, которые отбывают наказание в соответствии с приговорами, вынесенными судом.

Во время переговоров Хрущев взорвался:

— Я прежде увижу вас в аду, чем соглашусь с вами по этому вопросу!

Аденауэр за словом в карман не полез:

— Если вы увидите меня в аду, то лишь потому, что первым туда попадете.

«Хрущев очень разволновался, и всего даже нельзя было перевести, так как он говорил слишком быстро, — вспоминал канцлер. — Время от времени он грозил мне кулаками. Тогда я встал и тоже поднял на него кулаки».

Переговоры едва не сорвались. Участвовавший в переговорах дипломат Ростислав Александрович Сергеев рассказывал, что Хрущев вел себя очень жестко:

— Если наши уважаемые партнеры не подготовлены сейчас вести переговоры и достигнуть соглашения по вопросу установления дипломатических, торговых, а также культурных отношений, если они хотят подождать, я считаю, что можно подождать. Нам не дует.

Никита Сергеевич привстал и выразительно похлопал себя по нижней части спины. Возникла немая сцена. Жест перевода не требовал. В официальный текст вместо слов «Нам не дует» записали: «Нам ветер в лицо не дует».

Конрад Аденауэр собрался уезжать. Но демонстративный разрыв и скандал никому не был нужен. Напротив, желали как-то поладить и договориться. Но проверяли друг друга на прочность. В конце концов устраивающая всех формула нашлась. Решили за это выпить.

«Я заметил, что мне наливает один официант, а Булганину — другой, — рассказывал Аденауэр. — Когда же официант Булганина взял и бокал Хрущева, я его остановил, взял у него бутылку и сказал: „А ну-ка, покажите мне ее!“ Бокалы были зеленого цвета, бутылки тоже зеленые, и нельзя было разглядеть, что они содержат. Я исследовал содержимое и обнаружил, что в бутылке вода.

— Уважаемые господа! — воскликнул я. — Это нечестная игра! Вы пьете воду, а мне даете вино. Либо мы все трое пьем воду, либо все пьем вино.

Мы тогда много пили, не опасаясь последствий. Отправляясь на встречу с русскими, каждый член делегации глотал оливковое масло из консервных банок с сардинами».

Вечером 10 сентября немецкую делегацию повезли в Большой театр на балет «Ромео и Джульетта». Во время антракта пригласили к столу, накрытому в Бетховенском зале. Аденауэр предложил поздравить статс-секретаря ведомства федерального канцлера Ганса Глобке (он был настолько влиятелен, что его именовали серым кардиналом) с днем рождения.

Хрущев присоединился к поздравлениям. Никиту Сергеевича не предупредили, что Глобке — военный преступник, в третьем рейхе он участвовал в разработке расового законодательства. Со временем это станет известно, и тогда советская пропаганда обвинит Аденауэра, что он собрал вокруг себя бывших нацистов. Конрад Аденауэр сделал это не потому, что ощущал с ними душевное или идеологическое родство. Канцлер, сам свободный от связей с гитлеровским режимом, решил, что придется строить новый государственный аппарат с помощью бывших нацистов, потому что других специалистов в стране нет.

Когда по ходу спектакля Монтекки и Капулетти молились вместе, Конрад Аденауэр встал и протянул обе руки Николаю Александровичу Булганину. Они пожали друг другу руки. В зале раздались аплодисменты.

Советский Союз и Западная Германия установили дипломатические и торговые отношения. Зная, что в Восточном Берлине обеспокоены этими переговорами, Москва подробно информировала членов политбюро ЦК СЕПГ о разговорах с западными немцами. Вальтер Ульбрихт не одобрял установления дипломатических отношений с Западной Германией, но это был

очень прагматический шаг Хрущева.

Немецкие пленные вернулись домой. Выглядели они неважно. Прямо на вокзале им раздавали от имени правительства ФРГ новую одежду и часы. Встречать пленных приехал канцлер.

— Мы не успокоимся, пока последний заключенный не вернется! — обещал Конрад Аденауэр. — И еще раз: добро пожаловать на немецкую родину!

Западногерманская кинохроника показывала, как президент ФРГ вручает большой крест за заслуги врачу, попавшему в плен под Сталинградом.

— Доктор Оттмар Коллар, — говорил диктор, — был выпущен на свободу еще в 1949 году, но по своей воле остался в Советском Союзе, чтобы самоотверженно помогать своим товарищам и заботиться о них.

Отношения между Бонном и Москвой оставались крайне неприязненными. 27 августа 1959 года Аденауэр ответил Хрущеву на довольно жесткое письмо:

«Вы пишете, что в немецком народе господствует реваншизм, что даже в моем правительстве есть реваншисты, Вы заходите так далеко, господин премьер-министр, что намекаете на то, что и я, возможно, также реваншист.

Нет, господин премьер-министр, здесь Вы глубоко заблуждаетесь, и здесь я не узнаю Вашего реализма и способности видеть то, что есть на самом деле, качеств, которыми Вы обычно обладаете в высшей степени.

Я не реваншист и никогда им не был. В моем правительстве нет ни одного реваншиста, и я бы никогда не потерпел министра, являющегося реваншистом. Что касается немецкого народа… Может быть, и надеется кто-то, кто мечтает о Гитлере и реванше. Но это очень немногие люди, которые не обладают никакой властью».

Первым послом в ФРГ в январе 1956 года отправили заместителя иностранных дел и недавнего представителя в ООН Валериана Александровича Зорина. Через полгода он попросился в Москву. Ему пошли навстречу и отозвали. Вместо него осенью 1956 года в Бонн назначили бывшего посла в Австрии Андрея Андреевича Смирнова. Ему принадлежит знаменитая фраза:

— В чем разница между двумя столицами? Штраус в Вене — это вальс, Штраус в Бонне означает марш.

Советский посол имел в виду известного баварского политика Франца Йозефа Штрауса, придерживавшегося правоконсервативных взглядов и назначенного министром обороны ФРГ. Обладатель бочкообразной фигуры и прически ежиком, он был любимым персонажем карикатуристов — и

советских, и немецких.

Канцлер Аденауэр не без юмора описывал, как к нему явился советский посол, чтобы выразить очередную порцию недовольства в связи с милитаризацией Федеративной Республики. Андрей Смирнов сообщил, что Москва обеспокоена разговорами западногерманских генералов о продолжении традиций немецкой армии. Аденауэр ответил, что ему такие высказывания немецких генералов неизвестны. Но он помнит свой визит в Москву и выстроенный при встрече почетный караул.

— Выправка советских солдат и их подчеркнуто чеканный строевой шаг, по-моему, были вполне в духе прусской и царской традиций, — ехидно заметил канцлер. — Вот такого рода традиции как раз и не культивируются в бундесвере.

Конрад Аденауэр был прозападным политиком, и Хрущеву было трудно пожимать ему руку, когда они встретились. Да и Аденауэру не очень нравилось иметь дело с московскими руководителями.

— Хрущев действительно уверен, что капитализм изжил себя и что коммунизм покорит весь мир, — говорил Аденауэр французскому президенту Шарлю де Голлю. — Он фанатичный коммунист и одновременно фанатичный русский, одержимый всей той жаждой империалистической экспансии, которая определяла политику России в царское время. Но Хрущев не начнет войну, пока он убежден, что свободные народы достаточно сильны, чтобы в ходе такой войны уничтожить Советский Союз или, во всяком случае, нанести самый тяжелый ущерб. Я глубоко убежден в том, что оборона от Советского Союза на национальной основе больше невозможна, как и оборона одних европейских стран без Соединенных Штатов. Мы не смогли бы даже найти финансовых средств, чтобы догнать Советский Союз в ядерном вооружении…

После смерти Аденауэр кажется более масштабной фигурой, чем при жизни. Сейчас многие немцы называют первого канцлера самым выдающимся политическим деятелем Германии, хотя при жизни его многие критиковали. Маркус Вольф позднее признавал: «Я недооценил Конрада Аденауэра».

Но справедливости ради заметим, что формирование ФРГ как демократического государства было прежде всего следствием духовных перемен в жизни западногерманского общества, значение которых не сразу было осознано. Освобождение от фашизма — только половина дела. Немцам предстояло освободиться от самих себя. Потому что они сами избрали Гитлера и поклонялись ему, воевали и убивали людей, грабили Европу и пользовались награбленным. Немцам предстояло

начинать новую жизнь не просто на развалинах, а на развалинах духовных и моральных.

Семнадцатого октября 1945 года главнокомандующий американскими войсками в Европе генерал Дуайт Эйзенхауэр, будущий президент Соединенных Штатов, обратился к немцам:

«Немецкий народ должен понять, что для того, чтобы пережить трудную зиму, он должен избавиться от стадного духа, которым был охвачен 12 лет при Гитлере. Германия должна стать страной мирного труда, в которой отдельный человек способен реализовать свою инициативу, — или у Германии нет будущего…

Денацификация и демилитаризация уже проводятся. Но милитаризм должен быть выкорчеван из немецкого образа мыслей. Немецкий народ должен сам уничтожить опасные зародыши своей философии».

Неизвестно, как развивалась бы Западная Германия, если бы оккупационные власти не запретили нацистскую идеологию и буквально не заставили немцев встать на путь осознания собственной вины.

«Державы-победительницы, — писал выдающийся немецкий философ Карл Ясперс, — сказали нам: немецкий народ не должен быть уничтожен. Это значит, что нам дан шанс. Немецкий народ следует перевоспитывать. Задача заключается в том, чтобы строить нашу немецкую жизнь на основе правды».

Многим не хотелось это признавать. Но им пришлось услышать, что немецкий народ несет ответственность за то, что подчинился Гитлеру, за все преступления нацистского режима. Каждый, кто, видя несправедливость, издевательства, мучения, которым подвергали других людей, ничего не сделал, чтобы их спасти, — виновен.

Именно такая постановка вопроса о вине определила духовный климат Федеративной Республики. Неприятие нацистского прошлого стало темой обязательного школьного обучения. Именно поэтому Западная Германия, мучительно рассчитываясь с фашистским прошлым, стала в послевоенные годы подлинно демократическим государством. Это было совсем непросто — преодолеть не только груз двенадцати лет нацистского режима, но и отказаться от более глубоких традиций, например от прусского милитаризма, презрения и неуважения к либеральным идеям. Западные немцы воспитали в себе терпимость и уважение к чужому мнению, освоили то, что им так трудно давалось, — культуру спора, общественной дискуссии.

В ФРГ началась долгая и тяжелая очистительная работа, избавление от расовых и национальных мифов. В немецкой жизни появилось такое понятие, как гражданское неповиновение, что

прежде было невозможно.

Пока политики создавали демократическое правовое государство, писатели, публицисты и философы занимались моральным и духовным перевоспитанием общества. Они помогали немцам понять, какую страшную ошибку те совершили, доверив свою судьбу авантюристу и демагогу с его простыми рецептами создания великой державы.

Расцвет Федеративной Республики — это результат долгих лет тяжелой работы ответственных политиков и деятелей культуры. Они не пошли на поводу у тех, кто предлагал забыть о неприятном прошлом или твердил, что лагеря и убийства — измышления врагов. Забыть хотелось и тем, кто в этом участвовал, и тем, кто желал видеть историю родной страны безупречной.

Депутат бундестага (и будущий канцлер ФРГ) Гельмут Шмидт говорил коллегам-законодателям 22 марта 1958 года, что офицеры бундесвера впадают в отчаяние, участвуя в военных маневрах НАТО:

— Немецкие офицеры, которым пришлось участвовать в подготовке штабных учений с атомными бомбами, плакали. Ведь им приходилось готовиться к тому, что в ходе штабных учений справиться с сотнями тысяч беженцев на дорогах можно будет лишь с помощью танков, которые будут сметать этих людей на обочину.

Поразительные слова! Когда это прежде немецкие политики и немецкие офицеры испытывали подобные душевные страдания?

МИЛЬКЕ СТАНОВИТСЯ МИНИСТРОМ

В ноябре 1955 года по советскому примеру в Восточном Берлине воссоздали самостоятельное Министерство госбезопасности. Эрнст Волльвебер стал министром, Маркус Вольф обрел нового куратора. Эриха Мильке назначили первым заместителем министра.

В феврале 1956 года в Москве прошел XX съезд партии. На закрытом заседании Хрущев рассказал о сталинских преступлениях. Доклад первого секретаря ЦК КПСС не опубликовали. Но передали руководителям братских социалистических стран. Никита Сергеевич рассчитывал, что и в других социалистических странах, в том числе в ГДР, после XX съезда тоже проанализируют свои ошибки и осудят виновных.

Вальтера Ульбрихта крайне огорчила антисталинская речь Никиты Сергеевича. Он считал, что ящик Пандоры следовало держать закрытым. Тем более что речь Хрущева вдохновила многих восточных немцев. Они требовали перемен в политической жизни своей страны.

В ГДР помиловали 88 человек, осужденных еще советскими военными трибуналами, 698 человек выпустили досрочно. А летом 1956 года амнистировали 19 тысяч заключенных. Отменили партийные взыскания, наложенные на политических оппонентов Ульбрихта — Франца Далема, Антона Аккермана и Ханса Ендрецки. Но политбюро запретило проводить широкие дискуссии об ошибках. Почему? Не следует давать аргументы противнику.

Ульбрихт с тревогой наблюдал за проявлениями свободомыслия в ГДР, за дискуссиями среди студентов Гумбольдтского университета, за попытками интеллигенции установить отношения с «Кружком Петефи» в Венгрии, считавшимся центром непозволительного для социалистической системы либерализма. Два лидера духовной оппозиции внушали ему особые опасения. Вольфганг Харих, профессор философии в Гумбольдтском университете, написал работу об «особом пути Германии к социализму», предполагавшую реформирование и либерализацию системы. Главный редактор издательства «Ауфбау» Вальтер Янка, коммунист, сражавшийся в Испании, призывал отказаться от привычных догм, которые, по его мнению, завели социализм в тупик.

После советского XX съезда на партийной конференции в Берлине в марте 1956 года Вальтер Ульбрихт зачитал отрывки из доклада Хрущева. Премьер-министр Отто Гротеволь осудил

аресты невинных людей по политическим мотивам, призвал соблюдать права и свободы граждан ГДР.

Потом провели коллегию МГБ. Маркус Вольф сказал, что, прочитав доклад Хрущева, он почувствовал облегчение, словно освободился от душевного бремени. Мильке вызывающе ответил ему, что он не ощущал никакого бремени. О массовых репрессиях ему ничего не известно. А Сталин победил фашизм.

До февраля 1956 года над столом Маркуса Вольфа висела фотография Сталина с трубкой. После XX съезда Вольф ее снял. Эрих Мильке продолжал называть себя сталинистом. Во время служебных застолий требовал от подчиненных пить за Сталина и кричать троекратное «ура!»

Венгерские события осени 1956 года, когда целая страна вышла из-под контроля и едва не свергла социалистический режим, усилили позиции Вальтера Ульбрихта. Он с большим основанием мог требовать увеличения помощи, чтобы в ГДР тоже не восторжествовали «силы реакции».

Ульбрихт шантажировал Хрущева. Легко отметал любые предложения о либерализации: политическая обстановка не позволяет. Доказывал: никакие дискуссии в ГДР невозможны ввиду особого положения его страны на передовой холодной войны. И не может быть мирного сосуществования с такой агрессивной страной, как ФРГ. Ульбрихт требовал помощи, пугая ухудшением ситуации в стране, что может привести к трагическим последствиям. Это действовало. В Москве понимали, что слабый режим может в любую минуту рухнуть.

Восьмого ноября 1956 года, через четыре дня после ввода войск в Венгрию, на политбюро ЦК СЕПГ образовали комиссию под председательством Ульбрихта с целью не допустить повторения в стране венгерских событий. Но некоторые работники аппарата и партийные интеллектуалы намеревались повторить путь XX съезда и поставить вопрос о сталинистской линии Ульбрихта.

Особое положение руководителя внешней разведки позволяло Маркусу Вольфу держаться в стороне от настоящих баталий, разгоревшихся во властных структурах республики. У него были свои предпочтения, но Вольф их не высказывал.

Член политбюро Карл Ширдеван, заведовавший кадровым отделом ЦК, в эмиграции не был, поэтому меньше других пропагандировал ценный советский опыт. Напротив, призывал к утверждению в партии демократических начал. 12 ноября, выступая на пленуме ЦК, он доказывал, что не допустить повторения венгерской трагедии можно путем широкого обсуждения существующих в стране проблем и поиска решений.

Он вообще полагал, что важнее создавать благоприятные условия для строительства социализма в ГДР, чем поддерживать состояние постоянной бдительности в отношении ФРГ.

У Ширдевана нашлись влиятельные сторонники. Министр госбезопасности Эрнст Волльвебер сказал, что это самый открытый, самый честный пленум, какой он видел.

Карл Ширдеван выдвинулся на роль второго секретаря ЦК и обратился за помощью к Москве. Советский посол Георгий Максимович Пушкин, который приехал в Берлин летом 1954 года, ему симпатизировал, поддерживал его идеи и устремления. Чтобы не раздражать Ульбрихта, Ширдевана тайно привозили на встречу с Пушкиным. Это происходило поздно вечером, присутствовал только переводчик посла.

Георгию Максимовичу идеи Ширдевана нравились. Пушкин предложил Москве поставить Ширдевана вместо догматика Ульбрихта. Посол докладывал в Москву, что в ГДР очень заметен культ личности Ульбрихта. Посол сообщил, что первого секретаря ЦК СЕПГ в стране считают «сталинистом номер один».

Опытнейший аппаратчик Ульбрихт видел, откуда ему грозит опасность. Заручившись поддержкой консервативных сил, потребовал вычистить «провокационные элементы» из партии. Речь шла о марксистах-интеллектуалах, которые придерживались принципиальных убеждений. Профессора Вольфганга Хариха арестовали 29 ноября 1956 года, руководителя издательства «Ауфбау» Вальтера Янку, друга Фридриха и Конрада Вольф, — 6 декабря. Всех держали в тюрьме МГБ — «Баутцен-2». Инкриминировали им соучастие в «подрывном заговоре».

Вальтер Янка с гневом говорил об арестовавшем его Мильке:

— Я в Испании сражался с фашистами на фронте, командовал ротой. А Мильке в тылу расстреливал анархистов и троцкистов.

В начале января 1957 года в Москву прибыла делегация ГДР. Ширдеван перед отъездом в Советский Союз сказал послу Пушкину, что немецкие товарищи рассчитывают на открытую дискуссию. Хрущев попросил Ульбрихта откровенно рассказать о внутрипартийных проблемах. Тот ответил, что СЕПГ сама справится. Никита Сергеевич не стал настаивать. В Москве не пожелали расставаться с Ульбрихтом. Реформатора Ширдевана оставили генсеку на съедение.

А Эрих Мильке, мечтавший о кресле министра, провернул ловкую интригу.

«Интрига, затеянная Мильке против Волльвебера, — вспоминал Маркус Вольф, — сомкнулась с амбициями Эриха Хонеккера, восхождению которого препятствовал Ширдеван.

Нашептывания обоих воздействовали на Ульбрихта, отличавшегося хронической подозрительностью. Ширдеван и Волльвебер были соседями, но, насколько мне известно, никогда не поддерживали близких отношений».

Волльвебер и Ширдеван соседствовали в дачном поселке Лениц. А Карл Ширдеван дружил с одним профессором, с которым они при нацистах вместе сидели в концлагере Заксенхаузен. Профессор, в свою очередь, поддерживал добрые отношения с западногерманским политиком Гербертом Венером, которого болезненно подозрительный Ульбрихт считал английским шпионом.

Эрих Мильке прочертил преступную цепочку — от «британского шпиона» до министра госбезопасности ГДР. Доложил руководителю партии, что Ширдеван через профессора выдает секретные сведения британской разведке, а министр Волльвебер покрывает своего приятеля. Этого было достаточно, чтобы убрать и того и другого.

Вернувшись из Москвы, Ульбрихт атаковал Ширдевана. А Мильке не упустил случая укрепить свои позиции в аппарате и предъявил претензии Маркусу Вольфу, которого считал опасным соперником.

В конце 1956 года Мильке на партийном активе обвинил разведчиков в недооценке «идеологической диверсии». Он обрушился на Вольфа за попытку работать с разными течениями внутри западногерманской социал-демократии, поскольку считал Герберта Венера главным зачинщиком «идеологических диверсий» против ГДР.

«Мильке изобрел понятие идеологической диверсии, которое сыграло столь роковую роль для нашей страны, — рассказывал Маркус Вольф. — Этот резиновый термин обеспечил возможность придать уголовную окраску и превратить в объект оперативных мероприятий любое отклонение от политики партийного и государственного руководства под предлогом того, что оно отвечает якобы каким-то намерениям западных центров. А Герберта Венера выдавали за главного застрельщика „идеологической диверсии“ против нашей страны и нашей партии. Мы, разведчики, естественно, имели контакты с его окружением».

Мильке очень гордился тем, что придумал это понятие — «идеологическая диверсия».

«Гораздо позже это понятие было перенято другими службами безопасности, включая, к сожалению, и советскую, и вошло в лексикон коммунистических партий, — писал Вольф. — Этот термин способствовал формированию примитивного „черно-

белого“ мышления и использовался для оценки всех, кто придерживался иных взглядов. „Идеологическая диверсия“ была важнейшим оружием, с помощью которого догматики удерживали свою закоснелую власть до тех пор, пока она не распалась».

Маркус Вольф поразился неожиданной ярости, с какой Эрих Мильке обрушился на него и на его службу. Обвинения из уст заместителя министра госбезопасности звучали крайне опасные. Мильке подводил к тому, что разведчики чуть ли не помогают идеологическим диверсантам.

Вольф оценил угрозу и принял меры предосторожности: «Обо всем, что было связано с контактами с Гербертом Венером, я непосредственно информировал Вальтера Ульбрихта, поэтому на всех предложениях, касавшихся Венера, имелась виза Ульбрихта… Мильке намеревался занять мою должность и при этом разделаться с разведкой. Меня спасло вмешательство советских товарищей и Ульбрихта. Он сказал, что я-де молод и меня надо воспитывать».

К начальнику разведки у первого секретаря ЦК претензий не было. Он воспринимал его как своего воспитанника. Да и соперничество Вольфа и Мильке его, скорее всего, вполне устраивало: подчиненные должны конкурировать в борьбе за внимание вождя… А вот Ширдевана и Волльвебера он воспринимал как опасных смутьянов.

Для начала преданный Ульбрихту Альфред Нойман сменил Карла Ширдевана на посту руководителя отдела руководящих партийных органов. Ширдеван не хотел сдаваться. Поделился планами с Волльвебером. Он намерен откровенно говорить о положении в партии, о том, что результаты XX съезда КПСС перечеркиваются. И поставит вопрос о том, что бегство людей из ГДР требует серьезного подхода.

Ширдеван уверял Волльвебера, что пользуется поддержкой некоторых членов политбюро и секретариата ЦК, что на его стороне Отто Гротеволь и советский посол Пушкин. Опытный Волльвебер заметил, что поддержка Пушкина — это еще не поддержка Москвы, а Гротеволь избегает любых конфликтов.

Седьмого декабря 1957 года секретарь ЦК по экономике Герхарт Циллер и член ЦК и министр тяжелой промышленности Фриц Зельбман, союзники Ширдевана, сообщили коллегам, что на следующем пленуме будет поставлен вопрос о переменах в руководстве.

Ульбрихт действовал быстро. Обоих обвинили во фракционной деятельности. Герхарт Циллер, подпольщик, сидевший при нацистах в концлагере Заксенхаузен, не выдержал и покончил с собой утром 14 декабря. От Карла Ширдевана

потребовали раскаяния. Десять членов политбюро проголосовали за его вывод из ЦК.

Фред Эльснер и Отто Гротеволь были против. Решение отложили. В Москву опять поехала делегация во главе с Ульбрихтом. Он пожаловался советским руководителям на самовольство посла Пушкина, объяснил, что Ширдеван и его сторонники ведут раскольническую работу в партии.

Хрущев не любил Ульбрихта, но видел, что тот держит страну в руках, поэтому в ГДР не было событий, которые потрясли Венгрию и Польшу. Юрию Владимировичу Андропову, который в аппарате ЦК КПСС возглавлял отдел социалистических стран, поручили убедить Отто Гротеволя не поддерживать Ширдевана. Главе правительства ГДР объяснили, что советский посол Пушкин поддержал Ширдевана исключительно по своей инициативе и превысил свои полномочия.

«Ширдеван — человек очень партийный, образованный и смелый, — записал в дневнике заместитель министра иностранных дел СССР Владимир Семенов. — Пушкин поддерживал Ширдевана против Ульбрихта. В результате скандала, устроенного Ульбрихтом, погорел Пушкин (его отозвали) и был исключен из партии Ширдеван».

Георгия Максимовича Пушкина отозвали. Но показали Восточному Берлину, что к нему лично претензий нет. Его вернули даже не в МИД, а в партийный аппарат — назначили заведующим отделом информации ЦК КПСС, эта должность выше министерской. Но составляемые в отделе бумаги не понравились Хрущеву, и в феврале 1959 года Хрущев отдел распустил. Георгий Пушкин вернулся на прежнюю должность заместителя министра иностранных дел.

Тридцать первого января 1958 года Маркус Вольф узнал, что Ширдевана вывели из политбюро и секретариата ЦК. Через несколько дней Ширдевана, Эльснера, Волльвебера и Зельбмана исключили из ЦК. Эта кадровая операция в газетах именовалась «разоблачением оппортунистической фракционной группы». Затем Ширдевана исключили из партии — за то, что он «искажал роль партии в рабоче-крестьянском государстве» и «недооценивал вражескую подрывную деятельность».

Заодно Ульбрихт избавился от старого коммуниста Фреда Эльснера, который в нацистские времена эмигрировал в Советский Союз, работал в немецкой редакции Московского радио. Его не только вывели из политбюро, но и сняли с поста заместителя председателя правительства.

К чему призывали берлинские «мятежники»? Они хотели «социализма с человеческим лицом», как сказали бы позже.

Улучшения отношений с ФРГ, дабы иметь возможность поддержать социалистические идеи и в западной части страны. Они были искренними коммунистами. Желали большего демократизма в партии, считали, что социализм будет легче построить, если снизить уровень противостояния с Западной Германией.

Возможно ли это было? Трудно ответить на этот вопрос. События 1989 года показали, что коммунистическая система была обречена с самого начала. Более прагматичный и либеральный стиль руководства едва ли превратил бы Восточную Германию в процветающее государство. Но это улучшило бы жизнь в ГДР, смягчило напряженность холодной войны. И не появилась бы Берлинская стена в 1961 году.

Вместо Ширдевана вторым человеком в партии стал Эрих Хонеккер. Маркус Вольф был вполне доволен его продвижением, у них сложились неплохие отношения. Когда после войны Маркус Вольф на радио отвечал за молодежное вещание, Эрих Хонеккер возглавлял Центральный совет Союза свободной немецкой молодежи. Так Вольф познакомился с будущим руководителем страны. Свел знакомство и с Маргот Файст, будущей женой Хонеккера. Потом они стали соседями. Младший сын Вольфа ходил с дочерью Хонеккера в детский сад и в школу.

Эрих Хонеккер родился 25 августа 1912 года в саарском городке Вибельскирхен в семье шахтера. Он был четвертым ребенком у родителей. В 14 лет Эрих вступил в Коммунистический союз молодежи, через три года в компартию. Учился ремеслу кровельщика, пока его в 1930-м не отправили в СССР учиться в Ленинской школе Коммунистического интернационала молодежи. Другого образования он не получил.

Хонеккер руководил земельными организациями коммунистической молодежи, пока Гитлер не взял власть. Бежал во Францию, но в августе 1935 года нелегально вернулся, чтобы вести подпольную работу. В декабре 1935 года попал в гестапо. Прокурор требовал для него расстрела. Суд приговорил Хонеккера к десяти годам заключения.

Весной 1945 года, когда город постоянно бомбили, тюремное начальство поставило Хонеккера во главе группы заключенных и поручило ему очистить двор от обломков. 6 марта, во время бомбардировки, он сбежал. Нашел приют в квартире тюремной надзирательницы. Через несколько дней она уговорила его вернуться в тюрьму, пообещав, что гестапо ничего не узнает. Он согласился. Эта история ему дорого обошлась. После войны товарищи по партии провели настоящее расследование — достойно ли вел себя в заключении коммунист Хонеккер. Но тем

временем он познакомился с Ульбрихтом, которому понравился. В результате удовлетворились строгим выговором.

В 1945 году Хонеккера ввели в состав ЦК компартии, поставили во главе отдела молодежи и поручили создать немецкий комсомол — Союз свободной немецкой молодежи. Для комсомольского вожака он был на редкость косноязычным. Он так и остался необразованным человеком, говорил плохо и с сильным провинциальным акцентом. Но благодаря тому, что поддерживал Ульбрихта, стал кандидатом в члены политбюро. В мае 1955 года Хонеккер поехал учиться в Москву. В 1958-м стал членом политбюро и секретарем ЦК по военным делам и делам госбезопасности, то есть теперь он курировал и службу Вольфа.

Эрих Хонеккер железной рукой разбирался с разведчиками, когда произошел крупный провал. 5 августа 1958 года на Запад вместе с семьей ушел заместитель начальника военной разведки ГДР подполковник Зигфрид Домбровски. Ему устроили большую пресс-конференцию в Западном Берлине. А еще выяснилось, что домоправительница начальника военной разведки ГДР генерал-майора Карла Линке долгое время работала на ЦРУ и копировала все служебные бумаги, которые тот приносил домой.

Эрнста Волльвебера обвинили в том, что он намеревался поставить органы госбезопасности и себя лично над партией, и 13 октября 1957 года отправили на пенсию «по состоянию здоровья». В феврале 1958 года за «фракционную деятельность» его вывели из ЦК и лишили мандата депутата Народной палаты.

Советское руководство за своего бывшего разведчика не вступилось.

— Волльвебер и его предшественник Вильгельм Цайссер, были нашими агентами, но Москва их не защитила, — говорил мне Виталий Чернявский, один из руководителей представительства КГБ в Восточном Берлине. — Мильке поставил министру в вину то, что западногерманская разведка сумела глубоко проникнуть в правительственный аппарат ГДР.

Люди Рейнхарда Гелена завербовали несколько заместителей министров, руководителей ведомств, а также старшего секретаря председателя Совета министров ГДР Отто Гротеволя — Элли Барчатис по кличке Маргаритка. 4 марта 1953 года чекисты ее арестовали, она была приговорена к смертной казни. Историю с Элли Барчатис руководитель контрразведки Эрих Мильке представил как личный просчет своего недавнего начальника Волльвебера.

Маркусу Вольфу на партконференции МГБ пришлось зачитать доклад с самокритикой. Впоследствии ему было не по себе: он-то понимал, что лицемерит.

Министром госбезопасности стал генерал-лейтенант Эрих Мильке. Ульбрихт обратил на него внимание еще во время берлинского восстания 1953 года. Мильке тогда демонстрировал безграничную верность генеральному секретарю.

Вальтер Ульбрихт заранее осведомился у представителя КГБ в ГДР Питовранова, как он относится к идее дать Мильке самостоятельную роль. Генерал дипломатично ответил, что это назначение — прерогатива Центрального комитета СЕПГ. Ульбрихт настаивал. И генерал Питовранов высказал свое мнение:

— Мильке твердый и энергичный работник. Но он хитрит со всеми и даже с нами.

Ульбрихта эта оценка вполне устроила. Ему не нужен был человек, который постоянно бегал бы в советское посольство. Эрих Мильке достиг вожделенной цели — стал министром госбезопасности. Он будет занимать этот пост до конца существования Германской Демократической Республики.

— С Мильке я впервые столкнулся в пятьдесят третьем, — рассказывал мне Виталий Чернявский. — Хитрый и коварный человек с мышлением типичного великогерманского националиста. Он с трудом скрывал свою неприязнь к русским — и чем дальше, тем больше. Мне он сразу был несимпатичен. Впрочем, и он мне отвечал тем же. Благо что поводов обращаться к нему лично у меня было немного.

Интересными наблюдениями о Мильке поделился доктор исторических наук Иван Николаевич Кузьмин, который позже работал в представительстве КГБ в Восточном Берлине: «Я шел по коридору второго этажа центрального здания МГБ ГДР на Норманенштрассе. Внезапно чьи-то крепкие руки отбросили меня в сторону. Я чуть не упал. Оглянувшись, увидел, что со мной поравнялся человек невысокого роста, которого сопровождали три или четыре охранника. Наши взгляды встретились, и я надолго запомнил его взгляд, тревожный взгляд человека, готового каждый момент отразить грозящую опасность. Странным образом мне передалось это ощущение опасности».

Мильке добился у Ульбрихта разрешения подчинить себе разведуправление Маркуса Вольфа. Разведку министр в принципе не уважал. Подозревал разведчиков в том, что они в любой момент готовы продаться врагу, и считал только контрразведку нужным делом. Он исходил из того, что надо неустанно находить и уничтожать внутреннего врага, а что там происходит за границей — это, в конце концов, не так важно.

Мильке не нравилось, что Вольф, который оберегал интересы своего ведомства, ведет себя самостоятельно. Министр строго

отчитывал нового подчиненного за недооценку западного идеологического проникновения.

«В силу специфического труда, из контактов и связей у разведчиков формируется соответствующий образ мыслей, который зачастую казался Мильке подозрительным, — отмечал Вольф. — К тому же Мильке, ставшему министром, претило, что разведывательную службу возглавляет руководитель, который во многих делах не был его подчиненным, обязанным беспрекословно выполнять его указания».

Мильке хотел выдворить Вольфа, но Ульбрихт был против. У Маркуса Вольфа была репутация человека, которого ценят советские товарищи и который всегда может обратиться в Москву. Советские коллеги неизменно хвалили Михаила Фридриховича, как его именовали по старой памяти.

«Мильке не удалось полностью подмять под себя разведку и отнять у нее самостоятельность, — рассказывал Вольф. — К решению главных вопросов я не подпускал никого, в том числе центральные подразделения министерства. Я всегда успешно использовал тот аргумент, что в нашем деле особенно необходима абсолютная секретность».

Со временем Эрих Мильке смирился и тоже оценил Вольфа, увидев, что его успешная работа приносит дивиденды и самому министру. Но контакты Вольфа вне министерства Мильке ограничивал.

«Мильке ревностно следил за тем, чтобы никто, кроме него, не встречался с генеральным секретарем с глазу на глаз», — вспоминал Маркус Вольф.

Со временем Эриху Мильке даже понравилось иметь в подчинении такого интеллигента.

«Неоспоримые успехи в нашей работе в последующие десятилетия укрепляли также и позиции Мильке, — вспоминал Маркус Вольф. — В конце концов он стал ими гордиться. Мильке ценил мои способности, но видел во мне абстрактного мыслителя. Поэтому держал меня подальше от всех других сфер деятельности министерства. Точно так же он всегда перекрывал мне все пути в Центральный комитет партии, касалось ли это избрания меня в этот орган или же постоянных рабочих контактов с ЦК СЕПГ… Мильке понял, что я не претендую ни на пост в партийном руководстве, ни на место министра».

Вольф не хотел уходить из разведки, даже когда открывались заманчивые перспективы. В середине 1960-х годов члены политбюро Эрих Хонеккер и Альберт Норден предложили Вольфу перейти в ЦК — ведать пропагандой и агитацией. Ульбрихт дал добро. Но Вольф не захотел.

Почему он отказался от перехода в партийный аппарат? Ведь пост заведующего отделом ЦК сулил завидную карьеру. Не хотел расставаться с единственной в стране должностью, которая позволяла ему вести себя самостоятельно и независимо.

Советская разведка, в свою очередь, всегда старалась способствовать хорошим отношениям между Мильке и Вольфом.

В мае 1956 года начальником Первого главного управления КГБ СССР утвердили генерала Александра Михайловича Сахаровского. На этой должности он оставался 15 лет. Вольф знал, что сумрачный и неразговорчивый Александр Михайлович не тратил лишних слов на разговоры, но был умелым организатором. Сахаровский много работал, но не обрел качеств царедворца. Ему не хватало образования, знания языков и заграничной жизни. Он представлял себе только обстановку в социалистических странах. В несоциалистической стране он побывал один-единственный раз — в марте 1970 года в Египте. Грустно сказал сопровождавшему его резиденту в Каире:

— Да, поздновато я начал ездить по заграницам!

Генерал Сахаровский ценил Маркуса Вольфа: восточный немец умел то, что ему было не под силу.

БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА

Политическая судьба Вальтера Ульбрихта складывалась в ожесточенной борьбе. Ульбрихт привык к тому, что люди вокруг него с ним не согласны, но это не имело значения — он добивался своего любыми средствами, не обращая внимания на иные мнения. Вольф не раз убеждался в том, что глава ГДР умеет настоять на своем даже в отношениях с Москвой. В конце концов Хрущев оценил приверженность руководителя Восточной Германии общему делу. Никита Сергеевич пришел к выводу: если нельзя изменить политику Ульбрихта, может быть, проще изменить политику Запада в отношении ГДР?

Хрущев признал ФРГ, но не добился от Запада признания ГДР.

Правительство ФРГ приняло «доктрину Хальштейна» — оно разрывает дипломатические отношения с любой страной, которая признает режим в Восточном Берлине. Этот принцип сформулировал заместитель министра иностранных дел Вальтер Хальштейн в декабре 1955 года. До дипломатической службы Хальштейн был профессором, преподавал международное право.

Но фактически к этой мере прибегли лишь дважды — разорвав отношения с Югославией, которая признала ГДР в октябре 1957 года, и с Кубой по той же причине в январе 1963 года. Впоследствии эту жесткую позицию пришлось пересмотреть. ФРГ восстановила дипломатические отношения с Югославией. А в феврале 1970 года Бонн формально отказался от доктрины Хальштейна.

Отсутствие дипломатических отношений с большинством стран и посольств определило особенности развития восточногерманской разведки. Обычно резидентура внешнеполитической разведки обосновывается под крышей посольства своей страны. Ключевые сотрудники работают под прикрытием посольской должности, имеют дипломатические паспорта. Другие выдают себя за внешнеторговых работников или журналистов. А нелегальная разведка — лишь часть общего аппарата.

Маркус Вольф изначально был лишен возможности отправлять своих людей в официальном качестве. Разведка ГДР формировалась прежде всего как нелегальная служба. Это определило ее феноменальный успех. Оперативники, работающие под легальным прикрытием, связаны по рукам и ногам.

За ними следит контрразведка и полиция. Они даже не могут покинуть посольство незамеченными. Каждую встречу с агентом

приходится проводить как военную операцию, вовлекая в нее чуть ли не все наличные силы резидентуры. Впрочем, есть одно «но». Разведчика с дипломатическим паспортом просто вышлют. Нелегала упрячут за решетку на долгие годы. Что не раз случалось с подчиненными Маркуса Вольфа.

В первые годы существования ГДР в Восточном Берлине открывались посольства только социалистических стран, а потом ее стали признавать страны третьего мира. Восточная Германия боролась за признание. Высоко ценила каждое государство, которое устанавливало с ней дипломатические отношения. В 1964 году революционное правительство Занзибара первым на африканском континенте признало ГДР. Чтобы отблагодарить занзибарцев и стимулировать других африканцев, Вальтер Ульбрихт принял решение строить в Занзибаре жилые дома — блочно-панельные, как было принято тогда в социалистическом лагере. К африканским берегам отправились не только немецкие специалисты, но и суда со строительными материалами — в Занзибаре ничего не было. Когда ГДР обзавелась первыми посольствами, у Маркуса Вольфа появились и легальные резидентуры. Но он всё равно предпочитал нелегальную разведку…

Хрущев попытался махом решить все проблемы, устроив берлинский кризис. После создания двух германских государств Берлин оставался под оккупацией четырех держав и юридически не принадлежал ни к одному из немецких государств. Соглашения стран-победительниц в отношении Берлина оставались в силе. Не немцы, а только союзники имели право управлять Берлином.

Западный Берлин представлял для ГДР и СССР серьезную опасность. Туда убегали граждане ГДР. Сравнение между двумя частями Берлина было не в пользу Восточного. До возведения Берлинской стены 13 августа 1961 года Восточная Германия потеряла три миллиона человек. Если удастся выкинуть из Западного Берлина союзников, мечтал Вальтер Ульбрихт, город можно будет объединить. А если не получается присоединить западную часть Берлина к ГДР, ее нужно отсечь.

Германская Демократическая Республика была форпостом социализма. Хрущеву хотелось, чтобы форпост стал привлекательным и преимущества социализма были очевидны с первого взгляда. Хрущев желал продемонстрировать всему миру, что ГДР побеждает ФРГ, потому что коммунизм привлекательнее капитализма. ГДР как страна с открытыми границами казалась самым весомым аргументом в пользу социализма. Поэтому Хрущев долго сопротивлялся возведению стены.

Вальтер Ульбрихт понимал, что слабое место его страны — экономика. На V съезде партии в июле 1958 года он пообещал, что к 1961 году потребление в ГДР на душу населения превзойдет уровень ФРГ. Но как выполнить эту задачу, если квалифицированные специалисты бегут из Восточной Германии? К тому же Западный Берлин считался центром шпионской и подрывной работы против ГДР.

Двадцать восьмого августа 1958 года заведующий отделом ЦК КПСС по соцстранам Юрий Андропов представил руководству партии записку о бегстве интеллигенции из ГДР. В составе его отдела был сектор Германской Демократической Республики, четыре сотрудника изучали все материалы, относившиеся к Восточной Германии, и готовили справки для высшего руководства страны.

Андропов отметил, что в Восточном Берлине считают, что люди бегут по материальным соображениям, а в реальности бегут по политическим. Предложил объяснить Ульбрихту важность этой проблемы. Так же считали и некоторые руководители ГДР. Когда Фред Эльснер еще был членом политбюро ЦК Социалистической единой партии Германии, он на пленуме ЦК сказал то, что не решались произнести другие:

— На самом деле, товарищи, из республики бегут главным образом рабочие. Это критика нашей работы. Они критикуют ногами. Три года назад мы поставили перед собой задачу завоевать большинство рабочего класса. Мы должны сегодня спросить себя: выполнили ли мы это задачу? Нет.

Фред Эльснер не клеймил враждебное влияние. Он говорил, что причины недовольства рабочего класса носят внутренний характер. Но Ульбрихт избавился от Эльснера.

В 1957 году в ГДР приехал Хрущев. Эрих Мильке и Маркус Вольф получили задание лично охранять высокого гостя. Они ехали вместе с Никитой Сергеевичем в «ЗИЛе» с открытым верхом. Оба генерала были в штатском, оба хорошо говорили по-русски. Вольф с интересом наблюдал за темпераментным первым секретарем ЦК КПСС.

«Программа, рассчитанная почти на неделю, довела до изнеможения всех, но только не Хрущева, живость которого превосходила все представления, — вспоминал Маркус Вольф. — Он был готов поболтать и пошутить даже во время коротких передышек, которые Микоян использовал большей частью для сна… Хрущев обращался к собравшимся с речами, выдержанными в народном духе, охотно украшая их примерами и остроумными анекдотами. Он пользовался у населения ГДР такой симпатией, как ни один советский политик ни до, ни после него, за

исключением Горбачева, но в отличие от последнего Хрущев излучал обаяние простого человека».

Маркусу Вольфу Никита Сергеевич, может, и понравился. Но не руководителю Восточной Германии.

Столичный житель Ульбрихт считал Хрущева деревенщиной. Немецкий вождь был шокирован непредсказуемостью советского руководителя и его эмоциональными всплесками. Хрущева же раздражала агрессивная, напористая манера Ульбрихта, который подталкивал Никиту Сергеевича в нужном направлении. В речи, произнесенной в октябре 1958 года, он сказал:

— Берлин находится на территории ГДР. Западные державы разрушили юридические основания для своего присутствия в Берлине; больше у них нет ни законных, ни моральных, ни политических оснований для продолжения оккупации Западного Берлина.

Хрущев не мог до бесконечности уклоняться. Он занялся Берлином с присущей ему напористостью и энтузиазмом. Весь ноябрь 1958 года Никита Сергеевич посвятил берлинским делам.

В Западном Берлине находилось всего 11 тысяч солдат западных армий. Они были окружены полумиллионной Советской армией. Превосходство в силах создавало соблазн давления на Запад. Кроме того, если США не смогут защитить Западный Берлин, союзники утратят доверие к Америке и начнут сомневаться в ее готовности помочь им.

Берлинский кризис начался с речи Хрущева 10 ноября 1958 года в Ленинграде. Обращаясь к участникам митинга советско-польской дружбы, Никита Сергеевич сказал, что западные державы используют Западный Берлин для агрессивных действий против ГДР и других социалистических стран. Терпеть это невозможно. Ситуация в Берлине, столице ГДР, должна быть нормализована.

Двадцать седьмого ноября западным державам был предъявлен ультиматум: они должны подписать мирный договор или с единой Германией, или с двумя германскими государствами и предоставить Западному Берлину статус демилитаризованного вольного города, то есть вывести оттуда свои войска.

Хрущев дал западным державам на размышление шесть месяцев. Если западные державы откажутся, Советский Союз в одностороннем порядке подпишет мирный договор с ГДР и передаст ей контроль над всеми транспортными коридорами, которые соединяют Западную Германию с Западным Берлином. Откровенно предупредил:

— Власти ГДР не будут такими же гибкими в этих вопросах,

как мы.

Это было самое неприятное для Запада.

Военный персонал четырех держав пользовался полной свободой передвижения во всех четырех секторах Большого Берлина. Западные державы хотели сохранить свободный доступ к Западному Берлину и не собирались показывать свои документы пограничникам ГДР, которую они не признавали.

Выступление Хрущева оказалось неожиданностью для самой ГДР. Восточногерманского посла в Москве Йоханнеса Кёнига всего за несколько часов до первой речи Хрущева предупредил заведующий 3-м Европейским отделом Министерства иностранных дел Иван Иванович Ильичев:

— Слушайте выступление внимательнее, будут важные заявления по германскому вопросу.

Хрущеву нравилась придуманная им простая схема: оккупационный режим отменяется, западные войска выводятся, Западный Берлин оказывается во власти ГДР. Никита Сергеевич уверенно говорил членам Президиума ЦК:

— Войны не будет. Пять лет назад соотношение сил было иным, тогда у нас не было водородной бомбы, мы не могли достичь территории США. Теперь Америка стала ближе, наши ракеты могут нанести прямой удар.

Разумеется, никто в Президиуме ЦК не возразил Хрущеву. Только когда Никиту Сергеевича отправили в отставку, министр иностранных дел Громыко поделился с помощниками:

— Войска западных держав были введены в Западный Берлин в 1945 году в обмен на вывод американских войск из Тюрингии и по договоренности сторон. Это означало, что их выдворение из Западного Берлина в обход соглашения было бы произволом. Товарищ Хрущев относился к ультиматумам безответственно, легкомысленно. В результате, мягко говоря, страна попадает в неловкое положение…

Никита Сергеевич жаждал не конфликта, а победы в дипломатической схватке. Он хотел быть в центре мировой политики, хотел, чтобы от него зависело решение главных проблем, верил в свое дипломатическое искусство. Он считал, что застал Запад врасплох и тем самым обеспечил себе неплохие шансы на победу.

Поначалу казалось, что Запад уступает. Разведка Маркуса Вольфа сообщила, что США, Англия и Франция предложили провести конференцию четырех министров иностранных дел для обсуждения германской проблемы во всех ее аспектах, пригласив представителей обоих немецких государств. Конференция началась в Женеве 11 мая 1959 года.

Англичане, пришли к выводу люди Вольфа, не считали Западный Берлин таким уж важным и уж точно не были готовы за него воевать. Британский министр иностранных дел Селвин Ллойд соглашался заменить войска западных держав в Западном Берлине контингентом войск ООН. Но воспротивился канцлер Конрад Аденауэр — он не собирался уступать Хрущеву и Ульбрихту ни пяди земли. Его поддержал французский президент Шарль де Голль. Он был главным сторонником Аденауэра во время берлинского кризиса.

Для Соединенных Штатов Западный Берлин был уязвимым форпостом, который трудно, но необходимо защищать. Бросить Западный Берлин они не могли. Президент Дуайт Эйзенхауэр говорил:

— На кону судьба двух с лишним миллионов свободных немцев, которые нам верят и к которым мы не можем повернуться спиной.

Это был вопрос сохранения доверия к Соединенным Штатам…

У Хрущева создалось ощущение, что он может выставить западные державы из Западного Берлина. Никита Сергеевич радовался:

— Смотрите, как всё изменилось. Они не хотели нам руки́ подавать. А теперь премьер Макмиллан приехал. Вице-президент Никсон приезжает.

Он верил, что на Запад надо постоянно давить:

— Это же бандиты. Если бы мы были слабыми, они бы давно решили германский вопрос так, как им хочется.

Никита Сергеевич призывал Ульбрихта к терпению:

— Не спешите. Западу надо дать время отойти от прежней позиции. Через год они будут слабее, а мы сильнее. В 1961 году ГДР превзойдет ФРГ по уровню жизни. Это будет иметь большое политическое значение. Это будет бомба для них. Американцы не могут признать ГДР по соображениям престижа. Они нас не признавали 16 лет, а вы хотите, чтобы они вас признали через десять лет. Надо подождать.

Ульбрихта не устраивала неспешность Хрущева. Он не мог остановить бегство сограждан, особенно молодых и образованных.

Громыко заметил Ульбрихту, что пресса ГДР называет ФРГ незаконным государством, а это расходится с советской позицией:

— Федеративная Республика — суверенное государство. Мы ее можем критиковать за милитаризм, но не считать суверенным государством — это вредит нашей тактике.

Ульбрихт стоял на своем:

— ГДР — законное государство, потому что выполнило Потсдамское соглашение, а ФРГ — нет.

Хрущев заключил:

— Как ГДР смотрит на эти вопросы — это ваше внутреннее дело. Мы остаемся на своих позициях. Мы не должны повторять вашу позицию. Мы установили дипломатические отношения с двумя германскими государствами и оба считаем суверенными.

Никита Сергеевич рассчитывал на многое, играя с Западом. Ульбрихт же опасался, что в какой-то момент Советский Союз пожертвует ГДР ради большой сделки с Соединенными Штатами. Младший партнер побаивался, что старший за его спиной сговорится с другой стороной. Этот страх никогда не покидал руководителя ГДР.

«Ульбрихт втайне не доверял Москве, сомневался в ее верности, — вспоминал Маркус Вольф. — Ульбрихт боялся, что Советский Союз в случае военного конфликта между немецкими „братьями“ может предоставить ГДР ее участи».

После смерти Вильгельма Пика Ульбрихт в сентябре 1960 года сделал себя еще и председателем Государственного совета ГДР, это позволяло ему давать указания правительству, во главе которого стоял очень популярный Отто Гротеволь. Но у Гротеволя диагностировали лейкемию. Он лечился в Советском Союзе и постепенно отошел от дел. Он умер в сентябре 1964 года. Правительство возглавил Вилли Штоф. Но чем больше было власти у Вальтера Ульбрихта, тем меньше жителей оставалось в Восточной Германии…

Никита Сергеевич решил подкрепить свои позиции ядерным арсеналом. В декабре 1958 года он приказал разместить в ГДР ракеты средней дальности. Восточных немцев в известность не поставили.

Из Новгородской области тайно перебазировали 72-ю инженерную бригаду резерва Верховного главнокомандующего. На вооружении бригады состояли ракеты Р-5М (по натовской классификации СС-3). Радиус полета — 1200 километров, то есть в зону поражения попадали Франция, Англия и американские базы на территории Западной Европы. Так впервые Хрущев выдвинул ракеты с атомными боеголовками за пределы советской территории. Все работы велись ночью, чтобы не заметили американские самолеты-разведчики. Но западно-германская агентура следила за железнодорожными перевозками и получила достаточно точную информацию о появлении советского ядерного оружия в ГДР.

В мае 1959 года главнокомандующий группой войск в Германии маршал Матвей Васильевич Захаров доложил Хрущеву,

что ракеты готовы к боевому применению. 23 июня бывший американский посол Аверелл Гарриман посетил Хрущева в Сочи и обсуждал с ним берлинский вопрос. Хрущев хотел напугать Гарримана, и ему это удалось:

— Ваши генералы говорят, что удержат свои позиции в Западном Берлине с помощью силы. Это блеф. Если вы пошлете танки, они будут сожжены, не сомневайтесь в этом. Если вы хотите войны, вы ее получите, но помните, что это будет ваша война. Наши ракеты взлетят автоматически.

Летом 1959 года в Москву приехал вице-президент США Ричард Никсон. 24 июля он открыл в парке Сокольники первую в Советском Союзе американскую выставку. Хрущев пришел на открытие. Осматривая экспонаты, они с Никсоном остановились в павильоне, где были выставлены образцы кухонной техники. Здесь и состоялся знаменитый кухонный спор о преимуществах двух систем.

Ричард Никсон пришел к выводу, что Хрущев вовсе не таков, каким хочет казаться. Большая ошибка считать его человеком, который способен начать войну в припадке гнева. Когда обсуждаются серьезные вопросы, он трезв, холоден и невозмутим.

Никиту Сергеевича пригласили в Соединенные Штаты. Он воспринял приглашение как свидетельство успеха своей политики. 72-ю бригаду тайно вывели из ГДР в Калининградскую область. Тем более что уже началось развертывание новых ракет Р-12 с дальностью полета в две тысячи километров, что позволяло нанести удар по целям в Западной Европе непосредственно с советской территории.

Хрущев приехал в США в сентябре 1959 года. 12 дней он путешествовал по стране, проехал от Восточного побережья до Западного, многие встречали его восторженно, и это стало своего рода вторым признанием Советского Союза Америкой.

Хрущеву представили директора ЦРУ Аллена Даллеса.

— Наверное, время от времени вам показывают мои разведывательные сводки, — сказал Даллес.

— Я думаю, мы получаем одну и ту же информацию, — ответил Никита Сергеевич. — И вероятно, от одних и тех же людей.

— Стоит объединить усилия, — предложил Даллес.

— Нам надо вместе покупать разведывательную информацию, — подхватил Хрущев, — сэкономим деньги.

На переговорах в Кэмп-Дэвиде руководители двух стран договорились о встрече в верхах по берлинским делам в Париже в мае 1960 года и об ответном визите Эйзенхауэра в Советский Союз. Но эти планы рухнули 1 мая 1960 года, когда советские

ракетчики сбили в районе Свердловска американский самолет-разведчик У-2.

Хрущев расставил американцам ловушку, в которую они угодили. Он сказал, что сбили американский самолет, но ни словом не обмолвился о судьбе пилота, которого взяли живым. Когда американцы сообщили, что самолет вел метеорологические исследования и сбился с курса, Хрущев сообщил, что пилот жив и пойдет под суд.

Первый секретарь считал, что если он не займет жесткой позиции, ястребы внутри страны вцепятся в него. Он предпочел торпедировать переговоры, которых так желал, но не показаться слабым и уступчивым. Осенью на президентских выборах в США победил Джон Кеннеди. Хрущев полагал, что от него он точно добьется уступок в берлинских делах.

Сразу после избрания Кеннеди Никита Сергеевич стал намекать на желательность встречи с молодым президентом. Он действовал через старого знакомого Аверелла Гарримана, ставшего губернатором штата Нью-Йорк, через советского посла Михаила Алексеевича Меньшикова (бывшего министра внешней торговли). Использовались разведывательные каналы, которые вели к брату президента Роберту Кеннеди.

Двадцать второго февраля 1961 года Джон Кеннеди написал письмо Хрущеву и выразил надежду, что они встретятся в ближайшем будущем. Администрация Кеннеди, впрочем, объявила, что не будет руководствоваться уступками, на которые согласилась администрация Эйзенхауэра. Но американский посол в Москве Ллевелин Томпсон в телеграмме от 16 марта 1961 года предупредил Вашингтон: если переговоры сорвутся, Хрущев подпишет мирный договор с ГДР, а Восточная Германия запечатает Западный Берлин.

Кеннеди пожелал встретиться на нейтральной территории. Хрущев предложил Стокгольм или Вену. Кеннеди выбрал Вену. Встречу назначили на 3–4 июня. У американского президента за спиной был громкий провал подготовленной ЦРУ операции на Кубе — в Заливе свиней, а у Хрущева — триумфальный первый полет человека в космос.

Советское посольство в Вашингтоне информировало Москву: Кеннеди занял воинственную позицию — Соединенные Штаты начнут ядерную войну, но не уйдут из Берлина. Хрущев же был уверен, что Запад не решится воевать ради Западного Берлина.

— Мы не очень хорошо знаем Кеннеди, — говорил Хрущев. — Но события на Кубе показывают, что он не слишком умен.

Никита Сергеевич был готов действовать. Но он хотел посмотреть, как американский президент будет отстаивать свои

позиции по Западному Берлину. Джон Кеннеди и его советники сознавали, что им надо продемонстрировать твердость. В документе Государственного департамента от 25 мая говорилось: «Хрущев, несомненно, не хотел бы рисковать большой войной. Но реальная опасность состоит в том, что он может не сознавать, что дело идет к войне. Он должен быть предупрежден в самой твердой и недвусмысленной форме, что Соединенные Штаты не позволят выставить себя из Берлина и любая попытка такого рода будет весьма рискованной».

По дороге в Вену Джон Кеннеди встретился в Париже с Шарлем де Голлем. Французский президент подчеркнул, как важно, чтобы Хрущев поверил в твердость западной позиции. Добавил:

— Но существует опасность, что он не поверит в нашу твердость.

На переговорах разговор зашел о Берлине и сразу же приобрел очень жесткий характер. Президент Кеннеди объяснял свою позицию:

— Господин председатель, Соединенные Штаты находятся в Западном Берлине по праву победителя в войне, это право не может быть отменено в одностороннем порядке. Кроме того, каждый американский президент подтверждает те гарантии, которые наша страна дала другим государствам. Если мы откажемся от этих гарантий, нам же никто не будет верить. Если нас вытеснят из Западного Берлина, гарантии, которые мы дали Европе, ничего не будут стоить.

— Господин президент, — сказал Хрущев, — если вы будете настаивать на праве доступа в Западный Берлин после того, как мы подпишем мирный договор с Германской Демократической Республикой, вы рискуете военным столкновением. Имейте в виду, если ваши войска пересекут границу ГДР, мы ответим на вашу агрессию.

Кеннеди уточнил:

— Господин председатель, вы готовы рискнуть военным столкновением Соединенных Штатов и Советского Союза из-за статуса Западного Берлина? Господин председатель, начать войну легко, значительно сложнее сохранить мир.

Хрущев стоял на своем:

— Господин президент, мы войны не хотим, но если вы ее начнете, то будет война. Только имейте в виду, что мы от своего решения не отступимся и в декабре подпишем договор с Германской Демократической Республикой.

И тогда Кеннеди произнес фразу, которая вошла в историю:

— В таком случае, господин председатель, зима в этом году

будет холодной.

Саммит провалился.

Молодой Джон Кеннеди не произвел впечатления на Хрущева. Вернувшись в Москву, Никита Сергеевич пренебрежительно заметил:

— Да, если сейчас у американцев такой президент, то мне жаль американский народ.

Громыко, выступая на партактиве Министерства иностранных дел, сказал:

— Если попытаться образно выразиться, то это была встреча гиганта и пигмея.

Поэт и главный редактор журнала «Новый мир» Александр Трифонович Твардовский, прочитав материалы встречи в Вене, записал в дневнике: «Порядочно смущен заключительной беседой Никиты Сергеевича с Кеннеди. Не может же быть, чтобы мы впрямь напрашивались на войну».

Обмен язвительными выпадами между двумя руководителями продолжился заочно.

— Говорят, что Западный Берлин невозможно защитить, — заявил публично Кеннеди. — То же в войну говорили и о Сталинграде. Любую позицию можно сделать неприступной, если люди — храбрые люди — берутся за это. Мы не хотим воевать, но мы не позволим коммунистам выбросить нас из Берлина.

Кеннеди предупредил, что любая агрессия против Западного Берлина будет воспринята как «нападение на всех нас». На своей даче на Черном море Никита Сергеевич принял американского дипломата Джона Макклоя и сказал ему:

— Если западные войска попытаются силой проложить себе путь в Берлин, мы будем противостоять вам силой. Война будет термоядерной. Вы и мы, вероятно, выживем. Но все ваши европейские союзники будут уничтожены.

Никита Сергеевич так расписывал мощь термоядерного оружия, что маленькая дочь Джона Макклоя расплакалась.

Хрущев понял Кеннеди так, что США и западноевропейские страны ни при каких обстоятельствах не уйдут из Западного Берлина и будут поддерживать там демократический и капиталистический режим. Все остальное Соединенные Штаты не волнует. Следовательно, передать ГДР контроль над коридорами, ведущими в Западный Берлин, — дело рискованное, а закрыть границу между двумя Берлинами можно.

Никита Сергеевич не мог бесконечно отмахиваться от просьб и требований ГДР. Его собственная репутация тоже зависела от ситуации в Восточной Германии.

Вальтер Ульбрихт чувствовал, что время работает против

него. Бегство из ГДР принимало пугающие масштабы. Ульбрихт жаловался, что Федеративной Республике помогают Соединенные Штаты и западноевропейские страны, поэтому западные немцы восстановили свои города, платят рабочим высокую зарплату и сокращают рабочий день. Учителя и врачи получают на Западе вдвое больше, чем в ГДР. И промышленное производство в ФРГ растет более быстрыми темпами… Ульбрихт втолковывал Хрущеву:

— Мы знаем, что наши просьбы требуют больших жертв от вас, но нашей экономике необходимо помочь.

Когда Хрущев осознал, в каком бедственном положении находится ГДР, он сказал Ульбрихту:

— Мы и не подозревали, что ГДР так экономически уязвима.

Он пообещал масштабную помощь, чтобы ГДР всё-таки победила в соревновании с ФРГ. Но призвал немецких товарищей тоже работать активно, учиться стоять на двух ногах, а не полагаться во всём на Москву. Он отказался дать Ульбрихту золото, чтобы тот расплатился с долгами Западу:

— Вы просите шестьдесят восемь тонн золота. Это неприемлемо. Не должно быть ситуации, когда вы покупаете товары, а мы за них платим. У нас не так много золота, мы должны держать его на случай крайней необходимости.

Летом 1960 года в ГДР образовали Совет национальной обороны под председательством Ульбрихта. В сентябре Ульбрихт начал действовать.

С 8 сентября гражданам ФРГ было запрещено въезжать на территорию Восточного Берлина без разрешения Министерства внутренних дел ГДР. Жители Западного Берлина должны были предъявить не паспорт ФРГ, а удостоверение личности, то есть принадлежность Западного Берлина к ФРГ отрицалась.

Власти ГДР потребовали и от западных дипломатов, аккредитованных в Бонне, получать разрешение на посещение Восточной Германии и Восточного Берлина. Проверить серьезность намерений решил американский посол в Бонне Уолтер Даулинг. 21 сентября он прилетел в Западный Берлин, 22 сентября попытался въехать в Восточный Берлин. Его остановил служащий пограничной полиции ГДР:

— Дипломаты, аккредитованные в Бонне, не могут въезжать в демократический сектор Берлина. Вам придется развернуться и ехать назад.

Посол настаивал, поскольку одновременно он был главой американской миссии в Берлине. Пограничник потребовал предъявить документы, хотя посол находился в лимузине с дипломатическими номерами и флажком. Посол показал свою

дипломатическую карточку, тем самым признав право пограничников ГДР требовать документы от представителей стран-победительниц. Американца в конце концов пропустили. Он покатался по Восточному Берлину и вернулся назад.

Советских дипломатов не просили предъявить документы, когда из Восточного Берлина они переезжали в Западный. Им инициатива ГДР не понравилась, они опасались ответных мер со стороны Запада.

Ульбрихт противился стремлению СССР поддерживать определенные культурные и торговые контакты с Западным Берлином, считая, что таким образом укрепляется статус этой части города. Советский посол Михаил Георгиевич Первухин предупредил министра Громыко, что «наши друзья» намерены установить такой контроль на межсекторальной границе, чтобы закрыть «дверь на Запад». Первухин писал о «нетерпении» восточных немцев и нежелании ставить советских товарищей в известность о своих планах.

Никита Сергеевич пытался одновременно играть на нескольких досках — хотел и решить проблему Западного Берлина, и добиться торжества социализма над капитализмом на немецкой земле, и улучшить отношения с Западом. Ульбрихт же считал, что победа социализма возможна только при условии полного решения западноберлинского вопроса.

В 1959 году из ГДР бежали 120 тысяч человек. В 1960-м — больше 180 тысяч. Посол Первухин, сообщая в Москву о бегстве из ГДР, отмечал не только экономические причины, но и бездушное отношение властей к собственному народу, поголовную коллективизацию, меры против «капиталистических элементов» в городе, перебои с поставками продовольствия и товаров. Бежали и те, кому жилось неплохо, — учителя, преподаватели, ученые, интеллигенция. ГДР осталась без среднего класса.

Четвертого января 1961 года на заседании политбюро ЦК СЕПГ было принято решение: любыми средствами прекратить бегство из республики. Образовали рабочую группу, в которую вошли второй секретарь ЦК Эрих Хонеккер, министр внутренних дел Карл Марон и министр госбезопасности Эрих Мильке. Ульбрихт выразил недовольство примирительным отношением СССР к правам американцев и англичан в Западном Берлине:

— Весь Берлин является частью ГДР, и если у нас раньше не было сил совладать с этой проблемой, то теперь мы созрели.

Восемнадцатого января Ульбрихт написал большое письмо Хрущеву, доказывая необходимость покончить с остатками оккупационного режима в Берлине, комендатурами и правами

оккупационных держав.

Пятнадцатого июля Ульбрихт провел пресс-конференцию. Корреспондентка газеты «Франкфуртер рундшау» поинтересовалась у Ульбрихта, означает ли его концепция превращения Западного Берлина в свободный город возведение стены.

— Я так понимаю ваш вопрос, — ответил Ульбрихт, — что в Западной Германии есть люди, которые хотят, чтобы мы мобилизовали строителей на возведение стены. Мне ничего не известно о таких намерениях. Строители в нашей стране заняты возведением домов, свободных рук нет. Нет и намерения строить стену.

На следующий день люди в ужасе побежали из ГДР, зная привычку социалистических руководителей опровергать то, что уже делается. В июле 1961 года каждый день в Западный Берлин сбегала тысяча человек.

Посол Первухин отправил министру Громыко справку о проблеме эмиграции из ГДР. Он выражал сомнения в возможности легко закрыть секторальную границу.

Тем не менее Хрущев пришел к выводу, что нельзя позволить ГДР истечь кровью. Если ее и дальше будут покидать самые образованные и толковые молодые люди, социалистическая ГДР лишится будущего. Он поручил Первухину немедленно встретиться с Ульбрихтом и сообщить о согласии Москвы на закрытие границы между Западным и Восточным Берлином.

Михаил Георгиевич Первухин еще недавно был первым заместителем председателя Совета министров СССР. Летом 1957 года на заседании президиума ЦК КПСС он поддержал Маленкова и Молотова, когда они выступили против Хрущева. И лишился высокой должности. В начале 1958 года его отправили послом в ГДР. Для него посольская должность была почетной ссылкой. Но он еще оставался кандидатом в члены президиума ЦК. Его сопровождала охрана, ему полагался личный самолет, из Москвы с фельдъегерем присылали секретные документы президиума ЦК.

Двадцать девятого июня в Москве президиум ЦК КПСС обсудил просьбу Ульбрихта собрать руководителей стран Варшавского договора. Встречу назначили на 3 августа. Никого не уведомили заранее, зачем всех срочно собирают в Москве. Громыко и Андропов 28 июля доложили президиуму ЦК, что любая информация «может стать известной западным державам».

Двадцатого июля председатель КГБ Александр Николаевич Шелепин информировал Хрущева: советская разведка выявила признаки подготовки Запада к военному конфликту, что «может представить серьезную угрозу безопасности Советского Союза».

Президент Джон Кеннеди увеличил военный бюджет на три с половиной миллиарда долларов, призвал резервистов. Он попросил конгресс выделить 200 миллионов долларов на гражданскую оборону, в том числе на строительство убежищ. Маркус Вольф тоже получил указание оценить военные намерения стран НАТО.

Двадцать пятого июля Джон Кеннеди выступил с речью, которая транслировалась по радио и телевидению. Он сказал, что в Берлине проверяются мужество и сила воли всего Запада:

— Мы не можем и не позволим коммунистам выбросить нас из Берлина — постепенно или силой. Мы должны выполнить обязательства перед свободными людьми Западного Берлина — обеспечивать их права и их безопасность даже перед лицом грубой силы — ради того, чтобы поддержать уверенность других свободных людей в нашем мире.

Если Хрущев и его окружение внимательно читали речь Кеннеди, то, должно быть, обратили внимание на то, что американский президент говорил исключительно о Западном Берлине. Кеннеди сказал своему помощнику Уолтеру Ростоу:

— Хрущев теряет Восточную Германию, а он не может себе это позволить. Он должен что-то предпринять, чтобы остановить поток бегущих из страны. Возможно, построить стену. И мы не в силах это предотвратить.

В определенном смысле Хрущев, столкнувшись с решительной позицией Кеннеди по берлинскому вопросу, отступил. Он отказался от попытки получить весь Берлин и удовлетворился восточной частью города.

В западной части города трудились 65 тысяч восточных берлинцев — 15 процентов работающего населения столицы ГДР. От них потребовали получить разрешение на работу в Западном Берлине. Кроме того, решено было сделать экономически невыгодной работу в Западном Берлине. Платить квартирную плату и все коммунальные расходы в западногерманских марках. 40 процентов зарплаты обменивать на восточные марки по курсу одна марка к одной, хотя реальный курс — одна западная марка за четыре восточные.

В результате в июле 1961 года в Западный Берлин устремилось в шесть раз больше людей, чем в предыдущие месяцы. Все меры властей ГДР только ухудшали ситуацию.

Ульбрихт прилетел в Москву 1 августа в сопровождении делегации из шестидесяти человек. Он попросил о встрече с Хрущевым. Объяснил, каков план. Берлин рассечет колючая проволока, которая тайно уже доставлена в город. Ульбрихт пояснил:

— Там, где окна домов выходят на Западный Берлин, заложим окна кирпичом. Маршруты городской надземки и подземки будут блокированы. На станции Фридрихштрассе перроны разделит стеклянная стена, нельзя будет пересесть в другой поезд и попасть в Западный Берлин. А выходы из метро на станции Митте просто закроют.

Представители штаба Группы советских войск и Министерства внутренних дел ГДР обсудили план совместных действий на границе двух Германий. Договорились, что полицейские силы и пограничники образуют кольцо вокруг Западного Берлина. Советские же войска и части Национальной народной армии ГДР займут позиции на расстоянии одного-двух километров.

Сразу после войны на базе управления 1-го Белорусского фронта сформировали Группу советских войск в Германии. К началу 1960-х годов она состояла из десяти танковых и десяти стрелковых дивизий — 350 тысяч солдат и офицеров, 7500 танков, 900 самолетов. В августе 1961 года в Германию перебросили дополнительные силы. На границу с Федеративной Республикой скрытно выдвинули танки.

Ульбрихт сказал, что самое удобное время для строительства стены — ночь с субботы на воскресенье, когда на улицах меньше всего людей. Выбрали ночь с 12 на 13 августа.

Совещание руководителей социалистических стран провели не только ради того, чтобы оповестить товарищей по Варшавскому договору. Ульбрихт рассказал, какой ущерб его стране наносит бегство людей. Объяснил, что ради повышения уровня жизни он приобретает товары на Западе, а расплатиться нечем. Предупредил: если результатом возведения стены станет экономическая блокада Восточной Германии, всем придется помогать ГДР.

Руководители Чехословакии и Польши Антонин Новотный и Владислав Гомулка встревожились. Гомулка говорил, что у Польши тоже серьезные проблемы и она в долгу у Запада. Заметил, что в случае экономической блокады Восточная Германия должна будет продавать свои товары высокого качества не на Запад, а братским странам. Новотный был еще более пессимистичен. Он произнес ритуальную фразу, что ГДР надо помогать, но, перечислив собственные экономические проблемы, особенно в сельском хозяйстве, объяснил, что Чехословакия продуктами помочь немцам не сможет.

Руководитель Венгрии Янош Кадар напрямую спросил Ульбрихта:

— Ситуация действительно так серьезна, или вы просто это

здесь разыгрываете?

Хрущев пришел на помощь Ульбрихту:

— Запад, как выяснилось, не такой уж твердый, как мы полагали. Но, конечно, никто не может дать гарантии, что войны не будет. Всегда надо готовиться к худшему.

Никита Сергеевич призвал помочь немцам:

— Сейчас наши военные по согласованию с ГДР принимают некоторые меры. Думаем танки поставить в оборону по всей границе. Надо везде крепко закрыть, так как противник может искать слабое место… Я считаю, что нам надо помочь ГДР. Если сейчас со вниманием не отнестись к нуждам ГДР и не пойти на жертвы, немецкие товарищи не выдержат, внутренних сил у них не хватит. А что это значит, если будет ликвидирована ГДР? Это значит, бундесвер подойдет к польской границе, выйдет на границу с Чехословакией, это значит, бундесвер подойдет ближе к нашей, советской границе.

Хрущев был раздражен жалобами руководителей Польши и Чехословакии. Сказал, что готов отправить в ГДР 50–100 тысяч человек, чтобы они там работали, раз экономике Восточной Германии не хватает рук.

Советской группой войск командовал генерал армии Иван Игнатьевич Якубовский, из Москвы ему в помощь прислали маршала Ивана Степановича Конева, который в 1945-м брал Берлин.

Представительством КГБ в ГДР с марта 1957 года руководил генерал Александр Михайлович Коротков (до этого начальник нелегальной разведки), с которым Маркус Вольф старался дружить.

Образование Короткова ограничивалось средней школой. Но он преуспел на самом трудном — нелегальном поприще. Коротков работал на немецком направлении. В январе 1939 года его обвинили в том, что он сам завербован гестапо, и уволили из госбезопасности. Александр Михайлович сразу написал письмо наркому Берии. Лаврентий Павлович прочитал письмо, изъявил желание поговорить с его автором и распорядился оставить Короткова в кадрах. Перед войной он работал в Берлине под дипломатическим прикрытием, после войны был назначен заместителем политического советника при Главноначальствующем СВАГ.

В 1946 году Короткова отозвали в Москву на должность заместителя начальника внешней разведки. Но начальником его так и не сделали. Сначала помешало благоволение к Короткову Лаврентия Павловича, которого в 1953 году расстреляли. Когда руководителем разведки стал генерал Сахаровский, пошли

разговоры, что он недолюбливает своего заместителя, потому и отослал генерала Короткова руководить представительством в ГДР. Возможно, Сахаровский чувствовал в нем конкурента.

Председателю КГБ Шелепину Коротков тоже не очень понравился. В конце июня 1961 года его вызвали в Москву. 27 июня после не очень приятной беседы с Шелепиным Коротков позвонил бывшему председателю КГБ Ивану Александровичу Серову. Они пошли играть в теннис на динамовский стадион на Петровке. На стадионе Короткову стало плохо, и он умер от сердечного приступа.

По странному стечению обстоятельств он закончил свою жизнь там, где когда-то началась его карьера. На этом самом стадионе на юного Короткова обратил внимание увлекавшийся спортом секретарь Дзержинского Вениамин Герсон. Он устроил Короткова в госбезопасность наладчиком лифтов. Потом перспективного молодого человека взяли в иностранный отдел…

На похороны Короткова прилетела вся коллегия Министерства госбезопасности ГДР во главе с министром Эрихом Мильке. Его заместитель по разведке Маркус Вольф произнес прощальную речь. Вместо Короткова в Восточный Берлин отправили заместителя начальника разведки Алексея Алексеевича Крохина. В отличие от своего предшественника он не был германистом, несколько лет служил резидентом в Париже.

Посол Первухин сказал Ульбрихту, что, несмотря на их сложные отношения, сейчас надо действовать вместе и ничего друг от друга не скрывать:

— Это и в ваших собственных интересах. Если что-то пойдет не так, нам обоим головы снимут.

Двенадцатого августа 1961 года в четыре часа дня Ульбрихт подписал приказ о закрытии границы между секторами. Операция началась в полночь. В час ночи АДН, государственное информационное агентство ГДР, передало заявление о том, что границы закрываются по решению стран Варшавского договора с целью прекратить подрывную деятельность против стран социалистического лагеря.

Границу перекрывали солдаты и полицейские. С западной стороны стали собираться толпы людей, но они вели себя нерешительно. К утру 13 августа город был разделен.

На Бернауэрштрассе граница прошла прямо по стене дома. Сам дом остался в Восточном Берлине, а окна выходили на Западный. Когда закрывали границу, пограничники задумались о том, как помешать людям выпрыгивать прямо из окон. Придумали. Рано утром в квартиры вошли солдаты, встали у окон и объявили: к окнам не подходить. Строители внесли кирпичи и

цемент и стали закладывать окна. Заложили на первом этаже. Поднялись на второй. И только тогда до жильцов дома стало доходить, что их запирают в Восточном Берлине.

Кто-то с этим смирился, а кто-то в последний момент рискнул и выпрыгнул со второго этажа. Когда заложили окна на втором этаже, с третьего этажа прыгать было уже страшновато. Спускались по веревкам. Когда заложили окна на третьем и четвертом этажах, остался только пятый. С западной стороны подъехали пожарные команды, растянули простыни. Люди выбрасывали свои вещи, потом прыгали сами. Несколько человек разбились.

Сначала город разделила колючая проволока. Через пару недель вместо колючей проволоки стали сооружать бетонную стену. Некоторые члены политбюро были против стены, говорили, что она помешает пограничникам и ночью врагам будет удобнее подобраться. Но Ульбрихт предпочел настоящую стену. Он не любил полумер. Построили сторожевые вышки. Установили минные поля. Пограничники получили приказ стрелять на поражение. Патрулировали со служебными собаками.

Тринадцатого августа появилось распоряжение советских военных властей о закрытии сообщения между Восточным и Западным Берлином. Граждане ГДР должны были получить разрешение народной полиции на посещение Западного Берлина. Работать в западной части города запретили.

Пятнадцатого августа три западных коменданта отправили письма протеста советскому коменданту по поводу заградительных мер на секторальной границе. 19 августа в Западный Берлин прилетел вице-президент Соединенных Штатов Линдон Джонсон. Он заявил, что изоляция Восточного Берлина — признание слабости коммунизма.

А 20 августа в Западный Берлин перебросили американский воинский контингент в полторы тысячи солдат. Это была чисто эмоциональная реакция — так американцы хотели поддержать моральный дух западных берлинцев. Ни советские военные власти, ни полиция ГДР не чинили американцам препятствий.

Но 23 августа Советский Союз направил ноту трем западным державам, указав на злоупотребление воздушными коридорами для переброски в Западный Берлин «западногерманских агентов, реваншистов и милитаристов».

Двадцать четвертого августа последовала ответная нота американского правительства: представители западных держав имеют право на беспрепятственный доступ в Берлин и на полную свободу передвижения в городе.

«Выглядит стена не очень внушительно, — писал британский

журналист Джон Мэндер, автор книги „Берлин. Заложник Запада“. — Меня поразила невзрачность стены, когда я впервые ее увидел. Она словно просила, чтобы ее сломали; или танк или бульдозер мог бы сровнять ее с землей скорее, чем вы успеете произнести „Вальтер Ульбрихт“. В таком виде стена наносила оскорбление Западу и провоцировала его. Великая Китайская стена не просто обозначала границу — она защищала от вторжения врага. Стена Ульбрихта была иного сорта, поначалу ее легко было сломать. Сама непрочность этой стены давала основание думать, что коммунисты считали, что Запад и не попытается ее разрушить».

А бегство из ГДР продолжалось. За месяц 417 человек ускользнули в Западный Берлин. Эрих Хонеккер приказал сделать побег невозможным. 15 августа пограничник стрелял в супружескую пару, которая переплывала Тельтов-канал, но промахнулся. А 29 августа убили человека, который тоже пытался вплавь уйти в Западный Берлин. За 28 лет существования стены убили и ранили сотни граждан ГДР, пытавшихся покинуть социалистическое государство.

Вальтер Ульбрихт всё равно был недоволен тем, что Москва сохранила представителям оккупационной администрации трех западных держав беспрепятственный доступ в Восточный Берлин. Явочным порядком пытался сорвать любое советское сотрудничество с западными странами.

Сначала власти ГДР оставили внутри города 13 контрольно-пропускных пунктов, через которые можно было переходить из одной части города в другую. 23 августа число КПП сократили до семи. Один для иностранцев — «чек-пойнт Чарли». Один для западных берлинцев на Инвалиденштрассе и пять — для граждан ФРГ. «Чек-пойнт Альфа» неподалеку от города Хельмштедта служил для пересечения границы между двумя частями Германии, «чек-пойнт Браво» использовался для въезда в Западный Берлин со стороны ГДР.

Министр иностранных дел ГДР Отто Винцер предложил требовать от всех западных дипломатов предъявлять документы, несмотря на дипломатические номера на машине, — иначе они будут нелегально вывозить в своих машинах граждан ГДР.

В конце концов власти ГДР устроили настоящий кризис. 22 октября 1961 года на «чек-пойнт Чарли» сотрудник народной полиции потребовал документы у заместителя руководителя американской миссии в Западном Берлине Алана Лайтнера. Тот собрался с женой послушать оперу в Восточном Берлине. Когда дипломата не пропустили, он пожаловался генералу Люциусу Клею, которого президент Кеннеди прислал в Западный Берлин.

Генерал решил доказать, что он добьется права американских дипломатов свободно ездить по Берлину. Машину Алана Лайтнера окружил военный эскорт на трех джипах, и колонной они въехали в столицу ГДР. В следующий раз, когда Лайтнер собрался в Восточный Берлин, к контрольно-пропускному пункту, рыча моторами и лязгая гусеницами, подкатили сразу четыре американских танка.

Советские дипломаты уверяли американцев, что произошла ошибка — официальные представители трех держав имеют право беспрепятственно ездить по Берлину. Но власти ГДР объявили, что гражданскому персоналу союзников всё равно придется показывать на КПП документы. Генерал Клей был готов с помощью силы доказать, что эти правила не будут действовать. Напряженность росла.

В Москве шел XXII съезд партии. Валентин Фалин рассказывал, что Хрущев устроил совещание с военными и дипломатами.

— Получены данные, — взволнованно говорил Никита Сергеевич, — что американцы затевают в Берлине пробу сил. Они собрались пройти танками, оснащенными бульдозерными ножами, по пограничным сооружениям ГДР. Вопрос стоит так: или мы дадим отпор, или утратим контроль над ситуацией. Решено командировать в ГДР маршала Конева, чтобы он принял на себя командование Советской группой войск. Если американцы выведут на исходные позиции свои танки, наши выдвинутся навстречу в полной боевой готовности. Если американские машины начнут крушить погранзаслоны, приказываю стрелять по ним на поражение.

Двадцать седьмого октября на КПП уже стояли по десять танков с каждой стороны. Это был первый и единственный случай прямого советско-американского военного противостояния за всю историю холодной войны. Столкновение могло закончиться третьей мировой войной.

Советские военные решили, что генерал Люциус Клей и в самом деле намерен снести Берлинскую стену. В Вашингтоне советские разведчики и дипломаты стали договариваться с американскими коллегами. Джон Кеннеди попросил отвести советские танки. Обещал, что немедленно вслед за этим уберет и американские. Хрущев согласился.

Утром 28 октября советские танки отошли от КПП, на столько же метров отошли американские. Советские машины сдали еще назад, тот же маневр повторили американские танкисты. Так в несколько приемов танки покинули «чек-пойнт Чарли».

Вальтера Ульбрихта нисколько не беспокоило, что две великие державы оказались на грани войны. Он распорядился наградить полицейских и всех, кто находился на контрольно-пропускных пунктах. Потребовал установить противотанковые заграждения на самых опасных направлениях — у Бранденбургских ворот и на Потсдамской площади. И подготовить такие же заграждения на всех остальных КПП.

Никита Сергеевич уверенно говорил, что американцы ни за что не вмешаются. Но советских политиков и военных не покидала тревога: а вдруг молодой президент всё-таки решится?

Офицер американской военно-морской разведки коммандер Джон Фэйи входил в число четырнадцати западных военных наблюдателей, которые имели право инспектировать советские войска на территории Восточной Германии. Такая же группа советских офицеров действовала на территории ФРГ. Он вспоминал, что советские военные неожиданно пригласили его на прием по случаю Дня Советской армии и Военно-морского флота 23 февраля 1962 года. Тост следовал за тостом, и звучали одни и те же пожелания:

— Мы войны не хотим. Кризис закончился, так и передайте, пожалуйста, вашему президенту.

После появления стены Джон Кеннеди почувствовал нечто вроде облегчения. Сказал помощникам:

— Это не самое приятное решение, но это лучше, чем война. Если бы Хрущев хотел захватить Западный Берлин, зачем ему строить стену?

Всё, что мог сделать американский президент, — это приехать в Западный Берлин и морально поддержать жителей города. Его выступление вошло в историю, о чем свидетельствует мемориальная табличка, установленная на здании, где в ту пору заседал сенат Западного Берлина. А в июне 1963 года американский президент посетил Федеративную Республику.

«Кеннеди приехал с явно сквозившим предубеждением против Германии, — вспоминал Конрад Аденауэр. — Однако оказанный ему прием, а особенно увиденное им на контрольно-пропускном пункте „Чарли“ в Берлине произвели на него сильное впечатление. Его речи стали, так сказать, октавой выше. Во Франкфурте-на-Майне Кеннеди сказал, что Соединенные Штаты в случае необходимости готовы пожертвовать американскими городами, чтобы отстоять свободу Европы. Он произнес эти слова серьезно».

Начальника внешней разведки Маркуса Вольфа даже не предупредили о том, что Берлинская стена будет воздвигнута. Впоследствии он сожалел об этом решении Ульбрихта. «Запереть

людей, лишив их доступа в более привлекательную часть Германии, — задним числом писал Вольф, — такой шаг представлял собой не решение проблемы, а подчеркивал резкий контраст между двумя германскими государствами. Благодаря „замуровыванию“ границы требования свободы выезда приобретали новую убедительность и воздействовали на исход холодной войны».

Берлинская стена рассекла 76 улиц, пять железнодорожных веток, четыре линии подземки. Стена прошла через Потсдамскую площадь, исторический центр Берлина, где в 1924 году появился первый светофор. Площадь превратилась в безлюдное поле боя — минные поля, сторожевые вышки, противотанковые надолбы.

Жители одной части города больше не могли встречаться с родными и друзьями. Только 24 сентября 1964 года власти Западного Берлина и руководство Восточной Германии подписали первое соглашение, в соответствии с которым в Берлинской стене четыре раза в год будет открыт проход для того, чтобы жители западного Берлина могли навещать своих родственников, живущих в восточной части города.

В ГДР стену называли «антифашистским защитным валом». На Западе — «стеной позора». Стена подчеркнула разницу между двумя немецкими государствами.

Восточные немцы смирились: значит, нужно жить здесь. Существование ГДР продлилось еще на 30 лет. Те, кто мечтал уехать на Запад, почувствовали себя заключенными в большом лагере, обнесенном колючей проволокой. Кому было невмоготу, пытались бежать из социалистической ГДР. Только теперь это стало смертельно опасным.

«Детей и стариков спускали из окон домов, стоявших на линии границы, на „канатах“, связанных из простыней, — вспоминал генерал-полковник Маркус Вольф. — Многие падали на полотнища, расстеленные западноберлинскими пожарными. Были прорыты десятки примитивных тоннелей, по которым сотни людей, рискуя жизнью, искали путь на Запад, а некоторые пытались уползти по канализационным трубам, пока и их не перегородили решетками».

Маршал Конев безуспешно жаловался Ульбрихту и Хонеккеру на беспорядочный огонь на границе, который открывают восточные немцы. Министр иностранных дел Громыко и министр обороны маршал Малиновский просили Хрущева воздействовать на Ульбрихта, чтобы прекратились перестрелки на границе.

Но Никита Сергеевич не желал конфликтовать с Ульбрихтом. После возведения стены советское руководство отправило письмо китайским товарищам: «Мероприятия 13 августа 1961 года еще

раз убедительно подтвердили правильность вывода о том, что в наше время империализм уже не всесилен, что он утратил возможность определять мировую политику и навязывать ее народам. Ему пришлось проглотить горькую берлинскую пилюлю, хотя весь мир увидел, что эта акция нанесла серьезный удар по престижу западных держав, и прежде всего США».

А в секретном решении президиума ЦК КПСС записали: «Поручить Госплану СССР и Министерству внешней торговли изучить возможности дополнительной поставки мяса в ГДР и свои предложения доложить ЦК КПСС».

Служба Маркуса Вольфа оказалась в сложном положении: как теперь переводить своих людей на Запад и обратно? Труднее стало перебрасывать в ФРГ новых агентов. Кого-то переводили через границу под видом беглецов, что было весьма опасно. Непросто было и устраивать встречи с агентами, работавшими в Западной Германии.

Оставался один способ. Западные берлинцы, получив разрешение, могли ездить по транзитным дорогам, которые проходили по территории ГДР. По пути агент пересаживался в машину МГБ с затемненными стеклами. Неподалеку от транзитных дорог устроили специальные гостевые домики, к которым вели хорошо замаскированные подъезды. Маркус Вольф, внимательный к деталям, заботился о психологическом состоянии своих людей. Он распорядился подбирать домики в живописных местах — с видом на сад или озеро, в содержательницы конспиративного домика брать только умелых поварих.

Разведка должна была уберечь своих агентов и от пристального взора товарищей из других управлений МГБ, которые следили за всеми, кто приезжал с Запада или уезжал на Запад. А развитие техники невероятно усложняло эту задачу. Офицеры Седьмого главного управления МГБ (слежки, обыски и аресты) на своих мониторах следили за транзитным движением между ФРГ и Западным Берлином. Вдоль дорог и на всех стоянках были установлены телекамеры. Даже случайная парковка какого-нибудь «трабанта» рядом с западной машиной фиксировалась и рассматривалась как «вероятное вступление в контакт». Среди служащих бензоколонок, официанток, дорожных полицейских вербовали неофициальных сотрудников, которые следили за проезжающими иностранцами.

Генерал Вольф требовал жесткой конспирации. Сотрудники внутренних подразделений Министерства госбезопасности не должны были догадаться, что некий иностранец на самом деле сотрудник разведки.

ВОСТОЧНАЯ ГЕРМАНИЯ ОБРЕТАЕТ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ

Представительство КГБ СССР по координации связи с Министерством государственной безопасности ГДР размещалось в помещении бывшей больницы в берлинском пригороде Карлсхорст. Сотрудники КГБ занимали большой комплекс зданий, окруженный колючей проволокой и тщательно охраняемый.

Представительство КГБ в своем кругу именовалось «инспекцией». Между советским посольством и Карлсхорстом курсировал автобус. От Карлсхорта до посольства было всего 12 километров. Аппарат ГРУ находился в Вюнсдорфе и Цоссене, где развернулись штабы Группы советских войск в Германии.

Советские сотрудники госбезопасности находились в материальной зависимости от немецких коллег, рассказывал мне бывший начальник информационно-аналитического отдела представительства полковник Иван Кузьмин. Министерство госбезопасности ГДР организовало в Берлине закрытый магазин для советских чекистов. Но это заведение превратилось в «лавку самообслуживания» для самих немецких офицеров, которые обкрадывали своих советских товарищей — выносили через черный ход лучшие продукты.

Хозяйственное подразделение МГБ нанимало на разные должности две сотни жен советских сотрудников госбезопасности, они получали зарплату в марках, да еще премии, так что семьи очень дорожили таким подспорьем. Это ставило их в зависимость от немецких чекистов.

«Особенно большому воздействию подвергались наши офицеры связи при ведомстве Мильке, — вспоминал полковник Кузьмин, — которые постоянно участвовали в престижных мероприятиях, приглашались на охоту, наделялись льготами, получали подарки по разным поводом. Некоторые их них становились в большей мере проводниками интересов МГБ ГДР, чем представляли собственное учреждение… Обильное бесплатное угощение, пропуска в клинику для дипломатов, разрешение летать спецрейсами МГБ».

Сотрудников советского КГБ награждали орденами и медалями ГДР, что сопровождалось и вручением конверта с наличными.

При этом советские чекисты находились под постоянным наблюдением. Немецкие друзья прослушивали телефонные и не

только телефонные разговоры на виллах в Карлсхорсте. Тщательно выявлялись сотрудники КГБ, которые не были официально представлены в этом качестве и работали под прикрытием. Они быстро убеждались в том, что в братской социалистической стране за ними ведется наружное наблюдение.

Представительство КГБ в ГДР было крупнейшим аппаратом госбезопасности за рубежом. Понятно почему — там находилась группа советских войск. Ее надо было, говоря профессиональным языком, «обслуживать», то есть следить, чтобы наших офицеров не завербовали и чтобы они не убежали на Запад. Кроме того, наши разведчики использовали ГДР как плацдарм для проникновения в НАТО и для вербовки американцев на территории Западной Германии.

Ситуация в ГДР несколько отличалась от положения в других европейских социалистических странах. Министр государственной безопасности ГДР Эрих Мильке считал себя лучшим другом Советского Союза, но пресекал попытки товарищей по партии наладить столь же близкие отношения с посланцами Москвы. Мильке покровительственно, а иногда пренебрежительно относился к сотрудникам представительства КГБ, особенно к тем, кто не знал немецкого языка, поучал их, объяснял, как надо работать.

Служба в ГДР считалась приятной и комфортной. Многие немцы говорили по-русски, а условия жизни были лучше, чем в Союзе. Особенно ценились должности, позволявшие посещать Западный Берлин с его магазинами, ресторанами и кинотеатрами. Но таких счастливчиков было немного.

«Западный Берлин оставался „табу“ для большинства советских граждан, работавших в ГДР, кроме тех, кто состоял в органах разведки, — вспоминал бывший посол СССР в ФРГ Юлий Квицинский. — Не очень разрешалось ездить туда и нашим дипломатам, даже работавшим в группе, которая в посольстве занималась Западным Берлином… Твердили, что Западный Берлин, — гнездо шпионажа».

Советские люди шпионов не боялись и упорно просились в западную часть города. Для командированных из Советского Союза поездка в Западный Берлин была лучшим подарком. Для восточных немцев доступ в западную часть столицы теперь был закрыт.

Взаимоотношения советских и восточногерманских товарищей строились непросто.

«Действовал стойкий „синдром победы“, — рассказывал Юлий Квицинский, — в соответствии с которым считалось, что в ГДР себе можно многое позволить такого, чего не потерпели бы в

других странах народной демократии. Это проявлялось и на бытовом, и на политическом уровне. Ну и конечно, всякий наш чиновник, прибывавший на работу в ГДР, считал своим правом и долгом учить своих немецких „подопечных“».

Восточные немцы послушно внимали. Но вовсе не в каждом случае принимали рекомендацию к исполнению. Немцам было вменено в обязанность составлять подробные отчеты о встречах с советскими товарищами. Вышестоящие чиновники внимательно изучали, что именно говорят посланцы Москвы. Иногда им это сильно не нравилось. Если дело доходило до Ульбрихта, он требовал убрать советского работника.

В штате представительства КГБ состояли не только разведчики, но и сотрудники других управлений Комитета госбезопасности. Вербовать агентуру в братской стране оперативным работникам запрещалось. То есть нельзя было оформлять отношения, брать подписку о готовности сотрудничать, заводить личное и рабочее дело и присваивать псевдоним. Но в этом и не было нужды. Восточногерманские чиновники охотно шли на контакт с советскими представителями, были с ними необыкновенно откровенны и рассказывали всё, что знали. Добрые отношения с влиятельными советскими чиновниками были залогом успешной карьеры. Если, конечно, и сама встреча и то, что на ней говорилось, были санкционированы Ульбрихтом.

Юлий Квицинский рассказывал: «Ульбрихту не нравилось, что наши сотрудники колесили по ГДР и искали непосредственную информацию о положении на местах. Она нередко отличалась от оценок, которые поступали после фильтрации через райкомы и обкомы в ЦК СЕПГ. Это не позволяло В. Ульбрихту чувствовать себя уверенным при контактах с нашим руководством в Москве. Он не скрывал своего раздражения по поводу такого порядка, норовя всякий раз ударить по рукам тех, кто особенно активничал в сборе информации».

Причем руководители ГДР позволяли себе даже гневаться на советских послов и жаловаться на них в Москву. Ни один из послов не смог угодить Ульбрихту и Хонеккеру. Восточный Берлин просил Москву отозвать и Георгия Максимовича Пушкина, и Михаила Георгиевича Первухина, и Михаила Тимофеевича Ефремова, и даже Петра Андреевича Абрасимова, который пребывал в уверенности, что его в ГДР обожают.

Москва неизменно шла навстречу просьбам и пожеланиям Восточного Берлина. Так что посольская должность в ГДР была почетной и заметной, но незавидной. Восточные немцы ничего не

прощали советским друзьям, вели счет всем их прегрешениям и при удобном случае выкладывали на стол.

Семнадцатого октября 1964 года посол СССР в ГДР Петр Абрасимов подписал сопроводительное письмо, адресованное секретарю ЦК КПСС Юрию Андропову, ведавшему отношениями с социалистическими странами: «При этом направляем перевод полученной из ЦК СЕПГ информации об откликах в ГДР на последний Пленум ЦК КПСС и решение Президиума Верховного Совета СССР».

Это был отчет о реакции граждан ГДР на большие кадровые перемены в Москве:

«Решения об освобождении товарища Н. С. Хрущева от обязанностей первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров вызвали у многих членов партии и среди всех слоев населения большое удивление и ошеломление.

Во многих имеющихся высказываниях отмечается, что отставка товарища Хрущева достойна большого сожаления, потому что он был умным и большим политиком, обладавшим большим авторитетом во всём мире… Высказывается удивление, что сообщение ТАСС было так коротко сформулировано и что в этом сообщении вообще не отмечаются заслуги товарища Хрущева. Многие граждане выражают сомнение в том, что отставка товарища Хрущева объясняется болезнью и преклонным возрастом…

Во многих дискуссиях высказывается озабоченность по поводу того, не приведет ли изменение руководства КПСС также к изменению в германской политике. Многие граждане опасаются, что с отставкой Хрущева Советский Союз отходит от своей прежней роли в германской политике. Считают, что поездка в Федеративную Республику не состоится. В этой связи очень часто высказывается мнение, что Хрущева потому сместили, что он хотел поехать в Западную Германию и тем самым в своей политике мирного сосуществования зашел слишком далеко. Многие подобные высказывания ставятся также в связи с поездкой Аджубея в Западную Германию».

Главный редактор «Известий» Алексей Иванович Аджубей не подозревал, что за ним пристально следят офицеры разведки ГДР. Маркус Вольф имел поручение присматривать за любыми контактами советских чиновников с западными немцами. Его люди обо всём разузнавали через агентуру внутри ФРГ.

Веселый, обаятельный, компанейский и артистичный Алексей Аджубей покорил сердце дочери Хрущева Рады. Ходила тогда такая шутка: «Не имей сто друзей, а женись, как Аджубей». Шутка не имела отношения к реальности. Алексей Аджубей был

прирожденным газетчиком и все свои должности занимал по праву. Как выразилась одна его сотрудница, «он любил газету, как женщину». Другое дело, что не будь он зятем Никиты Сергеевича, едва ли его карьера оказалась бы столь стремительной.

Аджубей стал главным редактором «Комсомольской правды», затем «Известий», которую превратил в самую интересную газету страны. Ходили слухи, что зять первого секретаря ЦК метил на место министра иностранных дел, поскольку «для Никиты Сергеевича Аджубей — первый авторитет». Ясное дело, Аджубей лишился своего кресла, как только его тесть перестал быть руководителем государства.

«Больше всего меня потрясло, — вспоминал Юлий Квицинский, — когда Вальтер Ульбрихт через несколько дней после отстранения „своего друга Никиты Сергеевича“ переправил в Москву магнитофонную пленку с записью разговора у себя дома в самой интимной и дружеской обстановке с хрущевским зятем А. Аджубеем. Разумеется, Аджубей распустил в тот день язык, но ведь его подловить было надо, причем делать это с холодным расчетом, что материал когда-нибудь сможет пригодиться».

Алексей Иванович точно не рассчитывал, что его станут записывать в гостях у Ульбрихта. Для главы партии и государства как-то мелковато.

А история с его командировкой в Западную Германию в июле 1964 года и в самом деле вышла громкая. Алексей Аджубей поехал в ФРГ по приглашению коллег-журналистов, но встречался с видными политиками — правящим бургомистром Западного Берлина Вилли Брандтом (будущим канцлером), председателем Христианско-социального союза и бывшим министром обороны Францем Йозефом Штраусом и тогдашним федеральным канцлером Людвигом Эрхардом.

Алексей Иванович, в силу своего особого положения и внутренней самостоятельности (и, пожалуй, самоуверенности), говорил и рассуждал за границей свободнее, чем любой советский чиновник самого высокого ранга.

«Во время летней поездки в ФРГ, — записал в дневнике Владимир Семенов, который в Министерстве иностранных дел курировал германское направление, — Аджубей, оказывается, многажды повторял, что Ульбрихт не вечен, что он стар и у него будто бы рак, намекал, что Россия не раз сдерживала орды монголов, катившиеся на Европу…

Вспоминаю, как Аджубей говорил мне перед поездкой в ФРГ:

— Я к вам заеду, конечно, и к Громыко. Вы же знаете эти дела. А в общем я найду, что сказать.

И не приехал, конечно».

А в Восточной Германии ревниво следили за всеми советскими руководителями, приезжавшими в ФРГ. Всякое неосторожное слово трактовалось как предательство идей социализма. Доверенные люди Маркуса Вольфа заботливо записывали всё, что в Бонне говорил Алексей Иванович Аджубей. И в нужный момент предъявили претензии Москве. В октябре 1964 года полученный из ГДР донос на Аджубея стал желанным подтверждением порочных действий хрущевского зятя. Его не только сняли с должности главного редактора «Известий», но и вывели из состава ЦК.

Вскоре после пленума, на котором Хрущева отправили на пенсию, в первых числах ноября лидеры Восточной Германии нагрянули в Москву — знакомиться с новым руководством.

«Вчера встречал делегацию ГДР, — отметил в дневнике Владимир Семенов. — Ульбрихт весь седой, но бодрый, в приподнятом настроении и настроен как-то зло. Тут, конечно, сказались хулиганские выходки против него Аджубея. Мы получили материалы об этом от Ульбрихта — подобных безобразий не приходилось еще читать».

Первый секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии Вальтер Ульбрихт, бессердечный и холодный человек, уверенный в своем величии, много лет был хозяином ГДР. Он не доверял московским руководителям. Боялся, что те в любой момент могут бросить Восточную Германию на произвол судьбы, потому срывал любые контакты СССР с Западной Германией. Неосторожные слова Аджубея стали для Ульбрихта поводом лишний раз выдавить из Москвы уверения в готовности помогать ГДР. И разумеется, получить щедрую материальную помощь.

Тем более что отставка Хрущева в Восточной Германии имела нежелательный для престарелого Ульбрихта резонанс.

Посольство СССР в ГДР докладывало в ЦК КПСС: «В связи с отсутствием полной информации о мотивах замены тов. Хрущева, а также под влиянием западной пропаганды в ГДР развернулась широкая дискуссия, которая сопровождается распространением всевозможных слухов, спекуляций, распространением враждебных высказываний. Характерным является то, что бóльшая часть населения регулярно стала слушать передачи западного радио и телевидения, черпая оттуда всю информацию и активно обсуждая ее на работе и дома.

Многие задают вопрос: „Почему мы должны всё время слушать западное радио, если хотим узнать что-либо соответствующее действительности? Всё равно между строчками уже можно было прочесть всё, и поэтому нелепо замалчивание действительных причин отставки Хрущева…“

Широкие дискуссии, связанные с событиями в Советском Союзе, во многих случаях увязывались с положением внутри ГДР. Большое распространение получили разговоры о наличии культа личности Ульбрихта, который, как отмечается во многих высказываниях, особенно в последнее время, проявлялся во многих областях жизни страны. При этом делаются ссылки на сосредоточение большой власти в одних руках, на многочисленные публикации, где возвеличивается роль Ульбрихта. Обращается внимание на вывешивание портретов Ульбрихта в учреждениях, магазинах, ресторанах, издание марок с изображением Ульбрихта. Нередко подчеркивается, что тов. Ульбрихт имеет преклонный возраст, что в отличие от ГДР в Советском Союзе принимаются решительные меры в отношении руководителей, совершающих ошибки, несмотря на их большие заслуги в прошлом.

Довольно широко обсуждается вопрос о возможном изменении германской политики Советского Союза. Со стороны друзей высказывается беспокойство относительно действенности основных принципов, вытекающих из Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи от 12 июня 1964 года. Некоторые высказывают предположение, что этот договор не будет иметь прежней силы, а экономическая помощь ГДР со стороны Советского Союза будет сокращена. Одновременно делаются прогнозы относительно возможного ослабления режима на государственной границе или даже ее ликвидации. Выражается надежда на создание более благоприятных условий для объединения Германии.

Под влиянием враждебной пропаганды Запада нередко высказывается предположение, что в Советском Союзе продолжается борьба за власть, что верх берут вновь сторонники Сталина. Одновременно выражается недоумение, почему всё это происходит в стране, где строится коммунизм и где партия считается наиболее сильной и авторитетной».

В других социалистических странах вожди менялись хотя бы в силу естественных причин. Вальтер Ульбрихт и не думал покидать свое кресло. С годами догматизм хозяина Восточной Германии стал одиозным. Особенно на фоне попыток чехов и словаков под руководством первого секретаря ЦК КПЧ Александра Дубчека поменять свою жизнь. Ульбрихт одним из первых — когда Леонид Ильич Брежнев еще не знал, как ему реагировать на происходящие в Чехословакии перемены, — потребовал силой задавить еретиков.

Секретарю чехословацкого ЦК Зденеку Млынаржу Вальтер Ульбрихт показался просто злобным, тщеславным и выжившим из

ума стариком. Руководитель ГДР до смерти боялся, что нечто подобное Пражской весне повторится в его стране, и требовал задавить смутьянов. 18 августа 1968 года в Москву съехались делегации социалистических стран. Все захотели участвовать в военной операции, особенно этого добивался Ульбрихт:

— Ведь мы тоже входим в Варшавский договор.

Пускать немецких солдат в Чехословакию с учетом трагического опыта Второй мировой войны не хотелось, но и отказать Ульбрихту было невозможно, поэтому в состав оккупационных войск включили небольшой контингент Национальной народной армии ГДР.

Разведкам соцстран велено было готовить ввод войск в Чехословакию в 1968 году, чтобы помешать чехам и словакам установить в своей стране политическую демократию.

Маркус Вольф был неплохо осведомлен о развитии событий в Чехословакии. Он ездил в Прагу. Заместитель министра внутренних дел Вилиам Шалгович, руководивший госбезопасностью и разведкой, был яростным противником Пражской весны. Вольфу Шалгович признался, что на ближайшем партийном съезде у сторонников его линии нет никаких шансов. В 1991 году, когда социалистический лагерь перестал существовать, Маркус Вольф прочитал в газете, что его бывший коллега Вилиам Шалгович покончил с собой в родной Словакии.

До ввода войск пустили в ход более тонкий инструментарий.

В январе 1959 года внутри советской разведки создали отдел «Д» — активные мероприятия за рубежом, его возглавил Иван Иванович Агаянц. Он родился в Гяндже, в 19 лет приехал в Москву, где два его брата уже работали в ОГПУ. Благодаря завидным природным способностям он выучил несколько иностранных языков — французский, фарси, турецкий, испанский. Он страдал от туберкулеза, и с оперативной работы его перевели на преподавательскую — заведовать кафедрой в разведывательной школе. А потом вернули на Лубянку, поручив активные мероприятия.

В 1962 году отдел преобразовали в службу «А». Иван Агаянц получил звание генерала. Заместителем у него служил «широко известный в узких кругах» Василий Романович Ситников, который потом много лет был заместителем председателя Всесоюзного агентства по авторским правам. Рано умершего Агаянца в Москве сменил Сергей Кондрашев, который поочередно работал то на германском направлении, то в службе активных мероприятий. Он стал заместителем начальника внешней разведки, и коллеги за глаза называли его «кронпринцем», считая, что он станет следующим руководителем Первого главка.

По советскому образцу Маркус Вольф создал у себя 10-й отдел (активные мероприятия) — с задачей средствами разведки воздействовать на общественное мнение ФРГ. С помощью 10-го отдела разведуправления Министерства госбезопасности западных немцев обвиняли в поощрении неонацизма. В 1968 году западногерманский журнал «Штерн» написал, что федеральный президент Генрих Любке в третьем рейхе участвовал в строительстве концлагерей. Публикация вызвала скандал. Любке принужден был оправдываться. После объединения Германии выяснилось, что журналистам из «Штерна» подсунули фальшивку, изготовленную службой дезинформации МГБ ГДР.

В середине июля 1968 года по анонимному письму чехословацкая полиция обнаружила пять ящиков с американскими автоматами времен Второй мировой войны. В советской прессе тут же появились сообщения о том, что Соединенные Штаты снабжают контрреволюцию оружием. Министр внутренних дел Чехословакии Йозеф Павел доложил первому секретарю ЦК компартии Александру Дубчеку: это оружие хранилось на складах Группы советских войск в ГДР; видимо, речь идет о совместной операции КГБ и восточногерманского Министерства госбезопасности.

В кампании дезинформации использовалась пресса социалистических стран, на которую потом для убедительности ссылались советские газеты. Газета «Берлинер цайтунг» написала, что в Праге обнаружено восемь американских танков.

«Это „сообщение“, — писал Маркус Вольф, — было подсунуто редакции советской стороной без нашего ведома. В действительности в Праге проводились натурные съемки фильма „Ремагенский мост“. Танков не было, была кучка статистов в американской форме. Тогда я интерпретировал столь несерьезную акцию как признак неуверенности Москвы. Западные собеседники спрашивали меня напрямик: не следует ли предположить, что „утка“ с танками задумана как алиби на случай советской интервенции? Такую возможность я посчитал абсурдом, ребячеством».

История с мнимыми американскими танками — лишь один пример работы службы дезинформации, которая должна была доказать, что происходящее в Чехословакии — результат действий западных спецслужб и что армии НАТО уже готовы войти на территорию страны.

Несмотря на требования Мильке и руководства страны, рассказывал Маркус Вольф, его служба не могла предоставить желаемых доказательств вмешательства западных государств в пражские события.

Семнадцатого августа 1968 года и Мильке, и Вольф отправились в отпуск. Они оба не подозревали о предстоящей операции армий Варшавского договора. Но в четыре часа утра 21 августа Вольфа забрали из дома отдыха. Войска уже вошли в ЧССР.

В сентябре по просьбе Мильке в ГДР приехал новый председатель КГБ Андропов. Мильке и Вольф обедали с Юрием Владимировичем в гостевом домике министерства. Это была элегантная вилла в Панкове, где официантами служили только мужчины. Немцам понравилось, что Андропов не пьет. Не знали, что он тяжело болен и спиртное ему противопоказано. Юрий Владимирович говорил осторожно:

— У нас был незавидный выбор. Или ввод войск, который мог бы запятнать нашу репутацию, или невмешательство, что означало бы разрешить Чехословакии уйти — со всеми последствиями этого шага для всей Восточной Европы.

Новый председатель КГБ решил, что на посту начальника разведки ему нужен новый человек. Андропов убрал генерала Сахаровского из Первого главного управления, воспользовавшись громким провалом его службы, когда сотрудник лондонской резидентуры ушел к англичанам.

В 1971 году Сахаровского сменил его первый заместитель Федор Константинович Мортин. Прежде он работал в аппарате ЦК. В КГБ его перевели в октябре 1954 года, когда в органы госбезопасности направили на укрепление большой отряд партийных работников. Но ему не хватало уверенности в себе. Мортин не смел отстаивать свою точку зрения перед начальством. Возможно, поэтому коллеги обвиняли его в мягкотелости.

Когда Мортин возглавил Первое главное управление, разведка переехала с площади Дзержинского в новое двадцатиэтажное здание в Ясенево. Он приказал в целях конспирации повесить на караульной будке табличку: «Научный центр исследований». Но в своем кругу разведцентр в Ясеневе стали называть «лесом». На вопрос, заданный по аппарату правительственной связи АТС-1 или АТС-2, где сейчас находится начальник разведки, его помощник на Лубянке (а начальнику Первого главного управления полагался кабинет в главном здании КГБ) доверительно отвечал:

— Он в лесу.

Маркусу Вольфу, когда он приедет в Москву, покажут поселок Первого главного управления КГБ, который строили для приема важных иностранных гостей, прежде всего партнеров из социалистических стран, а использовали как дачи руководства разведки. Но в распоряжении Первого главка были и другие

объекты, оборудованные для комфортных бесед с коллегами из соцстран — сауна, бассейн, комната отдыха и хорошая кухня с запасом продуктов и выпивки на все вкусы.

Взаимоотношения спецслужб внутри соцблока никогда не были простыми. Они ревниво следили за контактами друзей. Разговоры записывались. Крамольные высказывания брали на карандаш.

Агенты Маркуса Вольфа зафиксировали беседы главного редактора польского либерального еженедельника «Политика» члена ЦК ПОРП Мечислава Раковского в Федеративной Республике. В доверительных разговорах с западными немцами он откровенно высказывался за бóльшую самостоятельность Польши от Москвы и за конвергенцию, то есть сближение двух систем, социалистической и капиталистической.

Когда в Берлин приехал заместитель польского министра внутренних дел Франтишек Шляхтиц, ведавший разведкой, Эрих Мильке, не стесняясь, говорил ему о Раковском как о враге. Советские товарищи тоже занесли главного редактора «Политики» в черный список. Но в Варшаве Мечислава Раковского ценили. Впоследствии генерал Войцех Ярузельский сделает его заместителем главы правительства, потом введет в политбюро и в конце концов поставит во главе партии…

А Франтишек Шляхтиц поделился с Вольфом информацией о положении в Польше. Рассказывал о студенческих волнениях в 1968 году и о вспышке антисемитизма «под личиной критики сионизма».

«Мне бросилось в глаза, — резюмировал Вольф, — какую роль в социалистических странах издавна играл скрытый антисемитизм в борьбе консервативных сил против стремления к реформам и против представителей этих тенденций».

Коллеги из социалистических стран говорили с Маркусом Вольфом, не стесняясь в выражениях. Они не знали о еврейском происхождении заместителя министра государственной безопасности ГДР.

Маркус Вольф хотел оказать услугу польским товарищам. Он узнал, что некий сотрудник польского Министерства иностранных дел предложил свои услуги западногерманской разведке. Этот сотрудник раскрыл свои возможности, что свидетельствовало о его принадлежности к тому подразделению контрразведки, которое работало против ФРГ.

Вольф позвонил заместителю министра Франтишеку Шляхтицу и предложил вместе поохотиться. Они встретились, и на охотничьей вышке, где никто не мог их слышать, Вольф рассказал о том, что узнал. Согласился приехать в Варшаву,

чтобы всё обсудить с руководителем контрразведки. Но на встречу с ним позвали так много людей, что Вольфу пришлось излагать свои предложения, как поймать «крота», перед целым собранием. В результате «крот» не попался.

Франтишек Шляхтиц со временем стал членом политбюро и секретарем ЦК ПОРП. В какой-то момент он оказался вторым человеком в партии, но быстро лишился своего поста. Однако сохранил хорошие отношения с восточногерманскими коллегами. Московские чекисты по-дружески посоветовали берлинским товарищам свернуть контакты с не представлявшим уже интереса чиновником средней руки. В принципе предлагалось дружить не напрямую, а через посредство Москвы.

Четырнадцатого августа 1980 года на Гданьской судостроительной верфи началась забастовка из-за того, что уволили раздражавшего начальство Леха Валенсу. 15 августа забастовка распространилась на другие предприятия. В ночь на 17 августа образовался межзаводской забастовочный комитет, председателем которого избрали электрика Леха Валенсу. Бастующие бригады потребовали создания независимых профсоюзов.

Жители Гданьска поддержали забастовщиков. Им приносили еду, одеяла, лекарства. Приходили врачи, священники служили мессу. Вскоре вспыхнула забастовка и в Щецине. Властям пришлось вступить в переговоры с рабочими на судоверфях Щецина и Гданьска. После подписания 31 августа соглашения с рабочими в Гданьске возник первый в социалистическом лагере свободный профсоюз «Солидарность».

Руководитель польской партии Эдвард Герек не сумел этого предотвратить. Ему этого не простили ни в Варшаве, ни в Москве. 6 сентября Герек вынужден был уйти с поста первого секретаря польской компартии. Он рекомендовал на свое место сравнительно молодого члена политбюро и секретаря ЦК Стефана Ольшовского. Считалось, что тот ставленник и Москвы.

«Ольшовский сам активно себя лоббировал, не стесняясь утверждать, будто его поддерживают советские и другие союзники, — вспоминал генерал-лейтенант Виталий Павлов, который возглавлял представительство КГБ СССР в Варшаве. — Он ссылался на телефонный разговор с послом СССР в ГДР Петром Абрасимовым, а также с самим Эрихом Хонеккером. Хонеккер якобы заявил, что он и „другие союзники“ считают Ольшовского самой подходящей кандидатурой, и уже пожелал ему успеха».

В Москве поспешили откреститься от Ольшовского. Председатель КГБ Андропов сказал министру внутренних дел

Польши Чеславу Кищаку: никакой поддержки Ольшовскому не оказывалось и оказываться не будет. Что касается звонка посла Абрасимова, то министр Громыко уже объяснил Петру Андреевичу, что не надо вмешиваться в чужие дела.

Стефана Ольшовского в Москве другом не считали. На заседании польского руководства кто-то заметил:

— Если мы не решимся пресечь действия распоясавшихся экстремистов, то кончится тем, что нас всех эти экстремисты повесят на телеграфных столбах.

И тут Ольшовский бросил реплику:

— Или в Польшу придут советские войска, и мы опять-таки окажемся на тех же столбах.

Кресло первого секретаря ЦК в Варшаве занял Станислав Каня, несмотря на очевидную скромность его талантов. Именно тогда распространилась сомнительная шутка: «Лучше Каня, чем Ваня». Лучше сделать приятное Москве и терпеть слабую фигуру, чем вызвать недовольство советского «старшего брата».

ВИЛЛИ БРАНДТ В ВАРШАВСКОМ ГЕТТО

Самая блистательная операция Маркуса Вольфа связана с именем выдающегося политика Вилли Брандта, ставшего канцлером ФРГ.

Вилли Брандт — партийный псевдоним. Настоящее имя — Герберт Эрнст Карл Фрам. Он родился в 1913 году в Любеке и был внебрачным ребенком Марты Фрам, продавщицы в кооперативном магазине. Его происхождение было предметом издевок и нападок со стороны политических противников. Он мужественно их переносил. Уже будучи известным политиком, узнал имя отца. Йон Генрих Мёллер, скромный бухгалтер, умер в 1958 году. Он и не подозревал, что его сын, от которого он отказался, станет одним из самых знаменитых немцев.

Будущий канцлер рано заинтересовался политикой, присоединился к социал-демократам, потом вступил в более радикальную Социалистическую рабочую партию. После прихода нацистов к власти он попытался уйти в подполье и взял себе псевдоним Вилли Брандт. Но вскоре понял, что ему придется покинуть Германию. Он бежал на рыбачьей лодке в Данию, оттуда перебрался в Норвегию, где участвовал в антифашистской борьбе. В 1938 году нацистские власти лишили его германского гражданства. Он получил норвежское подданство, работал журналистом. Когда вермахт оккупировал Норвегию, бежал в остававшуюся нейтральной Швецию.

После краха третьего рейха вернулся на родину. Немецкое гражданство ему вернули в 1948 году. Псевдоним подпольщика он сделал фамилией. Так появился немецкий политик Вилли Брандт. Он был противником и крайне правых, и крайне левых. В 1949 году он произнес громкую речь против коммунистов, силой взявших власть в Чехословакии:

— Старик Маркс перевернулся бы в гробу, если бы знал, что натворили эти нетерпеливые идиоты.

В октябре 1957 года Брандта избрали правящим бургомистром Западного Берлина. Этот пост поставил его в центр мировой политики, поскольку вокруг Западного Берлина постоянно вспыхивали баталии между Советским Союзом и Западом.

В августе 1960 года социал-демократы выдвинули Брандта кандидатом в канцлеры на очередных выборах с лозунгом:

— Новые времена требуют новых людей. За дело должно

взяться молодое поколение с его еще не растраченной энергией. Вилли Брандта — в федеральные канцлеры!

Партийный съезд встретил Брандта бурными аплодисментами. Делегаты съезда с воодушевлением пели:

Когда мы шагаем плечом к плечу,
И старые песни поем,
И нам отвечают эхом леса,
Мы чувствуем: всё нам удастся!
С нами приходит новое время,
С нами приходит новое время!

Социал-демократы считали, что избрание молодого и обаятельного Джона Кеннеди президентом Соединенных Штатов открывает дорогу молодежи в мировую политику. Это был период политических грез. Социал-демократы поверили, что, выдвинув Вилли Брандта, они идут в ногу со временем и победа у них в кармане.

На всеобщих выборах в бундестаг 17 сентября 1961 года социал-демократы получили на два миллиона голосов больше, чем в предыдущий раз. Но этого было недостаточно, чтобы претендовать на власть. Избирателей, возможно, отпугивал ярлык незаконнорожденного левака, который политические противники навесили на Брандта. Социал-демократы остались в оппозиции, Вилли Брандт — правящим бургомистром Западного Берлина.

Но американские журналисты окрестили его Вилли-победителем, считая, что на него падает частица блеска, излучаемого мифом Кеннеди. Соотечественники называли его «немецким Кеннеди».

Он стал символом разделенного Берлина. 26 июня 1963 года, когда Джон Кеннеди произнес свою знаменитую речь в Берлине, рядом стоял Вилли Брандт. Американский президент отметил его:

— Я горжусь тем, что я гость вашего мэра, олицетворяющего несгибаемый дух Берлина. В мире много людей, которые не понимают, в чем разница между миром свободы и коммунистическим миром. Пусть они приедут в Берлин! Есть те, кто говорит: коммунизм — это будущее. Пусть и они приедут в Берлин! Кто-то говорит: с коммунистами можно сотрудничать. Пусть едут в Берлин! Демократия не идеальна. Но мы бы не стали строить стену, чтобы не дать народу уйти от нас.

Самые поразительные слова Кеннеди нашел за несколько минут до начала выступления. В кабинете Брандта он наскоро выучил три немецких слова, которыми триумфально закончил

свою речь.

— Свобода неделима, и когда один человек порабощен, все люди не свободны, — говорил американский президент. — Когда все станут свободными, тогда мы увидим, что к вашему городу присоединится и вся страна, и весь континент Европа — в полном надежд мире. Когда этот день наконец наступит, жители Западного Берлина будут иметь все основания для гордости: вы жили на линии фронта. Все свободные граждане, где бы они ни жили, ощущают себя гражданами Западного Берлина. И я, как свободный человек, с гордостью заявляю: я тоже берлинец!

Последние слова, выражая солидарность с жителями города, разделенного стеной, Джон Кеннеди произнес по-немецки, и стоявшая под окнами здания правящего сената огромная толпа отозвалась благодарными аплодисментами.

Вилли Брандт превратился в политика международного масштаба. Но Брандт был против конфронтации с Восточной Германией и Советским Союзом. Он считал, что два немецких государства — это реальность.

Его путь к политической победе был непростым. В 1930-е годы юного социал-демократа Брандта искало гестапо, чтобы отправить в концлагерь. После войны неонацисты требовали поставить его к стенке. Германские националисты называли канцлера предателем национальных интересов. И советские газеты поначалу именовали Брандта социал-предателем.

Два раза проиграв на выборах, он впал в депрессию. Однако же его обаяние завоевывало ему все новых сторонников.

«Вилли Брандт очаровывал, — писал позднее Франц Йозеф Штраус. — Он был человеком далеко идущих планов и утопий, пророком, ясновидцем, который умел создавать впечатление, что он видит будущее. Брандт стал идолом многих граждан, центром притяжения паломников из числа тех, кому было трудно».

У Вилли Брандта была чудесная, обаятельная улыбка. Говорят, что лицо — зеркало души. Это в полной мере относилось к Вилли Брандту. Он всю жизнь провел в политике и тем не менее остался порядочным, открытым человеком, которому чужд был цинизм. Он даже сохранил в себе некий идеализм.

Наступил момент, когда Вилли Брандт получил возможность реализовать свои планы, казавшиеся Штраусу и многим другим утопией. В 1966 году в коалиционном правительстве он стал вице-канцлером и одновременно министром иностранных дел. Через три года — канцлером.

Пятого марта 1969 года президентом ФРГ избрали социал-демократа Густава Хайнемана. Вскоре и правительство возглавил социал-демократ Вилли Брандт. В Федеративной Республике

Германии пришло к власти правительство, сформированное социал-демократами и свободными демократами. Правые, христианские демократы, потеряли власть впервые за послевоенное время.

Вилли Брандт сразу заявил о необходимости договариваться с Советским Союзом и установить особые отношения с ГДР. И ему это удалось! Он превратил ФРГ из передового бастиона холодной войны в оплот разрядки международной напряженности. Брандт поставил на карту свою политическую карьеру ради того, чтобы установить новые отношения между восточными и западными немцами, между немцами и славянами, между немцами и Восточной Европой, между немцами и русскими, чтобы преодолеть разделившее их трагическое прошлое, помирить два воевавших между собой народа.

Андрей Андреевич Громыко познакомился с Вилли Брандтом, когда тот служил еще министром иностранных дел, но уже было ясно, что он может возглавить правительство. Встреча произошла в Нью-Йорке во время сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Корреспондент немецкого информационного агентства передал статс-секретарю в ведомстве федерального канцлера Эгону Бару записку следующего содержания: «Советский пресс-атташе сообщил мне, что если господин Брандт пожелает побеседовать с господином Громыко, ответ будет положительным».

Став канцлером, Брандт написал письмо своему формальному партнеру — главе советского правительства Алексею Николаевичу Косыгину. В дипломатичной форме намекнул, что хотел бы установить контакты с Москвой.

Руководители ГДР с подозрительностью и недоверием следили за переменами в Бонне. Восточногерманская разведка не просто хотела знать, что происходит. Главное, что волновало восточный Берлин, — не договорятся ли Бонн и Москва за спиной восточногерманских друзей. Для Маркуса Вольфа канцлер Брандт стал целью номер один, проникновение в его окружение — неотложной задачей.

Дальше начинается самое интересное. Когда советской разведкой руководил Федор Мортин, его подчиненные приняли участие в растянувшейся на несколько лет операции, связанной со сближением Москвы и Бонна. Бывшие офицеры советской внешней разведки раскрыли тайную сторону восточной политики. Один из них — бывший генерал КГБ Вячеслав Ервандович Кеворков — написал книгу под названием «Тайный канал. Москва, КГБ и восточная политика Бонна».

Генерал Кеворков — человек известный в журналистской Москве. Он долгие годы работал во Втором главном управлении

КГБ (контрразведка), затем в Пятом (идеологическом) управлении, руководил отделом, следившим за работой иностранных корреспондентов в Советском Союзе. Человек живой, контактный, он находился в добрых отношениях со многими пишущими людьми. Например, дружил с писателем Юлианом Семеновым. Семенов даже вывел его в романе «ТАСС уполномочен заявить» в качестве одного из героев. Супермужественный и мудрый генерал Славин — и в книге, и в фильме, снятом по роману, — это и есть Слава, Вячеслав Кеворков.

Генерал Кеворков жил в писательском поселке в подмосковном Переделкине, где купил половину дачи. Вторая половина дачи принадлежала его другу — фотокорреспонденту Юрию Дмитриевичу Королеву, который в 1995 году был ограблен и убит как раз на пути в Переделкино. Неподалеку от дачи Кеворкова жил еще один его друг — Валерий Вадимович Леднев со своей женой актрисой Зоей Николаевной Зелинской, которая играла в Театре сатиры и осталась в памяти зрителей ролью пани Терезы в знаменитом телевизионном «Кабачке „13 стульев“».

Валерий Леднев всю жизнь работал под журналистским прикрытием. Он был редактором международного отдела газеты «Советская культура». Эта газета не принадлежала к числу ведущих, международный отдел не был в газете главным, и его несведущие коллеги удивлялись, как Ледневу удается постоянно получать командировки в Западную Германию, что было по тем временам большой редкостью.

Леднев и Кеворков ездили в Германию по делам разведки.

По словам генерала Кеворкова, председатель КГБ Андропов сразу же после прихода Вилли Брандта к власти приказал чекистам установить с Бонном тайный канал связи. С немецкой стороны партнером стал ближайший сотрудник Вилли Брандта Эгон Бар.

Еще до прихода социал-демократов к власти, летом 1963 года, Эгон Бар выступал в Евангелической академии в Тутцинге. Его идея — Wandel durch Annaherung (перемены через сближение) легла в основу восточной политики правительства ФРГ. Вилли Брандт выразил ее так:

— Решение германского вопроса возможно только вместе с Советским Союзом, а не в конфронтации с ним.

С московской стороны связными стали Вячеслав Кеворков и Валерий Леднев. В принципе ничего особенного в этом нет. Иногда политикам не нравится протокольное общение через чопорных и медлительных дипломатов, они хотят ускорить дело, напрямую связаться друг с другом, и тогда они обращаются за

помощью к разведчикам.

По словам генерала Кеворкова, всю работу по сближению Советского Союза и Западной Германии выполнил КГБ. Министерство иностранных дел и главный советский дипломат Громыко только мешали разведчикам. Советские дипломаты, которые ведали отношениями с Западной Германией, иронически воспринимают сенсационные признания бывших разведчиков.

Дипломаты говорят, что вся работа по установлению отношений с Вилли Брандтом, по подготовке договора с ФРГ была проделана всё-таки не разведчиками, а сотрудниками Министерства иностранных дел. Громыко сам 15 раз встречался с внешнеполитическим советником Брандта Эгоном Баром и столько же — с министром иностранных дел Вальтером Шеелем.

Москва не информировала ГДР о сближении с Бонном. Но Маркус Вольф выяснил, что Эгон Бар ведет переговоры с советской стороной. Редкостная удача: во время ремонта в доме Бара люди Вольфа установили там подслушивающие устройства.

«Я всегда был в курсе переговоров, — самодовольно вспоминал Маркус Вольф. — Мы прослушивали его сколь тайные, столь и откровенные, а часто и веселые беседы с советскими партнерами. Подчас даже раньше федерального канцлера я узнавал, с каким искусством переговорщики продвигали свое дело по конспиративным каналам. Прошло некоторое время, и все микрофоны в доме Бара замолчали. Я могу предположить, что наши советские друзья что-то заметили и предупредили Эгона Бара…»

В московских руководящих кабинетах наконец прозвучали одобрительные слова в адрес Брандта: антифашист, покинул нацистскую Германию. И за такого человека западные немцы проголосовали! Это ли не свидетельство психологического перелома? Решили сотрудничать с ФРГ всерьез.

В Восточном Берлине не разделяли доброжелательного отношения Москвы к западногерманскому канцлеру. Не знали, как быть в новой ситуации, когда правительство в Бонне возглавил вовсе не «реакционер и реваншист». Руководители ГДР действительно боялись нападения со стороны ФРГ. Ульбрихт считал, что в случае войны Советский Союз не вступится за ГДР.

Разведка Вольфа получила указание следить за военными приготовлениями ФРГ и НАТО. Вербовали тех, кто имел доступ к секретам западногерманского военного ведомства. И успешно.

Розали Кунце стала секретарем одного из руководителей Министерства обороны ФРГ. Она снабжала Вольфа информацией, пока ее не арестовали.

Рут Мозер завербовала своего первого мужа — Карла Хайнца

Кнолльмана, подполковника федеральной пограничной службы. Он отвечал за охрану правительственных объектов. Потом завербовала второго мужа — Горберта Мозера, он служил в штабе танковой бригады.

Западногерманский журналист Хельмут Эрнст попал в дорожную аварию. Его отправили в больницу, а в его машине полиция обнаружила миниатюрную фотокамеру «Миникс», пленки, пистолет и радиоприемник. Расследование показало, что его любовница работала в Министерстве обороны, а дочь — в Федеральном ведомстве по военной технике.

Великолепным агентом Вольфа стал скромный курьер Министерства внутренних дел. Он действовал самым простым образом. По дороге к месту назначения вскрывал сумки с секретными документами, которые ему поручали перевозить, и снимал копии для восточногерманской разведки.

От Маркуса Вольфа руководители ГДР ждали, что он добудет планы нападения со стороны Североатлантического блока, но его агенты сообщали об ином: ФРГ и НАТО боялись советского нападения.

«ГДР потрясена „мирным наступлением“ Брандта, — отмечал в своем дневнике Анатолий Сергеевич Черняев, заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС. — Он уже стал национальным героем, носителем идеи национального единства. Массовые требования выездов (поездок) в ФРГ. Отказы ведут к открытым протестам, всё чаще люди высоких должностей демонстративно отказываются от постов, если не удовлетворяют их просьбы, а члены партии кладут партбилеты».

Эрих Хонеккер был откровенно недоволен:

— Нелепо нам поддерживать Брандта.

Когда министр госбезопасности Эрих Мильке встречался с советскими друзьями — в Берлине или Москве, он клеймил Вилли Брандта: канцлер намерен «восстановить власть капиталистических монополий в ГДР», его политика направлена на «разрушение социалистического блока».

Восточные немцы боялись, что советские друзья соблазнятся предложениями Брандта, призывали Москву «не забывать об опасности социал-демократии и ревизионизма». Выражали тревогу: правительство ФРГ пытается вбить клин между СССР и ГДР. Маркус Вольф лучше многих знал, что Ульбрихт, как ни странно это звучит, испытывал большое недоверие к советским руководителям.

Летом 1970 года министр Мильке спросил Андропова:

— Вы правильно оцениваете брандтовскую демагогию относительно мира и разрядки?

Несмотря на проклятия многих своих соотечественников, Вилли Брандт приехал в Москву, чтобы в письменной форме подтвердить: итоги войны неизменны, и немцы не будут претендовать на территории, которых они лишились в 1945 году.

Двенадцатого августа 1970 года в Москве канцлер Федеративной Республики Германии Вилли Брандт и глава советского правительства Алексей Николаевич Косыгин подписали договор, в котором признали нерушимость послевоенных границ и договорились решать спорные вопросы только мирным путем.

Тем летом Маркус Вольф проводил отпуск в Болгарии в доме для высокопоставленных гостей. Утром 13 августа он раскрыл «Правду» и прочитал о подписании договора между СССР и ФРГ. Отдыхавшие на черноморском побережье восточные немцы были поражены.

Шестнадцатого сентября 1971 года Вилли Брандт прилетел в Симферополь в гости к генеральному секретарю ЦК КПСС.

«Брежнев приветствовал нас сердечно и оживленно, — вспоминал немецкий дипломат Андреас Майер-Ландрут. — Брежнев выступал в роли настоящего грузинского тамады, который создает неповторимый дух застолья… Вилли Брандт, который и сам всегда был не прочь лихо поразвлечься и посмотреть на всё с неожиданной стороны, подыгрывал Брежневу».

Послевоенная Европа жила в ожидании вторжения советских танков.

«Мы испытывали смертельный страх перед Советским Союзом, перед его мошной военной машиной, — писал Майер-Ландрут, который впоследствии станет послом в СССР. — Мы смотрели на СССР, как кролик на удава, и эти чувства наверняка подогревались спецслужбами. А советская сторона испытывала священный трепет перед западными военными технологиями. Разумеется, нет дыма без огня и основания для таких чувств были. Но имело место сильное преувеличение как с одной, так и с другой стороны».

Московский договор, подписанный Брандтом, помог европейцам расслабиться. И Москва несколько успокоилась, убедившись, что Федеративная Республика не готовится к военному реваншу. Восточная политика Брандта сделала жизнь в Европе более спокойной и разумной. За два года Брандт и его сотрудники изменили ситуацию в центре Европы.

В принципе Маркус Вольф располагал самой широкой разведывательной сетью в ФРГ В 1968 году западногерманская контрразведка арестовала одного из агентов Вольфа — видного

политика из Свободной демократической партии Ханса Хайнца Порста, его выдал собственный секретарь. Но у Маркуса Вольфа оставались в Бонне и другие источники информации — не менее заметные фигуры в политике ФРГ.

Люди Вольфа контактировали с председателем Свободной демократической партии Эрихом Менде. Как ни забавно это звучит, но в аппарате Вольфа редактировали речь, которую при открытии первого заседания нового состава бундестага предстояло произнести ветерану СвДП Вильяму Борму. Почетного председателя Свободной демократической партии Борма не раз привозили в Восточный Берлин на встречу с генералом Вольфом. Для бесед с такими гостями разведка держала сеть конспиративных квартир.

Но вот что важно отметить: все агенты, вместе взятые, не помогли Берлину понять, что новые руководители ФРГ реально желают разрядки и хороших отношений с Востоком.

Вилли Брандт сделал то, чего не хотели или не могли делать его предшественники. Он поехал в Польшу, чтобы подвести черту под Второй мировой войной. Брандт признал новые границы Польши, отказался от претензий Германии на территории восточнее линии Одер — Нейсе и 7 декабря 1970 года подписал договор с Польской Народной Республикой.

Секретарь и по совместительству любовница посла ФРГ в Варшаве Генриха Бёкса работала на разведку ГДР. Поэтому Вольф следил за тем, как шли переговоры ФРГ с ПНР. Вольф отметил, что поляки улаживают свои дела, не интересуясь мнением Москвы.

Вилли Брандт признал существование второго немецкого государства — Германской Демократической Республики, что привело к разрядке напряженности на Европейском континенте. За это в 1971 году он был удостоен Нобелевской премии мира.

Люди в разных странах были потрясены, когда во время визита в Варшаву канцлер Брандт опустился на колени перед памятником евреям, уничтоженным в Варшавском гетто. Это не был запланированный жест. Это было движение души. «Перед пропастью немецкой истории и под тяжестью памяти о миллионах убитых я сделал то, что делают люди, когда им не хватает слов», — напишет он потом. Ему лично незачем было извиняться. Брандт сделал это за тех, кто должен был попросить прощение, но не захотел.

Брандта окружали люди, разделявшие его взгляды. В первом правительстве, которое Брандт сформировал, министром иностранных дел и вице-канцлером стал Вальтер Шеель. Позднее его изберут президентом Западной Германии. Шеель с женой

взяли на воспитание нескольких детей с темным цветом кожи из разных стран. Они хотели своим примером доказать, что для человека с нормальной психикой и здравым взглядом на мир люди не делятся по этническому или расовому принципу.

Но признание послевоенных границ в Европе вызвало раздражение у тех немцев, кто видел Германию великой державой и мечтал о возвращении утерянных территорий. Половина немцев сочла коленопреклонение Брандта перед памятником Варшавского гетто неуместной выходкой.

В 1972 году депутаты от оппозиции попытались вынести канцлеру вотум недоверия в бундестаге. Получалось, что у лидера блока ХДС — ХСС Райнера Барцеля хватит для этого голосов. В таком случае он бы возглавил новое правительство. 27 апреля Западная Германия замерла в ожидании итогов голосования. Но вотум недоверия не прошел. Не хватило двух голосов, чтобы свалить социал-демократического канцлера. Два депутата от блока ХДС — ХСС не голосовали за Райнера Барцеля!

Считается, что Москва пришла на помощь Брандту. Как будто бы советские чекисты заставили МГБ ГДР подкупить минимум одного депутата. И Маркус Вольф мобилизовал своих депутатов. Голосование было тайным, и только впоследствии выяснилось, что Юлиус Штайнер из ХДС и Лео Вагнер из ХСС получили от Вольфа по 50 тысяч западногерманских марок.

Сам Маркус Вольф писал, что был уверен в позиции двенадцати депутатов, которые, в свою очередь, влияли на других законодателей. Он не лукавил. Его агентами были представители разных партий. Со временем отправится за решетку руководитель аппарата фракции социал-демократов в бундестаге Карл Винанд, признанный виновным в шпионаже в пользу ГДР. Агентом восточногерманской разведки оказался и другой депутат от социал-демократической партии — Герхард Флеминг.

Генерал Вольф сам работал с избранниками народа ФРГ. Одного из депутатов бундестага тайно пригласил в Советский Союз, на Волгу. Для этой поездки ему изготовили документы на чужое имя. Вилла обкома партии в Волгограде Вольфу не понравилась — плюшевая обивка мебели, помпезные хрустальные люстры. У него были иные эстетические представления. И он понимал, какой антураж способствует вербовочным беседам. Он сам выбрал место на Волге. Поселились в деревянной избе. Ловили рыбу, варили уху на костре. Угощались икрой, пирогами, пельменями. Хозяин домика играл на баяне. Так Вольф создал атмосферу, необходимую для беседы с агентом. Западногерманский политик расслабился и оттаял.

«Миша Вольф обладал мощной энергетикой, обволакивал,

притягивал к себе собеседника, вовлекая его в сферу своего какого-то необъяснимого, но явно приятного воздействия, — вспоминал Георгий Захарович Санников, полковник внешней разведки, работавший в Берлине под дипломатическим прикрытием. — Это был настоящий харизматический лидер. Он любил агентурную работу».

Но социал-либеральное правительство в Бонне лишилось многих своих сторонников в бундестаге — социал-демократов и свободных демократов, так как они не приняли восточных договоров.

Москва замерла в ожидании: удастся ли Брандту добиться в бундестаге ратификации московского договора? Социал-демократам не хватало голосов. От исхода голосования в Бонне многое зависело и в Советском Союзе. Заседание бундестага происходило накануне пленума ЦК КПСС, обсуждавшего международные дела, и Брежнев понимал, что если немцы отвергнут договор, кто-то на пленуме скажет: «Зачем нам нужна эта разрядка, если империалисты нас обманывают на каждом шагу?»

Многие советские партийные чиновники выступали против сближения с западными немцами, хотя боялись высказывать это публично. Член политбюро и первый секретарь ЦК Компартии Украины Петр Ефимович Шелест записал в дневнике: «В „Литературной газете“ появился снимок: Брежнев, Брандт и его супруга стоят под руку, улыбаются. Кому это нужно, неужели мы такие „друзья и приятели“, чтобы это так рекламировать в нашей печати?»

Депутаты от Христианско-демократического союза и Христианско-социального союза задались вопросом: соответствуют ли восточные договоры конституции ФРГ, которая требует вести дело к национальному единству? Не станет ли признание внутригерманской границы нарушением основного закона страны и отказа от идеи объединения Германии?

Генерал Кеворков пишет, что получил в резидентуре советской разведки чемоданчик с большой суммой в немецких марках, который он должен был передать Эгону Бару — для подкупа депутатов от оппозиции. Передать деньги не удалось, и генерал вернул чемоданчик в резидентуру.

Все так увлеклись шпионскими версиями этой драматической истории, что упустили из виду реальный ход событий.

Дело не только в том, что невозможно представить Эгона Бара берущим чемоданчик с деньгами. Для Западной Германии разрядка стала возможностью выйти из-под доминирования великих держав. Конечно, консервативная оппозиция после

стольких лет холодной войны не доверяла Советскому Союзу. Опасалась, что московский договор ставит под сомнение право немецкого народа на воссоединение. Поэтому западногерманские и советские дипломаты провели дополнительные переговоры, и Москва признала, что не возражает против изменения межгерманской границы мирным путем по обоюдному согласию — иначе говоря, после объединения Германии. Министр иностранных дел Громыко явно не хотел этого делать, но, надо понимать, настоял Брежнев.

Тогда бундестаг принял заявление, которое предопределило ратификацию восточных договоров. Депутаты зафиксировали позицию ФРГ: восточные договоры исходят из реально существующих на сегодняшний день границ, изменение которых в одностороннем порядке исключается. Но эти документы не лишают немецкий народ неотъемлемого права на самоопределение и не препятствуют в дальнейшем урегулированию ситуации путем заключения мирного договора… Конституционный суд признал восточные договоры соответствующими конституции. После этого руководитель фракции ХДС — ХСС в бундестаге Райнер Барцель призвал оппозицию не голосовать против ратификации договоров.

Восточную политику Брандта поддержал такой консервативный политик, как глава баварского правительства Франц Йозеф Штраус. Сын мясника, он не стеснялся в выражениях и однажды сказал:

— По мне, лучше задница Эйзенхауэра, чем лицо Сталина.

Но Штраус искал пути для восстановления отношений между двумя Германиями, которые не признавали друг друга.

Брандт совершил еще один переворот в политике — признал существование Германской Демократической Республики. 19 марта 1970 года в Эрфурте Вилли Брандт встретился с председателем Совета министров ГДР Вилли Штофом. Брандта ждал большой успех. Его с энтузиазмом приветствовали толпы восточных немцев, которые скандировали: «Вил-ли, Вил-ли!» Сообразив, что у обоих участников одинаковые имена, стали выкрикивать: «Вил-ли Брандт!» Вилли Штоф с огорчением убедился, что среди сограждан он не так популярен, как канцлер Западной Германии.

На фоне брандтовской разрядки удалось договориться по самому болезненному вопросу — берлинскому.

В Бонне исходили из того, что Западный Берлин — часть Федеративной Республики. Власти ГДР доказывали, что это не так. Когда в Западном Берлине провели пленарное заседание бундестага, советское военное командование под предлогом

военных маневров перекрыло наземные коммуникации между Западным Берлином и ФРГ. Военные самолеты на небольшой высоте летали над домами. Десант сбросили рядом с городом, а казалось, что советские парашютисты приземляются прямо на улицах.

В марте 1970 года начались переговоры по Западному Берлину. С советской стороны их вел посол в ГДР Петр Абрасимов. 3 сентября 1971 года представители СССР, США, Англии и Франции подписали четырехстороннее соглашение по Берлину. Оно определило правовой статус города и — что было особенно важно для западных союзников ФРГ — подтвердило право американских, британских и французских воинских контингентов оставаться в Берлине. Советский Союз и ГДР были довольны такой формулировкой: «Западные сектора Берлина по-прежнему не являются составной частью ФРГ и не будут управляться ею и впредь».

Соглашение позволило ослабить напряженность вокруг Западного Берлина. В декабре на его базе подписали еще два важных документа: соглашение между правительствами ФРГ и ГДР о транзите гражданского населения и товаров через Западную Германию и Западный Берлин и соглашение между сенатом Западного Берлина и правительством ГДР об облегчении и улучшении пассажирского сообщения.

Уже после отставки Брандта, в декабре 1972 года, был подписан подготовленный им договор об основах отношений между Германской Демократической Республикой и Федеративной Республикой Германией. Посольств в Восточном Берлине стало больше, как и иностранных журналистов.

Федеральный министр по особым поручениям Эгон Бар передал своим партнерам из ГДР официальное «Письмо о германском единстве», в котором говорилось: «Договор не противоречит политической цели Федеративной Республики Германии содействовать мирному развитию в Европе, при котором немецкий народ в ходе свободного самоопределения вновь обретет свое единство».

В Восточном Берлине появилось постоянное представительство ФРГ. 20 января 1984 года шестеро граждан ГДР пришли в постоянное представительство ФРГ и заявили, что не покинут его до тех пор, пока не получат разрешения на выезд за рубеж. Политбюро согласилось их отпустить.

ПРОВАЛ КАПИТАНА ГИЙОМА

Самый знаменитый подчиненный Маркуса Вольфа капитан Гюнтер Гийом был сыном врача, который в нацистские времена лечил молодого социал-демократа Вилли Брандта и даже спасал его от гестапо. В середине 1950-х годов Гийом-старший жил в Восточной Германии. На него обратили внимание люди Вольфа. Они попросили доктора написать Вилли Брандту, уже ставшему в Западной Германии заметным политиком, и, так сказать, вежливо напомнить о себе.

Придуманная Маркусом Вольфом комбинация удалась. Брандт не забыл о докторе и охотно согласился позаботиться о сыне человека, который для него столько сделал, — о Гийоме-младшем. Гюнтер Гийом работал фотографом в издательстве, был завербован людьми Вольфа и прошел обучение. Вместе с женой Кристель молодой разведчик перебрался с Востока на Запад.

Все восточные немцы имели право на гражданство ФРГ. Гийому было еще проще — его теща жила во Франкфурте-на-Майне. Гюнтер и Кристель открыли фотокопировальную мастерскую во Франкфурте и по указанию Берлина вступили в СДПГ. Гюнтер нашел работу в партийной газете, Кристель — в аппарате депутата бундестага от СДПГ Вилли Биркельбаха. Когда он получил пост в правительстве земли Гессен, то взял с собой прилежную секретаршу. Так Гийомам открылся доступ к секретным документам.

Маркус Вольф, посмеиваясь, рассказывал, что в свое время — в отличие от Вилли Брандта — не особенно высоко ценил своего агента Гюнтера Гийома. Переправляя эту супружескую пару в ФРГ, Вольф возлагал надежды в основном на жену Гийома — Кристель, казавшуюся ему исключительно серьезной и целеустремленной.

Вольф не ошибся: Кристель чуть было не попала в аппарат министра обороны ФРГ, но тут Гюнтер неожиданно стал делать карьеру.

В октябре 1969 года руководитель ведомства федерального канцлера Хорст Эмке принял на работу Гюнтера Гийома (псевдоним Ханзен), который неплохо зарекомендовал себя во Франкфурте. Он помог выиграть выборы видному профсоюзному деятелю Георгу Леберу. Тот получил пост министра связи и почты, а своего верного помощника рекомендовал в федеральный аппарат партии. Сомнение высказал только умный Эгон Бар. К нему не прислушались…

Выполняя свое обещание, Вилли Брандт привечал Гийома.

Вскоре усердный и трудолюбивый Гийом получил повышение, стал старшим правительственным советником.

Донесения Гийома курьер Главного управления разведки забирал в лавке его тещи. Указания центра они с женой получали по радио.

В 1972 году Гийом принял активное участие в предвыборной кампании социал-демократов. В тот год он вошел в близкое окружение канцлера и узнал обо всех его личных слабостях и привычках. Выборы прошли успешно. 1 января 1973 года Гийома утвердили личным референтом Вилли Брандта по партийным делам. Отныне он участвовал в закрытых совещаниях, где обсуждались ключевые политические проблемы.

Но осенью 1972 года в ведомстве Маркуса Вольфа произошел провал. Западногерманская контрразведка арестовала давнего его агента — сотрудника Объединения немецких профсоюзов Вильгельма Гронау в момент встречи с курирующим офицером из Главного управления разведки ГДР. Тот не успел уничтожить бумаги, которые имел при себе. В одной из них значилась фамилия Гийома. Этого было достаточно для того, чтобы Гийома стали проверять.

Гюнтер Гийом вел себя крайне осторожно. Возможно, проверка ничего бы не выявила. Но сотрудник ведомства контрразведки Генрих Шорегге в служебной столовой разговорился с коллегой, который занимался анализом оставшихся загадкой радиопередач из ГДР. Тот вспомнил, что в конце 1950-х годов в радиограммах из Восточного Берлина упоминался некий Г., который, судя по всему, имел контакты в социал-демократической партии. Центр исправно поздравлял его с Новым годом и днем рождения.

Потом Вольф объяснит, что его служба в 1950-е годы пользовалась советской системой шифрования, которую западные спецслужбы сумели взломать; они не только расшифровывали телеграммы берлинского центра, но и классифицировали их по адресатам. Супруги Гийом были обречены, когда сотрудник ведомства по охране конституции сопоставил дни рождения самого Гюнтера, его жены и их сына Пьера и даты поздравительных телеграмм Главного управления разведки Министерства госбезопасности ГДР, адресованные некоему «Г.».

Контрразведка пришла к выводу, что Гюнтер Гийом — шпион. 29 мая 1973 года глава ведомства по охране конституции Гюнтер Ноллау уведомил об этом министра внутренних дел ФРГ Ханса Дитриха Геншера. Но доказательств не было. Решили следить за Гийомом и его женой. Полагали, что связь идет, скорее всего, через Кристель. Следовательно, рано или поздно она встретится с

курьером. Так и произошло.

Наблюдение Кристель Гийом заметила летом 1973 года. Доложила в центр. А западные немцы не спешили отстранять Гюнтера от работы, его не лишили допуска к секретным материалам, не перевели на другое место. И Маркус Вольф решил, что западники ни о чем не подозревают.

Министр Геншер сказал о подозрениях Вилли Брандту. Но то ли говорил не очень убедительно, то ли Брандт начисто был лишен шпиономании… В конце июня 1973 года Гийом как ни в чем не бывало сопровождал Брандта в отпуск в Норвегию. Гюнтер читал всю переписку канцлера. Его жена Кристель гуляла с Рут Брандт. Именно там Гийом получил важнейшие документы о дискуссиях внутри НАТО, которые свидетельствовали о военных проблемах блока. Но в Восточный Берлин эти документы не попали.

После отпуска в Норвегии Кристель Гийом встретилась в боннском ресторане с курьером Анитой. Ей показалось, что за ней следят. Анита взяла пленки, но избавиться от хвоста не смогла. И в Кёльне бросила пленки с моста в Рейн.

Почему Гийомов немедленно не отозвали? Вольфу жаль было терять таких агентов. Он думал: а вдруг слежка — это случайность? Раз Гюнтер Гийом остается референтом Брандта, значит, у западногерманской контрразведки нет серьезных оснований для подозрений.

Именно в тот момент Георг Лебер, ставший министром обороны ФРГ, предложил Кристель Гийом место в своем аппарате. Вдруг ее всего лишь проверяют перед приемом на новую работу? Вольф на всякий случай доложил о ситуации министру Мильке. Министр согласился, что Гийомов не стоит отзывать.

В апреле 1974 года Гюнтер Гийом отдыхал в южной Франции. Обратил внимание, что за ним присматривают. Он не попытался бежать, а вернулся в Бонн к жене и сыну Пьеру. Но сотрудники контрразведки решили не рисковать — не ждать, пока он попытается бежать. Генеральный прокурор Зигфрид Бубак попросил федеральный суд выдать ордер на арест. 24 апреля супругов Гийом задержали. У Гюнтера сдали нервы, и он сильно помог контрразведке. Сказал:

— Я гражданин ГДР и офицер — прошу с этим считаться.

Верховный земельный суд в Дюссельдорфе в декабре 1975 года признал супругов виновными в государственной измене и шпионаже. Понтера приговорили к тринадцати годам заключения, Кристель к восьми.

Гюнтер Гийом из следственной тюрьмы попросил у Маркуса

Вольфа прощения: «То, что объясняется моим неправильным поведением, не дает мне покоя. Я прошу партию и вас, как моего начальника, простить мою вину. Почему я не воспользовался возможностью бегства во Франции? Могу ответить одно: шанс был невелик, а я не хотел предстать трусом».

Коллега Вольфа, начальник советской разведки генерал-лейтенант Леонид Владимирович Шебаршин впоследствии рассказывал:

— Мы знали, что имя Гийома значится в списке Федерального ведомства по охране конституции. Мы просили друзей в Берлине предупредить его о возможном аресте.

— Откуда вы узнали о Гийоме? — спрашивали журналисты.

— Мы завербовали бывшего английского полицейского и направили его переводчиком в Болгарию. На черноморском пляже он познакомился с одной немкой, муж которой работал в ведомстве по охране конституции. Она рассказала ему в постели, что ее муж следит за сотрудником канцлера Вилли Брандта, что этот сотрудник оказался шпионом. Мы проверили. Это был не наш человек. Тогда предупредили МГБ ГДР. Но они сказали, что это обычная проверка. Через четыре месяца Гийом был арестован.

Разведка меняет ход истории. Но не в том направлении, в котором ей хотелось бы.

После разоблачения Гийома канцлеру Вилли Брандту, сторонникy улучшения отношений с Советским Союзом, ГДР и другими социалистическими странами, пришлось уйти в отставку.

Разведчики любят рассказывать о могуществе своей организации и о благородных делах, которые они совершают. Но любопытно, что о подвигах разведки повествуют только сами разведчики. Как показывает мировой опыт, разведка может быть лишь вспомогательным средством дипломатии, и не более того. А иногда, как в случае с Брандтом, самые большие успехи разведки наносят ущерб государству.

Когда Вилли Брандт 7 мая 1972 года зачитывал в бундестаге заявление об уходе в отставку, его соратник Эгон Бар заплакал. Он плакал, не стесняясь окружающих и фотокорреспондентов. Он сожалел не о том, что и ему придется покинуть правительство. Он сожалел о том, что из активной политики уходит Вилли Брандт — человек, рожденный для того, чтобы находиться на посту канцлера. Для самого Брандта отставка стала катастрофой. Человеку эмоциональному, ему даже приходила в голову мысль о самоубийстве.

Новым канцлером ФРГ стал Гельмут Шмидт, занявший куда более жесткую позицию в отношении Советского Союза и ГДР. В

годы Второй мировой войны обер-лейтенант вермахта Шмидт воевал на Восточном фронте. Его танковая дивизия пыталась взять Ленинград. Ему повезло, он остался жив. В августе 1945 года был отпущен из британского лагеря для военнопленных. Шмидту было 26 лет, из них восемь он прослужил в вермахте:

— Я ничего не знал о мире, — рассказывал он много лет спустя, — я не слышал слово «демократия». В конце войны я сказал своему командиру: «Мы делаем глупость. Нам надо сдерживать Советы и позволить американцам продвинуться как можно дальше». Командир ответил: «Шмидт, я сделаю вид, что ничего не слышал». Я никогда не воспринимал американцев и англичан как врагов, хотя я из Гамбурга, где за неделю англичане убили 30 тысяч человек. Но гамбуржцы — англофилы со времен Наполеоновских войн. Они возмущались не столько англичанами, сколько Герингом, который не сумел их защитить.

Гельмут Шмидт назвал Советский Союз «Верхней Вольтой, вооруженной ракетами», подчеркивая индустриальную отсталость Москвы во всех областях, кроме военной.

Западногерманские газеты писали, что ГДР сама себе навредила — в ее интересах было бы сдувать пылинки с Вилли Брандта, а не подставлять его таким образом.

Генерал Маркус Вольф несколько раз повторял, что совершенно не желал отставки канцлера Брандта.

— Это просто несчастный случай на производстве, — так выразился начальник восточногерманской разведки. — Дело Гийома было для моей службы самым тяжелым поражением. Я никоим образом не хотел отставки Брандта.

В 1975 году новый канцлер Гельмут Шмидт вел переговоры с Брежневым и Громыко. Переводил Александр Богомолов, он и предал гласности этот диалог.

— Дело Гийома, — поделился своими заботами Шмидт, — доставило много неприятностей немецким социал-демократам.

— Гиойм? — удивился Брежнев. — Мне эта фамилия неизвестна.

Он повернулся к Громыко:

— Может, ты знаешь эту фамилию?

— Слышу в первый раз, — ответил министр иностранных дел СССР.

После ухода Брандта с поста канцлера восточные немцы неофициально извинились перед ним: это не мы, а русские заставляли держать возле вас агента. Москва тоже нашла способ выразить сожаление: мы бы никогда такого не сделали, это всё восточные немцы. Брандта эти неуклюжие извинения очень веселили. Он был на редкость великодушным человеком.

После крушения Берлинской стены Маркус Вольф написал письмо Вилли Брандту. Он выражал сожаление о том, что «разведывательная служба ГДР, которой я руководил, приняла участие в прискорбных политических событиях, которые привели к Вашей отставке».

— От этого теперь мало пользы, — вяло отреагировал Брандт на извинения Вольфа.

После провала Гийомов в ФРГ сменили руководителя ведомства по охране конституции. Гюнтер Ноллау ушел. Контрразведку возглавил Рихард Майер. Сразу стала заметной эффективность и профессионализм западногерманской контрразведки. Это привело к болезненным неудачам Главного управления разведки ГДР.

Арестовали Ингрид Гарбе, секретаря представителя ФРГ в НАТО. Затем секретаря в правлении Христианско-демократического союза. Последовали еще аресты… Серия провалов завершилась телевизионным интервью Рихарда Майера — начальник контрразведки торжествующе сообщил, что взяты сразу 16 агентов ГДР.

Это была большая потеря для Маркуса Вольфа. Он распорядился отозвать всех, кому грозила даже малейшая опасность. Не помогли обычные меры предосторожности. Технические подразделения МГБ установили специальную аппаратуру вдоль внутригерманской границы и в помещении представительства ГДР в Бонне. Сканирующее устройство держало в памяти 25 тысяч номеров телефонов видных деятелей ФРГ. Прослушивали и домашние телефоны каждого третьего служащего ведомства по охране конституции. Если кто-то набирал такой номер, автоматически включалась записывающая аппаратура.

Сканирующее устройство следило за переговорами по радиотелефону на служебных частотах западногерманской контрразведки, что позволяло засекать ведущие слежку оперативные группы и уводить своих агентов из-под наблюдения. Но на сей раз предотвратить аресты не удалось.

Маркус Вольф опасался, что это дело рук «крота» — вражеского агента, работающего в его собственном аппарате. Но выяснилось, что в ФРГ провели масштабную акцию «Регистрация». Ведомство по охране конституции еще раз проверило всех, кто перебрался в ФРГ с Востока. В первую очередь тщательно проверяли молодых людей, въехавших из ГДР в одиночку.

Вольф взял реванш, когда летом 1981 года ему предложил свои услуги сотрудник западногерманской контрразведки.

Старший правительственный советник Федерального ведомства по охране конституции Клаус Курон положил в почтовый ящик постоянного представительства ГДР в Бонне письмо, адресованное начальнику 9-го отдела (внешней контрразведки) службы Вольфа.

Курона интересовали деньги. Он поставил условие — заплатить ему 150 тысяч марок сразу, а затем выдавать двойное месячное жалованье. На встрече с офицерами 9-го отдела Курон объяснил, что его карьера застопорилась, он обижен, а зарплаты не хватает.

Как особо важному источнику, ему устроили осенью 1982 года встречу с генералом Вольфом на вилле в Дрездене — с живописным видом на Эльбу. Курон просил не арестовывать сразу указанных им агентов западногерманской разведки — иначе его быстро вычислят. В следующий раз на встречу с Вольфом Курон приехал с женой. Она хотела убедиться в том, что ее мужа ценят.

Курон помог выявить нескольких двойных агентов. Один из них в заключении впал в депрессию и повесился. Другой, капитан МГБ ГДР Вернер Теске, собирался бежать в ФРГ. Он уже запасся важными документами, которые намеревался прихватить с собой. Но не успел. При обыске документы нашли в его доме в стиральной машине. 26 июня 1981 года Теске расстреляли. Капитан Теске стал последним, кого казнили в ГДР.

Всего за десятилетия существования республики привели в исполнение 164 смертных приговора. До 1956 года в основном использовали гильотину. После 1968 года стреляли в затылок. Когда произошло объединение Германии, военного судью, который приговорил капитана Теске к смерти, посадили — за вынесение неправосудного приговора и соучастие в предумышленном убийстве.

Лучшим агентам Маркус Вольф платил четыре тысячи марок в месяц. За несколько лет Клаус Курон сумел накопить полмиллиона. Но воспользоваться деньгами не успел — осенью 1990 года западные немцы его арестовали. Судья приговорил его к двенадцати годам тюрьмы за предательство.

МОСТ ШПИОНОВ

Генерал-полковник Маркус Вольф делал всё, чтобы вытащить капитана Гийома и его жену из тюрьмы. Западной Германии через посредников предлагали различные варианты. Но это оказалось непростым делом.

На шпионской войне не любят отпускать пленных. Да и свои иной раз не торопятся выручать из неволи тех, кому не повезло. Секретные службы хотят, чтобы об их существовании не вспоминали. Потому скрывают даже победы. Но иногда покров тайны спадает, и мы видим поле боя и жертвы секретных сражений — это агенты, которых поймали.

Разведки ценят действующих шпионов. Провалился — интереса не представляешь. Прежде из тюрьмы вытаскивали только тех, кто после ареста проявил особую стойкость. Это делалось в воспитательных целях — молодые разведчики должны верить, что в случае чего их выручат из беды.

Первого мая 1960 года советской ракетой в районе Свердловска был сбит американский разведывательный самолет У-2. Американский летчик Фрэнсис Гэри Пауэрс катапультировался и благополучно приземлился на скамье подсудимых. Его приговорили к десяти годам заключения. Но сбитому летчику повезло дважды. Он остался жив, когда в его самолет попала ракета, и провел в советской тюрьме всего два года.

В ночь с 21 на 22 июня 1957 года Федеральное бюро расследований арестовало в Нью-Йорке советского нелегала Вильяма Генриховича Фишера. Он только что закончил сеанс радиосвязи с центром. При аресте назвался Рудольфом Ивановичем Абелем. Его выдал радист группы подполковник КГБ Рейно Хейханен, которого после пяти лет работы отозвали в Москву. Он передумал возвращаться и согласился сотрудничать с ФБР.

На суде Фишер держался твердо и ничего о себе не рассказал. Его признали виновным и приговорили к тридцати двум годам тюремного заключения. Фишер провел в камере пять лет. Все эти годы советская разведка искала возможность выручить Абеля из беды. Организацию обмена пойманными шпионами взяла на себя восточногерманская разведка. Обмен помог совершить адвокат из ГДР Вольфганг Фогель, о котором еще пойдет речь в этой книге. В конце концов договорились обменять Абеля на Пауэрса.

В разделенной Германии граница между Западом и Востоком проходила посредине моста Глинике в Потсдаме. Всё

происходило несколько иначе, чем в популярном фильме «Мертвый сезон», где воспроизвели эту сцену. За Фишера-Абеля помимо летчика Пауэрса советские чекисты отдали еще двоих американцев — студента-экономиста Фредерика Прайора и студента-химика Марвина Макинена. В фильме «Мертвый сезон» обменом занимались небольшие группы сотрудников спецслужб. На самом деле у моста сидели автоматчики, готовые открыть огонь, если что-то пойдет не так.

Двадцать второго апреля 1964 года опять же в Потсдаме, на мосту Глинике, который вошел в историю как «мост шпионов» или «мост свободы», устроили еще один обмен. Домой вернулись сотрудник советской разведки Конон Трофимович Молодый и агент британской разведки МИ-6 Гревилл Мейнард Винн.

Конон Молодый воевал. В 1951 году пришел во внешнюю разведку. В 1954-м поехал в Канаду, которая считалась самой комфортной страной для проникновения на Запад. Затем обосновался в Англии, где успешно работал под именем Гордона Лонсдейла. Его арестовали в январе 1961-го. Отсидел три года.

Гревилл Винн в войну был сотрудником контрразведки МИ-5. Затем оказался полезен британской разведывательной службе в роли бизнесмена, который по торговым делам бывает за железным занавесом. В Москве его посадили на скамью подсудимых как связного между британцами и полковником советской военной разведки Олегом Владимировичем Пеньковским. В мае 1963 года Пеньковского за шпионаж приговорили к расстрелу. Гревиллу Винну дали восемь лет. И отпустили, чтобы вернуть на родину Конона Молодого. Подготовкой этого обмена на мосту Глинике занималась восточногерманская разведка.

За Гюнтера Гийома западные страны требовали, чтобы Москва освободила Анатолия Щаранского. Этот советский физик не был шпионом. Он просто упорно добивался выезда в Израиль. Его обвинили в шпионаже и приговорили к большому сроку. Генерал Вольф полетел в Москву. Пытался убедить Юрия Андропова выпустить Щаранского, но председатель КГБ отказал.

После смерти Андропова, в феврале 1986 года, Щаранского все-таки обменяли — на арестованного в Нью-Йорке чехословацкого разведчика Карла Кёхера, который сумел проникнуть в аппарат ЦРУ.

А генерал Вольф нашел другой вариант. Кристель Гийом обменяли на шестерых западных агентов в марте 1981 года. Гюнтер Гийом вернулся в ГДР 1 октября 1981 года — в ходе большой сделки. За него и еще пятерых агентов разведок соцстран ГДР согласилась выпустить девять арестованных

западных разведчиков и еще 30 политзаключенных.

В Восточном Берлине Гийомов приняли Мильке и Вольф. Министр вручил Кристель букет красных роз. Они были награждены высшим в ГДР орденом Карла Маркса.

Им выделили виллу, но пожить вместе им не удалось. Вернувшись домой, супруги Гийом расстались. Брак их разрушился еще до ареста. Сын Гийомов вообще не желал жить в ГДР. Пьера устроили в школу для партийного начальства. Но там он чувствовал себя чужим. Он вроде хотел стать фотографом. Ему за казенный счет купили фотооборудование и устроили в хороший журнал. Пьер стал встречаться с дочерью офицера разведки. Только в МГБ расслабились, как они оба подали заявление на выезд в ФРГ.

Гюнтер Гийом получил погоны подполковника. Рассчитывал на работу в Главном управлении разведки, но назад его не взяли. У него было плохое здоровье. Гюнтер преподавал в разведшколе. Женился на медсестре Эльке, которая была на 20 лет моложе его. До крушения ГДР наслаждался ролью героя. После объединения Германии старался не привлекать к себе внимания. Он умер в середине 1995 года. Ни первая жена Кристель, ни его сын Пьер на похороны не пришли.

Кристель Гийом работала в МГБ, потом получила пенсию. За отсидку в западногерманской тюрьме власти ГДР приплачивали ей к пенсии примерно 70 долларов в месяц. После объединения Германии правительство ФРГ отказало ей в надбавке.

ХОНЕККЕР СМЕНЯЕТ УЛЬБРИХТА

Взаимное признание позволило обеим Германиям вступить в Организацию Объединенных Наций. Занимая свои места в зале заседаний, осенью 1973 года восточногерманский министр Отто Винцер и западногерманский Вальтер Шеель пожали друг другу руки. Маркус Вольф получил возможность отправить своих людей в Нью-Йорк в штат постоянного представительства ГДР при ООН.

А у Советского Союза возникла новая головная боль. Столько лет Москва добивалась международного признания ГДР, а теперь советские руководители стали опасаться сближения двух Германий!

Советские теоретики доказывали, что в ГДР складывается новая социалистическая немецкая нация, поэтому вопрос об объединении Германии снимается с повестки дня. Но в Восточной Германии так не считали. В Москве забеспокоились: а ну как национальные чувства восточных немцев возьмут верх и Бонн с Берлином объединятся? Тем более что в Восточном Берлине происходили большие перемены. Молодые члены ЦК пожелали убрать Вальтера Ульбрихта, который управлял Восточной Германией с 1945 года.

«Вальтер Ульбрихт произвел на меня впечатление усталого и больного человека, — отметил Владимир Семенов в дневнике в марте 1966 года. — Он, кажется, уходит от руководства, хотя и не хочет признавать этого. Он быстро согласился с нашими соображениями, но когда стал говорить об оценке текущего момента, то обнаружил и слабую осведомленность, и застарелую привычку импровизировать в политике».

Ульбрихт серьезно болел. Врачи настаивали на том, чтобы его рабочий день сократился до двух-трех часов. Но все ключевые решения принимал он один, поэтому государственная машина почти остановилась. Более молодых чиновников это злило. Они жаждали перемен, считая, что смена руководителя страны откроет им дорогу наверх.

Вальтер Ульбрихт в силу болезненного состояния выпустил из рук рычаги управления партийным аппаратом, который перешел под контроль второго секретаря ЦК Эриха Хонеккера. Он решил, что Ульбрихт ему больше не нужен.

«Старик Ульбрихт, — вспоминал Юлий Квицинский, — который совсем недавно вывел Хонеккера из бравого руководителя Союза свободной немецкой молодежи в синей блузе и кожаных штанах в политические деятели, явно проглядел бурный рост амбиций своего питомца. Вокруг Хонеккера

сложилась многочисленная группа членов политбюро и секретарей ЦК, которая всё более настойчиво подвергала Ульбрихта критике и требовала его ухода в отставку».

У Эриха Хонеккера была репутация отважного борца с нацизмом, сидевшего в концлагере. Он дружил с товарищами по Союзу свободной немецкой молодежи и продвигал их на все посты. Он был прост, любил охотиться, петь старые песни немецкого рабочего движения, по вечерам играл в скат, выпивал в клубе дачного поселка Вандлиц кружку пива или рюмку чего-нибудь покрепче.

«Имел разговор с Хонеккером по тактическим вопросам, — записал в дневнике заместитель министра Владимир Семенов. — Он произвел впечатление зрелого и что-то про себя обдумывающего паренька. Держался откровенно и прямо. Рукаст. Вечером в посольстве мы сильно подвыпили. Я старался высказать ему мысль, что мы имеем на него надежду. Он слушал, поддакивал. Силен ли он? Штоф неуловим, не то более ограничен, не то менее влиятелен, но тоже старается показать себя с хорошей стороны. В ГДР что-то назревает».

Примерно год ушел на интриги с деятельным участием Леонида Ильича Брежнева и председателя КГБ Юрия Владимировича Андропова. Ключевую роль сыграл советский посол в ГДР Петр Андреевич Абрасимов.

В годы войны он был близким помощником начальника штаба партизанского движения Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко. После войны — секретарем ЦК компартии Белоруссии. На дипломатической работе он оказался, потому что руководитель ГДР настойчиво просил сменить советского посла Первухина.

Петр Абрасимов был первым секретарем Смоленского обкома. Его срочно вызвали в ЦК. Приехал в столицу на машине. В приемной просидел около трех часов. Наконец его вызвали на заседание президиума ЦК. Он предполагал, что речь пойдет о новой работе. Но назначение оказалось совсем уж неожиданным.

Хрущев ходил вдоль стола и рассуждал:

— У Первухина в Берлине не всё получается. Пошлем в Берлин Абрасимова.

«Абрасимову, — вспоминал работавший в Берлине Юлий Квицинский, — было пятьдесят лет, он был в расцвете сил и энергии и был человеком, который быстро шел в гору. Вопросы решал быстро и напористо… Активность в работе он всячески поощрял, хотя был очень строг и требователен, а иногда и непредсказуем в своих решениях и поступках. Со временем я начал понимать, что, имея за плечами огромный опыт партийно-

аппаратной работы, он „вычисляет“ зачастую такие возможные коварные замыслы и ходы у других, до каких мне сразу было бы и не додуматься».

В декабре 1962 года Петр Андреевич прибыл в Берлин принимать дела. Вальтер Ульбрихт поинтересовался у нового посла, как ему нравится аппарат посольства. Абрасимов насторожился:

— У вас к кому-то есть претензии?

— Нет, — с некоторой ленью в голосе ответил Ульбрихт. — Просто когда приходишь на новое место, лучше всего сменить сразу весь аппарат. Надежнее, когда вокруг только люди, вами подобранные и обязанные всем лично вам. Я всегда так поступал…

«Властолюбивый и коварный в отношении своих подчиненных, — таким запомнил Абрасимова дипломат Александр Богомолов, — но подхалим по отношению к тем, кто в то время стоял выше его на иерархической лестнице».

Посол Абрасимов был сторонником смены руководства в Восточном Берлине. Возможно, полагал, что новый человек, обязанный ему своим возвышением, будет в большей степени поддаваться влиянию, чем старый догматик Ульбрихт.

Абрасимова называли помесью интеллигента и бульдозера. В Берлине его персона стала вызывать отторжение едва ли не с момента приезда. Посла обвиняли в высокомерии, пренебрежительном отношении к руководителям Восточной Германии, злоупотреблении служебным положением. Абрасимов звонил по правительственному телефону главе правительства ГДР по всякому пустяку, даже если речь касалась покраски забора. Из иностранных языков он знал только польский — как выходец из Белоруссии. Но любил произнести какую-нибудь фразу по-немецки, которую заранее выучил.

С присущей ему энергией Абрасимов взялся за дело. Руководитель представительства КГБ в ГДР Иван Анисимович Фадейкин и его заместитель Василий Романович Ситников тоже считали, что Ульбрихту пора уходить. Подготовили для Андропова развернутую записку.

За право стать наследником конкурировали Штоф и Хонеккер. В Москве выбирали, кого поддержать. Владимир Семенов записал в дневнике: «Сегодня вернулся из Берлина. Имел встречу с Ульбрихтом. Он ко мне относился с каким-то резервом, хотя и спрашивал мнение. Он чувствует, что у меня свое понимание германских дел, иное, нежели у него, и что я во многом оказываю влияние на наши взгляды и действия в этом вопросе. Такое чувство, что он с удовольствием вцепился бы в

меня, но я не даю ему повода и держусь хитро, ускользающе, настороженно, но думаю свое… Он националист, причем довольно опасного свойства». Семенов не верил Ульбрихту. Еще в 1952 году, вспоминал Семенов, «Ульбрихт дал указание по партии сверху донизу записывать все разговоры с советскими работниками и докладывать в ЦК — чем интересовались, что спрашивали, что отвечали».

В кабинете генерала Чуйкова состоялся острый разговор. Семенов сказал, что подобные установки ведут к взаимному недоверию и антисоветским настроениям:

— Мне такая позиция кажется пронизанной национализмом.

— Грубо сказано, — отреагировал Ульбрихт.

— Говорю, что думаю, — отрезал Семенов.

О национализме Ульбрихта Владимир Семенов предупредил Сталина. Но вождь отверг все сомнения:

— Ульбрихт — верный и последовательный коммунист. Он настоящий друг Советского Союза. Но ему надо помогать теоретически по части идеологии. Вы обратили внимание, у него кулак, когда он лежит на столе, больше головы. Старайтесь всячески помогать ему…

Однако Семенов остался при своем мнении. Советские разведчики установили, что Ульбрихт втайне от них поддерживает отношения с Бонном.

Каналом связи с ФРГ был «неофициальный сотрудник» Вольфа — Герман фон Берг (оперативный псевдоним Гюнтер). Он работал в ведомстве печати Совета министров ГДР. Западные немцы приписывали ему более важную роль — чуть ли не советника главы правительства Вилли Штофа. Но Берг не имел полномочий для ведения переговоров. Через него Ульбрихт передавал конфиденциальные письма деятелям ФРГ. Например, в феврале 1969 года обещал выдать на Пасху пропуска западным берлинцам для посещения Восточного Берлина, если процедура избрания федерального президента не состоится в Западном Берлине.

В ГДР Германа фон Берга недооценивали.

В последнем номере журнала «Шпигель» за 1977 год был опубликован материал, потрясший руководство ГДР, — «Манифест Союза демократических коммунистов Восточной Германии». Номер поступил в продажу 31 декабря. Сотрудникам представительства КГБ СССР новогоднюю ночь пришлось провести в своих кабинетах — Москва требовала срочно перевести и прислать текст. Все гадали: кто же входит в этот союз, о существовании которого никто не знал? Кто написал и передал манифест на Запад? А в 1978 году «Шпигель» поместил

серию статей, в которых излагались реальные подробности жизни руководства ГДР. Эрих Мильке требовал от подчиненных найти источник информации. Он заподозрил Маркуса Вольфа. Отношения министра и его заместителя испортились. А это был, как выяснится позже, Герман фон Берг.

Брежневу не понравилось, что Ульбрихт задумался о самостоятельной политике в отношении ФРГ. Когда второй человек в ГДР Эрих Хонеккер прилетел к Брежневу жаловаться на Ульбрихта, Леонид Ильич выразился вполне определенно:

— Эрих, у вас стоят наши войска, никогда не забывай об этом. Без нас не было бы ГДР.

Хонеккер летом 1970 года стал дистанцироваться от Ульбрихта, чье физическое состояние заметно ухудшилось.

Лишь немногие поддерживали Ульбрихта. В частности, его советник по международным делам Герхарт Кегель. Убежденный антифашист и давний агент советской разведки, он в 1941 году работал в германском посольстве в Москве и назвал чекистам точную дату начала войны… Остальных аппаратчиков смущало намерение Ульбрихта изменить характер отношений с другой Германией.

После приема в советском посольстве задержались несколько членов политбюро, включая Вилли Штофа и Эриха Хонеккера. Абрасимов пригласил всех в курительный салон. Зашел откровенный разговор о том, что по состоянию здоровья Ульбрихту пора уходить. Петр Андреевич неожиданно обратился к Штофу:

— А кто, по вашему мнению, мог бы занять этот пост?

Отступать было некуда, вспоминал Абрасимов, Вилли Штоф не мог назвать себя. Сделав над собой усилие, глава правительства произнес:

— Я думаю… товарищ Хонеккер.

Воцарилась тишина. Советский посол обратился к другому члену политбюро, который, по сведениям, поддерживал Штофа.

— Я согласен с предложением товарища Штофа, — кивнул тот.

Но в Москве не все хотели перемен. Излишняя активность посла тоже смущала.

«Над головой Абрасимова сгущались тучи, — вспоминал Квицинский. — Дела его были очень плохи. К такому заключению я пришел после того, как однажды очень осторожный в кадровых делах Громыко вдруг в моем присутствии сказал, что он, видимо, ошибся в Абрасимове как в человеке и коммунисте. Вместо осуществления линии ЦК КПСС в ГДР он занялся совершенно неуместными интригами, и за это ему придется отвечать».

Андропов вызвал для доклада руководителя представительства КГБ в ГДР генерал-лейтенанта Фадейкина.

Хонеккер представлял не группу коминтерновцев, а тех, кто прошел через фашистские концлагеря. Его поддерживали более молодые руководители ГДР, менее преданные Москве и ориентированные на свою страну. Но Эрих Хонеккер приложил немало сил, чтобы завоевать поддержку советского политбюро. Открывая памятник Карлу Марксу, Хонеккер говорил:

— Этот монумент символизирует нерушимую дружбу между народом ГДР и народами необъятного Советского Союза.

Когда Хонеккер занимался устранением Ульбрихта, его доверенные лица летали в Москву на военных самолетах Группы советских войск в Германии. В конце концов он добился своего. В Москве сочли, что оставлять у власти Ульбрихта бессмысленно.

«Решающая схватка между Ульбрихтом и Хонеккером, — рассказывал генерал Маркус Вольф, — произошла во время беседы с глазу на глаз в летней резиденции генерального секретаря. Хонеккер приказал охране сопровождать его. Сотрудников Главного управления охраны удивил необычный приказ — на встречу друзей взять с собой не только обычное оружие, но и автоматы.

Прибыв к резиденции Ульбрихта, Хонеккер вызвал начальника охраны. Сославшись на свои полномочия секретаря ЦК, отвечающего за вопросы безопасности, приказал перекрыть все входы и выходы и прервать связь. Хонеккер казался исполненным решимости арестовать своего „приемного отца“, если тот отказался бы выполнить его требования. Так далеко дело не зашло. После жесткой полуторачасовой дискуссии Ульбрихт, покинутый Москвой и большинством членов политбюро, сдался. Написал заявление в адрес ЦК с просьбой об отставке».

«В развитии Восточной Германии начался новый этап, — писал Александр Богомолов, который из МИДа перешел в аппарат ЦК КПСС. — В социалистической ГДР дела шли всё хуже и хуже».

А что же Эрих Мильке? Считалось, что министр госбезопасности предан Ульбрихту. Пока Ульбрихт был руководителем партии, Мильке второму секретарю ЦК Хонеккеру ничего не докладывал. Министр вообще долгое время скептически относился к Хонеккеру, себя считал более значительным деятелем рабочего движения. А жену Хонеккера просто ненавидел.

Маркус Вольф знал, что с первого дня работы в Министерстве госбезопасности Мильке собирал материалы на всех членов политбюро. Много лет исподволь старался выяснить, при каких обстоятельствах арестованный нацистами Хонеккер умудрился

бежать из тюрьмы. Не был ли побег инсценированным и не согласился ли молодой Эрих Хонеккер стать осведомителем гестапо в обмен на свободу?

Кто-то считал, что Мильке так долго занимал свой пост, поскольку все боялись его разоблачений. Но в тоталитарной системе абсолютная власть принадлежала первому человеку. Как Мильке мог бы воспользоваться своими документами? Произнести разоблачительную речь в парламенте или дать интервью корреспондентам свободной прессы? Смешно. Выступить на пленуме ЦК СЕПГ? Это было бы воспринято не как стремление к исторической справедливости, а как попытка дворцового переворота. Она могла удаться только в том случае, если бы другие влиятельные члены ЦК ополчились на Хонеккера. Но они, напротив, хотели сместить опостылевшего всем Вальтера Ульбрихта. А Эрих Мильке был служакой, который предан хозяину — пока тот не поменяется.

Третьего мая 1971 года на XIV пленуме ЦК Вальтер Ульбрихт покорно попросил освободить его от обязанностей первого секретаря:

— Мой возраст и моя ответственность перед Центральным комитетом, перед партией и народом не позволяют мне далее заниматься столь напряженной деятельностью. Пришло время передать эти функции в более молодые руки.

На VIII съезде в июне 1971 года Хонеккера избрали генеральным секретарем, Ульбрихта — почетным председателем партии.

Имя Ульбрихта, главы государства, исчезло с газетных полос. «Несколько раз, — вспоминал тогдашний заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК СЕПГ Ханс Модров, — мне звонила Лотта Ульбрихт, чтобы через меня добиться разрешения на публикацию сообщений, касающихся ее мужа. Решение принимал сам Хонеккер».

Отметив свое 80-летие, через два года, 1 августа 1973 года, Ульбрихт умер. Похороны ему устроили пышные — на мемориальном кладбище борцов-социалистов в берлинском районе Фридрихсфельде. Его вдова Лотта Ульбрихт дожила до 98 лет. После исчезновения ГДР — уже в преклонном возрасте — она состояла в Партии демократического социализма. Лотту похоронили 18 апреля 2002 года на кладбище берлинского района Вайсензее…

По случаю смены власти Эрих Мильке получил повышение — его сделали кандидатом в члены политбюро, полноправным членом политбюро он стал в 1976 году. Когда Хонеккер стал первым человеком в партии и на торжественных мероприятиях в

узком кругу надо было произносить тост в его честь, Мильке первое время имя опускал, говорил просто:

— Выпьем за нашего генерального секретаря.

Но когда генсек встречался с коллегией Министерства госбезопасности, отмечал Вольф, Эрих Мильке торжественно провозглашал:

— Дорогие товарищи, нашему генеральному секретарю — троекратное ура, ура, ура!

Потом Мильке привык и верно служил новому хозяину (впрочем, продолжал ненавидеть его жену Маргот Хонеккер), а тот знал, чем порадовать министра.

— Высоко оценивая ваши заслуги в создании и развитии ГДР, в укреплении ее государственной безопасности, я с большим удовлетворением вручаю вам эту высокую награду, — говорил Хонеккер, награждая министра орденом Карла Маркса.

Каждый вторник после обеда на втором этаже мрачноватого облицованного мрамором здания ЦК Социалистической единой партии Германии в Восточном Берлине встречались два пожилых человека — Эрих Хонеккер, генеральный секретарь ЦК СЕПГ и председатель Государственного совета ГДР, и генерал армии Эрих Мильке, член политбюро и министр госбезопасности. После заседания политбюро они всегда оставались вдвоем, чтобы обсудить наиболее секретные и щекотливые проблемы. Беседа проходила за тройным кордоном охраны — первая охраняла подъездные пути к зданию, вторая — вход в ЦК, третья — этаж, на котором находились кабинеты руководителей партии.

В жизни Маркуса Вольфа тоже происходили перемены. В марте 1976 года Маркус Вольф, который развелся с Эмми, женился на Кристе Хайнрих из Карл-Маркс-Штадта. Она тоже служила в МГБ.

Некоторое время советский посол сохранял влияние на нового генерального секретаря. В выходные дни Абрасимов приезжал к Хонеккеру в Вандлиц.

Двадцать три семьи высших руководителей страны обосновались в дачном поселке Вандлиц за бетонной стеной. Генеральный секретарь Эрих Хонеккер занимал виллу № 5, министр госбезопасности Эрих Мильке — № 1. Двухэтажная вилла генсека была обнесена высоким забором, не видным с шоссе. Хонеккер сам открывал гостям калитку, его жена Маргот радушно угощала их чаем.

Охрану и обслуживание поселка осуществляло Министерство госбезопасности. На публике члены политбюро представляли себя пламенными марксистами. На партийных съездах вдохновенно пели «Интернационал», клялись в верности идеям и идеалам. В

частной жизни ни в чем себе не отказывали. Сознание своей особости заставляло их держаться вместе. По вечерам они встречались в клубе, выпивали и играли в карты.

Став генеральным секретарем, Хонеккер изменился. Бросил курить и отказался от алкоголя. Он боялся подхватить инфекцию и после каждого приема гостей старательно мыл руки. От былой демократичности не осталось и следа. Эриха обслуживал камердинер, его жену Маргот — горничная. Слугам отношения между супругами казались лишенными тепла. Хонеккер вообще был эмоционально холодным человеком. Как и Брежнев, выходные проводил на охоте.

А генерала Фадейкина в 1974 году отозвали в Москву, дали должность пониже. Генерал Борис Васильевич Гераскин, служивший заместителем начальника управления особых отделов Группы войск в Германии, вспоминал, что с Мильке генерал-лейтенант Фадейкин был на «ты», называл его «Эрих». Наверное, министру это не очень нравилось.

МИНИСТЕРСТВО ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

МГБ занимало в Берлине целый квартал на Норманенштрассе. В общей сложности 16 серого цвета зданий. После того как ГДР исчезла с политической карты мира, в бывшем ведомстве Эриха Мильке открыли музей. Я долго ходил по этим серым и тусклым зданиям. Низкие потолки, дешевый линолеум на полу, стандартная мебель из старой жизни. Стены из звукопоглощающего материала. Окна без форточек. Тоскливое место.

В кабинет Мильке можно было проникнуть прямо из коридора или через небольшую комнату секретариата. Он сам строил это здание для своего министерства. И почти 30 лет сидел в кресле, оставленном в неприкосновенности, как и всё в его кабинете. Кондиционер отсутствовал, поэтому летом было жарко. Зашторенные окна не помогали.

На столе посмертная маска Ленина из светло-желтого дерева. За креслом огромный сейф. В стенку вмонтированы радиоприемник и катушечный магнитофон. Два телефонных аппарата. И большой телефонный пульт с трубкой. На пульте множество кнопок с указанием не фамилий, а управлений и отделов министерства, с которыми Мильке мог связаться напрямую.

Стол для заседаний в узком составе — для десяти человек. Отдельно — небольшой журнальный столик и вокруг него пять кресел.

Дверь из кабинета ведет в анфиладу комнат отдыха. В одной — кровать, накрытая одеялом. Вдали ванная. В комнате отдыха фигурки из пластилина — подарок детского дома имени Рихарда Зорге.

Эрих Мильке только завтракал в кругу семьи. Весь день до позднего вечера проводил в министерстве. За утренней чашкой кофе министр государственной безопасности ГДР читал западногерманские газеты и иллюстрированные журналы. Это была одна из привилегий его высокого поста. Остальным восточным немцам не дозволялось читать реакционную западную прессу.

Читая, Мильке часто повторял:

— Удивительно, как много они знают о нас, черт возьми!

За обедом в министерской столовой он время от времени обращался к своим подчиненным:

— Вы уже читали статью в последнем номере «Шпигеля»? Вам надо прочесть. Очень интересно!

Сын министра Франк тоже полистал бы западный журнальчик, но не решался попросить разрешения. Для отца это была работа, для него развлечение. Франк Мильке был настоящим немецким сыном. Он не хотел ставить отца в неудобное положение.

Мильке-старший называл сына на русский манер уменьшительно-ласкательно Франкушка. Но не баловал. Эрих Мильке был фанатиком чистоты. Требовал, чтобы дом содержался в образцовом порядке. Неустанно наставлял сына:

— Уход за полостью рта, чистая обувь — вот что необходимо мужчине. Костюм повесить на плечики, на брюках должны быть стрелки, рубашки складывать точно по сгибу.

Указания отца выполнялись беспрекословно. Пятно, соринка, ниточка на рукаве или небрежно повязанный галстук, вообще любая неаккуратность выводили Эриха Мильке из себя. За столом он постоянно командовал:

— Смотри не капни! Осторожнее! Не попади локтем в суп, когда передаешь хлеб.

В стаканчике на его письменном столе стояли только хорошо отточенные карандаши. Когда Франк из озорства поставил среди них один незаточенный, отец брезгливо укорил жену:

— А этот как сюда попал?

Это был настоящий немецкий дом, где во всем должен быть порядок. Отношение отца к сыну зависело от успехов Мильке-младшего — сначала в школе, затем в институте. Любое поощрение, доброе слово, несколько марок на карманные расходы — только в качестве вознаграждения за хорошие оценки и одобрение учителей. Лишних денег Мильке сыну не давал, призывал домочадцев к скромности.

Каково же было удивление восточных немцев, когда после крушения ГДР на личном счете уже бывшего министра госбезопасности оказалось ни много ни мало 750 тысяч марок — невиданная по тем временам сумма.

Франк Мильке, очень похожий на отца, стал врачом-терапевтом и был принят в кадры госбезопасности.

— Хочешь быть врачом? — поинтересовался Мильке планами сына, заканчивавшего школу. — Приходи к нам. Нам нужны хорошие врачи, надо заботиться о товарищах.

Мильке то и дело повторял сыну:

— Только если ты чего-то достигнешь, ты будешь иметь право на особое место в обществе. Но самое главное — учись! Я вырос в капиталистической системе и всё равно учился. И мне это, как

видишь, не повредило.

Франк Мильке быстро дослужился до майора и благодаря погонам, которые никогда не носил (форму он надевал в исключительных случаях), получал значительно больше денег, чем любой другой врач в ГДР. Обязательную для всех молодых немцев срочную службу в армии он проходил в охранном полку имени Феликса Дзержинского, который подчинялся его отцу.

Министр Мильке гордился сыном. Франк стал чемпионом ГДР по автогонкам. Он выступал на автомобилях марки «вартбург» и получал машины прямо с завода. Но автомобили были плохого качества. В одной из гонок три «вартбурга» не дошли до финиша. Франк был вне себя и пожаловался отцу:

— Почему у нас выбрасывают деньги на ветер? Как они умудряются делать такие машины, которые все ломаются?

Мильке приказал начальнику Семнадцатого управления Министерства госбезопасности, которое ведало народным хозяйством, разобраться с качеством автомобилей. Через месяц ему доложили, что на заводе действовала группа саботажников, ее руководители арестованы…

Когда я бродил по апартаментам министра, в кухне на плите дымилась кофеварка, пахло кофе, которым угощаются сотрудники музея. Но казалось, будто министр сейчас займет свое кресло, нажмет кнопки на телефонном пульте и вернется жизнь в МГБ, забе́гают офицеры госбезопасности по всем зданиям с сорванными потолками и обнажившимися коммуникациями.

По личным покоям министра ходили пришедшие на экскурсию молодые офицеры бундесвера. Для них Мильке, запечатленный на парадном портрете кисти Зураба Церетели, уже не враг номер один, не могущественный противник, а чучело орла. Видимо, это были офицеры разведывательного управления бундесвера, потому что мою съемочную группу попросили выключить камеру.

Большую комнату превратили в музей подарков министру. А есть еще и небольшой музей из атрибутов исчезнувшего министерства. Грамота о присвоении ордена Карла Маркса Двадцатому главному управлению, которое призвано было бороться с «враждебно-негативными силами» во всех сферах жизни, включая спорт и церковь. Ваза, подаренная охранному полку имени Феликса Дзержинского. Стенгазеты, вымпелы. Табличка «Отдел отличного порядка и чистоты». Почетный вымпел имени Рихарда Зорге, который вручался передовикам социалистического соревнования внутри министерства. Закон о государственной безопасности от 8 февраля 1950 года, подписанный президентом ГДР Вильгельмом Пиком.

Малахитовый сувенир, преподнесенный Девятнадцатому управлению МГБ ГДР от Четвертого управления КГБ СССР. Маленькая статуя Ленина. График подачи гражданами ГДР заявлений о выезде в Западную Германию. Больше всего уезжали из Дрездена, где могли смотреть западное телевидение, а также из Восточного Берлина и Карл-Маркс-Штадта (Хемниц). Меньше всего из Шверина, где преобладает крестьянское население.

Эрих Мильке обожал получать награды — как Брежнев. Его маленькую слабость в Москве поощряли, наградив в общей сложности шестью орденами Ленина.

Тогдашний начальник 4-го (немецкого) отдела внешней разведки рассказывал мне, что каждый приезд Мильке в Москву становился событием. Министр госбезопасности ГДР привозил целую телегу с колбасами и бочонками с пивом, устраивал роскошный прием в посольстве.

В аппарате КГБ загодя начиналась подготовка. Главный вопрос: что ему подарить? Смотрели, что дарили в предыдущие годы. Не дай бог повториться. Затем писались речи, тосты. Десятки вариантов писались и переписывались. Генерал армии Георгий Карпович Цинев, друг Брежнева, лично контролировал этот процесс.

Он с удовольствием ездил в ГДР. В Восточном Берлине было известно, каким влиянием пользовался этот человек. Немецкие чекисты знали, чем порадовать высокопоставленных советских гостей. Начальник Смоленского областного управления госбезопасности генерал Анатолий Ильич Шиверских вспоминал, как ездил с женой отдыхать в ГДР. Во Внуково пришел спецсамолет — только для дорогих гостей. В салоне сразу накрыли стол. В Берлине и других городах возили на двух машинах — с охраной.

Маркус Вольф, чтобы сделать приятное советским товарищам, неизменно произносил тост за 4-й отдел разведки:

— Это угольное ушко, через которое проходит всё сотрудничество МГБ ГДР и КГБ СССР!

Эрих Мильке в своей манере мог произнести такой тост:

— Ну что же, когда мне придется хоронить всех вас начиная с Вольфа, обещаю, что сам выберу хорошее место, позабочусь о том, чтобы оно было сухое.

Вольф знал, что можно ответить:

— Когда, товарищ министр, вы будете нас хоронить, я надеюсь, вы всё-таки найдете еще какие-то хорошие слова о нас…

К 80-летию Мильке получил золотую звезду Героя Советского Союза из рук Михаила Сергеевича Горбачева: «Отмечая активное участие в борьбе против фашизма, проявленное при этом

мужество и героизм, заслуги перед Советским государством в деле обеспечения безопасности и укрепления обороноспособности СССР, большой личный вклад в развитие отношений между СССР и ГДР и в связи с 80-летием присвоить члену Политбюро ЦК Социалистической единой партии Германии, министру государственной безопасности ГДР, генералу армии Эриху Мильке звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали „Золотая Звезда“».

Указ подписали председатель Президиума Верховного Совета СССР Андрей Андреевич Громыко и секретарь президиума Тенгиз Николаевич Ментешашвили. Накануне текст указа утвердили на Политбюро ЦК КПСС.

Когда Эриху Мильке вручали Золотую звезду, перестройка была в полном разгаре. Руководителям советского КГБ золотые звезды уже не полагались, но министра государственной безопасности братской ГДР уважили. Мильке нисколько не сомневался, что заслужил золотую звезду. Он вообще был уверен, что его все уважают и ценят. И в 80 лет он чувствовал себя бодрым и крепким. На приеме в представительстве КГБ в Берлине, как водится, подняли бокалы за его здоровье.

— Лучше выпейте за здоровье моих заместителей, а то они всё время болеют, — снисходительно бросил он.

Когда Мильке вручали звезду героя, ни в Москве, ни в Восточном Берлине никто не мог предположить, что всего через год он перестанет быть министром, потому что рухнет социалистическая ГДР. Самого его посадят на скамью подсудимых — почти через 60 лет после того, как он совершил двойное убийство.

Официальную биографию заслуженного коммуниста Эриха Мильке его сын Франк знал наизусть. Отцовские рассказы дополняли написанное в газетах: еще будучи учеником экспедиторской фирмы, юный Эрих Мильке пришел к коммунистам, работал репортером в центральной партийной газете «Роте фане», воевал в Испании, во время Второй мировой войны вместе с советскими солдатами участвовал в операциях за линией фронта, в 1945-м вернулся в Берлин с Советской армией…

Однажды Франк Мильке посмотрел документальный фильм по западноберлинскому телевидению и узнал, что в 1931 году его отец убил двух полицейских. Смущенно рассказал о фильме отцу. Тот резко ответил:

— Я не был тогда в Берлине.

Но в фильме говорилось, что состоялся суд и Эриху Мильке даже вынесли приговор. Министр отмахнулся:

— Им просто надо было меня скомпрометировать.

Мильке никогда не вспоминал об этой истории, детали которой были хорошо известны лишь покойному генеральному секретарю Вальтеру Ульбрихту. Даже новый генсек Эрих Хонеккер знал о подвиге Мильке лишь понаслышке.

Это произошло за два года до прихода нацистов к власти. На берлинской площади, где стоял Дом Карла Либкнехта — здание Центрального комитета компартии Германии, в начале августа 1931 года радикально настроенная толпа набросилась на полицейского. Он вытащил пистолет и стал стрелять — жестянщик Фриц Ауге, коммунист по убеждениям, был убит, еще один рабочий ранен в руку.

На другой улице тоже был убит рабочий. Противостояние между полицией и коммунистами переросло в ненависть. Полицейские получали письма с угрозами. Им кричали:

— Вы убийцы рабочих, но помните, что придет и ваша очередь. Вам отомстит Рот Фронт.

Рот Фронт, Союз борцов Красного фронта — нелегальная боевая организация компартии.

На следующий день после гибели жестянщика Фрица Ауге на стене седьмого полицейского участка ночью появилась надпись мелом: «За одного застреленного рабочего — двух полицейских».

Девятого августа в Берлине проходил плебисцит — голосовали за доверие социал-демократическому правительству Пруссии. Начальником седьмого участка столичной полиции был капитан полиции Пауль Анлауф, толстяк, которого все называли Свиной Щекой. В полдень он вместе с вахмистром Августом Виллигом по кличке Гусар объехал свой участок. Голосование шло спокойно.

Вечером капитан Пауль Анлауф решил еще раз осмотреть свой участок. Вместе с ними пошел капитан Франк Ленк. Перед Домом Либкнехта собралась толпа. За толпой наблюдала группа полицейских. Старший из них предложил капитану вызвать подкрепление и очистить площадь. Капитан не хотел с этим спешить и пошел проверить ситуацию по соседству, где ожидалось собрание членов компартии.

Анлауф шел в середине, справа от него Виллиг, слева — Ленк. Вдруг их окликнули:

— Эй, Гусар, Свиная Щека и третий, как там тебя?

Почувствовав неладное, вахмистр Виллиг схватился за пистолет, но поздно — в них начали стрелять. Капитан Анлауф получил пулю в голову, капитан Ленк — в спину. Он упал, потом поднялся, добрел до кинотеатра «Вавилон» и там рухнул. Ленк скончался в карете «скорой помощи».

Виллигу повезло — ему попали в колено. Он поднялся и выпустил всю обойму в каких-то людей. Уже в больнице обнаружились еще два ранения — в руку и в живот. Виллиг выжил.

Когда раздались выстрелы, полицейские, дежурившие возле Дома Либкнехта, решили, что это их обстреливают, и открыли ответный беспорядочный огонь. Люди, стоявшие на площади, в панике разбежались. В результате стрельбы погибли два человека и несколько десятков были ранены. Полицейские вызвали подкрепление и начали прочесывать соседние дома. Разогнали собрание коммунистов в музыкальном зале. Зрителей в кинотеатре «Вавилон» обыскали.

Пока полицейские искали убийц, — а мало кто сомневался, что это дело рук коммунистов, — в Доме Либкнехта редакторы центральной газеты коммунистов «Роте фане» готовили понедельничный номер.

Главный редактор Александр Абуш вспоминал: «Мы диктовали прямо наборщикам. Наборные машины стояли у больших окон. Занавесок не было. Я присел на корточки рядом со стулом наборщика, чтобы не стать прекрасно освещенной мишенью, и диктовал передовицу. Альберт Норден — тоже на корточках — диктовал статью об итогах плебисцита другому наборщику. Юрген Кучински и другие редакторы читали корректуру».

Работа над номером была прервана появлением полицейских. В пять утра они ворвались в здание, проверили документы всех присутствовавших и конфисковали материалы готовившегося номера, а также партийную картотеку. Это сыграет роковую роль в судьбе коммунистов, которые после прихода нацистов к власти в 1933 году уйдут в подполье. Картотека попадет в распоряжение гестапо, и коммунистов поймают одного за другим.

Убийство двух полицейских даже на фоне разгоревшегося в Германии накануне прихода нацистов к власти насилия было событием экстраординарным. Капитанов Анлауфа и Ленка хоронили при огромном стечении народа. Присутствовали министры внутренних дел Германии и Пруссии. Но на Бюловплац и в пролетарских районах над полицейскими почти открыто издевались.

Одна партия немедленно извлекла пользу из двойного убийства. «Если бы национального социализма не было, то большевистская волна давно накрыла бы Германию», — писала нацистская газета «Ангриф», главным редактором которой являлся доктор Йозеф Геббельс.

Двадцатого января 1933 года судьба Германии оказалась в

руках национальных социалистов. Началась охота на коммунистов. Полиция получила указание вернуться к нераскрытому делу об убийстве на Бюлов-плац. У следствия нашлась только одна зацепка. В тот вечер, когда произошло убийство, полицейские обнаружили в дождевой бочке кучера Макса Тунерта. Его допросили. Он утверждал, что спрятался, испугавшись стрельбы. Кучер был пьяницей и забиякой, но в Веймарской республике этого было недостаточно, для того чтобы сажать человека в тюрьму. Его отпустили.

А 21 марта 1933 года Тунерта арестовали и посадили. Теперь полицейские действовали в духе национально-социалистических идей, и кучер заговорил. Он признался, что участвовал в убийстве полицейских, но сам не стрелял. И назвал одно имя — Макс Матерн.

Когда Матерна арестовали, он всё рассказал. Последовали новые аресты. К сентябрю дело было раскрыто. Организатором убийства был бывший депутат рейхстага от компартии Ханс Киппенбергер. Приказ убить полицейских отдал секретарь ЦК Хайнц Нойман, в то время второй человек в компартии после Эрнста Тельмана.

Впоследствии это подтвердила изданная в ГДР официальная «История немецкого рабочего движения», где говорилось: «Враждебное партии действие совершил Хайнц Нойман, когда он совместно с Хансом Киппенбергером организовал убийство двух полицейских. Хайнц Нойман действовал за спиной руководства партии и Берлинского окружного комитета. Сославшись на то, что он секретарь ЦК, он приказал таким образом запугать полицию».

С начала экономического кризиса 1929 года коммунисты Германии были убеждены, что страна находится накануне революции и поэтому партии нужно готовиться к боевым действиям.

Тайный военный аппарат партии возглавил Ханс Киппенбергер. Во время Первой мировой войны он служил в кайзеровской армии лейтенантом. В 1920 году вступил в компартию, а в 1923-м руководил рабочим восстанием в Гамбурге. После провала восстания бежал в Советский Союз, прошел там курс военной подготовки в школе Коминтерна и вернулся в Германию. В 1928 году его избрали в рейхстаг, и он стал пользоваться депутатской неприкосновенностью.

Хансу Киппенбергеру подчинялся Союз красных фронтовиков, который должен был стать прообразом будущей революционной армии. У компартии были и другие боевые организации, которые несли дежурство, охраняли партийные объекты и митинги. Но все они уступали штурмовым отрядам нацистов и, естественно, не

могли противостоять полиции. Такие люди, как Хайнц Нойман, не желали с этим мириться.

Второй секретарь ЦК компартии Германии Хайнц Нойман, бывший студент-филолог, сидя в тюрьме, выучил русский. В 1922 году он в составе партийной делегации поехал в Москву и разговаривал с советскими лидерами без переводчика. На него обратили внимание, в 1925 году назначили представителем компартии Германии в Коминтерне. В 1927 году Москва отправила Ноймана в Китай, где он участвовал в организации Кантонского восстания, которое было подавлено. В 1928 году он вернулся в Германию — уже в качестве человека, пользующегося доверием самого Сталина.

Хайнц Нойман ненавидел полицию. Всё началось в мае 1929 года, когда во время несанкционированных митингов и демонстраций полицейские застрелили 33 и ранили 108 человек. Полицейские без колебаний пускали в ход оружие. Расследование всякий раз проводилось весьма поверхностно. Немцы видели в полицейских не представителей власти, а врагов.

Компартия считала себя мощной организацией, но ничего не могла сделать с полицией.

Двадцать девятого мая 1931 года был открыт ответный счет: полицейский вахмистр получил смертельное ранение в живот. В тот же день ранили еще двоих полицейских. 1 августа во время запрещенной демонстрации берлинской организации КПГ, когда полицейские взялись за оружие, в них тоже стали стрелять. Один старший вахмистр был тяжело ранен, но выжил.

Когда был застрелен жестянщик Ауге, Ханс Киппенбергер решил, что начальник седьмого участка капитан полиции Анлауф заплатит своей кровью за смерть коммуниста. Он разработал план операции: два добровольца, по возможности неженатых, берут на себя акцию. Прикрывают их пятеро вооруженных членов партии. А еще восемь невооруженных человек помешают полицейским устроить погоню.

На роль стрелков выбрали 24-летнего техника Эриха Циммера и 23-летнего служащего Эриха Мильке.

Мильке родился 28 декабря 1907 года в Берлине, он был старшим из четверых детей в семье неграмотного плотника. Эрих получил бесплатное место в гимназии благодаря успешно сданным экзаменам. Но через год, в 1924 году, ушел из гимназии «по собственному желанию, поскольку не по всем предметам соответствовал высоким требованиям школы». Он поступил учеником в экспедиторскую фирму. В 1925 году стал членом компартии и одновременно вступил в спортивный рабочий клуб «Фихте». В спортивных клубах компартия и подбирала себе

боевые кадры.

С апреля 1930 года в клубе «Фихте» начали заниматься военной подготовкой, его члены участвовали в стычках с полицией и нацистскими штурмовиками. Когда Мильке в начале 1931 года остался без работы, он сотрудничал с партийной газетой «Роте Фане». Ее главный редактор Александр Абуш писал в своих воспоминаниях: «Я познакомился с рабочим пареньком с истинно берлинским юмором и удивительно образованным. Я узнал из разговора с ним, что он очень любит музыку и знает почти все оперы».

В воскресенье 9 августа 1931 года в заднем помещении пивной руководитель операции инструктировал Циммера и Мильке. Он спросил, готовы ли они выполнить свой долг. Оба ответили утвердительно. Но непосредственный руководитель группы никак не мог выбрать подходящий момент. В половине шестого вечера его вызвали в Дом Либкнехта к секретарю ЦК Нойману.

— Что за безобразие! — злился Нойман. — Свиная Щека разгуливает по площади, но ничего не происходит. Если бы я поручил это дело Союзу красных фронтовиков, они бы уже давно всё сделали!

В кабинете Ноймана присутствовали еще трое: Ханс Киппенбергер, Альберт Кунц — секретарь парторганизации округа Берлин — Бранденбург и его коллега Вальтер Ульбрихт — будущий глава ГДР.

Через два часа полицейские были убиты.

Берлинский суд разбирал это дело в 1934 году и признал, что стреляли Циммер и Мильке. Вероятно, стрелял и еще кто-то третий, но точно это установить не удалось. Оружие стрелявшие бросили и скрылись.

Ханс Киппенбергер бежал в СССР в 1933 году. Какое-то время он работал на Коминтерн в Западной Европе, в 1935-м его отозвали в Москву. Арестовали и обвинили в шпионаже в пользу Германии. Расстреляли 3 октября 1937 года. Как и Хайнца Ноймана.

Мильке и Циммера сразу после акции отвезли в Антверпен, посадили на борт советского торгового судна и отправили в Ленинград. Они прошли курс подготовки в школе Коминтерна в подмосковной Баковке, потом учились в Международной ленинской школе. Обоих решением Исполкома Коминтерна послали в Испанию участвовать в гражданской войне. Эрих Циммер, назначенный комиссаром танкового полка, погиб там в октябре 1937-го. Это выяснил доктор исторических наук Иван Кузьмин, автор единственной на русском языке биографии Эриха

Мильке.

НЕМНОГО СЕКСА В ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ

Когда Габриэле Гаст посадят на скамью подсудимых и обвинители расскажут подлинную историю ее жизни, она будет часто вспоминать о том, как всё это началось.

На суде рядом с ней посадят человека, которого она преданно любила 20 лет. Можно даже сказать, что все эти 20 лет она жила только ради этой любви. И на скамью подсудимых она тоже попала из-за него.

У них был совершенно необычный роман. Виделись они очень редко. Обычно раз в году, когда им предоставлялась возможность провести вместе отпуск. Причем им приходилось искать укромные места, чтобы никто не увидел их вместе.

Габриэле Гаст училась в городе Аахене в Высшей технической школе. Политологию там преподавал профессор Клаус Менерт, самый известный западногерманский специалист по Советскому Союзу и социалистическим странам. Он был главным редактором журнала «Восточная Европа» и одним из руководителей Немецкого общества по изучению Восточной Европы. Профессора часто приглашали выступить по телевидению, и его лицо было знакомо всем западным немцам.

Бóльшая часть его студентов с удовольствием проводила время на демонстрациях и митингах: протестовали против войны во Вьетнаме, против присутствия американских войск на территории ФРГ и против западногерманского милитаризма. Молодые немки быстро эмансипировались, политически и профессионально.

Габриэле Гаст выросла в благополучной семье. Хотя Габриэле училась в Высшей технической школе, она еще не решила, кем ей хочется быть — домохозяйкой или самостоятельной деловой женщиной. Девушка держалась в стороне от радикальных сокурсников. Она еще только вступила на новый путь, достойный современной немки, и, преодолевая себя, шла от образцовой домохозяйки к интеллектуальной женщине.

Друзья звали ее Габи. Она любила шить и вязать, хорошо готовила и некоторое время всерьез подумывала, не стать ли ей преподавательницей домоводства. Вечерами читала Гельдерлина и Стефана Цвейга, играла на пианино Шуберта, Шумана и Шопена.

Профессору Менерту нравилась эта серьезная девушка, которая действительно интересовалась наукой. Ему нужны были

помощники и единомышленники. Как и профессор, она придерживалась консервативных взглядов и вступила в Христианско-демократический союз. Когда Габриэле заканчивала курс, профессор Менерт предложил ей неожиданную тему для докторской диссертации — «Политическая роль женщины в ГДР». Габриэле понравилось это предложение.

— У меня есть родственники в восточной зоне, — сказала она. — К Рождеству мои родители посылают им продуктовые посылки и зажигают свечи на подоконнике за братьев и сестер в советской оккупационной зоне. Родственники живут в Лейпциге. Я могу поехать к ним.

— Не в восточной зоне, а в Германской Демократической Республике, — поправил ее Менерт. — Привыкайте относиться к ГДР не как к временному образованию, а как к государству, которое будет существовать очень долго.

Родственники быстро прислали приглашение, и в начале мая 1968 года Габриэле приехала в ГДР с чемоданом подарков. Встретили ее доброжелательно.

— Мы предоставим вам полную возможность побеседовать с нашими передовыми женщинами, и вы сами всё увидите, — сказали ей в ректорате Лейпцигского университета.

Габриэле ходила по книжным магазинам и скупала партийную литературу (в основном переводы с русского) о роли женщины при социализме. Ее приглашали на встречи с женщинами — депутатами городского собрания и профсоюзными активистками. Иногда посмотреть на аспирантку из Западной Германии приходили и посторонние люди. Габриэле обратила внимание на одного постоянного слушателя. Он всякий раз садился где-то в заднем ряду и внимательно следил за дискуссией, но сам никогда не выступал и даже вопросов не задавал.

Коренастый, приземистый, с коротко стриженными русыми волосами, всегда в коричневом костюме, он заинтересовал Габриэле. Чисто по-женски она почувствовала, что этот человек приходит вовсе не ради политических дискуссий, а ради нее.

На следующий день, после того как Габриэле обратила внимание на таинственного поклонника, за ней утром без предупреждения заехали на машине из университета и, не дав толком собраться, увезли на внеочередное заседание кафедры общественных наук.

Едва Габриэле ушла, как ее двоюродному дяде позвонили из заводской поликлиники: ему срочно нужно было пройти обследование. Тете пришлось поехать на фабрику к секретарю парткома, а внуки задержались в школе на дополнительных

занятиях. Когда квартира опустела, шесть человек из 8-го отдела окружного управления госбезопасности вошли в квартиру. Прежде чем осмотреть шкафы с одеждой, полки и комоды, сыщики зафиксировали положение каждой книги, каждого носового платка.

После обыска они должны были оставить всё в таком же порядке. Больше всего их интересовали вещи, книги и документы Габриэле Гаст.

Ей было всего 25 лет. Она носила модные темные очки, чтобы казаться старше и увереннее. У девушки не было почти никакого опыта в любовных делах. Она боялась остаться старой девой, но почти смирилась с этой участью.

Появление в жизни неизвестного мужчины волновало Габриэле. Она стала посматривать на него и в какой-то момент вступила в беседу со своим скромным поклонником. Разговаривая с ней, он мило смущался, и это окончательно расположило Габриэле к нему. У него было приятное, симпатичное лицо. Он не был красавчиком из модного журнала, футбольной звездой. Зато он казался надежным человеком.

Они вместе вышли из Центральной городской библиотеки, и он вызвался ее проводить. По дороге он набрался храбрости и пригласил ее съездить на денек в Дрезден. Она охотно согласилась. После экскурсии по городу они ужинали в ресторане «У черного оленя». Здесь кормили обильно, вкусно и, по западногерманским понятиям, очень дешево.

— Преимущества социализма, — в таких случаях неизменно повторяли ее родственники, и Габриэле не могла понять, шутят они или говорят всерьез.

В ресторане ее поклонник заказал себе к пиву стопку водки, и у него постепенно развязался язык. Он стал рассказывать о себе, и Габриэле обнаружила, что ей интересно его слушать. Он работал автомехаником, друзья называли его Карличком, и Габриэле одобрила это имя.

Карличек неплохо танцевал, что трудно было предположить, судя по его фигуре. Они выпили советского шампанского и впервые поговорили откровенно. Габриэле почувствовала, что наконец-то встретила человека, с которым легко и свободно. Она нашла Карличка несколько старомодным. Он ничего себе не позволил ни в ресторане, ни после, даже не пытался поцеловать ее на прощание. Возможно, она бы простила ему эту вольность. Габриэле оценила в нем солидность и основательность. Он так отличался от ее невоздержанных и несерьезных приятелей-студентов.

В тот день в дрезденском ресторане «У черного оленя» в

компании друзей-адвокатов ужинал и негласный агент госбезопасности, носивший псевдоним Черный. Он видел Габриэле во время одной из встреч с женщинами из профсоюзного комитета, знал, что эта девушка приехала из ФРГ. После ужина агент проследил за ней и Карличком и увидел, что они садятся в автобус, идущий в Лейпциг.

На следующее утро агент Черный написал рапорт своему куратору — офицеру окружного управления госбезопасности Дрездена. Офицер доложил начальству, что считает необходимым принять меры для поиска человека, который проводил время с гражданкой ФРГ и, вполне возможно, готовился стать агентом западногерманской разведки. Окружное начальство воодушевилось, отправило запрос коллегам в Лейпциг. А потом дело внезапно увяло, офицеру сказали, чтобы он этим больше не занимался.

Но в порядке поощрения начальник окружного управления к ближайшей годовщине провозглашения ГДР подписал ему разрешение на покупку нового телевизора в спецмагазине для центрального аппарата Министерства госбезопасности. По этому случаю офицер съездил в Берлин, где находился спецмагазин. А своему бдительному агенту офицер помог купить утепленную венгерскую куртку на зиму и обещал время от времени помогать деньгами. Сам офицер получал ежемесячно 150 марок за каждого осведомителя.

К сожалению, общение с Карличком оказалось недолгим. Габриэле пора было возвращаться в ФРГ. Но разлука не будет долгой, обещала Габриэле: вскоре она приедет опять, чтобы продолжить работу над диссертацией. Карличек был очень рад. Он не решился прийти на вокзал — ее провожали только родственники. Но накануне он подарил ей большой букет, и она отругала его за излишние траты, назвав транжирой.

Зато когда она вновь приехала в ГДР, Карличек встретил ее на вокзале. Он вел себя иначе, чем в прошлый раз. Видно было, что он набрался смелости. Он смотрел ей прямо в глаза и сразу же сообщил: он взял отпуск, чтобы побыть вместе с ней. И еще — у него есть однокомнатная квартирка на десятом этаже нового дома в Лейпциге, так что Габриэле может не стеснять родственников.

Осмотрев комнату придирчивым взглядом, Габриэле никаких признаков присутствия здесь женщины не заметила. Она испытывала нежность к Карличку, который и в самом деле ее ждал. Почувствовала его стремление сделать ей приятное, понравиться. Она впервые в жизни осознала свою женскую силу. Мысли о диссертации куда-то улетучились.

Всё это время они провели вдвоем, и Габриэле даже не нашла времени навестить дядю и тетю. Во время этой поездки она ненамного продвинулась в изучении женского вопроса в ГДР, зато испытала необыкновенное чувство, когда впервые поцеловалась с Карличком. Она никогда не была уверена в своей женской привлекательности. Втайне всегда боялась быть отвергнутой и думала, что не перенесет этого унижения. Карличек лишил ее сомнений. Он желал ее, именно ее. Что-то новое и здоровое вошло в жизнь девушки. Когда пришло время возвращаться, они говорили только о том, что она должна приехать вновь. И она приехала. Правда, на этот раз Габриэле почувствовала что-то неладное. Карличек, без сомнения, был счастлив ее видеть, но его что-то тяготило. Утром он решился ей признаться: у него крупные неприятности. Из-за нее.

— Почему? — Габриэле была изумлена.

Карличек долго мялся и наконец сказал, что хочет познакомить ее с одним человеком. После обеда в однокомнатной квартирке на десятом этаже появился седовласый высокий стройный человек лет пятидесяти, с ясным, открытым взглядом и умением располагать к себе. Они сели обедать, и гость постепенно открыл Габриэле глаза на истинное положение дел. Для начала он представился: Эгон Шмидт, начальник разведывательного отдела окружного управления государственной безопасности ГДР.

Ее любимый Карличек был вовсе не автомехаником, как он говорил, а офицером особого назначения, и служил в госбезопасности. Правда, он занимался не оперативной работой, он технарь, осваивал новую технику. Тем не менее на него, как на офицера госбезопасности, распространялись все ограничения относительно связей с иностранцами.

Габриэле была ошеломлена.

— Так ты действительно работаешь в МГБ?

Карличек кивнул. На лице его застыла мученическая маска.

— Моя работа не имеет ни малейшего отношения к тебе. Я просто влюбился в тебя при первой же встрече. А теперь мы больше не сможем видеться.

— Но почему? — недоумевала наивная Габриэле.

Мужчины переглянулись. Карличек смущенно объяснил:

— Мое начальство подозревает, что тебя подослала западногерманская разведка с целью завербовать меня.

Глаза Габриэле наполнились слезами.

— Но это же абсурд! Ты же знаешь, что я не имею никакого отношения к разведке. Скажи им об этом!

Гость успокаивающе положил ей руку на плечо:

— Карличек всё честно рассказал. Вам с ним очень повезло — он честный и порядочный парень. И я вам верю. Давайте подумаем о том, как заставить поверить всех остальных. Вы любите друг друга, и это главное. Я давно знаю Карличка, и мне больно видеть, как он переживает разлуку с вами. Если вы немного нам поможете, то я найду способ позволить вам не расставаться.

— Что же я должна сделать? — Габриэле никак не могла прийти в себя.

— Не беспокойтесь, выдавать секреты Федеративной Республики мы вас не попросим.

— Да я их и не знаю, — развеселилась Габриэле.

— Просто для начала расскажите нам о себе максимально подробно, расскажите всё-всё, вплоть до вашей учебы у профессора Менерта. Только, пожалуйста, ничего не скрывайте.

Некоторое время Габриэле раздумывала. Ей не очень нравилась эта идея. Почему она должна им всё рассказывать? Что-то внутри ее сопротивлялось этому откровенничанию с сотрудниками разведки другого государства. Но Карличек выглядел таким несчастным. И она решила, что ничего страшного из-за ее рассказа не произойдет. То, что она могла им сообщить, в Федеративной Республике известно каждому.

— Пожалуйста, задавайте вопросы, я отвечу, — согласилась она наконец.

Мужчины вздохнули с облегчением.

Габриэле рассказала им о своей жизни, о родителях, о профессоре Менерте и сокурсниках. Шмидт не задал ей ни одного каверзного вопроса, который бы заставил ее заподозрить подвох.

— Прекрасно, — сказал гость девушке, собираясь уходить. — Я вижу, что вы действительно любите Карличка, и постараюсь всё устроить, чтобы вы с ним имели возможность побыть вдвоем. Позвольте дать вам один дружеский совет. Лучше, если ваши родители пока ничего не будут знать о Карличке. Боюсь, в Федеративной Республике у вас могут быть неприятности, если кто-то узнает, что вы любите офицера госбезопасности ГДР…

Через день Эгон Шмидт приехал вновь в их маленькую квартирку и предложил Габриэле перебраться вместе с Карличком в гостиницу окружного управления госбезопасности.

— Это тихое местечко, постояльцев там всегда мало. В гостинице вас никто не увидит. Вы сможете быть вместе столько, сколько захотите, — объяснил Эгон Шмидт.

Начальник разведотдела начинал свою карьеру рядовым оперативным работником. В Западном Берлине он свел знакомство с администратором крупного кинотеатра, щедро

угощал его русской водкой, и тот разрешал ему брать на ночь копии всех новых фильмов. Администратор полагал, что его друг показывает фильмы своим подружкам в большой холостяцкой квартире, в которой и сам несколько раз неплохо проводил время.

На самом деле Эгон Шмидт, получив новую ленту, мчался в Восточный Берлин, где в лаборатории Министерства госбезопасности с этих фильмов ночью снимались копии для министра госбезопасности, его заместителей и членов политбюро ЦК СЕПГ. Они и их семьи любили смотреть порнографические фильмы и увлекательные ленты о Джеймсе Бонде.

Утром Эгон Шмидт должен был вернуть бобины с пленкой. Новые фильмы он привозил не реже, чем раз в неделю. Успешная курьерская работа не осталась незамеченной, и его вскоре повысили. Шмидт разъезжал по городу не на советской «Волге», как его коллеги по управлению, а на «БМВ».

Когда появились видеомагнитофоны и видеокассеты, работа упростилась. Сотрудники разведки покупали в Западном Берлине одну кассету и пересылали ее в министерство, где фильм копировали в нужном количестве для высокопоставленных чиновников.

Все эти дни Карличек был так мил и внимателен, что Габриэле чувствовала себя на вершине блаженства. Он познакомил ее со своими друзьями, каждый из которых был сама любезность. Друзья Карличка принимали в судьбе влюбленных живейшее участие.

Служебная гостиница окружного управления госбезопасности находилась на окраине Лейпцига. Когда они вошли внутрь, Карличек тихо сказал Габриэле:

— Администратору на обязательно знать твое настоящее имя. Назови ему какое-нибудь другое.

— Какое? — Габриэле была застигнута врасплох.

Карличек пожал плечами:

— Да какое нравится. Выбирай — Гудрун или Гизела.

Габриэле предпочла назваться Гизелой, не подозревая, что это имя станет ее агентурной кличкой. Это же имя внесли и в фальшивый западногерманский паспорт, который изготовили специально для того, чтобы Габриэле могла приезжать в ГДР для встреч с Карличком втайне от западногерманской контрразведки.

— Мое начальство делает тебе любезность, — пояснил Карличек. — Если ты станешь слишком часто ездить в ГДР, у тебя дома, пожалуй, возникнут неприятности. А с этим паспортом ты можешь навестить меня в любой момент.

Фальшивые документы для Габриэле изготовил лучший в этой области специалист МГБ ГДР Клаус Дитер Бааг, который

начинал свою службу личным официантом министра госбезопасности Эриха Мильке.

Работа с министром оказалась для Клауса Дитера слишком нервной. В столовой для высшего командного состава министерства официантам платили хорошо, и никто не уходил домой с пустыми сумками, но атмосфера была очень напряженной. Министра все боялись. Пятно на скатерти или хлебные крошки выводили его из себя. Устраивая разнос директору столовой, официанту или повару, Мильке и не предполагал, что может довести человека до инфаркта. Министр был уверен, что его все любят. Стараясь угодить министру, официант на нервной почве заработал себе язву желудка, и врач в ведомственной поликлинике посоветовал ему сменить профессию.

Клаус Дитер оказался хорошим художником, и его таланту нашли достойное применение. На последнем этаже главного здания МГБ он блистательно подделывал чужие подписи и имитировал любой почерк. Его норма составляла три западногерманских паспорта в неделю.

Из специальной типографии в больших бумажных мешках в разведку поступали новенькие незаполненные бланки паспортов, неотличимые от настоящих западногерманских. На бланках уже были напечатаны регистрационные номера — иногда фиктивные, иногда реальные, повторяющие номера паспортов граждан ФРГ, побывавших в одной из социалистических стран.

Клаус Дитер получал от своего начальника пакет для работы, в котором был паспортный бланк, карточка с данными будущего обладателя паспорта, его фотография, а в качестве образца — диапозитив тайно сфотографированного подлинного западногерманского паспорта. Чаще всего западногерманские паспорта фотографировала венгерская контрразведка и щедро делилась снимками с товарищами в Восточном Берлине. Западные немцы любили приезжать в Венгрию отдохнуть.

Сотрудники венгерской контрразведки вечером собирали по гостиницам документы туристов и ночью переснимали каждую страницу с помощью импортной аппаратуры. Правда, западногерманские туристы выражали недовольство тем, что в венгерских гостиницах у них забирают паспорта.

Вооружившись лупой, Клаус Дитер начинал с того, что тщательно обследовал диапозитив. Он должен был установить особенности этого документа: чем западногерманский чиновник заполнил все графы паспорта — фломастером, шариковой ручкой или перьевой? Какого цвета чернила? Нет ли изъяна на штемпеле? Как прикреплена фотография? Затем Клаус Дитер

вставлял диапозитив в проектор и проецировал сверху на чистый бланк, который ему предстояло заполнить.

Оперативные работники регулярно снабжали Клауса Дитера канцелярскими принадлежностями из ФРГ. В его распоряжении были все марки западногерманских шариковых ручек, все виды чернил и фломастеров, все печати, любые телефонные и адресные книги Западной Германии. Впоследствии, когда паспорта стали оформлять с помощью пишущих устройств, Клаус Дитер получил в свое распоряжение импортный компьютер с принтером.

За несколько лет он заочно познакомился почти со всеми полицейскими ФРГ, которые выдавали паспорта, знал их почерки и подписи. Клаус Дитер очень не любил двух западно-германских полицейских чиновников, подписывавших паспорта, — одного из Мюнхена, другого из Западного Берлина. Он их никогда не видел, но у них были такие сложные подписи, что подделать их было довольно трудно. Всякий раз, когда поступал новый пакет для работы, Клаус Дитер вздыхал: только бы не эти двое!

Над паспортом для Габриэле он работал два дня, а третий день потратил на то, чтобы придать новенькому документу потертый вид. Скальпелем и напильником обработал уголки и сгибы паспорта, потер его об пол, многократно перелистал все страницы и, наконец, положив в задний карман брюк, сел на стул, чтобы паспорт согнулся. На следующий день он представил паспорт своему начальнику. Что бы ни произошло в будущем с этой милой девушкой, думал Клаус Дитер, паспорт ее не подведет.

Ни один документ, изготовленный Клаусом Дитером, не провалил агента. Он испытывал чувство гордости, когда на стол ему клали сделанный им несколько лет назад паспорт, который нуждался в продлении. Клаус Дитер с удовольствием перелистывал свое детище, любовался множеством въездных и выездных виз и радовался тому, сколько стран посетил разведчик с его изделием!

Когда Клаус Дитер изготовил новый западногерманский паспорт, считавшийся застрахованным от подделки, начальник отдела получил орден «За заслуги перед Отечеством».

Раз в месяц Клаусу Дитеру приходилось работать с паспортами на свежем воздухе, под соснами — вся лаборатория участвовала в регулярных учениях аппарата госбезопасности на случай войны. По сигналу тревоги шесть грузовиков, нагруженных всем необходимым, плюс полевая кухня и цистерна для воды выезжали из Берлина в район предполагаемого развертывания Главного управления разведки в случае войны.

Разведка была готова к работе в любой ситуации. Начальник

Главного разведывательного управления генерал-полковник Маркус Вольф хотел быть уверен, что фальшивые документы для его людей могут быть изготовлены в любых условиях, даже где-нибудь в лесу. Учения на природе многим офицерам нравились. Они были рады вырваться из тесных кабинетов на свежий воздух, посидеть вечером у костра.

Ведомство носило военизированный характер. У каждого сотрудника Министерства госбезопасности на рабочем месте в шкафу хранилась полевая военная форма и снаряжение, приготовленное на случай тревоги. Военные учения регулярно проводились не только в Главном разведывательном управлении, но и во всём МГБ. Чаще всего офицеров вывозили на три-четыре дня на учебный полигон охранного полка имени Феликса Дзержинского, который подчинялся не министру обороны, а министру госбезопасности и был оснащен боевой техникой.

Первое время офицеров размещали в палатках, потом для них выстроили бараки. Учения проводились в условиях, максимально приближенных к боевым. Перед началом учений офицерам сообщали обстановку: враг уже под Берлином, дети сотрудников МГБ на самолетах вывезены в Советский Союз…

Габриэле втягивали в игру постепенно. Но каждый шаг делал возможным следующий. Однажды Карличек принес ей черную сумочку устаревшего фасона.

— Зачем она мне? — брезгливо спросила Габриэле. — Я не стану ее носить. Она такая страшненькая.

— Но ты же не можешь разгуливать с двумя паспортами. В нужный момент вытащишь не тот. — Карличек ткнул булавкой во внутренний шов, и между кожей и подкладкой с легким щелчком открылась щель. — Положишь паспорт, который мы тебе дали, в этот потайной карман.

Габриэле с сомнением смотрела на сумку.

Карличек обнял ее:

— Дорогая, это нужно только для того, чтобы мы могли быть вместе.

В служебную гостиницу приходили всё новые и новые люди, которых Карличек представлял как своих друзей. Улыбчивые, приятные коллеги Карличка, как бы играя, учили Габриэле приемам конспирации. Ей изготовили специальный чемодан и еще маленькую косметичку — все со специальными замками и потайными карманами.

Карличек сказал, что будет ждать от нее писем. Им хотелось быть откровенными в переписке, но как избежать неприятностей, учитывая, что о месте работы Карличка никто не должен знать? Его очередной друг обещал их выручить. Он принес с собой кусок

ткани, обработанной специальным составом.

— Эту ткань нужно положить между двумя листами бумаги и на верхнем написать письмо, а потом его уничтожить, — пояснил он. — Весь текст невидимо для глаза отпечатается на нижнем листе, на котором для конспирации можно написать любой невинный текст и вложить в почтовый конверт. — Он протянул кусок ткани и лист бумаги Габриэле: — Попробуйте сами.

Она попробовала и легко научилась тайнописи. Теперь она сможет обо всем написать своему любимому и чужие глаза ее откровения не увидят. Получив обычный конверт из ГДР, Карличек обработает письмо нужным химическим составом и сможет прочитать послание от любимой. Но почта идет долго. Карличек сказал, что, наверное, сможет в определенные дни воспользоваться служебным радиопередатчиком и передать ей несколько добрых слов особым кодом. Габриэле обрадовалась этой идее, и тут же появился новый друг из окружного управления, чтобы научить ее зашифровывать и расшифровывать радиопередачи.

Габриэле и не подозревала, что Карличку накануне ее приезда пришлось немало потрудиться. Прежде он и понятия не имел о том, как вести радиопередачу, как шифровать текст, и его заставили осилить все эти премудрости, чтобы он мог помочь Габриэле. Целый месяц он засиживался в управлении за полночь, чего прежде с ним никогда не случалось.

В Лейпциге окружное управление госбезопасности находилось в самом центре города — между церковью Святого Фомы и Домом германо-советской дружбы, гигантское здание со множеством наружных антенн. В подвале устроили кабачок и кегельбан для офицеров. Лейпцигское управление было одним из самых больших в стране. Оно располагало собственной станцией подслушивания телефонных разговоров, оборудованием для вскрытия писем, мастерской по изготовлению париков и вообще всего необходимого для гримирования.

Одна из главных задач окружного управления состояла в разработке гостей ежегодной Лейпцигской ярмарки, которая была главной витриной экономических успехов всего социалистического лагеря. Иностранных гостей размещали в гостинице «Меркур», где рядом с телефонным коммутатором находилось помещение для сотрудников госбезопасности, сюда дублировались все телефонные линии гостиницы. Они могли прослушивать одновременно 120 телефонных разговоров.

Кроме того, офицеры госбезопасности выполняли секретный приказ министра Мильке от 30 января 1964 года, в соответствии с которым свободные от предрассудков хорошенькие девушки,

находившиеся под опекой МГБ, лично проверяли моральную устойчивость сотрудников Совета экономической взаимопомощи, когда те приезжали в ГДР. То есть пытались вербовать гостей из братских социалистических стран. Особое внимание уделялось советским друзьям.

Для подготовки оперативного состава в Министерстве госбезопасности сняли учебный фильм. Вот как звучит закадровый текст, посвященный одной из добровольных помощниц: «Открытая для общения и уверенная в себе, Ева смогла установить контакт и вступить в интимные отношения с хорошо одетыми мужчинами. Ухоженная и хорошо одетая, она привлекала внимание окружающих. Ее поведение, любезность были по достоинству оценены интимными партнерами».

Проведя ночь с товарищами по социалистическому содружеству, девушки докладывали дежурному офицеру содержание ночных разговоров и по-своему оценивали клиентов.

Дальше в МГБ ГДР принимали решение: либо с возмущением сообщить посольству дружественной страны об аморальном поведении гостя — и тогда его исключали из партии и снимали с ответственной должности, — либо наладить с гостем доверительные и взаимовыгодные отношения.

До встречи с Габриэле Карличек особыми успехами начальство не радовал и занимался самым непрестижным в управлении делом: работал в группе по утилизации «недозволенных почтовых вложений» (отдел почтово-таможенного розыска).

Заботливые родственники из ФРГ пересылали молодежи в Восточную Германию записи современной музыки. Но эти записи до адресатов обычно не доходили. В Лейпциге на почтамте с помощью рентгеновского аппарата выявлялись письма с вложенными в них аудиокассетами, которые вынимались и передавались в управление госбезопасности. Текст или музыка стирались, и чистые кассеты использовались для записи прослушиваемых телефонных переговоров.

На Лейпцигском почтамте офицеры располагались в уютном помещении с холодильником и кофеваркой. Через отдельный вход им корзинами приносили почту, отправляемую на Запад и получаемую с Запада. Письма вскрывались над паром (каждые полгода в комнате приходилось менять обои) и прочитывались. Идеологически вредные — изымались. Из остальных наиболее интересные высказывания выписывались.

Управление готовило регулярные отчеты об умонастроениях граждан, которые пересылались в Берлин в Центральную группу анализа и информации Министерства госбезопасности. Это

подразделение, в свою очередь, представляло политбюро доклады о реальных настроениях граждан ГДР.

Закончив работу с письмом, его заклеивали белым клеем плохого качества. Если аккуратно заклеить не удавалось, то поврежденные письма просто уничтожались. Кроме того, проверялись все посылки и бандероли, даже если они пересылались внутри ГДР. Если в письмах из Западной Германии находили деньги, их забирали. Валюту сортировали и запирали в сейф. Раз в две недели курьер доставлял деньги в Берлин, в министерскую бухгалтерию.

В Берлине контролеры писем занимали целый этаж главного вокзала. В Лейпциге переписки было поменьше. В этой работе были свои подводные камни.

Однажды с Карличка чуть не содрали погоны.

Руководство окружного управления имело обыкновение проверять бдительность собственных сотрудников. Например, к горам писем и посылок, которые должны были проверять сотрудники МГБ на почтамтах, начальство время от времени подбрасывало «контрольные письма» — послания с критикой режима. Если эти письма не выявлялись, вся бригада подпадала под подозрение. Офицеров не представляли к очередному званию, лишали премии. Однажды Карличек пропустил такое письмо. Им уже было занялся партком управления, но спасло успешное знакомство с Габриэле…

Дома в Аахене Габриэле купила мощный радиоприемник «Грундиг оушен бой» и поставила его на кухне. Каждый вторник в девять или одиннадцать вечера Карличек передавал ей зашифрованные приветы. Послания были абсолютно невинными — несколько добрых слов, и больше ничего. Каждое радиопослание было приятной весточкой от любимого человека.

В конце 1969 года Габриэле расшифровала радиограмму с приглашением встретить вдвоем Рождество и Новый год. В тот раз она впервые приехала в ГДР по фальшивому паспорту и чувствовала себя международной авантюристкой, которую неминуемо задержат и разоблачат. Но паспорт был настолько хорошо сработан, что не вызвал подозрений у пограничников.

Карличек приехал на вокзал на машине и сразу повез ее в гостиницу окружного управления госбезопасности, не в ту, где они жили в прошлый раз, а в более комфортабельную, упрятанную в лесу. В праздничные дни гостиница пустовала. Вышколенный персонал был незаметен. Габриэле и Карличек наслаждались полным одиночеством.

Карличек, видимо, понял, что наступил момент, когда мужчина должен принять решение и сказать женщине

определенные слова. После ужина он откупорил бутылку советского шампанского и со всей торжественностью, на которую был способен, попросил Габриэле выйти за него замуж. Это был счастливый миг. Она даже не попросила времени подумать, потому что давно ждала предложения.

В последний апрельский день в этой же гостинице они отпраздновали помолвку. Габриэле вновь приехала в ГДР по фальшивому паспорту, но на сей раз была совершенно спокойна. Она даже не предполагала, что помолвку можно превратить в такое замечательное событие. К этому событию была причастна вся гостиница. Дом празднично украсили. На террасе развесили гирлянду электрических лампочек. На столе горели свечи. Карличек надел ей на палец дорогое золотое кольцо, купленное, как он многозначительно заметил, на Западе.

Появился его седовласый начальник и преподнес обоим подарки. Среди подарков оказалась кассета с записью голоса начальника окружного управления, который тоже пожелал им счастья. Раскрасневшийся Карличек, стоя, внимал голосу своего высшего начальника, доносившемуся из магнитофона.

Само собой разумеется, они договорились, что помолвка пока что останется тайной для родных Габриэле и Карличка. Необходимость молчать не тяготила молодую женщину. Главное не в том, чтобы похвастаться помолвкой, а в том, что она встретила именно того мужчину, который способен сделать ее счастливой.

Она оценила, что Карличек не побоялся испортить свою карьеру ради нее. Он как-то заметил: несмотря ни на что, повышения по службе ему теперь не видать как своих ушей. Но Габриэле действительно произвела прекрасное впечатление на его начальников, поэтому он может продолжать работать на прежнем месте. Его не уволят, но о более интересном месте мечтать не приходится. Габриэле сказала, что тоже готова ради него на любые жертвы.

После защиты диссертации и окончания Высшей технической школы в Аахене профессор Клаус Менерт подыскал для любимой ученицы место научного сотрудника в Институте по исследованию проблем безопасности и мировой политики. Институт находился в Мюнхене, он выполнял заказы правящей Христианско-демократической партии, и Габриэле получила доступ к весьма важной политической информации.

В институте ее сразу высоко оценили: «творческая личность, необыкновенно умная», «очень одаренная», «все предпосылки для блестящей научной карьеры».

Карличек был рад за свою невесту, гордился ее успехами и

просил подробно сообщать ему, над чем она работает. Габриэле было приятно сознавать, что ее избранник так к ней внимателен. Его интересовали малейшие детали ее жизни. Он был фантастически скромен, говорить о себе не любил, зато самозабвенно слушал ее рассказы.

Габриэле проработала в институте год и регулярно сообщала Карличку, чем она занимается. Потом институт неожиданно закрылся из-за недостатка средств. Христианские демократы потерпели поражение на выборах, и партийная казна оскудела. Габриэле потеряла работу. Но она не отчаивалась, потому что была уверена, что легко сумеет найти новую. В своих профессиональных способностях она не сомневалась. Как работнику она себе цену знала. Габриэле неутомимо писала заявления в различные ведомства, включая Министерство иностранных дел, и рассылала их по почте.

Вскоре ей позвонил некий господин Майер и сказал, что у него есть предложение, которое ей понравится. Он приехал к ней домой и здесь уже представился по всей форме:

— Моя фамилия Майер, я сотрудник Федеральной разведывательной службы. Для вас есть хорошая работа.

— Почему вы мною заинтересовались? — удивилась Габриэле.

Она предполагала, что ее познания и аналитический склад ума понадобятся в каком-нибудь научном учреждении. Габриэле пригласила гостя на кухню. Он пил кофе, сидя возле радиоприемника, с помощью которого хозяйка дома получала шифрованные послания из Министерства государственной безопасности ГДР, и рассказывал о том, как интересно и почетно работать в западногерманской разведке.

— Вас рекомендовали, — туманно пояснил Майер. — Кроме того, мы учли вашу диссертацию.

Он бодро перечислил ей преимущества службы в разведке: серьезная аналитическая работа, хорошая зарплата, гарантии занятости, большая пенсия.

— Вам, конечно, рано думать о пенсии, но, знаете ли, рано или поздно настает момент…

Майер допил кофе и ушел. Он оставил кучу анкет, которые Габриэле предстояло заполнить. Закончив непривычную работу, она с большим удовольствием написала еще одно письмо — Карличку — с помощью «средств тайнописи». Оба письма она бросила в один и тот же почтовый ящик. В ближайший вторник, настроившись на знакомую волну, Габриэле остро отточенным карандашом записала очередное послание от Карличка и быстро его расшифровала: «Связь прерываем. Пока не будет никаких

радиограмм и поездок. Восстановим связь после того, как сообщишь о том, взяли ли тебя на работу в Федеральную разведывательную службу. Желаем успеха!»

Агент восточногерманской разведки Гизела не вызвала никаких сомнений у западногерманской контрразведки, проверявшей кандидата на должность в разведывательной службе ФРГ. Габриэле взяли на работу в западногерманскую разведку.

В тот день в окружном управлении госбезопасности в Лейпциге на радостях была распита не одна бутылка советского шампанского — подарок коллег из представительства КГБ СССР в ГДР. Офицеры наперебой поздравляли Карличка. Начальник управления поинтересовался, какие у него жилищные условия, и распорядился включить его в список очередников на получение новой квартиры. К 7 октября, национальному празднику ГДР, лейпцигские строители обещали сдать новый дом, несколько квартир выделили окружному управлению госбезопасности, и Карличек готовился к новоселью.

Через несколько дней после того, как ее любимый получил квартиру в Лейпциге, Габриэле вошла в небольшой кабинет Федеральной разведывательной службы в местечке под названием Пуллах. Это было ее новое рабочее место.

Первые несколько дней она регулярно ходила на инструктаж по безопасности. Офицера-контрразведчика она слушала вполуха. Всё, что он собирался рассказать ей, она уже знала — от своих многочисленных друзей в управлении госбезопасности Лейпцига. Столь же ненужным был и трехмесячный курс оперативной подготовки — уход от слежки, правила конспирации, скрытое фотографирование, шифровальное дело, радиосвязь, тайнопись — всё это она уже проходила в ГДР.

Но Габриэле ни разу не выдала своей осведомленности в профессиональных делах. Она легко научилась умалчивать о том, что другим не следовало знать. Необходимость вести двойную жизнь ее не тяготила. «Видимо, я прирожденная разведчица», — думала она, глядя в зеркало и улыбаясь. Полезным был только трехмесячный интенсивный курс русского языка, который она изучала с присущим ей старанием. Габриэле собиралась специализироваться на Восточном блоке.

В штаб-квартире западногерманской разведки в Пуллахе молодой одинокой женщине были рады. Некоторые коллеги, здороваясь, целовали ей руку: это были господа старой школы, которые не изменяют своим привычкам. В дни их молодости женщин брали в разведку только на роль секретарей, машинисток и радисток. Но они не могли не отдать должное аналитическим способностям и познаниям Габриэле.

Для Габриэле служба в разведке почти ничем не отличалась от работы в научном институте. Она писала доклады, отчеты и записки, истолковывая происходящее в Москве и других социалистических столицах. Разница состояла в том, что ей не дозволялось публиковать результаты своих научных изысканий. Зато в ее распоряжении были уникальные сведения и документы, получаемые от западногерманских разведчиков по ту сторону железного занавеса.

Долгие семь месяцев в ее жизни не было ничего, кроме работы. Она не получала известий от Карличка и сама не имела права ему писать. Ведомство Карличка, заботясь о репутации Габриэле, старательно оберегало ее от естественного интереса западногерманской контрразведки к новому сотруднику. Регулярная переписка с ГДР, даже самого невинного содержания, могла вызвать подозрения.

С Карличком они встретились вновь в ее первый отпуск, следующим летом. Она отправилась в Австрию. Карличек прибыл туда же. Для него это была первая поездка за границу. Разлука нисколько не притупила их чувств. Он был всё так же нежен и внимателен. Любовь между ними вспыхнула с прежней силой. Габриэле обнимала его со всем пылом нерастраченной страсти.

Карличек немного походил на ее отца — такой же надежный и немногословный. Она хотела постоянно быть рядом с ним, любить его. И боялась его потерять. Он подарил ей чувство уверенности в себе. Только древний страх женщины быть брошенной, быть покинутой мужчиной преследовал Габриэле. Она чувствовала, что должна за него держаться обеими руками.

Несмотря на успехи в работе, несмотря на свою репутацию самостоятельной, независимой женщины, которая прекрасно со всем управляется, Габриэле на самом деле мечтала быть зависимой от любимого мужчины. И поняла, что полностью от него зависит — не в смысле крыши над головой или денег (она, вполне вероятно, зарабатывала больше, чем он), а в смысле душевного спокойствия. Ее самоощущение, ее самооценка зависели от Карличка, от его к ней отношения.

Весь месяц они не говорили о делах. Только когда наступил момент расставания и Габриэле спросила, когда они увидятся вновь, Карличек открыл карты:

— Это зависит от тебя, Габи. Чтобы увидеть тебя, мне нужно какое-то оправдание для моего начальства. Просто так они меня больше не отпустят. Вот если бы ты могла передать им какие-нибудь документы, они бы не стали нам мешать.

Видно было, что Карличек не одобряет своего начальства, но он слишком дисциплинирован, чтобы ослушаться, и слишком

робок, чтобы восстать. Габриэле надолго замолчала. Просьба повергла ее в тоску. Она понимала, чего от нее хотят и чем она рискует. Невинная игра незаметно переросла в нечто, подпадающее под статьи уголовного кодекса.

С одной стороны, ее мучили угрызения совести и страх, с другой — она слишком любила Карличка, который многим для нее пожертвовал. Чувство к Карличку перевесило.

Вернувшись в Пуллах, Габриэле начала работать на восточногерманскую разведку по-настоящему. Друзья Карличка, надо отдать им должное, ее никогда не торопили и не подгоняли, не требовали ничего лишнего и довольствовались тем, что она сама им сообщала. Она боялась, что на нее начнут давить. Но этого не произошло. Напротив, она всё время слышала: делайте только то, что не создает для вас риска.

Старательная, усидчивая, с комплексом отличницы, которая всё делает только хорошо, Габриэле работала на обе разведки с присущей ей основательностью. Она была исключительно ответственным человеком, который не мог позволить себе провалиться, не справиться. Разочарование начальства было для нее худшим унижением.

Она многое знала. Не только о том, что происходит в стенах своего ведомства. По долгу службы Габриэле встречалась и с коллегами из США и Великобритании, присутствовала на важных совещаниях западных разведчиков, и всё, что ей удавалось увидеть и услышать, передавала в ГДР.

Ее острый ум ценили и на Востоке, и на Западе. Вскоре ей доверили подготовку разведывательных сводок для канцлера ФРГ. Копии она регулярно отправляла в ГДР, где их читал генеральный секретарь ЦК СЕПГ. Руководители двух немецких государств в равной степени были ей благодарны.

Получаемыми от Габриэле сведениями МГБ ГДР делилось с коллегами из советского КГБ. Этим в министерстве занималось Десятое управление, отвечавшее за сотрудничество со спецслужбами социалистических стран. Москва тоже снабжала восточногерманскую разведку информацией. Но положение внутри Западной Германии разведчики ГДР знали лучше, чем советские разведчики. Немцам было легче работать среди немцев. Между разведками социалистических стран наладилось разделение труда. Западная Германия считалась сферой особого внимания восточных немцев.

В представительстве КГБ в ГДР сразу обратили внимание на появление нового информированного источника у немецких товарищей. Москва приказала узнать, кто он, насколько надежен, нельзя ли попросить его ответить на вопросы, интересующие

Комитет госбезопасности. Сотрудники представительства пытались неофициально прощупать немецких товарищей, но те хранили молчание.

Завели разговор с начальником Главного разведывательного управления МГБ ГДР генералом Маркусом Вольфом. Тот с присущей ему иронией заметил, что информацией делиться будут, а сообщать подлинные имена агентов не договаривались.

Глава представительства решил, что попробует поговорить с самим министром госбезопасности Эрихом Мильке — пусть немцы всё-таки расскажут, кого им удалось завербовать. Он позвонил в секретариат министра и попросил немедленно устроить ему встречу с Мильке. Но тот был на футбольном матче.

Если член политбюро ЦК СЕПГ и министр государственной безопасности Эрих Мильке не уезжал в отпуск или на охоту, только одно событие могло отвлечь его от важных дел — футбольный матч с участием берлинской команды «Динамо», которая состояла на балансе министерства. Мильке лично заботился о спортивном обществе «Динамо-Берлин». Однажды на ежегодном балу общества он взял микрофон из рук известного телеведущего и сам стал вести вечер. Восторгу футболистов и приглашенной публики не было предела.

А однажды на вечеринке динамовцев в кафе министр ходил от стола к столу, играя на шарманке, и собирал пожертвования для футбольного клуба. Успех был колоссальный. Под взглядом министра никто не решился выставить себя скаредным или недостаточно патриотичным.

Мильке был фанатичным болельщиком. Когда судья назначал пенальти в ворота динамовцев, министр, случалось, в гневе топтал собственную шляпу. Его сын Франк не любил сидеть рядом с отцом на матче, потому что иногда ему было просто неудобно — так громко тот кричал. Подчиненные Мильке, такие же поклонники футбола, не всегда могли разглядеть его на трибуне, но всегда слышали:

— Ага, шеф тоже здесь.

Когда популярнейший в ГДР футболист Луц Айгендорф, член национальной сборной от «Динамо», остался на Западе после товарищеской встречи в ФРГ, для Мильке это был удар. Он воспринял дезертирство футболиста как личную обиду. Через четыре года Луц погиб в Западной Германии в результате дорожно-транспортного происшествия. На опасном повороте он на своей новенькой «альфа-ромео» врезался в дерево. Бывший динамовец, не приходя в сознание, через два дня умер в больнице. В секретариате министра государственной безопасности отметили, что в тот день у Мильке настроение было

лучше обычного.

Дело казалось ясным и было закрыто. Но поползли слухи, что по правому колесу машины стреляли, поэтому Айгендорф не справился с управлением. В футбольную команду пришло письмо без подписи, в котором говорилось: «Неужели вы не понимаете, что за этим делом стоит МГБ ГДР? Проведите тщательную экспертизу автомашины вашего погибшего товарища, обратите внимание на тормозную систему».

Один из перебежчиков рассказал, что на дверную ручку машины Айгендорфа был нанесен контактный яд, от которого футболист должен был потерять сознание и лишиться способности управлять машиной.

Эксперты Федерального ведомства уголовной полиции не обнаружили ни следов выстрела, ни сознательных повреждений тормозной системы. Полицейские токсикологи, специалисты по змеиным ядам и прочей экзотике сказали, что ни из практики, ни из литературы не известно ни одного случая, когда яд, попавший на неповрежденную кожу, за столь короткое время привел бы человека к смерти или обмороку. Но проверить эту версию не удалось. Эксгумация трупа, по словам экспертов Института судебной медицины, ничего не дала бы — слишком поздно доказывать наличие яда.

Так и осталось неясным, то ли Мильке действительно сумел наказать своего бывшего любимца (а план каждой ликвидации писался от руки в одном экземпляре, и его подписывал сам министр), то ли служба дезинформации МГБ просто воспользовалась случаем доказать всемогущество ведомства.

До Нового года главе представительства КГБ встретиться с министром так и не удалось. В социалистической Германии официально Рождество праздником не считалось, но все его отмечали. Из представительства КГБ в секретариат Мильке прислали большую корзину цветов, узбекскую дыню, сувенирный набор белорусских водок, набор черной и красной икры и только что изданный в Москве сборник афоризмов Лихтенберга.

Эрих Мильке любил цветы, особенно пионы, и испытывал страсть к афоризмам. Он их собирал. Он считал, что в афоризмах сосредоточена жизненная мудрость, которой надо руководствоваться.

Любимым праздником атеиста и коммуниста Мильке был сочельник, хотя и в этот день он допоздна засиживался в министерстве. Но это была просто дань партийной традиции: коммунист-руководитель рано с работы не уходит.

— В сочельник в нашей стране ничего не случится, — говорил Мильке сыну. — На этот счет можно быть совершенно

спокойным.

Домашние ждали его с нетерпением. Когда Мильке наконец приходил, обязательно заводили рождественскую пластинку «Тихая ночь, святая ночь». Затем специально для него ставили органную музыку Баха и пластинку с записью колокольного звона. Эти записи действовали на министра расслабляюще. На Новый год Мильке слушал после обеда девятую симфонию Бетховена. Он любил мощные голоса, такие как у русского эмигранта Ивана Реброва, и разведчики доставляли ему из ФРГ новые записи этого певца. Мильке предпочитал большие хоры, потому что сам очень хорошо пел.

По приказу Мильке три тысячи гектаров лесных угодий были отгорожены и переданы в ведение Министерства госбезопасности. Поместье Воллец, национализированное еще нацистами, стало местом отдыха высшей номенклатуры. Обустройство поместья обошлось в 20 миллионов марок.

Специально для охоты министр собрал отряд трубачей, чтобы они по старинному обычаю трубили в охотничьи рожки́. Трубачи производили большое впечатление на советских гостей, которых обязательно возили пострелять кабанов. Мильке угощал охотой и наших генералов, и советского посла Петра Абрасимова.

Но вообще-то охотился Мильке вдвоем с сыном Франком. Обычно они уезжали вечером в пятницу. Сначала Франк только наблюдал за отцом, затем сам стал охотником. Мильке подарил ему переделанный для охоты польский карабин и к нему дорогой западногерманский оптический прицел. Прицел преподнесли министру в день рождения сотрудники Главного разведывательного управления.

Из охотничьего домика министра два кабеля — электрический и видео — длиной в три километра вели к лесной поляне. Там установили прожектор и видеокамеру. Из своей спальни престарелый охотник мог увидеть на экране, как олень забрел на его поляну. Если Мильке не ходил на охоту, то в воскресный день усаживался на скамейке под большой липой, выросшей перед охотничьим домиком, больше похожим на помещичью усадьбу.

Мильке ставил рядом с собой транзистор, чтобы не пропустить новости. Читал газеты. Приветливо разговаривал с лесничими, обслугой, жителями деревни. В выходные дни много гулял пешком, облачившись в зеленый охотничий наряд. Если где-нибудь в лесу замечал обрывок бумаги или брошенный пластиковый пакет, немедленно вызывал обслугу и требовал убрать.

Мильке гордился тем, что у него получился настоящий

заповедник, где стали селиться коршуны и орлы. Забывая о классовой борьбе, член политбюро ЦК СЕПГ и министр госбезопасности внушал сыну:

— Немецкое дворянство и бюргерство так заботливо ухаживало за лесом, что нам не грех бы перенять некоторые его моральные и культурные ценности.

В обыденной жизни Эрих Мильке был скуп на чувства, и эти манеры усвоили остальные. Целоваться в семье не было принято. С юных лет Мильке считал, что это негигиенично. Вместе с тем министр государственной безопасности был человеком сентиментальным. Вспоминая о годах, проведенных в Москве, мог и слезу пустить. А мог и поговорить с подчиненными так, что какой-нибудь закаленный генерал за сердце хватался.

Ведомством госбезопасности в аппарате ЦК ведал специальный отдел. Это была форма партийного руководства всем, что происходило в стране. Для любого министерства отдел ЦК был высшим начальством. Но не для МГБ при Эрихе Мильке.

«В глазах Мильке, — вспоминал Маркус Вольф, — отдел был совершенно ненужным придатком, которому надлежало иметь дело разве что с парторганизацией министерства и оформлять кадры, входящие в номенклатуру ЦК или Национального совета обороны. К решению оперативных вопросов Министерства госбезопасности этот отдел не имел никакого касательства».

Министр дозволял отделу представлять на утверждение кадры, которые были им уже утверждены: «Мильке был откровенно груб с работниками этого отдела, которые в большинстве своем приходили из его министерства».

Давно ушли те времена, когда министры в ГДР во всём слушались советских коллег. Эрих Мильке прислушивался только к самому председателю КГБ Юрию Андропову, с его подчиненными он не церемонился. Мильке считал себя не просто министром, а видным деятелем международного коммунистического и рабочего движения.

«В начале ноября 1977 года советские чекисты традиционно собрались в особняке представительства КГБ в Берлине отметить 60-летие Октябрьской революции, — рассказывал генерал Борис Васильевич Гераскин, служивший в управлении особых отделов Группы советских войск в Германии. — На вечер, как обычно, прибыл с заместителями, секретарем парткома и руководителями ведущих отделов министр госбезопасности ГДР генерал Эрих Мильке».

Он вручил руководителю представительства букет из шестидесяти красных гвоздик и многозначительно сказал:

— Коллектив министерства подготовил вам ценный

праздничный подарок. Я, к сожалению, не мог взять его с собой, так как это большая по объему секретная разведывательная информация. Надеюсь, вы не будете возражать, если мы направим подарок прямо в Москву, в адрес Юрия Владимировича Андропова.

Мильке чувствовал себя очень уверенно и довольно жестко обращался с главой представительства КГБ в ГДР и особенно с его заместителями: ставил перед ними такие вопросы, которые те заведомо не могли решить. Постоянно звонил:

— Ну что, уже доложил в Москву? Какая реакция?

И те вертелись как на сковородке.

Руководитель представительства звонил в Первое главное управление:

— Мильке пристает! В Москве сегодня политбюро было? Что обсуждали?

— Ты же знаешь, нас не информируют, — отвечал руководитель немецкого отдела разведки.

— Да, но Мильке требует.

— Ну что-то расскажи, — советовал московский коллега.

Одному только что прибывшему советскому разведчику министр позвонил поздно вечером домой:

— Ты сколько лет работаешь в органах?

— Почти тридцать, товарищ министр, — ответил тот.

— Еще хочешь поработать?

— Хочу.

— Тогда запиши, что мне нужно, отправь сейчас же телеграмму в Москву и завтра сообщишь мне, что там ваши решили. — И повесил трубку.

Мильке со всеми был на «ты» — такова традиция немецкой компартии.

Возможность поговорить с министром представилась только после Нового года, когда Эрих Мильке изъявил желание попрощаться с начальником разведывательного отдела представительства КГБ СССР, который, отслужив положенные три года, возвращался в Москву. Мильке пригласил советского полковника и главу представительства к себе на девять утра. Они пришли за пять минут до назначенного срока. Министр был занят.

— Кто у министра? — поинтересовался руководитель представительства КГБ.

— Генерал-майор Рюммель, — сухо ответил помощник, который изо всех сил старался произвести впечатление невероятно загруженного работой человека.

Чтобы не продолжать разговор, помощник снял трубку

телефона спецсвязи и стал листать секретный справочник в поисках нужного номера. Такой справочник был и в представительстве КГБ. К списку телефонов прилагалась памятка: «Принципы сохранения секретности и конспирации в телефонных разговорах».

Генерал-майор Рюммель, которого принимал Мильке, отвечал в министерстве за подготовку сети бомбоубежищ для высшего руководства ГДР на случай войны. Он приехал к министру пораньше, чтобы доложить: на заводе готова специально переоборудованная для министра боевая машина пехоты. Предполагалось, что этой бронированной машиной, которая внешне ничем не отличалась от обычной армейской техники, Мильке воспользуется в случае войны или штурма здания МГБ.

Генерал Рюммель сообщил Мильке, что внутри боевой машины пехоты установлен диван, обшитый кожей, на полу разложен двухметровый ковер, рядом с креслами расположен мини-бар с крепкими напитками и сигарами. Мильке любил и то и другое.

Доклад Рюммеля привел министра в отличное расположение духа. Он сердечно встретил советских гостей. Министр своим приказом наградил полковника медалью — это была самая высокая награда, которую можно было дать советскому человеку без согласования с ЦК КПСС. Кроме того, расчувствовавшийся Мильке подарил советскому полковнику фильмоскоп с большим количеством диапозитивов, на которых были запечатлены памятные места ГДР, и три тысячи марок в конверте — на покупку сувениров, как выразился министр.

Мильке не забыл сказать несколько подобающих случаю теплых слов о братстве чекистов двух стран. Все выпили по бокалу шампанского. На проводах присутствовал заместитель Мильке — начальник Главного разведывательного управления генерал Маркус Вольф.

Потом Мильке и руководитель представительства КГБ остались обсудить несколько вопросов. Вольф и советский полковник вышли в приемную, устроились на диване и заговорили о новом фильме, снятом братом Маркуса — известным кинорежиссером Конрадом Вольфом. Через десять минут Мильке выскочил в приемную:

— Ну что, Вольф, кто из вас кого вербовал?

Маркус Вольф, обычно острый на язык, смешался и начал, оправдываясь, пересказывать разговор. Мильке, не обращая внимания на его слова, стал прощаться с советскими гостями. Глава представительства КГБ вышел злой. На вопрос о новом

агенте в ФРГ министр ничего не ответил, сказал, что выяснит.

Кроме того, главе представительства КГБ пришлось вести с Мильке неприятный разговор о награждении советских чекистов по случаю очередного национального праздника ГДР. Немцы выделили 50 наград руководству КГБ, а Москва хотела 60. Начался неприятный торг, в котором советский генерал выступал в роли просителя.

Стараясь смягчить неприятный осадок, он предложил Мильке выступить перед большой группой офицеров из Управления особых отделов Западной группы войск, то есть перед армейскими контрразведчиками. Министр согласился. Он это умел, говорил хорошо, без подготовленного текста и с юмором.

Он выступал три часа с небольшим перерывом, внимательно следя за реакцией аудитории. В частности, говорил о разгильдяйстве советских военных, которое поражало немецких товарищей. В справке МГБ сообщалось: «На открытых мусорных свалках, а также в местах проведения учений Группы советских войск в Германии в 1985 году обнаружено: 4070 патронов для автоматического оружия, 359 патронов большого калибра, 50 артиллерийских снарядов, 197 мин, 4 ручные гранаты и три ракеты».

Но случались ситуации и похуже. Министр Мильке переслал в представительство КГБ справку о том, как в одной из частей Группы советских войск сдали на металлолом новенькие танковые гусеницы и получили наличными 50 тысяч марок…

Эрих Мильке чувствовал себя крепким и бодрым и надеялся жить и работать еще очень долго. Он с особым интересом слушал рассказы о советских долгожителях с Кавказа, которые и в 90 лет сохраняют работоспособность.

После выступления перед советскими контрразведчиками командующий группой войск и глава представительства КГБ пригласили Мильке выпить по рюмочке.

— Вы спрашивали меня относительно нашего нового источника в Западной Германии, — сказал министр главе представительства КГБ. — Я выяснил. Нового человека нет, просто улучшился уровень анализа в министерстве.

Министр Мильке врал советскому товарищу и даже не пытался это скрыть.

Как и всякого сотрудника разведки, Габриэле Гаст в принципе научили всему, что полагалось знать человеку ее профессии: умению вести наружное наблюдение и уходить от него, вербовать агентов и проводить с ними встречи, закладывать тайники, писать невидимыми чернилами, расшифровывать кодированные радиопередачи.

Габриэле освоила основные навыки конспирации, но воспользоваться этими знаниями по месту основной работы ей не пришлось. Она служила в разведке, но не занималась оперативной деятельностью. Никаких приключений, обычная канцелярская работа. Единственное отличие от службы в любом другом немецком ведомстве — использование псевдонимов. Сослуживцы знали ее подлинную фамилию, но на работе называли только псевдонимом фрау Ледер.

Ее задачей был анализ. Весь рабочий день она проводила за письменным столом на втором этаже в секторе Советского Союза. Целыми днями читала свежие газеты на русском и немецком языках, шифротелеграммы из германских посольств в Москве и других столицах социалистических государств и агентурные донесения.

Собранную информацию она должна была переработать в сжатый аналитический отчет, который передавала своему начальнику, а тот отправлял дальше по инстанции. Конечным пунктом этого маршрута было ведомство федерального канцлера. Так что можно сказать, что канцлер судил о событиях, происходивших в Советском Союзе, по отчетам Габриэле.

Причастность к высшим секретам мало ее волновала. В конце концов, она была молодой и симпатичной одинокой женщиной. Ей было всего 33 года, все признавали, что у нее хорошая фигура, она носила очки, которые ей шли. В разведке было немало молодых мужчин, которым она очень нравилась. Кое-кто из них пытался дать ей это понять. Но Габриэле стойко отвергала любую попытку ухаживания. Она была верна Карличку, потому что знала: там, за железным занавесом, в другой Германии Карличек так же ей верен.

Габриэле любила путешествовать, ездить верхом, увлекалась альпинизмом. Но заняться всем этим она могла только в отпуске. А отпуск для нее был важнее, чем для ее коллег.

— Где собираетесь отдыхать? — поинтересовались они во время совместного обеда в служебной столовой.

— Еду в Ирландию, — ответила она.

— Но там же постоянно идут дожди.

Габриэле застенчиво улыбнулась. О вкусах не спорят.

На следующий день Габриэле попрощалась с коллегами по сектору. Она разобрала бумаги в своем кабинете, ненужные сдала в досье, остальные убрала в сейф. Полила цветы, опустила жалюзи и ушла. На месяц она свободна.

Утром за Габриэле пришло такси и она отправилась в аэропорт. В сумочке женщины лежал билет ирландской авиакомпании «Аэр Лингус» до Дублина. Номер в дорогом отеле

она забронировала заранее. Три дня с туристической картой в руках добросовестно гуляла по городу. На четвертый день сказала администратору, что поедет к морю. Она действительно поехала к морю — к Тирренскому.

В Риме в аэропорту ее встретил невысокий человек лет сорока пяти, полноватый, с прической ежиком и бульдожьим, но добродушным лицом. Не в силах сдержаться, Габриэле бросилась к нему в объятия, хотя и понимала, что лучше не привлекать к себе внимание слишком бурной радостью. Никто не должен догадаться, что они долго не виделись.

Ее любимый мужчина говорил по-немецки с саксонским акцентом. Карличек впервые приехал в Италию, посему был счастлив вдвойне. Вечером они устроили торжественный ужин, потом сели в поезд, а ранним утром уже поднялись на борт парома, который перевез их через Адриатику. Около полудня они сошли на берег в портовом городе Сплите.

Перед встречей с Габриэле — всякий раз по особому распоряжению генерала Вольфа — Карличку разрешали побывать на одном секретном объекте Министерства государственной безопасности ГДР.

Лес Фрайенбринк, находившийся в восьми километрах от Берлина, являлся запретной зоной. Лесной массив был окружен высоким забором с колючей проволокой и сторожевыми вышками. За забором, как на границе, распахали контрольно-следовую полосу. Солдаты охранного полка имени Феликса Дзержинского стерегли лес от посторонних днем и ночью.

Через контрольно-пропускной пункт в обе стороны курсировали грузовики. Иногда прибывали правительственные автомобили.

Сюда свозилось имущество, реквизированное у осужденных граждан ГДР или оставленное восточными немцами, уезжавшими на Запад: мебель, обувь и одежда, драгоценности, радиоприемники, магнитофоны, телевизоры. Сюда же поступало то, что сотрудники Министерства госбезопасности изымали на почте.

Накануне Пасхи и Рождества складским работникам приходилось работать сверхурочно: поток перехваченных посылок был нескончаем. Западногерманская почта часто ошибалась и отправляла в ГДР то, что ей не предназначалось. Назад ничто не возвращалось. Пятитонные грузовики курьерской службы Министерства госбезопасности два раза в неделю объезжали окружные управления и свозили перехваченные посылки сюда, на центральный склад.

На складе посылку просвечивали и распаковывали.

Содержимое раскладывалось на стеллажах. Пустые картонные коробки поступали в производство — в бумажной мельнице они перерабатывались на туалетную бумагу, известную своей жесткостью.

Содержимое склада показывало, что западные немцы очень доверяют своей почте. Министерство госбезопасности получало товары прекрасного качества — от новеньких видеомагнитофонов до бесценных коллекций почтовых марок. Наличные сразу же поступали на спецсчет МГБ. Товары передавались в распоряжение политбюро и руководства министерства. Им доставались самые дорогие модели современной видеотехники в нераспакованном виде. Лекарства отвозились в поликлинику для начальства. Остальные товары поступали в сеть особых магазинов, где их по небольшой цене могли купить высшие офицеры МГБ.

Командовал складом генерал-майор Руди Штробель. Он бдительно следил за тем, чтобы работающие на складе что-нибудь не прикарманили.

— Здесь работают не ради денег, а во имя долга, — повторял он.

Каждый выпавший при распечатывании кусок торта или печенья полагалось бросать в специальный бак — для прикормки кабанов, на которых охотился генерал. Поскольку охоту любил сам министр, то она сразу же стала популярным увлечением среди сотрудников госбезопасности.

Заведуя складом, генерал Штробель обзавелся итальянским «фиатом» и импортной моторной лодкой. За счет государства перестроил домик лесника в дачу с сауной и солярием. Иногда к нему приезжал кто-то из генералов, спрашивал, не найдется ли хорошей игрушки для внука. Игрушка всегда находилась. К игрушке обыкновенно прилагалась коробка швейцарского шоколада.

Карличку разрешалось выбрать на складе дорогой подарок для ценного агента. При каждой встрече Габриэле получала золотое или серебряное колечко или серьги с бриллиантами. У Карличка был хороший вкус. Заодно он выпрашивал на складе что-нибудь для себя — транзисторный радиоприемник, чистые видеокассеты, упаковку голландского или датского пива.

В Сплите Карличек взял напрокат машину, и они с Габриэле отправились на север. Через полчаса по небольшому подвесному мосту добрались до живописного острова. Здесь влюбленным предстояло провести целый месяц.

Карличек заранее снял небольшой домик, окруженный кустами олеандра, всего в сорока метрах от пляжа. Домик состоял из гостиной, спальни, кухни и ванной комнаты. Габриэле была

восхищена щедростью и предусмотрительностью Карличка. Она думала, как ей повезло с этим мужчиной, и призналась себе, что не может уже обходиться без любимого.

Габриэле нравилось проводить вечера на веранде, наслаждаясь чарующей атмосферой адриатического побережья. Карличек покупал местные вина, они сидели в плетеных креслах друг напротив друга и разговаривали. Впрочем, говорила в основном Гибриэле, Карличек никогда не был особенно словоохотливым. А Габриэле ценила в мужчинах немногословность.

Они провели вместе четыре дня и вполне освоились, когда появились гости.

9-й отдел МГБ ГДР, занимавшийся главным противником — западногерманской разведкой, доложил Маркусу Вольфу, что чрезвычайно ценный источник Гизела испытывает определенные психологические трудности. Следы ее тревоги можно увидеть в шифрограммах и посланиях, которые привозит от нее курьер.

Все дело в том, что источник Гизела видит человека, в которого влюблена, лишь раз в год и боится, что никогда не сможет быть вместе с ним. 9-й отдел был обеспокоен тем, что такие пессимистические настроения лишат источник Гизела воли к работе. Отдел предложил различные способы улучшить настроение Гизелы, но Маркус Вольф их все отверг. Он решил, что займется этим делом сам.

Он высоко ценил информацию, которую давала Гизела. Она прекрасно знала расстановку политических сил в Федеративной Республике и составляла блестящие прогнозы. Он уважал в ней аналитика. Кроме того, с ее помощью руководство ГДР всегда знало, что́ именно известно западногерманской разведке о происходящем в социалистическом лагере.

Генерал Вольф захотел лично побеседовать с Гизелой. Из берлинского аэропорта Шёнефельд он вылетел в Белград. Для таких поездок у него был поддельный дипломатический паспорт на чужое имя. Вольфа сопровождал Эгон Шмидт, начальник разведотдела окружного управления госбезопасности в Лейпциге. Карличек был его офицером, а Габриэле — его лучшим агентом, его удачей.

В Сплите Вольф и Шмидт взяли напрокат машину и отправились на остров. Они без труда нашли нужный им домик. Габриэле заметила Вольфа первой: элегантно одетый, высокий, стройный, интересный мужчина с умными глазами.

Она представляла его совсем другим — крупным партийным бонзой с военной выправкой и мрачным взглядом. Но в Вольфе ничто не выдавало принадлежности к разведке или к

коммунистической номенклатуре. Он мог бы назвать себя главным врачом клиники или президентом страхового общества, и никто бы в этом не усомнился. Словом, это был мужчина, исключительно привлекательный для интеллектуальной дамы с определенными претензиями.

Вольф пожал Габриэле руку и улыбнулся.

— Хорошо, что мы увиделись с вами, Габи.

Никаких псевдонимов — нормальный разговор требовал открытости и откровенности. Взаимопонимание между ними установилось мгновенно. Габриэле была покорена его мальчишеской улыбкой и глубиной суждений.

Шмидт и Карличек старались держаться в стороне не только из соображений субординации: они увидели, что между Вольфом и Габриэле возник интеллектуальный контакт. В этих беседах они были лишними. Вольф не просто был доволен Габриэлой. Он ею гордился! Ведь он ее и создал.

Вольфу понравился домик, снятый Карличком.

— Как у вас здесь хорошо! — воскликнул он, с наслаждением вдыхая морской воздух. — Этот домик мы возьмем на заметку. Будем пользоваться им почаще.

Каждое утро они все вместе ходили купаться. Вольф обычно уплывал далеко в море. Потом они валялись на песке и болтали. Шмидт и Карличек не забывали называть своего спутника «товарищ министр» — в ГДР было принято опускать уточнение «заместитель». Но некая официальность никому не портила отдых. Это был действительно отдых для всех, в первую очередь для Габриэле.

Маркус Вольф вел себя так, словно приехал сюда без всякого дела. Он с удовольствием рассказывал о своей семье. Об отце — Фридрихе Вольфе, о младшем брате — Конраде Вольфе, президенте Академии художеств и кинорежиссере. Как раз в тот момент Конрад снимал фильм о певце Эрнсте Буше. Расспрашивал Габриэле о ее жизни и родителях, о том, где она родилась.

— Я родом из Ремшайда, — сказала она.

Вольф изумленно улыбнулся.

— Фантастическое совпадение. В двадцатых годах мой отец работал в этом городе врачом. И познакомился там с воспитательницей детского сада Эльзой Драйбхольц, на которой женился. Это моя мама.

Вечером они вчетвером ужинали в рыбном ресторане «Моника». Вольф заказывал всем по стопке водки. Вспоминая московскую юность, произносил смешные кавказские тосты. Полковник Шмидт хохотал вместе со всеми, хотя ему эти тосты

уже были знакомы.

Габриэле рассказывала о себе. Она была очень откровенна с генералом. Призналась, что очень сильно скучает по Карличку. Спросила: нельзя ли им встречаться почаще? Вольф обещал помочь.

— Хотите вместе побывать в Советском Союзе? — предложил он. — Я договорюсь с Москвой. КГБ устроит вам чудный отдых на Кавказе.

Он знал, что Габриэле — страстная альпинистка.

Предложение звучало заманчиво, но Габриэле покачала головой: посещение Советского Союза для нее слишком опасно. Сотрудникам Федеральной разведывательной службы категорически запрещались туристические поездки в социалистические страны.

Вольф сказал, что для него нет ничего невозможного, и объяснил, как всё можно организовать. Пока Габриэле будет наслаждаться горными курортами Кавказа, одна из сотрудниц Главного управления разведки МГБ ГДР, очень похожая на нее и с ее же документами, проведет свой отпуск где-нибудь на Западе.

Однажды утром после купания Вольф предложил Габриэле:

— Может быть, сядем на веранде и побеседуем часок?

Вольф налил себе и ей по стаканчику местного вина и стал задавать вопросы. Он подробно расспрашивал ее о ситуации в ФРГ, о том, как в Федеративной Республике оценивают политику Москвы и Восточного Берлина, как реагируют на высылку из СССР писателя Александра Исаевича Солженицына и решение НАТО о довооружении. Начальник восточногерманской разведки был озабочен тем, что блок НАТО обзавелся крылатыми ракетами «томагавк».

Вольф, в свою очередь, тоже был откровенен с Габриэле и не ушел от разговора о судьбе своего агента Гюнтера Гийома. Габриэле восприняла арест Гийома как пугающее предупреждение. Что, если контрразведка доберется и до нее?

Страх перед разоблачением и арестом возник у нее не сразу. Поначалу она не отдавала себе отчета в том, что занимается противозаконным делом. Она ведь никому не причиняла вреда, даже не выдавала военных секретов, а просто кое-что рассказывала Карличку. Но, работая в разведке, постепенно поняла, что́ ее ждет в случае провала.

Маркус Вольф не просто жалел о потере ценного агента, он по-человечески переживал арест своего сотрудника. Во всяком случае, так Габриэле показалось. Генерал хотел продемонстрировать ей, насколько важна для него личная безопасность агента. Он ценит своих сотрудников, уважает их

готовность рисковать и ни за что не оставит их в беде…

— Мы учимся на этих ошибках, — говорил Вольф Габриэле. — И ни в коем случае не допустим, чтобы у вас были какие-то неприятности. Вы для нас особенно ценны. Мы всё делаем так, что и комар носа не подточит.

В беседе с Габриэле он тщательно избегал слова «провал».

— Если же, несмотря на наши старания, по какой-то несчастливой случайности что-то произойдет, помните: наше правительство сделает всё, чтобы выручить вас из беды, — обещал Маркус Вольф.

Габриэле понимала, о чем идет речь. Если ее поймают, в ГДР в ответ арестуют кого-то из западных немцев и предложат Бонну совершить обмен провалившимися шпионами. В ГДР ее примут как героя, наградят орденом, будут показывать по телевидению. Восточная Германия гордилась своими спортсменами и разведчиками.

Когда всё будет позади, подумала Габриэле, она действительно переберется в ГДР и они с Карличком наконец-то соединятся.

Беседы с глазу на глаз происходили каждый день. Они вместе ужинали и даже танцевали на веранде. Вольф оказался обворожительным кавалером. Когда он сказал, что ему, к сожалению, пора возвращаться, Габриэле сама попросила о новой встрече в будущем году. Она не стала меньше любить Карличка и вообще не сравнивала этих мужчин, но она наслаждалась обществом Вольфа.

Начальник разведки легко согласился: на следующий год ее привезут в ГДР. Генерал обещал пригласить ее к себе домой и продемонстрировать свое поварское искусство — приготовить для нее настоящие сибирские пельмени, а в этом он непревзойденный мастер. Маркус Вольф обосновался не в поселке для руководителей Министерства госбезопасности, а в отдельном домике возле лесного озера.

После отъезда гостей Габриэле и Карличек остались на острове еще на неделю. Расстались они в Риме. У Карличка был забронирован билет до Берлина. Габриэле вылетела в Лондон, оттуда в Дублин.

Только прилетев в столицу Ирландии, она поняла, что в следующий раз увидит любимого только через год. Она готова была впасть в отчаяние, но, пересилив себя, позвонила друзьям в Мюнхен, чтобы бодрым голосом рассказать о том, как прекрасно провела время в Ирландии.

Потом Габриэле набрала номер родительского дома в Ремшайде. С отцом и матерью она тоже поделилась

впечатлениями об отпуске, придумав какие-то забавные подробности, и с трудом удержалась от желания сообщить, что встретила сына доктора Фридриха Вольфа, которого они должны помнить, ведь он работал у них в городе врачом. Габриэле сообщила родителям, что через два дня отпуск у нее заканчивается и она приступает к работе.

Точно через два дня она предъявила пропуск охраннику в Пуллахе — штаб-квартире Федеральной разведывательной службы под Мюнхеном. Сотрудники советского сектора восхитились ее загаром. Габриэле смущенно сказала, что в Ирландии дождь идет всё-таки не каждый день…

Генерал Маркус Вольф встречался с Габриэле Гаст семь раз. У них возник интеллектуальный роман. Интеллектуал, сидящий в Вольфе, не мог примириться с ограничениями, налагаемыми его профессией и высокой должностью. Ему приятно было беседовать с людьми своего уровня. Вольф высоко ценил способность Габриэле к политическому анализу, его подчиненные — ее феноменальную память.

— Я был просто зачарован тем, с какой точностью она вспоминала все, что накапливалось в ее памяти в течение года, — рассказывал Эгон Шмидт, начальник разведотдела управления МГБ в Лейпциге, своему заместителю. — Стоило только включить диктофон, как она начинала говорить. И так складно, что можно расшифровывать и сразу нести начальству, и так быстро, что мы еле успевали менять кассеты.

Габриэле не просто вываливала на стол кучу краденых документов, а предлагала готовые ответы, освобождая восточногерманских аналитиков от необходимости делать это самим. Габриэле наотрез отказывалась от денег. Но Главное управление разведки Министерства госбезопасности ГДР автоматически открыло ей секретный счет в банке, на который ежемесячно переводилось от семисот до тысячи восточногерманских марок. Затем сумма увеличилась. Рано или поздно ей придется перебраться в ГДР, рассудил Вольф, и лучше, если у нее будет стартовый капитал.

После того как перебежчик опознал начальника разведки ГДР, его фотографию широко распространили в странах НАТО и Маркус Вольф лишился возможности бывать на Западе. Ему пришлось отказаться от выездов на «поле боя». Теперь его поклонница Габриэле Гаст приезжала к нему в ГДР.

Беглый обер-лейтенант упомянул среди прочего и о том, что у Маркуса Вольфа появился ценный источник информации в Федеративной Республике. Скорее всего, это женщина. Перебежчика подробно допросил сотрудник западногерманской

контрразведки Ганс Иоахим Тидге, который специально занялся этим делом.

Тидге был профессионалом высокой квалификации, одаренным поразительной памятью на фамилии, факты, цифры, лица. Сохранял спокойствие в стрессовых ситуациях. Начальство ценило его за способность генерировать идеи, а он умел ему угождать. Например, одному из своих руководителей привозил домой джем собственного изготовления ведрами.

Правда, Ганс Иоахим Тидге любил выпить, ему не были чужды и другие удовольствия. Коллеги порицали его за то, что он мало занимался семьей и запустил свой сад. В пивных к нему относились с симпатией, потому что он мог выпить 20 кружек пива и несколько порций шнапса. У него были свои любимые места — «В уютном уголке» и «Охотничий двор». Если ему не хватало денег, чтобы расплатиться, наливали в долг.

Тидге поступил в ведомство по охране конституции в 1966 году и быстро поднимался по служебной лестнице. Уже через год начальник записал в его личном деле: «Тидге добивается неординарных успехов».

Он трудился в отделе контрразведки, сначала в секторе 1УВ4 (борьба с советским шпионажем), затем возглавил сектор 1УВ2 (проверка надежности тех, кому предоставляется гражданство). Это ему поручили установить ущерб, нанесенный ФРГ самым известным восточногерманским шпионом — Гюнтером Гийомом.

В 1981 году Тидге выдвинули на главное направление — он возглавил сектор 1УВ6 (противодействие разведке ГДР). Иначе говоря, Тидге превратился в личного противника генерала Вольфа. В подчинении у контрразведчика Тидге было больше ста человек. Он не любил работать методически, по крохам собирать информацию. Предпочитал стремительные действия, молниеносные ответные меры, требовал активности от легальных и нелегальных агентов, работавших за границей. Никто не сомневался в том, что если перебежчик прав и у Вольфа действительно появилась новая женщина-агент в Федеративной Республике, то Тидге ее точно найдет.

Маркусу Вольфу дорого обошлось бегство подчиненного обер-лейтенанта. Министр государственной безопасности Мильке устроил не только обязательное в таких случаях разбирательство, но и публичный разнос Вольфу за потерю бдительности.

Однажды утром Габриэле Гаст пришла на работу и узнала, что в ГДР бежал сотрудник западногерманской контрразведки — Ганс Иоахим Тидге. Это был день величайшего позора для западногерманской контрразведки.

Маркус Вольф собирался в санаторий в Венгрии, когда ему

сообщили приятную новость: на сторону ГДР перешел руководитель группы по работе с двойными агентами ведомства по охране конституции Тидге.

Путь Тидге вниз начался после загадочной смерти жены Уты. По его словам, во время уборки в ванной она поскользнулась и ударилась затылком о раковину. А он был пьян, и потерявшая сознание Ута долго пролежала без всякой помощи. Когда жену наконец доставили в больницу, спасти ее не удалось. У соседей эта история вызвала пересуды. Им-то было известно, что Ута тоже была алкоголичкой и что, напившись, супруги дрались. Все знали, что такая никчемная хозяйка, как Ута, никогда не занималась уборкой. Три дочери Ганса Иоахима и Уты росли сами по себе.

Тидге приобрел дом за 130 тысяч марок, хотя зарплаты ему катастрофически не хватало. Его хобби — коллекционирование почтовых марок — тоже обходилось весьма дорого. Богатая тетушка подарила ему в общей сложности 150 тысяч марок, но всё равно у него образовался долг в 30 тысяч марок. В конце концов за неуплату у него отключили телефон. Он не сумел уплатить даже налог на собаку.

Кое-что о сомнительном поведении Тидге становилось известно начальству. В контрразведке поговаривали, что надо бы избавиться от него, но он продолжал работать с таким напором, что расстаться с ним было невозможно.

Тидге ушел сам. В пятницу он не появился на работе. На звонки испуганные дочери отвечали, что не знают, где отец. В понедельник Тидге сам позвонил секретарю и сказал, что болен. Он действительно страдал диабетом, сердечно-сосудистыми заболеваниями. У него было высокое давление и избыточный вес, что не помешало ему в тот же понедельник до позднего вечера пить и играть в скат в любимой пивной. Потом он занял 200 марок у хозяина пивной и сел в такси. Водитель высадил его на трамвайной остановке, и Тидге исчез навсегда… Скоро выяснилось, что он отправился прямиком в ГДР, где выложил всё, что знал, генералу Вольфу и его людям.

А ему были известны детали 817 разведывательных операций, которые проводили западногерманские спецслужбы! Из них 110 находились в стадии проведения. Он назвал имена четырех западногерманских агентов, работавших в ГДР. Их сразу арестовали.

Тидге знал легенды всех доверенных людей западногерманской контрразведки, которые ездили в ГДР под чужими именами. Он назвал конспиративные квартиры контрразведки, номера телефонов и системы шифровки, места тайных встреч на территории ГДР, номерные знаки автомобилей,

принадлежавших ведомству по охране конституции. Он описал методику контрразведывательной работы, образ действий и мыслей западногерманских контрразведчиков. Иначе говоря, ущерб от его побега для спецслужб ФРГ был огромен.

Он также сообщил, что ему поручили искать женщину-агента, о которой рассказал бежавший на Запад бывший обер-лейтенант госбезопасности. Тидге поклялся Вольфу, что уничтожил все следы, которые вели к этой женщине, и теперь западногерманская контрразведка никогда ее не найдет.

Бегство Тидге в ГДР нанесло сильнейший удар по западногерманским спецслужбам. Директора Федеральной разведки Хериберта Хелленбройха пригласили в ведомство канцлера и вручили распоряжение об отставке.

Чтобы исправить положение и как-то ответить на побег Тидге, контрразведка арестовала сразу двух агентов Маркуса Вольфа. Оба агента были женщинами, секретарями в западно-германских ведомствах. Габриэле Гаст, как и других сотрудников восточного отдела, познакомили с подробным докладом об этих делах.

В ГДР Ганс Иоахим Тидге похудел, написал диссертацию, женился. В 1989 году от греха подальше уехал в Советский Союз, потому избежал суда и тюрьмы после объединения Германии.

Однажды к Габриэле Гаст привели одного из бывших политзаключенных, которого вывезли из Восточной Германии. Начальник отдела распорядился, чтобы он рассказал Габриэле о работе следственного аппарата МГБ — поделился личным опытом.

Он был экономистом на автомобильном заводе «Вартбург». Один из сотрудников написал на него донос, обвинив в том, что он нарушает технологический процесс. Его арестовали. Следствие продолжалось 11 месяцев. Его держали в одиночной камере площадью десять квадратных метров без окон.

Днем его допрашивали сменявшие друг друга офицеры. Задавали одни и те же вопросы, угрожали:

— Больше полугода здесь никто не выдерживал. Здоровья не хватало. Подумайте об этом.

Арестованного приводили в состояние полной беспомощности. Над ним работали до тех пор, пока, как говорил один из заключенных, «тебе не станет совершенно безразличной твоя жизнь и будет на всё наплевать». Арестованному объяснили, что ни закон, ни адвокат, никто не помешает держать его в тюрьме столько, сколько понадобится, чтобы получить от него нужные показания.

Его даже не избивали. Хватило психологического давления. Следователи продвигались вперед шаг за шагом. И в конце

концов его сопротивление было сломлено. Он дошел до такого состояния, что засомневался в собственной невиновности и подписал признание.

— Зачем же вы это сделали? — спросила Габриэле.

— Только для того, чтобы когда-нибудь выйти из камеры живым, — ответил он. — Вы думаете, я один такой? У всех, кто живет в ГДР, ощущение, что во тьме притаился враг, который может раздавить тебя в любой момент. Это чувство останется навсегда.

Эта встреча оставила у Габриэле отвратительный осадок. Она хотела тогда поговорить с Вольфом или хотя бы с Карличком и получить от них какие-то объяснения. Но когда подошло время отпуска, история инженера с автомобильного завода «Вартбург» как-то забылась.

Жизнь Габриэле изменилась в 1980 году, когда она взяла на воспитание мальчика-инвалида — он страдал детским параличом. Для новой жизни купила домик. И родители, и сотрудники Вольфа пытались отговорить ее, но безуспешно. Габриэле была слишком волевой женщиной, чтобы ею можно было руководить. Молодая и здоровая женщина, она не завела другого мужчину, храня верность Карличку. Но стремление иметь семью, детей, о ком-то заботиться пересилило.

Больной мальчик, как ни странно это звучит, скрасил ей жизнь. В первый же день он упал с лестницы и сильно ударился. Она прибежала, помогла ему встать, ласково погладила по голове. Еще глотая слезы, он чувствовал радость и счастье. У него была мама. Она заботилась о нем. Она любила его. Он знал, что она его никогда не бросит.

Утром, до работы, Габриэле отвозила его в школу, вечером забирала. Ради себя она никогда не становилась к плите, обедала на службе, в выходные дни ходила в ресторанчик. Теперь каждый день она что-нибудь готовила. Каждый день мыла своего мальчика, потому что он не мог обойтись без ее помощи. Раз в неделю возила в поликлинику. В понедельник и четверг приходила медицинская сестра, чтобы сделать мальчику массаж. Это стоило больших денег, но Габриэле охотно их тратила на мальчика.

ДВЕ ГЕРМАНИИ НАХОДЯТ ДРУГ ДРУГА

Восточноевропейские братья чем дальше, тем больше становились самостоятельными. С чувством нескрываемого превосходства посматривали на советских друзей. По части высокомерия берлинские вожди кому угодно могли дать сто очков вперед. Германская Демократическая Республика считалась самой успешной в социалистическом лагере.

Но восточные немцы сравнивали свою страну с Западной Германией. Сравнение было не в пользу социалистической родины. ГДР оказалась первой страной, которая в 1971 году не смогла обеспечить воспроизводство собственного населения. Восточные немцы шептались о том, что страна вымирает. Пугала высокая смертность среди младенцев, сокращение средней продолжительности жизни. По количеству алкоголя, потребляемого на душу населения, Восточная Германия занимала второе место в Европе.

Закрытые опросы общественного мнения, проводившиеся Академией общественных наук при ЦК СЕПГ, показывали, что у населения в социалистической Германии преобладают такие чувства, как скептицизм и пессимизм. Три четверти опрошенных жаловались на трудности со снабжением. Две трети сетовали на то, что жизнь становится хуже. И меньше четверти населения верило, что жизнь улучшится в ближайшие годы.

Еще говорили, что если бы нашлась в стране хотя бы сотня умелых и предприимчивых людей, экономика ГДР была бы иной. Маркус Вольф не тешил себя иллюзиями: «Истина жестче: ни сто, ни большее число людей такого калибра не спасли бы ГДР. Пороки нашей страны и ее экономики были гораздо сложнее и возникли не из-за отсутствия способных мужчин и женщин во всех жизненно важных отраслях».

С годами страх перед тем, что мелочно опекаемый народ может подняться против власти, становился все более заметным. На городских праздниках, церковных церемониях, на всех массовых мероприятиях обязательно присутствовали сотни неприметных мужчин — сотрудники местного аппарата госбезопасности. Если приезжали футбольные сборные с Запада или если чемпионат проходил у соседей, например в Чехословакии, то в обозе болельщиков из ГДР приезжали десятки сотрудников госбезопасности. Они брали на карандаш каждого, кто размахивал не восточногерманским, а западно-германским

флагом или пил пиво за здоровье западных соотечественников.

В составе министерства существовал отдел, который отправлял в зоны отдыха в братские социалистические страны — Венгрию, Болгарию, Чехословакию — своих агентов, чтобы те следили за контактами граждан ГДР с западными туристами и предотвращали попытки бегства в капиталистический мир. Причем в туристические группы и производственные делегации, выезжавшие в капиталистические страны, внедряли не одного, а нескольких сотрудников госбезопасности, которые следили друг за другом.

Включать программы западного телевидения, которые принимались на территории ГДР, строжайше запрещалось. Идеологические чиновники вели неустанную борьбу против западной пропаганды. Активисты восточногерманского комсомола выискивали на крышах и демонтировали телевизионные антенны, направленные на Запад.

Маркус Вольф чувствовал, как меняется атмосфера в самом Министерстве госбезопасности. Политическим занятиям для центрального аппарата уделялось все больше внимания. Доносчики были повсюду. В аппарате не верили даже самим сотрудникам госбезопасности. Сотрудник органов клялся не только исполнить любое задание партии. Он обещал докладывать обо «всех изменениях в собственной личной жизни и жизни своих родственников», выбирать друзей и спутников жизни в соответствии с «требованиями политики в области кадров».

Главное управление подготовки и расстановки кадров постоянно расширяло масштаб проверок на благонадежность среди товарищей по Министерству госбезопасности. За вызывающими малейшее сомнение следили. Управление кадров, по словам одного из бывших офицеров, «вело себя так, как мы себе представляли нацистское гестапо».

На каждого офицера составлялся подробный документ в соответствии с «Инструкцией МГБ по составлению характеристик». В нем значился 101 вопрос, на который следовало ответить.

Отношение к работе — «только во имя денег?»

Достаточна ли квалификация для выполнения служебных обязанностей?

Как реагирует на внезапно возникающие сложности?

Отношение к коллективу и в коллективе — пользуется ли авторитетом? На чем он основан?

Способен ли хранить тайну?

Черты характера — замкнут, равнодушен, болтлив?

Хобби — фотография, кино, почтовые марки, садоводство.

Особые способности и познания, в том числе знание иностранных языков.

Отношение к необходимости встать на защиту Родины, СССР и других социалистических стран.

Общение с сомнительными лицами.

Контакты с родственниками и знакомыми в капиталистических странах — личные, переписка.

Манера вести себя — естественная, раскованная, спокойная.

Как двигается — мягко, нервно, скованно, неловко, угловато, манерно, небрежно.

Речь — беглая, скованная, усыпляющая.

Лексикон — изящный, велеречивый, скованный.

Сообразительность — сообразителен, обладает критическим подходом.

Реакция — находчив или туповат.

Способность к оценкам — трезв, некритичен, легковерен.

Память — хорошая, слабая, избирательная.

Сексуальное поведение — озабочен, неумерен, сдержан, неконтролируем, хвастлив.

После крушения ГДР в архиве МГБ обнаружили шесть миллионов досье — это при семнадцати миллионах населения!

Люди подозревали, что агенты и осведомители рядом — в учебной аудитории, на рабочем месте, в автобусе или поезде. Это действовало парализующе, как взгляд змеи. Люди боялись говорить откровенно. Но немногие сознавали истинные масштабы доносительства. И лишь единицы понимали, что осведомителем может оказаться любимый человек.

Масштаб осведомительной сети превосходил достижения третьего рейха: на сто граждан Германской Демократической Республики приходился один осведомитель. Стукачами были соседи, друзья и родственники. В Гумбольдтском университете каждый четвертый сотрудник работал на госбезопасность. Каждый двадцатый медик работал на МГБ. Из ста священнослужителей двое сотрудничали с госбезопасностью.

Они доносили из чувства страха или по собственной воле, потому что были запуганы или потому что делали карьеру. Система разрушила нормальные взаимоотношения между врачом и пациентом, студентом и профессором, священнослужителем и верующим, между друзьями, соседями, иногда даже любовниками. В результате потом люди обнаруживали в своем личном деле множество доносов, подписанных разными кличками.

Доносы читались высшими чинами МГБ, пересылались от одного другому. При этом в доносах содержались поразительные

фактические ошибки, которые никто не проверял и не исправлял. В 1960-е годы 85 процентов сотрудников МГБ имели только среднее образование. Высшее образование — всего два процента…

Министерство госбезопасности прослушивало все международные телефонные разговоры. Внутренние разговоры слушали по мере необходимости. Для тотального прослушивания не хватало ни технических возможностей, ни кадрового аппарата. Например, в Лейпциге одновременно можно было прослушивать не более тысячи номеров. Тайные видеокамеры устанавливали в иностранных представительствах и квартирах, которые снимали иностранцы.

За теми, кого считали диссидентами, могли наблюдать до полусотни неофициальных сотрудников. Многие из так называемых диссидентов вовсе не были противниками социализма. Это МГБ превращало их во врагов системы.

Пограничникам и таможенникам ГДР ставили три задачи. Не позволить ввезти в социалистическую страну ничего недозволенного. Заставить граждан западных стран обменять валюту на восточногерманские марки по грабительскому курсу. А главное — пресекать попытки восточных немцев бежать из ГДР. С этой целью автомобили просвечивали специальной пушкой с гамма-излучением, которая помогала обнаружить прятавшихся в машинах людей. Такая техника стоила огромных денег. Но власти не жалели средств, чтобы удержать строителей социализма в стране.

Невинно осужденных спасала Западная Германия. Правительство ФРГ тратило большие деньги, чтобы вызволить политических заключенных из тюрем ГДР. Для Восточной Германии торговля заключенными стала важным источником свободно конвертируемой валюты. Каждый год власти ГДР выпускали определенное количество осужденных и получали за это западные марки.

С 1963 по 1989 год правительство Федеративной Республики Германии выкупило у социалистической ГДР 33 тысячи человек — это были политические заключенные, диссиденты и члены их семей. За каждого заключенного Восточный Берлин получил в среднем около ста тысяч западных марок. Иначе говоря, на продаже политзаключенных социалистический режим заработал три с половиной миллиарда западногерманских марок. Эти деньги осели на специальном счете генерального секретаря ЦК СЕПГ Эриха Хонеккера — своего рода заначка на черный день.

Торговать людьми было верхом цинизма. Операции такого рода свидетельствовали о полной моральной деградации

социалистических вождей. К примеру, помпезные празднества по случаю 30-летия ГДР оплатили, выпустив дополнительную тысячу заключенных.

Руководство ГДР само предложило продавать политических заключенных — через молодого западноберлинского адвоката Юргена Штанге, который согласился конфиденциально обсудить этот щекотливый вопрос с властями ФРГ. Не без колебаний в Бонне согласились. Восточный Берлин предложил представить список людей, которых западные немцы желали выкупить. Занимался этим статс-секретарь правительства ФРГ по внутригерманским отношениям. В его канцелярии составили картотеку на 12 тысяч восточных немцев, сидевших в тюрьме и считавшихся политическими заключенными. Начался мучительный отбор: кого выручить первым? Учитывали тяжесть наказания, состояние здоровья, семейное положение.

В Восточном Берлине больше всего боялись, что Бонн раскроет перед всем миром карты и ГДР будет опозорена. Поэтому партнером со стороны Восточной Германии на всякий случай выступал не государственный чиновник, а адвокат Вольфганг Фогель.

Первый список ограничивался восемью узниками. Их переодели в обычную одежду и привели к начальнику тюрьмы, который объявил им об освобождении. До станции метро Фридрихштрассе людей доставили на машине с частными номерами. Один из них был приговорен еще советским военным трибуналом к пожизненному заключению и отсидел десять лет. Он был потрясен:

— Я никогда не думал, что обо мне кто-то вспомнит.

Возник вопрос: как производить расплату? Перевести деньги на банковский счет? Восточная Германия предпочла наличные. Решили, что деньги передаст тот же адвокат Юрген Штанге. В ноябре 1963 года он вместе со статс-секретарем Министерства по общегерманским вопросам приехал на вокзал Лерте в Западном Берлине — без багажа, чтобы таможенники не обратили внимания. Перед самым отходом поезда высокий государственный чиновник сунул адвокату сверток с деньгами — 340 тысяч марок, выделенные из федеральной казны.

Через несколько минут Юрген Штанге прибыл в Восточный Берлин. На станции Фридрихштрассе его встретили сотрудники госбезопасности и провели в небольшую комнату. Там находились Вольфганг Фогель и восемь заключенных. Юрген Штанге положил сверток с деньгами на стол. Пересчитывать не стали. Через несколько минут адвокат и восемь заключенных уже ехали в метро на Запад. Всего одна станция — и они на свободе.

Следующий список состоял из восьмисот человек. На сей раз вместо наличных ГДР запросила нужные ей товары: масло, растворимый кофе, тропические фрукты, удобрения.

Власти ГДР вычеркивали из списка тех, кого не хотели отпускать. Западной Германии приходилось со всем соглашаться. Действовать по принципу: «всё или ничего» было нельзя. Скажем, в Восточном Берлине долго не соглашались выпустить на свободу бывшего студента графа Бенедикта фон Хёнсбрёха, который в переоборудованном мебельном фургоне вывозил людей на Запад. В ГДР это считалось тяжким преступлением. Ходатайства влиятельных родственников, в частности королевы Бельгии, не помогли. Потом с отца потребовали два миллиона марок. Родителям это было не под силу, сторговались на 450 тысячах марок.

Но как незаметно переправить на Запад большую группу выпущенных на свободу заключенных?

В 1964 году прямого авиасообщения между двумя Германиями еще не существовало. На поезде? Много нежелательных свидетелей. Остановились на автобусе. Первый транспорт с людьми должен был отправиться 14 августа 1964 года. В последний момент адвокат Юрген Штанге попросил дополнительный автобус. Выяснилось, что заключенные в тюрьме трудились и им по закону положены деньги, которые нельзя ни забрать с собой, ни обменять на западногерманские марки. Сотрудникам Министерства госбезопасности пришлось в универмагах купить им на эти суммы какие-то вещи.

Покинуть ГДР можно было еще одним путем: оставив социалистическому государству ценное имущество. Такова была секретная инструкция — перед выездом граждане должны были продать или — лучше — подарить свою собственность государству. Одна супружеская пара из Лейпцига, захотев уехать, обратилась к адвокату Вольфгангу Фогелю.

— У вас есть хороший земельный участок, — мгновенно сообразил он. — Я думаю, все будет в порядке.

К супругам пришел покупатель, назвавшийся сотрудником народного предприятия «Роботрон», и предложил за участок балансовую стоимость — 10 300 марок. Это были гроши, но супружеская пара всё правильно поняла и согласилась. Через полгода семья перебралась в ФРГ. Человек из «Роботрона» был на самом деле сотрудником МГБ. Он зарегистрировался в качестве владельца участка и домика, который использовался госбезопасностью в оперативных целях.

Для адвоката Фогеля, чья канцелярия оформила 200 тысяч выездов из ГДР, сделка «недвижимость в обмен на загранпаспорт»

была обычной. Не желавших добровольно отдать всё заставляли продавать дома и имущество за бесценок.

ИМПЕРИЯ ШАЛЬКА

Помимо торговли заключенными между двумя Германиями возникла разветвленная сеть отношений — экономических, политических, межпартийных и даже личных. Межгерманские отношения были высшим секретом ГДР — и особенно от советских товарищей.

Началось с незаконных операций для получения твердой валюты.

Занимался этим статс-секретарь Министерства внешней торговли ГДР и по совместительству полковник госбезопасности Александр Шальк-Голодковски. Он обеспечивал иностранной валютой партийное руководство и Министерство госбезопасности, совершал миллионные сделки с ФРГ. Его называли «безымянным пальцем Хонеккера».

В 1962 году Александр Шальк-Голодковски решением ЦК СЕПГ был утвержден освобожденным секретарем парторганизации Министерства внутригерманской и внешней торговли. Он был человеком большим во всех отношениях — весил около центнера (в молодости занимался спортивной борьбой), его амбиции соответствовали габаритам. На него обратили внимание офицеры Главного разведывательного управления. Шалька поддержал один из заместителей Маркуса Вольфа — Ханс Фрук. Он ведал частными предпринимателями, которым позволялось заниматься внешнеторговыми операциями. Фрук встречался с доверенными лицами в ресторане, расположенном на 37-м этаже гостиницы «Штадт Берлин». Здесь вкусно кормили и открывался чудесный вид на город.

В ГДР существовали частные внешнеторговые фирмы. Партийные чиновники откровенно завидовали их владельцам — эти люди разъезжали на «мерседесах». Они приобретали для Восточной Германии высокотехнологичное оборудование в обход эмбарго эпохи холодной войны.

Подчиненные Вольфа внесли предложение, которое очень понравилось начальству. «Я считаю вполне реальным, — докладывал Шальк, — получение трех-четырех миллионов западных марок уже в следующем году, если будут получены соответствующие полномочия от Министерства внешней торговли и Министерства государственной безопасности. Эта помощь и поддержка необходимы, потому что ряд операций, таких как нелегальные перевозки товаров и страховые манипуляции, должны проводиться узким кругом людей». Шальк предложил ввести в состав таможенной службы замаскированных

сотрудников госбезопасности — «офицеров по особым поручениям», которые обеспечивали бы секретность подобных операций, а также выискивать среди западных внешнеторговых партнеров людей, готовых за немалое вознаграждение участвовать в незаконных операциях.

В начале 1967 года в Министерстве внешней торговли создали специальную структуру — отдел коммерческой координации. Шальк был утвержден руководителем этого отдела секретариатом ЦК и президиумом Совета министров. Фактически он был возведен в ранг заместителя министра. Одновременно он был аттестован как «офицер по особым поручениям» МГБ, и ему присвоили очередное воинское звание. Шальк должен был добывать деньги для разведки. Но теперь он получил право докладывать лично министру Мильке, как и адвокат Фогель.

Эриху Мильке льстило, что он руководит такими делами, это повышало его вес в глазах Хонеккера. Министр издал приказ № 12/88 о политико-оперативном обеспечении отдела коммерческой координации, который в экономическом плане подчинялся члену политбюро и секретарю ЦК Гюнтеру Миттагу.

О подобного рода коммерческой деятельности Москву в известность не ставили. «Так, — вспоминал начальник разведки ГДР, — поневоле создалась довольно деликатная ситуация в наших дружеских контактах с весьма любознательными офицерами связи нашего советского партнера».

Восемнадцатое главное управление МГБ занималось оперативным обслуживанием промышленности. Что это означало? Госбезопасность проводила собственную экспертизу компетентности директоров и влияла на кадровую политику. Если кто-то из хозяйственников позволял себе нелояльность к власти, его лишали должности. Некоторые управленцы ГДР закончили свою многообещающую карьеру именно по этой причине. Отдел науки и техники отвечал за поставку высоких технологий. Если экономика не справлялась, то необходимое доставали на мировом рынке и контрабандой доставляли в ГДР. Экономический шпионаж компенсировал провалы Академии наук. Восемнадцатое управление МГБ руководило целой армией замдиректоров по режиму и начальников спецотделов, то есть секретчиков.

«В Федеративной Республике не жалели средств на исследовательские работы, — вспоминал Вольф, — а энтузиазм нашего политического руководства и реальные возможности ГДР ограничивались лишь немногими показушными предприятиями, например в микроэлектронике».

В 1970-е годы Германская Демократическая Республика

пыталась производить собственные компьютеры на комбинате «Роботрон». Газеты писали о невероятных отечественных достижениях. Люди знающие держали язык за зубами.

«В том, что касается создания наших многократно разрекламированных компьютеров, — вспоминал Маркус Вольф, — по-моему, даже я понимаю, что по сравнению с мировыми стандартами мы находимся на уровне мануфактуры. Между тем микроэлектроника пожирает львиную долю наших инвестиций. Мы не замечали, что окружающий нас мир живет другой жизнью».

Благодаря экономическому шпионажу Восточная Германия действительно была лидером в области микроэлектроники среди стран социалистического содружества. Эрих Хонеккер очень гордился достижениями своих электронщиков. А подчиненные убеждали его, что ГДР в сфере компьютерной технологии стоит в ряду мировых лидеров.

«Князь Потемкин побледнел бы от зависти, узнай он об истории с „созданием“ на комбинате „Карл Цейс“ в Йене запоминающего электронного устройства емкостью один мегабайт, — рассказывал Вольф. — Хонеккер и вправду верил, что ГДР догнала в этой области ведущие промышленно развитые страны Запада и далеко оставила позади себя другие социалистические страны».

Руководитель ГДР делился своими достижениями с советскими товарищами с некоторой долей превосходства — и в расчете на ответные подарки.

«Отказавшись от рыночных механизмов, мы всецело отдали себя во власть централизованной плановой системе, подорвали свою экономику, а вместе с ней и всю систему, — считал Ханс Модров, который впоследствии стал главой правительства. — Согласно официальной статистике ГДР добивалась чудо-успехов в экономической области: механизация и автоматизация были лозунгом дня, и число внедренных в производство роботов непрерывно росло. В итоге ГДР достигла мирового уровня — благодаря тому смехотворному обстоятельству, что к разряду роботов были отнесены и доильные аппараты».

Для разведки компьютерные технологии имели жизненно важное значение. Подотдел Н-Х (официальное название «Государственная служба радиосвязи») отвечал за радиосвязь с иностранными представительствами ГДР, обеспечивал линии связи резидентур с Центром. Оперативно-технический сектор (заказчик) и закрытый Институт научного приборостроения (поставщик) занимались изготовлением подслушивающих устройств, мини-камер для тайной съемки, разработкой программ

для нелегально ввезенных с Запада компьютеров.

Для разведки деятельность полковника Шалька-Голодковски вообще была крайне полезна. На Лейпцигской ярмарке, являвшейся важнейшей площадкой для установления разнообразных контактов с Западом, к Шальку обратился Хорст Крумке, западноберлинский оптовый торговец мясом. Он спросил Шалька, нет ли у того желания познакомиться с сенатором Западного Берлина по экономике Карлом Кенигом.

Социал-демократ Карл Кениг сидел при нацистах в тюрьме, участвовал в движении Сопротивления. В Восточном Берлине решили, что сенатор — удачная кандидатура для тайных контактов. «Мы оба берлинцы, — докладывал Шальк, — и разумеется, довольно скоро нашли общий язык».

Обо всех переговорах Шальк писал отчеты для политбюро. Сенатор Кениг просил держать их контакты в секрете и предупредил Шалька, что о переговорах поставил в известность только видного деятеля социал-демократической партии Герберта Венера.

Это был политик с запутанной биографией и неоднозначной репутацией. Герберт Венер, бывший коммунист, когда-то перешел в ряды социал-демократов, за что его публично называли предателем. Но именно с ним Восточный Берлин наладил тайные связи. Контактировали с Венером люди Маркуса Вольфа. Это была опасная игра для всех ее участников.

В 1950-х годах Берлин просто кишел иностранными разведчиками. На Курфюрстендамм они наступали друг другу на ноги. В частности, разведдеятельностью занималось так называемое Восточное бюро Социал-демократической партии Германии.

На востоке Германии в апреле 1946 года коммунистическая и социал-демократическая партии были объединены в СЕПГ. Социал-демократы в западных зонах оккупации не смирились с исчезновением своей партии в восточной части Германии. Глава социал-демократов Западной Германии Курт Шумахер разработал «теорию магнита»: чем более впечатляющим будет социальное развитие западной части Германии, тем сильнее станет давление граждан на востоке и тем скорее произойдет воссоединение.

В июне 1946 года руководство СДПГ образовало Остбюро (Восточное бюро) как «боевой орган центрального правления партии в борьбе за интересы угнетенных социал-демократов в советской зоне».

Задача бюро состояла не только в том, чтобы помогать социал-демократам — и тем, кто хочет бежать на Запад, и тем, кто решил остаться в ГДР. Сотрудники Восточного бюро

готовились к воссоединению Германии, поэтому собирали информацию о том, что происходило в ГДР, — в надежде со временем устроить новый суд в Нюрнберге и наказать наиболее рьяных сталинских помощников. Восточное бюро добывало в ГДР много полезной информации — протоколы заседаний ЦК, места дислокации Советской армии, детали структуры полицейской службы. Информацией делились с Федеральной разведывательной службой и западными разведками.

Через границу посылались на воздушных шарах листовки, призывающие немцев подняться на борьбу против режима Ульбрихта. Однажды груз листовок сбросили на участников большого митинга, на котором выступал премьер-министр ГДР Отто Гротеволь.

Конспирация почти не соблюдалась. Кончилось тем, что примерно 800 человек арестовали и судили за шпионаж. А за шпионаж приговаривали к двадцати пяти годам. Только после такого катастрофического провала Восточное бюро стало давать своим информаторам псевдонимы, учить тайнописи и пользованию миниатюрными фотоаппаратами, завело ложные почтовые ящики.

Профессионалы называли бюро «группой художественной самодеятельности». Руководил Восточным бюро Герберт Венер.

С Гербертом Венером по старой памяти поддерживал тесные отношения Курт Фивег, секретарь ЦК СЕПГ по сельскому хозяйству. Они были знакомы еще по эмиграции в Скандинавии. Потом Курт Фивег впал в ГДР в немилость. Товарищи обвинили его в уклонизме. В марте 1957 года он бежал в ФРГ. Но не пошел в полицию, а обратился к Герберту Венеру.

Маркус Вольф получил задание во что бы то ни стало вернуть Фивега. Обратился к Венеру. Тот помог. Посоветовал Фивегу не встречаться с британцами и американцами. И постепенно уговорил вернуться. 10 октября 1957 года Курт Фивег приехал в Восточный Берлин. Его арестовали и отдали под суд. Он отсидел пять лет.

Почему Венер так поступил? Во-первых, не хотел, чтобы Фивег рассказывал западным немцам о его связях с представителями ГДР. Во-вторых, Венер поддерживал ГДР как социалистическое государство и хотел ему помогать.

Контакты с Венером поддерживались с 1955 года, с санкции Ульбрихта. Но в 1957 году он обвинил товарищей по политбюро Волльвебера и Ширдевана в антипартийной фракционной деятельности и встречи с Венером использовал как аргумент.

Напрасно Вальтер Ульбрихт считал Венера британским агентом и опасным врагом. Венер не хотел, чтобы в ГДР

происходили волнения, которые стали бы поводом для столкновения Запада и Востока. И ему было обидно, что старые товарищи считают его предателем.

В 1930-е годы Венер, как и другие немецкие коммунисты-эмигранты, жил в Москве. По требованию НКВД писал на товарищей по компартии доносы — опять же, как и другие. В 1967 году председатель КГБ Владимир Ефимович Семичастный передал коллегам из МГБ ГДР извлеченные из архивов донесения Венера, в которых он обвинял товарищей-коммунистов в «подрывной троцкистской работе».

В Восточном Берлине намеревались опубликовать эти документы. Они бы поставили точку в карьере Венера. Но решили использовать данные в тайных контактах.

Но Маркус Вольф не любил Венера. Заместитель начальника разведки старый подпольщик Рихард Штальман рассказал ему, что когда находившийся в Швеции Венер получил из Москвы приказ вернуться в нацистскую Германию и возглавить подпольщиков, он понял, что это чистой воды самоубийство, и спровоцировал свой арест шведской полицией. Вольф считал, что на допросах Венер назвал имена тех, кого послал в Германию, а шведы сотрудничали с гестапо.

В 1966 году Герберт Венер занял ключевую позицию в правительстве Федеративной Республики — получил портфель министра по общегерманским вопросам. Отныне люди Вольфа встречались с ним, соблюдая строжайшую конспирацию.

«Венер превратился в самого могущественного политика в СДПГ, — констатировал начальник разведки ГДР, — и оказывал решающее воздействие на политику Западной Германии по отношению к Востоку».

Постепенно переговоры с Гербертом Венером взял на себя адвокат Фогель. Он докладывал о них лично Мильке. Вольфу было велено отойти в сторону.

«Министр госбезопасности Мильке сам редактировал сообщения о беседах с Венером для Хонеккера, — не без раздражения вспоминал Маркус Вольф. — Вряд ли что-либо другое было окружено в ГДР большей тайной, чем эти сообщения. Кроме трех экземпляров, предназначавшихся для Хонеккера, Мильке и меня, имелась еще одна специально отредактированная и подвергнутая цензуре версия протоколов, которая шла советским партнерам».

Отношения с Венером позволяли Мильке с чувством собственного превосходства говорить советским товарищам, что он знает всё, что происходит в высших структурах власти ФРГ. Но Москве не следовало знать всё, что происходило между двумя

Германиями.

Герберт Венер хотел восстановить отношения с Эрихом Хонеккером. Новый глава ГДР не был в эмиграции и не имел претензий к Венеру. Напротив, он когда-то им восхищался. Воспоминания об «общей героической молодости» повлияли на отношения Хонеккера к Венеру. Они переписывались через Фогеля. Обращались к партнеру так: «Мой дорогой друг».

Канцлер Вилли Брандт не любил Герберта Венера, считал, что тот за его спиной сговаривается с восточными немцами и с Хонеккером объединился ради того, чтобы его сбросить. Венер первым сказал Брандту, что арестованный контрразведкой капитан Гийом может на суде рассказать о неприглядных сторонах личной жизни канцлера и тогда разразится скандал. Поэтому лучше подать в отставку…

В мае 1973 года Герберт Венер и председатель фракции Свободной демократической партии в бундестаге Вольфганг Мишник навестили Хонеккера. А накануне Венер и Хонеккер беседовали вдвоем тайно в Шорфхайде. Хонеккер решил угостить его за столиком в саду таким же пирогом, каким его мать когда-то потчевала молодого Венера в Сааре. У них сложились сентиментальные отношения. Венер жаждал реабилитации. На заседании политбюро Хонеккер восстановил политическую честь Венера, заявив:

— Начиная с тридцатых годов Герберт был моим незаменимым другом и советчиком.

Отныне Венера нельзя было обвинять в предательстве рабочего движения. А он все больше ассоциировал себя с социалистической Германией. В августе 1981 года на острове Эланд Венер сказал адвокату Фогелю, что ГДР и социализму грозит гибель. Он советовал Хонеккеру принять решительные меры и как можно скорее:

— К сожалению, без внутреннего насилия не обойтись. Уже без полминуты двенадцать.

Ткань невидимых миру межгерманских отношений становилась все более плотной.

Александр Шальк-Голодовски занимал совершенно особое место в восточноберлинской иерархии. В столице ГДР было немало людей выше его по положению, но только он один мог беспрепятственно наслаждаться всеми благами капитализма. Шальк зарабатывал свободно конвертируемую валюту для социалистического государства — любыми путями.

В штаб-квартире Шалька-Голодковски на Вальштрассе, 9, хранились миллионы западногерманских марок и американских долларов. Огромные суммы выплачивались и принимались без

квитанций и без подписи. Сам Шальк за один год получил полтора миллиона марок и истратил их, не представив никаких оправдательных документов.

Курьеры Шалька циркулировали между Западным и Восточным Берлином, минуя таможню. Они привозили всё, что требовалось самому Шальку и обитателям дачного поселка Вандлиц под Берлином. Поселок восточные немцы окрестили «Домом престарелых» (из-за преклонного возраста членов политбюро) и «Вольвоградом», поскольку руководство ГДР предпочитало шведские автомобили.

Виллы и дачи для начальства с помощью конторы Шалька оснащались импортной техникой. Сами дачи строились на деньги, которые выделялись Министерству строительства на экспериментальные работы и научные разработки. Другим представителям элиты тоже кое-что доставалось: машины, цветные телевизоры, видеоаппаратура, вещи, ювелирные изделия. В составе хозяйственного управления Совета министров открыли швейную мастерскую — обшивать высшую номенклатуру, мебельную мастерскую — обставлять квартиры и особняки руководства страны.

Распределением автомобилей ведал заместитель Шалька Манфред Зайдель. Обычные граждане ГДР стояли в очереди за отечественной машиной «трабант» примерно десять с лишним лет.

Покровитель Шалька — секретарь ЦК СЕПГ по экономике Гюнтер Миттаг попросил генерального секретаря Эриха Хонеккера «в знак признания чрезвычайных заслуг в деле всемерного укрепления Германской Демократической Республики передать в качестве подарка товарищу Александру Шальку-Голодковски дачный дом из готовых строительных блоков импортного производства». Своему сыну Шальк построил виллу тоже на казенный счет.

А еще Александр Шальк-Голодковски по поручению политбюро занимался торговлей оружием, для чего основал внешнеторговую фирму «Имес импорт-экспорт ГмбХ». Возможности у него были неограниченные. В 1984 году задерживалась поставка автоматического оружия одному африканскому торговцу, и Шальк отправил в Африку все автоматы Калашникова, которые находились на вооружении охранного полка МГБ имени Феликса Дзержинского. На несколько недель полк остался без оружия.

Военная промышленность ГДР получила от Советского Союза лицензию на производство советских автоматов АК-74 калибра 5,45 мм, но без права экспорта. Москва сама ими торговала. Но

под руководством Шалька восточногерманские умельцы внесли в конструкцию автомата несколько изменений, и он получил новую маркировку — STGK. Только Индии Шальк продал несколько десятков тысяч автоматов новой модификации. Затем восточные немцы стали выпускать «Калашников», переделанный под натовский калибр 5,56 мм. «Новинку» назвали «Вигер-940». Его хорошо покупали в Африке. Всего на продаже стрелкового оружия Шальк за четыре года, с 1985-го по 1989-й, заработал больше 60 миллионов марок.

Заключая контракты, Шальк не был разборчив. Перепродавал западноевропейское оружие арабским государствам и террористическим группам. К величайшему раздражению Москвы, он снабжал запасными частями египетскую армию, хотя из-за подписанного президентом Анваром Садатом мирного договора с Израилем социалистические страны прекратили сотрудничество с Каиром. Но Шалька интересовали только деньги. Ему помогали сотрудники Восемнадцатого (оперативное обеспечение народного хозяйства) и Двадцать второго (борьба с терроризмом) управлений Министерства госбезопасности ГДР.

Благодаря своим связям с западногерманским финансово-промышленным миром Шальк помог президенту Ирака Саддаму Хусейну, когда тот решил вооружить свою армию ракетным оружием, — нашел компании, готовые продать Багдаду необходимые чертежи и комплектующие. ГДР руководствовалась отнюдь не антиимпериалистической солидарностью. Хусейн ассигновал на эту сделку 18,5 миллиона западногерманских марок. Шальк-Голодковски сразу решил, что из этих денег западногерманские фирмы получат только три миллиона. Остальные достанутся восточногерманским чекистам.

Когда-то Шальк писал в своей диссертации: «Наш классовый долг состоит в том, чтобы с помощью всех имеющихся в нашем распоряжении средств легальной и нелегальной борьбы использовать имеющиеся у противника финансовые и материальные средства для развития ключевых отраслей промышленности ГДР».

Он получал деньги за переданных в ФРГ политических заключенных, торговал оружием и пускал получаемые в Бонне кредиты в оборот. Важно отметить, что он делал это с тайного согласия западногерманских властей. Так что Шальк-Голодковски опасался не следователей прокуратуры ФРГ, а советских разведчиков, которые тщетно пытались разузнать подробности его деятельности.

Если восточным немцам казалось, что кто-то из советских товарищей подошел слишком близко к секретам ГДР, устраивался

скандал. «Бюро Шалька», как называли его ведомство сотрудники представительства КГБ, было закрыто для советских людей.

Во всех странах, кроме социалистических, советская разведка располагала легальной и нелегальной резидентурой. В соцстранах находились официальные представительства КГБ. В их штат включались разведывательные отделы, но имелось в виду, что они ведут работу не против братского государства, а совместно с ним против Запада. О положении внутри страны работников КГБ должны были информировать местные чекисты. В 1970-е годы этого стало недостаточно.

Восточные немцы свели к минимуму информацию о своих секретных операциях, потому что им было что скрывать от советских друзей. Москва догадывалась об этом, поэтому решила создать в социалистических странах разведывательные подразделения без их ведома. Председатель КГБ Андропов распорядился перевести на это направление лучших работников Первого главного управления (внешняя разведка).

Им приходилось действовать в крайне трудных условиях. В западной стране разоблачение разведчика, в конце концов, опасно только для него самого — его могут посадить в тюрьму. В социалистическом государстве пойманному с поличным разведчику ничего особенного не угрожало, но скандал мог подорвать доверие стран Содружества друг к другу.

Восточные немцы реагировали довольно жестко. Известны случаи, когда Восточный Берлин заставлял Москву отзывать наиболее активных сотрудников советской разведки. Однажды немецкая полиция задержала офицера из представительства КГБ. Руководитель представительства генерал Анатолий Иванович Лазарев пожаловался на Хонеккера в Москву, но Хонеккер сам пожаловался на него, и генерала отозвали.

В ГДР под колпаком были все иностранцы, в том числе советские люди. Конечно же, на официальном уровне в ходу всё еще был лозунг «Учиться у Советского Союза — значит учиться побеждать».

— Как социалистическое государство, — говорил на партийном съезде Эрих Хонеккер, — ГДР связана с другими социалистическими государствами тесной дружбой, особенно со страной Ленина, Советским Союзом. Мы хотим и дальше строить социализм для всех людей. Мы не делаем ничего по собственной воле. Всё, что мы делаем, — это воля нашего трудового народа.

Но работа в братской ГДР требовала от советского человека сугубой осторожности. Руководители ГДР покровительственно относились к советским коллегам, поскольку уровень жизни в ГДР был неизмеримо выше, чем в СССР. Советский генеральный

консул в Карл-Маркс-Штадте и Дрездене позволил себе критически отозваться о положении дел в ГДР. Доложили генеральному секретарю Эриху Хонеккеру, тот выразил недовольство, и консула отозвали.

Формально сотрудникам КГБ было запрещено вербовать агентуру среди граждан Германской Демократической Республики — нельзя шпионить за братьями по социалистическому лагерю. Всю информацию о положении в стране представительство КГБ получало официальным путем от местных коллег.

На самом деле Москва, конечно же, хотела знать больше того, что ей считали нужным сообщать немецкие товарищи. Но действовать надо было очень осторожно, чтобы у немцев не возникло подозрений. Эрих Мильке не позволял советским коллегам вмешиваться в его дела. Так что сотрудники представительства КГБ в Берлине вели себя очень дисциплинированно, зная, что немцы за ними присматривают, слушают их телефонные разговоры, ставят прослушивающую аппаратуру в их квартирах.

Но несколько сотрудников советской внешней разведки не были представлены в этом качестве немецким друзьям. Они находились в Берлине в основном под журналистским прикрытием. У Москвы на всякий случай было заготовлено оправдание — эти люди скрывали свою принадлежность к разведке, чтобы на территории ГДР работать против общего врага — западных граждан, приезжавших в Берлин. В реальности интересовало советских разведчиков другое — за сделками Шалька-Голодковски прослеживалась опасная для Москвы политическая линия.

До 1968 года в научных и правительственных изданиях Западной Германии вместо ГДР писали «советская оккупационная зона». В конце 1960-х западные немцы решили, что ГДР будет существовать долго, если не всегда. Некоторые из них считали, что у восточных братьев есть чему поучиться: Восточная Германия лучше хранит немецкие традиции, чем американизировавшаяся ФРГ, ГДР — бедная, но счастливая страна, где отношения между людьми более теплые, сердечные. И вообще система, установленная в советской оккупационной зоне, не так уж плоха, ее недостатки исправимы и реформирование возможно. Так что надо давать восточным немцам деньги уже сейчас, не дожидаясь объединения, рассуждали они. Чем лучше восточные немцы будут жить, тем с бóльшим презрением станут относиться к социалистическому блоку.

Тщательно скрываемое в высших эшелонах ГДР ощущение

общегерманской общности не осталось не замеченным Москвой.

В марте 1973 года заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС Анатолий Черняев беседовал в Бонне с советским послом Валентином Фалиным. Посол произвел впечатление: «Четкость и деловитость ума, отвращение к трепу и общим фразам, несколько наигранная критичность, из которой следует, что все остальные дураки».

Фалин доверительно рассказал гостю об интенсивных контактах между двумя Германиями, которые Восточный Берлин держит втайне от Москвы:

— Помимо активных экономических связей между ГДР и ФРГ, о которых нам почти ничего не известно, в обе стороны идут невидимые, но мощные потоки. По всем линиям — профсоюзной, научно-технической, культурной. Но особенно важны лично-семейные связи и межпартийные, политические — сверхтайные. Десятки, сотни эмиссаров с разными заданиями ездят взад-вперед ежедневно. От нас это скрывают в первую очередь… Обратите внимание: гэдээровцы упорно отказываются принять нашу систему ГОСТов и пользуются западногерманской, общеевропейской системой стандартов.

Фалин резюмировал:

— Да что вы хотите! Возводить в теорию разделенность великой нации в конце двадцатого столетия! Это ли не абсурд! Нам надо серьезно подумать над «концепцией Германии». Иначе через пяток лет мы будем иметь в ГДР такое, что оккупационных войск может не хватить…

Немецких друзей старались придерживать. Весной 1974 года в Восточном Берлине разработали перспективный план экономического сотрудничества с ФРГ, но вовремя не согласовали его с Москвой. Советские чиновники воспользовались этой возможностью, чтобы напомнить восточным немцам, «кто они есть и что им придется проводить нашу политику». Немецкая делегация во главе с членом политбюро, отвечавшим за международные дела, Германом Аксеном прилетела в Москву. Разговаривали с ними жестко и фактически заставили отказаться от всех пунктов совместного с ФРГ плана.

При этом в идеологических вопросах восточные немцы демонстрировали запредельную ортодоксальность. Жаловались на советских товарищей, если те позволяли себе малейшее отступление от генеральной линии.

Герберт Венер говорил своим друзьям из ГДР, что Москва может их предать, что западные немцы и русские сговариваются. Называл имена Валентина Фалина, Юлия Квицинского и Николая Португалова.

Николай Сергеевич Португалов работал в ФРГ собственным корреспондентом агентства печати «Новости» и «Литературной газеты». На самом деле он был кадровым сотрудником Первого главного управления (внешняя разведка) КГБ, о чем написал много лет спустя в изданной в Германии мемуарной книге. Потом Фалин взял его в ЦК — в отдел внешнеполитической пропаганды, который для маскировки называли отделом международной информации.

Хонеккер хотел встретиться с канцлером ФРГ Гельмутом Шмидтом. В Москве этого не одобрили.

В феврале 1980 года Мильке и Вольф полетели в Москву. По случаю 30-летия МГБ они привезли ордена и медали, чтобы наградить ведущих офицеров КГБ. Андропов лежал в больнице. Он был очень мрачен, атомная война казалась ему реальной перспективой. Андропов предостерег восточногерманских друзей от встречи с Шмидтом.

— У этого человека два лица. Но фактически он стоит на стороне американцев. С ним не следует вести переговоры на высшем уровне.

Мильке не знал, как передать его слова Хонеккеру.

«Эрих Хонеккер уже давно отказался от слепого подчинения Москве, — писал Маркус Вольф. — Без колебаний он следовал своему курсу расширения контактов ГДР и ФРГ на высшем уровне. Он упрямо стремился к осуществлению своей мечты — быть встреченным в Бонне на красном ковре под звуки гимна ГДР».

Хонеккеру не нравилось, что советское военное командование по-хозяйски размещает на территории ГДР оружие, не ставя Восточный Берлин об этом в известность.

«Нам было известно, где должны стоять ракеты НАТО, — вспоминал Маркс Вольф. — А где и когда в наших лесах будут спрятаны советские ракеты, наши друзья не сообщили ни самому Хонеккеру, ни Мильке… В сущности, мы, немцы, в качестве статистов принимали участие в военных играх супердержав».

Гельмут Шмидт и Эрих Хонеккер общались по телефону, но лично не встречались. Хонеккер пока не решался на это без одобрения Москвы. В апреле 1980 года на переговоры со Шмидтом поехал вместо генерального секретаря секретарь ЦК СЕПГ по экономике Гюнтер Миттаг. И остался доволен этим визитом.

Западногерманские политики, даже из числа самых непримиримых антикоммунистов, как, например, премьер-министр Баварии Франц Йозеф Штраус, охотно содействовали Александру Шальку-Голодковски исходя из того, что немцы

должны помогать немцам.

«В 1983 году я познакомился с Францем Йозефом Штраусом, — рассказывал сам Шальк. — Его курьер передавал мне списки политических заключенных, которые должны быть выпущены на свободу, или фамилии граждан ГДР, которые хотели воссоединиться со своими семьями в ФРГ. Письма были в запечатанных конвертах.

Диаконическая служба Штутгарта (занимающаяся социальным служением) была уполномочена заключать товарные соглашения. После освобождения людей я или мой заместитель получали сообщение от Диаконической службы, что к ним поступил кредит от федерального правительства на такую-то сумму и в этих пределах может быть заключено соглашение о приобретении нужных ГДР товаров».

У Шалька со Штраусом установились дружеские отношения, они охотились вместе под Дрезденом в угодьях Хонеккера. Потом Штрауса привезли в Эрфурт, где всячески обхаживали и ублажали. Секретарь горкома партии Эрфурта, который не был посвящен в эти политические игры, недоумевал, что́ «реваншист и поджигатель войны» делает в его городе.

Александр Шальк-Голодковски получил повышение — его сделали статс-секретарем Министерства внешней торговли. Он и его жена Зигрид всегда были желанными гостями в ФРГ. Шалька встречали на границе и везли к Францу Йозефу Штраусу. Влиятельный политик из Баварии последовательно заботился о соотечественниках по ту сторону железного занавеса. В 1983 году Штраус помог ГДР получить миллиардный кредит, это спасло страну от неплатежеспособности.

Но в руководстве ГДР не было на сей счет единства. Член политбюро Гюнтер Миттаг не видел ничего плохого в получении денег от ФРГ. Секретарь ЦК СЕПГ, а впоследствии первый заместитель главы правительства ГДР Вернер Кроликовски жаловался в Москву на неклассовый подход своих товарищей. В 1986 году Кроликовский сказал советскому послу Вячеславу Ивановичу Кочемасову:

— Надо менять руководство. У нас создалось очень трудное положение. Но никаких дискуссий, всё подается в розовом свете.

Кочемасов спросил, разделяет ли еще кто-нибудь в политбюро эту точку зрения.

Кроликовски ответил, что не он один так думает.

Все знали, что Кроликовски ориентировался на главу правительства Вилли Штофа. Но посол не располагал полномочиями на ведение подобной беседы. Да и Москва в ту пору уже не желала вмешиваться в кадровые вопросы. Так что

Кочемасов ответил дипломатично:

— Вы должны сами решать свои внутренние проблемы. Прошли те времена, когда мы снимали и назначали генсеков. Мы, конечно, в стороне не останемся и всегда поддержим здоровые силы.

Глава правительства Вилли Штоф, человек ортодоксальных взглядов, постоянно предупреждал Москву, что Хонеккер — националист, ориентирующийся на Западную Германию, и что из-за него отношения между ГДР и СССР ухудшаются. Но Москва не реагировала на эти предупреждения.

Доверенные люди Штофа вполне откровенно беседовали на сей счет с советским послом и с главой представительства КГБ. Фактически просили помочь сменить генерального секретаря. Передавали в посольство и представительство КГБ секретные материалы, для того чтобы показать пагубность политики Хонеккера.

Мильке об этом знал и ставил в известность Хонеккера. Тот, в свою очередь, несколько раз пытался отправить Вилли Штофа в отставку. Но Москва не хотела нарушать баланса сил в Восточном Берлине и не позволяла Хонеккеру избавиться от Штофа. Советское руководство устраивала такая ситуация, при которой члены политбюро ЦК СЕПГ вынуждены были за помощью и советом обращаться к Москве…

В мае 1986 года Вилли Штоф передал для Горбачева конфиденциальное послание: «ГДР всё быстрее приближается к экономическому кризису, переживает тяжелый социальный кризис, дальнейшее нахождение у власти Хонеккера будет иметь катастрофические последствия».

Двадцать четвертого февраля 1984 года в посольство ФРГ в Чехословакии обратились близкие родственники члена политбюро ЦК СЕПГ и председателя совета министров республики Вилли Штофа. Его племянница Ингрид вместе с мужем, двумя детьми и свекровью хотели бежать на Запад. После долгих переговоров они согласились вернуться в ГДР и там получить разрешение на выезд. 1 марта родственники Вилли Штофа вернулись домой, а 20 марта уже прибыли в лагерь для беженцев в Западной Германии.

Министр госбезопасности ГДР Эрих Мильке иногда откровенничал с сыном. Он говорил о том, что граждане социалистического государства бегут на Запад, о тяжелом положении в экономике, о своем разочаровании:

— Посмотри на руководителей производства на Западе. Как они держат в руках свои концерны! И какую прибыль приносят! Разве наши так не могут? Что они, глупее? Нет, всё дело в том,

что мы не даем им возможности добиться той же производительности труда. Но я ничего не могу изменить!

Александр Яковлевич Богомолов, который попеременно работал то в аппарате ЦК КПСС, то в посольстве в Восточном Берлине, считал, что Эрих Хонеккер никогда не был другом Советского Союза.

— Никто на Западе не знает, как живут советские люди, — говорил Хонеккер своим помощникам. — И всем наплевать, как они живут, а мы на виду, на стыке социализма и капитализма. Поэтому СССР обязан нам помогать.

Вождь ГДР стал даже стесняться советских товарищей.

— Эрих Хонеккер обратился к нам с просьбой не выпускать советских солдат из казарм — они так одеты, что позорят свою страну, — вспоминал помощник министра иностранных дел Сергей Петрович Тарасенко. — Генеральный секретарь ЦК СЕПГ просил покрасить казармы, заборы. А наших солдат либо приодеть, либо держать в военных городках.

К Леониду Ильичу Брежневу и его соратникам Хонеккер относился без всякого пиетета. Он поставил своей целью 1 поднять жизненный уровень ГДР за счет денег Западной Германии. Советские представители о контактах с Западом ставились в известность постфактум. Но у Москвы рычагов влияния на Берлин не осталось.

Эрих Хонеккер был лучшим учеником в марксистском классе. Нигде реальный социализм не был таким успешным, как в ГДР, — но за счет советской помощи и денег ФРГ.

Хонеккер научился выступать и вести переговоры без шпаргалки, непринужденно. Общеевропейское совещание в Хельсинки открыло ему путь в мировую политику. Он казался открытым, компетентным и убежденным в своих идеях. У него была репутация отважного борца с нацизмом. Он добился дипломатического признания ГДР, и ее приняли в ООН. С годами Хонеккер, очень тщеславный и окруженный подхалимами, становился всё более самоуверенным. Ему докладывали о потрясающих успехах экономики ГДР, ему хотелось в них верить и он верил.

Пока Брежнев был жив, руководителей социалистических стран летом собирали в Крыму. Многие из них использовали общение с советскими вождями для поднятия собственного авторитета. Разговоры сводились в основном к просьбам о помощи. Но хозяин Восточной Германии (его селили на даче № 5 в Форосе, в десяти минутах езды от дачи Брежнева) считал себя политиком более крупного уровня. В своем кругу тщеславный Хонеккер презрительно замечал:

— Зачем мне ездить в Крым, где я должен выслушивать какие-то лекции?

В Советском Союзе очень дорожили Восточной Германией, которая находилась на передовой холодной войны. Группа советских войск в Германии в 1960-е годы состояла из десяти танковых и десяти стрелковых дивизий — 350 тысяч солдат и офицеров, семь с половиной тысяч танков, 900 самолетов.

В свое время министр обороны маршал Родион Яковлевич Малиновский, выступая на партийной конференции Группы советских войск в Германии, сравнил ее со стрелой туго натянутого лука:

— Если возникновение угрозы войны заставит метнуть стрелу, то остановить ее сможет только пролив Ла-Манш, и то на время…

Национальная народная армия ГДР считалась в Организации Варшавского договора самой боеспособной после советской и занимала первую линию обороны против Запада.

Принимая присягу, солдаты Национальной народной армии ГДР клялись: «…всегда быть готовыми вместе с Советской армией и армиями наших союзников, социалистических стран, защитить социализм от любых врагов и отдать свою жизнь во имя победы… Если же я преступлю данную мною клятву, то пусть меня постигнет суровое наказание по законам нашей республики и презрение трудового народа».

За надежность армии отвечало Первое главное управление Министерства госбезопасности ГДР. Военные контрразведчики сопровождали заботливым вниманием каждого немца в военной форме — от обязательного медосмотра до демобилизации. Если призывник казался «ненадежным», его отправляли служить вглубь страны. Надежным доверяли службу на границе с капиталистической ФРГ.

— Мы, как марксисты-ленинцы, — говорил Эрих Хонеккер, — всегда начеку, мы держим порох сухим и заботимся о том, чтобы военное превосходство стран Варшавского договора над классовым врагом было надежно закреплено.

Управление военной контрразведки располагало собственными спецподразделениями. Если поступала оперативная информация о том, что кто-то собирается бежать на Запад, спецназ устраивал засаду на этом участке границы. Спецназ использовали и для того, чтобы инсценировать бегство на Запад, если засылался человек Маркуса Вольфа.

В Москве изо всех сил пытались помешать прямым и неконтролируемым контактам двух Германий. Летом 1984 года генеральный секретарь ЦК Социалистической единой партии

Германии Эрих Хонеккер собрался в ФРГ. Советские руководители возражали. Разразилась настоящая ссора между вождями двух соцстран. Самостоятельность Хонеккера раздражала Москву. Сближение двух Германий представлялось несвоевременным. Особенно в тот момент, когда ухудшились отношения Советского Союза и Соединенных Штатов.

Хонеккер хотел получить от ФРГ миллиардный кредит. Министр Мильке попытался влиять на генерального секретаря КПСС Константина Устиновича Черненко через партнера — нового председателя КГБ Виктора Михайловича Чебрикова. Соединился с ним по аппарату правительственной междугородной ВЧ-связи. И Маркус Вольф по-русски зачитал текст обращения Эриха Хонеккера к советским друзьям. Но осторожный Чебриков ответил, что эту тему нужно обсуждать по партийным каналам.

Руководители ГДР решили объясниться с советским руководством. Делегация во главе с Хонеккером (в нее вошли секретарь ЦК по международным делам Герман Аксен и секретарь по идеологии Курт Хагер, а также министр госбезопасности Эрих Мильке) тайно прилетела в Москву.

Вразумлять немцев взялись генеральный секретарь Константин Устинович Черненко, второй человек в партии Михаил Сергеевич Горбачев, министр обороны Дмитрий Федорович Устинов и секретарь ЦК по соцстранам Константин Викторович Русаков.

Двадцать второго августа 1984 года заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС Анатолий Черняев, прочитав стенограмму беседы, записал в дневнике: «Выламывание рук: рановато немцы решили, что они уже не вассалы, а партнеры. Но они огрызались. И обещания не ехать в Бонн не дали…»

После отъезда немцев заседало политбюро.

«Обсуждалась информация для партактива о „германо-германском казусе“, — записал в дневнике Черняев. — Секретарь ЦК Зимянин попытался смягчить формулировки. Но на него насели, особенно министр обороны Устинов. Логика такая: не только Хонеккер, но и Кадар, и Живков, и даже чехи „паршиво“ себя ведут. Мы, мол, твердим, что ситуация всё ухудшается из-за „першингов“ в Европе, а они как ни в чем не бывало обнимаются и с ФРГ, и с Италией, и с Англией. Мы же интеллигентничаем, боимся им прямо сказать, а мы имеем право им сказать, что так не пойдет.

Устинова поддержал председатель КГБ Чебриков, на 50 процентов Горбачев, и всё, за исключением одной фразы, было оставлено, как предложено. Смысл: мы, мол, еще в июне, в беседе

Черненко с Хонеккером, сказали, что в Бонн ехать не надо, а нас не слушают и продолжают готовить визит».

Зависимость Восточной Германии от Советского Союза ослабела. Москву по-прежнему боялись, но видели, что она мало что может дать. Экономическое соревнование с Западом было проиграно.

Глава правительства Вилли Штоф признался Маркусу Вольфу: никогда не испытывал такого разочарования и не ощущал такого недоверия со стороны советских руководителей к себе и к ГДР. Эриху Хонеккеру ничего не оставалось, как прислушаться к Черненко и отложить поездку в ФРГ. Но в своем кругу он жаловался, что Советский Союз оскорбил его лично. А он так хотел увидеть родной Саар…

— ГДР должна полагаться на собственные силы, — заключил Вилли Штоф.

При Горбачеве Хонеккеру тоже долгое время настоятельно не советовали ездить в ФРГ. Хонеккер реагировал крайне болезненно: вам можно, а мне нельзя? После смерти Брежнева он считал себя лидером международного рабочего движения. В конце концов хозяин Восточной Германии всё-таки поехал и был принят на высшем уровне.

А вот Ханс Модров, как и Вольф, довольно мрачно смотрел на будущее. Это был видный партийный работник, которому предсказывали большое будущее. В 1973 году его избрали первым секретарем окружного комитета партии в Дрездене.

Путь его казался традиционным для партийного чиновника. В конце войны его зачислили в фольксштурм, он попал в плен, вернулся домой только в 1949 году. Сделал карьеру в Союзе свободной немецкой молодежи, со временем возглавил отдел пропаганды и агитации ЦК СЕПГ. Он стал заметной фигурой, когда получил самостоятельную должность в Дрездене. К нему присматривались и люди Мильке, и советские товарищи.

Полковник Валерий Матвеев, который два десятка лет проработал в Ленинградском управлении госбезопасности, в мае 1986 года прибыл в Дрезден в командировку. Представился руководителю — своему однофамильцу полковнику Лазарю Лазаревичу Матвееву. Посодействовать ленинградскому чекисту попросили майора Владимира Путина, который не только помог, но и поселил земляка в своей трехкомнатной квартире на третьем этаже шестиэтажного дома, где жили немецкие чекисты.

Валерия Матвеева пригласил к себе начальник управления МГБ. Путин отвел его к немецким коллегам. Оказывается, немецкий генерал хотел сделать приятное руководителю Ленинградского управления КГБ Даниилу Павловичу Носыреву.

«У генерала Носырева, — вспоминал Валерий Матвеев, — была нестандартная нога, и человек мучился, подбирая модную обувь такого большого размера. И его немецкий друг приобрел для него обувь, которую просил меня передать. Что меня поразило, немецкий генерал развернул коробку с обувью и коробку с духами для супруги Носырева, чтобы я убедился, что ничего противозаконного он не передает. В Ленинграде Носырев как-то стыдливо убрал коробки в стол и лишь дежурно поинтересовался оперативной обстановкой в Дрездене».

Самому Матвееву немецкий генерал подарил фарфоровую тарелку с изображением Рихарда Зорге. Перед отъездом полковник устроил отвальную для немецких коллег в одной из дрезденских пивных. Немцы втихаря налили ему полный фужер шнапса вместе с шампанским и предложили выпить за дружбу двух стран. Ленинградский чекист пригубил и отставил фужер в сторону.

— Зачем вы так сделали?

«Немцы, ухмыляясь, заявили, что хотели сделать приятное — вы у себя в России только так и пьете, — вспоминал Матвеев. — Я понял, что это было скорее не невежество, а вежливое хамство со стороны коллег. Это были не рядовые работники, а руководители. Я предложил каждому налить по такому же бокалу и выпить за процветание ГДР. Они отказались от такого предложения. Неприятный осадок от соседей по застолью, держащих фигу в кармане, остался».

Дрезденское окружное управление МГБ располагало собственной станцией подслушивания телефонных разговоров, оборудованием для вскрытия писем. В гостиницах, где останавливались иностранцы, рядом с телефонным коммутатором находилось помещение для сотрудников госбезопасности, где дублировались все телефонные линии гостиницы. Немецкие чекисты могли слушать разговоры своих гостей.

Начальник Дрезденского окружного управления МГБ генерал-майор Хорст Бём без особого пиетета относился к советским офицерам связи. Тем не менее немецкие товарищи, как было положено, после нескольких лет совместной службы наградили Владимира Путина бронзовой медалью «За заслуги перед Национальной народной армией ГДР» (приказ № 114/88 от 7 февраля 1988 года хранится в архивах бывшего МГБ ГДР). Это был ритуальный знак вежливости. О подлинных успехах или неуспехах офицера КГБ немецким друзьям знать не полагалось.

Генерал Хорст Бём считался одним из самых жестких и ортодоксальных офицеров госбезопасности. Его прислали в

Дрезден в том числе с задачей присматривать за первым секретарем окружного комитета СЕПГ Хансом Модровом, пожалуй, самым интересным политиком в ГДР.

У Модрова были хорошие отношения с Советским Союзом, что не нравилось руководству ГДР. «Позиция Хонеккера была простой, — вспоминал сам Модров, — кто друг, тот всегда друг; кто противник, тот всегда противник. Я перестал быть его другом. Лотта Ульбрихт напутствовала меня перед отъездом в Дрезден с мудрой четкостью и определенностью: кто не мил при дворе, тому живется лучше как удельному князю вдали от двора. В 80-е годы мне стало ясно, что определенным силам в Берлине не нравятся мои тесные связи с Советским Союзом. Я чувствовал, что за мной следят, пытаясь выяснить, как я эти контакты осуществляю и что обсуждается на этих встречах».

Министерство госбезопасности действительно следило за его контактами с советскими представителями, поэтому всё происходило, как в шпионском фильме. Тогдашний советник-посланник нашего посольства в ГДР Всеволод Иванович Совва рассказывал мне, как он тайно привозил Модрова в своем автомобиле с дипломатическими номерами. Ханс Модров не мог открыто приехать в советское посольство в Берлине, так как за ним следили немецкие чекисты. Он отпускал свою машину на одной из берлинских улиц и ждал, когда Совва за ним заедет. Модрова вели в посольскую сауну, и там уже откровенно обсуждалось положение в ГДР.

Это беспокоило руководителей госбезопасности ГДР, поэтому в Дрезден и прислали Хорста Бёма, малоприятного человека, но преданного министру госбезопасности Мильке и разделявшего его мнение, что всё должно быть подконтрольно МГБ. На посту начальника окружного управления Бём сменил Рольфа Маркерта, бывшего подпольщика, который при нацистах сидел в концлагере Бухенвальд. Маркерта сняли с должности за «недостаточную настойчивость» в работе.

При Хорсте Бёме ситуация, вспоминал Модров, радикально изменилась: «Щупальца и уши МГБ можно было обнаружить теперь повсюду… Если раньше еще поступали сведения о разоблачениях западных шпионов, то теперь вся работа госбезопасности сосредоточилась на внутренней жизни округа… Мне казалось, что Бём постоянно держит передо мной зеркало и говорит при этом: „Дела твои плохи, мой друг…“ Бём повсюду видел проявления враждебности. Если бы проявления враждебности прекратились, то Бём рухнул бы, как предмет, лишившийся опоры. Бём был заинтересован в сохранении этой атмосферы враждебности, которую в значительной степени

создавал его аппарат».

В июне 1987 года в Дрезден приехал начальник советской разведки Владимир Александрович Крючков. Его интересовал Ханс Модров. Сам Модров вспоминал: «Маркус Вольф — в то время уже оставивший службу в разведке — спросил меня, не хочу ли я встретиться с ним и Крючковым за дружеским ужином. Но ни о каком заговоре против Хонеккера, естественно, речи не шло.

Старая дружба с Конрадом Вольфом, укрепившаяся в 50-е годы во время совместной работы в Союзе свободной немецкой молодежи, в 80-е перешла в дружбу с Маркусом. Он приезжал в Дрезден, чтобы получить от меня согласие на публикацию в его книге „Тройка“ пары строчек, характеризующих мое отношение к его брату Конраду. Позже западногерманская газета „Франкфуртер альгемайне цайтунг“ писала, что Вольф упоминает в своей книге имя Модрова, потому что видит в нем преемника Хонеккера.

Я не был диссидентом, фракционером или уклонистом. Меня выводил из себя всё возрастающий формализм, удручала атмосфера чинопочитания и пропагандистского угара. Государство поникших голов, тяжелых век, заткнутых ртов, онемевших языков, опущенных плеч.

МГБ ГДР получило указание пристально присмотреться к моим связям с КПСС. Я почувствовал это по критическим оценкам Эриха Хонеккера моих „чересчур пылких“ контактов с Ленинградом, которые якобы затуманивают мой взгляд на СССР и перестройку. Откуда он мог знать, что и где я сказал?

Когда в 1988 году советский генконсул стал настойчиво интересоваться моим мнением о положении в ГДР, я ему откровенно ответил, что отныне моя готовность к информированию будет ограниченна, ибо неясно, каким образом мои оценки, предназначенные для Москвы, странным образом возвращаются в Берлин».

Когда в Восточной Германии начались революционные перемены, генерал Бём не смог сохранить контроль над городом. 5 декабря 1989 года в Дрездене толпа захватила здание окружного управления госбезопасности. Сопротивления не встретила. Какая-то часть толпы перешла через дорогу и попыталась захватить здание, которое занимали советские чекисты. Виллу охраняли пограничники. К толпе вышел молодой офицер. Дрезденцы потом вспоминали его слова:

— Не пытайтесь проникнуть на эту территорию. Мои товарищи вооружены, и у них есть право в случае крайней необходимости применять оружие.

Это был Владимир Путин. Толпа остановилась. Потом командующий советской танковой армией, дислоцированной по соседству, прислал солдат для охраны представительства. Надо полагать, будущий российский президент навсегда запомнил день, когда на его глазах в одночасье рухнула казавшаяся незыблемой политическая система.

Девятнадцатого декабря в Дрезден приехал канцлер ФРГ Гельмут Коль. На фоне развалин дрезденской церкви Фрауэнкирхе он произнес речь, которая вошла в историю. Он обещал исполнить волю граждан ГДР — воссоединить Германию. И это произойдет в стенах европейского дома. Ему бурно аплодировали. Всем стало ясно, что ГДР скоро исчезнет с политической карты мира.

Генерал-майор Хорст Бём покончил с собой. Говорили, что причина самоубийства — его осведомленность об особых операциях советской разведки на немецкой территории. В реальности для него, высокопоставленного офицера госбезопасности, жизнь кончилась с объединением Германии.

ОТСТАВКА ПО СОБСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ

В 1965 году кинорежиссер Конрад Вольф возглавил Академию искусств ГДР. Его старшему брату тоже было чем похвастаться. В том же 1965-м Маркуса Вольфа произвели в генерал-лейтенанты. Разница между братьями состояла в том, что Конрада поздравляла вся страна, а новые погоны Маркуса обмывались в очень узком кругу. Он редко появлялся в генеральской форме.

Конрад Вольф был, без сомнения, любим властью. Он четыре раза удостаивался национальной премии — в 1959, 1968, 1971 и 1979 годах. Однако он вовсе не был послушным винтиком системы. И многое в системе ему нравилось всё меньше и меньше.

«К середине шестидесятых, — вспоминал его болгарский друг и коллега, — волны неосталинизма хлынули и на родину Кони, затопили своей мутью ростки нового цикла развития демократических процессов. В ГДР дунули леденящие встречные ветры, дунули с необыкновенной брутальностью. Наступала пора тотальных заморозков в духовной сфере. Всё это глубоко затронуло члена ЦК СЕПГ Конрада Вольфа. Без преувеличения этот храбрый и стойкий человек впал в глубокую депрессию».

Он снял фильмы по очень популярной в те годы сказке Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц» (1966) и по роману Лиона Фейхтвангера «Гойя, или Тяжкий путь познания» (1971), где главную роль сыграл Донатас Банионис. Экранизируя роман Фейхтвангера, Конрад Вольф обратился к волновавшей его теме взаимоотношений художника и власти. На экране предстала история дворцового любимца, который жертвует всеми милостями ради права творить так, как он хочет.

Положение Конрада Вольфа усугубляло то, что к нему, как к президенту Академии искусств, часто приходили пожаловаться. Коллеги знали: ему можно излить душу. И речь шла не о бытовых трудностях. Обращались к нему первые имена восточногерманской литературы — Криста Вольф, Сара Кирш, Франц Фюман. Они на каждом шагу наталкивались на закоснелые бюрократические структуры и бездушие партийных функционеров. Франц Фюман, удостоенный высших наград, дважды лауреат Национальной премии ГДР, резко критиковал культурную политику партии. Он не нашел понимания среди партийных функционеров и в знак протеста вышел из Союза

писателей, покинул и Академию искусств.

«Некоторое время мы с Францем Фюманом жили по соседству в Берлине, — вспоминал Ханс Модров. — Иногда встречались у газетного киоска. „Вы идиоты, — как-то сказал он мне, — у вас даже почтальон выполняет план на 105 процентов. Видимо, он сам себе пишет письма“».

После таких бесед Конрад звонил старшему брату. Иногда чтобы попросить совета — заместитель министра госбезопасности лучше знал, как действовать в сложной ситуации. Иногда в отчаянии — поделиться переполнявшими его тягостными эмоциями.

Старший брат, наделенный более устойчивой психикой, констатировал, как он сам писал, «раздвоенность Кони — внутренний конфликт между идеалами, которым он хотел остаться верен, и реальностями политики, в которую он был втянут».

Однажды Конрад сказал брату, что за Кристой Вольф и ее мужем ведется слежка, они не понимают, что происходит. Маркус сделал, что мог. Обратился к коллеге по министерству, попросил учесть мнение влиятельных интеллектуальных кругов — такую выдающуюся писательницу с мировым именем, как Криста Вольф, не следует пугать.

В ГДР были очень заметные диссиденты, если использовать знакомое нам по советским временам понятие. В первую очередь на слуху были имена популярного поэта и певца Вольфа Бирмана и ученого Роберта Хавемана.

В третьем рейхе органически не принимавший нацизма доктор Хавеман участвовал в движении Сопротивления. Он был арестован в 1943 году и приговорен к смертной казни. Приговор не привели в исполнение, поскольку вермахт был заинтересован в его исследованиях, имевших военное значение. После войны Хавеман возглавил научно-исследовательский институт в американском секторе Берлина, но потерял свой пост, поскольку протестовал против создания ядерного оружия. В 1950 году он перебрался в Восточный Берлин и возглавил Институт физической химии. Партийные власти были несказанно рады заполучить ученого такого уровня в ГДР! Хавемана избрали депутатом, отметили национальной премией.

Но профессор Хавеман не принял реального социализма. За выступления на философские темы и статьи, опубликованные в Западной Германии и воспринятые как критика режима, Хавемана в 1964 году исключили из партии. В 1966 году исключили из Академии наук ГДР.

А Вольфу Бирману в ноябре 1976 года не разрешили

вернуться в ГДР с гастролей в Западной Германии. После концерта в Кёльне политбюро ЦК СЕПГ лишило его гражданства. А ведь он происходил из семьи антифашистов-коммунистов. Его отец, работавший на гамбургской судоверфи, погиб в Освенциме. В 1953 году Бирман сам переселился из ФРГ в ГДР. Но и он не прижился в системе реального социализма. Имел свое мнение, не скрывал его, потому идеологическое начальство зачислило его в диссиденты. Он сочинял стихи и пел песни. Его можно было бы сравнить с Владимиром Высоцким, Булатом Окуджавой или Александром Галичем.

Характерно, что многие коллеги давно требовали наказать барда как «вражеский элемент». Конрад Вольф же считал неправильным лишать Вольфа Бирмана гражданства. Но, как член ЦК и президент академии, был принужден оправдывать то, с чем не согласен. Он попал в трудное положение. Партийный аппарат упрекал его в либеральном примиренчестве. Свободомыслящие коллеги не понимали, почему он вместе с ними не возмущается произволом властей.

После тяжких размышлений Конрад Вольф выдавил из себя заявление: «…к лишению Вольфа Бирмана гражданства ГДР». Ему казалось, что он нашел не слишком позорящую его формулу осуждения диссидента: «Бирман для меня не трудный, иногда заходящий слишком далеко (как он сам о себе говорит) и — как я сам иногда думал, — возможно, несправедливо подозреваемый сочинитель песен, а человек, идущий другим, нежели мы, политическим путем. Фактически — это мое убеждение — он служит делу тех людей, для которых ликвидация социалистического общества в ГДР — задача, решение которой отложено, но не снято с повестки дня».

В трудные минуты Конрад искал поддержки у невозмутимо хладнокровного старшего брата. Маркус Вольф вспоминал, как приглашал Конрада и Кристель на жарко́е из дикого кабанчика: «Мы с братом ревниво, по-серьезному относились к своим кулинарным затеям. Но когда речь шла о блюдах из дичи, то я пользовался авторитетом даже у Кони». В мае 1977 года они вдвоем поехали на церемонию приведения к присяге солдат Первого танкового полка имени Фридриха Вольфа — под Магдебургом. Вечером в пивном подвальчике беседовали с молодыми солдатами. Военная служба в Национальной народной армии ГДР мало походила на советскую.

А весной 1978 года Конрад Вольф в отчаянии примчался к старшему брату на дачу. За бутылкой виски рассказал о личном горе: любимая женщина Кристель уходит от него. Эту трагедию он переживал очень тяжело. Привычные способы забыться не

помогали. Таблетки и спиртное пагубно сказывались на его здоровье.

Глубоко страдая, Конрад не забывал о своих обязанностях перед коллегами. В результате долгих раздумий он написал большое письмо Эриху Хонеккеру о необходимости выработать новую политику в отношении деятелей культуры, дабы не отталкивать всех инакомыслящих.

Немногим удавалось повлиять на Хонеккера. Президент Академии художеств принадлежал к числу этих немногих. Хонеккер его ценил и прислушивался к его словам. Конраду не раз удавалось добиваться послаблений для восточногерманской интеллигенции. Прочитав письмо, Хонеккер беседовал с Вольфом два часа. 22 июня 1979 года генеральный секретарь встретился с творческой интеллигенцией.

На похоронах знаменитого актера и певца-антифашиста Эрнста Буша, чье имя гремело еще в довоенные годы, Хонеккер предложил Конраду Вольфу сделать фильм о певце. От генсека этого не ожидали. Все знали, что Буш не любил Хонеккера и много лет отказывался петь на официальных концертах. Документальный телевизионный цикл «Поет Буш» занял у Конрада последний год его жизни.

В 1981 году Вольф-младший получил слово на X съезде партии. Завершил выступление необычно — предложил делегатам послушать старую песню Буша об Эрнсте Тельмане, песню времен гражданской войны в Испании. Он всё еще верил, что можно возродить дух подлинного социализма, если вернуться к идеалам поколения отцов. Президента Академии искусств избрали членом ЦК. Маркус сердечно поздравил младшего брата.

Конрад Вольф отправился в Москву снимать телевизионный фильм о годах своей юности — с молодой спутницей, похожей на Кристель. Он гулял по городу, искал знакомые места. Дом на Нижнем Кисловском, Арбат, кинотеатр «Художественный», бывшая 110-я школа около улицы Герцена, школа имени Карла Либкнехта на Кропоткинской. С Киевского вокзала на электричке поехал в дачный поселок Переделкино. И свой пятьдесят шестой день рождения (в октябре 1981-го) отметил в Москве у кинокритика Майи Туровской, с которой когда-то учился в 110-й школе.

Стефан Хермлин, классик литературы ГДР, предложил ему провести встречу писателей обеих Германий за мир. В разгар холодной войны это было непросто. Конрад поддержал идею. Обратился к Эриху Хонеккеру. Тот согласился. Академия искусств взяла на себя все расходы — и встреча состоялась в декабре 1981 года. Там в последний раз выступал Конрад Вольф. В начале 1982

года выяснилось, что он смертельно болен. Внезапный уход из жизни младшего брата стал страшным ударом для старшего.

Конрада Вольфа похоронили там же, где упокоились его отец и мать, — на берлинском кладбище социалистов. На похоронах Конрада 12 марта 1982 года фотокорреспондент западногерманского журнала «Штерн» Харальд Шмидт сделал снимок Маркуса Вольфа.

В 1983 году генерал-полковник Маркус Вольф подал рапорт о выходе на пенсию. До конца неясно, почему он захотел уйти. По своей воле начальники разведок редко уходят в отставку. Но процесс передачи Вольфом дел своему первому заместителю и наследнику Вернеру Гроссману растянулся на два года.

Успевший в 1945 году послужить в фольксштурме, Гроссман пришел в разведку по комсомольскому набору, как говорили в нашей стране, — из аппарата Союза свободной немецкой молодежи. Он учился в Москве в партийной школе, а диплом получил в ведомственном учебном заведении — Высшей юридической школе МГБ. Вольф сам продвигал Гроссмана по служебной лестнице, поручил ему главное направление — разведку против ФРГ.

А вот когда в Советском Союзе пришел к власти Горбачев и началась перестройка, решение Вольфа обрело смысл. Может быть, он предчувствовал, что грядут перемены и ему лучше оставить службу в госбезопасности?

В 1986 году Габриэле Гаст в последний раз видела Маркуса Вольфа. Генерал-полковник был откровенен со своим лучшим агентом. Он считал, что ГДР должна следовать за Советским Союзом, поскольку тоже нуждается в перестройке, но в ЦК СЕПГ об этом и слышать не хотели.

Вольф сознавал, что они, возможно, больше не увидятся. В торжественной обстановке вручил своей главной шпионке восточногерманские ордена и почетные грамоты, которые Габриэле, естественно, не могла взять с собой. Она только поглядела на них и вернула сотруднику секретариата. Ордена хранились в сейфе управления кадров МГБ и ждали ее переезда в социалистическую ГДР.

Вскоре она узнала, что Вольф ушел в отставку с поста заместителя министра государственной безопасности и начальника Главного разведывательного управления. Ей даже пришлось написать по этому поводу небольшой аналитический материал — для своего начальства в Пуллахе. Когда она писала доклад, то в какой-то момент даже пожалела, что лишена возможности подкрепить свои оценки опытом личного общения с Маркусом Вольфом…

Между тем его не хотели отпускать в отставку. Партийные старцы до последнего держались за свои кресла. А Вольф попросился на пенсию, находясь в прекрасной физической форме. Эгон Кренц, ставший вторым секретарем ЦК, отвечал за силовые структуры. Он намеревался назначить Вольфа на место Мильке.

«Кренц какое-то время носился с мыслью обо мне как о возможном преемнике министра госбезопасности, — вспоминал Маркус Вольф. — На сей счет однажды состоялся короткий разговор. Но я уже твердо решил уйти из МГБ».

Уход Вольфа совпал с полосой неудач разведки ГДР. Что было тому причиной?

Возможно, его преемник не был столь же сильной фигурой, как Вольф. Да и в Западной Германии удвоили силы для противостояния восточногерманской разведке. В 1985 году новым начальником ведомства по охране конституции ФРГ стал 42-летний Хольгер Пфальс. Отсутствие опыта разведывательной работы ему заменяли врожденное чутье и широкие политические контакты. Юрист по образованию, он работал прокурором и судьей в Баварии. Его приметил Франц Йозеф Штраус. Оценив его организаторский талант, ввел в свой круг, сделал доверенным помощником. А потом добился для него должности федерального уровня. Пфальс, в частности, ввел в штат контрразведки психологов и поставил перед ними задачу выявлять слабые звенья в кадровом аппарате, спасать ведомство от новых перебежчиков.

Его усилия были оценены. В 1987 году Пфальс получил повышение и стал заместителем министра обороны. Но интерес к контрактам на поставку немецкого оружия оказался для него роковым. В 1992 году он покинул свой пост и бежал из страны, спасаясь от прокуратуры. Выяснилось, что Пфальс получил взятку за контракт на поставку немецких бронемашин в Саудовскую Аравию. Его нашли во Франции, суд установил вину Пфальса, и он отправился за решетку…

А Маркус Вольф круто изменил свою жизнь. Не только расстался со службой, но и нашел себе новую спутницу жизни. Вольф развелся со второй женой — Кристой и в октябре 1986 года женился на Андреа Штингль. Эрих Мильке долго не разрешал ему вновь жениться. Во-первых, министра раздражала любвеобильность его заместителя, во-вторых, в аппарате МГБ избранница начальника разведки была на подозрении.

Но в конце концов Мильке отпустил Вольфа на волю. В сущности, министр был доволен, что избавился от слишком самостоятельного заместителя по разведке. 27 ноября 1986 года Мильке устроил ему торжественные проводы. На прощание вручил генерал-полковнику Маркусу Вольфу высшую награду ГДР

— орден Карла Маркса. Вольф с женой обосновался на уютной вилле в лесу у озера.

«Закрытость и осторожность в отношениях с окружающим миром были от рождения чертами его интровертного характера, усиленными воспитанием в родительском доме, условиями жизни, школой Коминтерна, а затем и спецификой работы в разведке, — писал Георгий Санников. — Даже близким друзьям он иногда казался „вещью в себе“. Может быть, лишь с одним человеком он был до конца откровенным, не скрывая своих потаенных мыслей. Это его последняя любовь, жена, советчик и помощница — Андреа».

В Советском Союзе отправленный в отставку чиновник словно переставал существовать. Его никто не вспоминал. Маркуса Вольфа не забыли. Уйдя в отставку, Вольф постоянно общался с Мильке, показывал министру и своему преемнику в разведке отрывки из воспоминаний, которые собирался публиковать, спрашивал разрешения дать интервью иностранным корреспондентам. Когда ездил по стране, останавливался в гостиницах МГБ, беседовал с руководителями окружных управлений. Вольф имел возможность встречаться с Хонеккером, писать ему. Получив письмо, Хонеккер всегда ему звонил.

А коллеги из Гаваны пригласили Маркуса Вольфа с женой погостить на Острове свободы. «Куба была для нас страной светлого будущего — страной, которая как бы играючи справлялась со многими трудностями; страной, где, казалось, была почти целиком изжита меркантильность в отношениях между людьми», — вспоминал он.

Его не только сердечно приняли, но и предлагали остаться — писать книгу в тишине и спокойствии на берегу океана. Он не решился остаться. После поездки на Кубу Вольф едва не разошелся с женой Андреа. Но они преодолели этот кризис. «Наш брак даровал нам полноту жизни, — писал впоследствии Вольф. — Я ощущал великое счастье испытывать такую любовь и иметь подругу, которая готова разделить со мной все испытания и удары, уготованные судьбой».

В 1987 году в Советском Союзе начались перемены, которым суждено было изменить политическую карту Европы. Перестройка вдохновила Вольфа. Он не ощущал себя пенсионером-отставником, чей удел — рыбалка и написание мемуаров. Он жаждал общественной деятельности. Занял позицию умеренной фронды. Интеллектуал, сидящий в кадровом разведчике, не мог примириться с ограничениями, налагаемыми его профессией.

Происходящее в Москве пугало Восточный Берлин. Секретарь ЦК СЕПГ по идеологии Курт Хагер весной 1988 года говорил

советским партийным лидерам, что происходящие в СССР процессы реабилитации могут навредить отношениям между нашими странами. Именно в этом разговоре Курт Хагер привел страшные данные: после подписания пакта с Гитлером в 1939 году Москва выдала фашистской Германии 400 коммунистов, которые бежали из третьего рейха в СССР. Секретарь ЦК добавил:

— Мы не желаем допускать смятение в умах. — И рассказывал о ситуации в ГДР: — Партия едина, народ сплочен. Народ доверяет партии и генеральному секретарю.

Восточногерманская интеллигенция рассчитывала, что ГДР тоже пойдет по пути перестройки и в стране начнутся перемены. Секретарь ЦК СЕПГ Хагер разрушил эти надежды. Он произнес фразу, которая стала знаменитой:

— Если сосед делает ремонт, то не обязательно переклеивать обои у себя в квартире.

Генеральный секретарь Эрих Хонеккер читал переводы статей из советской прессы, которая становилась всё более свободной, и возмущался. Свои претензии высказывал советскому послу Вячеславу Кочемасову:

— Это же контрреволюция! Таких людей надо высылать из страны! Пожалуй, мы больше не станем использовать понятие «перестройка». У нас своя продуманная концепция развития. То, что у вас делается, в ГДР не воспринимается. Гласность кажется нам очернительством.

Без личного разрешения Хонеккера газеты в ГДР не печатали ни одного материала о положении в Советском Союзе, в нарушение всех традиций не публиковали даже выступлений генерального секретаря Горбачева. В 1988 году в ГДР запретили распространение дайджеста советской прессы «Спутник», выпускавшегося агентством печати «Новости». Маркус Вольф в интервью западногерманской телекомпании АРД не согласился с запретом «Спутника». А о Горбачеве выразился восторженно:

— Я рад и счастлив, что он есть!

Идеологическое начальство в Берлине осталось недовольно: «И заслуженный генерал-полковник не имеет права…» По вторникам главных редакторов собирали в ЦК и промывали им мозги. Главный редактор «Нойес Дойчланд» на недоуменные вопросы, почему центральная газета социалистической Германии вообще не пишет о недостатках и не критикует даже плохих работников, гордо ответил:

— Враги никогда не дождутся от меня, чтобы в нашей газете я сказал что-то плохое о нашей стране!

Но пропагандистская машина ГДР работала в значительной степени вхолостую, потому что восточные немцы имели

возможность смотреть западное телевидение. Хонеккер пытался перекрыть доступ информации из СССР. Отчитывал Вячеслава Кочемасов за то, что сотрудники советского посольства встречались с восточными немцами и рассказывали, как в СССР идет перестройка. Вячеслав Кочемасов защищал своих людей. Хонеккер злился и прямо угрожал послу:

— Хочу откровенно вам сказать — это недопустимо! И вообще я могу поставить вопрос о вас, как когда-то поставил о вашем предшественнике.

Хонеккер имел в виду, что это он в 1983 году настоял на отзыве Петра Андреевича Абрасимова. Но времена наступили другие. Кочемасов чувствовал себя достаточно уверенно:

— Для этого нет никаких оснований. Вы, очевидно, сильно возбуждены. Решительно отвергаю все ваши обвинения…

Вячеслав Иванович Кочемасов в 1950-е годы был секретарем ЦК комсомола, перед назначением послом в Берлин много лет работал заместителем председателя Совета министров РСФСР. Он был опытным аппаратчиком в отличие от Петра Андреевича Абрасимова — неконфликтным и нежестким, с мягкими манерами и склонным к компромиссу.

Генеральный секретарь ЦК СЕПГ не стал развивать эту тему:

— Будем считать, что этого разговора не было.

Немецкие чекисты следили и за советским послом. Вячеслав Иванович Кочемасов рассказывал мне:

— Я знал, когда меня Мильке записывал, а когда перестал это делать. Вначале он следил за каждым моим шагом. Он в каждый конкретный момент знал, где я нахожусь. Еду в Вюнсдорф, в ставку нашей группы войск, — он точно знал, куда и к кому я еду, сколько там пробыл, когда вернулся в Берлин. Один раз он даже похвалился тем, что он всё знает обо мне. Поэтому я был с ним очень осторожен… У него были свои методы наружного наблюдения. Это сложнейшая система! Надо было поискать такую разведку и контрразведку, как в ГДР.

Летом 1988 года в Западном Берлине должны были состояться концерты кумиров тех лет — Майкла Джексона, ансамбля «Пинк флойд» и Брюса Спрингстина. МГБ ГДР озаботилось «тлетворным влиянием» западной музыки на неустойчивые элементы из числа восточногерманской молодежи. Восточный Берлин направил Западному Берлину жалобу: рядом с местом концерта находится больница, шум и вибрация могут привести к смерти тяжелобольных пациентов.

В ЦК СЕПГ даже обсуждался вопрос об организации альтернативного концерта, который отвлек бы восточных немцев от шоу Майкла Джексона. Например, выступление на стадионе

олимпийской чемпионки по фигурному катанию Катарины Витт с участием канадского музыканта Брайана Адамса. Но не собрались с силами.

Шестнадцатого июня 1988 года ансамбль «Пинк флойд» специально для Восточного Берлина исполнил песню «Стена». Концерт Майкла Джексона состоялся 19 июня.

Накануне приезда певца в Западный Берлин в Министерстве госбезопасности ГДР завели на него дело. Агенты, следившие за ним, докладывали в отчете: Джексона повезли осмотреть одну из главных достопримечательностей — контрольно-пропускной пункт «Чарли», место перехода из западной зоны в восточную. Певец и его сопровождающие прибыли на трех машинах. Джексона «повсюду сопровождала женщина, примерно 25 лет, рост 165 сантиметров, сложение худощавое».

Майкл Джексон пел перед Рейхстагом. А в восточной части Берлина произошли столкновения поклонников его таланта с народной полицией. Послушать американского певца собрались тысячи молодых людей. Они пытались подобраться поближе к стене, чтобы послушать музыку. Но полиция их не подпускала. В толпе, разумеется, находились сотрудники МГБ в штатском. Кто-то из молодых закричал:

— Долой стену! Горбачев! Горбачев!

К нему присоединились другие юноши и девушки. Тут-то в дело и вступили чекисты. Они стали выдергивать из толпы самых эмоциональных молодых людей и тащить их в стоявшие на обочине полицейские автобусы. Арестовали 200 человек. Никому не приходило в голову, что молодых людей задерживают за восхваление нового советского вождя…

В 1988 году в ГДР для телевидения сняли фильм о Фридрихе Вольфе «Простите за то, что я человек». Идеологическому начальству не понравился эпизод, в котором шла речь о сталинских репрессиях. Маркуса Вольфа отчитали в парторганизации МГБ. Но он — даже будучи на пенсии — оставался на особом положении. Вольф обратился напрямую к генеральному секретарю.

Восемнадцатого января 1989 года Эрих Хонеккер принял Маркуса Вольфа в ЦК.

«Как всегда элегантно одетый, Хонеккер выглядел свежим и отдохнувшим, — записал потом Маркус Вольф. — Приветливый, с виду здоровый, излучающий несокрушимое хладнокровие и могучую самонадеянность. И через год фотографии в газетах: старый, сломленный человек, смертельно больной».

Эрих Хонеккер повторил, что высоко ценит Фридриха Вольфа, но его смущают нападки на Коминтерн в советской

печати. Нельзя же так критиковать сталинское время. В 1930–1931 годах, когда он учился в Москве в Ленинской школе, не было культа…

— Это верно оценено в речи Горбачева, — заметил Вольф.

— В какой из речей? — пренебрежительно отозвался Хонеккер. — Он произносит их так много, что не упомнишь, в какой из них что сказано. — И добавил: — А мне после 1945 года никто о репрессиях не рассказывал.

— Кто жил в то время в Советском Союзе и утверждает, что ничего не знал, тот лжет, — возразил Вольф.

Хонеккер недовольно сказал:

— Когда-то должна прекратиться заваруха, которую они затеяли в Советском Союзе. Горбачев не умеет совладать с теми джиннами, которых сам выпустил из бутылки. Они перевернули все вверх дном, и из хаоса им не выбраться.

Визит Вольфа в ЦК возымел действие. Утром Маркусу Вольфу позвонила секретарь генсека Элли:

— Соединяю тебя с Эрихом.

Хонеккер разрешил показать фильм о Фридрихе Вольфе без купюр.

Но милости генсека распространялись не на всех. В эти решающие для ГДР месяцы атаке аппарата подверглись вполне здравомыслящие люди. В том числе заместитель министра культуры по книгоизданию Клаус Хёпке, искушенный как в литературных делах, так и в противодействии интригам номенклатуры.

«За Хёпке ходила слава смельчака, который единственный в комиссии ЦК СЕПГ по культуре ратовал за открытость и издание спорных произведений, — писал Вольф. — Он подвергался враждебным нападкам аппарата, ему не раз угрожала опасность вылететь из руководящего кресла».

В марте 1989 года Хёпке едва не выгнали с работы. На заседании ПЕН-клуба он протестовал против ареста в Чехословакии драматурга (и будущего президента страны) Вацлава Гавела. Клауса Хёпке быстро отправили в отпуск и хотели уволить. Но за него вступились известные писатели, благодарные заместителю министра за разумную издательскую политику.

«В нынешних условиях, — записал Вольф, — нелегко высказываться без того, чтобы не вступить в конфликт с самим собой или с теми, от кого зависит дальнейшая деятельность в этой стране».

Я хорошо помню Клауса Хёпке, потому что он дружил с моими родителями, бывал у нас дома, неизменно привозил из

Берлина книжные новинки. Он произвел на меня впечатление тем, что выучил русский язык, когда ему уже было за сорок. Он часто приезжал в Москву по книгоиздательским делам и, услышав неизвестное ему русское слово, записывал его в маленькую книжечку и потом заучивал наизусть.

Выйдя в отставку, генерал-полковник Маркус Вольф взялся за перо. Отцовские гены дали о себе знать. Он написал несколько книг, и каждая становилась для читателей событием. Прежде всего он написал о брате и его друзьях (и о себе самом) — очень откровенно по тем временам. Она назвал книгу русским словом «Тройка». В нашей стране ее издали под названием «Трое из 30-х». Весной 1989 года «Тройка» вышла и в ГДР, и в ФРГ.

Западногерманские критики отмечали: ГДР потеряла главу шпионского ведомства, зато приобрела замечательного литератора. А вот в самой Восточной Германии книга была сочтена «политической дерзостью».

Маркус Вольф задавался вопросом, который идеологическому начальству казался крамольным: «Что же было упущено или сделано неверно нами, нашим поколением, и поколением наших отцов, несмотря на искреннее желание осуществить добрые и благородные идеалы нашего мировоззрения в тех странах, где многие люди, подобно нам, верили в приход социализма… В прежней системе я занимал высокий пост, мне надо самому спросить свою совесть: какая доля моей вины связана с тем, что я сознательно закрывал глаза на происходящее? Неужели мы прожили жизнь напрасно?»

Автору позвонил секретарь ЦК Эгон Кренц. Поблагодарил за присланную ему книгу. Многозначительно произнес:

— Оставайся таким, каким тебя помнят товарищи.

«Что он имеет в виду? — задумался Вольф. — Рекомендует проявлять сдержанность, дабы не создавать трудностей для партийного руководства?» Вольф понимал, что в глазах начальства и аппарата становится отщепенцем — диссидентом.

«Многие вопросы, — писал он, — в последние годы я воспринимал более обостренно: как жить в атмосфере разлада между личными убеждениями и официальными декларациями? Как совладать с этическим и моральным шоком сталинизма?»

Старые сослуживцы предупредили Вольфа, что по указанию министра в его квартире установлены подслушивающие устройства.

Двадцать шестого апреля его пригласил к себе Мильке. Разговор продолжался полтора часа. Министр просил своего бывшего заместителя не давать интервью и не вступать в конфликт с партийным руководством. Потом Мильке еще раз

позвонил Вольфу. В его голосе звучала укоризна: ну зачем тебе встречаться с американским послом?

Двенадцатого мая Маркус Вольф вновь побывал у Эриха Мильке. Пожаловался министру: его приглашали в воинские части, но Главное политическое управление армии наложило запрет:

— Вольфу нечего делать в армии.

У министра национальной обороны ГДР Хайнца Кесслера за плечами было всего восемь классов образования. В июле 1941 года в районе Бобруйска солдат вермахта Кесслер перебежал в расположение Красной армии. В Советском Союзе он учился в антифашистской школе в подмосковном Красногорске, работал на радиостанции «Свободная Германия». В 1945 году Маркус Вольф и Хайнц Кесслер вместе прилетели в Берлин на советском военном самолете. Кесслер сделал карьеру в Центральном совете Союза свободной немецкой молодежи — под руководством Хонеккера.

Генерал Кесслер спросил Хонеккера, можно ли пригласить Вольфа на чтение «Тройки»? Тот не возражал:

— Он написал хорошую книгу.

Генеральный секретарь ЦК даже высказался за ее переиздание, но выяснилось, что его желания недостаточно: нет валюты на покупку бумаги. Вольф написал письмо Хонеккеру, попросил снять запрет на интервью с ним в прессе ГДР и разрешить давать интервью западным журналистам.

Восьмого июля Вольфу позвонил Эрих Мильке. По-дружески поделился секретной информацией: Хонеккер из-за почечной колики вынужден был срочно уехать из Бухареста, где шло заседание Политического консультативного комитета стран Варшавского договора. Сказал, что уходит в отпуск. Посоветовал:

— Поезжай и ты на каникулы и не делай никаких глупостей! Желаю тебе хорошего отдыха. После отпуска поговорим обо всём.

Двенадцатого июля Вольфу позвонили из советского посольства, порадовали. Секретарь ЦК КПСС по международным делам Валентин Михайлович Фалин распорядился принять его в Москве как гостя ЦК и поселить в партийной гостинице «Октябрьская» на улице Димитрова (ныне «Президент-отель»).

Семнадцатого июля Вольф прилетел в Москву. Поговорить с ним пришли его бывшие партнеры из внешней разведки. Они задавали вопросы, которых Вольф не ожидал: они считали, что уже реализуется западногерманская концепция объединения. Фалина интересовало, как в ГДР отнесутся к выводу советских войск. Всё это поразило Вольфа.

Когда он вернулся в Берлин, ему позвонил Эгон Кренц. Тон

беседы был самым сердечным:

— Мой дорогой Миша…

В отсутствие Хонеккера Кренц исполнял обязанности генсека. Сказал, что у него много дел, но хотел бы вместе пообедать. 3 августа они беседовали два с половиной часа. Вольф говорил, что следует сделать, чтобы изменить ситуацию в стране. Эгон Кренц внимательно его слушал. Дал понять, что думает так же, но если он с этим выступит, ему конец.

КАК РУХНУЛА СТЕНА

Маркус Вольф откровенно беседовал с Эгоном Кренцем, потому что лучше многих высших чиновников сознавал, что происходит в стране. А летом 1989 года граждане ГДР искали любые возможности перебраться в ФРГ, конституция которой автоматически предоставляла им гражданство. Внезапно дорога открылась — через Венгрию. Она еще оставалась социалистической, и восточные немцы могли туда поехать. Но в Будапеште к власти пришли новые люди. Они желали полностью переменить политику страны. И прежде всего снести железный занавес, отделявший страну от внешнего мира.

Власти Венгрии приступили к демонтажу заграждений на границе с Австрией. 27 августа 1989 года министры иностранных дел Австрии и Венгрии Алоиз Мокк и Дьюла Хорн совершили символический акт — перерезали колючую проволоку на границе между двумя странами. 10 сентября границу открыли полностью. Ночью несколько сотен человек просто ушли в Австрию. Венгерские пограничники им не мешали. За три дня 15 тысяч восточных немцев пересекли границу!

Официальная печать ГДР цитировала высокомерное высказывание Эриха Хонеккера:

— Социализм на его родной земле не остановят ни олухи, ни ослы.

Но встревоженный Эгон Кренц поделился с советским послом Кочемасовым:

— У нас серьезные события. Угроза дестабилизации. Обстановка ухудшается с каждым днем.

Восточные немцы устремились не только в Будапешт, а и в Варшаву и Прагу, надеясь через эти страны добраться до Федеративной Республики. В Прагу приезжали на машинах целыми семьями и шли в посольство ФРГ. По всей Праге стояли брошенные «трабанты» и «вартбурги». В сентябре на территории западногерманского посольства скопилось почти пять тысяч восточных немцев. Возникла чрезвычайная ситуация. Территория посольства не позволяла устроить сколько-нибудь приличный лагерь для беженцев. В парке разбили палатки и установили переносные туалеты.

Двадцать седьмого сентября на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, куда съезжаются главы дипломатических ведомств всех стран, министр иностранных дел ФРГ Ханс Дитрих Геншер обратился к восточногерманскому коллеге Оскару Фишеру:

— Дайте им разрешение уехать.

Оскар Фишер обещал передать его информацию в Восточный Берлин. Геншер объяснил, что ждать невозможно: скопившиеся в посольствах ФРГ люди, в первую очередь дети, находятся в ужасающих условиях. Но министр Фишер не был фигурой первого ряда в восточногерманской иерархии, всё, что он мог, — доложить в политбюро.

Тогда Геншер обратился к советскому министру иностранных дел Эдуарду Амвросиевичу Шеварднадзе. Это подействовало. 30 сентября постоянный представитель ГДР в ФРГ Хорст Нойбауэр сказал Геншеру и министру внутренних дел ФРГ Рудольфу Зайтерсу, что дано разрешение вывозить людей на поездах через территорию ГДР. Это была последняя попытка Восточного Берлина сохранить лицо — сделать вид, будто они уезжают с санкции правительства ГДР. Договорились, что каждый поезд будут сопровождать два представителя ФРГ.

Вечером 1 октября министр Геншер обратился к беженцам, скопившимся в здании посольства ФРГ в Праге:

— Дорогие соотечественники! Мы прибыли к вам, чтобы сообщить, что сегодня вы сможете уехать в Федеративную Республику!

Первый поезд ушел через два часа, шесть тысяч беженцев через Дрезден проследовали в ФРГ. На территории ГДР поезда забрасывали цветами. В Дрездене на глазах стянутых к вокзалу сотрудников окружного управления Министерства госбезопасности толпы людей пытались прорваться к поезду, чтобы сесть в него. Стало ясно, что режим разваливается… Через полтора месяца, 9 ноября 1989 года, Берлинская стена рухнет. Без колючей проволоки ГДР существовать не могла.

События развивались быстро и драматично. 1 сентября западногерманская газета «Бильд» написала, что существуют семь кандидатов на пост генерального секретаря ЦК СЕПГ вместо Эриха Хонеккера. Среди них газета назвала имя Маркуса Вольфа. Особенно внимательно эту статью читали в Восточном Берлине.

Пятого сентября преемник Вольфа в разведке предостерег его от публичных выступлений:

— Пожалуйста, не совершай харакири.

«Страна, населенная хорошими, неравнодушными людьми, без руля и ветрил устремляется к фатальной катастрофе, — записал свои впечатления от происходящего Маркус Вольф. — Катастрофа видна невооруженным глазом, мы чуть ли не беспомощно взираем на нее».

Четвертого сентября, в понедельник, в Лейпциге после проповеди в лютеранской церкви Святого Николая больше тысячи

человек вышли на улицу. Они устроили демонстрацию — невиданное в ГДР дело. Они требовали гражданских свобод и открытия границ. На плакатах было написано: «Мы — народ!», «За свободную страну, в которой живут свободные люди!» Больше сотни демонстрантов арестовали. Но людей это не напугало. 11 сентября сформировалась первая со времен создания ГДР оппозиционная группа «Новый форум». Оппозиция объединялась вокруг церквей.

А в Москве нового председателя КГБ Владимира Александровича Крючкова избрали в политбюро. Маркус Вольф тесно сотрудничал с ним с тех пор, как Владимир Александрович стал начальником разведки. Маркус Вольф считал назначение Крючкова председателем КГБ СССР логичным, но не очень мудрым. Крючкову не хватало не столько профессионального опыта, сколько глубины понимания происходящего в мире. Да и по натуре он не был лидером, считал Вольф. В роли доверенного помощника Андропова Крючков был на месте. А без указаний своего наставника грамотный и работящий «номер два» терялся.

Четвертого октября Вольф записал в дневнике: «Со всех сторон звучат вопросы, которые продиктованы разными чувствами — от растерянности, отчаяния до возмущения».

Шестого октября генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев прилетел в Берлин — на празднование 30-летней годовщины образования Германской Демократической Республики. Предстоящее общение с Эрихом Хонеккером его не радовало.

«Ему очень не хочется, — записал в дневнике помощник генерального секретаря ЦК КПСС Анатолий Черняев. — Два раза звонил: вылизал, мол, свое выступление там до буквы, в микроскоп будут смотреть. В поддержку Хонеккера не скажу ни слова».

В какой степени в Москве понимали развитие событий в ГДР?

Коллега Вольфа — начальник Первого главного управления КГБ СССР генерал-лейтенант Леонид Владимирович Шебаршин в 1989 году дважды побывал в ГДР. Весной приезжал по делу, осенью отдыхал на вилле в горах Тюрингии.

— Приближающийся крах режима, — вспоминал генерал Шебаршин, — можно было видеть невооруженным взглядом; его видели все, кроме тех, кто должен был погибнуть под обломками социалистического строя, — руководителей СЕПГ.

Начальник советской разведки поразился слепоте хозяев Восточной Германии:

— Старики, руководившие ГДР, не знали, что на самом деле происходит в мире.

С московским гостем доверительно беседовал министр государственной безопасности ГДР. «Мильке, — вспоминал Шебаршин, — оказался очень небольшого роста, чрезвычайно энергичным человеком, привыкшим к беспрекословному послушанию. Он говорил один, перемежая немецкий русскими фразами».

Мильке внушал Шебаршину:

— То, что происходит в вашей стране, только ваше дело. Но без советской помощи ГДР придет конец. Если в СССР рухнет социалистический строй, то рухнет и ГДР. Нас всех и наших детей повесят. Не пощадят никого.

Руководитель советской политической разведки понял, что дело плохо: «Мильке не беспокоило положение дел в его стране, его волновала массивная пропаганда из ФРГ и развитие событий у нас… Мильке был не тот человек, чтобы принимать чьи-то советы или уважать чужое мнение. Он был по-стариковски упрям, он всегда стремился к власти и был полон невероятной энергии».

Седьмого октября по случаю 30-летия ГДР состоялся праздничный прием в берлинском Дворце Республики. Вольфа тоже пригласили. Но особо важные гости развлекались в отдельном зале. Вольф попросил заведующего протокольным отделом дать ему возможность переговорить с советскими гостями. К нему вышел Валентин Михайлович Фалин. Вольф предупредил его:

— Давление в котле достигло критической отметки.

Пока высокие партийные чиновники поздравляли друга с бокалами в руках, в городе шла демонстрация, ее разогнали, было много раненых. Горбачев произнес фразу, которую в Восточной Германии, где ловили каждое его слово, истолковали как предупреждение:

— Важно вовремя улавливать потребности и настроения людей. Того, кто опаздывает в политике, жизнь сурово наказывает.

Вечером в Восточном Берлине устроили факельное шествие. Эрих Хонеккер, довольный, наблюдал, как шли колонны, сформированные Союзом свободной немецкой молодежи. Пока не услышал, что́ скандируют его воспитанники. Молодые немцы, проходя мимо трибун, кричали:

— Перестройка! Горбачев! Помоги!

Эгон Кренц сказал советским товарищам, что он всё-таки решился предложить политбюро обсудить ситуацию в стране. Кренц признавался потом, что не знал, в каком качестве покинет заседание — победителем или врагом партии.

Престарелый Эрих Хонеккер утратил представление о том,

что происходит. Сказал Эгону Кренцу:

— Успокойся. Мы и более тяжелые времена переживали.

И группа членов политбюро сговорилась убрать генсека, как в свое время сам Хонеккер избавился от своего предшественника Вальтера Ульбрихта. Казалось, история повторяется. Против Хонеккера ополчился его любимый воспитанник — второй секретарь ЦК Эгон Кренц, тоже в прошлом руководитель Союза свободной немецкой молодежи.

Разница состояла в том, что попытка либерализации режима осенью 1989 года привела к исчезновению социалистического государства с политической карты мира.

Девятого октября в Лейпциге уже 70 тысяч человек вышли на демонстрацию. Демонстрации проходили каждый понедельник. Полицейские и переодетые в штатское сотрудники окружного управления госбезопасности отбирали у демонстрантов плакаты с неприятными лозунгами, хватали молодежных вожаков. Толпа кричала:

— МГБ — долой!

Поздно вечером Эгон Кренц связался с советским послом:

— Хонеккер поручил мне вместе с министром госбезопасности и министром обороны продумать, что предпринять.

— Нельзя допустить кровопролития, — предостерег его Вячеслав Кочемасов. — Я позвоню главкому нашей группы войск. Все наши части уйдут в казармы. Учения, стрельбы и полеты авиации будут прекращены.

Понедельничные демонстрации стали традицией не только в Лейпциге, но и в других городах. Четыре недели подряд в стране шли демонстрации. 11 октября от советского посла в Москву поступила срочная шифровка. Эгон Кренц сообщил послу, что намерен на политбюро принципиально поставить вопрос о переменах в стране, хотя Хонеккер его предупредил:

— Выступишь против линии партии — превратишься в моего врага!

«Раздробление государственной власти и демонтаж цементировавшей ее партии, — мрачно констатировал Маркус Вольф, — происходили быстрее, чем того ожидали худшие их враги».

Вольф выступил за решительную демократизацию всей жизни ГДР. Его слова стали сенсацией:

— Я ушел в отставку, потому что не мог дольше наблюдать происходившее вокруг меня.

Он жестко критиковал Хонеккера и Мильке. Журналисты интересовались: как же он сам 33 года продержался на посту

руководителя разведки?

— Я был полностью автономен и не имел ничего общего с другими службами… В годы холодной войны я вел борьбу с западногерманской разведкой, воссозданной с помощью американцев из числа старых нацистов.

Он запоздало извинился за историю со своим агентом Гюнтером Гийомом, из-за которого ушел в отставку канцлер ФРГ Вилли Брандт:

— Это была политическая ошибка, нанесшая ущерб прежде всего самой ГДР, поскольку была похоронена возможность реального улучшения отношений с ФРГ.

Вольф разослал руководителям страны свою записку с предложениями относительно реконструкции политической системы. Недовольный Эрих Мильке позвонил ему 12 октября:

— Ты что, хочешь отличиться? Всё уже прояснилось. Подожди, больше никому интервью не давай.

Теперь уже Вольф держался уверенно с бывшим министром:

— Сохранить доверие к партии можно только путем открытой дискуссии. Вам надо было раньше открыть рты. Два года назад я тебе говорил, что произойдет, если ничего не изменится. Так и случилось.

Шестнадцатого октября в демонстрации в Лейпциге участвовали 120 тысяч человек. МГБ и полиция свирепствовали. Но демонстрации стали повседневностью. Протестантские и католические храмы превратились в центры сопротивления.

Семнадцатого октября закончилась эра Эриха Хонеккера, длившаяся 18 лет. Маркуса Вольфа проинформировали почти сразу о том, как это происходило. В те дни он казался одним из самых вероятных кандидатов на высшие посты в стране, поэтому многие аппаратчики вели себя с ним крайне предупредительно и делились служебными секретами.

В тот день Эрих Хонеккер, которому недавно сделали операцию на желчном пузыре, как обычно, открыл заседание политбюро. И тут его старый соперник глава правительства Вилли Штоф взял слово и предложил обсудить вопрос об освобождении Хонеккера от обязанностей генерального секретаря:

— Вношу предложение. Первым пунктом повестки дня рассмотреть вопрос о смене генерального секретаря. Эрих, так дальше не пойдет. Тебе надо уходить.

Штоф был старше всех, его мнение имело определяющее значение. Хонеккер автоматически произнес:

— Хорошо, товарищи, давайте обсуждать.

И никто не вступился за Хонеккера! Генсек убедился, что в

политбюро у него не осталось ни одного союзника. Все как один высказались за отставку Хонеккера. Даже его друг и соратник секретарь ЦК Гюнтер Миттаг выдавил из себя:

— Решение давно назрело.

Миттага за глаза называли «злым духом». Он много лет ведал экономическими делами. В Москве с конца 1970-х настоятельно рекомендовали Хонеккеру расстаться с Миттагом. Но Хонеккер ему полностью доверял, хотел сделать председателем Совета министров, но не решился отправить на пенсию Вилли Штофа, столь ценимого советским руководством. Фактически Миттаг стал вторым человеком в ГДР. Он страдал диабетом в тяжелой форме. Его положили в больницу, ампутировали ногу, ему предстояла вторая ампутация. Но он руководил экономикой из больницы: ни одна бумага не поступала к Хонеккеру без его визы. Миттаг приехал на заседание политбюро, не предполагая, что в последний раз.

Поставили вопрос на голосование. Все высказались «за». И сам Эрих Хонеккер дисциплинированно проголосовал против самого себя. Штоф предложил сразу же сменить и двоих секретарей ЦК, отвечавших за ключевые направления — экономику и пропаганду. Товарищи без сожаления расстались с секретарем ЦК по экономике Гюнтером Миттагом и секретарем ЦК по средствам массовой информации Йоахимом Херманом.

Вилли Штоф рекомендовал избрать новым руководителем партии Эгона Кренца. На следующий день срочно собрали членов ЦК. На пленуме против решения об отставке Хонеккера проголосовала только Ханна Вольф, которая долгие годы была ректором Высшей партийной школы. Лишилась своих постов и Маргот Хонеккер. 18 октября по радио сообщили: «Эрих Хонеккер ушел в отставку».

Вольф подвел итог его правлению: «Хонеккер верил, что принес людям растущее благосостояние, он питал иллюзии, будто подавляющее большинство его ценит и уважает».

На постах генерального секретаря ЦК СЕПГ и председателя Государственного совета ГДР Хонеккера сменил Эгон Кренц. Он и не предполагал, что в этой роли ему уготован очень короткий срок. 27 октября вечером новый генсек позвонил Вольфу. Кренц говорил дружески:

— Ты, наверное, заметил, что я дословно использовал из твоей записки целые пассажи. Из нашего разговора ты же почувствовал, что я думаю.

События развивались стремительно. Вольф ощущал себя в центре водоворота. Его прочили в министры госбезопасности. 1 ноября Вольф записал в дневнике: «Телефон уже не замолкает:

Мильке как подменили, его отставка неизбежна. Я очень откровенно высказываю ему свое мнение о необходимости дальнейших замен в партийном руководстве».

Четвертого ноября в центре Восточного Берлина, на Александерплац, прошел многомиллионый митинг, изменивший атмосферу в стране. Такого еще не было. Люди требовали свободы слова и свободы собраний. «Демонстрацию 4 ноября 1989 года невозможно описать, — отметил Вольф. — Этот день, суббота, стал ошеломляющим, незабываемым событием для всех, кто был на Александерплац».

Но этот митинг стал неприятным открытием для самого Вольфа: оказывается, его не все любят. Он тоже поднялся на трибуну. Но толпа его освистала, когда он сказал, что не следует всех сотрудников госбезопасности превращать в общенациональных козлов отпущения. Вольф слышал не только свист, но и крики: «Прекратить!» — и даже: «Повесить!» Вот такой встречи он никак не ожидал. Он вдруг осознал, что его воспринимают не как свободомыслящего интеллектуала, а как одного из руководителей МГБ, ведомства, которое ненавидят и презирают.

«Когда я сошел с грузовика, то не смог выдавить из себя ни фразы перед многочисленными телекамерами и микрофонами, — вспоминал Вольф. — Настолько было сухо во рту. Криста Вольф вдруг обняла меня».

В начале ноября 1989 года, когда в Восточной Германии начались первые демонстрации против режима, я разговаривал со знаменитой писательницей из ГДР Кристой Вольф. Ее книги охотно переводили в нашей стране. Она приехала в Москву и заехала домой к моим родителям. Ее дочь участвовала в одной из демонстраций протеста, даже попала в полицию. Уже было ясно, что ГДР на пороге больших потрясений. Я спросил у Кристы Вольф:

— Что теперь будет? Вы объединитесь с Западной Германией?

Она искренне возмутилась:

— Это вы в Москве только об этом и думаете. ГДР — это наше государство. Мы его сами создали и не откажемся от него.

Криста Вольф вступила в Социалистическую единую партию Германии в 1949 году, но по взглядам не была коммунисткой. Она была патриотом ГДР. Криста, как и глава Союза писателей и бывший солдат вермахта Герман Кант, попавший в русский плен, другие интеллектуалы, видя недостатки социалистической ГДР, верили в возможность развития страны и превращения в действительно гуманное общество. Они ценили Восточную Германию как государство, где немцы освободились от фашизма,

от нетерпимости, от яда национального социализма.

Многие тогда полагали, что начинается новый этап истории ГДР. 6 ноября в советском посольстве в Берлине устроили традиционный прием по случаю очередной годовщины Октябрьской революции. Эгон Кренц похвалил Маркуса Вольфа за защиту идеалов социализма:

— У тебя хорошо получилось.

Вольф посоветовал ему:

— Сделай еще лучше.

Седьмого ноября своему бывшему подчиненному позвонил Эрих Мильке:

— Ты что, опять собираешься выступать?

Но в тот же день, 7 ноября, правительство ГДР во главе с Вилли Штофом ушло в отставку. 8 ноября подали в отставку все члены политбюро. В новый состав высшего партийного руководства вошел Ханс Модров, с которым было связано много надежд.

1989-й казался годом чудес — особенно когда рухнула Берлинская стена. Еще 12 января 1987 года президент США Рональд Рейган, стоя у Бранденбургских ворот, из Западного Берлина обратился к советскому лидеру:

— Господин генеральный секретарь Горбачев, если вы хотите мира, если вы желаете процветания вашей стране и Восточной Европе, приезжайте сюда, к этим воротам, господин Горбачев, и откройте эти ворота. Господин Горбачев, снесите эту стену!

Берлинскую стену в ноябре 1989 года снесли сами берлинцы, когда увидели, что ни Горбачев, ни руководство ГДР не решатся остановить их силой.

Граждане ГДР требовали права свободно ездить в Западную Германию. Новое руководство подготовило и опубликовало 6 ноября робкий проект закона о свободе передвижения. У руководителей Восточной Германии не оставалось иного выхода. Ситуация приперла власти к стенке. На Эгона Кренца давило руководство братских соцстран, через которые граждане ГДР бежали на Запад. Эгон Кренц звонил советскому послу, советовался:

— Есть намерение открыть центральную часть Берлинской стены, включая Бранденбургские ворота. Как вы к этому отнесетесь?

Кочемасов отправил шифровку в Москву. Возражений не последовало.

Девятого ноября в 18 часов 34 минуты член политбюро и первый секретарь столичного окружкома партии Гюнтер Шабовски выступал на пресс-конференции, которая

транслировалась по телевидению в прямом эфире. Он спешил порадовать сограждан: правила выезда из страны и въезда в нее упрощены и граждане отныне смогут легко получать визы, чтобы посетить Западный Берлин и ФРГ.

Журналист из Италии попросил уточнить, когда вступает в силу закон о свободе передвижения. Гюнтер Шабовски гордо ответил, что закон уже вступил в действие. Он и предположить не мог, что его слова воспримут как руководство к действию!

Выслушав его, сотни тысяч восточных немцев сразу двинулись к контрольно-пропускным пунктам, разделявшим город. А пограничников никто не предупредил! И они не собирались никого выпускать. Противостояние продолжалось три часа. За это время на границе развернулись съемочные группы западных телекомпаний, и Берлин оказался в центре внимания всего мира. Тысячи людей стояли на границе.

Новым руководителям ГДР пришлось принять решение. Министр госбезопасности Эрих Мильке позвонил Кренцу и сказал, что ситуация становится взрывоопасной.

— Что ты предлагаешь? — спросил Кренц.

— Ты генеральный секретарь. Тебе и решать.

Эгон Кренц отдал приказ поднять шлагбаумы. В половине одиннадцатого вечера контрольно-пропускные пункты открылись. Ошеломленные пограничники смотрели на бесконечную толпу, хлынувшую на Запад. Берлин перестал быть разделенным. Это потрясло мир.

Советские дипломаты и разведчики в Берлине не оценили значения выступления Гюнтера Шабовски и пропустили начало революции. О том, что Берлинская стена рухнула, президенту Горбачеву доложили только утром следующего дня. Но в тот момент еще никто не понял, что ГДР скоро исчезнет с политической карты мира.

Не было такой сферы жизни ГДР, которая осталась бы вне внимания советской разведки. Десятилетиями разведывательный аппарат, действовавший в Восточной Германии, докладывал в Москву массу незначительной информации, подробности мелких интриг внутри политбюро ЦК СЕПГ. Например, то, что генеральному секретарю Эриху Хонеккеру во время операции дважды давали наркоз, что, по мнению специалистов, не могло остаться без последствий для его умственных способностей. Помимо представительства КГБ в Восточной Германии работала резидентура Главного разведывательного управления Генерального штаба, разведывательное управление штаба Группы войск в Германии, управление особых отделов группы войск. Но советская разведка, обладавшая в Восточной Германии всеми

оперативными возможностями, не смогла предсказать скорый крах ГДР. В критический период, когда социалистическая Германия разрушалась на глазах, каждый день в шесть утра по аппарату ВЧ-связи берлинская резидентура докладывала в Москву ситуацию. Но попытки прогноза всякий раз оказывались безуспешными.

О том, что ближайшего союзника ждет неминуемая катастрофа, советская разведка своего президента не предупредила. Не потому, что хотела утаить, — просто это даже в голову никому не приходило.

Девятого ноября 1989 года стало днем, когда мир впервые в послевоенные времена испытал симпатию к немцам. А для большинства берлинцев это была бессонная ночь счастья. Никогда еще — ни до этого дня, ни после — восточные и западные берлинцы не были так рады друг другу! Эйфория — так можно было сказать об их настроениях.

Днем 10 ноября горожане собрались на площади перед сенатом Западного Берлина, где когда-то американский президент Джон Кеннеди произнес свою знаменитую речь. Теперь здесь выступали канцлер ФРГ Гельмут Коль, министр иностранных дел Ханс Дитрих Геншер, правящий бургомистр Западного Берлина Вальтер Момпер. Самым знаменитым оратором был Вилли Брандт:

— Ничто не останется таким, как было. Мы сможем сделать так, чтобы срослись части, составляющие одно целое. Как бы велика ни была вина страны, раздел не может быть вечным наказанием для нее.

Открыли мост Глинике, соединявший Западный Берлин и Потсдам, входивший в состав ГДР. (Там в 1962 году обменяли советского разведчика Рудольфа Абеля-Фишера на сбитого американского летчика Гэри Пауэрса.) В городе творилось нечто невообразимое. Никто не работал. Народ ликовал. Улицы были забиты машинами. Все ехали в сторону Западного Берлина. Восточным немцам хотелось увидеть другую жизнь.

«В Восточном Берлине было больше мяса и колбасы, чем в Советском Союзе, но меньше воздуха и цвета, — вспоминал один из советских журналистов. — Восточный Берлин был серый. Сыпалась серая штукатурка со старых домов, серым бетоном стояли социалистические спальные районы. И повсюду серые униформы, некоторые с грязно-зеленым отливом. Одни армейские, другие полицейские. Такого количества униформ на душу населения я нигде не встречал. Восточный Берлин был затхлый. Смрадный липкий дым от бурого угля опускался из труб, синие облака гари выбрасывали серые „трабанты“,

пластмассовые автомобильчики».

Все граждане ГДР, прибывая в Западную Германию или Западный Берлин, автоматически получали по сто марок (тогда это было 55 долларов) — в подарок. Домой возвращались поздно вечером с подарками и грошовыми покупками. Дети с наслаждением уплетали бананы — символ западной роскошной жизни. Все урны были забиты банановой кожурой. Восточные немцы зачарованно разглядывали жизнь другого Берлина. Приникали к витринам, прикидывая, что купят в первую очередь, если у них появятся западные марки.

Западный Берлин был благодушен и спокоен. В кондитерских пожилые дамы пили кофе с пирожными. Служащие пограничной полиции у Бранденбургских ворот индифферентно наблюдали за полчищами туристов, которые фотографировались для семейных альбомов. Стену больше никто не охранял. Наблюдательные вышки опустели. Злобных служебных собак заперли в вольерах.

На службе у социалистического государства находилось около пяти тысяч собак. Когда произойдет объединение Германии, люди задумаются: что с ними делать? Западные немцы решат, что эти собаки опасны для человека, поскольку они воспитывались без социального контакта с человеком.

Одиннадцатого ноября канцлер ФРГ Гельмут Коль позвонил Горбачеву:

— Хотел бы подчеркнуть, что мы приветствуем начало реформ в ГДР. При этом хотим, чтобы они осуществлялись спокойно. Мы хотим, чтобы люди в ГДР оставались дома, и не стремимся к тому, чтобы все жители ГДР выехали в ФРГ. И отнюдь не потому, что, как некоторые утверждают, мы не могли бы решить возникающие в этом случае проблемы. В этом году в ФРГ из ГДР уже переселились 230 тысяч человек, и все они устроены. Однако массовое переселение в ФРГ было бы абсурдом. Мы хотим, чтобы немцы у себя дома строили свое будущее.

Революция произошла без единого выстрела и без единой жертвы. После падения Берлинской стены больше четырехсот тысяч восточных немцев перебрались на Запад. Это было настоящее бегство от социалистической системы.

Тринадцатого ноября Вольф наблюдал по телевизору выступление министра госбезопасности в Народной палате. Эрих Мильке осознал, что его время кончилось, наверное, только в тот момент, когда он в последний раз появился в Народной палате. Депутаты смотрели на министра с презрением или ненавистью. Когда Мильке произнес привычное: «Товарищи», депутаты огрызнулись: «Не надо к нам так обращаться». Страх исчез, и депутаты откровенно потешались над министром, который

утратил свой апломб и растерянно мямлил с трибуны:

— Мы работали в тесном контакте с трудящимися… Мы не отрывались, да, не отрывались… — И, словно заклиная, повторял: — Я же всех люблю, всех людей… Да, люблю!..

«Он ведь был убежден, что любит людей, — заметил Вольф. — И его невыносимый эгоцентризм ослеплял его и при всей его недоверчивой хитрости заставлял действительно верить в то, что его все любят».

Депутаты подняли Эриха Мильке на смех. Страх перед чекистами исчез, это был самый верный признак крушения режима.

Пятнадцатого ноября Мильке позвонил Вольфу. Министр пытался объяснить, что с ним приключилось. «То, что он сказал, было просто смехотворно, — записал Вольф. — Перед началом заседания Народной палаты его уговорили принять таблетку, которая и послужила причиной его ошибки, когда он начал свое выступление перед депутатами Народной палаты словом „товарищи“».

Через месяц вместо лозунга «Мы — народ!» на улицах городов стал звучать иной: «Германия — единая Отчизна!» Это означало, что восточные немцы хотят объединения с западными. Маркус Вольф недоумевал: «Неужели всякая демократизация неизбежно ведет к дестабилизации социалистической государственной власти?»

Каждый день что-нибудь происходило. Хорошие новости перемежались с неприятными неожиданностями. Расформировали Первый танковый полк имени Фридриха Вольфа, куда Маркус и Конрад ездили на приведение к присяге новобранцев. Расформирование полка был символом разрядки и разоружения. Но Маркусу было очень обидно — исчезала память об отце. Это было лишь начало прощания с прошлым. Вскоре переименовали театр, носивший имя Фридриха Вольфа, сняли памятную доску, посвященную Конраду Вольфу.

Партийный хозяин столицы Гюнтер Шабовски уверял, что уход Маркуса Вольфа на пенсию не был случайностью. Это советский КГБ специально заранее вывел своего ставленника из аппарата! Зачем? Чтобы потом продвинуть на самый верх — в надежде, что он повторит опыт Юрия Андропова и станет генсеком. И председатель КГБ Крючков внушал Горбачеву: полагаться можно только на Маркуса Вольфа и Ханса Модрова…

Такого рода утверждения ни на чем не были основаны. Но в те недели и месяцы Маркус Вольф был очень активен. Его прочили на высшие посты. В партии еще состояли полтора миллиона человек. Казалось, ГДР может начать новую жизнь. Но

главный редактор одного американского журнала удивленно спросил Вольфа:

— Социализм во всех социалистических странах не выдержал сравнения с капитализмом. Откуда у вас уверенность, что люди и впредь будут выбирать дорогу, сулящую им худшую жизнь?

Тринадцатого ноября председателем Совета министров утвердили Ханса Модрова. В его правительство вошли представители разных партий. Новый генеральный секретарь Эгон Кренц и новый глава правительства Ханс Модров обещали реформы в политике и экономике. Однако Кренц опирался на старые структуры и не мог расстаться с прежним образом мыслей. Пленум ЦК принял решение о созыве чрезвычайного съезда. Но историческое время, отведенное ГДР, истекало.

Начала приоткрываться завеса над главными и позорными тайнами ГДР, что немало способствовало ее крушению.

Тридцатого ноября 1989 года полковник госбезопасности Александр Шальк-Голодковски, занимавшийся тайными поставками оружия за границу и более чем сомнительными сделками, как ни в чем не бывало предложил свои услуги новой власти. Обратился к главе правительства Хансу Модрову с конфиденциальным письмом: «В настоящее время внешнеторговое предприятие „Инес“ ведет среди прочего переговоры об установлении кооперационных связей с компанией „Люфтганза“ и концерном „Мессершмитт-Бёльков-Блом“».

Западногерманская компания «Мессершмитт-Бёльков-Блом» занималась производством современного оружия. У восточногерманской разведки там был свой человек — Альфред Бар десять лет работал в отделе, занимавшемся разработкой искусственных спутников Земли.

В тот же день, 30 ноября, правительство ГДР обсуждало сообщение Шалька-Голодковски о переговорах с правительством ФРГ, и вечером он докладывал об этом членам политбюро.

«Шальк произвел на меня тогда впечатление абсолютно растерянного человека, — рассказывал Ханс Модров. — Человек, который всегда выглядел, как скала из самообладания и уверенности, дрожал и шатался. Он словно надломился. Он говорил, что ему грозит опасность. МГБ отвернулось от Шалька, и он смертельно испугался, почувствовал себя дичью для отстрела».

А утром 1 декабря Ханс Модров позвонил Маркусу Вольфу:

— Пропал Александр Шальк-Голодковски.

На следующий день правозащитники проникли на один из складов его фирмы в местечке Кафельсторф в Мекленбурге. Вместо обозначенных в бумагах «бытовых и потребительских товаров» на складе нашли 20 тысяч переделанных советских

автоматов, которые Шальк не успел отправить покупателям…

Третьего декабря в здании ЦК обсуждался вопрос об отставке политбюро и созыве внеочередного съезда. Глава правительства Модров привел на это чрезвычайное совещание Маркуса Вольфа: «Мне хотелось иметь рядом человека из малопонятной для меня сферы безопасности, которому я лично доверял. Маркус Вольф казался мне нужным партнером — компетентным, свободным от разочарования, раздражения, цинизма и не потерявшим чувства реальности. От него я ожидал совета в трудной сфере госбезопасности, в опасных внутренних законах которой я плохо разбирался».

Партия разваливалась, СЕПГ впала в кому, политбюро ушло в отставку. Создали рабочий комитет по подготовке съезда, в который вошел Маркус Вольф.

Чрезвычайный съезд партии открылся 8 декабря в спортивном зале клуба «Динамо». Маркуса Вольфа тоже избрали делегатом. На сей раз обошлись без помпезных церемоний. В перерывах делегатов угощали сосисками и айнтопфом (густая мясная похлебка), лимонадом и кофе. Приехала советская делегация — член политбюро ЦК Александр Николаевич Яковлев, секретарь ЦК Фалин, Валентин Алексеевич Коптельцев, заведовавший сектором ГДР в международном отделе, Николай Сергеевич Португалов и посол Кочемасов.

Генсек Кренц был отвергнут делегатами, его политическая карьера завершилась в тот же день. СЕПГ переименовали в Партию демократического социализма. Ее неожиданно возглавил человек, никогда не работавший в аппарате, — Грегор Гизи, один из немногих оставшихся в Германии евреев. Грегор Гизи был адвокатом и защищал немногочисленных диссидентов. Невысокий, лысый, в очках, он был блистательным оратором. Выступал без бумажки, темпераментно, шутил. Расправляясь с оппонентами, не жалел сарказма. Делегаты съезда оценили его современный подход к политической борьбе.

— Христианство не погибло, хотя его именем вершилась инквизиция, — говорил Гизи. — Да, это правда, что именем социализма совершались преступления, но социалистическая идея слишком красива, чтобы погибнуть только из-за того, что ее извращали семьдесят лет.

Его отец Клаус был министром культуры ГДР, затем статс-секретарем по вопросам церкви, а перед уходом на пенсию руководил книжным издательством «Ауфбау». Клаус Гизи, как и его сын, не потерял веры в социалистические идеи:

— Конечно, мы не можем сказать, подобно Сталину, что всё, что служит делу социализма, нравственно. Но может быть,

однажды будет сказано, что социализм ближе всего соответствует требованиям человеческой нравственности.

Воспринимал ли Гизи-старший провал социализма в ГДР как личное поражение?

— Нет, я так не думаю. Несмотря ни на что, моя жизнь имеет смысл. Этой веры я не позволю отнять у меня. От коммунистов в вере требуется значительно больше, чем от христиан. Ведь неверно было бы сказать, что в ГДР вообще ничего не создано. Немцы на востоке Германии не имеют ни малейшего сходства с теми проникнутыми фашистской идеологией людьми, которыми они в большинстве своем были в 1945 году.

Тридцатого декабря 1989 года Маркус Вольф доверил бумаге грустные размышления: «Неужели все усилия, предпринятые за последние полвека, были действительно напрасны? Почему ни в одной из наших стран не смогли утвердиться человеческие ценности свободы и справедливости, которые внутренне присущи социалистической идее, коммунизму?»

Ответ он уже, собственно, нашел: «Вся сталинистская система, ошибочно именуемая социализмом, оказалась нежизнеспособной и была отвергнута народами».

АРЕСТ. СУД. ТЮРЬМА

Доктора политических наук Гельмута Йозефа Михаэля Коля бундестаг избрал канцлером Федеративной Республики Германии 1 октября 1982 года. После того, как развалилась правившая коалиция социал-демократов и свободных демократов, и Гельмут Шмидт ушел в отставку.

Коль не принадлежал к числу тех, кому с юности пророчат великое будущее. Скорее его всю жизнь недооценивали. Многие политики были уверены, что Коль пришел к власти ненадолго. Они не сразу распознали упорство и характер Коля. Простоватые манеры канцлера, похожего на дубовый шкаф, обманчивы. Они мешали разглядеть стальную волю и умение выживать.

Гельмут Коль стал первым канцлером послевоенного поколения. В отличие от своих предшественников, он не служил в вермахте и не был в эмиграции, не голосовал за Гитлера и не выступал против нацизма. Ему было всего три года, когда Гитлер пришел к власти, и 15 лет, когда война закончилась. Колю принадлежат знаменитые слова — о «благе позднего рождения». Выступая в Иерусалиме, он сказал:

— Я не запятнал себя в период нацизма, ибо мне выпало благо позднего рождения.

Старший брат канцлера — Вильгельм Коль, служивший в десантных частях вермахта, погиб в 1944 году. А у Гельмута были трудное детство и юность. «Каждый из нас, — вспоминал позднее канцлер Коль, — должен был экономить буквально на всем, кое в чем себя ограничивать, а в чем-то себе и отказывать». Будущий глава правительства донашивал одежду за старшим братом, а его отец-чиновник ездил на службу на велосипеде и только в плохую погоду позволял себе потратиться на трамвай.

После войны Гельмут Коль работал на ферме — доил коров, кормил свиней, пахал. В то голодное время родители хотели, чтобы он стал крестьянином. Когда потом он учился в университете, подрабатывал каменотесом. Гельмут познакомился со своей будущей женой Ханнелоре сразу после войны, но поженились они только через 12 лет. Когда подруга спросила Ханнелоре, почему же она не выходит замуж за своего Гельмута, та откровенно ответила:

— Я выйду за него, как только он сможет купить мне стиральную машину.

В 16 лет Гельмут Коль уже занялся политикой, вступил в Христианско-демократический союз и быстро делал партийную и парламентскую карьеру. «Уже в 17 лет, — вспоминал он, — мне

приходилось расклеивать предвыборные плакаты и вступать врукопашную с политическими противниками. Путь наверх я начал с самого низа. Даром мне ничего не давалось».

Коль был известен умением сколачивать крепкую команду, которая хранила верность своему лидеру. Он легко устанавливал дружеские, товарищеские отношения, но это не означало готовности потакать друзьям, делать им поблажки. Он всегда оставался в любой компании главным. И вел себя как хозяин, который вправе делать всё, что считает нужным. Когда Коль перебрался в Бонн, столицу ФРГ, чтобы возглавить блок оппозиционных партий, то оказался в трудном положении. Столичные жители с высокомерием приняли неотесанного, тщеславного и неуклюжего провинциала.

Он возглавил Христианско-демократический союз, когда партия не просто находилась в оппозиции, но и переживала худший период в своей истории. Колю пришлось пережить много унижений. Он сумел переломить настроения избирателей и принести своей партии победу на выборах.

Гельмуту Колю всегда помогали его физическая сила и внушительный рост. Его естественное преимущество заставляло партнеров и противников быть более сговорчивыми. Коль никого публично не ругал и не распекал. Если его что-то раздражало, лицо багровело, глаза становились злыми, он вставал, расправлял плечи, и это производило пугающее впечатление. Он вел себя уверенно и бескомпромиссно и не лез за словом в карман. Большинство политиков не спешат с ответом на сложные или неприятные вопросы, а Коль всегда отвечал стремительно. Это лишало его возможности подобрать благозвучную формулировку, что не раз ему вредило.

Коль не любил переписываться и предпочитал личные встречи, на худой конец телефонный разговор. Он знал, что способен убеждать своих собеседников и вообще производить на них благоприятное впечатление. Никто из немецких канцлеров не умел так быстро располагать к себе собеседника и устанавливать доверительные отношения, как это делал Гельмут Коль. И он расчетливо пользовался своим даром.

Первым из московских лидеров с ним познакомился генеральный секретарь Юрий Владимирович Андропов, к которому Коль приезжал в 1983 году. Он честно сказал Андропову, что выступает за единую Германию, поддерживает Соединенные Штаты и добьется размещения новых американских ракет в Западной Европе.

Андропову его речи не понравились, но Гельмут Коль произвел впечатление политика сильного и умного, с которым

лучше ладить. Коль умудрился поначалу поссориться с Горбачевым, когда в марте 1985 года прилетел в Москву на похороны Константина Устиновича Черненко.

«Горбачев начал беседу с вопроса: „Куда дрейфует ФРГ?“ — вспоминал посол ФРГ в СССР Андреас Майер-Ландрут. — Он занял абсолютно негативную по отношению к нам позицию. Ни слова, ни намека о реформах, которые впоследствии изменили судьбу Восточной и Центральной Европы. Это впечатление и стало, наверное, решающим для интервью, которое Гельмут Коль дал американскому журналу „Ньюсуик“, где он иронизировал не только над женой Горбачева Раисой (по сообщениям прессы, она делала большие покупки в самых дорогих магазинах Лондона), но и над самим Горбачевым, причем так разошелся, что сравнил нового генсека с Геббельсом».

Гельмут Коль упрямо требовал объединения Германии в те времена, когда это казалось совершенно нереальным. В декабре 1988 года видный деятель социал-демократической партии Эгон Бар уверенно сказал:

— Попытка отрицать существование двух Германий ведет в никуда.

Западногерманские социал-демократы даже создали комиссию для выяснения общих идеологических основ социал-демократии и коммунизма. Об этом решении они вскоре очень пожалеют.

Объединение Германии возродило старые страхи, причиной которых были две мировые войны, начатые Германией в XX столетии. Немцам территория собственной страны казалась слишком маленькой. Соседям Германия неизменно представлялась слишком большой. И хотя западный мир неизменно поддерживал стремление немцев к единству, на самом деле некоторые соседние государства были довольны расколом Германии на две части — западную и восточную. Пока Германия была разделена, соседи чувствовали себя в большей безопасности.

Министр иностранных дел Геншер поинтересовался у президента Франции Франсуа Миттерана:

— Что думает Франция по поводу воссоединения?

— Это историческая необходимость, — ответил Миттеран, — и Франция на вашей стороне. Однако я спрошу вас, господин министр иностранных дел, намерены ли вы продолжать свой европейский курс?

Гельмут Коль сумел убедить в своей правоте мировых лидеров, и прежде всего советского президента Горбачева. И вошел в учебники истории как объединитель Германии. Это была, конечно же, историческая удача, невероятное везение, Божий

промысел. Но надо сказать, что Коль не упустил своего шанса, поймал судьбу за хвост. Коль оставался главой правительства 16 лет, дольше любого другого канцлера. Европейский союз удостоил его звания почетного гражданина Европы — до него этой чести удостаивался только создатель Европейского союза Жан Моннэ…

Шестнадцатого августа 1990 года президент Горбачев и канцлер Коль вели переговоры в Железноводске. Советский Союз согласился на объединение Германии и обещал вывести войска, находившиеся там с 1945 года. Германия подтвердила, что признаёт послевоенные границы, и взяла на себя определенные финансовые обязательства в отношении СССР.

С 1 июля 1990 года действовал валютный союз — на территории ГДР вошла в обращение западногерманская марка.

— Валюта — это всегда больше, чем просто денежный знак или средство оплаты, — высокопарно сказал канцлер Гельмут Коль. — Она была и есть часть культурной идентичности и показатель политической и социальной стабильности.

Тридцать первого августа две Германии подписали договор «О строительстве германского единства». 12 сентября в Москве страны-победительницы подписали с представителями ФРГ и ГДР договор об окончательном урегулировании в отношении Германии. 3 октября восточные земли вошли в состав ФРГ. Германская Демократическая Республика прекратила существование. Прошло 323 дня после падения Берлинской стены. Это был настоящий праздник. У стен Рейхстага устроили невероятный фейерверк. Президент теперь уже единой Германии Рихард фон Вайцзеккер в своей речи в ту ночь обещал:

— Мы, немцы, сознаём свою ответственность и будем служить делу мира в объединенной Европе.

А Габриэле Гаст продолжала работать на восточногерманскую разведку. Ради Карличка. Ее любовь к нему стала более ровной, спокойной, но не менее сильной. Габриэле иногда думала о том, что невозможно совершенно освободиться от ревности, от страха потерять мужчину, остаться одной. Ей снилось, что ее бросают, оставляют, что Карличек уходит от нее к другой женщине. В глазах женщины мужчина даже в ревности свободнее. У мужчины всегда есть выбор. Всегда решает мужчина.

Но мысль о том, что у Карличка может быть другая женщина, казалась ей невероятной. Другое тяготило и мучило ее. На улице она невольно обращала внимание на супружеские пары, которые рука об руку шли домой. Этого обычного счастья она была лишена.

В конце 1989 года Габриэле впервые по-настоящему

испугалась. Штаб-квартира западногерманской разведки была завалена материалами, из которых следовало, что Восточная Германия рушится. Объединение двух Германий становилось возможным и реальным. Габриэле надеялась на то, что они с Карличком наконец смогут соединиться. Но в то же время она боялась, что теперь всё может выйти наружу. Что же с ней будет, если в Бонне узнают, что она 20 лет работала на восточно-германскую разведку?

Ее коллеги только и обсуждали что события в ГДР. Габриэле не участвовала в оживленных дискуссиях. Для нее всё это было слишком серьезно. Сразу после конца рабочего дня она спешила домой, где ее ждал приемный сын. Ближе к ночи усаживалась на кухне и включала радиоприемник, настроенный на волну 90 метров.

Несколько месяцев после крушения Берлинской стены она тщетно ждала известий от Карличка. Радиостанция Главного разведывательного управления ГДР молчала. Наконец, в январе 1990 года она получила шифрованное приглашение наведаться в Австрию, в Инсбрук. Там ее ждал Карличек.

Встреча получилась грустной и безрадостной.

Она боялась разоблачения и просила уничтожить все документы, имеющие к ней отношение. Карличек еще верил, что брожение в ГДР можно обуздать: через какое-то время порядок восстановится и всё вернется на круги своя. Карличек проделал большой путь от автослесаря до офицера особого назначения и не хотел еще раз проделать этот путь в обратном направлении.

После штурма в Берлине здания Министерства государственной безопасности в январе 1990 года стало ясно, что это ведомство обречено. 23 февраля Рабочая группа по вопросам безопасности решила ликвидировать Главное управление разведки МГБ ГДР. 18 марта 1990 года на выборах в ГДР выиграли христианские демократы, сторонники объединения Германии.

Габриэле Гаст получила шифрованное послание: ее вновь приглашали присоединиться к своим друзьям в Австрии. На сей раз встречу назначили в Зальцбурге. В ресторане неподалеку от города она пообедала в обществе Карличка и его нового начальника — моложавого полковника. Это был прощальный обед. Между супом и десертом полковник официально поблагодарил Габриэле за многолетнюю самоотверженную работу на разведку ГДР. Понизив голос, он сказал, что ее труд никогда не будет забыт. Несмотря ни на что, ее деятельность не была напрасной: она работала на благо мира.

Служба Габриэле Гаст на восточногерманскую разведку

закончилась.

Красивые слова не интересовали Габриэле. Она хотела услышать, что сделано ради ее безопасности. Полковник уверил ее, что беспокоиться не о чем.

— Все дела, где упоминалась полученная от вас информация, все доказательства сотрудничества — пленки, фотографии, короче, все материалы — уничтожены. Я в этом лично убедился, — твердо сказал он. — Вы можете спокойно служить в Пуллахе до самой пенсии, как будто бы ничего и не было. Обещаю вам, никто и никогда ничего не узнает. Все, что вы должны сделать, это прервать все контакты с сотрудниками МГБ ГДР.

Габриэле не собиралась это делать. Она считала, что в это смутное время они с Карличком больше чем когда бы то ни было нужны друг другу. После обеда полковник дал им возможность поговорить наедине. Прощаясь, Габриэле и Карличек решили, что встретятся в мае. Опять же в Инсбруке, чтобы окончательно решить, как им жить дальше.

В мае Карличек уже ни о чем не спрашивал Габриэле. Его больше не интересовали ни секретная информация, ни служебные документы западногерманской разведки. Он остался без работы. ГДР гибла, и 85 тысяч сотрудников Министерства государственной безопасности ощутили это первыми. Целыми днями Габриэле и Карличек гуляли по романтическому австрийскому городу среди цветущих деревьев, не подозревая о том, что в следующий раз они увидятся в тюрьме.

Многие сослуживцы Карличка уже пошли на поклон к своим недавним врагам в Западной Германии, наперебой предлагая свои услуги. В конце августа 1990 года в штаб-квартире западногерманской разведки появился бывший капитан госбезопасности Карл Кристоф Рейсснер. Он работал в информационно-аналитическом отделе Главного разведывательного управления МГБ и имел дело, в том числе, с информацией, поступавшей от агента Гизела.

Капитан Рейсснер был сыном секретаря окружкома партии из Лейпцига. После окончания разведывательной школы его определили в оперативный отдел. Ему предстояла работа в Лондоне под посольским прикрытием. Для начала его послали на стажировку в Англию, но кончилась она для него плохо. Он растратил деньги, которые получил в резидентуре для вербовки потенциального агента.

Резидент тут же вернул его в Берлин. В таких случаях генерал Вольф немедленно расставался с сотрудниками. Но в данном случае сработали отцовские партийные связи. Вольфу пришлось

оставить Рейсснера в центральном аппарате. Из оперативного отдела его перевели в информационно-аналитический, где служили ветераны и провалившиеся агенты. Надежда поехать на работу за границу испарилась. Рейсснер пробыл в Англии всего два месяца, но вспоминал о ней годами. Теперь ему представилась возможность отомстить Вольфу.

В отличие от других перебежчиков, набивавших себе цену, капитан действительно располагал информацией, которая произвела впечатление на западных немцев. Он рассказал о таинственном любимом агенте Вольфа — женщине, которая многие годы поставляла самую важную информацию из Федеральной разведывательной службы. Назвал ее псевдоним — Гизела. Настоящее имя он не знал, но дал достаточно точное описание: ей около сорока лет, она не замужем, защитила диссертацию и усыновила ребенка-инвалида.

Под это описание подходила только Габриэле Гаст.

В это время Габриэле находилась в отпуске в Швейцарии. Она ничего не знала о появлении в Пуллахе бывшего капитана госбезопасности Карла Кристофа Рейсснера. Если бы она была на месте, то, может быть, успела бы спастись…

Министра внутренних дел ФРГ его подчиненные из контрразведки старались не ставить в известность о своих оперативных делах, чтобы избавить от необходимости врать бундестагу и прессе. Министру такая игра нравилась. Обычно он говорил начальнику контрразведки:

— Лучше бы вы меня ни во что не посвящали.

Но в данном случае без министра никак нельзя было обойтись. Выслушав начальника контрразведки, министр позвонил канцлеру. Когда Габриэле вернулась из отпуска, за ней установили наблюдение. Контрразведка перехватывала ее почту, прослушивала телефон. В последнюю субботу сентября ей внезапно позвонил домой Карличек. Не называя себя, предложил встретиться. На следующий день Габриэле села в машину и поехала в сторону Австрии. Это ускорило арест.

Контрразведка была обеспокоена: Габриэле нельзя выпустить за границу. Если она окажется в Австрии, ее не удастся даже допросить, потому что Вена не выдает никого, кто обвиняется в политических преступлениях, в том числе и в шпионаже.

Габриэле решили брать на границе. Служащий пограничной полиции, проверявший документы, попросил ее предъявить водительские права и паспорт на машину. Она не глядя протянула ему документы. Он просмотрел их и опять нагнулся к окошку:

— Будьте любезны пройти за мной.

Габриэле вышла из машины. Они ничего не подозревала.

«Вероятно, я превысила скорость на автобане», — подумала она.

В домике пограничной полиции ее ожидали мужчина и женщина.

— Вам предъявляется ордер на арест, фрау Гаст.

Ее арестовали за три дня до воссоединения Германии.

Следствие по делу Габриэле Гаст вело Баварское земельное ведомство уголовной полиции. Психологически самым тяжелым для нее был обыск в ее доме. Больной ребенок с ужасом наблюдал за тем, как полицейские обследовали каждый ящик, каждую книгу, папку и сумку, каждый тюбик зубной пасты и даже баллончик с дезодорантом. Они поминутно спрашивали женщину:

— Где вы храните шифровальные блокноты и фотоаппарат?

Полиция конфисковала ее радиоприемник.

В это же самое время проводился тщательный обыск ее рабочего кабинета в Пуллахе. Габриэле отправили в следственную тюрьму в пригороде Мюнхена. Она сидела в камере № 326 площадью восемь квадратных метров.

Следствие растянулось на целый год. Раз в неделю ее могли навещать мать и брат. Почти каждую неделю приходил пятнадцатилетний сын. Родные, конечно же, не подозревали о двойной жизни Габриэле и были потрясены ее арестом и обвинением в предательстве и шпионаже. Бессонными ночами она думала о своей жизни. Хуже всего было то, что Карличек так и не дал о себе знать после ее ареста. Она чувствовала себя брошенной. Страшные сомнения закрались в ее душу. Неужели Карличек тоже был «красным Казановой», профессиональным соблазнителем, одним из многих вербовщиков из ведомства генерала Маркуса Вольфа?

Это так не вязалось с обликом Карличка, которого она считала простым и честным человеком. Но может ли она сказать, что знала его по-настоящему? Был ли он с ней искренен или же использовал ее по заданию госбезопасности? Во время допроса следователь назвал ей настоящие имя и фамилию Карличка. У него, оказывается, в ГДР была семья.

В прежние времена Габриэле Гаст обменяли бы на какого-нибудь западного шпиона, арестованного в Восточной Европе. Она приехала бы в ГДР в роли героического борца за мир. Даже Гюнтера Гийома, арестованного в 1974 году, через шесть лет обменяли и устроили ему торжественную встречу в Восточном Берлине. Но теперь некому было о ней позаботиться. ГДР больше не существовала, и Маркус Вольф думал о том, как самому

избежать суда.

— Что мне грозит? — осведомилась Габриэле у следователя.

— Обычный приговор в таких случаях — от восьми до десяти лет. Но может быть, в вашем случае суд будет снисходителен и даст лет семь.

В камере Габриэле решила, что должна научиться владеть собой до такой степени, чтобы спокойно встретить приговор. Она подсчитала, что, когда выйдет из тюрьмы, ей будет всего пятьдесят пять лет. Она подбадривала себя: «На худой конец я всегда могу управлять хозяйством какого-нибудь горного приюта». Может быть, ей следовало с самого начала избрать более женскую профессию или просто выйти замуж? Ведь когда-то юная Габриэле собиралась стать домохозяйкой.

Ее судила третья палата по уголовным делам земельного суда Баварии. На скамье подсудимых она по-прежнему казалась привлекательной женщиной: сорокавосьмилетняя шатенка с волнистыми волосами, стройная фигура, модные очки. Лицо бледновато — результат того, что она провела год в следственной тюрьме. Во время процесса она внимательно следила за показаниями свидетелей, вела записи и защищалась активно.

Наискосок от нее сидел второй подсудимый — Карличек, пятидесятишестилетний бывший майор МГБ. 20 лет этот приземистый саксонец был ее любовником, почти что мужем. Теперь он едва удостаивал ее взглядом. Во время перерывов демонстративно ее избегал. После крушения ГДР он потерял к ней всякий интерес. Он не любил Габриэле. Он выполнял приказ.

Через адвоката Карличек передал Габриэле, что совместного будущего у них не будет. Это ее сразило. Теперь, когда она так нуждалась в участии, она узнала, что ее бросил единственный близкий ей человек. Ради него она стала шпионкой и разрушила свою жизнь, а он даже не назвал ей своего подлинного имени.

В управлении госбезопасности в Лейпциге Карличку, недалекому и бесперспективному офицеру, все эти 20 лет многие завидовали. Он нашел себе неплохую работу — раз в год в красивом месте и за казенный счет обслуживал в постели западную немку. Остальные 11 месяцев Карличек бил баклуши. Товарищи по партии и МГБ не могли понять, что же она в нем нашла.

В день, когда Габриэле вынесли приговор, западногерманская разведка практически не работала. Все обсуждали ее судьбу. В тюрьме Габриэле узнала, что начальник ее отдела в Федеральной разведывательной службе уволен. Она искренне жалела этого вполне приличного человека, которому невольно сломала жизнь. И она была потрясена, когда узнала, что он еще и взял на

воспитание ее ребенка-инвалида.

Брошенная любимым человеком, Габриэле, сидя в тюрьме, думала теперь только о несчастном мальчике, как замерзающий путник холодной зимой вспоминает о своем доме, теплом и уютном, но, увы, недостижимом.

Можно ли было спасти Германскую Демократическую Республику?

Валентин Фалин сказал Маркусу Вольфу:

— Кризис ГДР, закончившийся катастрофой в восемьдесят девятом, начался уже в пятьдесят третьем. Число тех, кто поддерживал режим в ГДР, никогда не было выше тридцати процентов, а как правило, и того ниже.

Руководство ГДР всегда боялось народного восстания. Офицеров Министерства госбезопасности готовили к ведению боевых действий, учили диверсионной работе, умению убивать голыми руками. Но никто из чекистов не посмел выступить в защиту социализма или хотя бы собственного ведомства, когда в 1989 году восстала страна. В Берлине демонстранты ворвались в комплекс зданий Министерства государственной безопасности и с изумлением разглядывали секретные документы.

Потом Мильке говорил:

— Если бы партия дала приказ, ГДР и сейчас бы существовала.

В своем кругу министр действительно не раз многозначительно обещал:

— Товарищи, если руководство партии даст такое указание, завтра западноберлинцы проснутся с удостоверением личности ГДР. И для этого нам никто не нужен, министерство справится с этим собственными силами.

А получилось наоборот! Восточные немцы проснулись гражданами ФРГ — причем по собственному желанию. Единственное сопротивление, на которое решились сотрудники министерства, — это попытка уничтожения архивов. И она оказалась не слишком удачной.

Третьего декабря 1989 года Эриха Мильке исключили из партии, через полтора месяца прокуратура возбудила против него дело.

«Конечно, были отдельные руководители, которые в последний момент хотели прибегнуть к китайскому варианту (подавление студентов на площади Тяньаньмэнь), — вспоминал Гизи, бывший министр культуры ГДР. — Скажем, члена политбюро Миттага, который был правой рукой Хонеккера, я считав способным на это, но в общем, по моим впечатлениям,

никто не был готов на это пойти. Режим пал сам, как подточенный термитами дом. Он стоит перед вами в полном великолепии, но сто́ит к нему прикоснуться, как сыплется штукатурка, всё рушится, и вы, онемев, стоите перед кучей мусора».

После падения ГДР оказалось, что в социалистическом государстве не осталось ни одного настоящего коммуниста. Партийные комитеты внезапно превратились в укрытия для борцов Сопротивления прогнившему режиму. Если верить показаниям Эриха Хонеккера на суде, то можно было подумать, что генеральный секретарь провел свои последние годы в ЦК в непрерывной борьбе с собственными министрами-ретроградами.

Никто не ждал этого! В апреле 1989 года журналисты из «Шпигеля» брали интервью у Андрея Андреевича Громыко, уже вышедшего на пенсию. Спросили: какую позицию займет советское руководство в случае объединения Германии?

— Поезд единого германского государства ушел, — ответил бывшей министр иностранных дел. — Я готов повторить это тысячу раз.

Недавний канцлер ФРГ Гельмут Шмидт еще 22 сентября 1989 года, выступая от имени социал-демократической партии, говорил:

— Беспорядки в Восточной Германии могут поставить под угрозу весь процесс реформ в Восточной Европе. Немецкий вопрос решится только в следующем столетии.

Диктатуры всегда кажутся сильнее, чем они есть на самом деле.

Двадцать шестого января 1990 года, записал в дневнике Анатолий Черняев, в Кремле политбюро обсуждало германскую проблему. Председатель КГБ Крючков доложил:

— СЕПГ уже нет как таковой, все государственные структуры в ГДР развалились, это уже не настоящее государство.

Горбачев не верил мрачным оценкам:

— Будем ориентироваться на Модрова и СЕПГ. Не может быть, чтобы из двух с половиной миллионов членов партии никого не было, чтобы составить реальную силу!

В марте 1990 года прошли выборы в Народную палату ГДР. Они подвели черту под эпохой коммунистического правления. Больше всего мандатов завоевала партия христианских демократов. 12 апреля правительство Ханса Модрова, на которого возлагали столько надежд, ушло в отставку. Думали, его сменит социал-демократ Ибрахим Бёме. Но премьер-министром стал лидер христианских демократов Лотар де Мезьер. Новые депутаты изменили административное деление страны

(восстановили пять упраздненных в 1952 году земель: Бранденбург, Мекленбург-Передняя Померания, Саксония, Саксония-Анхальт, Тюрингия), создали федеративную государственную структуру, чтобы можно было объединиться с землями, входящими в состав ФРГ.

В начале мая Маркуса Вольфа пригласил новый министр внутренних дел Петер-Михаэль Дистель. Поначалу министр был к нему очень расположен — назначил советником правительственной комиссии по ликвидации МГБ. Но со всех сторон раздались протесты. В состав комиссии вошли бывшие диссиденты — писатель Стефан Хайм, отбывший срок Вальтер Янка, и они не пожелали сидеть за одним столом с бывшим генерал-полковником госбезопасности. Через день Маркус Вольф сам отказался от предложенной ему должности. Теперь Дистель посоветовал Вольфу договариваться с Бонном. Обреченно заметил:

— Господин Вольф, вы так же хорошо, как и я, знаете, что всем нам предстоит плен. Единственная возможность, которая еще осталась, — чтобы мы участвовали в решении вопросов, как нас разместят и как будут кормить.

В конце мая с букетом цветом и коробкой конфет у ворот дачи Маркуса Вольфа появились гости из США — представитель директора ЦРУ Уильяма Уэбстера и сотрудник берлинской резидентуры. Разговор был долгим. Американцы предложили недавнему руководителю разведки ГДР сотрудничество:

— Калифорния — очень красивое место. Там круглый год стоит чудная погода.

Весомость их предложению придавали слова генерального прокурора ФРГ о том, что он давно подписал ордер на арест Вольфа. Гости и хозяева пили кофе с пирожными. Мило беседовали. Гости обещали избавить Вольфа от всех неприятностей — в обмен на сотрудничество.

Вольф знал, что его бывшему подчиненному — полковнику Юргену Рогалле, начальнику американского отдела, предложили миллион долларов. Но Вольф хотел заранее понять, чего именно от него потребуют. А гости желали знать, что им дадут.

Вольф курил и говорил:

— Сделай я первый шаг, у вас были бы основания спрашивать, что я намерен предложить. Но всё обстоит не так. Вы пришли ко мне. А не я к вам. — Объяснил: — Имена моих агентов — это табу. Если хотите продолжить разговор, то пригласите меня в США. Тогда мы можем углубиться в детали. Прежде чем я приму какое бы то ни было решение, мне надо по меньшей мере познакомиться со страной, где мне по вашему предложению

предстоит поселиться.

— Вы здесь не в безопасности, — резонно заметил американец.

— Не забудьте, есть еще и Россия, — ответил Вольф.

Гости обратились к его жене Андреа:

— Не стоит вам ехать в Москву. Жизнь там очень трудна. Подумайте о семье. Поезжайте в страну, где вы сможете наслаждаться жизнью, сможете без помех работать и писать. Такие условия есть только в Америке.

Но Маркус Вольф не хотел быть тайно переброшенным в США. Опасался оказаться в бесправной роли. Он же не какой-нибудь перевербованный агент, а руководитель спецслужбы, пусть даже и в отставке. Выставил условие: пригласите официально от имени какой-нибудь кинокомпании или издательства. Гости объяснили, что не могут. Вольф удивился: «В обратной ситуации нечто подобное не составило бы проблемы для моей службы».

Уточнил:

— Вы, конечно, хотите узнать от меня что-то конкретное, не так ли?

— Нас привело сюда предположение, что вы можете помочь нам в определенном деле. Внутри нашей службы действует «крот», который нанес нам большой ущерб. С восемьдесят пятого года мы потеряли от тридцати до тридцати пяти наших людей.

В этой связи американцев интересовал начальник советской внешней контрразведки генерал Анатолий Тихонович Киреев, вместе с которым Вольф разработал не одну операцию против ЦРУ. Киреев окончил МГИМО, в 1952-м — разведывательную школу № 101, в 1960-е годы служил заместителем резидента в Вашингтоне и Нью-Йорке по линии политической разведки, потом руководил 1-м (американским) отделом в Первом главном управлении КГБ. В ноябре 1979 года стал начальником внешней контрразведки, сменив на этом посту генерала Олега Даниловича Калугина.

Вольф еще несколько раз встречался с американцами, которые по-прежнему предлагали в обмен на помощь вывезти его в Соединенные Штаты. Последняя беседа состоялась 26 сентября 1990 года в берлинской квартире Вольфа. На сей раз приехал начальник контрразведывательного отдела ЦРУ Гарднер Гас Хатэуэй, бывший резидент в Москве. Контрразведчик пытался понять, кто предает его людей. Вольф был готов поехать в США, если бы от него не требовали задатка — имен его агентов.

Маркус Вольф наведался к адвокату Вольфгангу Фогелю, с которым прежде не был лично знаком. Фогель при нем говорил

по телефону с Маргот Хонеккер. Объяснил Вольфу, что Хонеккер находится на пределе своих физических и психических сил.

Еще до объединения страны комиссия Народной палаты взялась расследовать злоупотребления членов политбюро и других высших руководителей ГДР. Доклад Временной комиссии по проверке случаев злоупотребления служебным положением, коррупции и личного обогащения занял семь часов. В результате прокуратура возбудила уголовное дело против Эриха Хонеккера. Его обвинили в государственной измене, хищении социалистической собственности и коррупции. Поместили под домашний арест.

Но вскоре Хонеккера пришлось госпитализировать — он был тяжело болен. Адвокаты уговорили суд отменить ордер на арест. Но где жить Хонеккеру? Из особняка в правительственном поселке Вандлиц бывшего генсека выселили. Ему предложили квартиру — обычную, городскую. Он отказался жить рядом с недавними подданными. И кто же приютил Хонеккера с женой? Священник Уве Хольмер. Священнику несладко жилось при социализме, ни одному из его десяти детей не позволили получить высшее образование. Но он сказал:

— Это не значит, что Хонеккеры не заслуживают христианского милосердия.

Однако же бывший хозяин Восточной Германии боялся, что всё равно его упрячут за решетку. Обратился за помощью к советским друзьям. 3 апреля 1990 года его забрали из дома и тайно поместили в советский военный госпиталь неподалеку от Потсдама.

А следствие продолжалось. 10 августа 1990 года берлинская прокуратура информировала Хонеккера, что его обвиняют еще и в соучастии в убийстве — он отдал приказ стрелять по людям, пытавшимся бежать на Запад, и заложить мины вдоль германо-германской границы. Саперы обнаружили 13 миллионов мин! Разминирование растянулось на многие годы. 30 ноября берлинский суд выдал ордер на арест Эриха Хонеккера. Но полицейские напрасно стучались в ворота. Советские военные базы пользовались правами экстерриториальности.

На просьбу передать германского гражданина правосудию ФРГ последовал категорический отказ. 13 марта Хонеккера на вертолете перебросили на аэродром Западной группы войск, а оттуда на военно-транспортном самолете вывезли из страны. Пограничная полиция и таможенная служба ФРГ не имели права досматривать советские военные самолеты.

Семнадцатого марта помощник Президента СССР по международным делам Анатолий Черняев записал в дневнике:

«Тем временем „мы“ выкрали Хонеккера. Ничего не понимаю. Я — помощник президента — об этой операции узнал по радио. Хотя она начиналась еще в декабре (первая записка Язова и Крючкова, которую Михаил Сергеевич тогда игнорировал). Умыкнули гражданина чужой страны, да еще находящегося под следствием? Как же выглядит суверенитет уже объединенной Германии? Не знаю, как Михаил Сергеевич будет отбрехиваться».

Тринадцатого апреля посол СССР в ФРГ Владимир Петрович Терехов сообщил правительству в Бонне, что чета Хонеккер вывезена на лечение в Москву, поскольку бывший генсек нуждается в срочной врачебной помощи. Уверенность советских дипломатов в превосходстве отечественной медицины власти ФРГ не разделяли. Даже очень осторожный в оценках министр иностранных дел Ханс Дитрих Геншер потребовал немедленно вернуть гражданина Германии на родину. Германское законодательство, как и советское, запрещает человеку, находящемуся под следствием, покидать страну.

Если прежде судьба Хонеккера была предметом тихой дипломатии, поскольку германское правительство первоочередной задачей считало разумное устройство отношений с Советским Союзом, то его похищение спровоцировало первый после объединения ГДР и ФРГ конфликт между Москвой и Бонном.

Зачем было ставить под удар отношения с крупнейшей континентальной державой? Спасали невинного человека, жертву карательной судебной машины? Выводили из-под удара ушедшего в отставку политика, с которым сводили счеты?

Эриху Хонеккеру прокуратура предъявила серьезное обвинение.

С первого дня создания ГДР многие немцы бежали на Запад, бросая дома и могилы предков. Западную границу закрыли и Берлинскую стену возвели вовсе не для защиты от внешнего врага, а для того, чтобы не все убежали. Именно Хонеккер подписал приказ, на основании которого пограничная полиция без предупреждения стреляла в тех, кто пытался покинуть «первое на немецкой земле государство рабочих и крестьян».

Обнародованный текст приказа произвел тягостное впечатление: «Следует без промедления применять огнестрельное оружие. Даже в тех случаях, когда в попытке нарушить государственную границу участвуют женщины и дети, а предатели часто пользуются этим приемом».

В 1966 году восточногерманские пограничники возле Рейхстага застрелили двух подростков — одному было 13 лет, другому десять. Они хотели перебраться в Западный Берлин.

Хонеккер к тому же распорядился установить вдоль границы с ФРГ и вдоль Берлинской стены мины и автоматические скорострельные пулеметы — не против вероятных лазутчиков с той стороны, а против собственных граждан, пытавшихся бежать из ГДР. Приказ стрелять был отменен только в августе 1989 года.

В Москве Эриха Хонеккера поместили в Центральный военный клинический госпиталь имени П. В. Мандрыки. Потом они с Маргот обосновались на предоставленной в их распоряжение государственной даче в Горках. Тогдашний начальник советской внешней разведки генерал-лейтенант Шебаршин объяснил журналистам, что не его служба привезла Хонеккера в Москву:

— Нас не спросили. Но когда потом выяснилось, что ни одно ведомство не намерено заботиться о Хонеккере, пришлось нам этим заняться. Когда возникает неприятная задача, ее сваливают на разведку. Один из наших сотрудников, который хорошо говорит по-немецки, справляется у Хонеккера о его здоровье и приносит немецкие газеты.

В августе 1991 года Хонеккеры отдыхали в Батуми. Узнав о путче, срочно вернулись в Москву. Но ГКЧП проиграл. Симпатизировавшие Хонеккеру чиновники утратили свои должности. Ни союзная власть, ни российская не были рады бывшему руководителю исчезнувшей с политической карты мира Германской Демократической Республики. Отношение к нему изменилось. Эрих Хонеккер оказался под домашним арестом. А 10 декабря 1991 года министр юстиции РСФСР Николай Васильевич Федоров предупредил Хонеккера, что он должен немедленно покинуть территорию России. Но ехать ему было некуда. Спасение пришло с неожиданной стороны.

Эрих Хонеккер когда-то женился на Эдит Бауман, которая тоже работала в Союзе свободной немецкой молодежи; она родила от него дочь. В январе 1955 года Хонеккер, тогда уже секретарь ЦК партии по делам молодежи, тайно развелся с Эдит. Она была членом ЦК, но вскоре ее перевели на более скромное место.

Хонеккер женился на Маргот Файст, которая была на 15 лет моложе его. Маргот Файст-Хонеккер стала министром народного просвещения (а ее брат Манфред — заведующим отделом ЦК СЕПГ). Хонеккер и Маргот жили вместе еще до его развода, и их дочь Соня родилась вне брака, поэтому в официальных биографиях генсека дату заключения брака писали другую — на два года раньше.

Зять Хонеккера был чилийским коммунистом. Соня вышла замуж за Леонардо Яньеса Бетанкура, бежавшего в ГДР от

генерала Пиночета. После военного переворота в Чили многие чилийские коммунисты нашли убежище в ГДР, в том числе министр иностранных дел в правительстве Сальвадора Альенде — Клодомиро Альмейда. Он десять лет прожил в Восточной Германии и считал, что в долгу перед Хонеккером.

Клодомиро Альмейда был теперь послом Чили в СССР. 11 декабря 1991 года его жена на своей машине с дипломатическими номерами доставила Хонеккеров в здание посольства. Они прожили там полгода. Но у Альмейды закончился срок работы в Москве, и он вернулся на родину. Больше никто не захотел скрывать руководителя ГДР от правосудия.

Двадцать девятого июля 1992 года Хонеккера спецсамолетом из Внукова отправили в Германию. В берлинском аэропорту Тегель его ждали полицейские. Хонеккера отвезли в Моабит и сразу поместили в тюремную больницу. Во время прогулки в тюремном дворе он увидел Мильке.

— Эрих! — окликнул его Хонеккер. — Рот фронт!

Мильке не ответил. Видимо, бывший министр считал бывшего генерального секретаря виновным в крушении режима.

Хонеккер просидел в следственной тюрьме 169 дней. Он был смертельно болен. Еще в Москве врачи Боткинской больницы диагностировали у него метастазы в печени. Суд освободил его от ответственности. В январе 1993 года уголовное дело прекратили. Хонеккеру разрешили уехать в Чили, где уже три года жила его младшая дочь, родившая ему внука — Роберто Яньеса, он стал поэтом, музыкантом и художником-сюрреалистом.

Соня купила отцу домик в чилийской столице. Эрих и Маргот внимательно следили за новостями из Германии. Но своей вины ни в чем не видели. Маргот Хонеккер пренебрежительно отзывалась о тех восточных немцах, которых по приказу ее мужа убили, когда они пытались перебраться в Западную Германию:

— У них не было никакой необходимости лезть на эту стену. Они заплатили жизнями за собственную глупость.

Эрих Хонеккер умер от рака печени 29 мая 1994 года в Сантьяго. Ему шел 82-й год. На похоронах пели Интернационал. Гроб накрыли флагом уже не существующей Германской Демократической Республики. Его вдова получает из ФРГ пенсию в полторы тысячи евро, которую называет жалкой.

А в Восточном Берлине, который уже не был отделен от Западного, по дорожке заброшенного сада одиноко вышагивал старый ссутулившийся человек в надвинутой на глаза шляпе. Рядом с ним шла его жена — она боялась отпускать мужа одного. Врачи диагностировали у него общий склероз, подагру,

старческое слабоумие и болезнь Паркинсона.

Эксперты пришли к прискорбному выводу: «Мыслительные способности ограничены кругом повседневных личных и семейных забот. При оценке всего остального исходит из привычной точки зрения и усвоенных политических догм. Очевидно полное непонимание нынешнего положения вещей».

Лишь одно чувство еще проникало в помраченное сознание отстраненного от власти человека — чувство, которое прежде в стране испытывали все, кроме него самого, — страх. Он впервые ощутил страх не тогда, когда его арестовали, а после того как генеральный прокурор выпустил его из тюрьмы — из-за невозможности держать под стражей по причине плохого здоровья. Он боялся сограждан.

Бывший министр государственной безопасности Эрих Мильке не отваживался даже по ночам подышать воздухом на крошечном балконе. Боялся подойти к окну своей квартиры на четвертом этаже. Говорил только шепотом. Но жена была глуховата и не могла его расслышать, а сын навещал его нечасто.

87-летнего Мильке освободили из-под стражи в августе 1995 года. Он отсидел в тюрьме пять с половиной лет — за участие в убийстве двух полицейских в 1931 году. Материалы следствия 1930-х годов и протоколы заседаний суда, заочно рассмотревшего тогда его дело, Мильке хранил в личном сейфе. И напрасно. Именно эти папки и позволили спустя много лет признать его виновным.

В тюрьме Мильке сильно изменился. Надзирателям он казался сумасшедшим. Сидя в одиночке, он громким голосом подавал команды несуществующим подчиненным. Постоянно требовал, чтобы ему установили в камере телефон. Наконец начальник тюрьмы распорядился принести ему какой-нибудь старый аппарат. С того дня Мильке часами говорил в трубку аппарата, который ни к чему не был подсоединен.

Бывшему министру не пришлось полностью отбывать свой срок — его отпустили из-за преклонного возраста и слабого здоровья. После освобождения из тюрьмы он прожил еще пять лет с женой Гертрудой в двухкомнатной квартире в панельной новостройке. Получал пенсию. Утром выходил погулять в сопровождении одного из своих бывших коллег. Часами Эрих Мильке смотрел застывшим взглядом в экран телевизора, оживляясь, только когда показывали футбольный матч и играло его любимое берлинское «Динамо». Если родные пытались поговорить с ним о том, что происходит в стране, он сердился или, не дослушав, принимался искать куда-то запропастившуюся щетку для обуви.

Когда Эрих Мильке сидел в тюрьме, его сын Франк один-единственный раз получил право на свидание с ним.

— Ты еще уважаешь меня? — спросил Мильке сына. — Или ты тоже меня осуждаешь?

— Нет, папа, — ответил Франк, — я на твоей стороне.

Он обнял отца, хотя тюремные правила это запрещали. Надзиратель смотрел в сторону.

Когда-то Франк Мильке защитил диссертацию на тему «Асоциальные нарушения поведения при бегстве из ГДР», которая была засекречена. Он работал врачом в больнице Шаритэ, затем в Центральном институте сердечно-сосудистых заболеваний.

Франк Мильке жил в правительственном поселке Вандлиц с видом на маленькое озеро. Отец подарил ему на свадьбу японскую видеосистему и телевизор со спецсклада Министерства госбезопасности. Когда Франк женился, свадьбу сыграли в одной из резиденций, предназначенных для государственных приемов. Начав самостоятельную жизнь, Франк Мильке пользовался привилегиями, обслуживался в спецмагазине.

В декабре 1989 года в берлинской газете появилась первая статья о быте министра госбезопасности Эриха Мильке, в которой упоминалось о том, что его сын-врач на самом деле майор госбезопасности. Через день на доске объявлений в Институте сердечно-сосудистых заболеваний появилось подписанное многими врачами послание, адресованное Франку: «Г-н доктор Мильке, мы требуем, чтобы вы покинули институт. Не позорьте наш прекрасный коллектив».

Франк доложил об этом своему начальнику в Министерстве госбезопасности. Тот сказал:

— Подавай заявление, а мы подумаем, куда тебя устроить.

Когда ГДР рухнула, в личном деле майора Франка Мильке не оказалось никаких опасных для него документов. Оно было практически пустым. Видимо, отец успел в последний раз позаботиться о сыне. Как опытный врач-ревматолог, Франк подыскал себе место в одной из берлинских клиник.

Вечерами он рассматривал отцовские альбомы с фотографиями. В одном из конвертов вместе со снимком, запечатлевшим Эриха Мильке рядом с поверженным кабаном, лежал листок из отрывного календаря. На нем аккуратным почерком министра было написано несколько строчек из Гете:

«Если мы видим человека таким, какой он есть, мы делаем его хуже, чем он есть.

Но если мы видим его таким, каким он должен быть, мы даем ему возможность стать таким, каким он мог бы стать».

Эрих Мильке умер в возрасте девяноста двух лет.

Позволю себе краткое отступление. Кажется, я единственный, кто тогда произнес надгробное слово. Когда 26 мая 2000 года пришла весть о кончине Мильке, я выступал с ежедневным комментарием в вечернем выпуске новостей телеканала ТВ Центр. И счел своим долгом сказать несколько слов о смерти человека, который получил золотую звезду Героя Советского Союза из рук Горбачева, а потом оказался в тюрьме.

После крушения ГДР Мильке казался воплощением зла, мистической фигурой, заставившей бояться весь народ. Но был ли Мильке суперзлодеем? Исчадием ада, опутавшим своими сетями всю страну?

Всегда удобно возложить вину на одного человека и сказать с облегчением: «Всё дело в нем!» Но в таком случае восточные немцы, взбунтовавшиеся в ноябре 1989 года, удовлетворились бы отставкой Эриха Хонеккера и Эриха Мильке.

Мильке был именно тем человеком, который требовался ведомству, в котором он проработал всю жизнь. «Очень деятельная натура, — вспоминал о нем Маркус Вольф. — Шеф всегда должен быть на месте. Хотя бы уже только потому, что при слишком продолжительном отсутствии по возвращении можно обнаружить в своем кресле кого-нибудь другого».

В какой-то степени могущественный министр госбезопасности был всего лишь одним из винтиков гигантской системы, которая существовала как бы сама по себе. Но он же и подкручивал, налаживал и заводил весь этот механизм, который на самом деле мог работать только потому, что кадровые сотрудники госбезопасности и «добровольные помощники» сознательно выбрали себе эту службу и гордились ею. На каждого третьего гражданина ГДР они завели досье.

Когда в 1989 году рухнул режим, берлинцы устремились в здание Министерства государственной безопасности. Всем хотелось знать, что же там хранится. В архивах обнаружилось шесть миллионов досье на граждан ГДР.

Мильке был самым большим работодателем в ГДР. Аппарат Министерства государственной безопасности состоял из 92 тысяч штатных сотрудников. Существовали еще офицеры особого назначения. У нас они назывались офицерами действующего резерва. Офицеры особого назначения занимали важные должности во всех серьезных учреждениях, служили как бы уполномоченными от госбезопасности.

В городе Карл-Маркс-Штадте (ныне Хемниц) один офицер госбезопасности приходился на 500 человек населения. В Ростоке — один офицер на 300 человек. В среднем по стране один сотрудник госбезопасности приходился на 200 человек. А вот с

медициной в ГДР было хуже: один врач на 400 человек.

«Философия министра Мильке такова, — писал Маркус Вольф, — госбезопасность должна знать всё, что происходит в стране. Из-под ее опеки не исключалась ни одна сфера, в том числе партия и ее руководящие органы. Соответственно, рос аппарат, размеры которого были бы ощутимым бременем для любой великой державы».

Оперативникам помогали еще и 170 тысяч неофициальных сотрудников, то есть осведомителей. А за всю недолгую историю ГДР осведомителями были полтора миллиона человек. В 1968 году секретных информаторов переименовали в неофициальных сотрудников. В этой службе было нечто приятное. Принадлежность к клану избранных. Приобщение к тайне. И власть над другими.

В конце 1970-х в аппарате министерства началось настоящее состязание в вербовке. Оперативный работник, не сумевший за год завербовать 25 новых осведомителей, рисковал карьерой. У каждого оперативного сотрудника было на связи примерно 35 агентов. В месяц нужно было хотя бы дважды увидеться с каждым из них. Примерно один осведомитель приходился на каждые сто граждан ГДР. Один осведомитель обслуживал в Восточном Берлине 146 человек, в Лейпциге — 143 человека, в Дрездене — 128, в Магдебурге — 95.

Была создана почти идеальная система слежки за собственным народом. После крушения ГДР люди обнаруживали в своем личном деле множество доносов, подписанных разными кличками. Осведомителями были соседи, друзья, родственники и коллеги. Развратили множество людей. А за кем же охотился этот гигантский аппарат?

В бывшем МГБ я просмотрел оперативную съемку. Она запечатлела все этапы слежки за человеком, который в финальных кадрах будет арестован.

Началось с того, что служба прослушивания телефонных переговоров установила, что некий гражданин ГДР позвонил журналисту из Западной Германии. Иностранные корреспонденты находились под плотным контролем. Собкор «Шпигеля» в Восточном Берлине Ульрих Шварц однажды поехал на встречу, но вспомнил, что забыл на столе телефонную книжку со всеми номерами. Вернулся домой, а книжка исчезла. Но когда он вечером пришел домой после работы, телефонная книжка находилась на своем месте…

Преступника, связавшегося с иностранцем, быстро опознали. Осведомители показали, что он занимается литературой, замкнут, сторонится коллектива, живет один. Объект получил

кличку Ревизор. Список его преступлений быстро растет — он встречается еще с одним западногерманским корреспондентом. Осведомители сообщают о его клеветнических высказываниях — насчет того, что в социалистической ГДР не соблюдаются права человека. Принято решение провести негласный обыск квартиры Ревизора, чтобы обнаружить материалы, предназначенные для нанесения ущерба социалистическому строю.

Нелегальный обыск требовал участия нескольких десятков сотрудников МГБ. Прежде чем вскрыть квартиру с помощью запасного ключа или отмычки, вступала в действие система, которая гарантировала, что взломщикам из госбезопасности никто не помешает.

Соседей по этажу выманивали из дома. Пенсионер получал приглашение к врачу. Рабочего вызывал к себе секретарь парторганизации, школьника задерживали в школе. Сотрудники службы наружного наблюдения обеспечивали контроль внешнего периметра и предупреждали, если всё-таки появлялся кто-то из жильцов. Когда Ревизор ушел из дома, трое оперативных работников вошли в подъезд под предлогом проверки противопожарного состояния чердака. Убедившись в отсутствии соседей, открыли дверь в квартиру Ревизора и приступили к обыску.

Прежде чем осмотреть шкафы с одеждой, полки и комоды, оперативники фиксировали положение каждой вещи с помощью «Полароида», чтобы после обыска оставить всё в полном порядке, словно здесь никого не было. Искали западные газеты, валюту, запрещенные книги, письма. Обнаружили страничку из блокнота с записью о встрече с корреспондентом западногерманского журнала «Штерн».

Затем офицеры вскрыли шкаф с самиздатовскими рукописями. Они сразу определили, что содержание машинописных сборников стихов и прозы направлено против существующего строя. Обнаружили пишущую машинку, на которой были напечатаны эти тексты. Стихи, романы и недозволенные разговоры с иностранными корреспондентами — вполне достаточно для возбуждения уголовного дела.

Руководители Министерства госбезопасности приняли решение брать преступника с поличным. Служба наружного наблюдения сообщила, что Ревизор вышел из дома с портфелем, идет на встречу с представителями западногерманской прессы. Чтобы исключить возможность присутствия при аресте иностранных граждан, прежде всего из Западной Германии, двое оперативников блокировали основной вход в здание под видом ремонта и предложили Ревизору обойти здание и найти вход с

переулка. Там его и арестовали…

Когда я впервые оказался в комплексе зданий на Норманенштрассе, которые принадлежали МГБ ГДР, там работала комиссия, разбиравшая архивы госбезопасности. В огромных подвалах министерства можно было заблудиться.

Подчиненных Мильке отличали изобретательность и изощренность. В закупоренных банках хранились носовые платки, которыми арестованные должны были провести у себя между ногами, чтобы потом — в случае их побега — служебные собаки, понюхав платок, могли бы отыскать их по запаху. Свет не видел более предусмотрительных людей, чем немцы из МГБ…

В подвалах были свалены мешки с документами. Тысячи мешков. В последний момент, когда ГДР рушилась, офицеры госбезопасности пытались всю документацию уничтожить, но машины для резки бумаги в лапшу не осилили такую кучу секретных материалов. Рвали вручную. Но эти обрывки собрали, и их содержание восстановили.

На верхних этажах министерства находятся гигантские раздвижные стеллажи с папками. Это досье. На моих глазах сотрудница музея взяла лежавшее сверху пухлое дело. Оказалось, оно заведено на работавшего в ГДР иностранного дипломата. Его обвиняли в контрабанде и интимных связях с женщинами. Сотрудница музея быстро захлопнула папку со словами:

— Не только вам, но и мне лучше этого не видеть.

Толстенные досье — результат работы множества офицеров госбезопасности и их помощников-осведомителей. Если человека в чем-то подозревали, его окружали множеством осведомителей, которые исписывали килограммы бумаги.

Мне показали знаменитую картотеку агентуры. Она была поделена между двумя помещениями, которые по соображениям безопасности находились на разных этажах. Карточки написаны от руки или отпечатаны на машинке. Компьютеризировать это хозяйство восточные немцы не успели. Картотека была суперсекретной. Окна в ней изготовлены из специального стекла и плотно занавешены. В одном зале — три миллиона карточек. На карточке имя человека, год рождения, адрес и код. На карточке в другом зале нет фамилий — только кличка, номер и имя офицера, который с этим человеком работает. Тем, кто трудился в одном зале, не разрешали входить в другой. Поэтому они не могли знать, чью карточку держат в руках — осведомителя или того, за кем следят. Доступ к обеим карточкам — по специальному разрешению — получали лишь офицеры-оперативники.

Иногда можно выяснить, кто именно доносил. Страшный

сюрприз, тяжкое разочарование в том, кого знали много лет, иногда всю жизнь.

Система порождала не только жертвы. Ей нужны были и добровольные помощники. И она находила их во всех слоях общества: среди врачей и профессоров, священников и студентов, партийцев и адвокатов. Запуганные или желающие сделать карьеру, они доносили на соседей, друзей, родных и коллег. Одна женщина нашла в своем деле доносы, написанные ее мужем.

Дела эти поручали разбирать комиссиям, состоявшим из немолодых людей, с жизненным опытом, способных сочувствовать и сострадать.

Кристоф Хайн, который входил в такую комиссию, в сердцах заметил:

— Если бы все эти дела стали достоянием гласности, у нас началась бы гражданская война.

Его спросили:

— Сами-то хотите посмотреть собственное досье?

— Нет, — искренне ответил он, — а вдруг выяснится, что на меня доносил мой сосед? Что мне делать — переезжать?

Сотрудников комиссии я спрашивал, что их больше всего удивило при изучении архива.

— Самое поразительное, — отвечали они, — состоит в том, что, как правило, в досье нет ничего интересного, это макулатура, впустую потраченное время и деньги.

В одном досье обнаружились поминутные отчеты о том, что происходило в доме человека, за которым следили: когда хозяин дома ночью вставал в туалет, когда плакал маленький ребенок… А какой в этом смысл? Разве это не профанация работы?

Одна супружеская пара подала заявление на выезд из ГДР в Западную Германию. Вдруг в их доме пропали все голубые полотенца, затем они появились, а пропали зеленые, затем зеленые появились и пропали белые. Знакомые удивленно выслушивали рассказы о таинственном исчезновении и появлении полотенец. Теперь выяснилось, что это была операция госбезопасности — в надежде выставить уезжающих людей сумасшедшими — дескать, только сумасшедший желает уехать из ГДР.

Эгон Кренц назвал МГБ «государством в государстве». Кренц несколько лет курировал в ЦК органы госбезопасности и говорил со знанием дела:

— Аппарат госбезопасности управлял всем обществом и лишил прав весь народ.

Стратегия МГБ — жесткий контроль над страной: парализовать волю, блокировать любую несанкционированную

активность. Люди знали, что агенты и осведомители рядом, и цепенели, боялись говорить откровенно. Угроза террора ничуть не менее эффективна, чем сам террор. Но при таком гигантском аппарате министерство не справилось со своей главной и единственной задачей — оно не спасло государство от распада. Безопасность государства создается властью закона, а не обилием оперативной информации.

После исчезновения ГДР бывший министр госбезопасности Эрих Мильке был первым, кого хотели посадить на скамью подсудимых. Но возникли юридические проблемы. Как осудить деяния, которые совершались в полном согласии с существовавшими на тот момент законами?

Мильке хотели обвинить в постоянном и преднамеренном нарушении статей 28 и 31 Конституции ГДР, гарантировавших свободу собраний и тайну переписки. Но ведь работа министра госбезопасности и состояла в том, чтобы эти статьи нарушать! В уголовном кодексе не нашлось статьи, по которой можно было бы судить бывшего министра госбезопасности. Поэтому его посадили за то самое убийство, с которого началась его карьера.

А за что судить бывших руководителей ГДР? За создание образцового социалистического государства?

Еще пока существовала ГДР, 8 декабря 1989 года арестовали недавнего руководителя правительства Вилли Штофа. Предъявили обвинение в использовании служебного положения в личных целях. Восточные немцы возмущались роскошью, в которой жили обитатели поселка Вандлиц. В феврале 1990 года Штофа выпустили из-под стражи. Но конфисковали принадлежавшие ему 200 тысяч марок. В мае 1991 года ему предъявили обвинение в соучастии в убийствах тех, кто пытался бежать из ГДР. Но на скамью подсудимых не посадили — по причине преклонного возраста.

Других членов политбюро обвинили в коррупции, растратах и присвоении государственного имущества. В январе 1991 года начался судебный процесс над бывшим вождем восточногерманских профсоюзов Гарри Тишем, который распоряжался профсоюзной кассой как своей. Бывшему первому заместителю главы правительства Вернеру Кроликовски и секретарю ЦК Херману Аксену предъявили те же обвинения: использование государственной казны в личных целях. Ханса Модрова, последнего премьер-министра ГДР, приговорили к девяти месяцам тюремного заключения условно за фальсификацию результатов выборов в мае 1989 года: еще существовал социализм, и голосование было по-прежнему единодушным.

Прокуратура ФРГ обвинила бывших руководителей ГДР в том, что они установили преступный пограничный режим.

Эгон Кренц и еще пять бывших членов политбюро обратились к суду с просьбой прекратить процесс, потому что установка мин и автоматических стреляющих устройств не была незаконной — ни по законам существовавшей тогда ГДР, ни по международным законам. Но в ноябре 1996 года Конституционный суд ФРГ решил, что принятый в ГДР «Закон о границе» попирал справедливость и нарушал права человека, поэтому ссылка на него не освобождает от ответственности. Таким образом, вступил в силу приговор, вынесенный бывшему министру национальной обороны ГДР генералу армии Хайнцу Кесслеру (семь с половиной лет тюрьмы), бывшему начальнику Главного штаба Национальной народной армии генерал-полковнику Фрицу Штрелецу (пять с половиной), а также бывшему секретарю окружкома СЕПГ в приграничном округе Зуль и члену Национального совета обороны Хансу Альбрехту (пять лет и один месяц).

Граница, разделявшая Германию, протянулась на 1,4 тысячи километров. Установили имена 1036 человек, которые были убиты при попытке бежать на Запад. Непосредственно у Берлинской стены убили 138 человек. Последним застрелили двадцатилетнего Криса Геффроя. Он пытался перебраться через стену 5 февраля 1989 года, потому что ему и его приятелю Кристиану Гаудману сказали, что отменен приказ стрелять в бегущих. Крис получил пулю в сердце. Кристиан был ранен и получил три года «за попытку незаконного нарушения границы при отягчающих обстоятельствах». Четверых пограничников ГДР, которые в него стреляли, премировали — выдали по 120 марок. После объединения Германии их судили. Троих оправдали, четвертый, чья пуля убила Криса, получил два года условно.

По случаю десятилетнего юбилея объединения Германии освободили из тюрьмы бывших членов политбюро Гюнтера Шабовски и Гюнтера Клайбера, приговоренных к трем годам за соучастие в убийстве пытавшихся бежать из ГДР. Отсидели они по девять месяцев. Бывший генеральный секретарь Эгон Кренц отсидел четыре из шести лет. Каждый день ходил на работу, на ночь возвращался в тюрьму и ночевал в своей камере. На праздники его отпускали домой.

НЕПРИЯТНЫЕ ОТКРЫТИЯ

Третье октября 1990 года стало днем объединения Германии. Но Маркус Вольф не мог разделить радости большинства соотечественников. С момента объединения ордер на его арест начинал действовать и на территории бывшей ГДР.

— Даже если произойдет амнистия, будут исключения, — предупредили журналисты Маркуса Вольфа. — Западногерманские органы юстиции нацелились на двух человек. На бежавшего в ГДР бывшего сотрудника Федерального ведомства по охране конституции Ганса Иоахима Тидге и на вас. Генеральный прокурор Курт Ребман потребовал, чтобы на вас и Тидге амнистия не распространялась.

— До сих пор я воспринимал всё это хладнокровно, — ответил Вольф. — Но, вероятно, мне не следует быть столь спокойным. Я попросил своего гамбургского адвоката ознакомиться с делом и узнать, какие против меня выдвинуты обвинения. Я так понимаю, что вообще моя работа во главе разведки по западногерманским правовым нормам считается уголовно наказуемым деянием.

— Причем при отягчающих обстоятельствах. По этой статье максимальный срок — десять лет тюремного заключения.

— Я узнал, что прокуратура ФРГ называет причиной возбуждения против меня дела мое участие в истории с Тидге. Это мне вообще непонятно. Я не знаком с господином Тидге.

— Иначе говоря, после восстановления германского единства вы не эмигрируете в Советский Союз, а представите себя в распоряжение западногерманского правосудия? — спрашивали журналисты Вольфа.

— Думаю, да. Конечно, у меня нет полного доверия к западногерманской правовой системе. Но при соответствующей защите и в расчете на благоразумие политиков я смог бы выстоять в таком деле.

— Вы всё-таки предпочитаете жизненное пространство Германии тому, что могли бы найти в Сибири?

— Знаете, при Хонеккере я себе несколько раз говорил: когда больше не сможешь всего этого выносить, найдешь убежище в Сибири…

Но Маркус Вольф не стал испытывать судьбу. За шесть дней до объединения, 27 сентября 1990 года, Маркус и Андреа вместе с его сыном от первого брака Францем на машине пересекли границу с Чехословакией. Оттуда перебрались в Австрию. Там жил граф Генрих фон Айнзидель, родственник Отто Бисмарка,

который когда-то дружил с Фридрихом Вольфом. Теперь граф считал своим долгом помочь младшему Вольфу. Маркус с женой пробыли в Австрии два с половиной месяца.

Вольф надеялся найти приют в Израиле. Но те, кто его пригласил, в конечном счете принуждены были отказаться от этой идеи — не хотели ссориться с ФРГ. Рассчитывал на старых знакомых в Болгарии, но времена изменились и в Софии.

Тогда Вольф обратился в КГБ СССР — ему оставили секретный телефонный номер. Он позвонил, произнес кодовое слово и убедился, что этот канал действует. На границе с Венгрией его с женой ждал представитель Комитета госбезопасности, который доставил их в Москву.

Вольф пробыл в Советском Союзе целый год. Практического интереса для советской разведки он уже не представлял. Он обосновался у сводной сестры. Жил на ее даче под Москвой и в ее квартире в Доме на набережной: «Взгляд на Кремль, возвышавшийся за скованной льдом Москвой-рекой, порождал чувство защищенности».

Он рассчитывал найти поддержку у недавних коллег, которые были ему многим обязаны. Его сердечно принял в гостевом доме Первого главного управления КГБ СССР Леонид Владимирович Шебаршин. Но помочь получить политическое убежище в Советском Союзе не предложил. Маркус Вольф рассчитывал на Валентина Михайловича Фалина. Секретарь ЦК КПСС всё еще оставался влиятельной фигурой в Москве. Но предложения остаться не прозвучало.

Летом Вольфы отдыхали в доме отдыха в Ялте. Августовский путч 1991 года смел компартию. Фалин уже ничем не мог помочь, он сам остался без работы и вскоре уехал в ФРГ. Маркус Вольф обратился к Шебаршину. Но и тот был бессилен:

— Миша, ты сам видишь, что тут происходит. Ты всегда был для нас верным другом, но в настоящий момент мы ничего не можем для тебя сделать. Кто мог бы подумать, что всё так получится! Езжай с богом!

Сам генерал Шебаршин недолго оставался на своем посту. В 1992 году, когда он уже ушел в отставку, немецкие журналисты допытывались у него:

— Передал вам Вольф своих высокопоставленных информаторов?

— Конечно, нет. Вам следует понять нашу чекистскую систему. Бывший сотрудник ничего не стоит. Знания ушедшего в отставку начальника разведки быстро устаревают. Наши немецкие коллеги располагали очень хорошими агентами. Я могу судить об этом на основании информации, которую мы получали

в порядке обмена. В те годы действовала единая система обработки разведывательной информации, поступавшей от разведслужб стран — участниц Варшавского договора. Вычислительный центр системы находился в Москве.

— Так вам передали каких-то агентов? — не унимались журналисты.

— Все секретные службы придерживаются одного железного правила. Они не отдают своих информаторов. Это был закон и для Главного управления разведки МГБ ГДР. В те годы, когда я руководил советской разведкой, не предпринималось никаких попыток раскрыть немецких информаторов.

— А когда рухнула социалистическая система, вы не пытались привлечь их к себе?

— После развала ГДР сотрудники немецкой разведки оказались под колоссальным политическим, экономическим и моральным прессом, потому что речь шла об их жизни. И все их информаторы оказались в опасном положении. Разве разумно брать к себе таких агентов? Я приказал нашим резидентам отвергать все предложения.

— А вам предлагали?

— Да, такие предложения были. КГБ СССР прекратил сотрудничество с МГБ, когда в Берлине штурмовали здание министерства. Но конечно, оставались личные связи.

— Известно, что генералы бывшего МГБ ГДР обратились с письмом к председателю КГБ Крючкову. Просили вступиться за них.

— Мы предлагали нашему политическому руководству вмешаться, убедить немецких политиков прекратить преследование сотрудников бывшего Министерства госбезопасности. Просили Горбачева поговорить об этом с канцлером Колем. И мы получили тогда от нашего политического руководства общее разрешение брать к нам на работу бывших сотрудников МГБ ГДР.

— Только руководителей или же любых сотрудников министерства?

— Мы были готовы принять каждого, кто ищет спасения от преследований.

— Известно только, что к вам бежал Ганс Иоахим Тидге.

— Таких было немного, — признал Шебаршин. — Мы позаботились о том, чтобы эти люди не испытывали никакой нужды. Но вы знаете, у нас самих была нелегкая жизнь.

— Предложение остается в силе? — уточнили журналисты.

— Не думаю, что в настоящий момент кто-то захочет искать приют в нашей стране, — ответил Шебаршин. — Ведь в Германии

тоже читают газеты.

— После воссоединения Германии к вам хотел бежать Клаус Курон. Но остался и получил двенадцать лет тюрьмы. Что такой специалист, как вы, посоветовал бы бывшим агентам генерала Вольфа, которые еще не разоблачены? Сдаться властям ФРГ?

— Как я могу советовать такое? Ведь их посадят. Агентам следует сменить квартиру и имя. А если это невозможно, пусть отдадут себя в руки Господа, но ни в коем случае не идут сдаваться. Демократия так же не прощает своих противников, как и деспотия.

— Так, может, им продолжить сотрудничество с вашей внешней разведкой?

— Я надеюсь, у нашей разведки и после моего ухода хватит ума не сотрудничать с ними. И для них, и для нас это слишком большой риск…

Маркус Вольф покинул Москву обиженный. Не ожидал, что его оставят на произвол судьбы. Они с женой вернулись в Австрию. Он рассчитывал на политическое убежище. Но не получил. 24 сентября 1991 года Вольф пересек границу с единой уже Германией. Иного выбора у него не оставалось. Его арестовали прямо на австрийско-немецкой границе. В бронированном «мерседесе» доставили в Карлсруэ.

Федеральный прокурор квалифицировал его действия как «предательство». Так Вольф оказался в тюрьме. Через 11 дней его выпустили под залог. Он должен был регулярно отмечаться в полиции и готовиться к процессу.

Для Вольфа ситуация ухудшалась, по мере того как предавались гласности документы бывшего МГБ. На немцев особое впечатление произвело то, что власти ГДР спасли и приютили уцелевших членов ультралевой террористической группы Баадера-Майнхоф, которых искала полиция всей Европы, чтобы посадить их на скамью подсудимых по обвинению в убийствах и грабежах. И то, что восточные немцы помогали ближневосточным террористам. Позволили, в частности, ливийцам взорвать западноберлинскую дискотеку, где в тот день собрались сотни людей. За это содействие министр Эрих Мильке получил от Муамара Каддафи двухметровый меч, украшенный бриллиантами.

Сотрудники разведуправления Маркуса Вольфа и офицеры других подразделений Министерства госбезопасности поддерживали тесные контакты с палестинцами не только во имя совместной борьбы с сионизмом и империализмом. С палестинскими террористами приходилось держать ухо востро и следить за тем, чтобы они проводили свои акции за пределами

социалистического лагеря.

Из отчета, хранившегося в архиве Министерства государственной безопасности ГДР: «По поручению товарища Хонеккера министр государственной безопасности Эрих Мильке договорился с руководящим представителем Организации освобождения Палестины Абу Иджадом о помощи и поддержке справедливой борьбы арабского народа Палестины. Товарищ министр заверил представителя ООП, что корабельные подрывные заряды и ручные гранаты будут предоставлены в желаемом количестве».

Мильке просил также передать благодарность Ясиру Арафату за то, что во время советско-американской встречи на высшем уровне в Вене не было предпринято никаких акций против американского президента. Эрих Мильке был признателен Арафату и за то, что Организация освобождения Палестины в обмен на оружие и взрывчатку согласилась не проводить террористических операций на территории ГДР.

Руководитель боевых операций Народного фронта освобождения Палестины Вадей Хаддад, который первый придумал угонять пассажирские самолеты, наладил особенно тесные контакты с Министерством государственной безопасности ГДР. К немцам Хаддад и обратился, когда заболел. Весной 1979 года он скончался в берлинской больнице от лейкемии.

Абу Айяд, один из главных соратников Ясира Арафата, тоже обзавелся крепкими связями с Министерством госбезопасности ГДР. Ему разрешали отдыхать и лечиться в ГДР. За железным занавесом он чувствовал себя в безопасности. В Восточном Берлине Абу Айяд останавливался в «Палас-отеле». Счет за его двухкомнатный люкс на восьмом этаже оплачивало МГБ. Горничные изумились, обнаружив под его подушкой пистолет, но уполномоченный госбезопасности по гостинице велел им держать язык за зубами.

Абу Нидаль (настоящее имя — Сабри Халиль аль-Банна) возглавлял самую опасную палестинскую террористическую организацию. В свое время Абу Нидаль был более известен, чем Осама бен Ладен. Считается, что его боевики убили в общей сложности 900 человек в двадцати странах. Путем шантажа, грабежей и торговли оружием он скопил примерно 300 миллионов долларов. Его партнером по продаже оружия была ГДР. Например, представители МГБ часто просили его приобрести западное оружие, которое не могли раздобыть сами. Нидаль находил готового к услугам военного атташе небольшого государства, обычно латиноамериканского. Атташе выписывал необходимый для вывоза оружия сертификат, и груз спокойно

проходил таможенный контроль. В первом же европейском порту груз менял назначение. Вместо, предположим, Сьерра-Леоне оружие переправлялось в восточно-германский порт Росток. Часть груза забирало Министерство госбезопасности ГДР, другая пересылалась Абу Нидалю.

В 1985 году Абу Нидаля, товарища по совместной борьбе, принял член политбюро ЦК СЕПГ, министр госбезопасности ГДР Герой Советского Союза Эрих Мильке. Министр разрешил двум отрядам Нидаля пройти подготовку на территории Восточной Германии. Первая группа с апреля по июнь 1985 года изучала гранатометы и ракеты ручного управления. Вторая группа в начале 1986 года проходила военную подготовку на учебном полигоне Министерства госбезопасности под Бранденбургом. В промежутке между учебой люди Нидаля совершили нападения на аэропорты в Вене и Риме, убив 16 человек.

Лидер ливийской революции Муамар Каддафи приказал взорвать какой-нибудь крупный объект в Западном Берлине, часто посещаемый американцами. 20 марта начальник Второго главного управления (контрразведка) Министерства госбезопасности ГДР поставил Мильке в известность о том, что ливийцы готовят взрыв в Западном Берлине и ливийские дипломаты провезли в своем багаже взрывчатку. Мильке сообщил об этом Эриху Хонеккеру. Тот распорядился предоставить ливийским товарищам свободу действий.

В апреле 1986 года на дискотеке «Ла Белль», куда заходили развлечься расквартированные в Западном Берлине американские военные, взорвалась бомба. Погибли два американских морских пехотинца, позже в больнице скончалась молодая турчанка. 200 человек были ранены. Ливийцы радировали в Триполи: «Акция осуществлена. Следов не оставлено». На самом деле следы остались. Преступление распутали и установили причастность к нему МГБ ГДР.

ВЫСТРЕЛ В ЗАПАДНОМ БЕРЛИНЕ

Второго июня 1967 года в Западном Берлине проходила студенческая демонстрация против визита иранского шаха Резы Пехлеви. Он вызывал ненависть у европейских либералов. Шаха обвиняли в угнетении собственного народа, в подавлении инакомыслия и в пытках заключенных. В кампании протеста против его приезда участвовали иранские эмигранты, немецкие левые интеллектуалы. К ним присоединился Социалистический союз студентов в Западном Берлине.

Полиция стала разгонять демонстрантов. И вот тогда прозвучал роковой выстрел, который изменил судьбу многих молодых немцев. Сотрудник криминальной полиции Западного Берлина Карл Хайнц Куррас застрелил студента Бенно Онезорга. На суде Куррас утверждал, что на него напали и это была законная самооборона. Полицейского оправдали.

Студент, который даже не участвовал в антишахской демонстрации, умер в больнице. Его трагическая смерть вызвала массовое возмущение в ФРГ. Гибель студента изменила ход германской истории, стала катализатором молодежного восстания 1968 года и породила левый терроризм, сотрясавший страну в 1970-е и 1980-е годы.

Недавнее расследование, проведенное прокуратурой уже единой Германии, показало: тот выстрел вовсе не был самообороной. Полицейский Карл Хайнц Куррас утверждал, что демонстранты угрожали ему ножами. Современные компьютерные технологии позволяют точнее представить себе события того дня. Нашли фотоснимки, на которых человек с пистолетом в руке направляется к студенту Онезоргу. Это Куррас. И еще одно прежде неизвестное фото показывает, как Куррас стреляет, опираясь левой рукой на плечо другого полицейского. Имя второго полицейского вообще не фигурирует в расследовании 1968 года. Его даже не допросили относительно обстоятельств этой истории. Как и троих стражей порядка, которые продолжали избивать Онезорга уже после того, как в него попала пуля и он умирал на земле.

Но самое отвратительное — поведение врачей в клинике Моабит, где освидетельствовали труп Бенно Онезорга. Они сделали всё, чтобы помешать экспертизе. Удалили тот фрагмент черепа, куда попала пуля. Что это, как не попытка скрыть убийство? В свидетельстве указали причину смерти: «Повреждение черепа грубой силой». Врач, подписавший свидетельство, уверял, что «выполнял приказ начальника».

В тот же день поздно вечером разгневанная молодежь собралась в штаб-квартире Союза студентов на Курфюрстендамм. Именно тогда молодая женщина по имени Гудрун Энсслин произнесла слова, ставшие историческими:

— С поколением, которое устроило Освенцим, нельзя вести дискуссию. Эти свиньи нас всех прикончат. У них есть оружие — у нас нет. Мы тоже должны вооружиться.

Она предложила штурмовать полицейские участки с целью захвата оружия. Дочь протестантского пастора, Гудрун Энсслин участвовала в создании террористической группы «Фракция Красной армии», которую чаще называют группой Баадера — Майнхоф — по имени ее первых руководителей. Террор этой группы стоил жизни пятидесяти людям.

Западногерманский левый журнал «Конкрет» поддержал молодых людей. Статью написала Ульрике Майнхоф, мать двоих детей, жена главного редактора журнала. После крушения ГДР выяснилось, что главный редактор «Конкрет» Клаус Райнер Рёль с 1955 по 1964 год регулярно ездил в Восточный Берлин, встречался с сотрудниками Маркуса Вольфа и получал из кассы МГБ деньги на свой журнал — 40 тысяч марок на выпуск каждого номера. Ульрике Майнхоф оказалась радикальнее своего мужа. Она с ним развелась. И объявила сначала борьбу буржуазному быту, затем всему обществу. Она ушла в подполье и стала одним из вождей «Фракции Красной армии», взявшейся за оружие.

И всё это началось из-за того, что западноберлинский полицейский Куррас застрелил студента Бенно Онезорга! А теперь выяснилось: западноберлинский полицейский Карл Хайнц Куррас тайно работал на Министерство государственной безопасности Восточной Германии. Для молодежи 1960-х Куррас олицетворял реакционность западногерманской системы. В реальности полицейский, который без всякого повода и оснований застрелил безвредного и беззащитного студента, был вдохновлен коммунистическими идеями.

Возник вопрос: не застрелил ли он студента сознательно, выполняя приказ Восточного Берлина устроить провокацию?

Досье Курраса открылось случайно. Когда рушилась ГДР, сотрудники Министерства госбезопасности попытались скрыть следы его сотрудничества с госбезопасностью. Уничтожили его учетную карточку в картотеке секретных сотрудников. Так что даже сами офицеры МГБ не могли знать о его принадлежности к аппарату. Но сотрудница архива натолкнулась на упоминание некоего агента под номером 2/70. Она запросила материалы в архиве МГБ и получила 17 томов — отчет о деятельности секретного сотрудника, некогда активно действовавшего в

Западном Берлине.

— Мы обнаружили много самых невероятных досье. Но чтобы Министерство госбезопасности ГДР выделяло деньги из бюджета на покупку винтовки для сотрудника западногерманской полиции, такого я еще не видел, — рассказывал научный сотрудник Федерального ведомства по хранению и изучению архивов бывшего МГБ ГДР Гельмут Мюллер-Энбергс.

Тайная жизнь Карла Хайнца Курраса началась 19 апреля 1955 года. В тот день 27-летний западноберлинский полицейский перешел в Восточный Берлин и обратился в ЦК партии. Попросил дежурного охранника связать его с сотрудником Министерства госбезопасности.

Куррас сказал офицеру госбезопасности, что ему не нравится происходящее в Западном Берлине и он намерен перебраться в ГДР. Офицер госбезопасности сразу сообразил, какую ценность представляет полицейский из района Шарлоттенбург. Он убедил Курраса, что тот принесет больше пользы социалистической ГДР, если останется служить в западно-берлинской полиции и станет секретным сотрудником МГБ.

Двадцать шестого апреля Куррас встретился во второй раз с офицером МГБ и дал собственноручную подписку: «Не будучи политически грамотен, я верю, что путь, избранный на Востоке, является правильной политикой. Чтобы участвовать в этом движении, я готов сообщать о деятельности полиции Западного Берлина представителям Министерства государственной безопасности ГДР. Я согласен сохранять мою работу в полном секрете. Свои отчеты буду подписывать псевдонимом Отто Боль».

В полиции Западного Берлина Курраса ценили. Во время беседы в отделе кадров он попросил «поручать более важные задания, что дало бы мне ощущение большего удовлетворения, потому что хочу продемонстрировать свои способности». В 1965 году Курраса перевели в 1-й отдел городского управления. Этот отдел ведал шпионами и перебежчиками с Востока, тесно сотрудничая с контрразведкой ФРГ и спецслужбами США, Англии и Франции. Мечта для агента из ГДР! Курраса включили в спецгруппу, которой поручили выявлять агентов-двойников внутри полиции — среди сослуживцев. В 1-м отделе полицейским давали псевдонимы. Подобрали и Куррасу — Жандарм.

Кураторы из МГБ поручили ему соблазнить секретаршу начальника отдела. С секретаршей ничего не получилось. Он попросил больше таких заданий не давать.

Целых 12 лет Куррас снабжал Восточный Берлин ценной информацией. Достоинство его состояло в том, что он сообщал только реальную информацию, ничего не придумывал, был

внимателен к деталям и полностью отдался своему делу. В Министерстве госбезопасности знали практически обо всём, что затевали полиция и спецслужбы ФРГ.

С помощью Курраса МГБ получило доступ практически ко всем досье западноберлинской полиции. Особенно интересовала информация о тех, кто помогал восточным немцам бежать через стену. Фотокамерой «Минокс» Куррас ночами переснимал служебные документы. Он считался надежным и старательным работником. Ему разрешали брать документы домой. Отснятые пленки он передавал кураторам во время встреч — как правило, в общественных туалетах.

Для прикрытия Куррас вступил в Социал-демократическую партию Германии. И практически одновременно, 16 января 1964 года, пройдя кандидатский стаж, он был тайно принят в Социалистическую единую партию ГДР. В заявлении о приеме поклялся «отдать все свои силы партии». Рекомендацию ему дала женщина, работавшая под псевдонимом Лотти.

Лотти — Шарлотта Мюллер — ездила в Западный Берлин, чтобы навестить сестру. И встречалась с Куррасом. Как правило, в кафе в парке Тиргартен. Во время бесед с ним она старалась пробудить его классовое сознание, особенно когда ей казалось, что ему не хватает энтузиазма. А у него возникали проблемы, когда он должен был допрашивать своих товарищей — пойманных агентов из ГДР.

Двадцать шестого января 1965 года Лотти докладывала о беседе с Куррасом: «Он высказал определенные сомнения относительно участия в арестах людей, которые работают на Германскую Демократическую Республику. Я ответила, что он обязан исполнять свою работу. Я напомнила ему о докторе Зорге, которому приходилось делать то, что шло вразрез с его взглядами ради получения важной информации».

Ее дар убеждения возымел действие. После следующей беседы она доложила: «Он уже не испытывает сомнений относительно участия в работе против тех, кто подозревается в сотрудничестве с МГБ».

Когда Куррас отправлялся в отпуск в Австрию, то заезжал в социалистическую Чехословакию, чтобы там в безопасной и комфортной обстановке побеседовать со своими кураторами из МГБ. Ему платили. Он получил 20 тысяч западногерманских марок — немалая сумма в те годы. Стресс снимал выпивкой и стрельбой в тире. В досье Курраса отмечены и его служебные успехи, и привычка злоупотреблять алкоголем. А также его страсть к оружию: «Он не скрывает, что ему нравится стрелять. Просил раздобыть оружие, которое нельзя купить на Западе».

Почти всё свободное время он проводил в тире. Тайная служба в МГБ позволяла наслаждаться любимым делом. До четырехсот марок в месяц уходило только на патроны. Характерен пароль, с которым к нему направили связного из МГБ:

— Господин Куррас, меня послали к вам из стрелкового отдела.

И такой прекрасный стрелок случайно застрелил ни в чем не повинного студента Бенно Онезорга? Как все это произошло?

Вечером 2 июня 1967 года шаха Резу Пехлеви ожидали в западноберлинской опере. Давали «Волшебную флейту» Вольфганга Амадея Моцарта. Перед зданием собрались и студенты, противники Резы Пехлеви, и сторонники шаха. Безопасность высокого гостя из Ирана обеспечивал сотрудник полиции Ханс Ульрих Вернер, который в годы Второй мировой войны боролся с советскими партизанами на Украине.

Когда около восьми вечера появился «Мерседес-600» с шахом и шахиней, толпа принялась скандировать: «Убийца!» В гостей полетели помидоры и яйца. Полиция схватила одного из молодых людей. Его бросили в служебный автобус и избили. Гости вошли в оперу, и улица успокоилась. Тем не менее полиция вела себя агрессивно и атаковала собравшихся, не потребовав от демонстрантов предварительно — как положено по инструкции — разойтись. Полицейские орудовали дубинками и ногами.

Когда люди стали убегать, полиция обрушила на них сбивающие с ног ледяные струи из водяной пушки. Специальные подразделения старались выявить и поймать руководителей демонстрации.

Молодая пара — Бенно и Криста Онезорг — стояли на перекрестке. Они поженились полтора месяца назад и ждали ребенка. Случайные прохожие, они были потрясены жестокостью полиции. Бенно Онезорг занимался германо-романскими штудиями. Ему всего лишь хотелось понять, что происходит. Его жена, увидев, что ситуация слишком опасная, пошла домой. Полиция оттеснила демонстрантов на Круммештрассе. Куррас руководил одной из атакующих групп. На стоянке люди метались между машинами. Трое полицейских сбили с ног и избивали одного из студентов. Попавшему под руку Онезоргу тоже досталось. И тут Куррас выстрелил Онезоргу в затылок.

Свидетели вспоминали, как другой полицейский кричал на Курраса:

— Ты что, с ума сошел, стрелять здесь?!

Куррас ответил:

— Я случайно.

Его начальник крикнул:

— Куррас, назад! Немедленно! Уходи отсюда!

Тяжелораненый Онезорг лежал на земле. Полицейские помешали подбежавшему норвежскому врачу оказать ему первую помощь. 15 минут ушли на то, чтобы вызвать «скорую помощь», и еще 45 минут на то, чтобы доставить раненого в больницу.

Иранский шах, узнав о происшедшем, дружески поделился опытом с правящим обер-бургомистром города пастором Генрихом Альбертцем:

— Вам нужно больше стрелять. Тогда всё успокоится.

Альбертц выслушал его с изумлением. Пастор в годы третьего рейха принадлежал к антинацистски настроенным священнослужителям и входил в так называемую исповедальную церковь. Вскоре он разочаруется в политической деятельности и вернется к служению Господу….

Профсоюз выделил лучшему снайперу берлинской полиции Куррасу 60 тысяч марок, чтобы он мог нанять адвоката для защиты от обвинений в непреднамеренном убийстве. Куррас утверждал, что его сбили с ног и били человек десять или одиннадцать. А двое набросились на него с ножами… Он сделал предупредительный выстрел. И только в схватке случайно попал в Онезорга.

Ни один из свидетелей не смог хотя бы частично подтвердить его показания. Но суд оправдал Курраса. Через четыре года его вновь приняли на службу в полицию. Если бы тогда Курраса не выгораживали из корпоративной солидарности, не произошло бы такой радикализации молодежи.

Одна из террористических групп так и назвала себя — «Движение Второго июня». Боевик группы Тилль Майер сказал тогда:

— Западноберлинский полицейский стрелял во всех нас.

Впоследствии Тилль Майер сам стал секретным сотрудником Министерства госбезопасности ГДР. Безумная ситуация: и террорист, и полицейский — оба агенты МГБ!

Для студентов оправдание Курраса судом стало подтверждением того, что общество устроено неправильно — преступника-шаха встречают с почетом, полицейского-убийцу отпускают.

Интересно, что поступок Курраса огорчил Министерство госбезопасности ГДР. 8 июня он получил шифрованную радиограмму: «Уничтожьте немедленно все материалы. На время прекратите работу. Восстановим контакт после окончания расследования. Мы крайне сожалеем об инциденте». Куррас ответил: «Понял. Всё уничтожил. Встретимся в кафе. Нужны деньги на адвоката».

Но только через девять лет, 24 марта 1976 года, Куррас встретился со своим куратором — Вернером Айзенбеком. Теперь Куррас служил в транспортном отделе западноберлинской полиции. Он хотел возобновить работу на МГБ ГДР. Похвастался перед Айзенбеком, что «неприятный инцидент» забыт, его уже повысили и скоро сделают старшим инспектором. Но для Министерства госбезопасности он утратил всякую ценность, и работу с ним прекратили. Компартия ГДР, которой он восхищался, дистанцировалась от своего трудолюбивого информатора. Центральный орган Социалистической единой партии Германии газета «Нойес Дойчланд» возмущалась его оправданием: «Убийца довольно ухмыляется».

В западноберлинской полиции пошли разговоры о пьянстве Курраса. Летом 1971 года его обнаружили в парке на скамейке пьяным, а в портфеле — нож и табельный пистолет, хотя ему запретили ношение оружия. Его отстранили от службы. Потом вновь восстановили. Когда он вышел в отставку в 1987 году в ранге старшего инспектора, полицейское управление вздохнуло с облегчением.

Куррас никогда не сожалел о том, что убил студента. В декабре 2007 года он казал журналисту:

— Ошибка? Да мне надо было не один раз выстрелить, а несколько…

Карл Хайнц Куррас часами слушал радио и пил. Гуляя, громогласно извергал проклятия, в основном в адрес иностранцев. До недавнего времени двое мужчин, бывшие коллеги, в сером «мерседесе» забирали его по воскресеньям и куда-то увозили. Но какие коллеги? Бывшие сотрудники западноберлинской полиции или Министерства госбезопасности ГДР? Когда к нему пришел журналист из газеты «Тагесшпигель», то увидел плешивого старика. Куррас злобно сказал, что убил Онезорга ради удовольствия.

А некоторые террористы, которые взялись за оружие из-за убийства Онезорга, потом, спасаясь от наказания, бежали в социалистическую ГДР!

В 1983 году молодая женщина по имени Ева обосновалась в небольшом городке-спутнике Дрездена. Ее устроили на работу в типографию «Дружба народов».

У Евы была крохотная зарплата, но она разъезжала на советской «Ладе» и сразу же получила однокомнатную квартиру. Удивленным соседкам Ева объяснила, что она почти что политэмигрантка — ей пришлось из-за симпатий к социализму покинуть ФРГ, где она родилась, и искать убежища в социалистической ГДР. Но кое-какие деньги на обзаведение она

привезла из Западной Германии.

Осенью 1983 года Ева дала объявление в местной газете: «Ищу подругу для пеших прогулок с целью совместного проведения времени». На объявление, правильно истолковав его смысл, откликнулась ее ровесница Рената, злоупотреблявшая алкоголем и столь же равнодушная к мужчинам.

Позднее Рената расскажет:

— Мы любили друг друга в течение четырех лет, виделись почти каждый день, спали вместе.

Во имя любви Рената даже сумела ограничить себя в выпивке. Отпуск и выходные дни они проводили в экскурсиях, которые организовывала женская туристическая группа дрезденского комбината «Роботрон». Ева всех фотографировала, пленки они проявляли вместе с Ренатой в ее ванной комнате.

В подвале на железнодорожной станции в Дрездене находился тир «Общества содействия развитию спорта и техники». Рената занималась здесь стрельбой и однажды привела с собой Еву. Та стала постоянной посетительницей, получила членский билет спортивного общества, в который регулярно вклеивала марки об уплате членских взносов. Она стреляла из советской малокалиберной винтовки, но ее успехи были невелики.

Зато когда тренер дал Еве пистолет, то увидел, что она обращается с оружием так, словно не выпускала его из рук. Ей ничего не надо было показывать и объяснять. Тренер и не предполагал, что Ева так же умело владеет и другими видами оружия, например ручными противотанковыми гранатометами советского производства.

Счастье Ренаты и Евы оказалось недолгим.

Осенью 1985 года одной из сотрудниц типографии «Дружба народов» попался в руки экземпляр западногерманского журнала «Штерн» с фотографией разыскиваемой полицией террористки Инге Витт, которая как две капли воды была похожа на Еву.

Журнал передавали из рук в руки, чтобы познакомиться с боевой биографией Инге Витт. В начале 1970-х она вошла в террористическую организацию «Движение Второго июня», потом перешла во «Фракцию Красной армии». Инге Витт обвинялась минимум в четырнадцати тяжких преступлениях. Она участвовала в убийстве президента западноберлинской судебной палаты Гюнтера фон Денкмана, в похищении председателя берлинского Христианско-демократического союза Петера Лоренца, в похищении венского промышленника Михаэля Пальмера. Дважды бежала из тюрьмы. В 1981 году в Париже тяжело ранила полицейского, который пытался остановить ее за

то, что она ехала на мотоцикле без шлема.

По типографии поползли слухи: новенькая — на самом деле террористка из ФРГ. Это объясняло ее упорное нежелание фотографироваться вместе с товарищами по работе. «Ева» всё опровергала, и Рената верила своей подружке. Но окончательный удар их отношениям был нанесен ревностью. Прежняя, брошенная любовь Ренаты съездила в ФРГ и на плакате среди других разыскиваемых преступников узнала «Еву». На плакате была еще и фотография правого указательного пальца Инге Витт со шрамом.

Вернувшись домой, она пришла к Ренате, где застала ее вместе с Инге Витт, и спросила счастливую соперницу:

— У тебя есть шрам на правом указательном пальце?

Витт побелела как мел.

Бывшая подруга сказала Ренате:

— Ты живешь с убийцей!

Но Рената любила Инге Витт. Она выгнала из квартиры прежнюю любовницу. Ночью в постели Инге призналась Ренате: да, она убивала полицейских, но во время демонстраций, чтобы спасти товарищей от преследований, дубинок, слезоточивого газа и тюрьмы.

Инге Витт пришлось сменить квартиру. Она продала мебель, а цветной телевизор подарила своей подруге. В лесу они вместе сожгли пленки и снимки, на которых изображена Витт.

— Я перееду в Берлин, — обреченным тоном сказала Витт, — а оттуда в Йемен.

Она действительно покинула город. Рената продолжала получать от нее любовные письма, правда, без обратного адреса. 21 марта 1987 года, в день рождения Ренаты, Инге тайно ее навестила и принесла в подарок собственноручно связанный пуловер. Рената вспоминала:

— В тот день мы виделись и любили друг друга в последний раз.

Министерство государственной безопасности ГДР не отпустило Инге Витт в Йемен, а придумало ей новую биографию — она превратилась в «Еву Шнель», которая родилась в Москве. Ей поручили заниматься детскими лагерями отдыха на комбинате тяжелого машиностроения имени Карла Либкнехта в Магдебурге.

Но место, которое она заняла, было обещано другому человеку, и коллеги встретили Инге в штыки. Они с удивлением отметили, что новенькая позволяет себе командным тоном разговаривать с начальством, непонятным образом сразу же получила двухкомнатную квартиру и к ней немедленно явились мастера, чтобы привести квартиру в порядок. И она сменила

четыре машины за два года, что уж вовсе было непостижимо для соседей.

Инге пыталась подружиться с коллегами. Она подрабатывала помощником осветителя в кабаре и доставала туда билеты для всего отдела. В порядке очередности мыла общую лестницу, но кое-как и сухой тряпкой, что еще больше раздражало соседей.

Любвеобильная Инге нашла себе новую подругу — директора гимназии, замужнюю, имевшую взрослого сына. Вдвоем они возделывали крохотный садовый участок. Между грядками картофеля, салата и помидоров появился автомобильный прицеп — приют любви с оранжевыми занавесками на окнах.

Когда осенью 1989 года началось крушение социализма в Восточной Германии, Инге Витт в заводской многотиражке «Мотор» дала отповедь противникам партии: «Меня воротит с души от вас… Ваша мелкотравчатая глупая политика использования народного гнева для целей, которые никому не ясны по-настоящему, полностью игнорирует реальные проблемы обновления… Что случилось с нашими трудящимися? Они что, потеряли рассудок?»

Последний день на свободе она провела с подругой, директором гимназии. Они вместе поехали на День учителя в Гарц. Инге представили как «вдову, которой трудно живется». Она действительно плохо выглядела, казалась усталой и утомленной. Новым знакомым она рассказывала, что теперь, после крушения ГДР, намеревается открыть пиццерию. Вернувшись в Магдебург, она пригласила подругу к себе домой, чтобы вместе провести ночь. Но возле дома ее ждала полиция…

За содействие в поимке немецких террористов было обещано «50 тысяч марок вознаграждения!» — так указывалось на плакатах с их фотографиями. Однако они казались неуловимыми, как фантом. Западногерманскую полицию постоянно сбивали с толку ложными сообщениями о том, что кого-то из «красноармейцев» видели то в Дамаске, то в Нью-Йорке, что они готовятся к новым акциям и запасаются оружием и взрывчаткой. На самом деле почти все они осели в ГДР.

Они отправились в Восточную Германию не просить помощи в революционной борьбе. Не для того, чтобы пересидеть трудное время и вновь нанести удар по западногерманскому империализму. А в поисках спокойной и простой жизни, которой они сами себя когда-то лишили, решив заняться террором.

Криминалистам пришлось отказаться от привычного тезиса, что «красноармейцы» опасны всегда, что они меняют страны, но не прекращают борьбы. Террористы, некогда вселявшие ужас в западных немцев, превратились в обычных граждан, их

интересовали только личное счастье, работа, дом, душевный покой.

Поначалу руководители социалистической Германии не знали, как им относиться к левым террористам. С одной стороны, они поддерживали всех борцов против Федеративной Республики, с другой — формально осуждали террор как немарксистскую форму борьбы.

В 1973 году в ГДР с фальшивыми документами попытался въехать Бомми Бауман, основатель боевой группы «Движение Второго июня». Его без шума задержали, поместили в следственную тюрьму Министерства государственной безопасности и долго допрашивали. Немецкие чекисты интересовались внутренним положением во «Фракции Красной армии» и в «Движении Второго июня». Через три месяца Баумана выпустили, дали 50 марок и, минуя паспортный контроль, вывели через замаскированную под обои дверь в западную часть вокзала Фридрихштрассе в Берлине. Он вернулся в ФРГ.

— В то время они нас не выдавали, но и не оказывали настоящей поддержки, — вспоминал Бомми Бауман.

Только в тех случаях, когда немецкие террористы отправлялись на Ближний Восток к палестинцам, они могли на несколько часов ступить на землю ГДР. Палестинцы всякий раз предупреждали МГБ, что ждут немецких друзей в гости. Из Западного Берлина «красноармейцы» перебирались в Восточный и садились на самолет в аэропорту Шёнефельд. Они предъявляли фальшивые документы какой-нибудь арабской страны, но бдительные пограничники ГДР были предупреждены и хладнокровно штамповали липовые бумажки.

Один из террористов рассказывал потом:

— У нас были арабские паспорта, но мы нисколько не походили на арабов. У одной из женщин в нашей группе был соломенно-белый парик. Но пограничники ГДР ни на что не обращали внимания.

Когда левые боевики в Западной Германии потерпели поражение, Народный фронт освобождения Палестины сначала разместил немецких террористов, не желавших больше сражаться, в своих лагерях в Сирии и Южном Йемене. Но там долго оставаться было нельзя. Обсуждалось несколько вариантов: пожелавших выйти из игры можно было отправить в Мозамбик, Анголу, Никарагуа, на Кубу, словом, в любое место, где правили товарищи по совместной борьбе против империализма.

Получив согласие Хонеккера, Мильке разрешил своим подчиненным принять бывших террористов. Когда они пересекли границу ГДР, их взяло под свое крыло Министерство

государственной безопасности. ГДР согласилась принять их и спрятать — с тем условием, что они больше никогда не станут участвовать в боевых акциях. Восточная Германия сильно зависела от займов и кредитов, предоставляемых ФРГ, и не хотела зря портить отношения с Бонном…

Опекал бывших «красноармейцев» специальный отдел Министерства государственной безопасности ГДР, которому служебной инструкцией вменялось в обязанность заниматься «оперативной разработкой левоэкстремистских организаций, и в том числе занимающихся международным терроризмом».

После того как сотрудники МГБ выкачали из боевиков всю информацию, приступили к их устройству в новой жизни. В распоряжении МГБ находилось бывшее поместье, которое основательно перестроили. Пруд превратили в бассейн. Конюшню — в гараж. В подвале устроили баню, бар и спортзал с тренажерами. Здесь с бывшими террористами обсуждали все детали будущей жизни: придумывали им биографии, готовили новые документы, подбирали работу и жилье. Назвали номера телефонов, по которым те могли позвонить и попросить о чем угодно, но они быстро освоились и перестали нуждаться в опеке.

Некоторые опасения насчет возможной агрессивности террористов, которые были у политбюро ЦК СЕПГ, быстро развеялись. «Красноармейцы» забыли свою прошлую жизнь. У офицеров МГБ, которые присматривали за ними, была только одна забота: как бы их подопечных не раскрыли.

Сюзанну Альбрехт пристроили лаборанткой на кафедру иностранных языков в Высшее инженерное училище в Лейпциге. Коллегам объяснили, что она приехала из ФРГ. Она говорила, что родители-реакционеры выгнали ее из дома, а найти работу на родине она не сумела.

Ей дали возможность сдать экзамены в Лейпцигском университете имени Карла Маркса и стать преподавателем. Она держалась замкнуто и старалась быть незаметной. Ее считали заносчивой. Такой она была с самого детства. Сюзанна родилась в семье известного юриста, специалиста по морскому праву и члена городского совета Гамбурга от Христианско-демократической партии. Училась в педагогическом институте, где и познакомилась с будущими террористами из «Фракции Красной армии».

Склонная к независимости, Сюзанна променяла прекрасную квартиру со всеми удобствами, подаренную родителями, на некомфортабельное жилье без туалета, чтобы поселиться вместе с двумя девушками, которые приведут ее к терроризму. Оказавшись в ГДР, она уже не так презирала комфорт и жизненные блага.

Скорее наоборот, наравне со всеми женщинами социалистической Германии она сражалась за свое маленькое личное счастье.

В Лейпциге Сюзанна познакомилась с молодым научным работником Клаусом Бекером, членом социалистической единой партии Германии и поклонником лидера палестинцев Ясира Арафата. Они поженились. Но всей правды о Сюзанне не знал даже ее муж. В 1984 году у них родился сын, которого назвали Феликсом.

По указанию Министерства госбезопасности им предоставили трехкомнатную квартиру площадью 68 квадратных метров. Сюзанна быстро освоилась в социалистическом государстве. По пятницам в магазине она вместе с другими домохозяйками сокрушалась, если мясо, которое она планировала купить на выходные, уже кончилось. Слишком мелкий и слишком зеленый крыжовник тоже не радовал женщину, которая 13 лет назад покинула свою преуспевающую семью в Гамбурге со словами, что лососина, икра и прочая буржуазная роскошь больше не лезут ей в горло.

В 1987 году по западногерманскому телевидению, которое могли смотреть и восточные немцы, прошел документальный фильм о терроризме. Коллегам Сюзанны по Высшему инженерному училищу показалась знакомой фотография разыскиваемой преступницы. Одна из преподавательниц ездила к родственникам в ФРГ и увидела полицейский плакат с фотографией Сюзанны Альбрехт, которая участвовала в убийстве президента Дрезденского банка Юргена Понто, студенческого друга ее отца.

Преподавательницу вызвали в окружное управление государственной безопасности, где попросили не клеветать на честного гражданина. Руководитель кафедры должен был на собрании еще раз подтвердить, что Сюзанна не террористка. Тем не менее она решила переехать в Дрезден под тем предлогом, что климат Лейпцига вреден для ее маленького сына. На самом деле Сюзанна отправилась в Москву. Вместе с мужем они работали в Объединенном центре ядерных исследований в Дубне. Они вернулись в Берлин в самый неудачный момент — накануне падения ГДР. Когда Германия стала единой, Сюзанну нашли и арестовали.

Чем занимались другие бывшие террористы? Один работал водителем, другая — медсестрой, третий — врачом-наркологом, четвертый был мастером на заводе.

Они завели детей, учились, добивались повышения по службе. Террорист, которого еще недавно боялась целая страна, терпеливо ждал момента, когда из рядового диспетчера он станет

старшим диспетчером, вечером выпивал бутылку пива с соседом и наслаждался жизнью вместе с женой в двухкомнатной квартире в блочном доме.

Террористку, разыскиваемую по обвинению в убийстве американского солдата, устроили фотолаборанткой на комбинат бытовых услуг. Ее муж, встречи с которым тоже жаждала западногерманская полиция, работал на картонажном комбинате.

Бывшие террористы принадлежали к тем немногим гражданам ГДР, которым эта страна нравилась. Вернер Лотце, который 24 сентября 1978 года застрелил полицейского в Дортмунде, решил покончить с террором и вышел из «Фракции Красной армии». Ему тоже позволили укрыться в Восточной Германии. В ГДР он стал водителем, а когда заочно окончил химический институт, был назначен начальником смены на заводе.

Террористы вполне комфортно чувствовали себя в ГДР. Они дисциплинированно платили профсоюзные взносы, ко всем праздникам социалистической республики вывешивали флаг с молотом и циркулем и мыли общественную лестницу в точном соответствии с предписаниями плана по уборке общественного жилого фонда. У них появились дети, они отмечали новоселье пивом и шнапсом с товарищами по работе. Они почти ничем не отличались от остальных жителей ГДР. Разве что стремились к уединению, отмалчивались, когда им задавали вопросы о прошлом, и не подавали заявлений на посещение родственников в Западной Германии, где их днем с огнем искала вся полиция ФРГ.

Когда стало известно, что Министерство госбезопасности ГДР привечало и укрывало террористов, журналисты призвали к ответу Маркуса Вольфа.

— Разоблачены тесные связи западногерманских террористов и бывшего Министерства госбезопасности ГДР. Вы уверяете, что узнали об этом только из сообщений прессы. Но вам никто не верит, — говорили ему корреспонденты.

— Я действительно этого не знал, — уверял Маркус Вольф. — Относительно дел, находившихся в моей компетенции, я готов взять на себя ответственность.

— Вы настаиваете на том, что понятия не имели о взаимоотношениях МГБ и террористов из «Фракции Красной армии»?

— Да, я настаиваю на этом, — отвечал Вольф.

— Эта дьявольская сделка была заключена при посредничестве палестинцев. И это прошло мимо вас, начальника внешней разведки?

— Я не помню ничего такого. За всё, что имело отношение к терроризму, в министерстве с самого начало отвечало…

— Двадцать второе главное управление, — подхватили журналисты. — Оно подчинялось сначала вашему коллеге первому заместителю министра генерал-полковнику Бруно Беатеру, а потом Герхарду Найберу, который тоже, как и вы, стал заместителем министра. Найбер это признал публично. Но контакты с палестинцами всё-таки относились к компетенции вашего управления.

— Нет, так формулировать нельзя. — Маркус Вольф подбирал слова очень осторожно. — Имели место межгосударственные договоренности с арабскими странами относительно палестинцев. Мы подписали протоколы о сотрудничестве Министерства госбезопасности с палестинскими организациями. В них оговаривались детали, например формат консультаций, сроки обучения или масштабы технического оснащения. Всем этим ведали различные управления.

— Как же так? — искренне удивлялись корреспонденты. — МГБ ГДР создавало в различных арабских странах, например в самостоятельном тогда Южном Йемене, секретные резидентуры, с которыми беглые западногерманские террористы поддерживали контакты. А начальник внешней разведки об этом ничего не знал?

— Я не могу вспомнить ничего подобного. В состав резидентур МГБ в этих странах включались сотрудники не только управления разведки. Да, резидент подчинялся соответствующему отделу нашего управления. Но для меня и для моего управления главными сферами приложения сил были ФРГ, Западный Берлин и НАТО. В отличие от спецслужб других социалистических стран мы мало занимались другими регионами.

Служба Маркуса Вольфа поддерживала отношения с ведомствами безопасности таких стран, как Судан, Южный Йемен, Эфиопия, Мозамбик. Эти страны признали ГДР. И получали помощь от Восточного Берлина.

— Вы говорите, что сосредоточились на ФРГ, — продолжали журналисты. — Неужели вас не интересовали западногерманские террористы из «Фракции Красной армии»?

— Мне очень жаль, — иронически ответил Вольф. — Меня эти боевики интересовали не больше, чем вас.

— И вас никогда не посещала идея использовать боевиков-«красноармейцев» в антиимпериалистической борьбе ради дестабилизации ФРГ?

— Деятельность «Фракции Красной армии» представляла собой весьма вредное явление. Близость к любому лицу из этого

круга была для нас опасной. Я категорически отвергаю предположение, что я или кто-то из сотрудников моей службы видел во «Фракции Красной армии» инструмент дестабилизации ФРГ. Нам надо было обходить этих людей стороной.

Но стало известно, что офицеры МГБ на учебном полигоне под Франкфуртом-на-Одере обучали боевиков — Хеннинга Беера и Кристиана Клара — стрелять из гранатометов.

— Почему эти террористы нашли убежище в Восточной Германии? — спросили Маркуса Вольфа.

— Я бы тоже задал этот вопрос.

— Министерство госбезопасности, в конце концов, не было благотворительной организацией, которая по соображениям гуманности обеспечила комфортную жизнь целой группе террористов. Как бывший начальник разведки, вы же знаете ближневосточные дела?

— К сожалению, не настолько хорошо.

— Вас столько лет называли мастером шпионажа, а теперь выясняется, что вас, очевидно, сильно переоценивали. — Журналисты не могли скрыть своего раздражения.

— Я не пытаюсь надеть овечью шкуру и утверждать, что вовсе ничего не знаю и ни в чем не участвовал… Но эта сфера мне действительно неизвестна.

— Но ведь вы в течение многих лет были не только начальником разведки, но и заместителем министра, заместителем Эриха Мильке.

— Парадоксальным образом коллективного руководства в министерстве не было. Министр, по существу, не проводил совещаний со своими заместителями. Коллегия МГБ — в отличие от прочих ведомств — существовала лишь формально. В мое время коллегию собирали один-два раза в год.

— Но заместители министра по очереди дежурили в субботу и воскресенье, и в эти дни отвечали за министерство в целом.

— Я никогда не дежурил, — отрезал Вольф.

— Почему? — удивились журналисты.

— Таково было решение Мильке. Наши службы когда-то были конкурентами. Эта конкуренция сохранялась долгие годы. Разведывательная служба никогда не имела монополии на работу за границей. Работу в ФРГ и Западном Берлине вели различные подразделения контрразведки. Скажем, проникновение в иностранные спецслужбы в представлении Мильке до шестидесятых годов было задачей контрразведки, которая подчинялась ему напрямую.

Маркус Вольф не лукавил, когда говорил, что операции за границей проводила не только разведка, но и другие управления

МГБ.

Служивший в Национальной народной армии ГДР Вернер Вайнхольд застрелил двух сослуживцев, которые ему мешали, и сбежал на Запад. В ФРГ его судили. Защищаясь, он доказывал, что действовал в рамках вынужденной самообороны. Тем не менее его приговорили к пяти с половиной годам тюрьмы.

В Восточном Берлине решили, что Вайнхольд легко отделался, перебежчика надо наказать. На заседании политбюро Эрих Мильке обещал, что его люди «примут для этого меры». Глава правительства Вилли Штоф не решился возразить. Однако же он не хотел, чтобы перебежчика убили, потому что это навредило бы престижу страны. Вилли Штоф отправил своего помощника в Бонн к статс-секретарю Министерства внутригерманских отношений с сообщением: Западная Германия должна лучше охранять Вайнхольда — МГБ намерено ликвидировать перебежчика.

Немалое число офицеров госбезопасности перебежало к врагу. Семерых выкрали на Западе и вернули в ГДР, чтобы казнить. Остальные получали время от времени зловещее предупреждение:

— Мы найдем тебя везде.

Мильке на совещаниях иногда вспоминал того или иного бывшего подчиненного:

— Что-то вокруг него тихо.

Это означало, что следовало возобновить поиски предателя и одновременно отправить пару предупреждений в западногерманские газеты, чтобы попугать перебежчика, сменившего имя и получившего новые документы. Мильке хотел, чтобы все знали: от его чекистов никому не уйти, враг будет наказан.

— Тот, кто с ненавистью поднимет руку на нас, тот не может рассчитывать на наше снисхождение, — говорил Мильке. — Такие элементы должны почувствовать всю твердость нашей власти. И под этим я понимаю не только наши правовые возможности.

Он отдал приказ устранить Вольфганга Вельша, еще одного бывшего гражданина ГДР.

В начале 1960-х годов Вельш, молодой поэт и актер, пытался бежать в ФРГ. Не удалось. Его схватили, посадили на скамью подсудимых и дали десять с половиной лет заключения. В 1971 году его выкупило правительство ФРГ — вместе с большой партией политзаключенных. За Вельша заплатили 90 тысяч марок. В Университете Гессена он защитил диссертацию по социологии об МГБ ГДР. Но научная работа его не увлекала. Вельш создал тайную организацию для помощи тем, кто тоже

хотел бежать из ГДР. И он хотел отомстить Восточному Берлину.

Ему добывали подлинные западногерманские паспорта, в которые вклеивали фотографию беженца. Паспорт вручали беглецу в Болгарии, куда можно было приехать из ГДР. Улетая из Софии, беглец предъявлял настоящий паспорт гражданина ГДР, а прилетев в Бухарест, — подделанный западногерманский. Оттуда — в Белград и, наконец, в Вену. Таким путем уехали на Запад 60 человек. А еще Вельш купил прицеп, в котором оборудовал тайник для троих…

В МГБ решили убить Вельша. Операция называлась «Скорпион». Заложили взрывчатку в его машину — за приборную доску. Но не рассчитали количество взрывчатки. Вельш выжил.

Тогда ликвидировать его поручили секретному сотруднику госбезопасности Петеру Хааку, имевшему оперативный псевдоним Альфонс. Хаак выдавал себя за фотографа, постоянно живущего в Лондоне. Познакомился с Вельшем и поехал с ним отдыхать в Израиль, на побережье Красного моря. Хаак уговорил Вельша попробовать колеты, которые он сам приготовил, подмешав к ним большую дозу талия, безвкусного яда, используемого для уничтожения вшей и других паразитов.

Вольфганг Вельш любил котлеты и съел несколько штук. Почувствовал страшную боль, но израильским врачам удалось его спасти. Вельш выжил потому, что в тот жаркий день очень много пил и часть яда вышла.

Петер Хаак получил медаль за успешно выполненное задание. Но выяснилось, что Вельш жив. После объединения Германии обнаружили материалы операции «Скорпион», нашли и арестовали самого Хаака. Он получил шесть с половиной лет тюрьмы…

А журналисты после каждой порции разоблачений бывшего МГБ продолжали атаковать Маркуса Вольфа:

— Те, кто занимается роспуском Министерства госбезопасности, добрались до личного архива Мильке. Там имеются документы, из которых следует, что и за вами следили.

— Меня это не удивляет, — отвечал Вольф. — В семидесятых годах за мной велась прямая слежка, я узнал об этом позже. Генерал-полковник Беатер счел в тот момент, что может объявить охоту на Вольфа и его людей. Потом выяснилось, что меня подслушивали и в моей квартире.

— Кто в ГДР помимо министра Мильке и его заместителя генерала Найбера знал о том, что террористам предоставлено убежище? — спрашивали у Вольфа журналисты. — Хонеккер? Найбер сказал, что без санкции Хонеккера это было бы невозможно.

— Это было вполне возможно, — не согласился Вольф.

— Вы и в самом деле считаете, что министр госбезопасности Эрих Мильке действовал на свой страх и риск?

— Мильке обсуждал с Хонеккером многие несущественные вопросы, чтобы обезопасить себя. Например, просил санкцию на право истратить две тысячи западногерманских марок на какую-то мелкую операцию. Однако министр не информировал генерального секретаря и председателя Государственного совета, с которым у него не было доверительных отношений, о более важных вещах. Не считал это своевременным или боялся негативной реакции генсека. Впрочем, маловероятно, чтобы он не попросил санкции генсека на прием террористов из «Фракции Красной армии».

— И только заместитель министра ровным счетом ничего не знал? — прозвучал иронический вопрос.

— Я никогда не был тем заместителем министра… В 1982 году Беатер умер, и первого заместителя не было несколько лет. Я ни одного часа не замещал Мильке.

Генерал-полковник Бруно Беатер был первым заместителем Мильке с 1964 года. До войны работал плотником. Воевал в вермахте, в 1944-м обер-фельдфебель Беатер попал в советский плен и выразил желание помогать Красной армии. В ГДР пошел служить в госбезопасность. Уже будучи заместителем министра, получил дипломы Высшей партийной школы и Высшей юридической школы МГБ.

— Неужели вы не контактировали с другим заместителем министра — Найбером? — выпытывали журналисты у Вольфа.

Генерал-лейтенант Герхард Найбер стал заместителем министра в 1980 году.

— Вам следует учесть, что конспирация была в министерстве почти что фетишем, — отвечал Вольф.

— Хорошо, тогда поговорим о тех акциях, о которых вы знаете. Ваше управление занималось за границей не только разведывательной деятельностью, но и поставляло оружие, например в Африку или в Чили. Хотя бы об этом вам было известно?

— Я опять должен вас разочаровать. Это не относилось к моей компетенции.

— Занимавшийся такого рода сомнительными внешнеторговыми сделками Александр Шальк-Голодковски был офицером госбезопасности. Он служил в вашем управлении?

— Нет. Он подчинялся непосредственно министру. Насколько мне известно, он никому другому, кроме Мильке, не докладывал. За несколько лет до моего ухода на пенсию в аппарате секретаря

ЦК по экономике Рудольфа Миттага создали сектор, который ведал работой Шалька-Голодковски.

— Бросается в глаза, что когда речь идет о скандальных акциях госбезопасности, то единственным виновником вы хотите выставить бывшего министра Мильке. А он, как говорят, играет в детские игрушки, и его нельзя ни допросить, ни привлечь к ответственности.

— Я отказываюсь выдавать на расправу людей, которые вместе со мной работали в Главном управлении разведки.

— Население напугано новыми сообщениями о том, что еще две тысячи «офицеров особого назначения» — никому не известные — по-прежнему занимают ключевые посты в экономике и системе управления. Госбезопасность ушла в подполье?

— Это чепуха, — уверенно ответил Вольф. — Офицеры особого назначения существовали с незапамятных времен. Это были сотрудники, которых мы хотели социально защитить. Им находили работу, но они сохраняли свое звание. Если по своей гражданской профессии они получали меньше, чем прежде, мы разницу доплачивали. Но то, что они составляли подполье на случай, если что-то произойдет, абсурд! Хотя бы потому, что до октября восемьдесят девятого года Мильке и предположить не мог, что случится нечто подобное. Существование такой подпольной структуры, новых вервольфов, я полностью исключаю.

— Своих разведчиков вы изображаете джентльменами в галстуках. Плохими неизменно оказываются другие.

— Это типично для разведывательных служб всего мира.

— Господин Вольф, вы публично назвали госбезопасность «сердцевиной аппарата подавления». А себя вы ощущаете совершенно невиновным?

— Что вы понимаете под виной? Когда я выступал на демонстрации 4 ноября 1989 года на Александерплац в Восточном Берлине, то сказал, что несу ответственность за то, что в течение нескольких десятилетий состоял в руководстве этого аппарата подавления.

— Вы утверждаете, что уже давно освободились от сталинизма. Почему же вы не выступали против тех решений, которые были вам не по нутру?

— Этот тот вопрос, который приходится ставить перед собой многим коммунистам: во имя чего мы вообще жили? После ухода со службы я пытался подвигнуть людей на общественную смелость и привнести мысль о необходимости перестройки и гласности в ГДР. Сегодня я понимаю, что уже было поздно. Десятилетиями я занимал высокое положение в системе. Как

один из руководителей госбезопасности, я ощущаю свою ответственность за слежку за людьми и репрессии, но не в юридическом смысле. Я сделал для себя вывод, что больше не приму никакого поста. А в то время мне от разных людей поступали предложения взять на себя ответственность за всю госбезопасность.

— Кто хотел предложить вам этот пост? — заинтересовались журналисты.

— Некоторые члены Центрального комитета партии, когда генеральным секретарем стал Эгон Кренц. Двое из них были министрами. Они говорили: мы обязаны спасти страну, ты единственный, кто обладает авторитетом, достаточным для того, чтобы взять на себя руководство Министерством госбезопасности и не допустить худшего. Но я не принял бы этой должности не только тогда, но и десятью годами ранее.

— А что вы могли бы сделать на посту министра, чтобы не допустить худшего?

— Я, как и многие, верил, что в нашей стране можно провести перемены. Я добился для Главного управления разведки относительной автономии, и в этой сфере не очень-то позволял командовать. До сих пор убежден: то, что мы делали, не расходилось с конституцией и было необходимо для защиты законных интересов ГДР, защиты мира и социализма.

— А жестокость, с которой исполнялись ваши задачи?

— Что вы имеете в ввиду?

— Жертвы ваших операций.

— Кого вы имеете в виду?

— Например, секретарши в различных ведомствах ФРГ, на которых вы натравливали своих «ромео». Ведь ваши вербовщики психологически разрушали человека, чтобы превратить в послушного информатора.

— Но это клише, — поморщился Вольф. — Я не хочу делать вид, будто разведка следует правилам хорошего тона для благородных девиц. Но что касается методов вербовки, то вам следует побеседовать с представителями ЦРУ или БНД…

— То, что западные спецслужбы действуют подобным образом, не оправдывает эти методы.

— Я не оспариваю того факта, что использовались и интимные отношения…

— Ваши люди занимались шантажом.

— Каждый случай надо рассматривать отдельно.

— Христианский демократ Генрих Люммер, недавний западноберлинский сенатор, чью любовную историю пытались использовать сотрудники вашего Министерства госбезопасности,

считает, что он стал жертвой шантажа.

— Если господин Люммер сотворил нечто такое, что позволило его шантажировать, то я не испытываю угрызений совести.

— Но согласитесь — это некрасивая история.

— А я и не пытаюсь создать впечатление, что это дело совершенно чистое. Я также сожалею, что в некоторых случаях всё закончилось трагически, что Гюнтер Гийом способствовал смещению Вилли Брандта… Но, как правило, с нашей разведкой сотрудничали по иным причинам. Совпадали интересы, прежде всего политические.

— Сколько людей служило в вашем управлении? Говорят, четыре тысячи.

— Не могу этого подтвердить. В мое время в Главном управлении разведки на оперативной работе было около тысячи человек.

— А на невидимом фронте?

— Фигурировали разные цифры — от трех до десяти тысяч.

— Так назовите подлинную цифру! И сколько их еще действует в ФРГ?

— Во-первых, после ухода из министерства я не располагаю достоверными сведениями. Во-вторых, не цифры важны. Значение имеют твои главные агенты, те, кто проник в аппарат правительства или в окружение ведущих политиков, кто получил доступ к секретной информации.

— И сколько таких главных агентов было в ваше время?

— Я бы назвал цифру от пятидесяти до девяноста. Скорее ближе к пятидесяти.

— По нашим сведениям, еще сейчас в составе федерального правительства в Бонне есть два министра, которые работали на МГБ. Ими занималось ваше управление?

— Об этом я впервые от вас слышу. Спросите у Герхарда Бёдена, начальника ведомства по охране конституции. Он обещал: «Мы их всех достанем».

— Должны ли все ваши бывшие агенты попасть под амнистию?

Вот это был очень важный вопрос для Маркуса Вольфа.

— Очевидно, что в ФРГ существуют разные точки зрения. Одни ожидают от бывших сотрудников МГБ, что они раскроют имена всех агентов разведки ГДР. По моему глубокому убеждению, этот путь ни к чему хорошему не приведет. Неуверенность и недоверие останутся. Никто не будет знать, все ли имена известны или кто-то не назван. Другой путь — освободить бывших сотрудников, в том числе еще и не

выявленных, от наказания. И дать им возможность проявить свою лояльность по отношению к объединенной Германии. Это следовало бы сделать до объединения.

— Господин Вольф, вы рассказывали, что западные спецслужбы предлагали вам деньги за откровенность.

— Да, это так.

— Но последовали резкие опровержения!

— Да, я знаю. Герхард Бёден, глава ведомства по охране конституции, пренебрежительно сказал: да этот Вольф гроша ломаного не стоит…

— Тем не менее расскажите, кто к вам обращался и какие суммы сулили.

— Я приведу иной пример. Подчиненные господина Бёдена предложили моему недавнему сотруднику среднего уровня сумму в полмиллиона марок. Наверное, для Бёдена это нормальное дело — использовать бедственное положение, в котором находятся бывшие офицеры Главного управления разведки. Но этот человек воспринял предложение крайне болезненно и пытался покончить с собой.

Маркус Вольф рассказал подлинную историю. Его зятю, сотруднику разведки, который в свое время внедрился в Федеральное ведомство по охране конституции, предложили всё рассказать. Взамен обещали амнистию и деньги. Он покончил с собой.

В 1992 году бывший канцлер и глава социал-демократической партии Вилли Брандт высказался против уголовного преследования Маркуса Вольфа! Обнадеженный Вольф попросил Брандта о встрече. Вилли Брандт не был кровожадным и не жаждал отомстить тому, кто сокрушил его карьеру. Но встречаться с ним не захотел, это уже было выше его сил.

Дело Маркуса Вольфа разбирал Верховный земельный суд в Дюссельдорфе. Собралась та же коллегия по уголовным делам, которая когда-то судила его подчиненных Кристель и Гюнтера Гийом. Процесс над Вольфом растянулся на семь месяцев. Он стоял на позиции, что судить его — несправедливо:

— Клаус Кинкель занимал такую же должность, что и я. Он руководил западногерманской разведкой. Но сейчас он министр иностранных дел Германии, а меня посадили на скамью подсудимых. Если я передавал какую-то информацию советскому КГБ, то Клаус Кинкель делился с американским ЦРУ. Почему же его не обвиняют в предательстве?

В своем последнем слове Вольф сказал:

— Семьдесят лет — самое время подводить итоги своей жизни. Здесь в зале звучало слово «предательство». Предал ли я те ценности, которые считал важными, дорогими людям, на которых я равнялся, моей семье? Мы заблуждались, многое делали неправильно. Слишком поздно осознали свои ошибки и их причины. Но я был верен тем ценностям, ради которых мы хотели изменить мир. Это был высокий, возможно, слишком высокий замысел.

В декабре 1993 года прокурор потребовал приговорить Маркуса Вольфа к семи годам тюремного заключения. Судья дал ему шесть. Но вступление приговора в силу затянулось. А летом 1995 года Федеральный конституционный суд, принимая решение по делу его преемника в разведке бывшего генерал-полковника Вернера Гроссмана, постановил: офицеры разведки ГДР не подлежат преследованию за измену родине и шпионаж. Федеральная судебная палата отменила и приговор, вынесенный Маркусу Вольфу.

В 1996 году Маркус Вольф хотел поехать в США, чтобы принять участие в презентации своей книги. Ему отказали в визе — за помощь террористам. Тем временем прокуратура ФРГ готовила новое дело. Вольфа обвинили в «насильственном лишении людей свободы и преступном похищении граждан». Речь шла о тайных операциях, проведенных по его приказу.

Одна из них началась в марте 1959 года, когда сотрудники Министерства госбезопасности ГДР арестовали Георга Ангерера, который в годы войны служил переводчиком немецких оккупационных властей в Норвегии. Его продержали почти год в тюрьме, выбивая из него показания о том, что эмигрировавший в Норвегию социал-демократ Вилли Брандт сотрудничал с гестапо. Власти ГДР рассчитывали таким образом сломать карьеру перспективному западногерманскому политику…

Другая история такова. В Западном Берлине похитили Кристу Трапп, секретаря из аппарата верховного американского комиссара. План операции также утвердил Вольф. Ее доставили в Восточный Берлин, и она под давлением согласилась работать на разведку ГДР, а потом вернулась назад и во всем призналась американцам. И наконец, третья — оперативники похитили и бежавшего в Австрию обер-лейтенанта МГБ ГДР Вальтера Трене. Его заманили в ловушку, избили и вывезли в Прагу, оттуда переправили в Восточный Берлин. Он отсидел десять лет.

В марте 1997 года Маркуса Вольфа признали виновным в организации похищений людей. Но судья постановил отложить исполнение приговора.

«Я увидела его на телевизионном экране, — писала

помнившая его по довоенной Москве актриса Ольга Аросева, — постаревшего, совершенно седого, но легко узнаваемого. Всё та же, что в юности, прямая, неогрузневшая фигура атлета. И загорелое, хотя и в морщинах, лицо. И светлые глаза, как в юности, смотрят иронично, цепко, умно, все видевшие, знающие цену всему. Я рада, что он жив. Что на свободе. Что пишет уже не первую книгу».

СОВРЕМЕННАЯ АТЛАНТИДА

Впоследствии прокуратура ФРГ сожалела, что так легко отпустила бывшего начальника восточногерманской разведки. Маркуса Вольфа недооценивали. Со временем были установлены имена еще тысяч западных немцев, работавших на разведку ГДР.

Некоторые открытия поражали. Например, священник Йозеф Фриндт из западногерманского города Дорстена. Он информировал разведку ГДР о положении внутри католической церкви в Западной Германии. Именно он когда-то обратил внимание разведчиков Вольфа на молодого прелата по имени Йозеф Ратцингер, который впоследствии стал папой римским Бенедиктом XVI. То, что пастор Йозеф Фриндт — агент, вскрылось через два года после его смерти.

149 «неофициальных сотрудников» в Бонне и 542 в Западном Берлине работали на Вольфа. А всего в 1980-е годы 1929 западных немцев сотрудничали с внешней разведкой ГДР. За четыре десятилетия помощники Вольфа завербовали в Западном Берлине и ФРГ в общей сложности 12 тысяч человек. И еще многие имена остались неизвестны, потому что в МГБ успели уничтожить относившиеся к ним документы.

Некоторые из агентов гордились своей тайной работой на Министерство государственной безопасности ГДР. В их числе Петер Вольтер. В 1970-е годы он изучал социологию и философию в Университете Мюнстера и присоединился к марксистской студенческой группе «Спартак», которую тайно финансировала ГДР. Часто ездил в Восточный Берлин, где однажды к нему обратились сотрудники разведки. Он стал успешным журналистом, работал в немецком информационном агентстве ДПА, затем в британском агентстве Рейтер. А его родственник служил в ведомстве по охране конституции. Петера Вольтера арестовали после объединения Германии. Он признал, что работал на МГБ, но отказался называть себя шпионом или агентом:

— Я помог Европе полвека сохранять мир.

В единой Германии бывшие сотрудники Министерства госбезопасности получили обычные пенсии. Средняя пенсия в восточной части Германии — 826 евро в месяц.

ГДР — немецкая Атлантида. Навсегда исчезнувшее социалистическое государство. Только в отличие от той Атлантиды ГДР не исчезла бесследно. Ее граждане — восточные немцы — влились в единую Германию. Но одним целым восточные и западные немцы, похоже, еще не стали.

До объединения, когда существовали Федеративная Республика Германия и Германская Демократическая Республика, говорили так: одна нация — два государства. Сейчас говорят иначе: одно государство — две нации.

ГДР исчезла в считаные дни. А она была самым процветающим социалистическим государством. Исчезла с политической карты мира не по воле небесных сил, не по причине природных катаклизмов, не из-за козней врагов и даже не по вине немногочисленных восточногерманских диссидентов, в которых власти видели своего главного врага.

Диссиденты и не помышляли об упразднении ГДР и объединении Германии. Они хотели всего лишь демократизации, политических реформ и экономических преобразований. Для этих людей ГДР была страной, которую они сами создали. Они надеялись, что реформы помогут. До последнего момента повторяли: это наше государство. Верили в возможность усовершенствования, «очеловечивания» социализма.

Вот главный вопрос: почему в ноябре 1989 года народ, выйдя на улицы, в восемь часов утра потребовал смягчения режима, в десять часов — демократии, а в полдень — исчезновения ГДР?

Конечно, создание социалистического государства в Германии было частью сталинского плана преобразования Восточной Европы. И теперь легко говорить, что ГДР была грандиозным экспериментом, заведомо обреченным на неудачу. Но ведь после 1945 года у немцев был реальный выбор: в самом начале существования ГДР и ФРГ они могли свободно перемещаться из одной части Германии в другую, из социализма в капитализм и обратно. В основном, конечно, уезжали на Запад, но кто-то выбирал Восток!

Некоторое время Западная и Восточная Германии развивались как бы параллельно, как близнецы, разлученные в детстве. Но где же развилка? Где один из близнецов, совершив ошибку, выбрал тупиковый путь? В тот момент, когда компартия — СЕПГ — присвоила себе монополию на власть? Когда в Восточной Германии провели полную национализацию и принудительную коллективизацию? Но тогда еще неясно было, к чему приведет такое переустройство экономики. Так когда же проявился характер нового режима? Эту дату можно назвать точно — 17 июня 1953 года.

К тому времени ГДР существовала всего четыре года. Однако уже росло недовольство новым режимом, неспособным разумно организовать жизнь в стране. Но это еще не было катастрофой для ГДР, это был всего лишь кризис. А вот когда демонстрации в Берлине и других городах были разогнаны советскими танками,

стал ясен характер режима. До этого не всем немцам было легко сделать выбор между ГДР и ФРГ. Помогли советские танки.

После 1953 года миграция происходила только в одном направлении — на Запад. Власти ГДР пытались остановить беглецов. До возведения Берлинской стены 13 августа 1961 года Восточная Германия потеряла три миллиона граждан. Партийные власти рисковали остаться в одиночестве.

Берлинская стена остановила массовое бегство. Но жители ГДР почувствовали себя заключенными в большом лагере, обнесенном колючей проволокой. Попытка преодолеть стену многим стоила жизни. Покинуть ГДР можно было только одним путем: если попадешь в список тех, кого генеральный секретарь ЦК СЕПГ продавал Западной Германии за полновесные западные марки.

Создание одновременно социалистической ГДР и капиталистической ФРГ было чистым экспериментом. В советской системе ГДР считалась передовой. Но по сравнению с ФРГ у нее не было преимуществ. Экономика ГДР оказалась неэффективной и неконкурентоспособной, ее провал не компенсировали даже замечательные качества немецкой рабочей силы. Социализм построили только в отдельно взятом дачном поселке Вандлиц, где находились виллы партийной элиты.

Но справедливо ли считать Германскую Демократическую Республику маленькой империей зла? Среди ее граждан было немало тех, кто сторонился партии, идеологии, они не были причастны к тому, что творили власти страны.

В городе Халле находится известная психотерапевтическая клиника, принадлежащая евангелической церкви. Главный врач — доктор Ханс-Йоахим Маац, автор нескольких популярных книг. Мы с ним долго беседовали о психологическом состоянии немецкого общества.

— После того как газеты опубликовали списки тех, кто работал на МГБ ГДР, — рассказывал доктор Маац, — многие обратились к нам за помощью. Фактически они хотели исповедаться. Хотели, чтобы им помогли понять, как же они согласились работать на Министерство госбезопасности? Мы пытаемся им помочь, но для этого они должны осознать свою вину, найти ответ внутри себя. Но бывшие агенты ищут себе оправдания. Они не понимают своей вины и всё сваливают на трагические обстоятельства своей жизни. Мы нация соратников. Один поддакивал другому, каждый был частью целого. У всех за спиной большой личный опыт лжи, обмана, отчуждения. Каждый должен бы спросить себя: «Да как же я сумел так приспособиться ко лжи?» Но мало кто ощущает за собой вину. В основном

перекладывают ее на других.

От каких психических расстройств страдали граждане ГДР?

— Депрессия, страх. Они боялись. Постоянно всего боялись. Они чувствовали, что на них давят, что их принуждают. Они должны были подчиняться начальнику, строго соблюдать дисциплину. Им не хватало внутренней свободы. Несколько лет жизни в таких условиях приводили к депрессии.

«В последние годы существования ГДР антифашистские заверения стали словесной шелухой, — писал Маркус Вольф. — Но антифашизм всё еще жил в искусстве, в высших учебных заведениях и в диссидентских кружках. Эти люди были убеждены в том, что в ГДР можно создать лучшую немецкую альтернативу. Трагедией было то, что они стали жертвой противоречия между социалистическими идеалами и реальной социалистической действительностью».

Заместитель министра культуры ГДР Клаус Хёпке, который в нацистские времена был членом юнгфолька — детской нацистской организации, с изумлением рассказывал мне, что в Москве крупные советские чиновники его частенько спрашивали:

— А правда, что у вас в политбюро есть евреи и полуевреи?

Клаус Хёпке отвечал:

— После Гитлера мы не задаем такие вопросы.

А восточные немцы сожалеют об исчезновении ГДР?

— Нет, — уверенно сказал мне бывший глава Союза писателей ГДР Герман Кант. — Страна неминуемо шла к концу. После исчезновения ГДР я узнал многое, о чем и не подозревал. Горько было на старости лет увидеть, сколько подлого творилось в моей стране.

Помню свою поездку в Германию в 1990-е годы.

Берлин, старая столица Германии, рождает множество ассоциаций — нацистские марши, парад вермахта, красный флаг над взятым Рейхстагом, первомайские демонстрации в Германской Демократической Республике, разрушенная стена.

В Восточном Берлине многое еще оставалось таким же, каким было во времена Германской Демократической Республики. В небо вонзалась вывеска бывшей главной партийной газеты «Нойес Дойчланд», которая продолжала выходить. Сохранилась Карл-Маркс-аллее, напоминающая Ленинский проспект в Москве; когда-то она называлась Сталин-аллее. На перекрестке Карл-Маркс-аллее и улицы Парижской коммуны красовалась выцветшая реклама болгарской фирмы «Винимпекс» — напоминание об исчезнувшем Совете экономической взаимопомощи.

Сохранился и знаменитый «чек-пойнт Чарли», контрольно-

пропускной пункт между Западным и Восточным Берлином. А рядом — кафе-музей, где собрано то, что осталось от Германской Демократической Республики: знамена, вывески, партийные билеты Социалистической единой партии Германии и даже мемориальная доска с московского дома на Кутузовском проспекте, где жил Леонид Ильич Брежнев.

Еще сохранялись остатки стены, разделявшей Берлин на Восточный и Западный. Но по недавно восстановленному мосту через Шпрее уже пошли желтые вагончики метро. Появилось ощущение простора, стало ясно, что это большой город, каким он не казался, когда был разделен.

Символом Берлина стали строительные краны. Перестраивалась вся восточная часть города. Новый Берлин решительно отказывался от своего прошлого. Там, где был бункер фюрера, появился детский сад. От зловещего здания гестапо на Принц-Альбрехт-штрассе остались только куча песка и остатки бункера эсэсовской охраны. Здесь расположилась постоянно действующая выставка «Топография террора».

Четырехэтажное серое здание Центрального комитета Социалистической единой партии Германии, где до войны находился имперский банк, передали Министерству иностранных дел. Начали реконструировать мрачное здание на перекрестке Ляйпцигерштрассе и Вильгельмштрассе, которое в 1930-е годы построил рейхсмаршал Герман Геринг для Министерства авиации. Во времена ГДР здесь находился Совет министров. Сюда в июне 1953 года пришли восставшие против социализма берлинские рабочие…

Во времена ГДР Общество дружбы с Советским Союзом объединяло чуть ли не всю республику. В юности все клялись:

— С Советским Союзом — на вечные времена!

После объединения выяснилось, что в социалистической ГДР у нас было не так уж много искренних друзей. Восточные немцы были уверены, что из-за русских они живут хуже, чем западные немцы. И они не могли понять, почему Советский Союз, неспособный обустроить жизнь собственных граждан, берется их учить. В узком кругу да после пары кружек пива звучало:

— Германия превыше всего! Иностранцы, вон! Русские — свиньи!

Нелюбовь к Советскому Союзу и Советской армии выплеснулась, когда восточные немцы получили возможность говорить откровенно. После объединения Германии я разговаривал с писателем Германом Кантом. Его романы широко издавались и в нашей стране. В ГДР Кант возглавлял Союз писателей и всегда считал себя другом России.

— Большинство восточных немцев считали Россию оккупационной державой, — сказал мне Кант. — Я был исключением. Я видел в советских солдатах что-то иное, не то, что другие. Большинство людей просто не интересовались историей. Их раздражали русские солдаты на немецких улицах, и они не задавались вопросом о том, а как, собственно говоря, они сюда попали.

Но войска ушли, и многое изменилось.

Наискосок от бывшего здания Совета министров ГДР, через перекресток открылся русский ресторан «Тройка», где посетителям предлагали борщ, солянку, пироги и салат «столичный». В Берлине можно было увидеть молодых немцев в майках с надписью «Ленинград». Отношение немцев к русским изменилось к лучшему. Оно стало искренним, а не показным. В восточной части Германии опять модно было щегольнуть знанием русского языка, во время дружеского застолья громко провозгласить тост по-русски:

— За здоровье!

Принято считать, что Восток проиграл Западу ту холодную войну. Маркус Вольф всегда считал, что он свою войну выиграл. Он говорил в интервью в 1997 году:

— Не могу сказать, что горжусь тем, что я сделал. Не могу. Но не думаю, что прожил жизнь впустую.

Он считал, что благодаря его службе страны социалистического блока больше узнали о НАТО и потому меньше боялись Запада, а это имело большие политические последствия.

— Моя разведка помогла прийти к разрядке.

Но ему не удалось убедить общество, что он ничего не знал о репрессиях и не причастен к преступлениям режима. Джон Ле Карре (дважды коллега Вольфа — по разведке и писательскому цеху) вынес жесткий приговор тому, кто стал прототипом героя его самого популярного шпионского романа:

— Я думаю, Маркус Вольф и люди его уровня знали лучше, чем кто-либо еще, какому режиму они служат. Я думаю, они виновны и должны нести на себе печать бесчестья.

Когда Вольф беседовал с одним из своих бывших сотрудников, тот не без горечи спросил его:

— Разве мы напрасно прожили жизнь?

Каков же будет ответ?

Судьба Маркуса Вольфа — отражение беспощадных дилемм эпохи холодной войны в Европе. Одни им восторгались, другие ненавидели. Для одних он верный страж режима и генерал госбезопасности. Для других — герой и гений разведки. Не

только выдающийся профессионал, но еще и патриот и антифашист. А на какой еще стороне он мог быть — сын еврея-коммуниста?

Вольф не походил на остальных руководителей спецслужб социалистического блока. За 34 года на посту начальника разведки он одержал больше побед, чем поражений. Мало кто из его коллег мог похвастаться такими успехами.

Он достойно выглядел и в эпоху неудач и испытаний. Отверг предложение американцев сотрудничать и обосноваться в Калифорнии. Пытался найти убежище в Советском Союзе, где провел детство и юность. Когда не получилось, вернулся в Германию и мужественно защищал себя в борьбе с правосудием победителей. Не каялся и не просил прощения. Стоял на своем: он делал то же, что и другие специальные службы в мире. Он сам говорил, что ГДР была «печальной реальностью», но не хотел признавать того, что творил режим, которому он служил столько десятилетий.

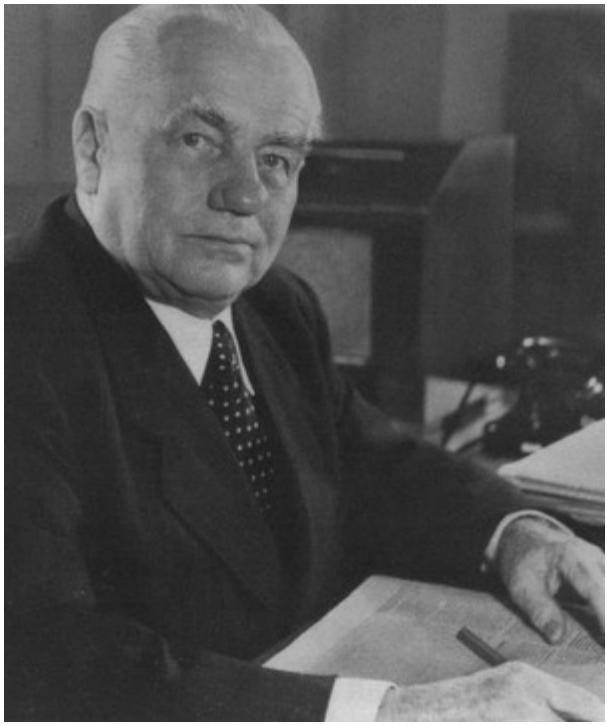
Маркус Вольф умер во сне 9 ноября 2006 года. Многие считают это завидной смертью. Ему было 83 года. В последний путь его провожали полторы тысячи человек, бывшие коллеги и соратники, деятели культуры, руководители левой партии — Партии демократического социализма. Маркуса Вольфа похоронили рядом с его младшим братом Конрадом на кладбище Фридрихсфельде.

В другую эпоху он бы наверняка выбрал себе иную стезю. Мог бы стать успешным авиаконструктором, как он хотел в юности. Или популярным писателем, что ему почти удалось, когда он вышел на пенсию. Столь разносторонне одаренный, яркий, волевой человек с мощным интеллектом добился бы успеха в любом деле. И на склоне лет его бы не арестовывали на границе и не сажали на скамью подсудимых. Не пришлось бы ему безуспешно искать убежища, объясняться, оправдываться.

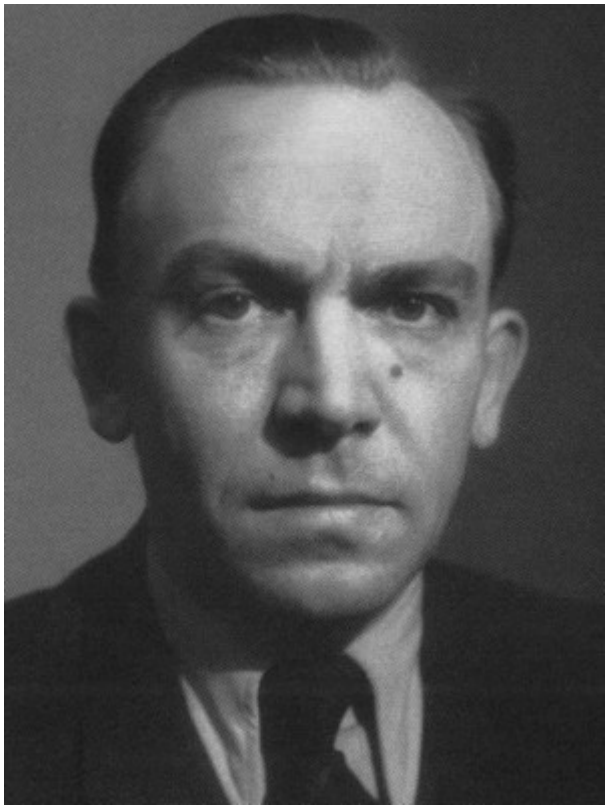
Но в таком случае мир специальных служб, завораживающий, поражающий нас бесконечными комбинациями и невероятными интригами, лишился бы человека, которого без преувеличения можно назвать самым выдающимся руководителем разведки XX столетия.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Вальтер Ульбрихт — первый секретарь ЦК СЕПГ



Вильгельм Пик — президент ГДР



Антон Аккерман — основатель внешней политической разведки ГДР

Вильгельм Цайссер возглавлял Министерство госбезопасности ГДР в начале 1950-х годов

Эрих Хонеккер в нацистской Германии работал в подполье и был арестован гестапо. Его освободила Красная армия

Отто Гротеволь возглавлял правительство ГДР в начале 1950-х годов

Демонстрация протеста в Восточном Берлине в 1953 году

Восстание рабочих в 1953 году едва не покончило с социализмом в ГДР. Режим спасли советские танки

Эрих Хонеккер после Второй мировой войны руководил комсомолом ГДР

Рудольф Херштадт во время войны был советским разведчиком

В довоенной Германии искали тех, кто в 1931 году стрелял в полицейских. Среди них был молодой Эрих Мильке

Министр госбезопасности ГДР Эрих Мильке был настоящий служака. Он любил товарищеские вечеринки и неплохо пел

13 августа 1961 года Берлин был разделен колючей проволокой

Бетонная стена, сторожевые вышки и минные поля появились позже

Вальтер Ульбрихт был инициатором строительства Берлинской стены

Вальтер Ульбрихт, его жена Лотта и глава правительства Вилли Штоф (слева)

Вальтер Ульбрихт, Маркус Вольф, Эрих Хонеккер

Генерал Вольф (крайний справа) и генерал Мильке (в центре) с вернувшимися в ГДР разведчиками-нелегалами

Габриэле Гаст служила в западногерманской разведке и два десятилетия работала на Маркуса Вольфа

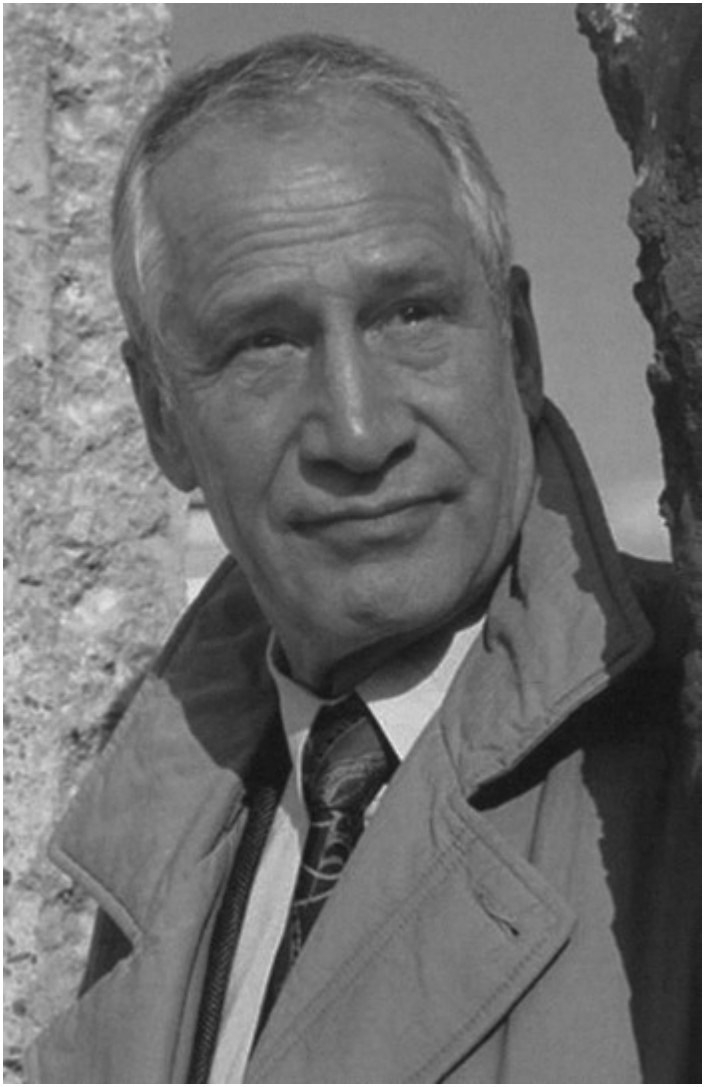
Гюнтер Гийом сопровождает канцлера ФРГ Вилли Брандта и его супругу на прогулке

Вилли Брандт не подозревал, что его референт Гюнтер Гийом — подчиненный Маркуса Вольфа и носит погоны капитана

Кристель и Гюнтер Гийом вместе служили в разведке ГДР и вместе сели на скамью подсудимых в ФРГ

Леонид Брежнев и Эрих Хонеккер

Эрих Хонеккер с женой Маргот



Маркус Вольф

Советский дипломат Владимир Семенов сыграл большую роль в формировании социалистической ГДР

Владимир Семенов (в центре) на 75-летии Вильгельма Пика

Советский посол в Восточной Германии Петр Абрасимов

Петр Абрасимов, Эрих Хонеккер и Андрей Громыко отправляются на охоту

Берлинская стена не остановила бегство из ГДР. Бежали и солдаты Национальной народной армии, и немецкие чекисты

Чтобы сделать побег невозможным, пограничникам приказали стрелять в беглецов

За 28 лет существования Берлинской стены были убиты и ранены сотни граждан ГДР, пытавшихся покинуть социалистическое государство

Хонеккер и Мильке так много лет оставались у кормила власти, что казалось, они никогда не оставят свои посты

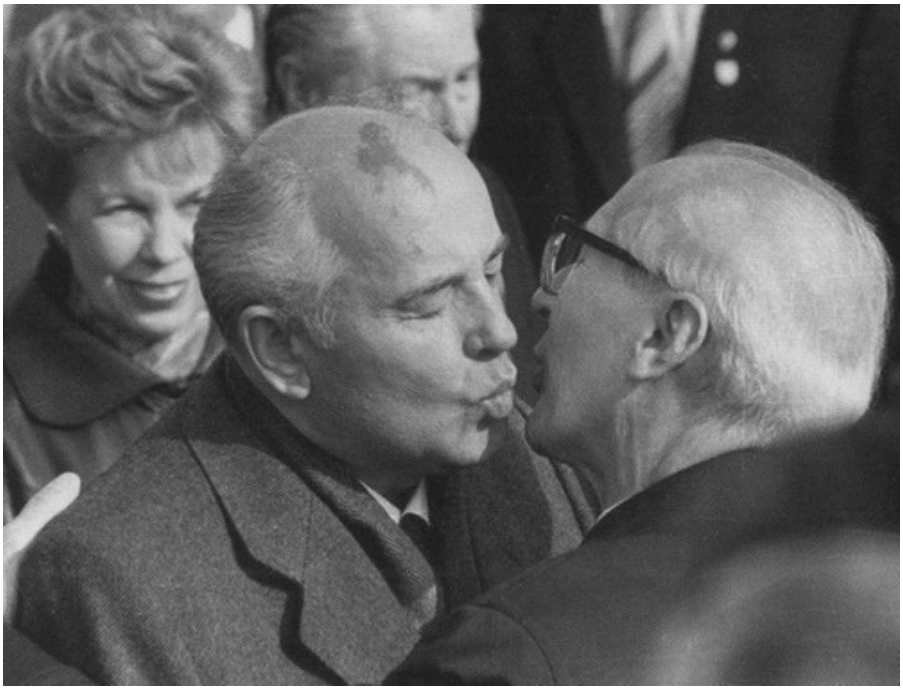
Статс-секретарь Министерства внешней торговли ГДР

полковник госбезопасности Александр Шальк-Голодковски

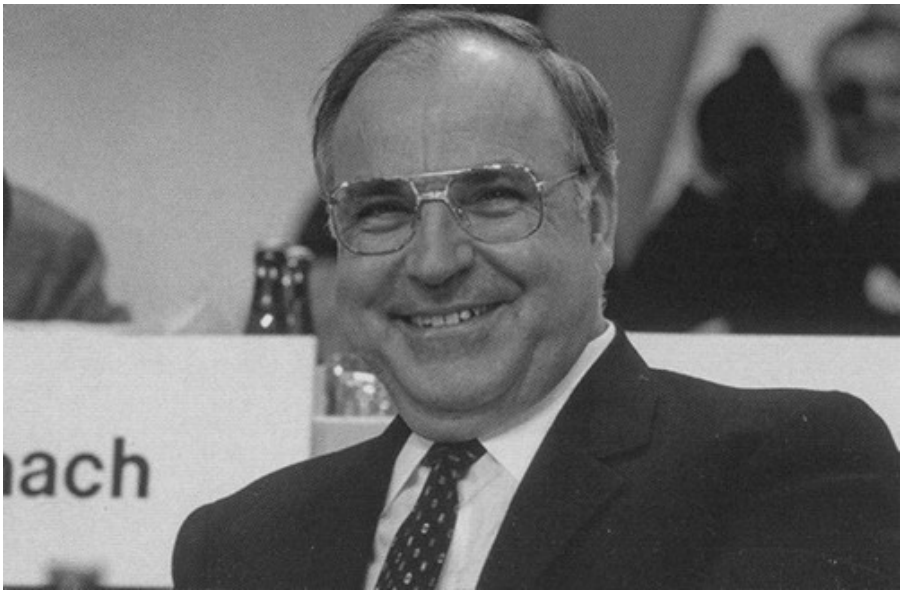
Член политбюро и первый секретарь Берлинского окружкома партии Понтер Шабовски

9 ноября 1989 года Берлинская стена пала

Восточные немцы встретили это событие с ликованием, многие устремились на Запад



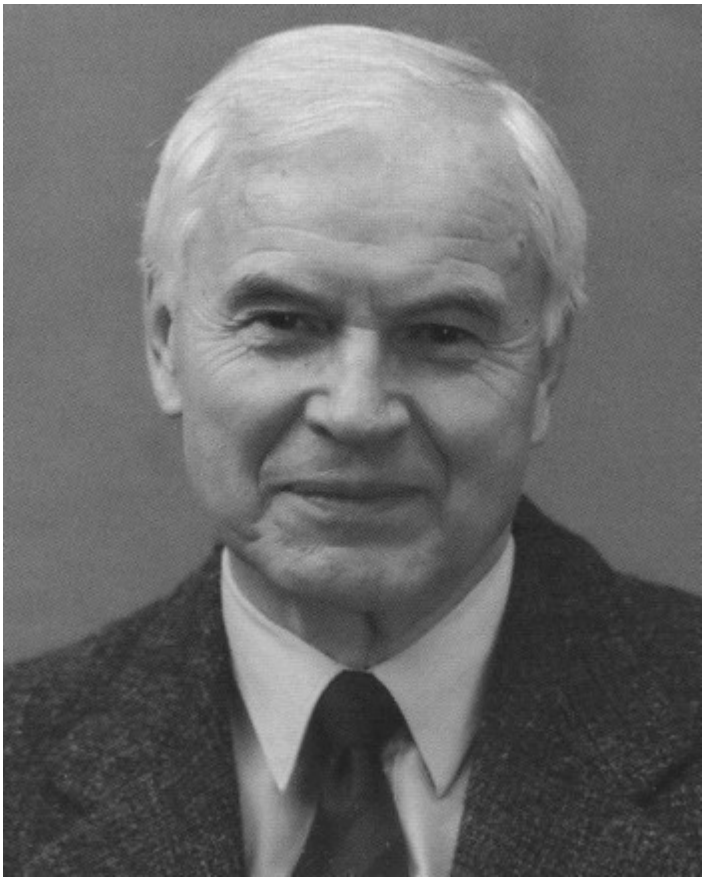
Михаил Горбачев и Эрих Хонеккер неизменно демонстрировали дружбу и взаимопонимание, хотя на самом деле недолюбливали друг друга



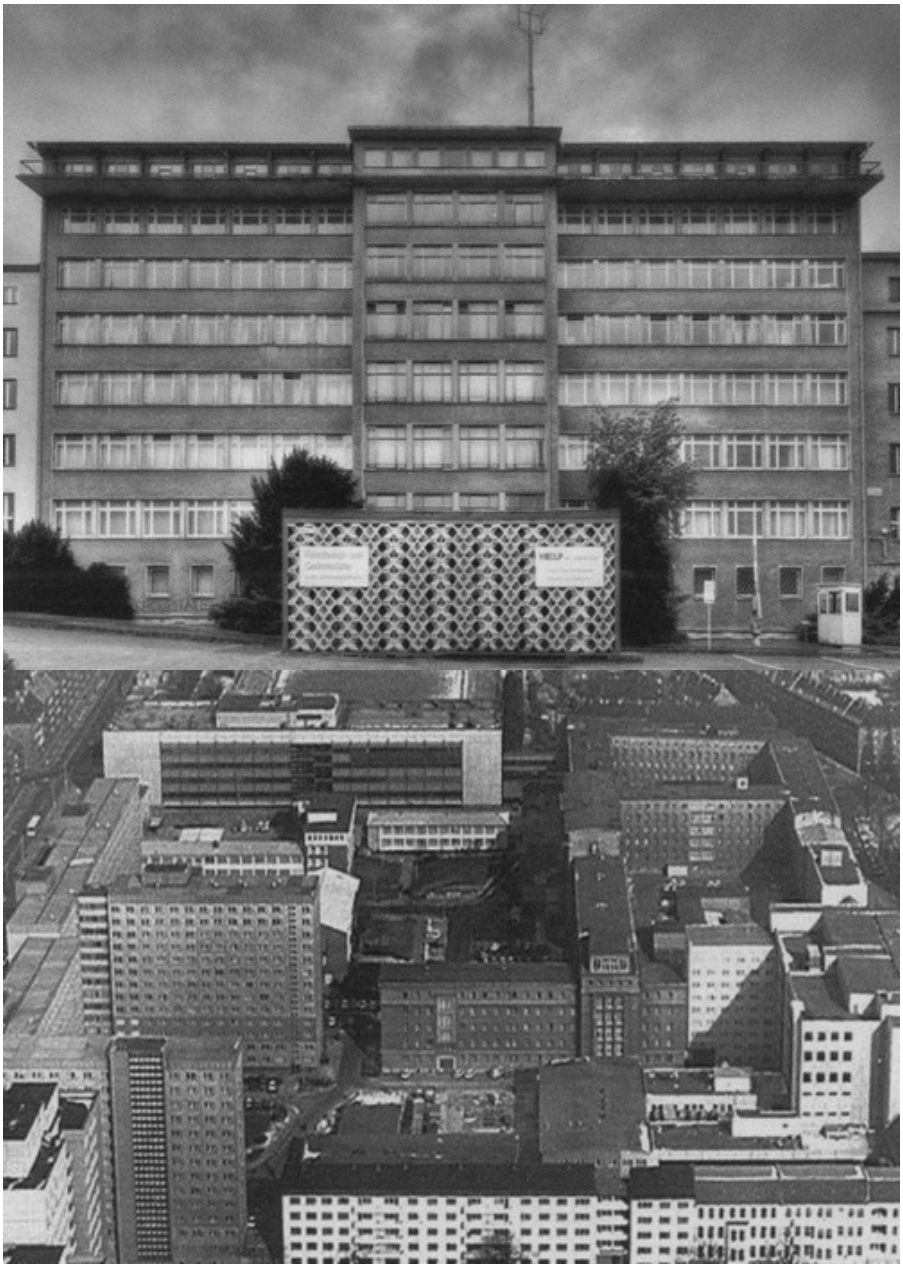
Канцлер ФРГ Гельмут Коль вошел в историю как

объединитель Германии, потому что смог убедить в своей правоте мировых лидеров и прежде всего советского президента Михаила Горбачева

Эгон Кренц в точности повторил путь Эриха Хонеккера: руководил комсомолом, стал вторым человеком в партии, так же сверг своего покровителя и возглавил страну. Только исторического времени ему было отпущено совсем немного

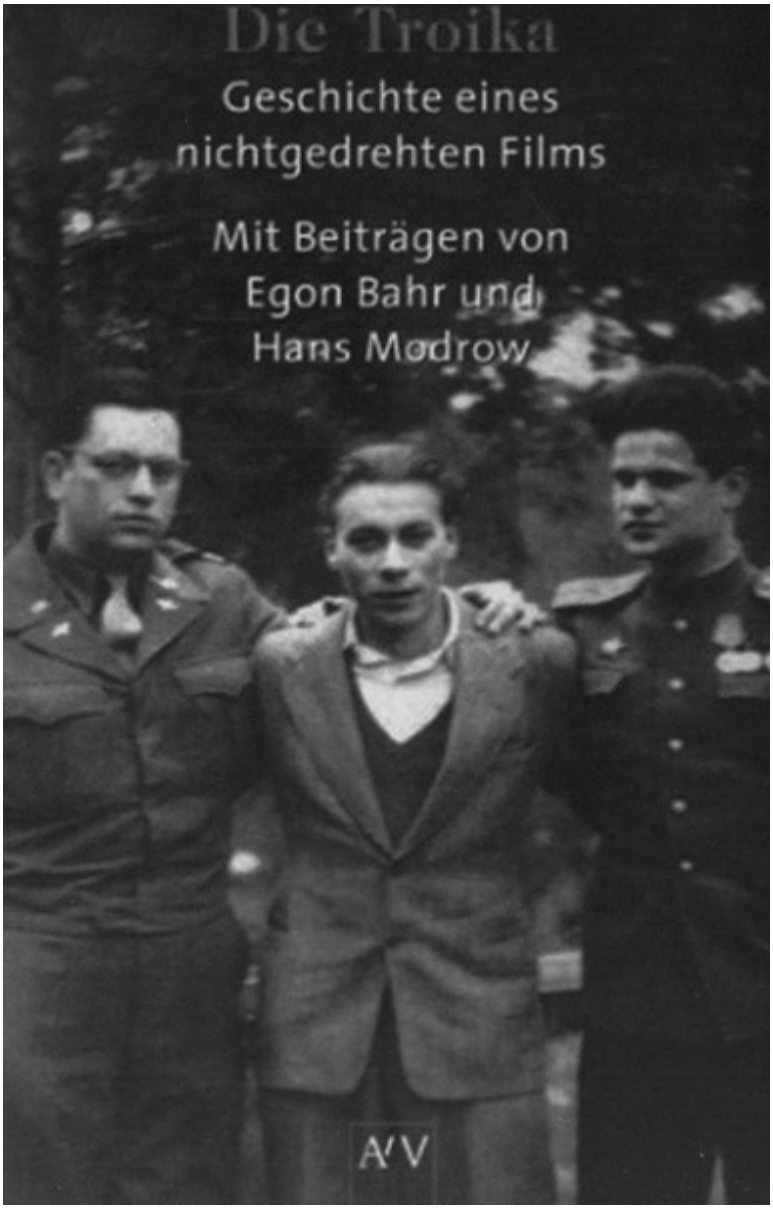


С Хансом Модровым в ГДР многие связывали большие надежды. Он всего несколько месяцев руководил правительством ГДР и изменить уже ничего не мог

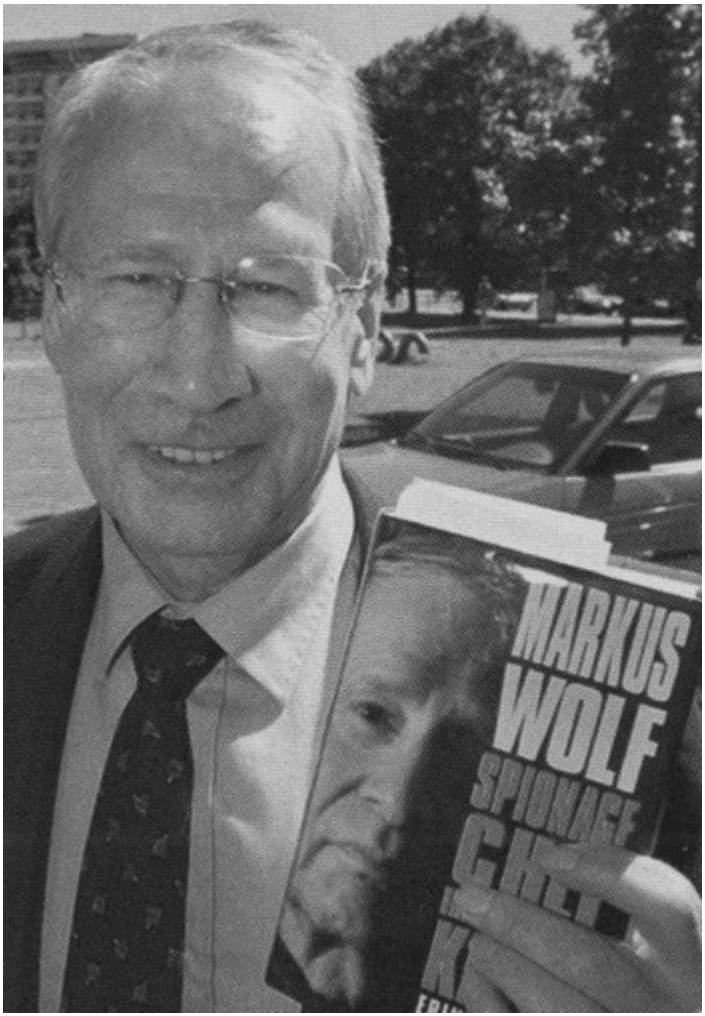


Министерство государственной безопасности ГДР располагалось в этом комплексе зданий в Восточном Берлине

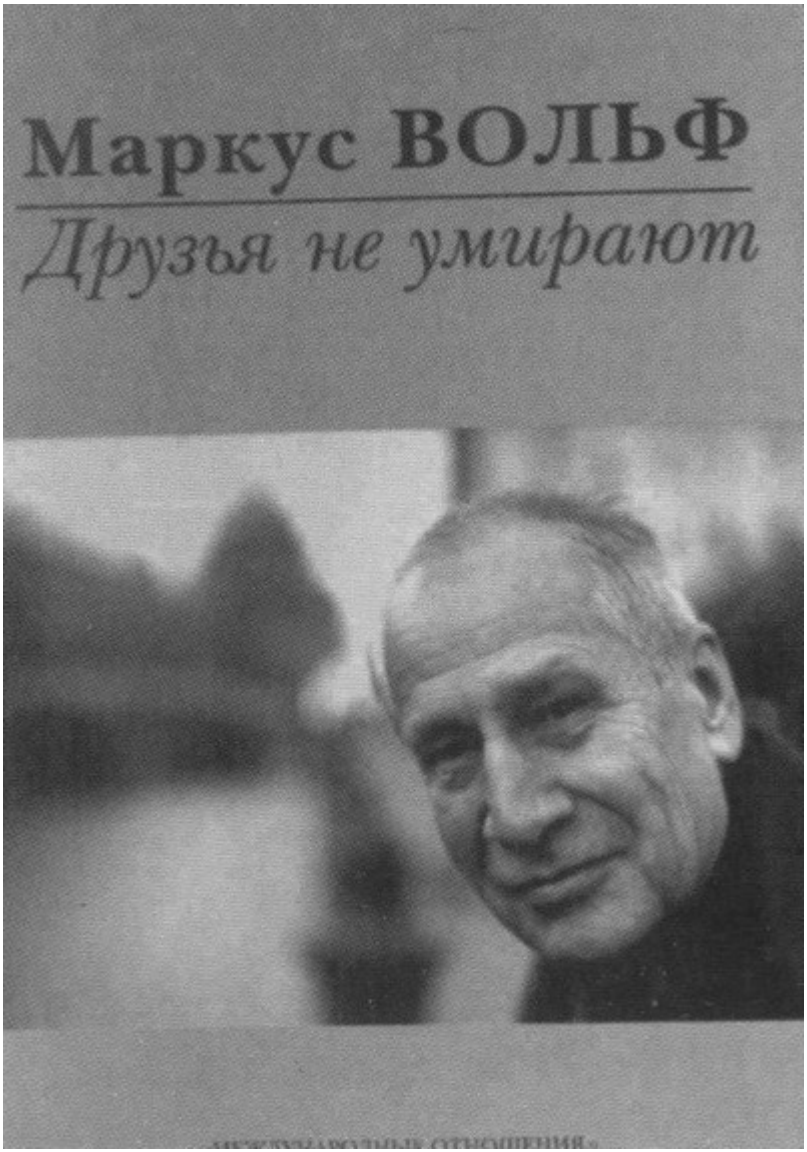
Когда ГДР рушилась и толпа ворвалась в здание МГБ, всех интересовали архивы ведомства и, конечно же, картотека агентуры



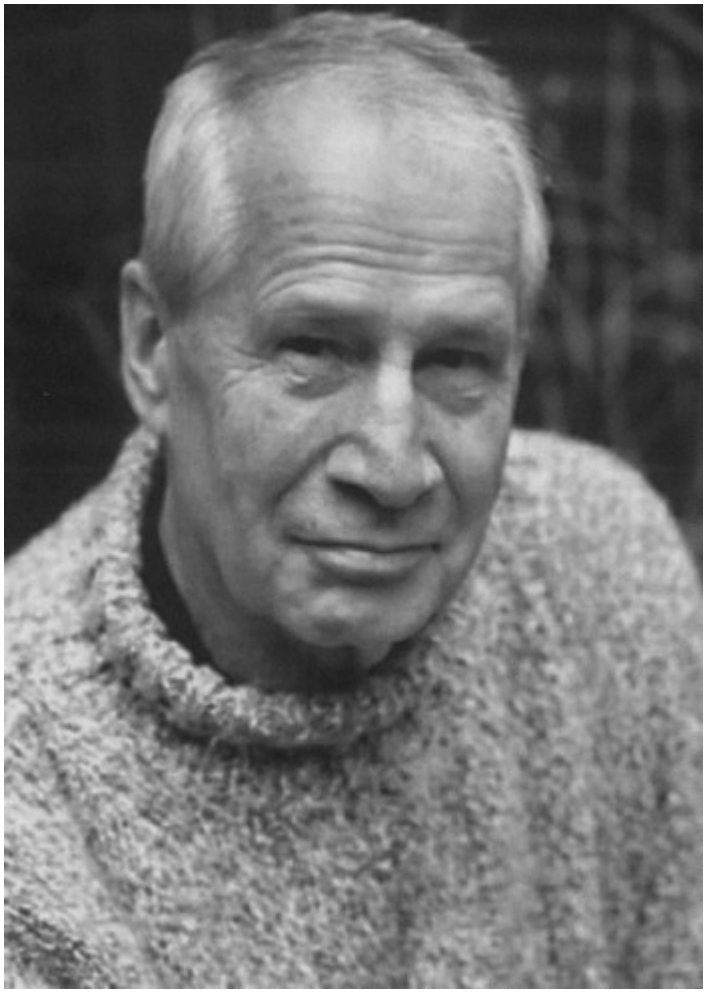
Маркус Вольф назвал свою первую книгу русским словом «Тройка». На ее обложке фотография друзей детства и младшего брата Конрада Вольфа (справа) в советской военной форме



Каждая книга бывшего начальника разведки ГДР становилась бестселлером



Все книги Маркуса Вольфа немедленно переводились на русский язык и пользовались большим успехом в нашей стране



Маркус Вольф

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАРКУСА ВОЛЬФА

1923, 19 января — родился в небольшом вюртембергском городке Хехинген.

1933 — после прихода к власти нацистов семья Вольф эмигрирует из Германии.

1934, апрель — Вольфы приехали в СССР.

1940 — Маркус Вольф поступил в Московский авиационный институт.

1942 — вступил в компартию Германии.

1942–1943 — учился в спецшколе Коминтерна в Башкирии.

1943 — принят в Научно-исследовательский институт № 205 при ЦК ВКП(б), работал диктором, редактором и комментатором на радиостанции «Дойчер фолькзендер» («Немецкая народная радиостанция, голос национального движения за мир»).

1944 — женился на Эмми Штенцер, дочери видного деятеля КПГ.

1945, май — вместе с женой возвращается в Германию, работает на берлинской радиостанции; специальный корреспондент в Нюрнберге, где Международный военный трибунал судил фашистских военных преступников.

1949, ноябрь — назначен советником посольства ГДР в СССР.

1951, август — отозван в Берлин и направлен в Научно-исследовательский институт экономических исследований (так первоначально называлась внешняя разведка ГДР), первая должность — заместитель начальника отдела внешней контрразведки.

1952, декабрь — поставлен во главе внешней разведки ГДР.

1953 — начальник Пятнадцатого (разведывательного) главного управления МГБ.

1954 — присвоено звание генерал-майора.

1965 — заместитель министра и начальник Главного управления разведки МГБ ГДР, ему присвоено звание генерал-лейтенанта.

1971 — в СССР награжден орденом Красной Звезды.

1976, май — развелся с первой женой Эмми и женился на Кристе Хайнрих.

1980 — присвоено звание генерал-полковника.

1986, октябрь — женился на Андреа Штингль.

Ноябрь — ушел в отставку.

1989 — опубликована его первая книга «Тройка».

4 ноября — выступает на грандиозном митинге в Берлине с призывом к радикальным реформам в ГДР.

1990, сентябрь — покидает Германию, опасаясь преследований; живет в СССР.

1991, сентябрь — просит убежища в Австрии, но принужден вернуться в Германию, где его арестовывают и отдают под суд.

1993 — судом Дюссельдорфа признан виновным в предательстве и приговорен к шести годам тюремного заключения. Приговор отменен.

1997 — признан виновным в незаконном удержании людей в неволе и причинении им вреда. Приговор: два года с отсрочкой исполнения; опубликовал мемуары.

2002 — вышла книга «Друзья не умирают».

2006, 9 ноября — Маркус Вольф умер в Берлине.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Вольф Маркус. Трое из 30-х. М., 1990.

Вольф Маркус. По собственному заданию. М., 1992.

Вольф Маркус. Игра на чужом поле. Тридцать лет во главе разведки. М., 1998.

Вольф Маркус. Друзья не умирают. М., 2004.

Вольф Фридрих. Годы и люди. М., 1988.

Богомолов А., Санников Г. Без протокола. М., 2010.

Квицинский Ю. А. Время и случай. М., 1999.

Кузьмин И. Н. Крушение ГДР и объединение Германии. М., 2002.

Млечина И. В. Игрушка времени и страха. М., 2010.

Модров Ханс. Я хотел жить в новой Германии. М., 2000.

Фалин В. М. Без скидок на обстоятельства. М., 1999.

Черняев А. С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М., 2008.